Юрий

Гинзбург

40 градусов в тени...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«40 градусов в тени» – автобиографический роман Юрия Гинзбурга. На пике своей карьеры герой, 50-летний доктор технических наук, профессор, специалист в области автомобилей и других самоходных машин, в начале 90-х переезжает из Челябинска в Израиль – своим ходом, на старенькой «Ауди-80», в сопровождении 16-летнего сына и чистопородного добермана. После многочисленных приключений в дороге он добирается до земли обетованной, где и испытывает на себе все «прелести» эмиграции высококвалифицированного интеллигентного человека с неподходящей для страны ассимиляции специальностью. Не желая, подобно многим своим собратьям, смириться с тотальной пролетаризацией советских эмигрантов, он открывает в Израиле ряд проектов, встречается со множеством людей, работает во многих странах Америки, Европы, Азии и Африки, и об этом ему тоже есть что рассказать! Обо всём этом – о жизни и карьере в СССР, о процессе эмиграции, об истинном лице Израиля, отлакированном в книгах отказников, о трансформации идеалов в реальность, о синдроме эмигранта, об особенностях работы в разных странах, о нестандартном и спорном выходе, который в конце концов находит герой романа, – и рассказывает автор своей книге.

- Юрий Гинзбург
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Принятые сокращения
  - ○ Пролог
  - ○ Глава 1
  - ○ Глава 2
  - ○ Глава 3
  - ○ Глава 4
  - ○ Глава 5
  - ○ Глава 6
  - ○ Глава 7
  - ○ Глава 8
  - ○ Глава 9
  - ○ Глава 10
  - ○ Глава 11
  - ○ Глава 12
  - ○ Глава 13
  - ○ Глава 14

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

Юрий Гинзбург
40 градусов в тени

– Как же вы едете в Израиль, там же 40 градусов в тени!
– Так не стойте в тени.

© Гинзбург Ю., 2020
© Siripong Jitchum, иллюстрация к обложке, 2020
© ООО «1000 бестселлеоов». 2020

Предисловие

Л. Н. Толстой однажды сказал: «Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Будет совестно сочинять про какого-то вымышленного Ивана Ивановича или Марью Петровну. Писатели… будут не сочинять, а только рассказывать значительное и интересное, что им случилось наблюдать в жизни».

Почему я написал эту книгу? Всё дальше и дальше от нас уходит двадцатый век, и всё меньше и меньше становится свидетелей той эпохи. Я родился в СССР в 1941 году и прожил там первые две трети жизни. Мне удалось застать в живых участников Великой Октябрьской революции, финской войны, Великой Отечественной войны и лично получить от них информацию об этих событиях.

Далее мне уже самому пришлось пережить смерть Сталина, переходный маленковско-булганинский период, оттепель Хрущева, брежневский застой, андроповщину, ракетно-космический расцвет, целину, покорение Енисея, горбачевскую перестройку и многое другое. Причем я жил не в относительно благополучных Москве и Ленинграде, а в самом что ни на есть провинциальном индустриальном городе Челябинске на Южном Урале. Во время жизни в СССР я побывал и поработал во всех концах великой советской страны – от Дальнего Востока и Чукотки до Балтийского моря и пустыни Кара-Кум.

Далее я пережил эмиграцию в Израиль – одно из явлений истории двадцатого века, до сих пор не получившего рационального объяснения, несмотря на множество публикаций и толкований. Никто не может исчерпывающе объяснить, почему в 1990–1991 годах полмиллиона советских высокообразованных профессионалов, которым ничего не угрожало, бросили абсолютно всё свое имущество, работу, культуру, страну и отправились в маленькое восточное государство, где первое время оказались в положении экономических рабов или военнопленных, захваченных вражеской армией. Во время жизни в Израиле я посетил и поработал в нескольких десятках стран, включая почти все европейские страны, страны Юго-Восточной Азии и Северной Америки.

Также в Израиле я наблюдал практическую аннигиляцию уникальной социальной прослойки, символизирующей лучшую часть советского еврейства, – инженерного корпуса, во многом благодаря которому в СССР была создана мощная

промышленность и разнообразные виды вооружений.

Конечно, главной задачей этой книги является описание эпохи и обстоятельств, в которых проходила моя жизнь, а не моей жизни лично как таковой. Естественно, что любая эпоха не может быть полноценно описана без раскрытия конкретной политической, экономической и культурной обстановки, ей присущей. Поэтому книга насыщена описаниями культурных и бытовых особенностей, включая состояние техники, с которой соприкасаются обычные люди в быту и жизни, географию и достопримечательности мест, которые я посещал.

Почти все эпизоды романа являются достоверным описанием моей биографии, а действующие персонажи являются реальными людьми, только с измененными именами (кроме здравствующих или покойных известных публичных деятелей), всякие совпадения тут случайны. Исключение составляют в основном некоторые амурные похождения, а, главное, также фрагмент, помещенный в конце произведения и связанный с разработкой городской крылатой ракеты, которые являются художественным вымыслом.

Принятые сокращения

Изрус – эмигрант (репатриант) из СССР после 1989 года

Смотрэм – смотрящий эмиссар – министр в израильском правительстве

Досидник – министр в израильском правительстве

Депмин – депутат-министр

Магриб – житель Израиля, выходец из азиатских или африканских стран

Экраб – экономический раб

Пракси – практический сионизм – идеология и практика в современном Израиле

Сиболт – сионистский болтун

Коммент-эр – комментарий для эрудитов

Фалпат – фалафельный патриот (аналогично российскому «квасной патриот»)

Пролог

Служебный телефон на вилле руководителя ШАБАКа зазвонил 5:30 утра в субботу

Коммент-эр: ШАБАК, или Шин-бет (аббревиатура Шерут ха-Битахон ха-Клалиб, ивр.) – Общая служба безопасности Израиля, деятельность которой направлена на контрразведку и обеспечение внутренней безопасности страны. ШАБАК подчиняется премьер-министру.

Ни страна, в которой это происходило, ни должность абонента отнюдь не располагали к большому удивлению временем звонка, которое, однако, наталкивало на серьезность побудительных причин. Звонил начальник полиции Тель-Авивского округа:

– У нас ЧП, взрыв на площади Рабина в Тель-Авиве.

Реакция главы ШАБАКа была абсолютно адекватной реакции любого израильтянина:

– Пострадавшие, разрушения есть?

– Представляешь, ничего – взрыв произошел, все-таки, в 4:30 утра точно посредине площади!

– Ну а что ты звонишь во все колокола? Кто привел в действие взрывное устройство, какова сила взрыва, кто-нибудь кого-нибудь видел, есть смертник, есть остатки взрывного устройства – что это было?

– Ох, Хаим, какое-то нехорошее у меня чувство. Всё очень странно, никто никого и ничего не видел, и, что интересно, нет никаких остатков взрывного устройства на месте взрыва. Такое ощущение, что организаторы взрыва стремились избежать жертв и специально озаботились уничтожением следов этого устройства. Всё это выглядит, как будто взорвалась какая-нибудь бомба или невесть как прилетевшая ракета.

– Ладно, давай не будем горячиться и поднимать ненужный шум раньше времени, соберите все свидетельства и свидетелей взрыва, свяжитесь с ПВО, тщательно обыщите всю площадь, привлеките ракетчиков из «Таасии Авирит»[1], взрывников для исследования следов газов от взрыва на площади. И в три часа всех релевантных людей – много не надо, своих я сам соберу – прошу ко мне на совещание, но только не в офис, а на мою виллу – сегодня же суббота, опять досы[2] привяжутся…

– Премьера пока трогать не надо – сначала попробуем разобраться, а вот своему генеральному инспектору, конечно,

сообщи.

Уснуть руководитель ШАБАКа больше не смог… Все-таки странная история, прецедентов что-то не припоминалось.

К трем часам на виллу в Кейсарии съехались гости: ранее звонивший начальник Тель-Авивского округа полиции, начальник Департамента по арабским делам, замначальника Департамента по неарабским делам, замначальника соответствующего полицейского округа Тель-Авива, несколько ответственных сотрудников ШАБАКа и два эксперта по планирующим бомбам и ракетам из «Таасии Аверит». Начальник полицейского округа Тель-Авива сжато изложил ситуацию.

Примерно в 4:30 утра один подвыпивший русский бомж, спящий на скамейке возле здания мэрии, услышал свистящий и шипящий звук и увидел некий предмет, похожий, по его словам, на камбалу, спускающийся на площадь, а затем увидел вспышку и услышал взрыв. Поскольку всё это длилось доли секунды и предмет падал с небольшой высоты, достоверность этого свидетельства была весьма относительной.

Специалисты по взрывному делу высказали идею, что взрывчатка была распределена по всей длине летательного аппарата, по-видимому для того, чтобы уничтожить все его участки. Из ПВО сообщили, что никакие летательные аппараты над Тель-Авивом этой ночью замечены не были, как и не были зафиксированы пуски ракет. Судя по следу на площади, в качестве взрывчатого вещества была использована лента из пластита, уложенная вдоль устройства. Тротиловый эквивалент установить было затруднительно. На площади было найдено несколько металлических обломков, один из которых похож на выхлопную дюзу реактивного двигателя.

Но самой интересной находкой явился неповрежденный небольшой металлический цилиндр. Его обследовали в рентгеновских лучах, следов взрывчатки не нашли и вскрыли. Металлографический анализ показал, что цилиндр изготовлен из вольфрамово-ванадиевого сплава, обычно предназначенного для изготовления лопаток реактивных двигателей. За тугоплавкой стенкой цилиндра находился керамический изоляционный слой, в полости которого лежала записка, напечатанная на стандартном лазерном принтере. В записке на английском языке было написано следующее:

«Господа, мы понимаем, что вы сейчас ломаете голову над тем, что означает этот взрыв. А означает он следующее. В Палестинской автономии разработан новый вид высокоточного неуязвимого оружия (видите, оно попало в центр площади Рабина), что вы должны учитывать в вашей дальнейшей

политике».

Подписи не было.

Общий вывод был такой: сильно похоже на маленькую крылатую низколетящую ракету, но кто ее сделал и где, черт возьми, арабы ее достали?

– Господа, вопрос серьезный, – сказал руководитель ШАБАКа, – надо докладывать премьеру.

На том и разошлись.

Около одиннадцати часов утра того же дня черный «Опель-Астра» с сербскими номерами притормозил в столице Боснии и Герцеговины городе Сараево на набережной Аппель перед Латинским мостом через речку Миляцку (где примерно в те же одиннадцать часов утра был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд, что послужило толчком для начала Первой мировой войны). Поскольку дорога в этом месте достаточно узкая и с одной стороны ограничена речкой, водитель свернул в переулок возле музея, посвященного этому событию, и припарковался на ближайшей стоянке. Затем водитель – плотный, немолодой, совершенно седой человек с дипломатом в руках – вышел из машины и вернулся к музею. В тот же момент туда подошел стройный мужчина арабского вида тоже с дипломатом в руке. Молодой обратился к пожилому:

– Игорь, сразу скажу: всё прошло по плану, всё отлично!

Пожилой ответил:

– Хорошо, Амир, пойдем посидим тут в одном заведении, где готовят совершенно потрясающие маленькие кебабы – кебабче из смеси свиного мяса и говядины, жаренные на решетке. Я ведь много раз бывал в Сараево и очень люблю это место.

Стоял европейский октябрь с легким теплым дождиком, время было дообеденное и в кебабной почти не было посетителей. Мужчины сели за угловой столик и заказали себе фирменное блюдо. Дальше разговор продолжался на английском, поскольку пожилые жители бывшей Югославии русский язык худо-бедно понимали, а собеседники не хотели, чтобы их слушали.

Молодой человек открыл дипломат и показал содержимое пожилому:

– Деньги можете не пересчитывать, я вчера вечером пересчитал на всякий случай – вы же знаете нашу публику!

Пожилой забрал дипломат араба и передал ему свой:

– Тут вся документация.

– Куда вы теперь?

– Я вернусь в Белград, у меня там еще дела, а потом рейс в Тель-Авив.

– Счастливого пути, Игорь, до встречи в Израиле.

Игорь вернулся на стоянку, сел в машину и двинулся в Белград.

Глава 1
Расторжение

В середине октября 1991 года в славном уральском городе Челябинске прохожие и проезжие могли наблюдать достаточно любопытную для этих мест картину По московскому тракту (так в Сибири и на Урале называют магистральные шоссе) двигалась процессия из двух автомобилей. Передний был черной «Волгой ГАЗ-24» с работающей «мигалкой» на крыше, за рулем которой сидел немолодой человек с седеющей шевелюрой и очень грустными глазами, по имени Анатолий Садовский. Вторая машина была довольно пожилой «Ауди-80» (модели 1981 года), зелено-коричневого цвета, однако отлично покрашенной и отполированной. За рулем сидел профессор Игорь Гольд, а рядом с ним светловолосый широкоплечий юноша шестнадцати лет – его сын Ян. Заднее отделение салона было загружено до нижней кромки стекол, а поверх всех вещей возлежал большой для своей породы и очень мощный доберман коричневого цвета по имени Юнг. Юнг привык ездить в машине и совершенно спокойно реагировал на всё происходящее, периодически открывая один глаз. На машине красовался совершенно блатной советский международный белый номер 00009. Вся честная компания ехала прямо в Израиль.

Вчера кончилось великолепное уральское бабье лето, сегодня с утра накрапывал мелкий, пока еще теплый дождь, что в здешних краях уже означало скорый приход холодной и мокрой осени, которая в начале – середине ноября неплавно переходила в зиму. На демонстрацию 7 ноября, в годовщину Октябрьской революции, граждане уже обычно выходили в зимних пальто и шапках.

Где-то в двадцати километрах от города обе машины остановились на обочине, оба водителя вышли, обнялись, поцеловались, смахнули скупую слезу и вернулись в свои машины. Дождь усилился. «Волга» развернулась и поехала обратно в сторону города, а «Ауди» продолжила свой путь в сторону Москвы. Гольд и Садовский были знакомы с детского сада, и их 45-летняя дружба заканчивалась в эту минуту навсегда, как им казалось. В те времена переезд в Израиль был эквивалентен полету на Марс с запасом топлива в ракете на полет в одну сторону, и друзья думали, что такая ситуация сохранится навеки.

Из-за мокрой дороги и дождя Гольд ехал не так быстро, хотя дорога была ему хорошо знакома. Машина приближалась к

перевалу через невысокие Уральские горы, поросшие смешанным лесом, в районе старинного города русских оружейников и металлургов Златоуста, ветер срывал пока еще богатую желтую листву с деревьев, листья кружились в воздухе и падали на ветровое и боковые стекла и капот. Машина шла как бы в золотом, быстро меняющемся покрывале, из-под которого ей никак не удавалось вырваться. Сын и Юнг тут же уснули, и профессору хорошо думалось под размеренный стук стеклоочистителей. Возможность спокойно и не спеша подумать представлялась ему в прошлой жизни крайне редко. Прошедшая жизнь виделась профессору в виде автогонки по дороге с крутыми виражами, с кратковременными остановками для дозаправки. А подумать было о чем – тяжелые мысли одолевали профессора. Бросить всё: хорошую и престижную работу, три квартиры в центре города (свою, матери и дочки), дачу на озере, гараж в центре города, друзей, закадычную подругу и переться в Израиль, который, кроме апельсинов и женских купальников, ничего не производил и не экспортировал. Советских евреев охватило коллективное помешательство, профессор это понимал, но сделать с собой уже ничего не мог – стадное чувство пересиливало.

Жена Дана с матерью Викторией уехали на поезде в Израиль месяцем раньше из Москвы с семьей близкого друга Гольдов – профессора Володи Шаинского, московского математика с мировым именем. Дочка с новорожденной внучкой и мужем уже год, как жила в Израиле и присылала достаточно позитивные письма. Профессор называл их «прелестными» – на старорусском языке слово «прелестный» означало «прельщающий», от корня «прельщать». Дело еще было в том, что за самое последнее время профессор получил несколько свидетельств тому, что иммиграция в Израиль тогда для него была чистым безумием. Однажды, будучи в командировке в Москве (профессор работал до последнего дня перед отъездом) и идучи по какой-то надобности по центру города, профессор прошел по Большой Ордынке и заглянул на «еврейскую» барахолочку. Там бойко торговали словарями, различной литературой по еврейской тематике, темными очками, бейсболками и прочей дребеденью. Профессор вдруг увидел и купил несколько необычную для этого места книгу на английском языке «Research and development in Israel – R&D» («Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в Израиле – НИОКР»).

Продавец был доволен чрезвычайно – книгу ему никак не удавалось продать, а уж как был доволен покупатель – слов нет. В книге перечислялись все фирмы и университеты, имеющие

подразделения по проведению НИОКР, и описывались эти подразделения. Профессору с книгой реально повезло.

Гольд днем забежал домой – жил он в Москве у двоюродной сестры Любы, работавшей преподавательницей английского языка в Московском автодорожном институте, – оставил книгу и вернулся в город по делам. Люба была дома и просмотрела эту книгу первая.

Когда вечером профессор пришел домой, сестра встретила его словами:

– Я же говорила, что вы все сумасшедшие, куда вы едете? Израиль – это же глухая деревня, Верхняя Вольта с атомной бомбой… Что вы будете там делать?

После прочтения на следующий день этой замечательной книги профессор пришел в ужас и немедленно договорился о встрече с Шаинским.

– Володя, что делать? По-моему, иммиграция советских евреев в Израиль – это великая авантюра, основанная на учении доктора Геббельса: это косвенный обман сотен тысяч людей такого масштаба, что обычный человек не может даже поверить в то, что можно блефовать с такой наглостью.

Дело было в том, что не было на тот момент в живой природе более неподходящего состава иммиграции в Израиль, чем состав советских иммигрантов 1990–1991 годов. Это были в массе своей интеллигентные, образованные люди из крупных промышленных и культурных центров, в основном представители единственного во всем мире отряда евреев технических специальностей: металлурги, авиа– и автостроители, судостроители, горняки, геологи, нефтяники, мостостроители, железнодорожники… В США и других развитых странах евреи – это, как правило, врачи, программисты, бизнесмены, адвокаты, деятели литературы и искусства, наконец, ученые в области фундаментальных наук. В силу ряда обстоятельств, начиная с довоенных времен, советские же евреи заняли ведущее место среди работников инженерно-технических специальностей в Союзе и во многом удерживали это место к моменту массовой иммиграции. Конечно, также в составе иммигрантов было много музыкантов, артистов, режиссеров и врачей, и всем им, за исключением, пожалуй, врачей, места в крохотном Израиле найтись не могло по определению. Надо заметить, что к началу 1990-х фактически все эти люди занимали серьезные должности и были весьма материально обеспечены по советским понятиям (квартиры, дачи, машины и пр.).

– Ну не кипятись ты. Как будто американцы это не понимали, когда в позапрошлом году «закрывали» Америку? Явно расчет идет на то, что американцы активно начнут развивать в Израиле

соответствующие отрасли промышленности, чтобы задействовать советскую иммиграцию! Ты думаешь, они не знают, что большинство из тех, кто выезжает в последнее время, ни в какой Израиль ехать не собирались, – что это вынужденное решение в связи с невозможностью достичь Америки?

Володя был интересным человеком, помимо математики он также занимался горным туризмом и альпинизмом и по этой линии был знаком с некоторыми именитыми коллегами из других стран. Он также часто ездил во многие страны и на различные математические симпозиумы и конференции и периодически читал курсы лекций в иностранных университетах. Соответственно, в компании Игоря он имел высокий авторитет в части «иностранной» жизни. В довершение всего он незадолго перед отъездом развелся с женой и женился на даме по имени Ольга, у которой в советском паспорте в графе «национальность» стояло «англичанка». Ее папа приехал из Англии в СССР в 1930-е годы строить социализм, женился на русской женщине и прожил до смерти в Москве. Ольга впоследствии вышла замуж за русского мужчину, у них родился сын Олег, которому к моменту отъезда в Израиль было пятнадцать лет. Лет за пять перед знакомством с Володей она развелась с мужем и воспитывала сына одна. С биографией Ольги был связан забавный эпизод в израильском консульстве в Москве. Игорь и Володя вместе пришли оформлять документы и, постояв в очереди, одновременно подошли к разным окошкам. Игорь быстро всё оформил и подошел к Володе.

Он сказал ему на русском языке:

– Ну что ты волынишь, в моем окошке уже третий посетитель оформляется.

Оказалось, что немолодой израильский чиновник понимает русский язык. Подняв голову, он с укоризной взглянул на Игоря и с сильным акцентом сказал:

– А что ви хотеть… у вас хороший приятель… он еврей, жена англичанка, а их сын русский. И я должен это бистро оформлять ехать в Израиль!

В глубине души Игорь сильно сомневался в крепости Володиных рассуждений. Но антиинфарктный принцип «Если вы не можете делать то, что вам нравится, то старайтесь делать так, чтобы вам нравилось то, что вы делаете» сыграл роль. И друзья на этом остановились. В то время они и подумать не могли, что весь этот перепуск советских евреев мимо Америки в Израиль – не великий и продуманный план гениальных израильских и американских политиков и администраторов, а результат деяний одного политмахинатора – выходца из России Яши Кедми (в девичестве Казакова) – функционера и позже директора

организации «Натив», совершенных при полной поддержке тогдашнего премьер-министра Израиля Шамира и парочки американских сенаторов-евреев.

Коммент-эр: «Натив» (ивр., «Лишкат ха-Кешер») – бюро по связям с евреями СССР и Восточной Европы. В переводе с иврита означает «путь, тропа». «Натив» занимался легальной сионистской пропагандой и полулегальной разведывательной деятельностью в Советском Союзе и в других странах Восточной Европы с целью обеспечения иммиграционного потока евреев в Израиль.

Когда Игорь рассказывал эту историю позже в Израиле, как соотечественникам, так и коренным израильтянам, то тогдашняя наивность и детский идиотизм основной массы советских евреев того времени неизменно вызывали у всех «долгоиграющий» смех.

Имел место и второй эпизод из этой оперы, который также весьма насторожил профессора. Первые семь лет профессор, как было принято в то время (до 1955 года), учился в мужской школе. В 1955 году в СССР было введено смешанное обучение, и в восьмом классе профессор с группой мальчиков был переведен по месту жительства в бывшую женскую школу № 1, считавшуюся самой элитной школой в городе. Школа находилась в непосредственной близости от так называемого городка МВД, построенного перед войной в классическом сталинском стиле. Каре с каждой стороны длиной в квартал из добротных восьмиэтажных домов было замкнуто и имело по два-три входа, закрываемых мощной решеткой, во двор с каждой из четырех сторон. В подъезды же домов можно было попасть только со двора. На обеих сторонах подъездов на первом этаже были оборудованы помещения с узкой лестницей на верхние этажи, в которые вел ход из подъезда. В помещениях были прорезаны узкие окна, сильно напоминающие бойницы. Таким образом, закрыв входы во двор и поставив в боковые помещения по парочке станковых пулеметов, круговую оборону можно было держать достаточно успешно. В городке жили высоко– и среднепоставленные сотрудники различных правоохранительных органов, и, соответственно, не менее половины учеников класса профессора были их детьми, с которыми Игорь поддерживал достаточно дружеские отношения. Нет нужды говорить, что многие из них по окончании школы выбрали профессию родителей. Незадолго до отъезда в Израиль Игорь встретил на улице своего соученика Сашу Филатова, который, по слухам, сделал быструю карьеру в КГБ и уже имел звание полковника.

– Ну, дорогой, сто лет мы не виделись, я слышал, ты уже

доктор, профессор… и всё у тебя путем, – приветствовал соученика Филатов.

– Да и ты, Саня, ходят слухи, уже не лейтенант, получил полковника… – отвечал профессор.

– Ох, правда, время идет! – вздохнул Филатов – Что это ты в Израиль намылился, чем тебе здесь плохо?

Было смешно спрашивать полковника КГБ в относительно небольшом городе, откуда он это узнал, и профессор сразу попытался изложить причины своего отъезда. Начал он с разгула антисемитизма: ползли слухи о готовящихся погромах, «Память» открыто устраивала «антисионистские» демонстрации, в почтовых ящиках евреев появлялись письма с угрозами и т. п.

Тут надо сказать, что профессор обо всем этом знал только из газет и телевидения – в Челябинске ничего подобного не происходило, – и Филатов его тут же разоблачил:

– Тебе что-нибудь подбрасывали, у нас что, были погромы? Хотя бы одного еврея пальцем тронули где-либо? Не было и не будет этого, мы не допустим. Игорь, имей в виду, никаких указаний сверху выдавливать евреев нет. Правда, нет и указаний прижать «Память» – пусть себе резвятся, реальной никакой угрозы от них мы пока не видим. И главное, вот что я тебе скажу, это ваши заигрывают с «Памятью» и другими антисемитами, чтобы вас напугать и заставить иммигрировать. Ты, может, слышал про такую контору «Лишкат ха-Кешер», или «Натив»? Это израильская лавка при ихней госбезопасности, ее задача – вытаскивать евреев из всех стран, в основном из Союза. Так вот, эта лавка тайно даже финансирует «Память», про подбрасывание запугивающих писем в ящики я уже и не говорю, это непосредственно делают активисты «Натива». Вас ведь если не напугаешь, так вы и не поедете – вам и тут хорошо. Кстати, должен тебе заметить, что тебя чуть не придержали насчет выезда у нас в конторе: много знаешь, чуть ли не единственный доктор и профессор по такой специальности – не считая тех, – Саша махнул в сторону Миасса[3].

Профессор начал оправдываться:

– Так я всё… как положено – допуск сдал три года назад, ничего не знаю…

– Ой, не надо, допуск сдал и ничего не знаешь. Я посмотрел состав совета, где ты защищал докторскую: председатель – генерал, оппоненты твои – генералы, а члены совета – полковник на полковнике, а ты всё вдруг взял и забыл.

– Саша, так они не полковники!

– А кто?

– Они все инженеры-полковники!

– Ты всё шутишь. Да ладно, у нас перестройка. Успехов тебе!

Игорь и Александр тепло попрощались и разошлись. Профессор был несколько шокирован, однако он не поверил ни одному слову Филатова насчет «Лишкат ха-Кешер» и решил, что это злонамеренные выдумки КГБ, как уже неоднократно бывало в советской истории. Но с другой стороны – зачем Филатов будет это выдумывать, разговаривая с профессором один на один?.. Все это как-то уж очень дурно пахнет. Позже, прожив несколько лет в Израиле и восприняв сущность израильского практического сионизма, профессор вспомнил слова Филатова и понял, что это еще как могло иметь место. Правоту Филатова насчет «Памяти» подтвердила и последующая российская практика тех лет, реальная роль антисемитизма в России в то время была весьма мала: на выборах 1990–1991 годов антисемитские партии и кандидаты практически нигде не были избраны.

Массовый исход миллиона советских евреев (особенно первого полумиллиона) и их иммиграция прямым ходом в экономическое и социальное рабство в Израиле остались не до конца объяснимым явлением навсегда.

Профессор сел за руль на второй месяц после того, как ему исполнилось восемнадцать лет, и к моменту иммиграции уже имел стаж тридцать два года непрерывной езды в разнообразных условиях. В бардачке его «Ауди» лежали права на вождение легковых автомобилей, вэнов и легких грузовиков, права на вождение тяжелых грузовиков, права на вождение мотоцикла, права на вождение трактора и права на вождение танков и других тяжелых военных машин.

«Ну, в случае чего пойду в Израиле шофером», – думал профессор…

В молодости, после окончания института, профессор занимался раллийным автоспортом и был штурманом в одном из экипажей сборной города по ралли. Он окончил автотракторный факультет, где, кроме прочих, была специальность «эксплуатация автомобильного транспорта», выпускники по этой специальности по окончании института становились заведующими и главными инженерами больших автохозяйств и гаражей, меняя на этих постах старую, недипломированную гвардию практиков. Так и его закадычный дружок Толя Садовский стал главным инженером городского таксомоторного объединения и среди прочих обязанностей курировал гоночную команду объединения. Надо заметить, что в те времена автогонками в основном, по понятным причинам, занимались таксопарки и крупные автопредприятия: у них были машины, технические возможности по их подготовке и классные водители. Экипаж автомобиля в ралли состоит из двух человек: пилота – основного водителя и штурмана («второго

водителя»), отслеживающего курс движения экипажа по маршруту и осуществляющего расчеты скорости движения и времени. Обязанности по непосредственному управлению автомобилем члены экипажа самостоятельно распределяют между собой. С грамотными штурманами дело обстояло не очень, и Садовский быстро вовлек Игоря в раллийный спорт, прежде всего в качестве штурмана.

Коммент-эр: ралли – вид автогонок, проходящих на открытых или закрытых трассах на модифицированных или специально построенных автомобилях. Этот вид гонок отличается тем, что заезды главным образом прокладываются по автомобильным дорогам общего пользования, в формате «из пункта А в пункт Б» с прохождением контрольных точек. На максимальной скорости гонщики едут только на специально перекрытых скоростных участках (их обычно называют ДОПами).

Когда профессор читал письма своих знакомых и бывших коллег, уехавших в Израиль годом раньше, в которых назывались стоимости автомобилей в Израиле, он понимал, что, даже если он получит свою долю от проданной евреями России (как утверждала «Память» и другие антисемиты), ему машины не купить. Профессор уже как-то свыкся с мыслью, что по приезде в Израиль он будет бездомным и безработным, но мысли о том, чтобы быть безлошадным, он категорически не допускал. Отсюда и родилась идея поехать в Израиль на машине. Но машину-то надо было везти какую-нибудь иностранную – не на «Жигулях» или «Москвиче» же ехать! В то время в Союзе уже продавались импортные автомобили (например, в Риге был большой автомагазин, и цены там были вполне приемлемы). Но машины продавались за доллары или марки, а долларов у профессора не было. При покупке их на черном рынке всех денег профессора, вырученных за дачу, гараж, мебель и прочую утварь, едва бы хватило на покупку четырех колес без автомобиля. Выход был один – купить подержанную машину. Проще всего было купить японскую праворульную машину, уже в то время их достаточное количество продавалось на Дальнем Востоке, а параметры и качество этих машин были весьма высокими. И тут подвернулся интересный вариант. Двоюродный брат профессора из Ленинграда много лет назад окончил Челябинское училище авиационных штурманов, и Игорь знал многих его соучеников, часть которых осталась служить на Урале. Он встретил на улице города одного из них, который уже был полковником, и разговорился с ним. Узнав, что профессор ищет импортную

машину, полковник почесал затылок и сказал:

– Игорь, недели через две из Хабаровска пойдет к нам транспортный борт. Ты можешь купить машину в Хабаровске, а я сделаю тебе ее доставку на самолете. Но, само собой, придется ребят стимулировать.

Игорь полетел в Хабаровск, купил там подержанный праворульный «Ниссан-Пульсар» и отправил его в Челябинск. Несколько месяцев они с Даной получали удовольствие от езды на современной японской машине, обильно оснащенной разными гаджетами (конечно, этого слова тогда в российском обиходе не было). Дане особенно нравился похоронный марш, который автоматически исполнялся на скорости более 120 километров в час.

Однако существовала опасность, что в Израиле эксплуатация праворульных машин запрещена, и профессор написал письмо в израильское министерство транспорта. К своему величайшему удивлению (которое возросло на порядок – в десять раз, когда он пожил некоторое время в Израиле и ознакомился с работой израильских учреждений), профессор получил ответ на английском языке, свидетельствующий, что праворульные машины ввезти в Израиль нельзя. В письме было также написано, что приезд в Израиль на машине вообще особого смысла не имеет, поскольку в Израиле полно дешевых и хороших автомобилей – видимо, имелась в виду скидка, предоставляемая иммигрантам при покупке машины. Но Игорь об этой скидке тогда не знал и решил, что это милая шутка израильского чиновника на грани издевательства. Не ожидая от министерства ответа, Игорь созвонился с тогдашним израильским торговым представителем в Москве Юрием Штерном. Юрий оказался чрезвычайно приятным, очень эрудированным и умным человеком, с которым собеседники обсудили не только и не столько вопрос праворульных машин, сколько абсорбцию большого количества ученых и инженеров в Израиле. К сожалению, сказать, что этот разговор успокоил профессора в части обоих вышеуказанных вопросов, никак было нельзя. Юрий подтвердил информацию из министерства, и «Пульсар» пришлось продать.

Слова «алия» (репатриация) и его производных «оле» (репатриант) и «олим» (репатрианты) профессор не любил и мало употреблял – он считал их неуклюжей выдумкой сионистских пропагандистов: какая там алия, какое там возвращение на родину предков – что, его бабушка или дедушка жили в Израиле? Ближайшие родственники могли там жить две тысячи лет назад, да и это под вопросом. Причем мозги пудрят в основном русским

евреям, поскольку по-английски «репатриант» – это «New immigrant». Великий трансфер советских евреев в Израиль в 1990-х годах – это чистой воды эмиграция (выезд) и иммиграция (въезд).

Чтобы купить подержанную леворульную иномарку, профессор с одним знакомым одесско-челябинским евреем отправился на одесскую барахолку. Там он и нашел свою «Ауди», которую продавало почтенное семейство баптистов (на барахолке были отец и сын), специализирующихся на спекуляции подержанными машинами из Германии. С немецкой стороны действовала целая организация, состоящая из местных баптистов, которые подыскивали для советских баптистов подходящие машины. Бизнес был чрезвычайно выгодным, поскольку цены даже на подержанные европейские машины были в СССР в то время нереально завышенными – так, профессор заплатил за свою машину в четыре раза больше, чем стоили новые «Жигули». Наше баптистское семейство проживало в Тирасполе, и когда баптист-отец узнал, для чего покупается машина, он пригласил профессора к себе в Тирасполь, обещая за пару дней подготовить машину к путешествию и дать в придачу некоторые запчасти и пару неновых фирменных шин.

Наша парочка приехала в Тирасполь и уже оттуда на машине вернулась в Челябинск. Надо сказать, что обстановка в Тирасполе, преимущественно населенном русскими и украинцами, была в то время весьма напряженной. В мае 1989 года был создан «Народный фронт Молдовы», объединивший в себе ряд националистических организаций. В противовес ему в Приднестровье возникло «Интердвижение», позже получившее название «Единство». Военное противостояние между молдаванами и приднестровцами началось в марте 1992 года, а в 1991 году в городах и районах Приднестровья шли референдумы по вопросу образования Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики. Это вызывало резкий протест у молдавской части населения, среди которой значительную популярность получили прорумынские настроения, – ее целью было присоединение Молдавии к Румынии. В городе кое-где висели «симпатичные» лозунги: «Молдаване и румыны, объединяйтесь: Молдавия – для молдаван, русских – за Днестр, евреев – в Днестр». Когда профессор увидел впервые такой лозунг, он сказал спутнику:

– Аркадий, знаешь что, давай-ка заедем на пляж и искупаемся в Днестре, тем более что призывают!

Вообще-то, профессор был человек не робкого десятка, а его спутник и вовсе воевал в Афганистане, однако езда по

молдавским дорогам была в то время достаточно неприятна, и наши путешественники, как выражался Жюль Верн в своих приключенческих романах, вздохнули с облегчением после пересечения украинской границы на одесском шоссе.

Конечно, подобные покупки без обмана не обходятся, и купленная «Ауди» отчаянно жрала масло в дороге. Меняясь за рулем, профессор с Аркадием проехали три тысячи километров за два с половиной дня – через Харьков, Воронеж, Самару, Уфу – и к вечеру на третий день путешествия въехали во двор Игоря в самом центре Челябинска. Говорят, что нет телепатии: жена профессора уже стояла на балконе и, увидев такую роскошную по местным понятиям машину, подняла вверх большой палец. Поднявшись домой и отдав сыну ключи от машины, профессор с женой и попутчиком сели за стол и выпили по паре рюмок «Арарата» – ходила шутка, что есть три великих армянских коньяка на букву А: «Арарат», «Ани» (древнее название Армении) и «Асобый».

В те времена оставлять на улице любую машину, а тем более такую, было небезопасно и не принято, и на следующий день с утра профессор отогнал ее на ремонт и обслуживание к своим немецким приятелям. В Металлургическом районе Челябинска компактно проживало много немцев, оставшихся там после строительства металлургического комбината во время войны. В начале девяностых они составили компанию евреям и массово эмигрировали в Германию.

Коммент-эр: вождь всех народов тов. Сталин в 1941 году, после начала Отечественной войны, произвел тотальную депортацию (около полумиллиона) немцев из Автономной Республики Немцев Поволжья в отдаленные районы Сибири, Казахстана и Средней Азии. Впоследствии было депортировано всё немецкое население СССР (всего в Союзе было депортировано около миллиона немцев). В 1942 году были организованы немецкие «трудармии», которые использовались при строительстве многих заводов, на лесозаготовках, в рудниках и т. п. В годы войны в Челябинске на строительстве металлургического комбината работало более 30 тысяч немцев, а также финнов, румын, болгар, венгров и чехов. Их называли «трудармейцами», но фактически это был тот же ГУЛАГ: колючая проволока, непосильный труд, голод, болезни… Немецкие «трудармии» были расформированы в 1947 году, но только в 1956 году советских немцев полностью восстановили в гражданских правах.

Излишне говорить, что квалификация этих немцев, их

аккуратность и ответственность в практически всех рабочих специальностях (а они были в основном механиками, портными, ремонтниками и т. д.) была выше, чем остального населения. Поэтому на протяжении многих лет уход за своими автомобилями профессор доверял только двум немцам: Адаму Адамовичу – за двигателем, и Ивану Ивановичу – за шасси. Вот эти два замечательных специалиста и готовили «Ауди» к поездке, правда, сыну профессора пришлось пару раз слетать в Ригу за запчастями. Поэтому Игорь был спокоен за техническое состояние своего автомобиля. Его волновала другая опасность: на дорогах в России было небезопасно, повсеместно орудовали бандитские шайки, грабившие автомобилистов и отбирающие хорошие машины. Времена были смутные.

Коммент-эр: 18 августа 1991 года был создан Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), куда вошли ряд партийных функционеров и руководителей из ЦК КПСС, правительства СССР, армии и КГБ. ГКЧП объявил чрезвычайное положение в Москве, приостановил деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, запретил митинги, уличные шествия и демонстрации. В свою очередь, глава РСФСР Ельцин подписал указ «О незаконности действий ГКЧП» и начал мобилизацию своих сторонников. 24 августа Горбачев сложил с себя полномочия генсека КПСС. Начался процесс развала СССР, большая часть населения Союза тогда фактически этот развал поддержала. На территории некогда единого государства начали одна за одной вспыхивать малые войны, экономика большинства республик пришла в упадок, резко выросла преступность, и стало быстро сокращаться население. В историю ворвались «лихие девяностые» – время бандитского накопления капитала, расслоения общества и тотального безвластия.

Профессор нигде не останавливался на шоссе, путники ночевали только в относительно оживленных мотелях, бензином заправлялись на людных заправках. Путь в Израиль, согласно плану, лежал через Одессу, откуда путешественники намеревались переплыть на пароме в Болгарию. Из Болгарии они намеревались проехать в северную часть Турции, пересечь страну и отплыть из какого-либо южного турецкого порта на Кипр. На Кипре компания собиралась сесть на паром, следующий из Афин в Хайфу с заходом на Кипр. Билеты на паром в Болгарию из Одессы Игорь заказал из Челябинска по телефону. Невдалеке от Одессы Игорь с сыном слегка заблудились и заехали в Джанкой.

Пришлось ехать через довольно узкий Перекопский перешеек, соединяющий Крымский полуостров с материком, через места ожесточенных боев как во время революции (1920 год), так и во время Великой Отечественной войны. Профессор вспомнил Маяковского: «…саперами Крым перекопан, Врангель крупнокалиберными орудует с Перекопа…»

Крупнокалиберными и даже мелкокалиберными, слава Богу, никто не орудовал, но туман был совершенно бетонный, противотуманные фары «Бош», которые профессор достал по большому блату перед отъездом, светили как ручной фонарик на аэродроме, напряжение было огромное, настала ночь, темнота в сочетании с плотным туманом обеспечивала особое удовольствие при езде. Профессору потребовалось всё мастерство для «стремительного» передвижения со скоростью пять километров в час, ехали всю ночь – тридцать километров преодолели за восемь часов. Еле доехали до Херсона, там остановились в первом попавшемся дворе и уснули в машине сидя (Юнг, который всю дорогу через Перекоп бодрствовал, чувствуя опасность, конечно, спал лежа). Проснулись часов в двенадцать дня. Дорого пришлось заплатить за пропущенный поворот на Одессу перед Крымом, и профессор вспомнил такую байку. Известного писателя Сименона однажды спросили корреспонденты: «Почему ни в одном из многочисленных детективных романов комиссар Мегрэ не водит машину? Трудно предположить, что у него не было водительских прав». Сименон ответил: «Мегрэ непрерывно думал о поимке преступников, а напряженно думающий человек – плохой водитель. Поэтому он не считал возможным садиться за руль».

Оставшиеся двести километров преодолели за три часа и к вечеру были на месте. Игорь остановился в частном домике на Пролетарском бульваре (до революции и ныне – Французский бульвар), где было место для хранения машины во дворе под окнами, однако хозяйка категорически отказывалась приютить у себя собаку. Поэтому сын с Юнгом поселился у знакомых в многоэтажном доме с большим парком по соседству, в котором можно было собаку выгуливать.

Профессор раньше бывал в Одессе: пару раз они отдыхали тут с женой, а пару раз он был в командировках. Осенью 1991 года город было не узнать: грязные улицы, облупленные и некрашеные дома, обрывки плакатов на рекламных досках, выбоины на асфальте. На каждом углу располагались стихийные микрорынки, где продавали всё что угодно: копченую скумбрию, видеокамеры «Панасоник», охотничьи ножи, картошку, японские нейлоновые женские платки и прочий ширпотреб. Однако дюк Ришелье стоял на месте, оперный театр выглядел неплохо – в общем, очарование

этого знаменитого города как-то сохранилось.

Рано утром Игорь уже был в грузовом порту. В диспетчерской черненькая одесситка лет сорока пяти с очень заметными следами былой красоты жизнерадостно сообщила, что их бронь на паром из Одессы в Варну в целости и сохранности, однако отплытие задерживается дней на пять из-за отсутствия груза для перевозки в Болгарию. С учетом того, что Игорь прибыл в Одессу с двухдневным запасом, пребывание в Одессе затягивалось на неделю. График поездки срывался. Профессор тяжело вздохнул:

– Что же делать? Может, есть другое судно?

Диспетчер с жалостью взглянула на Игоря:

– Вы шутите, мужчина, это вам не старые времена, и на этот корабль груза нет! И шо вы нервничаете, посмотрите, какая погода, а какие дыни, – она показала в окно на ларек, где шла вялая торговля дынями. – Отдыхайте себе, сходите в оперный театр – сезон уже начался, пригласите меня…

«О, валентная девушка!» – подумал Игорь.

Жена учила профессора опознавать валентных женщин по взгляду и выражению лица, но он, в отличие от нее, в этом деле не очень преуспел.

– Да ну… я-то вам зачем? Вы симпатичная нестарая женщина, работаете в порту – от мужчин тут, наверно, отбоя нет.

– Ну, знаете, всем давать – сломается кровать!

«Вот это одесский юмор», – подумал профессор и попрощался с веселой одесситкой.

– Телефон у вас есть, звоните, меня зовут Марийка, – сказала диспетчер. – Вдруг груз привезут раньше, но это вряд ли.

Профессор был, несмотря на относительно небольшой рост, весьма импозантным мужчиной с красивыми волнистыми седеющими волосами и серыми глазами, к тому же он был очень начитанной, эрудированной и остроумной персоной – женщины отсутствием внимания его не обижали.

Игорь вспомнил широко известный анекдотичный параграф из устава Британской армии для женщин-военнослужащих: «Если вас насилуют и вы бессильны что-либо сделать, расслабьтесь и старайтесь получить удовольствие». А она ведь права, дорога предстоит сложная, почему бы не отдохнуть… Он тут же поехал на главпочтамт и заказал разговор со своей подругой в Челябинске. Профессора соединили всего через каких-то часа полтора, Аня оказалась на рабочем месте, Игорь попросил ее немедленно взять отпуск на неделю и срочно вылететь в Одессу.

У профессора и раньше были любовницы, но так комфортно, как с Аней, ему никогда не было. Она удачно сочетала как женское обаяние и мощную сексуальность, так и деловую сметку,

логику и высокую эрудицию. Профессор любил свою жену и детей и никогда даже и не думал с ними расстаться, о чем сразу, на берегу, предупреждал своих дам. Но, как всякий активный и деятельный мужчина, он не представлял себе сосуществование с одной или даже двумя-тремя сменяемыми женами всю жизнь и не без основания считал (такого же мнения придерживались и некоторые авторы, пишущие на подобные темы), что наличие у мужа и жены «правильных» любовников только укрепляет семейную жизнь, вызывая более спокойное отношение ко всем жизненным и семейным передрягам. С точки зрения профессора, такая практика была гораздо лучше бесконечной смены жен, которую практиковали, например, массмедиа и кинотеатральные деятели. Впервые мысль о расставании с женой посетила его с Аней, но он ее решительно и далеко отогнал. Аня была замужем за алкоголиком облегченного типа, который ей во всем подчинялся. Они воспитывали единственного сына. Она тоже не была святой, и у нее были мужчины до профессора, тем более что она была на работе ответственной в месткоме за зарубежный туризм и часто ездила по профсоюзным путевкам за границу, что открывало дополнительные возможности. Поскольку их роман начался, когда Ане было уже тридцать шесть лет, а профессору – сорок один, то они оба относились к прошлым романам друг друга достаточно легко и адекватно. Вечером Игорь интуитивно почувствовал, что надо поехать на главпочтамт. Зная организаторские способности своей подруги, ее деловитость и аккуратность, Игорь отчетливо понимал, что его поездка на почтамт может и не быть напрасной. И точно, в отделе «До востребования» его уже ждала телеграмма: «Встречай завтра рейс из Внуково в 12 Москвы».

Следующим утром профессор известил по телефону сына, что он будет занят и они сегодня не увидятся. Сын нисколько не возражал, он подружился со сверстником – сыном квартирных хозяев, деньгами Игорь его снабдил, и ребята весело проводили время, оставляя Юнга на попечение хозяйки.

Аня вышла из накопителя в аэропорту, как всегда, свежая и подтянутая, в синем жакете, гармонирующем с ее голубыми глазами и пепельными волосами, и вытянула перед собой руки:

– Игорь, ради бога, осторожней, испортишь прическу, сотрешь помаду – везла из Польши – потерпи полчаса.

Профессор поцеловал Аню в щеку и повел ее в машину. Они провели вместе в Одессе изумительную неделю. Профессору казалось уже тогда, и это подтвердилось много лет спустя, что это вторая райская неделя в его жизни. Первая была, когда они с будущей женой отдыхали на Рижском взморье в местечке

Дзинтари (район Юрмалы), в домике на берегу речки Лиелупе. Кончилась райская неделя в Одессе, прогноз предвещал резкое ухудшение погоды, а Марийка обещала назавтра отплытие парома в Варну в два часа дня. Накануне профессор отвез Аню в аэропорт и вымыл из ведра во дворе машину – публичной мойки в «эпсилон»[4] окрестностях обнаружено не было.

Утром профессор забрал Яна и Юнга и поехал в грузовой порт. Таможню они прошли сравнительно быстро, хотя любопытные служаки разворотили всю машину. Результатами они были явно разочарованы: книги, рукописи, кое-что из одежды, фотоаппарат – японская «мыльница», электробритва российского производства, маленький телевизор «Шарп» и японская радиомагнитола…

– Ребята, надеюсь, колеса разбортовывать не будете, – спросил профессор.

Таможенники засмеялись:

– Не будем. Похоже, вы не те кадры, которые в шинах везут наркотики и бриллианты.

Профессор высадил Яна с Юнгом и въехал в трюм парома, где уже было множество груженых полуприцепов – их привозили на тягачах, оставляли в трюмах, и потом уже болгарские тягачи забирали их в Варне. Судно было советским и называлось «Герои Плевны». Каюта профессора была где-то высоко наверху, и Игорь с Яном с трудом втащили туда Юнга по узкой железной лестнице.

Надо заметить, что те, кто уезжал из СССР после 1 июля 1991 года, сохраняли гражданство СССР (чего раньше не было), превратившееся после 6 февраля 1992-го в гражданство РСФСР. Таким образом, профессор с Яном при выезде получили международные советские паспорта, без чего, как убедился профессор в процессе поездки, она была бы практически невозможна. Вторым фактором, во многом определяющим успешную реализацию плана, было знание профессором английского языка. Однако у всех эмигрантов, которые попали в узкий коридор между 1 июля 1991 и 6 февраля 1992, были впоследствии проблемы с получением гражданства РСФСР, без чего нельзя было оформить, например, российскую пенсию. Профессор все-таки впоследствии сумел организовать себе российское гражданство, а вот жена – нет.

В полдень следующего дня паром пришвартовался в Варне, стивидор[5]дал команду профессору выезжать первым, и машина вскоре оказалась на болгарской территории. Прямо из порта профессор поехал в турецкое консульство похлопотать насчет визы в Турцию. Однако, как учит народная русская мудрость, «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

Уже за квартал от консульства он увидел огромную очередь, пройти которую сегодня было совершенно нереально. Гольд припарковался и отправился в разведку. Публика в очереди его быстро вразумила: «Поезжайте на турецкую границу и прямо там за десять долларов оформите визу». Ближайшая точка турецкой границы находилась в районе города Бургаса. До Бургаса было примерно сто пятьдесят километров, и профессор тут же тронулся в путь. Засветло, часов в шесть вечера, он зашел в будку болгарского пограничника и спросил его насчет визы.

Тот ответил:

– Оставляйте тут машину, я вас пропущу, и топайте до турок, они вам скажут.

Профессор в полном одиночестве – вокруг не было ни души – довольно долго шел до турецкой границы, пока не показалась сторожка турецких пограничников. Турецкий офицер на ломаном английском объяснил, что визы выдают в другой точке турецко-болгарской границы, возле городка Капитан Андреево.

Уже темнело, и профессор поторопился обратно. По карте до Капитан Андреево было около двухсот километров. Дорога шла сплошь по горам, один серпантин следовал за другим, Юнга укачивало и тошнило, приходилось иногда останавливаться и выходить с ним на прогулку. Надо заметить, что хотя у доберманов морда вытянутая и их, в отличие от коротконосых собак вроде бульдогов и боксеров, укачивает меньше, но такие серпантины даже для длинноносых собак не показаны. Было чрезвычайно темно, что не способствовало высокой средней скорости. В дороге не встретилось ни души. На место прибыли часов в шесть утра. Гольд быстро проскочил болгарскую границу, где досмотр был совершенно формальным, и подъехал к турецкой таможне. Капитан-Андреевский турецкий пропускной пункт, в отличие от Бургасского, был хорошо организован и оборудован, но, увы, слишком сильно обжит. Он начинался с обширной накопительной площадки. Из накопителя к границе вело несколько рукавов, в которых находились будки с пограничниками, эстакады для досмотра машин и даже ларьки с разной бакалеей и напитками. Накопитель был битком набит автомобилями из разных стран, и очередь сильно пахла целым днем. В это время за «Ауди» встала серая «девятка», из которой резво выскочили два молодых турка-месхетинца.

Коммент-эр: в июне 1989 года в Ферганской области Узбекистана произошли массовые погромы, в ходе которых жестоким нападениям подверглись турки-месхетинцы. Было убито около трехсот человек. В течение последующего года Узбекистан

покинули почти все этнические турки – более 90 тысяч человек. Месхетинцами эти турки назывались потому, что исторически проживали в Месхетии (Грузия), которая в XVI веке была завоевана Османской империей. Позже эта территория отошла к России и оказалась в составе Грузинской ССР. Турция предоставляла возможность иммиграции для пострадавших, и некоторое количество турок-месхетинцев уже выезжало в начале 1990-х годов.

Месхетинские ребята оставили ключи от машины профессору, чтобы он продвигал их «девятку» в очереди, а сами побежали в разведку. Гольд видел, как они зашли в таможенную будку одного из рукавов.

Через полчаса месхетинцы прибежали обратно:

– Так, соседи, быстро давайте свои паспорта, документы на собаку, по десять долларов с каждого за визу, две бутылки водки и тридцать долларов как бакшиш.

Вскоре они вернулись, отдали Игорю проштампованные паспорта и пригласили следовать за ними. Машины заехали в один из свободных рукавов, где их немедленно пропустили в Турцию. Попрощавшись с месхетинцами и поблагодарив их за помощь, путники выскочили на отличное шоссе, идущее на Стамбул.

Тут профессор сказал сыну:

– Ну всё, дорогой, мы в свободном мире, правда, всего с тремя сотнями долларов. Даст бог, дотянем до Хайфы. Слушай, Ян, я очень устал, давай разоримся, заедем в Стамбуле в какой-нибудь мотель, примем душ, выспимся, а завтра утром двинемся на юг.

В европейском квартале Стамбула – Ортакёй – путешественники нашли маленький дешевый отельчик с двориком, где можно было поставить машину, съели по порции люля-кебаба, выпили по чашке крепчайшего турецкого кофе и завалились спать валетом на большой двуспальной кровати (свободных номеров с двумя кроватями почему-то не было, хотя на вид отельчик был совершенно пустым). Юнг устроился на плетеном коврике на полу возле кровати. Утром, съев в крохотном буфете по превосходному чебуреку, Игорь направился на Босфорский мост, который вел в «азиатский» район Стамбула – Абдуллах-ага. Хотя в те времена таких пробок, как через двадцать лет, не было, пришлось ехать по полуторакилометровому мосту полчаса. Опоры моста возвышаются над водой на 160 метров, а проезжее полотно находится на высоте 64 метров, что позволяет проплывать под ним судам разных размеров. Вид с моста

открывается великолепный – на воду с судами и обе части Стамбула – европейскую и азиатскую.

К сожалению, профессор не мог отвлекаться на созерцание, поскольку вел машину, и поэтому он заметил сыну:

– Смотри, Ян, когда еще увидишь такую красоту!

Как он ошибался!

В азиатской части Гольд разыскал солидный на вид полицейский участок и отправился туда, оставив Яна с Юнгом в машине. В участке он попросил дежурного полицейского связать его с каким-нибудь офицером, говорящим на английском. Дежурный понял, что от него хотят, однако отнесся к этому достаточно индифферентно. Но, посмотрев паспорт Игоря и поняв, что тот едет в Израиль, дежурный приветливо заулыбался и начал звонить по внутреннему телефону. Минут через десять появился офицер – на погонах у него было три звездочки, что соответствовало званию капитана, как он объяснил профессору. Когда-то он учился в Германии, и его английский был оттуда. Говорил он вполне прилично:

– Поезжайте в Мармарис и оттуда на пароме переплывете на Кипр. Но, подождите минуту, я вам кое-что подарю.

Он куда-то ушел и вернулся с картой дорог Турции, на которую были нанесены все бензозаправки.

– И еще, – сказал он, – должен вас предупредить. Сейчас конечно не 1980 год, когда «Серые волки»[6] убивали по двадцать – тридцать человек в день, однако полиция и военные до сих пор всё время в состоянии готовности. Увидите полицейскую или военную машину, которая хоть как-то вам сигналит, немедленно останавливайтесь – стреляют без предупреждения. Ну, и за курдами посматривайте… Та еще публика.

Поблагодарив любезного офицера, Игорь вернулся в машину. Предстоял путь длиной около 800 километров почти через всю страну.

Располагая ничтожными деньгами, профессор очень беспокоился за расход бензина. В то время в Турции уже были платные дороги, но профессор из экономии ехал по параллельным им бесплатным, о чем впоследствии пожалел, поскольку бесплатные – это были преимущественно узкие, совершенно безлюдные серпантины с плохим покрытием. Дорога заняла два полных дня, и ночевали путники в машине, паркуясь, как правило, на территории придорожных кемпингов. Очень пригодилось замечание полицейского капитана насчет курдов. Однажды днем путники остановились для завтрака на живописной горной лужайке, к которой с шоссе вела хорошая проселочная дорога. Вдруг профессор увидел трех человек,

приближающихся к ним со стороны гор. Один с ножом в руке шел к «Ауди» напрямую, а два других направлялись к проселку – видимо, с намерением отрезать путников от шоссе. Профессор сразу опознал курдов, которых он неоднократно встречал в советской Армении.

Он немедленно скомандовал Юнгу: «Фас», показав на человека с ножом, а сам с сыном начал быстро складывать вещи в машину.

Турки очень боятся собак, и курд с ножом начал пятиться от Юнга назад, профессор сел за руль, посадил сына и помчался к проселку, к которому приближались два других курда. Выехав на проселок, они позвали Юнга, который опередив всех турок, выскочил на дорогу, догнал машину и запрыгнул на ходу в переднюю правую дверь сыну на колени. Профессор дал полный газ, и курды остались позади. Наши путники воздали должное немецкому полицейскому и сборщику налогов Фридриху Луису Доберману, который вывел породу собак, относящихся к самым умным собакам в мире. Юнг выполнил боевое задание безукоризненно, проявив при этом и собственную инициативу, как будто он окончил с отличием школу ГРУ.

В Мармарисе профессор тут же вечером отправился в грузовой порт.

Визитка профессора сделала свое дело, и его принял командир турецкой таможни в чине майора, который худо-бедно на английском изъяснялся:

– Паром будет завтра утром, но вот какая загвоздка. Вы ведь приплывете на северный, турецкий Кипр, а паром в Хайфу из Греции идет через греческий Лимасол, расположенный на юге острова. Вы, видимо, слышали, что Кипр уже много лет, как разделен на южную, греческую часть и северную, турецкую. Буферная зона между частями состоит из трех линий: турецкие войска, греческие войска и между ними ООНовцы. Представители греческой и турецкой общин пересекать границу не могут. Что будет с вами – неизвестно. Турки вас пропустят, ООНовцы, скорее всего, тоже, а вот с греками может быть проблема… Дело в том, что у них есть закон считать человека любой национальности, посетившего турецкий сектор Кипра, персоной нон грата в Греции. Вот что я для вас могу сделать: не ставить вам в паспорта штамп об убытии из Турции и позвонить своим ребятам на Кипр, чтобы они не ставили вам штамп о прибытии на турецкий Кипр. В случае чего вы вернетесь в Турцию, следов в паспортах не будет… Сможете отсюда проехать в Афины и сесть на паром в Хайфу. Утром перед отплытием парома я буду на месте, позовете меня, я прикрою вас здесь и позвоню на Кипр.

На следующее утро профессор был в порту, разыскал вчерашнего майора и тот заверил его, что переговорил с киприотами и там всё в порядке. Майор лично проводил наших путешественников до трапа на паром и пожал им руки. На Кипре всё развивалось по сценарию майора: штампы о прибытии в паспортах им не поставили, до линии, разделяющей турецкую и греческую части Кипра, они доехали быстро, турки и ООНовцы их легко пропустили. До греческой разделительной линии им пришлось ехать чуть ли не километр. Греки даже не стали смотреть документы, они немедленно показали жестами, чтобы вся честная компания немедленно убиралась обратно. Профессор пытался протестовать, но краем глаза он увидел, как один из солдат снимает с плеча автоматическую винтовку НК G3, которую производили в Греции по лицензии немецкой фирмы Heckler & Koch. У Игоря мелькнула мысль, что его и Яна солдаты, может быть, и не пристрелят, а вот Юнга – точно. Собака непрерывно рычала и лаяла, пыталась вылезти из машины, и это греков очень раздражало. Вокруг, насколько можно было видеть, не было ни души, солдаты были немыты, небриты и одеты в очень поношенную униформу. Многие из них были уже не юношеского возраста – лет по 40–50, офицера вычислить среди них было невозможно.

Профессор быстро принял решение – «Ауди» рванула с места и на полном газу помчалась обратно в турецкую сторону. Они успели на их же паром и без приключений добрались обратно до Мармариса. Путники остановились между портом и городом в живописной ротонде на обочине подумать о том, как жить дальше. Положение было критическим: денег было в обрез, и профессор видел только два выхода: попытаться продать машину и улететь в Израиль на самолете, или прорываться в Афины. Объятый думой Ермак, сидевший на берегу Иртыша, выглядел по сравнению с ним просто подвыпившим жизнерадостным весельчаком.

К ротонде подъехал старенький «Опель», и оттуда вышел пожилой, интеллигентный на вид турок с большими усами (усатых мужчин в те времена в Турции было процентов восемьдесят пять) проверить колеса. После этого он сел на скамейку в ротонде и вступил в беседу с Игорем, благо говорил немножко по-английски. Излить душу было больше некому, и профессор рассказал турку о своих злоключениях. Турок, которого звали Мехмет (он оказался учителем школы в предместьях Мармариса), отнесся к рассказу вполне сочувственно.

Немного подумав, он сказал:

– Продать машину, конечно, можно, но, во-первых, получите гроши, а во-вторых, это может занять много времени. Вот что я вам советую: поскольку здесь самый дешевый бензин во всей Турции, заправьте на все ваши деньги бак и канистры здесь на юге, и вам хватит до Афин, но сначала заезжайте в Анкару и получите греческую визу, и оттуда двигайте в Афины – там решите, что делать. А сейчас я приглашаю вас переночевать в моем доме, это километров двадцать отсюда.

Профессор принял приглашение с благодарностью и последовал за «Опелем». По дороге они заехали на одну бензозаправку, владелец которой был бывшим учеником турка.

Мехмет оживленно поговорил с хозяином и жестом пригласил Игоря подъезжать к заправочному шлангу:

– Он дает скидку.

Турок жил один в небольшом каменном доме. Он объяснил:

– Жена умерла в прошлом году, два сына разъехались – один в Германии, один в Измире.

На следующее утро наши пилигримы двинулись в Анкару. Доехали за два дня – дороги тогда были не очень, а вот с ночевкой путникам повезло. Вечером они заехали на придорожную бензозаправку подкачать колеса. Хозяин, услышав разговор профессора с Яном, обратился к ним на весьма приличном русском языке. Он оказался болгарским турком, два года назад переехавшим в Турцию.

Коммент-эр: 3 июня 1989 года София открыла границу, поощряя эмиграцию турок, а 21 августа Турция эту границу закрыла. За всего 78 дней из Болгарии в Турцию перешли 312 тысяч этнических турок, включая и нового знакомого Игоря.

Как почти любой немолодой болгарин, русский он знал хорошо и пригласил путников переночевать у него в доме, который находился тут же на территории бензоколонки. Профессор поностальгировал с турком, которого звали Осман, за бутылкой «Плиски» и прекрасными бараньими шашлыками до утра и сел за руль совершенно разбитым и невыспавшимся.

Анкара находится на высоте около 900 метров над уровнем моря на степном безлюдном нагорье. Она состоит из двух частей, разделенных железной дорогой: старой Анкары, сохраняющей черты старинной планировки с узкими улицами и небольшими домами, и новой – с широкими проспектами, библиотеками, музеями, магазинами и гостиницами. В 1990 году население Анкары составляло два с половиной миллиона.

Вечером Игорь с Яном отправились искать здание греческого

посольства в Анкаре. Попасть в посольство не было никакой надежды: во-первых, время было уже нерабочее, а во-вторых, было воскресенье. Дело осложнялось еще и тем, что назавтра, 28 октября, был праздник – День Республики и все учреждения не работали. Улицы были довольно пустынными, и, увидев высокого человека в кожаной куртке с мрачным выражением лица, целеустремленно шагающего по тротуару, профессор выскочил из машины, догнал его и обратился к нему по-английски с просьбой показать путь в греческое посольство.

Человек нисколько не удивился и на хорошем английском пригласил Игоря следовать за ним:

– Я как раз туда иду.

Ян сел за руль и тихонько поехал за профессором и его спутником. Через пять минут они уже были у посольства. Игорь всплакнул в жилетку высокому прохожему:

– Завтра они не работают!

– Кто вам сказал? Очень даже работают! – бросил высокий.

– Как, завтра ведь праздник? – удивился профессор.

– Я сказал, что работают, я знаю, что говорю, – грубо прикрикнул на него высокий и, не прощаясь, зашагал в сторону посольского здания.

«Чего только не бывает на белом свете», – говаривал старый сказочник Андерсен, и с ним никак нельзя было не согласиться.

На следующее утро путники оставили машину с Юнгом на въезде в город, влились в праздничную демонстрацию турецких трудящихся и бодро зашагали к центру в колонне какого-то анкарского учреждения. Через пять минут симпатичная турчанка попросила Яна нести портрет Ататюрка, под которым парочка, сбежав из колонны (советский опыт сказывался), дошагала до посольства.

Охранник на входе, ознакомившись с документами, отправил их к консулу. В коридоре посольства не было ни души. Дальше всё было по Андерсену: консулом оказался вчерашний грубый высокий мужчина.

Сегодня он был любезнее и даже улыбался:

– Я же говорил, а вы мне не верили – мы не празднуем их праздники.

И тут профессор сообразил, что это делается в пику туркам, с которыми у греков после Кипрского конфликта были весьма натянутые отношения.

– Так… значит, едете в Израиль, а зачем вам Греция? – вопросил консул.

– Так паром до Хайфы идет из Пирея, – ответствовал профессор.

– Понятно, ну а тогда скажите мне, друзья, а что вы делали вообще в Турции, почему не поехали прямо в Афины из Болгарии?

– Хотели воспользоваться редким случаем и заодно посмотреть Турцию, – объяснил профессор.

Консул хитро прищурился:

– А не хотели ли вы махнуть отсюда на Кипр?

Профессор вспомнил Штирлица и твердо сказал:

– Обижаете, господин консул. Что же мы, порядков не знаем, да и паспорта у нас чистые…

– Ладно, платите тридцать долларов…

Консул шлепнул печати в паспорта Яна и профессора и пошутил:

– Ну, хотя вашему доберману виза в Грецию не нужна, учтите, за его ветеринарное состояние на границе придется отвечать серьезно, у нас с этим строго!

Наша пара стремглав выскочила из посольства и побежала к Юнгу – он сидел один в машине добрые полдня и всякое могло случиться. Юнг был в порядке. Денег уже практически не было, и профессор решил попросить помощи в израильском посольстве. Путники опять переночевали в машине и на следующий день отправились на улицу Махатмы Ганди, где находилось посольство. Возле здания ходили два турецких автоматчика, и стоило только притормозить – они сразу схватились за автоматы:

– Проезжайте, тут стоять нельзя.

Припарковавшись в сторонке, Игорь пешком направился к посольству. Турки проверили документы, обратив особое внимание на израильскую визу, и пропустили его во двор. Посольство выглядело вымершим, следов какой-либо жизнедеятельности просто не было. Профессор долго звонил в дверь, пока по радиосвязи откликнулся мужской голос на английском языке. После подробных объяснений дверь приоткрылась, и профессор оказался в замкнутом коридоре без окон на улицу, мебели и людей. В коридоре можно было рассмотреть амбразуру, прикрытую железной крышкой с прорезью, и две железные двери. Уже другой голос по радио принялся его снова опрашивать, причем вопросы были те же самые; тогда Игорь еще не знал, что это излюбленная практика израильских спецслужб – по пять раз спрашивать одно и то же и смотреть, не собьется ли допрашиваемый. После опроса голос приказал профессору просунуть документы в щель в крышке амбразуры, которая тут же открылась и закрылась. Документы изучались минут двадцать, после чего открылась амбразура, и профессор увидел небольшую комнатку, в которой сидела

пожилая, очень ухоженная дама с серебряными буклями. Ясное дело – она задала те же вопросы, что и предыдущие «застенные» голоса, а в финале спросила:

– Так вы зачем, собственно, явились?

Профессор протянул даме руку с перевернутой вверх ладонью и сказал:

– Помогите будущим землякам чем можете.

Ответ дамы Игорь перевел потом Яну очень кратко:

– Пошел вон!

Амбразура закрылась, а входная дверь открылась, можно было вдохнуть свежий, некондиционированный воздух и взглянуть на белый свет. Так состоялось первое знакомство со славными представителями исторической родины.

– Поедем-ка, Ян, теперь в посольство «послеисторической» родины – российское, – сказал профессор и нажал акселератор.

Российское посольство занимает огромную территорию с периметром в квартал в центре Анкары, еще подаренную Ленину Ататюрком, и представляет целый комплекс зданий. Игорь свободно прошел на территорию, предъявив только советский паспорт охраннику у ворот. Консул принял его моментально – это был совершенно молодой человек, может быть лет двадцати восьми, который проявил живейший интерес к рассказу профессора о его приключениях. Он рассказал профессору, что большинство зарубежных советских посольств, включая турецкое, поддержали ГКЧП и после подавления путча в них были назначены новые послы и другие сотрудники. Наш консул лично работал второй месяц.

– Ну что же вы, ребята! Выбрали свободный мир, а ситуацию на Кипре глубоко не изучили, вот и понесли наказание. Ну чем я вам могу помочь – сами понимаете, только добрым словом. Единственно, что я вам обещаю, так это позвонить в российское посольство в Афинах, рассказать о вас и попросить чем-нибудь помочь. Но я там никого не знаю, – сказал консул и протянул Игорю новенькую визитку.

Как говорится, результат был тот же, что в израильском ведомстве, но ощущения совсем другие – тут наши путники были как бы свои.

Дорога из Анкары в Стамбул заняла один день. Первого октября наши путешественники снова оказались на стамбульском мосту, и Ян сказал отцу:

– А ты говорил, что я больше мост не увижу.

Игорь посадил Яна за руль, с тем чтобы самому насладиться видом Босфора, открывающимся с моста. До Афин из Стамбула ехали три дня, сделав остановку в изумительном по красоте

городе Салоники. В Салониках успешно продали соседу по кемпингу маленький телевизор «Шарп», который был у наших путников в машине, – вырученных денег должно было хватить на питание до Афин. Питались исключительно бананами (цена их в это время в Турции и Греции была приближена к нулю) и очень вкусными и недорогими белыми булочками. Пили родниковую воду.

Дорога шла в основном по горному берегу сначала Мраморного, а потом Эгейского моря, и виды открывались сказочные. Особенно поразил цвет воды в Мраморном море – это тот редкий случай, когда название полностью отражает содержание. Утром 4 октября, в пятницу, были в Афинах. Количество бензина в баках и денег в карманах было близко к нулю. По дороге профессор выносил идею: обратиться за помощью в «Сохнут» – все-таки именно эта организация способствует эмиграции евреев в Израиль. Пока доехали до площади Омония (что в переводе означает площадь Согласия), являющейся одной из двух центральных площадей Афин, было уже два часа дня. Припарковаться никакой возможности не было. Игорь оставил Яна за рулем, попросил его ошиваться где-нибудь поблизости и периодически подъезжать к подъеду мрачного и обшарпанного шестиэтажного здания, где находился «Сохнут». Швейцар в подъезде сказал:

– Опоздали, все ушли, их теперь два дня не будет – завтра они отдыхают как евреи, а послезавтра как греки, так что приходите в понедельник.

Надо было искать ночлег, пока не стемнело. Путешественники покинули центр Афин и медленно двигались вдоль периферийных улиц в надежде найти какое-нибудь пристанище – прямо на улице оставаться не хотелось. И вдруг они увидели район строящихся вилл и индивидуальных домов. Они въехали туда и нашли недостроенную открытую виллу. К их великому удивлению, из крана в ванной текла вода, а в гостиной стоял телефон. Профессор поднял трубку и услышал гудок – телефон работал – нет, прав все-таки был сказочник Андерсен! Профессор набрал код Израиля и номер телефона их родственников в Цфате, где жила жена с матерью. Их потеряли. С кипрских времен связи не было. Профессор попросил жену оплатить в Израиле проезд на пароме до Хайфы и обещал по получении билетов связаться.

Последствия звонка не заставили себя долго ждать: зазвучала сирена, и возле виллы появилась машина греческой полиции. После изучения документов полицейские пригласили нашу парочку следовать за ними. Их привезли в полицейский участок,

который занимал два маленьких здания, обнесенных высокой оградой. Автомобили въехали за ограду, и пленников повели в один из домиков.

Там старший из полицейских сказал:

– Командир уже уехал домой, разбираться с вами некому, будете сидеть у нас до понедельника!

Пленников отвели в соседний домик, который был чем-то вроде малогабаритной тюрьмы, снабдили старыми байковыми одеялами и подушками и показали титан с заварным чайником.

– Ворота будут заперты, в конторе постоянно будет дежурный, с собакой можете выходить во двор, – сказал старший и удалился.

«Вот и ночлег нашелся, да еще какой надежный…» – подумал профессор и с удовольствием вытянул ноги на первом этаже двухэтажных нар.

Путники провели два спокойных дня в уютной и гостеприимной греческой тюрьме. В субботу и воскресенье дежурный, которому они дали остаток денег, приносил им постоянно хот-доги из соседней лавочки, которая работала, видимо, все выходные. Сахар-рафинад и чай были, как сказал Ян, за счет заведения.

В понедельник утром явился начальник участка, который тут же вызвал профессора на допрос. Начальник немного говорил по-английски, он изучил документы путников, внимательно посмотрел визитку профессора и спросил:

– Почему вы, почтенный человек, заместитель директора, доктор и профессор, бродяжничаете, а не идете ночевать в отель?

Профессор молча вывернул перед ним карманы.

– Вообще-то, вас полагается оштрафовать за бродяжничество и незаконный телефонный звонок, но, учитывая все обстоятельства, я вас отпускаю.

Он объяснил, как проехать к площади Омония, и дал команду открыть ворота.

Профессор обобщил отношение к ним и, видимо, ко всем евреям в Турции и Греции. В Турции, когда путники говорили, что они евреи и едут в Израиль, отношение было самое теплое и дружеское, у турок-мусульман постоянно сквозило желание помочь и сделать им что-то приятное. У греков-христиан базовое настроение было повсеместно совсем другое: холодно-бюрократический подход проявлялся во всем. Потом уже профессор прочел, что из всех жителей ЕС греки являются обладателями самых негативных взглядов в отношении евреев. Профессор подумал, что греки не могут простить евреям то, что они сопротивлялись изменениям Иудеи в сторону принятия

греческой культуры и что греки были побеждены Маккавеями[7]. Кроме того, веселым грекам трудно было поверить, что можно исправить мир путем соблюдения 613 заповедей…

Благополучно добравшись до Омония и даже умудрившись припарковаться в районе площади, профессор отправился в «Сохнут», занимающий этаж в подъезде данного здания. Процедура проникновения вовнутрь помещения несколько напоминала анкарскую – посольскую: переговоры через железную дверь с двумя дамами по очереди, затем впуск в прихожую. Однако сохнутовские дамы были много любезнее анкарских посольских служащих. С интересом выслушав эпопею, они дружно кивнули на молодого лохматого человека, молча сидевшего в прихожей на стуле:

– Он как раз сегодня отплывает в Хайфу на пароме с машиной.

Коллега оказался кишиневцем, следующим в Хайфу на «девятке». Он проехал из Молдавии в Румынию, оттуда в Болгарию и из Болгарии в Грецию. Двери из комнаты были открыты, и молодой человек хорошо слышал переговоры профессора с сохнутовцами.

В результате переговоров было принято такое решение: оплатить путешественникам билеты от Афин до Хайфы без стоимости перевозки машины, поскольку «Ауди» является явно выраженной «немкой», и снабдить их съестными припасами на дорогу. Следующий паром ожидался через четыре дня. Прокорм путешественников в Афинах в ожидании парома в функции «Сохнута» не входил. Профессор также получил разрешение на звонок и сообщил жене, что «покупать нам билеты не надо, а необходимо только оплатить провоз машины». Платеж за билеты был произведен «Сохнутом» незамедлительно, и надо было прощаться.

Лохматый кишиневец закончил свои дела и сделал громогласное заявление:

– Я делаю вам королевский подарок: поехали со мной в порт, я погружу на паром свою машину, а вам уступлю свою стоянку, причем недалеко от причала хайфского парома.

Истинный масштаб подарка профессор оценил несколько позже! Кишиневец сел с путешественниками в «Ауди» и проследовал в порт. Там у стенки стоял десяток легковых автомобилей, причем некоторые из них были покрыты толстым слоем пыли, то есть стояли давно. Запрещающих знаков нигде не было видно.

Кишиневец отогнал свою «девятку», и профессор поставил свою машину на освободившееся место. До отплытия машину

трогать было нельзя, поскольку место тут же было бы занято. На прощание благодетель дал путешественникам хороший совет:

– Завтра приходит теплоход с советскими туристами, в порту и его окрестностях будет большой торговый день. Хотите что-нибудь купить-продать – приготовьтесь сделать это завтра, но смотрите в оба – здесь такие жулики…

Коммерческая ревизия «Ауди» дала следующие результаты: японский фотоаппарат-«мыльница», переносная магнитола «Шарп», всё новое, купленное перед самым отъездом, великолепный немецкий набор слесарных инструментов «Бош» – подарок коллег к пятидесятилетию, почти новая нерповая фуражка и противотуманные фары «Бош», снятые с «Ауди».

Коммент-эр: надо отметить интересную черту советской экономики конца 1980-х и начала 1990-х годов. Дела в финансово-денежной системе шли плохо, и все предприятия испытывали серьезную нехватку денежных средств. В практику входит старый способ – обмен товара на товар, который именовался бартером. Товар достается без расходования денег, следовательно, их можно пустить на другие цели. Челябинская область была насыщена предприятиями, которые получали по бартеру дефицитные импортные товары ведущих фирм-производителей (телевизоры, холодильники, стиральные машины, видеокамеры и т. п.) и продавали их своим сотрудникам по себестоимости. Многие из этих сотрудников тут же несли эти товары в комиссионные магазины или на товарные рынки и продавали их в 3–5 раз дороже. Одними из главных покупателей этих товаров были евреи и немцы, собиравшиеся эмигрировать.

Один из аспектов ценности подарка кишиневца – место для стоянки машины в порту – наши путешественники оценили уже на следующее утро: у них была возможность хранить продаваемые товары в машине и брать их по мере надобности. Они влились в ряды советских туристов, бойко торгующих биноклями, фотоаппаратами «Зенит», часами и прочими предметами советского ширпотреба, и довольно быстро реализовали все свои запасы: фуражку и фары продали соотечественникам, а остальное – местным покупателям. Особенный спрос был на хромированные слесарные инструменты. Профессор занимался взаиморасчетами, а Ян с рычащим на поводке Юнгом осуществляли охранное прикрытие негоциантов от потенциальных мошенников. К полудню профессор сказал:

– Не знаю, как господин Ельцин, а мы свою продовольственную программу уже выполнили.

Поскольку машину сдвигать с места было нельзя, наши пилигримы пешком отправились сначала в ближайший ресторанчик, а потом с канистрой в руках – на ближайшую бензоколонку. Вернувшись, профессор с сыном немного расчистили от вещей задний отсек салона, так, чтобы появилась возможность наклонить спинки передних сидений для ночного сна. Первую ночь за последнюю неделю они спали спокойно, несмотря на лай Юнга в адрес невероятно больших крыс, спокойно гуляющих вокруг машины. Выпускать собаку на улицу Игорь боялся, потому что десяток таких крыс могли загрызть не только добермана, но запросто тигра или льва.

Оставшиеся свободные три дня путешественники посвятили экскурсиям по Афинам, благо они находились в сердце Греции, страны-колыбели европейской цивилизации. Конечно, предпочтение отдавалось местам, где платить за экскурсии не требовалось и куда можно было дойти из порта пешком. Прежде всего они посетили Акрополь, считающийся визитной карточкой Афин, и осмотрели Парфенон – храм, построенный в честь богини Афины, покровительницы столицы Греции. Парфенон поразил путешественников своими масштабами и оригинальной продуманной компоновкой колонн. Посмотрели они также театр Диониса, где увидели остатки последних рядов амфитеатра, вмещающего семнадцать тысяч зрителей, что в античные времена составляло половину жителей города. Посетили также древнегреческий Эрехтейон, считающийся одним из главных храмов древних Афин. По преданию, храм построен на месте спора между Афиной и Посейдоном за власть над Аттикой. Поднялись на холм Филопаппу, откуда открывается роскошная панорама всего города. Очень интересным оказался древний афинский район Плака, с узкими улочками и хорошо сохранившимися старинными домами (не античными, конечно, а XVI–XVIII веков), первые этажи которых были заполнены уютными кафе. Сильное впечатление произвел Панафинейский стадион, построенный в IV веке до нашей эры и отреставрированный в конце XIX века. По преданию, весь этот огромный стадион был построен из белого мрамора.

На четвертый день должен был отплывать паром в Хайфу, путешественники сдвинулись со своей исторической стоянки и поехали в «Сохнут» за обещанной корзиной продовольственной помощи. Ян поднялся в помещение и вернулся с очаровательной молоденькой девушкой, которой было поручено снабдить путников продовольствием. Девушка уютно устроилась у Яна на коленях и скомандовала ехать в дешевый супермаркет, где у «Сохнута» был открыт счет. Профессор с Яном пошли наполнять

тележку, а девушка осталась беседовать с кассиром у входа. Когда наши путешественники подошли к кассе, девушка начала выбрасывать из тележки ветчины, колбасы, паштеты и прочие вкусности, заявив, что «Сохнут» не оплачивает приличным евреям некошерные продукты. Профессор потерял дар речи от удивления и в шоковом состоянии отправился к витринам. На этот раз девушка сопровождала Игоря и руководила отбором: отобрали сыр, творог, молоко, хлеб… Профессор показал на собачьи консервы… девушка согласилась. На этом сохнутовка покинула путников, и они отправились обратно в порт. Там уже стояла небольшая очередь из машин на паром и очередь пеших пассажиров.

Рослый мужчина с каким-то значком на иврите, прикрепленным к лацкану пиджака, вяло осматривал автомобили, среди которых путешественники заметили две «девятки» с советскими номерами. Прочитав все документы и посмотрев паспорта путешественников, мужчина явно оживился: крупные контрабандисты и международные аферисты явно шли к нему в руки.

– Вы оставляли свою машину в Турции и Греции многократно в разных местах, – обрадовался он, – и вам могли подложить в нее мину.

Профессор счел за благо не спорить:

– Вполне! Но, кажется, не подложили…

Рослый мужчина, предвидя серьезную работу, назвал свое имя и представился функционером израильской спецслужбы в Греции, правда, не сказав, какой именно службы. Начал он с колес и шин, особенно интересуясь запасными колесами (у наших путников их было два). С помощью передвижного гидродомкрата он проверил одинаковость выбега колес и постучал по шинам небольшим молотком с длинной ручкой. Затем он придирчиво осмотрел переднюю часть салона, а также багажник. За дорогу профессор с Яном настолько насобачились вытаскивать вещи из машины и складывать их обратно, что вполне могли сниматься в учебном фильме для начинающих таможенников. Но тут случился казус: израильский комиссар Мегрэ не заметил темно-коричневого Юнга, мирно спавшего в заднем отсеке салона, и открыл заднюю дверь. Тут он и познакомился с реакцией доберманов… Юнг громогласно гавкнул и бросился на детектива. Израильский детектив продемонстрировал реакцию не хуже добермановской и вовремя захлопнул дверь. Отдышавшись, он сказал:

– Ладно, вы ребята неплохие, задний отсек разгружать не будем, поезжайте.

Профессор сел за руль и потихоньку двинулся к аппарели, ведущей в трюм. Когда он уже был первым на въезд, дорогу перегородил изящный молодой человек в костюме и галстуке, который на прекрасном английском предложил профессору выйти из машины. Он представился главой израильских спецслужб в Греции и сказал, что хочет переговорить. Полчаса профессор излагал молодому человеку их одиссею, ничего не утаив, кроме поездки на Кипр. Беседа удовлетворила обоих, и поступила команда к пограничнику поднять шлагбаум. При этом молодой человек с пафосом сказал:

– Поезжайте, у израильских спецслужб к вам претензий нет.

На что профессор с не меньшим пафосом ответил:

– И у нас нет претензий к израильским спецслужбам!

Джентльмены раскланялись, и профессор въехал в трюм.

Путь до Хайфы занимал со стоянкой в Лимасоле на Кипре около четырех дней, и надо было устраивать корабельный быт. У наших путешественников были самые дешевые палубные билеты, что означало отсутствие у них кают и пребывание в большом загоне на палубе, оборудованном скамейками, столами и навесом. Загон также был оборудован парой туалетов и парой умывальников.

Публика на палубе была презанятной: отличались престарелый профессор из Кембриджа с супругой, пятеро молодых новозеландских мотоциклистов, совершающих кругосветное путешествие, две семьи из Молдавии, ехавшие на ПМЖ в Израиль на автомобилях, стайка немецких студенток, путешествующих по Ближнему Востоку, и десяток семей советских евреев (преимущественно из Молдавии и Одессы с окрестностями), избравших «греческий» маршрут эмиграции в Израиль.

Путники принесли из машины маленькие подушки с одеялами, поролоновые матрасики и устроились спать на скамейках, благо было уже довольно поздно. Матросы отдали швартовы, и плавание началось. К вечеру следующего дня паром причалил на Кипре в Лимасоле. После причаливания капитан по радио призвал пассажиров к вниманию и сказал, что паром дальше не поплывет, поскольку объявлена всеобщая забастовка греческих моряков. Поднялся страшный гвалт на разнообразных языках, и капитана неминуемо ожидал суд Линча. Профессор решил вмешаться, он поднялся к капитану в рубку, и тот ему сообщил, что сам мало что знает и по мере выяснения обстоятельств будет пассажиров информировать. Выход на берег всем разрешается. Профессор медленно пересказал разговор с капитаном на русском и английском, и гвалт прекратился. Всё

было замечательно, плохо было то, что кошерные продукты могли кончиться быстрее, чем время штатного плавания.

Однако, как говорится в русских народных сказках, утро вечера мудренее.

И точно. Утром искушенные одесско-кишиневские евреи отправились продавать лимасольцам бинокли, фотоаппараты и прочие дары земли советской. Трап на паром охранялся солдатами ООН, которые запрещали выносить с корабля больше одного предмета каждого наименования, и, следовательно, возникала необходимость ходить за каждым, например за биноклем, снова и снова по мере реализации предыдущего. А расстояние было довольно большое, а солнце днем припекало. Вторая проблема состояла в том, что вышеуказанные евреи ни одного языка, кроме русского и нередко идиша, не знали, что затрудняло их переговоры с аборигенами. Первичный маркетинг, сделанный профессором с Яном, показал, что есть спрос, во-первых, на «транспортные» услуги, а во-вторых, на посреднический сервис по переводу. К обеду новоявленная фирма «Игорь и сын» уже заработала. В день набегало чаевых фунтов пять – а кипрский фунт дороже английского. Кроме того, поддержка пришла из неожиданного источника: у одного из молдаван «девятка» была оборудована прицепом, где находилось килограмм двести копченой свиной грудинки. Владелец в Молдавии имел кооператив по копчению мяса и надеялся облагодетельствовать подобным продуктом светское население Израиля. Он поделился своими опасениями с профессором, что задержка на Кипре плюс довольно жаркая погода могут плохо сказаться на качестве грудинки. Профессор посоветовал ему начать продавать продукт уже на Кипре – по крайней мере, тут нет кашрута… Сказано – сделано. Взяв с собой образцы продукции, профессор с молдаванином обошли штук пятнадцать закусочных, кафе и ресторанов, и многие хозяева пожелали приобрести грудинку. Ян с профессором с помощью молдаванина и его жены перетащили на берег в несколько приемов килограммов сто грудинки и в награду получили неограниченный доступ к остатку этого продукта на борту парома.

Очень беспокоила ситуация с Юнгом. Чтобы вывести его с судна на берег, требовалась справка от ООНовского ветеринара, ветеринар требовал за справку восемьдесят долларов – таких денег у наших путешественников не было. Профессор пошел к капитану и честно рассказал ему о проблеме.

– Ладно, – ответил капитан, – выгуливайте его по ночам на палубе, а я скажу ребятам, чтобы не ворчали.

Надо сказать, что капитан свое обещание выполнил, и

греческие матросы аккуратно убирали по утрам следы ночных выгулов Юнга. Другое дело, что во время отсутствия путников на судне собака вынуждена была сидеть в машине в трюме, где было очень жарко и душно. Ян постоянно старался гулять днем с Юнгом на поводке по палубе.

Интересную сюрреалистическую картину можно было наблюдать по вечерам на палубе. Дело в том, что большинство пассажиров ужинали за палубными столами и после этого мыли посуду в маленьких умывальниках с густой решеткой на сливе. Проблема была с твердыми объедками. Ян решал эту проблему просто: он давал Юнгу облизать тарелку и только потом мыл ее в умывальнике. Первым додумался кембриджский профессор, он подошел к путникам и на высоком английском попросил разрешения дать собаке облизать его тарелку и тарелку жены. Ян разрешил, но только с условием, что давать тарелку Юнгу будет он. Вскоре к Юнгу выстроилась очередь с тарелками в руках… При тусклом свете корабельных светильников и темной кипрской ночи это была сцена, достойная какого-нибудь фильма Феллини.

Так прожили три с половиной дня, после чего благополучно отплыли в Хайфу. Плыли еще три дня. В Хайфе, проделав минимальные таможенно-бюрократические процедуры – главные были перенесены на более позднее время, когда машина должна была регистрироваться, путешественники съехали по пандусу на берег, где их встречала жена профессора и, соответственно, мама Яна. В руках у нее была забавная телеграмма на русском языке: «Профессор Гольд с сыном и доберманом прибывает в Хайфу завтра днем». Была середина ноября 1991-го, и начиналась новая жизнь на исторической родине.

Глава 2
Его университеты

Игорь родился за полгода до начала Великой Отечественной войны в городе Днепропетровске. Его отец Владимир Львович был инженером, специалистом в области теплотехники, термодинамики и тепловых двигателей. Он окончил механический факультет Днепропетровского горного института в 1924 году в числе первого десятка выпускников-студентов послереволюционного периода. Когда в 1961 году в СССР были введены нагрудные академические знаки (в народе эти знаки именовались ромбиками или поплавками) для окончивших советские высшие учебные заведения (по образцу и подобию жетонов для лиц, окончивших курс Императорских российских университетов в дореволюционной России), то отец Игоря получил по почте знак с порядковым номером 4. Перед войной отец защитил кандидатскую диссертацию и преподавал в этом институте. Он был выходцем из большой, среднего достатка еврейской семьи екатеринославского (Екатеринослав – дореволюционное название Днепропетровска) мельника и имел двух братьев и сестру. С началом революции отец в восемнадцать лет добровольцем пошел в Красную армию и был прикомандирован в качестве ее представителя к штабу батьки Махно в Гуляйполе. Отец служил в Красной армии с 1918 по 1921-й. В 1921 году он демобилизовался и поступил в Днепропетровский горный институт.

Старший брат отца, Абрам, в 1914 году закончил медицинский факультет Лейпцигского университета (Германия) и пошел добровольцем в русскую армию, где и прослужил военным врачом до конца Первой мировой войны. В период 1938–1941 годов заведовал кафедрой отоларингологии 1-го Киевского мединститута.

Младший брат Яков высшего образования не получил и работал на различных хозяйственных должностях. Сестра Софья была профессиональной революционеркой, а после революции и до войны работала в партийном аппарате.

Мать Игоря Виктория была моложе отца на десять лет, окончила Днепропетровский машиностроительный техникум и работала техником на заводе имени Петровского. Она была видная статная брюнетка с серыми глазами.

Случилось так, что отец и его старший брат Абрам женились на двух родных сестрах – Виктории и Этель. Дедушка Игоря по

материнской линии Самуил, отец Этель и Виктории, окончил юридический факультет университета в Лондоне и уехал с бабушкой Идой в Нью-Йорк, где они жили до 1910 года. В 1910 году дедушка умер, а бабушка переехала в Польшу, где у нее был брат Давид, имевший в Лодзи бизнес по поставкам тканей. Старшая сестра Этель родилась и жила одиннадцать лет в Нью-Йорке, а младшая Виктория родилась в Польше. Их брат Арнольд тоже родился в Польше, жил в Ленинграде и служил в подводном флоте. К началу войны Этель работала преподавательницей английского языка в Киевском мединституте.

Во время войны в течение нескольких лет почти всё семейство оказалось в Челябинске.

Отец, начиная с 1943 года, работал на ЧТЗ начальником установки по получению жидкого кислорода на базе турбодетандера академика П. Л. Капицы – одной из первых в Союзе и мире – и преподавал в Челябинском политехническом институте, открытом в том же 1943 году. Мать не работала, она умела шить и потихонечку шила дома на заказ.

Рядом на той же лестничной площадке жили младший брат отца Яша с дочкой Любой и ее мужем Гришей – майором-танкистом, который перед войной окончил бронетанковую академию имени Сталина, стал кадровым военным, провоевал всю войну от звонка до звонка, включая участие в Сталинградской битве, и остался служить в армии после войны. Он был назначен военпредом на ЧТЗ. В Советском Союзе действовала система военной приемки на всех предприятиях, производящих технику и другие предметы для армии.

Старший брат Абрам с женой Этель и бабушкой Идой жили на соседней улице – он заведовал кафедрой отоларингологии в местном мединституте, Этель была завкафедрой иностранных языков в том же институте, а их сын Леонид, врач-уролог, работал в городской клинике.

На другой соседней улице жила сестра отца Соня с мужем Израилем Оржеховским. Он провоевал всю войну, демобилизовался в чине подполковника и заведовал в Челябинске большим автохозяйством. Их дочка Минна жила в Москве.

Брат матери Игоря Арнольд после войны демобилизовался и по-прежнему жил в Ленинграде. Его жена погибла во время блокады, их сын, который остался после смерти матери беспризорным, находился в заключении в Воркуте. Дядя Арнольд женился на своей фронтовой подруге, и у них рос сын Евгений.

Детсадовские годы Игорь помнил смутно, запомнились только редкие эпизоды, когда директор садика, полная и рослая еврейка Софья Марковна приходила в столовую и громогласно

объявляла: «Дети, у нас сегодня хлеб с настоящим сливочным маслом!»

Излишне говорить, что в остальные дни хлеб был с маргарином или даже без оного.

В 1948 году Игорь пошел в первый класс в элитную мужскую (тогда школы делились на мужские и женские) школу № 10, которую возглавлял огромного роста тучный мужчина – заслуженный учитель Анатолий Иванович Александров. Школа была далеко, трамваи и троллейбусы туда не ходили, и проходилось топать пешком. Первый класс профессор хорошо помнил. Прошло три года после войны, карточная система была отменена в 1947 году, и тогда же была проведена хитрая денежная реформа.

Коммент-эр: все денежные номиналы были уменьшены в 10 раз, причем вклады до трех тысяч рублей оставались без изменения; до 10 тысяч рублей менялись по курсу 3:2; более 10 тысяч рублей делились на три части: первая – три тысячи рублей – обменивалась 1:1, вторая – семь тысяч рублей – 3:2, остальная часть вклада – свыше 10 тысяч рублей – 2:1.

Беднота была удручающая, школьной формы тогда не было, и первоклассники щеголяли в основном в самодельных курточках, перешитых из родительских гимнастерок, юбок и пиджаков. Так как материи одного вида на курточку не хватало, была мода на комбинированную одежду из материалов двух цветов. С играми и игрушками тоже была проблема. Дети почти полностью состояли на самообслуживании. Местом для игр служили улица и двор, где дети проводили всё свое свободное время. У девочек популярной игрой были «классики», иногда в них играли и мальчики. Мелом на асфальте рисовали сетку и прыгали по ней, толкая ногами некое самодельное подобие шайбы. Девочки часто играли со скакалкой. Были распространены такие игры, как прятки, догонялки и т. п.

Мальчики вовсю катались на самодельных самокатах. Такой самокат представлял собой две доски, сколоченные под углом. Сзади на горизонтальной доске крепились два задних колеса. К вертикальной доске привинчивались два шарнира от дверей и устанавливалась шарнирно третья рулевая доска с передним колесом. В качестве колес исключительно использовались шарикоподшипники. При движении по асфальту такой самокат издавал оглушительный визг и грохот. В Челябинске популярным спортивным снарядом было устройство, основой которого был стальной диск диаметром около полуметра от механизма

поворота танка. Снаружи этот диск был гладким, а внутри он имел зубцы. Из толстой проволоки изготовлялось водило. Снизу оно имело ковшеобразный изгиб, а сверху рукоятку. Диск катился по изгибу водила и останавливался путем переноса водила на внутреннюю зубчатую сторону. По улицам и дворам бегали десятки мальчишек с такими дисками. Среди них были и виртуозы, закладывающие лихие виражи, запрыгивающие на бордюры тротуаров и пр.

Конечно, мальчики всех возрастов играли в войну – в то время это было весьма актуально. «Военное» снаряжение изготовляли сами. Игорь слыл большим оружейником среди уличной детворы. Например, были в ходу «поджиги». Простейший «поджиг» представлял собой медную трубку, расплющенную и загнутую с одного конца. С другого конца в трубку одним концом вставлялся затупленный гвоздь, второй конец которого загибался. Между загнутыми концами трубки и гвоздя натягивался резиновый жгут. В трубку крошились головки от спичек, гвоздь заклинивался под углом и при нажатии на резинку ударял по «взрывчатке» – раздавался довольно громкий звук, напоминающий выстрел. Были и более серьезные «поджиги». Трубку расплющивали с одного конца и делали в ней пропил. Туда набивали порох, устанавливали пыж из войлока и насыпали дробь или шарики из подшипников. В пропил подсыпали порох, который после зажигания воспламенял основной заряд. Это была очень опасная игрушка, иногда трубки разрывались и калечили стрелков. Изготовляли деревянные пистолеты, ружья и автоматы. Однажды отец сделал Игорю на заводе металлический пулемет «Максим», который выглядел совершенно как настоящий. На нем была ручка, при вращении которой трещотка издавала звуки пулеметных очередей.

У Игоря был одноклассник Сережа Грачев (потом он стал видным конструктором баллистических ракет морского базирования), который жил с родителями на окраине в собственном доме с большим земельным участком. Когда осенью урожай был убран и двор оказывался в распоряжении ребят, там устраивались рыцарские турниры и бои. Ребята садились верхом друг на друга и старались сбить наездника противоборствующей команды.

Уже в старших классах играли на деньги в «чику» и «об стенку». В первом случае монеты складывались в стопку и разбивались брошенным издалека небольшим свинцовым диском. Потом били диском по рассыпанным монетам и старались перевернуть их – перевернутая монета считалась выигрышем. Во втором случае били монетку об стенку, чтобы она упала поближе

к монетке партнера. Если растянутыми пальцами дотягивался – монета считалась выигранной.

Гриша подарил Игорю настоящую офицерскую полевую сумку из натуральной кожи, и профессор чрезвычайно гордился этой сумкой и щеголял ею уже в свой первый школьный день. Учеба давалась ему без труда, и первые два года пролетели совершенно незаметно. Поскольку школа была передовой, изучение английского языка начиналось с третьего класса, в это же время появилось и несколько других учителей вместо одной учительницы, которая была первые два года. Школы того времени отличались тем, что в них был высокий процент учителей-мужчин, преимущественно демобилизованных офицеров. Так, английский язык у Игоря в классе преподавал высокий плечистый блондин лет сорока Владимир Иванович Цветков по прозвищу Стоптокинг[8]. Его красивое лицо было изуродовано несколькими страшными шрамами. Позже ученики узнали, что во время войны он служил в Смерше и был в немецком плену.

Математику, например, преподавал Иван Николаевич Спиридонов – высокий худой мужчина с обгоревшими правой щекой и шеей – бывший командир батальона Уральского добровольческого танкового корпуса. Позже, уже в другой школе, в 8—10 классах математику преподавал толстенький лысенький мужчина из шанхайцев-харбинцев. В связи с низкой зарплатой он подрабатывал регентом в церковном хоре единственной в Челябинске православной церкви.

Коммент-эр: Уральский добровольческий танковый корпус был сформирован в 1943 году и оснащен оружием и техникой, изготовленными трудящимися Свердловской, Челябинской и Молотовской областей (ныне – Пермский край). Личный состав также был набран из добровольцев Урала. Специально для корпуса в Златоусте была выпущена серия финских ножей с черными рукоятками, за что немцы называли его «Шварцмессер панцер дивизион».

Предметом гордости профессора в третьем классе служили торбаса (сапоги из шкуры с ног северного оленя), однажды привезенные Гришей из поездки на Север. Игорь с удовольствием и гордостью носил эти торбаса несколько лет.

Вообще, начиная с третьего класса до окончания института и еще года три после этого, профессор постоянно был увлечен разными хобби (конечно, тогда этого слова не было), заполняющими до отказа всё его время. В течение всех школьных и институтских лет и несколько в меньшей степени позже таким

хобби было чтение. Двоюродная сестра Игоря Люба работала преподавателем английского языка в школе и была очень эрудированной и начитанной женщиной. Своих детей у нее с Гришей не было, и весь свой педагогический потенциал в части эстетико-лингвистического воспитания она сосредоточила на Игоре. Надо сказать, что в первое послевоенное время была противоречивая обстановка по части чтения литературы. С одной стороны, ситуация этому способствовала: бытовых телевизоров было крайне мало, фильмов шло мало, парки и разные аттракционы были малодоступны. И что было делать интеллигентному мальчику длинными уральскими зимами? С другой стороны, достать интересную книгу было непросто: библиотек было мало, они были заполнены литературой, одобренной партией и лично товарищем Сталиным, и бесчисленное количество авторов были запрещены. Для Игоря этот баланс нарушался одним обстоятельством: в коридоре у Любы с Гришей стоял – видимо, еще дореволюционный – книжный шкаф. Размеры шкафа были таковы, что в нем, скорее всего, раньше находилась типография, где печатали газету «Искра».

Откуда шкаф попал в коридор – никому не было известно. Скорее всего, к этому был причастен папа Любы – дядя Яша, который в двадцатые годы был нэпманом и слыл очень хозяйственным человеком. Однако он отказывался признаваться. Он же во многом был причастен к содержимому шкафа, который был набит до отказа подписными изданиями.

Коммент-эр: в сталинские и частично в послесталинские времена в Союзе были в ходу так называемые подписные многотомные издания (в основном классиков). Заранее подписавшиеся в течение нескольких лет получали по почте очередные тома издания. Подписки в книжных магазинах были практически недоступны простому человеку без блата. Надо было записываться в очередь с вечера и дежурить всю ночь, а это выдерживали только истинные любители. Подписная литература тех лет издавалась, как правило, на хорошей бумаге. Свидетельством зажиточности и интеллигентности советских семей был книжный шкаф, заставленный подписными изданиями.

Так вот, за школьные годы профессор прочел «из шкафа» полные собрания сочинений Льва Толстого, Алексея Толстого, Тургенева, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Вячеслава Шишкова, Марка Твена, Диккенса, Мопассана, Голсуорси, Элизы Ожешко, Бальзака, Флобера, Дюма, Эмиля Золя, Стейнбека,

Вальтера Скотта и другие. В шкафу также помещалось 36-томное собрание сочинений Ленина, и Игорь был, скорее всего, одной из немногих персон, читавших всего Ленина в подлиннике.

Но литература – это был постоянный фон всех молодых, и не только молодых, лет профессора, а на этом фоне разворачивались и другие увлечения. Так, третий класс (1951 год) ознаменовался увлечением фотографией. Излишне говорить, что фотография тех лет отличалась от нынешней, как креветка от акулы – общее было только то, что обе живут в воде. Фотоаппаратами и умением фотографировать обладал довольно узкий, избранный круг, пользующийся всеобщим уважением. Импульсом для Игоря послужил фотоаппарат, привезенный Гришей из Германии, и Гришино занятие фотографированием. Но это был не просто фотоаппарат, это была легендарная немецкая камера «Экзакта».

Коммент-эр: «Экзакта» производилась в Дрездене с 1933 года. Это был первый в мире однообъективный зеркальный фотоаппарат для роликовой пленки с курковым взводом затвора и перевода пленки на следующий кадр. Качество оптики было превосходным, и снимки, сделанные этой камерой, отличались по качеству от снимков, выполненных советскими аппаратами того времени, как картина Рубенса от плаката в сельском клубе. Японские гиганты, такие как «Никон» и «Кэнон», после войны только вставали на ноги, и первенство «Экзакты» было неоспоримым.

Надо было покупать фотоаппарат. В то время практически можно было купить только ФЭД – советский дальномерный фотоаппарат, производимый Харьковским производственным машиностроительным объединением «ФЭД» с 1934 года. Было общеизвестно, что ФЭД являлся копией немецкой камеры Leica II. Но ФЭД стоил дорого и для начинающего мальчишки был непозволительной роскошью. К счастью, как раз в 1950 году Ленинградское оптико-механическое объединение (ЛОМО) выпустило «Любитель» – среднеформатный двухобъективный зеркальный фотоаппарат, сконструированный на основе довоенных немецких камер Voigtlander Brilliant. На свое десятилетие Игорь получил в подарок «Любитель», и началась его фотоэпопея. В то время в ассортименте каждого занимающегося фотографией должен был быть помимо фотоаппарата набор других принадлежностей: бачок для проявления пленок, фотоувеличитель, красный фонарь и желательно глянцеватель. Проблема была в том, что «Любитель» работал на фотопленке шириной 70 миллиметров, в то время как в ФЭДе использовалась узкая пленка – 35 миллиметров (иногда называемая

кинопленкой). По твердой советской традиции в любом случае должен возникать дефицит. Широкопленочный подержанный фотоувеличитель Гриша где-то раздобыл, а вот бачки для проявления широкой пленки просто не делались и не продавались – широкопленочные фотоаппараты уже продавались, а бачки нет. Пришлось отцу Игоря в срочном порядке изготовлять на заводе бачок и покрывать его слоем, стойким к фоторастворам. Наконец, бачок был готов, и профессор сделал первые фотографии. Пленка была недешевой, в рулоне было двенадцать кадров, и надо было думать при каждой экспозиции – это сразу привило профессору привычку работать над каждым кадром. Все ночи с субботы на воскресенье он, несмотря на ворчание родителей, просиживал в ванной и колдовал над печатью фотоснимков. Иногда Гриша брал его в свою ванную на мастер-классы.

Другой игрушкой для профессора, привезенной Гришей из Германии, служил пистолет «Парабеллум».

Коммент-эр: во время и после войны пистолет «Парабеллум» знали практически все. Во всех кинофильмах о Второй мировой войне с ним ходили все поголовно немецкие офицеры и выдающиеся советские разведчики. Во время игр «в войну» все советские дети были «вооружены» этим пистолетом. Надо сказать, что германский конструктор Георг Люгер создал очень удачный пистолет с высочайшей надежностью и отличными боевыми характеристиками, благодаря чему он сто лет использовался военными и сотрудниками спецслужб. Однако пистолет имел сложную механику.

Игорь постигал механику «Парабеллума» с помощью Гриши несколько месяцев, многократно разбирая и собирая оружие. Одно время это даже вызвало у него желание стать конструктором стрелкового оружия. В те годы Игоря также активно интересовала другая механическая система – персональный автомобиль дяди Изи ГАЗ-67, который тот имел как директор большого автопредприятия. В послевоенное время персональные машины с шофером имели только очень большие начальники и партийные бонзы. Мысль о машине без шофера абсолютно никому и никогда в голову не приходила – поскольку главной задачей шофера было не столько вождение машины, сколько ее поддержание в рабочем состоянии.

Коммент-эр: ГАЗ-67 был концептуальной копией американского «Виллиса» и носил в народе кличку «Иван-Виллис». Он принимал

активное участие в заключительном этапе Великой Отечественной войны, а затем в Корейской войне. Объемы производства во время войны были весьма невелики – около 10 процентов от поставок в СССР по ленд-лизу[9] автомобилей Ford GPW и Willys MB. После войны автомобиль производился Горьковским автозаводом, эксплуатировался во всем Союзе и даже продавался за границу (в Восточную Европу, КНДР, Китай).

Шофером на «Иван-Виллисе» был еврей по имени Шай (знакомые называли его Шая). Профессор подкарауливал, когда дядя Изя приезжал домой обедать, и прибегал к Шаю, который показывал ему устройство машины. Иногда Игорю удавалось покататься, сопровождая дядю Изю в поездках по городу.

В 1953 году умер Сталин, а в 1956 году состоялся XX съезд партии и было опубликовано постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». В постановлении не подвергалась сомнению правильность курса на построение социализма и коммунизма в СССР и говорилось, что «культ личности не изменил и не мог изменить природы общественно-политического строя». Однако в стране начали происходить серьезные изменения. Первым, с чем столкнулись дети, было введение совместного обучения девочек и мальчиков во всех советских школах. Игоря и еще несколько мальчиков перевели по месту жительства в школу № 1, которая считалась самой элитной среди женских школ. На первом уроке обсуждался «важнейший» научно-педагогический вопрос – как рассаживаться: девочка с девочкой, мальчик с мальчиком или вперемежку. После длительной и довольно ожесточенной дискуссии пришли к продукту нововведенных демократических изменений: садиться кто как хочет. Постепенно в итоге демократия оказалась самым практичным решением.

Были мероприятия и посерьезнее. Вместо семилетнего обучения в стране вводилось обязательное восьмилетнее образование. Одновременно школа получала «политехнический» профиль, предполагавший сочетание образования с трудовой деятельностью, с тем чтобы учащиеся имели представление об одной или нескольких профессиях. Предложенная система обучения лишь ухудшила общеобразовательную подготовку школьников, не дав им профессиональных навыков. Неэффективность данной системы была во многом очевидной, и в некоторых школах, включая школу № 1, был сохранен десятилетний срок обучения с небольшой профессиональной подготовкой. Позже десятилетняя схема была реставрирована повсеместно.

В рамках политехнизации Игоря с другими учениками в девятом классе отправили в сборочный цех радиозавода, где собирали гражданскую продукцию (в основном завод производил военное оборудование). Ребята попали в гигантское помещение с 500 (!) молоденькими девушками, некоторые из них были весьма хорошенькими. Школьникам было уже по шестнадцать-семнадцать лет, и они были больше заняты флиртом (конечно, мальчики), чем пайкой деталей. В цеху появилось больше брака, и после жалоб ОТК (отдела технического контроля) эксперимент был прекращен. Тогда школьников начали посылать раз в неделю в ближайшее к городу животноводческое хозяйство, где им поручили уход за коровами, содержащимися в огромном коровнике. Кончилось это предприятие, когда пара ребят сильно поранилась вилами при погрузке сена. В десятом классе учеников уже с политехнизацией не трогали. После сезона политехнизации требовался отчет о проделанной работе. Профессор написал его в памфлетном стиле, за что его вызвали в комитет комсомола школы и рассматривали вопрос о его исключении из комсомола. Но, имея в виду его ударную работу в коровнике и хорошую учебу, большинство членов комитета проголосовало против этого предложения. Всего профессора пытались исключить из комсомола трижды – один раз в школе и два раза в институте. Все три раза он висел на волоске и чудом удерживался.

Самым близким другом в школе у профессора был одноклассник Миша Анисимов, круглолицый белобрысый увалень и круглый отличник. Ребята жили по обеим сторонам одной улицы друг напротив друга и много времени проводили вместе – готовили уроки и развлекались. Впоследствии они вместе учились в институте, где Миша играл в хоккей в сборной института, а потом их дорожки разошлись: Мишу распределили в Свердловск на «Уралмашзавод», и в Челябинск он больше не вернулся.

Мимо старшеклассников уже не могли пройти огромные социально-политические изменения, происходящие в стране. Изменения в культурной жизни страны первыми стали видны в литературе. Массово начали издаваться и печататься в старых и вновь открытых «толстых» литературных журналах ранее запрещенные авторы. Игорь, как и многие, тогда запоем читал Ильфа и Петрова, Зощенко, Солженицына, Пильняка, Бабеля, Фенимора Купера, Пьера Сэлинджера, Грэма Грина, Хулио Кортасара и других. Главным культовым иностранным писателем для молодежи в то время был Эрих Мария Ремарк, за ним шел Эрнест Хемингуэй. Книги издавались огромными тиражами, продавались по низкой цене и исчезали из магазинов за полчаса.

Большую роль в литературных пристрастиях профессора сыграл следующий факт. С ним в одном классе учился мальчик по фамилии Дубровский, звали его, естественно, Владимир. Его папа был журналистом и работал главным редактором многотиражки ЧТЗ. Учитывая, что на заводе работало около ста тысяч человек, это была вполне солидная газета, и ее редактор занимал вполне серьезный пост. Папа Владимира вел в классе Игоря на добровольной основе литературный кружок. Заметив активность и некоторые литературные способности профессора, он подарил ему книжку издания 1931 года «Что нужно знать начинающему писателю». В это время сталинизм еще не успел развернуться в полном масштабе, и из книжки Игорь впервые узнал такие имена, как Саша Черный, Пильняк, Бальмонт, Зощенко, Гумилев, Мандельштам и другие, о которых молодежь сталинской эпохи и слыхом не слыхивала. С 1955 года возобновилась деятельность журнала «Иностранная литература», в котором публиковались произведения зарубежных авторов и который стал на десятилетия окном в мир для советского читателя.

Начал кое-что рассказывать и отец, который в сталинские годы боялся открывать рот, опасаясь, что Игорь где-нибудь скажет что-нибудь не то. Первым откровением был Лев Давидович Троцкий, которого отец несколько раз видел и слышал. В сталинское, да и потом в хрущевско-брежневское время большего злодея и врага революции трудно было вообразить. Усилиями советской пропаганды Троцкий был превращен в совершенно демоническую фигуру, непрерывно мешавшую товарищам Ленину и Сталину совершать Октябрьскую революцию и строить социализм. Но верный рыцарь революции т. Сталин одолел ворога, и тот бесславно умер за границей (на самом деле был убит в Мексике по приказу Сталина). Десятки тысяч советских граждан были репрессированы за «троцкизм», хотя никто из них никогда не видел и не слышал Троцкого и не читал его произведений. Со слов отца Игорь узнал, что Троцкий создал Красную армию и руководил ею, что он был блестящий организатор и администратор, что он считался величайшим революционным оратором, что его имя во время революции звучало даже громче, чем имя Ленина. Это было потрясение!

Вторым потрясением был батька Махно, которого отец хорошо знал. Игорь любил Алексея Толстого, который в романе «Хождение по мукам» писал, что Махно был неуправляемый маньяк и кровавый палач. Советская историография, литература и кинематограф изображали Махно как ярого врага советской власти, карикатурного анархиста и антисемита. Отец говорил,

что это была тотальная ложь. На самом деле Махно был реальным союзником Красной армии, высокообразованным человеком, знатоком европейской культуры и литературы, последователем отца анархизма Петра Кропоткина. При этом он являлся способным военачальником, внедрившим, например, в практику Гражданской войны тачанку. Махно также официально числился советским комбригом и был награжден орденом Красного Знамени. Отец также категорически отрицал антисемитизм Махно.

Очень было тяжело Игорю носить в себе эти тайные знания в такие юные годы, но делать было нечего – сам напросился.

Сестра Люба активно и регулярно водила Игоря на спектакли местного и гастролирующих в Челябинске оперных театров и оперетты, и Игорь к началу обучения в институте неплохо знал оперную классику.

В это время на семью свалилось несчастье – в конце 1955 года отца Игоря арестовали. Этому предшествовали следующие события. Тетя профессора Этель и дядя Абрам много работали и периодически привозили бабушку Иду жить у родителей Игоря. Бабушка любила сидеть в кресле на кухне и читать в подлиннике толстые романы английских и американских классиков – других англоязычных авторов у нее не было, и достать их было невозможно. Постепенно в кухне собралась крохотная библиотечка, которая располагалась на верхней полке кухонного шкафчика. У отца на заводе был заместитель Михаил Васильевич Рябухин, коренной уралец – заядлый рыбак и охотник. Он одним из первых в 1954 году приобрел «Москвич-400» – первый массовый легковой автомобиль, продававшийся в СССР для индивидуального использования, до этого у него был мотоцикл. Однажды он привез отцу в подарок пару ведер свежевыловленных карасей и занес ведра на кухню. Картина, которую он увидел, повергла его в изумление, как будто он выловил из озера вместе с карасями живого крокодила. В якобы приличной лояльной советской семье на кухне среди белого дня сидит чужеродный элемент в виде бабушки Иды и читает толстую книгу на непонятном языке. Более того, несколько таких книг стоит в кухонном шкафчике.

Рябухин задал бабушке только один вопрос:

– Это на каком языке?

И, получив ответ, что на английском, он поспешно удалился от греха подальше. Будучи честным советским гражданином, Рябухин в принятых тогда традициях на следующий день написал донос в органы. В органах сложили этот донос с собственными наблюдениями за отцом в части его общения с П. Л. Капицей и

решили малость разобраться. А разобраться тогда значило для начала посадить. Книги на английском при этом конфисковали.

Собака была зарыта в следующем. Отец монтировал и потом эксплуатировал установку по сжижению газов с помощью турбодетандера, изобретенного П. Л. Капицей. Поскольку дело было сложное и новаторское, он несколько раз разговаривал с Петром Леонидовичем по телефону и несколько раз летал к нему в Москву на консультацию на заводском «Дугласе», что не являлось секретом для надзирающих органов. Конечно, отец всё это делал совершенно официально и по указанию директора завода И. М. Зальцмана. Но вот как раз эти две личности – Капица и Зальцман – не вызывали у органов госбезопасности никакого энтузиазма.

Коммент-эр: Петр Леонидович Капица, прилетевший из Англии в 1934 году в отпуск (он работал в Кембридже под руководством Резерфорда), был насильственно оставлен в СССР. Тут же был подписан указ о создании Института физических проблем, входящего в состав Академии наук, директором которого стал Капица. Вот в этом институте и были развернуты исследования по созданию криогенных установок для производства кислорода на базе турбодетандера. Эта идея была воспринята специалистами неоднозначно. В 1945 году Капица был включен в комитет по работам над советской атомной бомбой, но, в связи с конфликтом с Л. П. Берией, который возглавлял работы по атомной бомбе, он попросил у Сталина отставки. Сталин такую отставку разрешил, однако Капица в результате был уволен с должностей директора института и начальника «Главкислорода», а также с физико-технического факультета МГУ. С 1946 по 1955 год Капица находился под домашним арестом у себя на даче под Москвой, в поселке Николина Гора, где отец Игоря его несколько раз посещал.

Исаак Моисеевич Зальцман в разгар полемики о технологии Капицы по промышленному производству жидкого кислорода, как директор ЧТЗ, с подачи отца, поддерживал Капицу А это была весомая поддержка, поскольку Исаак Моисеевич был наркомом танковой промышленности, генерал-майором инженерно-танковой службы, Героем Социалистического Труда, кавалером трех орденов Ленина и лауреатом Сталинской премии. Но в 1949 году, в разгар антисемитской борьбы с космополитизмом, Берия припомнил знаменитому танкостроителю поддержку своего врага Капицы. Зальцману вменили в вину общение с секретарем Ленинградского обкома партии Дмитрием Кузнецовым и другими фигурантами знаменитого «Ленинградского дела», с которыми

он, естественно, общался, будучи в то время директором ленинградского Кировского завода (впоследствии эвакуированного в Челябинск). В 1949 году Зальцмана исключили из партии и уволили с ЧТЗ. Сталин лично распорядился направить его мастером на машиностроительный завод в городе Муроме, после чего шутники прозвали Зальцмана «Исаак Муромец».

Через тетю Этель, которая заведовала кафедрой иностранных языков в Челябинском мединституте, родственники узнали, что английские книги посланы для экспертизы (с целью определения содержания в них «антисоветчины») на кафедру английского языка в местный пединститут. Как шло следствие, она, естественно, не знала. Через месяц всё разрешилось, пединститут дал заключение, что Диккенс, Голсуорси, Драйзер и другие классики англоязычной литературы антисоветчиками не являются, а все найденные на кухне произведения переведены на русский язык и широко публикуются в Союзе. Капицу полностью реабилитировали, восстановили на посту директора Института физических проблем. В 1956-м он возглавил кафедру низких температур МФТИ, а в 1957-м был выбран в члены президиума АН СССР.

Соответственно, отца Игоря выпустили и восстановили на работе.

В 1947 году в Москве вышел указ Сталина: проживавшим на чужбине советским гражданам предоставлялась возможность вернуться на родину. В 1950 году из Шанхая вернулся дядя Игоря Давид (брат бабушки Иды). В Китае он женился на женщине дворянского происхождения Марье Николаевне Лукиной. Она была вдова капитана первого ранга Российского Императорского Тихоокеанского флота и жила с мужем перед революцией во Владивостоке. «Китайским» возвращенцам запрещалось жить в городах в центре страны, и их расселяли в Сибири, Казахстане, на Урале и пр. Дядя Давид как-то умудрился поселиться в небольшом абхазском городке Гуд ауты, возле Сухуми, где они с женой купили небольшой дом в пяти минутах ходьбы от пляжа. Каникулы тогда были большие – три месяца, и Игорь с мамой каждый год ездили поездом на два-три месяца отдыхать в Гуд ауты. После восьмого класса Игорь уже ездил один. Мама сажала его в плацкартный вагон прямого поезда, снабдив тогдашним стандартным продуктовым набором: жареной курицей, крутыми яйцами, сухой колбасой, салом, воблой и толикой денег, чтобы он покупал себе на станциях хлеб и вареную картошку. В Гудаутах Игоря встречал на станции дядя Давид в неизменном зеленом мундире, но в соломенной шляпе, отдаленно похожей на шляпу

канотье. Он работал в Госстрахе, и мундир был следствием сталинского времени, когда униформу носили многие госслужащие: сотрудники банков, почтовые служащие и пр. Дядя Давид садился с Игорем в подрессоренную пролетку (это был его служебный транспорт), и рыжая лошадка не спеша везла экипаж домой, где Марья Николаевна начинала откармливать Игоря чахохбили и лобио. Она страдала глаукомой и почти ничего не видела, но ощипывала кур и готовила виртуозно на каменной печке, сложенной во дворе. Летом (а лето в Гудаутах было не менее полугода) дядя Давид сдавал свой дом отдыхающим, а сам с Марьей Николаевной жил в большом сарае из некрашеных струганых досок во дворе. У Игоря был отдельный отсек в этом сарае размером с вагонное купе. Бабушка Ида прозвала этот сарай «Белым домом» (который она таки видела во время жизни в США), и это название прижилось.

Надо сказать, что плавательных бассейнов тогда не было, речка в Челябинске была декоративная, а до бесчисленных уральских озер добраться было сложно. Поэтому Гуд ауты стали для профессора школой плавания. К восьмому классу он плавал преотлично и после девятого класса уже выступал в Тбилиси за сборную Абхазии на чемпионате Грузии по плаванию. Бюрократия тогда в грузинском спорте была минимальная, и никто не думал, что Гольд не совсем абхазская фамилия, тем более что в Грузии и Абхазии теоретически могли жить ашкеназские евреи (грузинские евреи, как правило, имели грузинские фамилии). Спасательной службы на пляжах тогда не было, и у ребят сложилась небольшая компания, развлекающаяся дальними заплывами. Ребята вкладывали в плавки спущенную камеру от футбольного мяча на экстренный случай, прикалывали булавки для устранения судороги и заплывали в море за пределы видимости берега – такой заплыв длился четыре-пять часов. В те времена трактаты о дружелюбии дельфинов по отношению к человеку еще не были опубликованы, и бывало очень страшно, когда черная туша проплывала под тобой буквально в одном-двух метрах, создавая вокруг тела турбулентность воды, и выпрыгивала из воды в нескольких метрах. Но что правда, то правда – нападений не наблюдалось. Компания «дальнего плаванья» просуществовала вплоть до студенческих лет Игоря. Среди членов этой команды была одна девушка из Ленинграда по имени Ира. Ира, как и другие пловцы, постепенно выросла и стала красивой девушкой с совершенно потрясающими длинными русыми волосами до колен. У них с Игорем была «сезонная» любовь – встречались они только летом, и душными абхазскими ночами в отдельном купе «Белого дома» Ира заворачивала Игоря в свои влажные волосы,

пахнущие морем и свежей рыбой. Ее волосы до конца не просыхали неделями. Однажды, после четвертого курса, Игорь поехал в Ленинград к дяде Арнольду и навестил Иру. Она жила в самом историческом центре города – на Красной улице, в старинном доме. Они с мамой владели большой комнатой в огромной коммунальной квартире, где было штуки три общих кухонь и один большущий туалет. В этом туалете Игорь увидел развешенные на стенке стульчаки разных цветов и растерялся. Ира не предупредила его, какого цвета стульчак принадлежит их комнате, и пришлось брать первый попавшийся.

В это время в школе у Игоря случилась взаимная любовь с ученицей параллельного класса Людой Коссовской, девочкой с огромной рыжеватой косой и ослепительно-голубыми огромными глазами. Она была круглой отличницей и соседкой Игоря по дому Ее папа был профессором спортивной медицины в мединституте, а мама – врачом. Роман развивался настолько бурно, что пара несколько раз оказывалась на грани интимных отношений. В те времена половая связь с девочкой такого возраста и уровня должна была рано или поздно закончиться браком, а этого Игорь ни в коем случае не хотел. Поэтому, собрав всю свою волю в кулак, он разорвал отношения с Людой. После окончания школы она поступила в мединститут, и их пути разошлись. Со временем Люда защитила кандидатскую диссертацию, потом докторскую и стала членом-корреспондентом Академии медицинских наук. Она вышла замуж, родила двух дочерей и всю жизнь трудилась в области искусственной почки. Встретились они уже в Израиле, после смерти Людиного мужа и замужества обеих дочерей. Люда приехала в Израиль одна (дочки с мужьями и внуками остались в России) и работала в одной из крупнейших больниц Израиля «Ихилов» в Тель-Авиве. Жила она в Ашдоде, где снимала квартиру с одной из своих санитарок. Виделся с ней Игорь один раз, заехал по дороге на работу в Ашкелон. Свидание получилось весьма грустным. Женщина, имеющая вполне престижную работу и материально обеспеченная, испытывала тяжелый психологический кризис от одиночества, от общения с неинтеллигентными и малочитающими коллегами, от проживания в одной квартире с санитаркой «марокканкой»… Профессору тоже было нечем похвастаться… Через несколько месяцев Люда вернулась в Россию, и больше они с Игорем никогда не общались.

В начале десятого класса уже надо было задумываться о поступлении в вуз. Наиболее гарантированным методом было получение золотой медали, которая давала право поступить в любой вуз без экзаменов. Профессор учился хорошо, но круглым

отличником не был. Чтобы получить золотую медаль, было необходимо сдать на отлично аж восемь выпускных экзаменов и, кроме того, иметь пятерки по некоторым предметам, которые не входили в перечень выпускных экзаменов и в десятом классе уже не изучались. Игорь навалился на учебу и закончил полугодие без единой четверки. Стало ясно, что он идет, как тогда выражались, на медаль. Школа была заинтересована в как можно большем количестве медалистов и способствовала их продвижению. В частности, Игорю разрешили (это законом было предусмотрено) пересдать его единственную четверку, оставшуюся с девятого класса – по астрономии, и он это с успехом сделал. Когда десятиклассники сдали уже по шесть экзаменов из восьми (то есть до окончания школы оставалась практически неделя) и Игорь предвкушал свободное лето и поступление в любой вуз страны, Никита Сергеевич Хрущев родил очередную новацию: отменил привилегии медалистов при поступлении в вузы вообще. Можно себе вообразить разочарование ребят, шедших на медали. Раздосадованные медалисты школы, где учился Игорь, и некоторые знакомые ребята из других школ устроили по этому поводу междусобойчик, в процессе которого одна из девочек, которая, по общему мнению, имела наилучшую фигуру, танцевала на столе топлес в огромном ожерелье из золотых и серебряных медалей. Перед этим профессору пришлось основательно повозиться с закреплением медалей на шнурке, поскольку медали не имеют отверстий и ушек.

Конкурирующих вариантов было три: МАМИ (Московский автомеханический институт), автотракторный факультет Челябинского политехнического института (ЧПИ) и Куйбышевский авиационный институт, где работал проректором Гришин отец. Другим вариантом был факультет журналистики Уральского университета в Свердловске – Игорь легко писал стихи, очерки и юмористические рассказики, которые постоянно помещали в школьную стенную газету и даже иногда печатали в местной молодежной многотиражной газете. На семейном совете решили не рисковать – в дальние края не ездить и поступать куда-нибудь поблизости, а факультет журналистики отпал по желанию Игоря. Выбрали ЧПИ, и профессор подал документы на специальность «колесные и гусеничные машины», что в переводе с тогдашнего советского языка (в котором всё военное шифровалось) следовало читать: «военные (далее по тексту)».

Впервые в жизни Игоря практически встал еврейский вопрос: принимают ли евреев на эту специальность? Однако дело было в светлый для евреев Союза промежуток между взятием власти Хрущевым и шестидневной арабо-израильской войной, когда в

еврейском вопросе политика была двойственной и относительно либеральной. Учитывая, что Игорь знал несколько ребят-евреев, которые учились уже на втором-третьем курсе по этой специальности, решили попробовать – риск был невелик – в крайнем случае, при хороших результатах вступительных экзаменов можно было поступить на другую специальность, например «автомобили». Надо было сдавать пять экзаменов, четыре профессор сдал на отлично, а один – по русскому языку – на четверку Отец, у которого нашлись знакомые в приемной комиссии, выяснил, что, поскольку этот экзамен был последний, четверку поставили так, для острастки (всё равно, мол, поступит…), придравшись к какой-то сомнительной запятой.

В это время произошел эпизод, которому профессор поначалу не придал никакого значения, но который оказал определенное влияние на его дальнейшую студенческую жизнь. Он стоял возле окна института в коридоре, рассматривая какие-то бумаги. В это время к нему подбежал белобрысый человек в круглых старомодных очках и двубортном шерстяном костюме сталинского покроя и упал перед ним на колени. Стоя на коленях, человек достал из кармана металлическую линейку и приложил ее к низу профессорских брюк. После этого он стремительно поднялся и, держа в руках линейку, победно закричал:

– Так я и думал! Двадцать два сантиметра!

Спектакль собрал изрядное количество зрителей, которое непрерывно увеличивалось. Дальше белобрысый человек уже играл на публику в лучших традициях театра Станиславского. Выдержав паузу, он хорошо поставленным голосом спросил профессора:

– Ты что тут делаешь? Неужели в институт поступаешь? В таких штанах! Никогда не поступишь! Вы только на него посмотрите – до чего уже дошло – стиляги поступают в институты! Ну, ничего, мы этого не допустим!

После этого он удалился твердым шагом. Вокруг Игоря образовался стихийный митинг из молодежи, бурно обсуждавшей прошедший эпизод.

Коммент-эр: стиляги появились в начале 1950-х годов. Началось с того, что многие солдаты и офицеры после войны привезли из Европы одежду, обувь, журналы и прочие атрибуты западной жизни. Более того, некоторые доставили и более крупные вещи: пианино, автомобили, мотоциклы и пр. В первые годы стиляги выглядели просто карикатурно: широкие яркие штаны, мешковатый пиджак, шляпа с широкими полями, яркие носки, однако к концу 1950-х их облик стал значительно более стильным:

брюки-дудочки, длинные двубортные пиджаки, туфли на высокой каучуковой белой подошве, цветные рубашки, галстуки с рисунком. Советская пропаганда объявляла стиляг тунеядцами и мелкими хулиганами. Конечно, бывали и такие, однако многие нормально учились и работали. Кроме психологических и пропагандистских атак применялось и физическое воздействие: бригады комсомольских активистов, в основном состоящие из рабочих и учащихся ремесленных училищ, останавливали стиляг, распарывали им узкие брюки, обрезали яркие галстуки и даже выстригали волосы на голове. Полновесные по одежде стиляги водились в Москве, Ленинграде и портовых городах, где жили люди, выезжавшие за границу, и где бывали иностранцы. Но и в этих городах у стиляг были большие проблемы с приобретением нужных вещей, что уж говорить про такие города, как Челябинск, куда ни одного иностранца близко не пускали. Для провинциального стиляги проблема приобретения импортной одежды и обуви была практически неразрешимой. Заменяли фирменные вещи разнообразные эрзацы.

Характерным признаком стиляжничества была также идеологически чуждая музыка. Джаз становился чем-то большим, чем музыка, и считался идеологией: «Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст». Наиболее популярными музыкантами среди стиляг были Луи Армстронг, Бенни Гудмен, Дюк Эллингтон, Гленн Миллер, Билл Хейли, Элвис Пресли. Вовсю крутили Утесова, Вертинского, Петра Лещенко, Козина, Баянову. Танцевали кто во что горазд: рок-н-ролл, чарльстон, буги-вуги, фокстрот, танго.

Однако грампластинки с записями всех этих исполнителей достать было крайне сложно. Умельцы наладили производство в домашних условиях аппаратов с нарезанием звуковой дорожки на рентгеновских снимках (назывались «пластинки на костях»). Эти пластинки зачастую были единственным доступным средством для простого обывателя проигрывать желаемую музыку. Проблема была в низком качестве звука и недолговечности таких пластинок. В 1950 году началось производство первого советского магнитофона «Днепр». Магнитофоны, как и многие другие технические новинки в послевоенные годы, пришли из Германии.

Коммент-эр: до войны, да и в первые годы после нее, Германия являлась ведущей страной в этой области. На американском радио магнитная запись впервые была сделана в 1947 году с помощью немецкого магнитофона, который привез в 1945 году американский солдат-радиотехник из Германии. Американский певец Бинг Кросби,

вдохновленный эффектом от первых записей своих песен, вложил большие деньги в разработку новинки в США, и уже в 1950 году в США множество моделей магнитофонов широко продавалось. В радиовещании СССР немецкие трофейные аппараты использовались до конца пятидесятых годов.

Главным и наиболее видным издалека признаком стиляги были узкие брюки (все советские мужчины носили очень широкие, бесформенные штаны), и тут профессору помогала мама, которая перешивала (суживала)«ширпотребные» брюки до требуемого формата (22 сантиметра внизу). Она же изменяла конфигурацию галстуков. Неслыханное дело, но профессору как-то удалось купить на вещевом базаре настоящие югославские туфли на белой каучуковой подошве. Другим доступным атрибутом стиляги для Игоря была прическа. Принятыми мужскими стрижками тогда считались «бокс» и «полубокс» с выбритым затылком, а стиляге были положены длинные волосы. Но главным был пышный взбитый кок на голове, для чего волосы обильно набриолинивались или закреплялись сахарным сиропом. У профессора были густые, слегка вьющиеся волосы, и сделать кок не было никакой проблемы.

До прилавков провинциальных магазинов магнитофон дошел в 1955 году. В доме во дворе профессора был маленький магазин культтоваров. Игорь договорился с двумя молоденькими продавщицами, и делегация из наиболее продвинутых учеников во главе с преподавателем физики Юрием Николаевичем (впоследствии он заведовал кафедрой физики в институте механизации и электрификации сельского хозяйства) отправилась после уроков изучать новоявленное чудо. Часа два они наговаривали в прибор разные тексты, потом проигрывали и осваивали устройство. Продавщицы были тоже довольны – они осваивали эту технику, с тем чтобы представлять ее покупателям, – самостоятельно сделать это им было бы сложновато. Стоимость магнитофона в то время не позволяла даже думать о его покупке, но и тут нашелся выход. Родители купили Игорю дешевую магнитофонную приставку, и для профессора, как и для всего советского народа, началась магнитофонная эра. Теперь можно было ловить по ночам «Голос Америки» и «Би-Би-Си», записывать музыкальные радиопрограммы, переписывать привезенные с Запада пластинки (которые брались у владельцев на пару часов, часто за деньги), переписывать друг у друга магнитофонные пленки. Благодаря магнитофонам распространились бардовские песни Б. Ш. Окуджавы, А. А. Галича, а позже Высоцкого, а также песни

Вертинского, Петра Лещенко, Козина и др.

Коммент-эр: в 1954 году в СССР был начат выпуск так называемой магнитофонной приставки – простого и дешевого аппарата, не имеющего собственного двигателя. Аппарат устанавливался на электропроигрыватель, от диска которого и приводился лентопротяжный механизм. Приставка также не имела усилителя и блока питания и подключалась к настольному ламповому радиоприемнику или радиоле (практически все они имели разъем для подключения к внешнему источнику сигнала звуковой частоты).

Профессор очень любил и неплохо знал джаз и сохранил эту любовь на всю жизнь. Благодаря магнитофонной приставке он мог записывать американскую музыку и слушать ее. Игорь также был большим поклонником танго. Уже после женитьбы они с женой – хрупкой и изящной Даной – исполняли с неизменным успехом сольное танго на вечеринках и общественных вечерах.

В газетах прекратились антисемитские публикации, многие из уволенных ранее с работы евреев смогли вернуться на прежние места работы. В июле 1953 года были возобновлены дипломатические отношения с Государством Израиль, прерванные ранее – в феврале того же года. Конечно, в период правления Хрущева процесс выдавливания евреев с руководящих постов в науке и промышленности, начатый Сталиным, осуществлялся, но в 1950—1960-е годы евреи по-прежнему работали на режимных предприятиях, служили в армии, силовых структурах, в МИДе и партийном аппарате. А «ценные» евреи работали в таких строго засекреченных областях, как создание атомного оружия, космические исследования и т. п.

Хрущевская оттепель была потрясающей по интересности жизни эпохой, и профессор был счастлив до глубокой старости, что его юность и молодость пришлись на эту эпоху. Есть старый анекдот. Встречаются двое, один спрашивает:

– Есть новые анекдоты?

– Нет,

– Ну и правительство!

Так вот при Хрущеве новые анекдоты и частушки плодились почти еженедельно.

Например:

Мы Америку догнали
По надоям молока,
А по мясу мы отстали:

Хрен сломался у быка.

Или:

Хрущев приезжает в Ереван и видит с трибуны лозунг: «Догоним Америку!»

– В чем дело? – спрашивает он первого секретаря. – Ведь лозунг звучит так: «Догоним и перегоним!».

– Перегонять нельзя, Никита Сергеевич, будет видна голая задница!

Конечно, коммунистический режим сохранялся, так же как и репрессии, только в более мягкой форме, чем при Сталине. Так, в 1957 году за публикацию романа «Доктор Живаго», отмеченного Нобелевской премией, из Союза писателей СССР был исключен Б. Пастернак. По-прежнему были запрещены произведения М. Булгакова и роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба», в котором якобы проводились слегка завуалированные параллели между гитлеризмом и сталинизмом, и пр. Повсеместно проходили митинги, на которых выступающие говорили примерно следующее: «Я Пастернака не читал, но категорически заявляю, что „Доктор Живаго “ – это антисоветское произведение».

Чуть позже Игорь прочел «Доктора Живаго» в самиздатской версии и ничего антисоветского в нем не обнаружил. Советская власть боялась собственной тени. Игорь, как и многие другие, был уверен, что если бы власти не устроили скандал, то широкие массы просто бы не обратили внимания на это произведение, а кучка читающих интеллигентов погоды в то время в Союзе бы не сделала.

Позже, в 1962 году, в Москве, в Манеже, состоялась художественная выставка к тридцатилетию МОСХа (Московского отделения Союза художников), где экспонировалась абстрактная живопись и скульптуры Эрнста Неизвестного. Никита Сергеевич непотребно ругался у всех картин:

– Это педерасты в живописи! Копейки мы вам не дадим!.. Дерьмо хотя и маленькое, но оно аромат разносит и отравляет атмосферу… Вот все, кто хочет, пусть напишут список, дайте в правительство, что вы желаете выехать в свободный мир, вы завтра получите паспорта и на дорогу!

Работы скульптора Э. Неизвестного были названы Хрущевым «тошнотворной стряпней». Ирония судьбы: на могиле Хрущева установлен памятник работы Эрнста Неизвестного, включающий в себя композицию из фигурных блоков черного гранита и белого мрамора, олицетворяющих противоречия характера Никиты

Сергеевича. Сам же скульптор сказал сыну бывшего генсека: «Я пережил при нем тяжелые времена, но сейчас его глубоко уважаю».

Большое разочарование у интеллигенции вызвало подавление Советской армией вооруженного восстания в Венгерской Народной Республике, известного как Венгерское восстание 1956 года, или Венгерская революция 1956 года.

В советской высшей школе того времени занятия в институте полагалось начинать с месячной поездки на сельскохозяйственные работы, но профессору повезло: их поток бросили на строительство здания совнархоза – новейшей инновации Хрущева, которой тот придавал исключительное значение.

Коммент-эр: в 1957 году был принят закон о создании на местах советов народного хозяйства, которым надлежало командовать всей экономической деятельностью в соответствующих районах (совнархозов). Раньше вся эта деятельность регулировалась отраслевыми министерствами. Поскольку кооперация между предприятиями в одном регионе была невозможна, а мелкие предприятия вообще были полубесхозными, совнархозы обеспечивали надежную связь между предприятиями в рамках регионов. Эффект для народа был ощутим практически моментально, получили развитие: местная пищевая и легкая промышленность, услуги населению, автотранспорт, строительство, торговля. В магазинах появились обувь, радиотовары… Постановка на производство новых машин на крупных заводах занимала теперь два-три года, а не десять лет, как при министерствах.

Однако имелись и минусы: нарушались связи внутри отраслей, и трудно шла кооперация между различными регионами. Например, сбои в продаже сельскохозяйственных продуктов были нормой на Южном Урале, где климат был суров, а в каждой деревне стоял со времен Демидова металлургический или машиностроительный завод или поблизости находился золотой прииск. Местные жители на земле не работали, а студенты не справлялись со всем объемом сельхозработ. В результате руководство, например, тракторного завода укладывало в «портфель», фигурально выражаясь, десяток тракторов и ехало в Воронежскую область выменивать их на помидоры, огурцы и яблоки. Поскольку политическая система СССР оставалась в целом авторитарной и бюрократической, совнархозы не могли решить всех проблем и ушли в небытие вместе с Хрущевым. А жаль, например, в Китае такая структура дала положительные результаты.

На стройке Игорь подружился со своим одногруппником Юрой Шабановым. Институт находился на окраине города, рядом с большим районом, застроенным индивидуальными домиками. Юра жил в таком домике с мамой и старшей сестрой Надей. Мама работала на заводе в три смены, и несколько приятелей из группы Игоря и Юры часто устраивали в домике Шабановых дружеские попойки. Однажды Игорь остался ночевать у Юры, и ночью его посетила Надя. Ей было тридцать лет, и, естественно, она дала ему сексуальный мастер-класс, который продолжался потом еще несколько месяцев. После этого пара рассталась, очень довольная друг другом. Так профессор получил свой первый сексуальный опыт.

Отработав на стройке полтора месяца, студенты, наконец, приступили к занятиям. Лекции по общеобразовательным предметам читались для потока, в котором было до десятка учебных групп, насчитывающих в среднем по двадцать пять студентов каждая. На первой лекции по математике Игорь без особого удивления обнаружил в качестве лектора доцента Кузина – того самого белобрысого мужчину, который измерял ему брюки. Удивительно было другое: Кузин узнал его среди двух с половиной сотен студентов и снова устроил по обыкновению мини-спектакль. Он подошел к Игорю, поднял его и на всю аудиторию закричал:

– Так ты что, все-таки поступил?

После этого он успокоил студентов:

– Но это до первой сессии, математику ты завалишь, и тебя отчислят!

Конечно, это была игра, никто никого не завалил и не отчислил, но профессор не получил красного диплома из-за единственной четверки – по математике. Театр миниатюр работал на каждом экзамене, Кузин подходил к нему и жизнерадостно заявлял:

– Ну, для тебя я приготовил специальную задачу!

После этого он театрально доставал из «широких штанин»[10] бумажку с задачей и вручал ее Игорю. Кончалось это просто четверкой. Отец несколько раз хотел вмешаться, но профессор просил его этого не делать.

У мамы профессора была школьная подруга по Днепропетровску – тетя Люба, которая во время войны тоже эвакуировалась в Челябинск. Муж тети Любы Игорь Дмитриевич Аронсон был профессором-гинекологом, который пользовал жен всей партийно-хозяйственной верхушки города и области. Нет нужды говорить, что семья Аронсонов не нуждалась абсолютно ни

в чем, а Игорь Дмитриевич был совершенно всесильным человеком в Челябинске и округе. У них был сын Аркадий, который был старше профессора на пять лет и который закончил тот же автотракторный факультет ЧПИ. У Аркадия, естественно, был автомобиль «Москвич-401», на котором он проездил пару лет, после чего папа купил ему «Волгу ГАЗ-21». В начале 1959-го профессору исполнилось восемнадцать лет, он получил права, и родители купили «Москвич» Аркадия у Аронсонов. При этом отец тут же записался в очередь на «Москвич-402/407», в которую они ходили отмечаться потом два года.

Коммент-эр: «Москвич-401» – усовершенствованная версия «Москвича-400», первого советского автомобиля малого класса, выпускавшегося на заводе малолитражных автомобилей в Москве с декабря 1946-го и продававшегося в СССР для индивидуального использования. По конструкции был идентичен автомобилю Opel Kadett K38, выпускавшемуся в 1937–1940 годах в Германии предприятием Adam Opel A. G., принадлежавшим американскому концерну General Motors. Устройство машины было воссоздано после войны на основе сохранившихся экземпляров, так как оригинальная техническая документация была утеряна. Opel Kadett K38 был выбран для выпуска в СССР в одном из самых дорогих и потому достаточно редких вариантов исполнения (четырехдверном) лично тов. Сталиным, которого данная модель заинтересовала еще до войны, им же был внесен запрет на какие-либо изменения в конструкции.

На втором курсе хрущевские инновации снова задели жизнь нашего героя. Хрущев уверился в том, что разработка ракет является генеральным направлением в области вооружений. В принципе, это было правильно, и эта доктрина способствовала бурному развитию ракетостроения в СССР. В это время помимо тяжелых межконтинентальных баллистических ракет, способных нести ядерные заряды, были разработаны различные тактические, оперативно-тактические и зенитные ракетные комплексы. Однако внедрение ракетной доктрины было сделано по-хрущевски топорно и затормозило развитие Сухопутных войск, Военно-морского флота и Военно-воздушных сил. Многочисленные «жополизы» отреагировали на указания Хрущева быстро и кто как мог. В частности, в ЧПИ был немедленно создан ракетостроительный факультет (назывался он, ясное дело, по-другому), причем, чтобы дирекции отличиться, надо было изобразить, что он работает уже давно, и для этого заполнить студентами старшие курсы. Сказано – сделано, на этот факультет

начали переводить студентов старших курсов с других факультетов и прежде всего с существующих специальностей, связанных с вооружениями. Таким образом, профессор второй-третий курсы проучился на ракетном факультете. В начале четвертого курса его вернули назад – то ли пришел новый бдительный начальник Первого отдела и занялся чисткой факультета от евреев, то ли перебдели с количеством студентов, сказать было трудно. Однако в результате Игорь получил кое-какие знания в ракетостроении и будущие связи в ракетной промышленности через соучеников.

Случилось так, что в институте Игорь сдружился с двумя студентами-евреями на два курса старше его. Одного из них звали Максим Левин, и он происходил из редкой для Челябинска семьи. Отец был функционером единственной в Челябинске синагоги, родители Макса знали идиш, а отец даже немного знал иврит. Жили они на окраине города в индивидуальном домике в слободке, где проживало наряду с небольшим количеством евреев довольно много айсоров (ассирийцев). В Челябинске, как и везде в СССР, айсоры были сплошь сапожниками и чистильщиками обуви.

Коммент-эр: современные ассирийцы считают себя потомками населения Ассирийской державы (около 2400 года до н. э. – 605 год до н. э.). В Союзе их проживало в то время около 25 тысяч человек. Общая численность никому толком не известна – говорят о трех миллионах человек. Большинство айсоров – христиане-несторианцы. (Несторианская церковь – это собирательное название раннехристианских общин в Азии, последователей архиепископа Константинопольского Нестория, в 428 году восставшего против титула «Матерь Божья», как стали именовать Марию, мать Иисуса.) Айсоры с большой симпатией относились к евреям, считая, что три тысячи лет назад пленные евреи смешались с ассирийским народом и приняли его веру, правда, некоторые ассирийцы, в свою очередь, перешли тогда в иудаизм.

Уже в Израиле Игорь узнал от Максима, что его отец был хранителем единственного в Челябинске свитка Торы, который находился у них дома и каждую субботу вывозился на трамвае или троллейбусе в квартиру очередного еврея для проведения молитвы. Можно вообразить, насколько были запуганы евреи, если Макс не открыл эту «великую тайну» своему ближайшему другу, который к тому же часто бывал у них дома и имел машину, на которой можно было эту Тору в случае надобности перевозить.

Семья второго приятеля профессора – Валерия Бложика –

была полной противоположностью семье первого. Отец и мать Валерия были коммунистами и полностью ассимилированными евреями. Отец был директором небольшого оборонного завода, а мать – врачом.

В 1961 году Игорь поехал на зимние каникулы в Москву к Любе и Грише. Точнее, не в Москву, а в Бронницы – небольшой городок в Подмосковье. Гриша к тому времени стал полковником и получил назначение начальником крупнейшего отдела в закрытый институт в Бронницах. В короткое время Гриша с Любой уже имели там квартиру, которая стала на много лет пристанищем для профессора при поездках в Москву. Шутники в Гришином институте говорили, что в мире есть три великих города: Бронница, Винница и Ницца. Вот в Ницце Игорю впоследствии пришлось несколько раз побывать, а попасть в Винницу не удалось. Эта поездка профессора в Москву характеризовалась еще одной примечательной особенностью: он впервые в жизни летел на отечественном пассажирском реактивном самолете ТУ-104, созданном в конце 1950-х годов. До этого профессор летал несколько раз в Москву на винтовых самолетах ЛИ-2 и ИЛ-14.

Коммент-эр: прообразом ТУ-104 был дальний реактивный бомбардировщик ТУ-16. Таким образом, СССР стал одной из первых стран, обладающих реактивной пассажирской авиацией.

«Папой» ЛИ-2 был американский «Дуглас ДС-3». Лицензия и полный комплект оборудования для выпуска ЛИ-2 были закуплены в США в 1938 году. Одновременно большая группа советских авиаспециалистов стажировалась в США для изучения технологии производства DC-3. Среди них был и Б. И. Лисунов, по фамилии которого впоследствии и был назван самолет ЛИ-2.

Самолет ИЛ-14 являлся дальнейшим развитием советского 24-местного лайнера ИЛ-12, проектирование которого было начато в КБ Сергея Ильюшина в 1943 году в самый разгар Великой Отечественной войны. Регулярные пассажирские перевозки на самолете ИЛ-14 начались в ноябре 1954 года. ИЛ-14 строился в Советском Союзе, Чехословакии, ГДР и вплоть до 1990-х годов летал на Кубе, в Индии, Польше и других странах.

Разница была фантастической: ИЛ-14 летел до Москвы восемь часов с двумя посадками по дороге, а ТУ совершал беспосадочный полет за время чуть больше двух часов. Про комфорт нечего и говорить. Специалисты считали ТУ самым лучшим и комфортабельным пассажирским лайнером в мире. Ходили слухи, что дизайн интерьера разрабатывался лично женой

Туполева. Также ходили слухи, что на некоторых рейсах пассажирам подавали бутерброды с икрой (цвет икры в рассказах варьировался) и наливали пятьдесят граммов армянского коньяка (объем коньяка и его выдержка – количество звездочек – тоже варьировались).

В это время у Гольдов подошла очередь на автомобиль «Москвич», и родители купили новый «Москвич-407». У отца права на вождение были еще с довоенных времен, но водить машину он не любил, и она была в полном распоряжении Игоря.

Надо сказать, что хрущевская эпоха была богата не только на политические и культурные инновации, но и научно-технические достижения тоже. Получили Нобелевские премии Н. Н. Семенов (1956 г., исследование химических цепных реакций), Л. Д. Ландау (1962 г., теория жидкого гелия), Н. Г. Басов и А. М. Прохоров (1964 г., создание первого квантового генератора – лазера). Была начата эксплуатация первой в мире атомной электростанции (1954 г.), запущен самый мощный в мире ускоритель протонов – синхрофазотрон (1957 г.). В 1957-м был осуществлен запуск первого в мире искусственного спутника, а 12 апреля 1961 года в космос полетел Ю. А. Гагарин.

И еще один великий подвиг совершил Хрущев: он построил огромное количество малогабаритных квартир, куда переехали из коммуналок и бараков миллионы советских граждан. Советские люди к малогабаритным квартирам не привыкли, и поначалу их устройство порождало множество шуток и анекдотов. Например, санузел, совмещенный с ванной, назывался «Гавана». Или спрашивали: «Что не успел сделать Хрущев? Он не успел соединить пол и потолок в малометраж-ках». Но факт остается фактом: огромные массы советских людей стали жить в человеческих условиях.

Как научно-технический прогресс касался обычной жизни, можно проиллюстрировать следующим забавным эпизодом, случившимся чуть позже описываемых событий. Будущая жена профессора Дана носила туфли на тонюсенькой шпильке. Естественно, что кожаные и стальные набойки на таких шпильках приходилось заменять чуть ли не каждую неделю. Однажды приятель Игоря, который после института работал на одном военном заводе, подал идею:

– Мы начали получать титан, давай-ка сделаем набойки из титана. Титан тогда был совершенно новым материалом и использовался только для военных нужд. Сказано – сделано. Когда Игорь принес титановые набойки «придворному» сапожнику-айсору Самсону, тот поднял его на смех:

– И чему вас только учат, тут и сталь не стоит, а ты

алюминий притащил! – Титан легкий металл, и Самсон думал, что это алюминий.

Титановые набойки себя полностью оправдали. Когда спустя месяц Игорь зашел в вестибюль гостиницы «Южный Урал», где обитал Самсон, тот закричал:

– А что с Даной? Почему туфли подбивать не носишь?

Игорю он не поверил и потребовал, чтобы тот принес ему туфли Даны с чудными набойками для ревизии.

В Бронницах Игорь увидел по телевизору один из первых КВНов, который вели Альберт Аксельрод и Светлана Жильцова (первый КВН вышел в эфир 8 ноября 1961 года).

Коммент-эр: идея создания телевизионного проекта ВВВ – «Вечер веселых вопросов» – была заимствована в Чехословакии («Гадай, гадай, гадальщик») и реализована в СССР в 1957 году. Ее авторами были Сергей Муратов, Альберт Аксельрод и Михаил Яковлев. После нескольких показов игра была закрыта и только через четыре года возродилась в виде КВН – «Клуба веселых и находчивых». Кроме того, КВНом в те времена называлась популярная марка телевизоров. В игре команды различных коллективов (учебных заведений, вузов, предприятий, городов и т. д.) соревнуются в юмористических ответах на заданные вопросы, импровизациях на заданные темы, разыгрывании заранее заготовленных сцен и т. д. Через несколько первых передач определился дуэт ведущих – Альберт Аксельрод и Светлана Жильцова. С 1964 года бессменным ведущим КВН являлся Александр Масляков, вначале вместе с ним передачу вела диктор Светлана Жильцова. Надо признать, программы более популярной в 1960-е годы в СССР не было.

С 1968 года передачи КВН стали записывать (до этого они шли в прямом эфире), и политически невыдержанные фрагменты передач вырезали. Вмешался КГБ. Сначала была введена жестокая цензура, а в конце 1971 года, в разгар застоя, передачу закрыли. В 1986 году, в начале перестройки, передача была возобновлена. Ведущим, как и перед закрытием, был Масляков.

Игорь был сражен наповал и сразу подумал: «Эта игра специально для меня!» Но где КВН, а где Челябинск! В институте студенты с творческими наклонностями кучковались вокруг институтской многотиражной газеты «Политехнические кадры», которую редактировал доцент кафедры философии Сергей Владимирович Манчинский – некогда выпускник МГУ. По возвращении домой Игорь собрал в редакции газеты единомышленников, включая Манчинского, и с восторгом

поведал им про КВН. Сергей Владимирович после некоторых раздумий вспомнил, что он это уже где-то слышал, но не помнит где. На следующий день он вспомнил: на челябинском телевидении с осени стал работать выпускник факультета журналистики МГУ Юрий Белоцерковский, который и рассказывал сотрудникам телевидения про КВН в присутствии Манчинского. Прихватив с собой еще пару ребят-энтузиастов, компания встретилась с Белоцерковским в здании телецентра и приступила к обсуждению плана «нападения» на местные власти.

Главную проблему все видели в том, что, поскольку в то время все программы КВН шли в живой трансляции, кто знает, что могут сказать студенты напрямую телезрителям. Поэтому решили начинать прямо с КГБ. Папа одноклассника профессора по школе Коли Лобачева занимал пост заместителя руководителя КГБ по Челябинской области. Коля по просьбе Игоря уговорил папу принять делегацию в составе Манчинского, Белоцерковского и профессора у себя на работе. Владимир Иванович Лобачев решил проблему очень быстро:

– В Москве, говорите, уже эта штука работает? Сейчас мы это проясним.

Он набрал прямой телефон в Москве какого-то генерала и спросил его, как поступают москвичи. Что говорил ему генерал, делегаты не слышали, но Владимир Иванович четко сформулировал условие: будет образована комиссия из представителей КГБ, горкома партии, горкома комсомола, дирекции телевидения и кафедры русского языка и литературы местного педагогического института. Все члены комиссии будут присутствовать на игре, и, если хотя бы один из них поднимет руку, операторы немедленно прекратят трансляцию и переключатся на какой-нибудь фильм или концерт. Дальше всё пошло как по маслу, функционеры в горкомах партии и комсомола и дирекции телевидения быстро соглашались, услышав, что КГБ не возражает. В январе уже планировались первые состязания между ЧПИ и Челябинским педагогическим институтом. Таким образом, волею случая Челябинск, вероятно, стал вторым после Москвы городом, где осуществлялась местная телетрансляция КВН. Весь третий курс прошел для Игоря под знаменем КВН.

Надо сказать, что КВН тех лет внешне был похож на нынешний примерно как концерт Филиппа Киркорова на самодеятельность в доме отдыха Урюпинского леспромхоза. Во-первых, тогда в КВН играли только студенты вузов, одетые кто во что горазд, во-вторых, на сцене не играла никакая музыка, в-третьих, количество домашних заданий не превышало одного,

остальное было сплошной импровизацией, в-четвертых, содержание сценария было действительно тайной для команд и, в-пятых, многочасовая игра требовала большого физического напряжения, поскольку телекамеры тех лет отличались низкой чувствительностью, требовали мощного освещения, и осветительные лампы буквально жарили участников заживо, непрерывно взрываясь при этом и осыпая игроков осколками. Если состав нынешних команд сильно напоминает региональные выездные бригады артистов, состоящие в основном из певцов, танцоров и декламаторов, то команды тех лет состояли обязательно из эрудитов, художников и остроумных людей, способных мгновенно импровизировать. Надо сказать, что это было по нынешним меркам гораздо менее зрелищное мероприятие, чем современный КВН, хотя в те регламентированные времена любая импровизация встречалась неизбалованной публикой на ура.

Игорь был капитаном команды ЧПИ, а капитаном команды пединститута была девушка со слегка анекдотичным именем Маргарита Самоварова. Картина в телестудии во время игры напоминала аттракцион в цирке с дрессированными львами и тиграми. По периметру круглой площадки-арены, подобно цирковым униформистам с брандспойтами, располагались многочисленные члены комиссии (поскольку никто не хотел брать на себя единоличную ответственность, от каждого учреждения присутствовало по несколько представителей). Режиссер передачи одним глазом смотрел в монитор, а другим на членов комиссии. Далее располагался второй круг зрителей, состоящий из начальства, сотрудников телецентра и десятка болельщиков. Больших команд болельщиков тогда не было. Одним из конкурсов первого КВН было, например, печатание на пишущей машинке цитаты: «У лукоморья дуб зеленый…» Оценивались время печатания и количество ошибок. Казалось, чего уж проще, однако дело обстояло не так. В те времена пишущая машинка рассматривалась как потенциальное средство печатания антисоветских прокламаций и донесений во вражеские разведки. Машинок не было в свободной продаже, писатели и журналисты при покупке машинки должны были получать разрешение милиции и сдавать туда оттиск шрифта на хранение. В учреждениях машинки на ночь сносились в специальную комнату, которая запиралась и опечатывалась. Оттиски текстов с каждой машинки хранились в секретном отделе. Профессор никогда в жизни не подходил к пишущей машинке ближе чем на три метра и, соответственно, не знал, как и куда вставлять бумагу, как двигать каретку и пр. Это была импровизированная

клоунада, которая вызывала у простодушных зрителей в телестудии и у экранов телевизоров гомерический хохот не меньше, чем на концертах Райкина. Этот конкурс профессор вчистую проиграл, поскольку Маргарита была аспиранткой и пользоваться машинкой умела. Нет нужды говорить, что, при совершенно скудном телерепертуаре тех лет, КВН смотрела вся почти трехмиллионная челябинская область, и Игорь с Маргаритой немедленно стали местными знаменитостями, которых узнавали на улице. Не обходилось и без проколов.

В одной из игр команда ЧПИ продемонстрировала партнерам фото двух генералов и спросила: «Кто из них Суванна Фума, а кто Фуми Носаван».

Оба они были политическими деятелями и попеременно занимали пост премьер-министра во время гражданской войны в Лаосе после ухода оттуда французов в 1954-м в результате восьмилетней войны в Индокитае. Фокус был в том, что генерал Суванна Фума возглавлял силы, поддерживаемые СССР, а генерал Фуми Носаван, ясное дело, был ставленником американского империализма и агентом ЦРУ. Теперь вообразите себе европейца, пытающегося различить двух лаосских генералов примерно одного возраста в примерно одинаковых мундирах. Игру не остановили, но потом профессора вызвали к члену комиссии в райком партии.

– Вы что этим хотели сказать, молодые люди? Что прогрессивный генерал Суванна Фума ничем не отличается от американской марионетки? – строго спросил член комиссии.

Но профессору показалось, что райкомовец с трудом сдерживает улыбку – далеко не все сотрудники партийных органов были дураками и оголтелыми коммунистами. Профессор тут же нашелся:

– Да что вы, просто мы считаем, что образованный комсомолец должен знать наших союзников и противников в любой стране, в том числе и в лицо.

– Ладно, выкрутился, иди, но больше так не шутите – закроем лавочку, и всё…

В конце третьего курса случился у профессора бурный роман. В ту пору секретарем ректора института работала одна весьма примечательная девушка по имени Валентина. Ее мама была русская, папа был цыган, что сказалось на внешности девушки. Она была жгучей брюнеткой со смуглой кожей и ярко-зелеными глазами. Другой примечательной чертой Вали была тончайшая талия, как у киноактрисы Людмилы Гурченко, за что ее за глаза звали Гурченко.

– Пойди и попроси Гурченко подписать быстрей бумаги у

ректора, – говорили между собой студенты и аспиранты.

Валя работала у всех на виду, и студенты, да и аспиранты и молодые преподаватели наперебой подбивали к ней клинья. Но бравому капитану КВН да еще с собственным автомобилем она сдалась быстро. Валя, к некоторому удивлению Игоря, оказалась девственницей, но природные женственность и темперамент за самое короткое время вывели ее на такую высокую орбиту, которой достичь не могли многие опытные дамы разных возрастов, позже встречавшиеся в жизни профессора. Немало способствовал роману и тот факт, что мама Вали служила комендантом всех общежитий ЧПИ, и у нашей пары никогда не было квартирной проблемы – мама давала им ключи от свободных на тот момент комнат во всех корпусах. Это была манна небесная, поскольку в те времена все жили скученно и молодежи, да и не только молодежи, исключительно сложно было найти место для свиданий – пары в гостиницы не допускались, а уральский климат позволял пользоваться природой короткое время в году. Довольно часто бывали случаи, когда парочки уединялись в гаражах (если у одного из партнеров была машина и гараж) и занимались сексом в машинах. Чтобы согреться, они заводили двигатель и надевали на выхлопную трубу шланг, который выводился на улицу. В процессе любви шланг иногда слетал с трубы, и любовники угорали от выхлопных газов.

Валя рассталась с должностью секретаря ректора и перешла работать в институтскую фотокинолабораторию. Здесь у нее было гораздо больше свободного времени и возможностей уходить с работы днем. Лабораторию возглавлял Павел Ильич Лавут – полный тезка администратора Владимира Маяковского, которому поэт посвятил несколько строчек в поэме «Хорошо!». Павел Ильич любил поговорить, поэтому мало кто из его знакомых удерживался от цитаты из поэмы: «Мне рассказывал тихий еврей, Павел Ильич Лавут…»

У Маяковского дальше следовало: «Только что вышел я из дверей, вижу – они плывут…»

Лаборатория была центром тусовки институтских фотолюбителей высокого класса, многие из которых выставлялись на областных и всесоюзных выставках и впоследствии стали всемирно известными фотохудожниками. Профессор был вхож в этот круг, поскольку он по-прежнему занимался, хотя и немного, художественной фотографией и поскольку Павел Ильич хорошо знал его отца.

Роман профессора кончился банально – беременностью Вали в конце четвертого курса. Практика тех времен в таких случаях по отношению к студентам была отработана до зеркального блеска:

беременная девушка писала «телегу» в ректорат и институтский комитет комсомола и ждала результата. У студента, в отличие от Ильи Муромца «со товарищи», имевших три варианта дорог, было только два пути: не жениться или жениться. В первом случае его исключали за аморальное поведение из комсомола, затем из института и забирали в армию. Таких смельчаков были единицы. Во втором случае студент покорно женился, но, как правило, такие браки заканчивались разводом после окончания института. «Женитьбозаставительные» публичные процессы на старших курсах шли непрерывно, как суды над врагами народа при товарище Сталине. Любители копаться в интимных и других подробностях пар из студентов и преподавателей могли посещать заседания комитетов комсомола, слушать и выступать в прениях. Как было тогда модно, при этом назначался общественный обвинитель и общественный защитник. Сюжеты часто бывали достойны пера Шекспира или Достоевского. Так, однажды профессор выступал в качестве общественного защитника одногруппника Эдика Онищенко на процессе, где заседание шло без героини – она жила где-то на Украине и в Челябинск не приехала. Невзирая на отчаянные попытки профессора доказать неправомерность такого рассмотрения, Эдик был признан виновным и женился на украинской даме. Жена переехала в Челябинск, и у супругов родилось двое детей. Судьба супруги Эдика и детей впоследствии оказалась совершенно трагической: они поехали в отпуск к родителям и угорели все втроем – мама и дети.

Игорю вспоминался один забавный случай. Еще на первом курсе один студент из Молдавии, сидевший рядом с ним на поточной лекции, увидел, как профессор пишет какие-то стихи. Он попросил Игоря написать стихотворение своей девушке в Кишинев. Дело кончилось тем, что профессор два года писал этой девушке стихи (исключительно на скучнейших поточных лекциях). Однажды она явилась в Челябинск собственной персоной. Конечно, после нескольких дней общения молдавский студент был разоблачен (он не мог написать ни строчки), и девушка потребовала знакомства с автором. Автор девушке понравился, и она тайно передала ему записку, в которой писала, что хочет его отблагодарить, и спрашивала, где и когда сможет это сделать. На что, улучив момент, Игорь ей ответил:

– Ни в коем случае! Потом ты напишешь «телегу» в комитет комсомола с жалобой, что я тебя изнасиловал или обещал жениться, и укатишь в свой Кишинев…

Процесс Вали и Игоря вызвал большой интерес в институте. Говорят, что действовал подпольный тотализатор, ставки

принимались один к десяти не в пользу профессора. Поскольку Игорь упирался, его дело рассматривалось в три приема: на заседании комитетов комсомола сначала курса, потом факультета, потом института. Аудитории, где шли заседания, были переполнены зрителями и болельщиками. Общественным обвинителем выступала преподавательница кафедры «Двигатели» Ангелина Петровна Сотникова – ярый борец с евреями и немцами, а защитником был комсорг группы Эдик Онищенко, которого ранее защищал Игорь. Все три уровня признали Игоря виновным и приговорили к исключению из комсомола. С Сотниковой Игорь, как студент, изучающий двигатели, естественно, ранее общался, но отношения у них были весьма натянутыми. Дело в том, что после восстановления советских немцев в правах некоторые из них переехали в большие города Урала и Западной Сибири. В европейскую часть страны их не очень-то пускали. Таким образом, на кафедре двигателей ЧПИ появился Иван Иванович Зибель. Он был крупным специалистом в области дизельных моторов, известным не только в Союзе, но и на Западе. В 1933 году его послали стажироваться в Германию, где он проработал шесть лет в известной фирме МАН, сделав серьезный вклад в разработку нового процесса сгорания топлива в дизелях («М-процесс»). С началом войны вернувшийся из Германии Зибель, как и все советские немцы, был выслан в Казахстан, где и жил в славном городе Кустанае до реабилитации.

Пользуясь тем, что Зибель был репрессированный, Сотникова, которая была парторгом кафедры, добилась при молчаливой поддержке коллег того, что Зибелю не разрешили преподавать предмет в группах узких двигател истов, где Сотникова сама преподавала, а направили в группы будущих специалистов по машинам, где двигатели были не главным предметом.

Зибель был кряжистый крупный голубоглазый мужчина сурового вида с ярко-рыжей шевелюрой. Во втором семестре четвертого курса он зашел в аудиторию и сказал:

– Товарищи студенты, поздравляю вас с праздником!

Студенты праздники, по понятным причинам, очень любили, и неучтенный праздник вызвал у них повышенную активность: все начали отчаянно листать календари, но ничего там не обнаружили, а они знали, что Зибель слов на ветер не бросает. В группе Игоря было всего две девочки, и одну из них, рыжеволосую и голубоглазую Тоню, отрядили расспросить Зибеля во время перемены. Он ничего ей не ответил, но, когда занятия продолжились, Зибель осмотрел группу с большим неудовольствием и сказал укоризненно:

– Стыдно, товарищи, сегодня же день рождения Рудольфа Дизеля.

С тех пор профессор запомнил эту дату навсегда – 18 марта 1858 года. Надо сказать, что Рудольф Дизель был любимым персонажем Зибеля и он знал про него множество историй, которые охотно рассказывал студентам. Например, Дизель критиковал Маркса и считал, что если каждого крестьянина снабдить дизельным двигателем, то никакая революция не потребуется. Теперь уже ясно, что, возможно, он был прав.

На четвертом курсе студенты делали большой курсовой проект по двигателям, после чего на заседании кафедры Зибель должен был продемонстрировать со своим учеником лучший проект для оценки его деятельности как начинающего преподавателя. На роль образцового студента Зибель выбрал Игоря, и тот сделал крутой проект на базе 12-цилиндрового дизеля немецкой фирмы MTU для военных машин. После заседания кафедры заведующий сказал: «Да это уже почти готовая диссертация, вот как надо делать!» – и посмотрел на Сотникову.

Спустя много лет Игорю пришлось общаться с представителями фирмы MTU, у которой была куплена лицензия на производство двигателей в Чебоксарах, и он рассказал им эту историю.

Все всё поняли, и с тех пор Сотникова невзлюбила профессора. Впоследствии, когда Игорь окончил институт и уже работал, они с Зибелем поддерживали дружеские отношения до самой его смерти, тем более что жили друг напротив друга.

Пока шло рассмотрение дела, у Игоря дома полным ходом готовился запасной вариант. Поскольку папа Гриши был проректором Куйбышевского авиационного института, была разработана многоходовая операция, предполагавшая поступление профессора задним числом в этот институт с понижением на один курс. Однако в это время произошло событие, изменившее ход дела. Валя согласилась сделать аборт при условии, что его будет делать сам профессор Аронсон лично. За этим дело не стало, и профессор подал апелляцию в райком комсомола. Дело было неслыханное: за всю историю «женитьбозаста-вительных» процессов такого не наблюдалось. Большинством в один голос профессора оправдали. Всё решил маленький прокол Сотниковой: поскольку вопрос с ребенком уже не стоял, она построила свою речь на тезисе, что старший по возрасту, искушенный студент (а Игорь выглядел старше своих лет) охмурил юную неопытную девушку.

Сотникову никто не перебивал, но после ее пламенной речи встал Онищенко и сказал:

– Можно маленькую справку: Игорь и Валя ровесники!

Это вызвало смех у многих членов райкома, а, как известно, смех обезоруживает.

Таким образом, профессора второй раз пытались исключить из комсомола. Третий раз последовал вскоре за вторым. Игорь написал юмористический детектив «Раскрывая тайны сопромата», главы которого помещались каждый месяц в стенной газете факультета «Конструктор». Фабула романа была следующей. Один американский финансовый магнат русского происхождения, наживший капитал на производстве и торговле черными металлами, страдал бессонницей, и никакие лекарства ему не помогали. Тогда один экстрасенс посоветовал ему читать на ночь многотиражную газету ЧПИ «Политехнические кадры», и это срабатывало, он быстро засыпал. Однажды этот магнат рассматривал в газете фотографию, показывающую, как студенты делают лабораторную работу по сопромату. В процессе такой работы студенты разрывали на разрывной машине стандартные металлические образцы, а на приборном циферблате было видно, при каком усилии они разрываются. Магнат кое-что понимал в сопромате и обратил внимание, что стрелка прибора ушла далеко за принятые значения. Он понял, что в России изобрели металл огромной прочности, и он случайно – или не случайно – попал в студенческую лабораторию (впоследствии оказалось, что студенты слили спирт из гидросистемы разрывной машины и выпили его, вследствие чего прибор показывал завышенные результаты). Магнат обратился в ЦРУ. Был подготовлен молодой американский разведчик, похожий на студента, делающего лабораторную работу и изображенного на фото. Разведчик был заброшен в ЧПИ. Однажды ночью после большой студенческой попойки из общежития американской разведкой был похищен студент Вася Шаропузиков и на его место, прямо на его кровать, был возложен американец. И далее описывалась его жизнь в ЧПИ. Забавных эпизодов в романе было не сосчитать, и перед газетой постоянно толпилась группа студентов. Например, американец, окончивший Гарвард и спецшколу ЦРУ, не сдал зачет по английскому языку, или, проснувшись утром после заброски, он ни слова не понял из того, что говорили его соседи по комнате, поскольку они говорили на студенческом языке. Его соседи по комнате решили, что он малость перепил. Из ЦРУ шпиону немедленно прислали студенческо-русский словарь, который был помещен в газету. Этот словарь пользовался большой популярностью и переписывался студентами. Роман печатался года два и пользовался неизменной популярностью. Однажды по коридору проходил некий член парткома института и увидел

толпу хохотавших студентов. Он поинтересовался, в чем дело, и прочел отрывок из романа. После этого он затребовал и прочел все экземпляры газеты и пришел в ужас: «Да это же махровая антисоветчина!»

Редактором газеты был преподаватель немецкого языка Рамиль Фаттахович Сейфуллин, фронтовик, член партии и большой шутник, хорошо понимающий юмор. На заседании комитета комсомола он заявил: «Хотите исключать Игоря из комсомола – исключайте меня из партии! Но я и вас потяну – куда смотрели эти годы».

Сейфуллину объявили выговор по партийной линии, а Игорю – по комсомольской. На том дело и закончилось.

В те времена стенные газеты являлись непременным атрибутом любого советского учреждения. Где-то они были простой данью партийному диктату, а где-то несли в себе зачаток свободной прессы – ведь любое печатное слово находилось под строгим партийным и гэбэшным контролем. Поэтому, кроме факультетской газеты и многотиражки, Игорь участвовал в создании и потом активно сотрудничал в институтской стенной газете, которая называлась «Баня».

Коммент-эр: «Баня» – сатирическая пьеса Владимира Маяковского, как он писал: в шести действиях с цирком и фейерверком. Вышла в 1930 году. Высмеивает бюрократизм, приспособленчество, демагогию. Эпиграфом к газете были слова поэта о том, что в будущих школах «будут преподавать сатиру наряду с арифметикой и с не меньшим успехом».

Мотором газеты был Юра Сероглазов – талантливый художник и очень эрудированный человек (впоследствии он стал главным дизайнером ЧТЗ). Юра был большим поклонником Модильяни и тратил все свои деньги на приобретение альбомов художника, что в те времена было очень непросто.

Газета имела огромные размеры: метров десять в длину и метра два в высоту и выходила крайне редко – раз шесть-семь в году, в основном ее выпуск приурочивался к официальным советским праздникам. В такие праздники в институте устраивались грандиозные вечера в аудитории № 103. Эта аудитория была большущим ангаром в отдельном одноэтажном лабораторном корпусе, куда свободно заезжали карьерные самосвалы, танки и прочая подобная техника. Попасть в нее на институтский вечер стремилась вся молодежь города. Как правило, заканчивали изготовление газеты в спешке, когда вечер уже начинался. Из редакции «Политехнических кадров» еще

мокрую от акварели газету в горизонтальном положении выносило человек шесть, но при подходе к аудитории количество несущих увеличивалось катастрофически и многим не хватало места, за что подержаться, – таким образом примазавшиеся хотели пройти на вечер без пригласительных билетов.

Советский цензурный юмор любого уровня тех лет базировался на шутках на грани фола – как можно было пошутить с двойной подкладкой, чтобы читателю и слушателю было ясно, о чем речь, а цензуре придраться формально было не к чему. Ну, например, в одном из номеров красовался лозунг: «Да здравствуют советские студенты – вечные строители коммунизма!» Или: стоят два студента на площади возле института, где припаркованы несколько автомобилей и много свободного места. И один говорит второму: «А ведь правильно говорят, что мы на первом месте в мире по количеству стоянок!»

Вообще шутить в те времена надо было с оглядкой. У Игоря был один напарник – Володя Глушко, отличный художник-карикатурист. Они в паре делали карикатуры почти в каждом номере многотиражной газеты: Игорь придумывал сюжеты, а Володя рисовал. В те времена большой популярностью пользовалась тема кожно-оптического видения. Некая Роза Кулешова, которая якобы видела кончиками пальцев, не сходила со страниц газет и экранов телевизоров. На карикатуре ребят был изображен студент за столом у экзаменатора со снятыми штанами и трусами, сидящий на раскрытом учебнике. Студент мучительно думал, как перевернуть страницу. Всё бы ничего, но был изображен учебник химии, а химию у Игоря преподавал хороший приятель отца. Он почему-то обиделся и пожаловался отцу…

Второе приключение произошло с Володей во время защиты дипломного проекта. Он был ракетчик и в списке литературы в пояснительной записке к диплому указал одним из литературных источников роман Жюля Верна «Из пушки на Луну». Пояснительные записки к дипломам никто никогда в жизни не читал, но тут один из членов приемной комиссии начал листать записку и нашел Жюля Верна. Был большой скандал, защиту остановили, и Володя получил диплом только еще через год.

Студенческие годы Игорь позже вспоминал с большим удовольствием, ребята часто устраивали дружеские вечеринки, ходили на вечера (слова «дискотека» тогда не было), танцевали, слушали джазовую музыку, записанную на «костях» или на пленку. В ходу были также полублатные дворовые песенки для интеллигентных юношей и девушек, типа:

Про Анну Каренину

Жила на Москве героиня романа,
Из старых дворянских семей.
Ее называли Каренина Анна,
Аркадьевна – отчество ей.
…….
Тут Вронский явился, ужасный пройдоха,
И белый к тому ж офицер.
Его воспитала другая эпоха,
И жил он не в СССР.
…….

Или про Отелло

…Папаша – дож венецианский
Большой любитель был пожрать,
Любил папаша сыр голландский
Московской водкой запивать.
…….

Или про Льва Николаевича Толстого

В имении Ясна Поляна
Жил Лев Николаич Толстой,
Не ел он ни рыбы, ни мяса,
Ходил по именью босой…

На Урале народ плохо воспринимал сухие и полусухие вина, и когда при Хрущеве начался массовый импорт таких вин из Болгарии, Венгрии и Румынии, то поначалу вино выливали в большие кастрюли и варили его с сахаром перед употреблением. Игорь, имевший гуд аут – ский опыт употребления сухих марочных вин и пивший такие вина, считался в связи с этим белой вороной в студенческой компании.

Пятый курс промчался, как заяц после выстрела охотника – быстро и петляя. На преддипломную практику профессор поехал в Бронницы к Грише и туда же оформил и распределение. Было решено, что практику он будет проходить не в отделе, которым заведовал Гриша, а в отделе, которым заведовал полковник Платон Андреевич Сазонов, сосед Любы и Гриши по лестничной площадке. Он был легендарным человеком, в молодости после окончания военного училища Сазонов упал с турника и сломал ногу. Она срослась как-то неправильно, и до конца жизни

полковник хромал. Благодаря железной силе воли он остался в армии, отлично бегал, прыгал, плавал и ходил на лыжах. Вообще Игорю повезло, поскольку ему довелось общаться с удивительно интеллигентным и образованным контингентом настоящих русских офицеров, о которых он имел представление в основном по мемуарам А. А. Игнатьева[11].

Руководителем практики и потом дипломного проекта был подполковник Андрей Ильич Фоменко, тоже фигура весьма примечательная. Во время войны он волею судьбы попал во Францию, где был военным советником крупного отряда в армии генерала де Голля. Он был лично знаком с генералом. Фоменко свободно владел французским и отлично знал французскую культуру и литературу. В момент контактов с Игорем Фоменко возглавлял Общество советско-французской дружбы. У Фоменко была роскошная библиотека, и профессор частенько наведывался к нему за книгами. При поездках во Францию подполковник всегда подшучивал над своими коллегами по делегации:

– Вам всем нечего надеть, а я спокойно еду в своем военном мундире.

В лето после защиты Игорем диплома Аронсоны переезжали в Харьков, где глава семьи должен был занять должность заведующего кафедрой в тамошнем мединституте. Игорь во время «послезащитного» отпуска и Аркадий взялись перегонять «Волгу» своим ходом из Челябинска в Харьков. В то время это было путешествие с приключениями, но ребята с ним вполне справились. Это был первый большой автопробег профессора.

Глава 3
Учености плоды

По прибытии в Бронницы после распределения Игорь устроился жить у Любы и Гриши и ездил на работу иногда с Гришей на служебной машине, а иногда на автобусе. Допуск у него был с институтских времен, однако здесь его пришлось оформлять заново на более высокий уровень. Наличие прошлого разрешения сильно облегчало процедуру, и профессор получил допуск в течение трех недель. Работать он начал не в Гришином отделе гусеничных машин во избежание семейственности, а в отделе колесных машин. Сазонов определил профессора в группу капитана Сюткина – блондинистого молодого человека лет тридцати. Группа занималась тяжелыми тягачами для перевозки танков, а также транспортирования и запуска межконтинентальных баллистических ракет. Игорь и диплом делал по таким машинам. В качестве главного производителя таких машин в СССР был определен Минский автомобильный завод (МАЗ), в котором было создано специальное конструкторское бюро. Возглавлял его Борис Львович Шляпник. В 1962 году на вооружение Советской армии был принят тягач МАЗ-535А. В 1963 году, когда профессор начал работать, исполнился год с начала производства, и машина болела детскими болезнями, как это часто бывало в таких случаях в СССР, да и в других странах тоже. Спустя месяц Сюткина и Игоря отправили в Минск на месячную стажировку. По прибытии они были представлены Шляпнику, который встретил их вполне радушно и отнесся к их миссии со всей серьезностью. Недельки через две Шляпник вызвал ребят в кабинет и сделал им предложение:

– У нас намечается большой испытательный пробег на Севере, на Кольском полуострове. Думаю, вам было бы полезно в нем поучаствовать. Если вы не против, я позвоню Сазонову и переговорю с ним.

Стажеры были отнюдь не против.

Проблема разработки машин, пригодных для эксплуатации зимой, была в то время чрезвычайно острой. Средняя температура января на половине советской территории была ниже минус 20 градусов. И дело было не только в запуске двигателя, но и в используемых материалах. Некоторые виды резины при минус 40 °С «стеклеют» – разрушаются при приложении нагрузки. Углеродистая сталь при минус 30–40 °С становится хрупкой,

припой, которым паяют, превращается в порошок и т. п. Запуску двигателя при низких температурах были посвящены сотни разработок, статей, докладов и диссертаций.

По возвращении домой коллеги начали готовиться к пробегу: изучали отчеты о стендовых и полевых испытаниях машин при низких температурах, смотрели по карте трассу пробега, которая проходила по территории, заселенной ненцами – одним из малых народов, компактно проживающих в районе Кольского полуострова, тренировались в вождении МАЗ-535 – две штуки были в Бронницах, заказывали себе теплую одежду и обувь. В середине декабря 1963 года профессор с Сюткиным вылетели в Мурманск, где встретились со своими белорусскими коллегами. Техника была уже в городе. Отсюда до места добирались сначала поездом, потом своим ходом. Встречи с ненцами были весьма любопытными. Поражало беспробудное пьянство. В одном из заброшенных стойбищ пожилой ненец пожаловался, что со снабжением стало совсем плохо: «Тройной одеколон», который стоил дешево и был приятным на вкус, перестали завозить, а привозят «Красную Москву», дорогую и противную – пить невозможно!

Коммент-эр: «Красная Москва» – знаменитые в советское время женские духи производства московской фабрики «Новая заря» (до революции – «Брокар и К°»). Аромат «Любимый букет императрицы» был создан для императрицы Марии Федоровны Августом Мишелем к 300-летию дома Романовых, которое праздновалось в 1913 году. «Красная Москва» была модным и популярным советским брендом, и им пользовалось множество советских женщин. Производство духов курировала Полина Жемчужина – жена Молотова и подруга Надежды Аллилуевой (жены Сталина).

Были также другие эпизоды, которые можно считать забавными при некотором желании. Так, Игоря и Сюткина снабдили зимними комбинезонами из натурального меха, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что головотяпы в меховом ателье забыли сделать сзади откидывающийся клапан. При необходимости справить большую нужду ребятам в процессе движения приходилось снимать на улице комбинезон при минус 30–40 градусах. Это, конечно, развлекало других участников пробега, но исполнителям «аттракциона» было не до смеха. После пробега профессор с Сюткиным попутным военным бортом вернулись в Мурманск и оттуда вылетели в Москву.

В июне 1964 года профессор прилетел в Челябинск в отпуск.

Его закадычный институтский дружок и однокашник Саша Евсеев, который был старше на два года, после окончания института распределился в Забайкалье, под Читу, начальником автобазы. После Забайкалья Саша устроился на работу в ежедневную челябинскую газету, заочно окончил Литературный институт имени Горького и стал профессиональным писателем-прозаиком. По мотивам своего пребывания в Сибири он написал свою первую повесть «Точка на карте». Игорю запомнился эпизод, наглядно характеризующий ситуацию того времени. Шло обсуждение повести на заседании челябинского отделения Союза советских писателей. Один маститый прозаик сказал: «Повесть неплохая, но некоторые эпизоды надо бы подправить. Например, герой переспал с героиней на буровой вышке. Ну, переспал – куда ни шло, но почему на буровой? Это нетипично для советского быта, не везде есть буровые…»

Тем летом Саша по путевке комсомольского турбюро «Спутник» съездил в Японию и переслал профессору с оказией подарок – японские плавки – жуткий дефицит того времени. Кроме этого, он прислал некий пакет и в письме просил передать подарок девушке по имени Марианна Боровская, за которой ухаживал до отъезда. Профессор знал эту девушку и ее сестру-близняшку, но различить их никогда не мог. Он созвонился с Марианной и в один из дней отправился с пакетом к ней домой. Жила она в самом центре, на площади Революции, в элитном доме послевоенной постройки – с высокими потолками и мусоропроводом в квартире. Такой дом в Челябинске в то время был только один. Дверь открыла Марианна, но Игорь шестым чувством почувствовал, что тут что-то не так.

Поэтому он на всякий случай спросил:

– Вы кто?

И получил ответ:

– А вы как думаете?

Тут капитан КВН растерялся и начал блеять что-то неопределенное.

Обстановку разрядила мама девушек:

– Дана! С кем это ты там беседуешь?

Девушка-близнец и профессор дружно расхохотались:

– Трудно в разведке, всегда могут быть непредвиденные обстоятельства, которые приведут агента к провалу.

Марианны не было дома, и Игоря попросили входить. Его угостили чаем, и он просидел у Боровских три часа. Оказалось, что близнецы родились в Кандалакше, городке в Мурманской области, куда их папа Александр Семенович был направлен после окончания Московского энергетического института по

специальности «электрификация железнодорожного транспорта». А малой родиной мамы и папы был Ростов-на-Дону. Женская линия семейства Боровских была музыкальной: мама была пианисткой в местном Дворце пионеров, Марианна и Дана учились в Уральской консерватории в Свердловске, Марианна – на фортепьянном отделении, а Дана – на дирижерско-хоровом. Обе девушки учились заочно и работали.

Вернувшись домой, Игорь сильно задумался, ему показалось, что он влюбился с первого взгляда. Он спросил маму:

– А как ты посмотришь на мою женитьбу?

– Смотри, Игорь, ты уже самостоятельный мужчина, работаешь, получаешь «огромную» зарплату девяносто пять рублей. (Мама шутила: хороший чешский мужской костюм стоил 150 рублей, а югославский или финский – 180.) Можешь жениться… Вопрос: надо ли? А кто она, если не секрет?

После рассказа Игоря мама высказала опасение:

– Ты в Бронницах, родится ребенок, жить будет негде, Дане надо кончать консерваторию, работать, неизвестно с кем будет ребенок, тебя будет носить по всему Союзу – посмотри на Гришу, его по полгода нет дома… Если ты всерьез, то надо возвращаться в Челябинск, я не работаю, есть где жить, подумай над этим, посоветуйся с Гришей!

В течение отпускного месяца профессор встречался с Даной ежедневно, предчувствие его не обмануло.

Дана отвечала ему взаимностью. Игорь близко познакомился с ее сестрой, мамой и папой и улетел в Бронницы с намерением вернуться жить и работать в Челябинск. Прежде всего, он посоветовался с Гришей. Гриша соображал быстро – не зря он был награжден орденом Красной Звезды за один интересный боевой эпизод, о котором Игорь прочел в сохранившейся у него фронтовой газете. Во время Сталинградской битвы Гриша служил начальником полевой танкоремонтной мастерской. Однажды случилось так, что в мастерской осталось в живых он, еще два бойца и имелось несколько поврежденных машин, а вокруг не было никого из советских солдат. Вдруг они увидели немецкий танк, который мчался на мастерскую полным ходом, стреляя из пулемета и наводя пушку. Положение было критическим. Из «ходовых» машин в мастерской в ремонте находилась только одна «тридцатьчетверка» с погнутой пушкой. Гриша мгновенно оценил степень изогнутости, схватил снаряд, залез в танк, навел пушку и выстрелил. Он попал в немецкий танк – пушка при выстреле выпрямилась. Риск, что снаряд взорвется в стволе, был огромен. Немецкий танк был подбит и остановился.

– Фрэнсиса Бэкона знаешь? Так вот, сей лорд-хранитель

печати говорил, что знание – это сила! – сказал Гриша – А я знаю, что как раз в прошлом году в Челябинске открыли филиал одного подходящего тебе по профилю института и они набирают туда сотрудников. Тут мы тебе открепление сделаем, надо запрос из челябинского совнархоза.

Коммент-эр: открытие этого филиала на периферии, как и многих других филиалов ведущих московских исследовательских институтов в то время, было обусловлено инициативой Н. С. Хрущева по уменьшению народонаселения Москвы. Его план заключался, конечно, не в создании периферийных филиалов и отделений, а в переводе крупных НИИ и КБ целиком в провинциальные города. Понятно, что этот план вызвал самое ожесточенное сопротивление на местах – никто уезжать из Москвы не хотел. Использовались самые изощренные способы уклонения от реализации этой инициативы. Одним из таких способов было открытие филиалов и отделений в провинции. Наверх докладывалось, что создан филиал в таком-то городе и туда постепенно будет переноситься часть исследований при их сокращении в головном институте. Всё это было полной липой, никакого сокращения московских институтов в итоге не было, однако толчком для развития многих отраслей науки и техники на периферии это послужило, что было для страны, в общем, чрезвычайно полезно.

Отец Даны и Марианны был крупным хозяйственным руководителем – раньше он занимал пост начальника Южно-Уральской железной дороги, а в текущий период был заместителем начальника дороги по электрификации. Насколько Игорю было известно, он довольно близко знал председателя совнархоза. Профессор позвонил Александру Семеновичу, и тот заверил его, что с запросом проблем не будет. Через месяц Игорь уже работал в Челябинском филиале НАТИ. Весь год Игорь и Дана активно встречались, и окружающие иначе как жениха и невесту их уже не воспринимали. Да и сами себя Игорь и Дана тоже по-другому не ощущали.

Летом 1965 года Игорь поехал в турпоездку в Финляндию по комсомольской линии. Первое путешествие за границу, да еще сразу в высокоразвитую капиталистическую страну, производило сильное впечатление – чистота, порядок, заполненные магазины, отличные дороги, западные автомобили, спокойные и уверенные в себе люди… Поражал «шведский стол» и… копченая оленина. Однажды туристы ехали в поезде в город Тампере. Вся советская делегация, согласно тогдашней традиции, громко пела в вагоне

хором, а Игорь, у которого совсем не было музыкального слуха, сидел в сторонке рядом с симпатичной черненькой финкой. Они познакомились – финку звали Лайма, она говорила на английском и училась филологии в университете в Хельсинки. В данный момент Лайма ехала к родителям на каникулы. Одним из ее преподавателей в университете был Мартти Ларин, романом которого «Четвертый позвонок» зачитывалась в то время вся советская молодежь.

Игорь был несколько удивлен, как легко они с «капиталистической» девушкой нашли общий язык и сколько интересных тем было у них для обсуждения. По приезде в Тампере Лайма дала Игорю адрес и телефон и пригласила его в гости. Он, естественно, сообщил ей название отеля, где остановится делегация. Легко сказать, в гости! Как советский комсомолец в чужой стране мог безнаказанно это сделать? В отеле Игорь пошел к руководителю группы и всё чистосердечно ему рассказал. Тот сильно задумался: «Понимаешь, по инструкции не положено туристу одному идти в гости, я буду вынужден пойти с тобой, но больно уж дурацкое положение, если бы мы хотя бы вместе с тобой с твоей Лаймой познакомились. Я посоветуюсь».

Игорь знал, что в составе каждой группы, выезжающей за рубеж, был инкогнито нештатный (в случае поездки в капиталистические страны – иногда и штатный)«стукач» КГБ, который мог настучать и на руководителя группы. Поэтому понимал, с кем руководитель должен советоваться. В таких случаях обычно принималось типовое решение: объект должен был схватить сильный насморк и отказаться от встречи, и Игорь уже приготовился назавтра «заболеть». Однако, к его удивлению, руководитель утром сказал ему: «Учитывая все детали (кстати, включая и Мартти Ларни), можешь идти, но будь внимателен». Игорь тут же позвонил Лайме, и она приехала за ним в отель на стареньком «Саабе». Лайма жила с родителями и младшей сестрой в очаровательном коттедже прямо на берегу большого озера Пюхя-ярви (город расположен на перешейке между двух озер. В северной части города расположено озеро Нясиярви, в южной – Пюхяярви).

После сытного обеда с финской 21-градусной водкой («Twenty One») все направились в сауну, которая примыкала к дому и находилась на сваях над водой. В «предбаннике» всё семейство разделось догола и вопросительно посмотрело на Игоря. Деваться было некуда, профессор сбросил плавки и кинулся в дверь парной. В первые минуты он очень старался не смотреть на обнаженную Лайму, ее маму и сестру, но потом

привык. Из сауны все прыгнули в лучах заходящего солнца в очень холодное озеро и поплавали голышом. Тут профессор блеснул разными стилями плавания и, дойдя до синего цвета кожи, бросился опять в парную. Мама и папа всё еще плавали, как ни в чем не бывало. Вечером Лайма привезла Игоря в отель, где он тут же побежал отчитываться к руководителю. Про сауну он, естественно, промолчал. Однако визит к Лайме не остался без последствий после возвращения в Челябинск.

Из Финляндии профессор привез финский нож – финку, который он спрятал в осветительный плафон в купе поезда при пересечении границы, голубые джинсы фирмы Lee и куклу в национальной финской одежде для Даны. Из Финляндии группа вернулась в Ленинград, откуда профессор поездом добрался до Риги. Туда же прилетела Дана, и в Дзинтари, в домике на речке Лиелупе, они провели незабываемую медовую неделю, а спустя несколько месяцев после возвращения официально поженились. Через девять месяцев у них, соответственно, родилась дочка Юля. Бранислав Нушич писал, что после женитьбы у человека уже нет биографии, но у профессора она только начиналась.

Спустя полгода после поездки Игорю позвонил домой по телефону человек, который сказал, что хочет поговорить с Игорем по поводу Финляндии. Игорь, конечно, моментально догадался, откуда этот человек, и они встретились в скверике поблизости от дома Игоря. Собеседник предъявил Игорю удостоверение капитана КГБ и начал разговор с вопроса:

– Скажите, вы переписываетесь с кем-нибудь в Финляндии?

Игорь отлично знал, что вся переписка с капстранами перлюстрируется в КГБ и вопрос этот чисто риторический. Однако он продолжал игру.

– Да, с одной девушкой – студенткой Хельсинкского университета.

– Часто?

– Да нет, изредка.

– А от кого зависит частота переписки?

– Да, пожалуй, от меня, она-то отвечает быстро!

– А вы хотели бы еще раз съездить в Финляндию?

– Почему нет, хорошая страна.

– Мы можем помочь вам совершить такую поездку.

– Капитан, давайте напрямую, я же понимаю, о чем идет речь, и сразу вам говорю, я сейчас не могу, я только что женился, жена беременная, работа новая… Вы же понимаете.

Больше Игоря по этой теме не трогали, а переписка с Лаймой постепенно заглохла.

Свою поездку Игорь вспомнил спустя лет десять при забавных

обстоятельствах. У них работал один инженер по имени Евгений Сухомлинов. В начале шестидесятых годов в СССР были начаты работы по созданию газотурбинного двигателя для танков, а в конце шестидесятых в Челябинске было создано специальное конструкторское бюро ОКБ-6, занятое исключительно тематикой по созданию таких двигателей. Сухомлинов работал в этом бюро и был направлен на стажировку в Англию – одну из лидирующих стран по газотурбинным моторам, где провел около трех лет. В те времена такие люди были большой редкостью. Игорь был с Женей в прекрасных отношениях, и однажды, будучи вместе с Игорем в командировке, Сухомлинов в состоянии некоторого подпития сказал: «Игорь, я инвалид, я заражен и болен Англией. Вы же понимаете, как после трех лет там я смотрю на всё это здесь… Мне очень тяжело! Сказать это я никому не могу!»

Турпоездка в Финляндию – это, конечно, не командировка на три года в Англию, но Игорь Евгения понимал.

Институт в Челябинске к моменту начала работы там Игоря существовал всего полтора года. Солидные специалисты не спешили идти туда работать, и учреждение было начинено разными довольно экзотическими фигурами. Располагалось оно в отремонтированном довоенном одноэтажном здании на территории ЧТЗ. Однако уже были выделены деньги на строительство четырехэтажного здания напротив завода и примыкающего к нему лабораторно-экспериментального корпуса. Игорь сразу попал в лабораторию поисково-перспективных разработок (ППР), возглавляемую инженером Туровым, рослым блондином с резкими движениями и пронзительным взором. Туров был талантливым авантюристом, всё схватывающим на лету и обладающим огромным даром убеждения. В те времена во всех странах еще не было устоявшихся взглядов на военную и гражданскую технику и энергично разрабатывались новые виды вооружений и гражданских машин. Сама атмосфера шестидесятых годов, масса технических достижений в то время обусловливали многообразие новых направлений в создании военных и народно-хозяйственных машин. Надо сказать, что подобная ситуация не складывалась ни раньше, ни позже этого десятилетия ни в каких странах.

Игорь выбрал направление со специализацией на шагоходы, или шагающие машины, которые двигались не на гусеницах или колесах, а на «ногах», имитируя передвижения человека или животного. Работа в Союзе тогда была зачастую организована таким образом, что «подсматривались» направления исследований на Западе и передавались с соответствующими комментариями начальникам, после чего те восклицали: «А мы

что, рыжие?!»

И финансировали новые направления. В марте 1969 года началась активная фаза войны США во Вьетнаме, и почти сразу обнаружились проблемы с передвижением войск в тропических и субтропических лесах. Немедленно в США были развернуты исследования по созданию сочлененных машин, машин на воздушной подушке, летающих, шагающих и других неведомых ранее железных зверей. В апреле 1964 года на Нью-Йоркской всемирной выставке был открыт павильон департамента армии США «Армейская мобильность: взгляд в будущее» где представлялся макет шагохода «Ленд-Уокер». Агентство по перспективным научно-исследовательским разработкам США (DARPA) сообщало об испытаниях шагающей техники в зоне Панамского канала. Предполагалось использование шагоходов для борьбы с партизанами, форсирования водных рек с крутыми берегами и передвижения по горной местности.

Игорь углубился в работу с большим энтузиазмом и получил хорошую школу в решении нестандартных задач. В течение года двухместный прототип шагохода о шести «ногах» был готов. К его изготовлению были привлечены многие службы и цеха ЧТЗ, а также другие уральские заводы. Профессору, как опытному водителю и гонщику, выпала честь сесть первым за условный руль машины и сделать несколько кругов по заводской территории. После этого шагоход перевезли на полигон, где начались испытания на пересеченной местности. В ходе испытаний машина, двигаясь по косогору, опрокинулась, шагоход был сильно поврежден, а профессор с напарником получили легкие травмы. Стало ясно, что высокие энергозатраты, сложность управления «ногами», проблемы с обеспечением устойчивости и др. исключают возможность создания работоспособной машины в ближайшем будущем. Много позже это направление стало реализоваться в рамках роботостроения.

Следующей работой лаборатории стало создание сухопутной машины на воздушной подушке. В таких машинах образуется слой сжатого воздуха между днищем машины и поверхностью земли, что обеспечивает высокую проходимость – можно двигаться по грязи, болоту, пескам и т. д. Чтобы удержать воздух под днищем машины, по периметру имеется защитная резиновая «юбка», армированная жесткими металлическими пластинами. В военном применении при движении машины с воздушной подушкой под ней не срабатывают ни противотанковые, ни противопехотные мины, что обеспечивает большое тактическое превосходство. Однако высокая цена таких машин, необходимость использования очень мощных моторов, высокий расход топлива и

невозможность обеспечить достаточную маневренность в стесненных условиях привели к тому, что теперь такие машины используются в основном на воде и заснеженных полях. Лаборатория менее чем за полгода построила двухместную машину, однако при испытаниях профессор, катаясь по большой поляне в лесу, не удержался в ее пределах и ударился о большую сосну на краю поляны. Опять он отделался легкими травмами, но машина была вдрызг разбита. После этого Туров из-за скандалов с дирекцией уволился из института, а лаборатория была закрыта.

Профессор перешел на работу в лабораторию трансмиссий. Заведовал лабораторией Николай Иванович Митрофанов – опытнейший конструктор, работавший на ЧТЗ еще до войны. В начале войны его сгоряча забрали на фронт, где он получил тяжелое ранение в голову, но после госпиталя вернули на завод. В те времена компьютерного проектирования и черчения не было и всё решали талант, квалификация и опытность конструктора. Работая с Митрофановым, Игорь получил в короткое время бесценные знания в области конструирования. Николай Иванович знал наизусть, например, в каком советском или немецком танке стояла та или иная гайка, например, на выходном валу коробки передач.

Тогда все конструкции рисовались простыми карандашами на ватмане, закрепленном на кульмане, затем чертежи копировались тушью на прозрачную кальку, и потом делалась «синька» – копия на светочувствительной бумаге. Правда, ксероксы уже в то время были, и иногда чертежи дополнительно ксерокопировались. В каждом КБ, НИИ существовали копировальные бюро, в которых над чертежами корпели множество женщин. Для нанесения линий использовался рейсфедер – чертежное устройство, состоящее из двух пружинящих створок, соединенных в одной точке ручкой. Щель между створками заполняется тушью, а ширина линии регулируется поворотом небольшой гайки с насечкой. Рейсфедером чертили с помощью специальной линейки или лекала, имеющих выступ, предотвращающий подтекание туши под линейку. Работа эта непростая, тяжелая и требует большого внимания.

Около каждого конструктора стоял стаканчик с остро заточенными карандашами, имеющими грифели различной твердости. Порядочному конструктору полагалось иметь чехословацкие карандаши «Кохинор» и чехословацкую стирательную резинку. Заточка карандаша была важной процедурой, и ей надо было обучаться. Позже из-за границы начали привозить автоматические карандаши с тонким сменным грифелем, но это был жуткий дефицит и такими карандашами

владели немногие.

Расчеты делались с помощью логарифмической линейки – инструмента для упрощения вычислений, с помощью которого операции над числами (умножение, деление, возведение в степень, извлечение корней и др.) производились с достаточно большой точностью – до трех-четырех знаков после запятой. Линейка состоит из корпуса, движка и прозрачного бегунка, имеющего визирную линию.

Игорь был обладателем роскошной готовальни немецкой фирмы «Рихтер» с полным набором чертежных инструментов и немецкой логарифмической линейки – всё это было приобретено его отцом в тридцатые годы и сохранено в годы Отечественной войны. Аналогичные советские инструменты были недолговечными изделиями низкого качества и не могли конкурировать с немецкими изделиями даже тридцатилетней давности.

Однако с помощью этих нехитрых приспособлений были спроектированы и грандиозные электростанции, и атомные суда, ракеты, автомобили и многое другое.

Начало работы Игоря над трансмиссиями совпало с бурной разработкой и внедрением на колесных и гусеничных машинах коробок передач, которые в просторечии теперь называются автоматическими. Естественно, что каждый завод самостоятельно или с помощью какого-либо института проектировал, изготавливал и испытывал собственную коробку передач. На все циркуляры сверху о необходимости унификации заводы реагировали одинаково: «мы готовы, но за базу надо взять нашу конструкцию», далее на пяти страницах шло обоснование, почему именно так следует поступить, – уступать никто не хотел. У начальства лопнуло терпение, и оно открыло тему в институте по унификации автоматических коробок передач. Это была тяжелейшая задача, которая требовала больших технических знаний и политической гибкости. Именно этой задачей, пока в техническом плане, лаборатория в тот момент времени и занималась. Игорь активно включился в эту работу, и когда спустя год техническая часть задания была в основном выполнена – случилось непредвиденное.

Митрофанов не вышел на работу, профессору позвонила жена Митрофанова и попросила его с кем-нибудь срочно приехать. Профессор кинулся в машину, прихватив с собой главного инженера по прозвищу Дон Педро. Тот получил это прозвище, поскольку внешне выглядел как герой какого-нибудь мексиканского сериала – высокий, стройный, смуглый, с набриолиненными прямыми черными волосами и ниткой усиков

над верхней губой. Дон Педро специализировался в институте на улаживании семейных и бытовых вопросов сотрудников. По приезде в квартиру Митрофановых они увидели потрясающую картину: жена Митрофанова, очень немолодая полная женщина, лежала на платяном шкафу, а Николай Иванович бегал по комнате с ножом в руках. Жена рассказала, что после ранения с ним случались приступы бешенства, но до такой степени никогда не доходило. Дон Педро вызвал скорую помощь из психдиспансера, куда, после ее прибытия, Митрофанова общими усилиями и посадили. Дон Педро поехал в больницу, а профессор вернулся на работу и всё рассказал директору института. На следующий день директор с Доном Педро и профессором поехали к главврачу на собеседование. Тот их не обрадовал:

– Положение серьезное, на работу Митрофанов долго не выйдет, честно говоря, я думаю, не выйдет никогда. Будем лечить, звоните, приезжайте.

В машине на обратном пути все молчали.

Через день директор вызвал Игоря:

– Нет вариантов, ты самый грамотный в части унификации трансмиссий, тема эта под министерским контролем, на тебя возлагается руководство и вся ответственность по выполнению этой тематики. Это согласовано с руководством головного института. Кроме того, мы посоветовались с двумя московскими заместителями директора и приняли решение назначить тебя начальником лаборатории, пока временно исполняющим обязанности, а там посмотрим.

Так волею судьбы в двадцать пять лет Игорь стал начальником лаборатории с окладом аж сто шестьдесят рублей в месяц. В процессе дальнейших работ по трансмиссиям профессору пришлось побывать неоднократно и поработать с КБ большинства советских заводов, производящих военные и гражданские самоходные машины. В процессе поездок он представлял главным конструкторам типоразмерный ряд унифицированных и типизированных коробок, разработанный у них в институте, и пытался уговорить заводские КБ пойти на компромиссы. Подвижки были минимальными. Спустя год профессор оформил все материалы в большой отчет и выступил с докладом на совете в головном институте. Совет никакого решения не принял, а председатель – первый заместитель директора по научно-экспериментальной работе – в полушутку сказал: «Что ж, мы сделали что могли, пусть этот отчет немым укором лежит на столе у трех министров!» (Машины делались в различных министерствах.)

После совета Игорь пошел ко второму заместителю директора

их института Григорию Григорьевичу Караваеву, который курировал их филиал. Это был почти двухметровый гигант килограмм на сто двадцать, который, несмотря на добродушный и простоватый вид, отличался тонким умом и глубокими знаниями политико-технической столичной кухни.

– Игорь, я понимаю твои чувства, полтора-два года тяжелой работы, ты тянул всё после ухода Митрофанова – я знаю – и всё псу под хвост. Но, поверь мне, сделать ничего нельзя, я зондировал вопрос в промышленном отделе ЦК – всё глухо. Чем я могу сейчас тебе помочь?

– Григорий Григорьевич! Я хочу сменить амплуа, в трансмиссиях мне делать нечего, теперь, вы поверьте мне, мы настолько отстали от американцев, что трансмиссионщикам надо только знать английский язык, а остальное всё приложится. Я хочу заниматься машинами в целом.

– Ну, у вас в филиале такого подразделения нет, отдельную лабораторию я тебе не обещаю, а вот группу в лаборатории Краснова (эта лаборатория занималась общими вопросами по оптимальному составу парков машин) человек в пять ты получишь. Зарплату мы тебе сохраним. А кого ставить на трансмиссию?

– Я вам рекомендую Должика, он сегодня у нас наиболее подходящая кандидатура. Правда, он пока работает на ЧТЗ, но я его перетащу – беру обязательство.

С одной стороны, Игорю было жалко потерянного времени на работы по унификации трансмиссий, а с другой стороны, он ознакомился почти со всеми советскими релевантными заводами, побывал во многих городах СССР и, главное, приобрел множество полезных знакомств и связей, что в тогдашних советских условиях имело большую ценность. Кроме того, «он и людей посмотрел, и себя показал», как говорилось в народе. Советская, в принципе неработоспособная хозяйственная система во многом держалась на профессиональных людях, обладающих высокой сознательностью и связанных между собой неформальными связями.

В июне 1967 года разразилась Шестидневная арабо-израильская война (с 5 по 10 июня). Она была одной из самых коротких войн в мировой истории, но оказала существенное влияние на историю XX века. О ней написаны сотни книг, статей и академических трактатов, и поэтому остановимся только на аспектах, в той или иной мере оказавших влияние на жизнь простых профессиональных евреев в СССР. Меньше чем за неделю израильская армия разгромила армии Египта, Иордании и Сирии. Такого не ожидал никто. К Израилю отошел Иерусалим, западный

берег реки Иордан, Синайский полуостров и Голанские высоты. Потери арабов составили больше 15 тысяч убитыми, еще десятки тысяч были ранены, а шесть тысяч (в том числе 21 генерал) пленены, плюс тотальная потеря вооружений. Израильтяне потеряли около восьмисот человек убитыми и трех тысяч ранеными. Число военных трофеев тоже было огромным: сто танков в полной исправности и с неизрасходованным боекомплектом и около двухсот – с незначительными повреждениями. Игорь еще застал эти отремонтированные и усовершенствованные машины в составе ЦАХАЛа после эмиграции в Израиль. Одно было ясно советским евреям: именно СССР был реальным вдохновителем этой войны. Его целью было установление руками арабов выгодного СССР порядка на Ближнем Востоке. Огромные средства, затраченные СССР на вооружение арабских стран и обучение их военных кадров пропали зря. Арабские армии были вооружены советским оружием, обучены советскими инструкторами, воевали по советским тактическим схемам, однако Шестидневная война совсем не протекала по планам советских стратегов. Всем было очевидно, что поражение арабских армий было в некоторой степени поражением Советского Союза. А для советских людей мощь страны оценивалась военными победами. Военная же победа была на стороне Израиля. Пришло понимание, что арабские армии, несмотря на численное превосходство и огромную военно-техническую помощь, не в состоянии победить израильскую армию, что подрывает авторитет СССР. Теперь кубинцев и вьетнамцев считали хорошими воинами и союзниками, а арабские солдаты и офицеры появлялись исключительно как герои анекдотов.

Отношение к евреям со стороны простых советских граждан сильно изменилось. Более того, сами евреи стали смотреть на себя по-другому, они ощутили собственное достоинство и обрели некую гордость за свое еврейство. Антиеврейские анекдоты уступили место проеврейским анекдотам, появившимся в огромном количестве. Причем эти анекдоты рассказывали в открытую, никто особенно не прятался. Однажды Игорь с одним коллегой, тоже евреем, прилетел в Москву на одно важное совещание, и они первыми зашли в зал заседания в головном институте. Через какое-то время Игорь услышал, как их генеральный директор, подходя к дверям, спросил ученого секретаря:

– А Гольд уже прилетел?

На что секретарь ответил:

– Не волнуйтесь, они уже здесь!

Все окружающие понимающе засмеялись. Дело было в том, что в то время был очень популярен анекдот о том, как в милицию привели двух хулиганов, затеявших драку с евреями на улице. В объяснении они написали: «Я и Вася выпили с утра по стакану и слышим по радио, что началась арабо-израильская война. Мы врезали еще по двести грамм и слышим, что евреи уже на Синайском полуострове, мы закусили, выпили еще по двести, выходим на улицу проветриться, смотрим, а они уже здесь!»

Народ также уже слабо реагировал на крики официальной пропаганды об израильской агрессии, израильской военщине и пр. Сравнение А. Н. Косыгиным действий израильских военных с действиями Вермахта в начале Отечественной войны, сделанное на сессии ООН в июле 1967-го, особого успеха в народе не имело. Все отлично видели разницу в ситуации.

Совсем другая реакция была у советских властей. В одностороннем порядке были прерваны дипломатические отношения с Израилем. Началось постепенное вытеснение евреев из государственных учреждений, таких, например, как МИД, МВД, Академия наук и пр. В НИИ и КБ, связанных с разработкой военной продукции, начали внедрять принцип трех «не»: не увольнять, не принимать и не повышать. Впервые о трех «не» Игорь услышал в Москве от мужа двоюродной сестры Даны, который много лет работал в КБ Королева.

На вопрос Игоря:

– Как дела?

Он ответил:

– По третьему «не».

В вузах ужесточился контроль за приемом евреев на престижные и военные специальности. Начали появляться в прессе разоблачительные статейки. Конечно, и по сей день не найдены ни в каких архивах документальные подтверждения о тенденции к зажиму евреев, но живущим в то время в СССР тенденция была достаточно очевидна. Таким образом, Шестидневная война отрицательно влияла в течение двадцати лет на карьеру профессиональных советских евреев, абитуриентов, соискателей степеней и приличных должностей в системе и др. В этот момент резко усилился процесс отъезда евреев из СССР. В июне 1968 года министр иностранных дел Андрей Громыко и глава КГБ Юрий Андропов подали в ЦК записку с предложением разрешить советским евреям эмигрировать, в результате чего разрешался выезд полутора тысяч в год пожилых граждан без высшего и специального образования.

Практически профессор никак вышеописанной тенденции на

себе лично не ощущал, а вот к изучению чисто военно-технических аспектов Шестидневной войны некоторым образом был причастен. Опыт Шестидневной войны в очередной раз доказал, что даже самая современная техника с плохо обученным и немотивированным персоналом не в силах побеждать армию с устаревшим вооружением, но квалифицированными кадрами. Это касалось как ВВС, так и бронетанковых частей. Арабские летчики, вооруженные вполне современными самолетами, не владели искусством современного воздушного боя и не умели эффективно взаимодействовать со своими ПВО и друг с другом. Арабские танкисты, оснащенные вполне современными советскими танками Т-54 и Т-55, проигрывали по уровню боевой подготовки израильтянам, имеющим не самые лучшие и не самые современные машины. Боеспособность арабских войск была крайне низкой. В танковых сражениях Шестидневной войны участвовало около двух с половиной тысяч танков с обеих сторон. Конечно, часть из них были устаревшими, но много было и современных машин. К началу войны Египет и Сирия имели на вооружении несколько сотен новейших танков Т-55. Их нарезная пушка могла эффективно поражать большинство западных танков, а низкий контур обеспечивал высокую неуязвимость на пересеченной местности. Кроме того, в составе арабских армий находились тяжелые танки ИС-3, плавающие танки ПТ-76 и усовершенствованные «тридцатьчетверки».

Израильские бронетанковые силы включали в себя британские, американские и французские танки времен Второй мировой войны: «Центурион», «Паттон», AMX-13. Весьма эффективными были танки M-51 Super Sherman со 105-миллиметровым орудием, двигателем Cummins VT8—460 и автоматической трансмиссией (израильская модернизация американского танка «Шерман»). Если увидеть живьем «Шерман» профессору довелось в СССР после войны Судного дня, то остальную технику он уже с интересом рассматривал в танковом музее в Латруне по прибытии в Израиль.

Победа в Шестидневной войне послужила мощнейшим импульсом для разговоров о ЦАХАЛе в преувеличенно возвышенных тонах и провозглашения ее чуть ли не сильнейшей армией мира. Эти преувеличения сыграли вредную роль во время арабо-израильской войны, получившей название «война Судного дня». Тогда в первые сутки боевых действий Египтом и Сирией было достигнуто серьезное преимущество перед израильскими войсками. Главнокомандующий ВВС Египта, выпускник Фрунзенского авиационного училища Хосни Мубарак (будущий президент) под прикрытием систем ПВО за первые семьдесят два

часа войны уничтожил свыше ста израильских самолетов. В начале октября на суше была прорвана линия Бар-Лева и путь на Тель-Авив оказался фактически открытым для египетских войск. День для нападения выбрали, конечно, преднамеренно: 6 октября – важнейший религиозный праздник Йом-Кипур (Судный день), который положено проводить в посте и молитвах.

Прославленная израильская разведка не сумела вскрыть приготовлений арабов под покровом учений и вместе с военным руководством уверяла правительство, что Египет и Сирия абсолютно не готовы к войне и даже мобилизацию резервистов проводить не следует. В результате Израиль едва не оказался разгромленным. Потери израильтян в войне Судного дня составили 2656 человек. Более 10 тысяч раненых. С арабской стороны погибли около четырех тысяч сирийцев, 15 тысяч египтян. Дальнейший ход войны нет смысла описывать, поскольку он широко освещен во множестве произведений разного жанра. Дальше всё было как обычно: окружение арабских армий, тысячи пленных, горы трофейного оружия, истерические призывы арабов остановить «израильских агрессоров», угрозы Советского Союза и т. п. Разгром арабов был полным. Израильские войска находились в сорока километрах от Дамаска и в ста километрах от Каира, имея возможность взять обе столицы. От полной катастрофы Египет и Сирию спасло только активное вмешательство СССР. Война Судного дня стала наиболее масштабной в послевоенной истории. С обеих сторон в войне участвовало в общей сложности более 1,4 миллиона солдат и офицеров, более 5300 танков, свыше 7000 БТР и БМП, около 2700 орудий, более 900 самолетов и 140 вертолетов. В Союзе советские евреи не успели испугаться, а завзятые антисемиты порадоваться. Перелом в войне произошел буквально на третьи сутки. В Союзе мало кто верил советским СМИ, и многие в то время сидели ночами у своих «Спидол», пытаясь выудить крохи информации в треске мощных «глушилок». Из вражеских голосов и обмена информацией с коллегами Игорь узнал, как был возмущен Л. И. Брежнев поражением арабов. Якобы он кричал Громыко (впоследствии оказалось, что это была чистая правда): «Мы столько лет предлагали им разумный путь. Нет, они хотели повоевать! Пожалуйста, мы дали им технику, новейшую – какой во Вьетнаме не было. Они имели двойное превосходство в танках и авиации, тройное – в артиллерии, а в противовоздушных и противотанковых средствах – абсолютное. И что? Их опять раздолбали. И опять они драпали. И опять вопят, чтобы мы их спасли. Нет! Мы за них воевать не станем».

Игорь цифрами, конечно, не владел, но о массированных

поставках наземной техники и массовой посылке в Египет и Сирию советских военных специалистов хорошо знал. Потом стало известно, что Египет за промежуток между войнами получил от СССР 1260 танков Т-54/55, 400 танков Т-62, 750 бронетранспортеров БТР-50 и ОТ-62, 150 новейших боевых машин пехоты БМП-1, сотню бронированных разведывательных машин БРДМ. Сирия получила также немало. Вся боевая подготовка велась советскими инструкторами. В период между войнами 1968 и 1973 годов главным поставщиком вооружений Израилю были США. Парк ударных бронированных машин Израиля включал в себя 150 новейших американских танков М60А1, 450 американских бронетранспортеров и командно-штабных машин М577 на базе бронетранспортера МП3, около 200 бронетранспортеров МП3, около сотни трофейных советских бронетранспортеров БТР-50П и их чехословацких версий ОТ-62 «Топаз», 1850 танков («Шерман», М-48, «Центурион», АМХ) и несколько сотен советских танков Т-54/55 и ПТ-76. При этом трофейная бронетехника модернизировалась в Израиле: так, например, на танки Т-54/55 ставили пушки L7, американские пулеметы, заменили дизели и коробки передач. Таким образом, танковый парк ЦАХАЛ, помимо современной американской техники, во многом состоял из устаревших, модернизированных своими силами модификаций английских и французских танков и БТР, а также из трофеев советского производства.

Во время войны Израиль, конечно, опирался на могучую руку США. Президент Никсон приказал в экстренном порядке немедленно восполнить все технические потери израильтян, причем поставлять самые лучшие образцы вооружений. «Необходимо спасти Израиль, чего бы это ни стоило», – сказал он Киссинджеру.

Начиная с 14 октября, в течение 32 дней американская транспортная авиация совершила 567 рейсов в Израиль, доставив в общей сложности 22 300 тонн военных грузов.

Несмотря на победу, в Израиле о войне Судного дня вспоминают с оттенком скорби из-за высокой цены, заплаченной народом и армией. Ну а в арабском мире, наоборот, несмотря на очевидное поражение, в это время празднуют победу над Израилем. В отличие от Шестидневной войны, война Судного дня в Союзе не вызвала ажиотажа ни среди народа, ни у советских властей. В народе поражение арабов восприняли как закономерность и решили, что еще один эксперимент ничего не решает. В связи с тяжелым положением в стране со снабжением продовольствием и промтоварами, бросовые затраты на вооружение и обучение арабских армий вызывали у граждан

глухое неудовольствие. Властям было уж очень трудно говорить об израильской агрессии, поскольку почти всем было понятно, кто на кого напал. Поэтому ничего нового вдобавок к реакции после Шестидневной войны не появилось. Во внешней политике война Судного дня привела к разрыву отношений между СССР и Египтом, и переориентировавшийся на США Садат склонился к подписанию мирного соглашения с Израилем, договоренность о котором была достигнута на саммите в Кэмп-Дэвиде в 1978 году. А вот для израильтян эта война стала холодным душем, остудившим эйфорию в обществе после Шестидневной войны. Поскольку раздувание собственной значимости и пренебрежение мощью врагов или конкурентов является неотъемлемой чертой израильтян, такой урок был очень полезным, хотя за него пришлось заплатить высокую цену.

Караваев, впрочем, как и Игорь, свое обещание выполнил, и, вернувшись в Челябинск, профессор приступил к работе в новой лаборатории. Прежде всего, он решил начать с выработки концепции своей будущей кандидатской диссертации. В ту пору у советского человека, вставшего на стезю науки в любой сфере, не было другого пути обеспечить себе мало-мальски приличное материальное положение и продвижение по службе, кроме как защитить диссертацию. Штатное расписание любого научно-конструкторского учреждения было общегосударственным и четко определяло зарплату «остепененных» работников, занимающих ту или иную должность. Она была почти в два раза выше зарплаты работника без степени. Тему диссертации Игорь уже «выносил», но теперь надо было обзавестись авторитетным руководителем. В качестве такого он наметил Михаила Федоровича Балжи, который заведовал кафедрой колесных и гусеничных машин и был деканом автотракторного факультета ЧПИ. Надо было думать, как к нему «подъехать». Он был очень известный человек, бывший главный конструктор ЧТЗ по танкам, автор проекта тяжелых танков ИС-3 и Т-10, лауреат многочисленных премий и т. д. и т. п. И аспиранты у него были только из очной аспирантуры ЧПИ.

Тут произошло одно событие, оказавшее значительное влияние на профессора как человека и профессионала. Его отец работал с одной женщиной на кафедре теплотехники и термодинамики ЧПИ, брат этой женщины, Владимир Иосифович Барановский, был главным конструктором Брянского автомобильного завода (БАЗ). Он был выходцем с ЧТЗ, где стоял во главе разработки унифицированных трактора Т-140 и артиллерийского тягача АТ-С. Затем производство тракторов было передано в Брянск, а тягачей – на Курганский

машиностроительный завод.

Владимир Иосифович почему-то решил вернуться в Челябинск, где он планировал занять должность заместителя директора института, в котором работал Игорь. Естественным было его желание получить как можно больше информации об институте из неофициальных источников, и он попросил сестру узнать, не собирается ли профессор в Брянск.

Как-то в одном из сборников «Физики шутят» профессор прочел такую шутку: «Что такое наука? Наука – это удовлетворение собственного любопытства за государственный счет».

Так вот, прелесть и одновременно слабость советской системы состояла в том, что в этой шутке была огромная доля правды. То, что это не привело к очень быстрому коллапсу системы, а, наоборот, во многом способствовало успехам советской науки и техники, объяснялось исключительно высокой сознательностью, патриотизмом, порядочностью и квалификацией большинства советских ученых и инженеров.

Профессор выписал командировку и полетел в Брянск, тем более что у него накопились кое-какие дела на тамошнем заводе. Барановский оказался сероглазым, совершенно седым плотным мужчиной среднего роста лет пятидесяти. Его биография была весьма интересна. В 1929 году советское правительство приняло постановление о строительстве тракторного завода на Урале. В качестве прототипа первого трактора был выбран американский трактор Caterpillar-60. Для проектирования завода наряду с советскими проектировщиками были привлечены американские специалисты, прибывшие в Челябинск. Проект начинался с приобретения трактора «Катерпиллер-60», который разобрали на части. С использованием этих деталей разрабатывались чертежи советского трактора, и планировалась закупка зарубежного оборудования для его изготовления. Поскольку в работе было занято много специалистов, а трактор был куплен в единственном числе, детали поместили на стеллажи в специальную «железную» библиотеку, которая функционировала как обычная библиотека. Можно было зайти и получить любую деталь. Заведовал этой библиотекой инженер из фирмы «Катерпиллер», а так как детали были тяжелые, то снимал их со стеллажей и относил «абонентам» российский юноша. Владимир Иосифович и был этим юношей. 15 мая 1933 года первый гусеничный трактор «Сталинец-60» вышел из ворот сборочного цеха. Поскольку американец русский язык не знал, а абоненты не знали английского, то Владимир Иосифович волей-неволей осваивал английский и за два года худо-бедно заговорил. Потом он окончил техникум, далее институт и стал

одним из ведущих конструкторов завода.

Барановский оказался очень умным, толковым и эрудированным человеком, и Игорь почему-то сразу понял, что они будут единомышленниками и друзьями, несмотря на разницу в возрасте. Так оно и случилось. Через два месяца Барановский приступил к работе на новом месте. Его сразу же многие невзлюбили. Начальство – потому что он был беспартийным, говорил то, что думал, в глаза и не придерживался стереотипов ни в человеческих отношениях, ни в технике. А подчиненные – потому что он был слишком знающим и разбирался в каждом вопросе досконально, не веря на слово, что многим не нравилось. «Персональным» антисемитам, использующим государственный антисемитизм для конкуренции со своими высококвалифицированными коллегами-евреями, не нравилось его исключительно лояльное отношение к евреям. Барановский прекрасно знал Балжи еще с довоенных времен и предложил Игорю поехать к тому на встречу. Сказано – сделано: Балжи принял их и согласился взять Игоря в заочную аспирантуру. Отец Балжи был грек, и от него тот унаследовал бурный темперамент, с которым Игорь тут же познакомился. Дело в том, что сам Балжи был адептом механических бесступенчатых трансмиссий, а Игорь собирался делать диссертацию по машине с гидравлическим трансформатором. В ходе беседы у них возникла дискуссия: Балжи вскочил с места, обежал огромный письменный стол и закричал: «Если ты такой умный, иди на мое место»…

Но он быстро отходил, и беседа через минуту вернулась в рабочее русло.

Игорь начал работать над диссертацией, которая содержала весьма развитую математическую часть. И тут опять помог случай. У них в институте работал один еврей по имени Феликс Ефимович Водяной. Он был весьма примечательный человек, обладающий тем, с чем профессор познакомился только в Израиле – «хуцпой», наглостью по-израильски (конечно, этого слова тогда ни Игорь, ни кто-либо из его окружающих не знали). По понятным причинам, одни специально в шутку, а другие по неточному знанию называли его «Феликс Эдмундович» (так звали Дзержинского).

Когда Феликс проходил без очереди куда-либо, где стояла большая очередь, то народ, который бы растерзал обычного человека, так поступающего, тихо расступался и пропускал его вперед в полной уверенности, что тот имеет законное право так делать. Однажды профессор летел с Феликсом в полупустом самолете. Пассажиров по радио попросили занять места в первом салоне во избежание нарушения центровочного графика

самолета. Феликс не обратил на это ни малейшего внимания и потащил профессора в хвостовой салон, где он почему-то любил сидеть. Подошла стюардесса и попросила путников пересесть, привычно бубня что-то про центровочный график.

На что Феликс сказал ей:

– Мы пересядем, если вы покажете нам этот график.

Стюардесса была потрясена больше, чем вавилонский царь Валтасар, увидевший во время пира огненные слова, начертанные на стене: «Мене, текел, фарес» («Взвешен, измерен и признан недостойным»). Состояние стюардессы полностью соответствовало состоянию несчастного царя, описанному пророком Даниилом: «Тогда царь изменился в лице своем; мысли его смутили его, связи чресл его ослабели, и колени его стали биться одно о другое».

Через пять минут она привела одного из членов экипажа, которому Феликс повторил то же условие. Может быть, такой график и существовал где-нибудь в КБ Туполева или Ильюшина, но на борту самолетов его никто отродясь не видел. Моторы уже ревели, вызывать милицию из-за такого пустяка экипажу не было смысла, пилот махнул рукой и ушел в кабину. Цель была достигнута – Игорь и Феликс летели в хвосте.

Феликс был альпинистом, и у него был приятель – математик из Москвы Володя Шаинский, с которым Феликс познакомил Игоря. Эта дружба сохранилась на многие годы, включая израильский период жизни. Володя охотно помог профессору с математической составляющей.

Группа, которую возглавлял профессор, проводила и курировала лабораторные испытания машин. Испытания всех типов наземных машин делились на два вида. Первый – так называемые эксплуатационные испытания, которые заключались в том, что несколько опытных машин эксплуатируются в типичных условиях, а испытатели только фиксируют и анализируют все виды отказов и поломок. Второй – так называемые лабораторные испытания, для которых выделяется, как правило, одна опытная машина, изучаемая на предмет определения всех ее параметров: действительных размеров, мощности, скорости, производительности, проходимости и т. п. Подобные исследования проводятся, как правило, на специальных полигонах, имеющих необходимое оборудование и приборы для таких исследований. Институт профессора имел такой полигон в восьмидесяти километрах от Челябинска, в районе старинного промышленного уральского городка Чебаркуль и одноименного озера. Однако в некоторых случаях эти исследования делаются прямо у изготовителя или на местах проведения

эксплуатационных испытаний.

Институт, как и все подобные учреждения, был построен по «агрегатному» принципу: подразделения двигателей, трансмиссий, ходовой части и т. д., а вот изучение машины в целом было сферой деятельности профессора. Поэтому на входе в помещение группы профессора висел один из тезисов Норберта Винера[12]: «Оптимизация частей не означает оптимизацию целого».

С середины и до конца 1970-х Игорь часто бывал на Алтае в Рубцовске, где находился тракторный завод, производящий тракторы, лесозаготовительные и трелевочные машины, а также машиностроительный завод, на котором изготовлялась вездеходная гусеничная техника военного и гражданского назначения. Рубцовск был богом забытым местом в предалтайских степях, на берегу реки Алей (глубиной по колено) недалеко от границы с Казахстаном (сорок километров). Он был в те времена на втором месте в СССР после Норильска по концентрации крупных промышленных предприятий. Климат там преотвратительный – сухая жара с пылью летом и пронзительные холодные ветра зимой. История становления города весьма примечательна: в начале войны эшелоны с оборудованием Харьковского тракторного завода и Одесского завода сельскохозяйственного машиностроения шли на восток, и одновременно с этим происходил поиск места для их размещения. Перед войной в городе было развернуто строительство зерноскладов и сахарного завода. Наличие этих строений позволило разместить там огромное количество эвакуируемого оборудования и немедленно начать производство. Было жаль, что эшелоны не дошли до горного Алтая (Бийск, Горно-Алтайск) с великолепным климатом, лесами, речками и Телецким озером. Но у войны своя философия…

Игорь принимал самое активное участие в разработке на тракторном заводе небольшого промышленного трактора, унифицированного с уже производимым там сельскохозяйственным трактором. Он близко сдружился с тамошними двумя украинцами – начальником бюро трансмиссий и заместителем главного конструктора по новым разработкам, а также был в отличных отношениях с главным конструктором, тоже украинцем. Вообще, на огромной территории примерно от Новосибирска до Тихого океана был повышенный процент украинцев, предки которых переселились сюда в столыпинские времена.

Поскольку Игорь часто бывал в Рубцовске, а место это весьма примечательное с точки зрения посещающей его публики, то ему

пришлось там познакомиться с разными интересными людьми. Так, однажды жарким летним днем профессор отправился со своим соседом по гостиничному номеру – «толкачом»[13] из Саратова – на пляж речки Алей. На пляже его сосед замялся и пригласил расположиться в кустах на небольшом острове на середине реки, поросшем густыми кустами. Максимальная глубина реки была по пояс, и соседи легко переправились на остров, закатив брюки. Когда сосед остался в плавках, Игорь ахнул: от пяток до шеи тот был покрыт татуировкой. И чего там только не было! На лопатках были изображены двое мужчин, распиливающих бревно в козлах между лопатками. Когда сосед шевелил лопатками, мужчины пилили бревно. Дальше – больше: на попе находились два кочегара с лопатами, которые при шевелении ягодицами бросали уголь в надлежащее отверстие. Руки и ноги были покрыты разнообразными картинками и надписями поменьше.

– Слушай, дорогой, Третьяковскую галерею можно закрывать!

– Вы смеетесь, а я нигде не могу раздеться – народ собирается. А перед внуками как неудобно…

– Да как вас так угораздило?

– Война… штрафбат.

Другой примечательный случай произошел с Игорем, когда он в самолете, летевшем из Новосибирска в Рубцовск, познакомился с молодой красивой женщиной – инженером-металловедом. Всё бы ничего, но когда по прилете на место пассажиры встали, оказалось, что Игорь не достает этой даме даже до плеча. Дальше они жили в одной гостинице, вместе ходили на завод, вместе завтракали и ужинали в ресторане… и слегка забавляли окрестную публику. Второй такой случай был у Игоря спустя много лет, когда в Скопье один его македонский коллега поручил своей жене – бывшей американской модели сербского происхождения – опекать Игоря на Балканах.

Заводчане должны были отправить один опытный трактор в Челябинск на лабораторные испытания. Профессор договорился с ними, что после испытаний трактор останется у него и будет переоборудован для проведения экспериментальной части его диссертации. Эксплуатационные испытания проводились в Казахстане, где машины работали в районе высокогорного стадиона «Медео».

Игорю довелось наблюдать «Медео» в ранние времена, когда искусственного катка еще не было, а красивейшее горное озеро Иссык еще было, и участвовать на протяжении ряда лет в строительстве сооружений, плотин, защищавших тогдашнюю столицу Казахстана – по мнению Игоря, один из красивейших

городов мира.

Коммент-эр: строительство первой плотины началось в 1964 году.

В 1966-м в ущелье Медео были произведены два уникальных в мировой практике направленных взрыва. В результате взрывов была образована плотина средней высотой 84 метра.

Мощнейший сель сошел в Медео в 1973 году, и построенная плотина не дала разрушить город. Чтобы она устояла, пришлось строить дамбы и круглосуточно откачивать воду. В урочище были брошены силы и средства со всего СССР. Озеро Иссык было засыпано селем, и в его окрестностях погибло больше ста отдыхающих. После этого события плотину надстроили до высоты 150 метров,

Стадион с искусственным льдом был сооружен в 1972 году, и его площадь составляет более 10,5 тысячи квадратных метров. Это позволило проводить здесь соревнования по скоростному бегу на коньках, хоккею с мячом, фигурному катанию и другим зимним видам спорта. Мягкий климат урочища Медео, пониженное атмосферное давление, почти полное безветрие, чистая ледниковая вода из реки обеспечивают высочайшее качество льда. Рядом со стадионом «Медео» на высоте 1700 метров над уровнем моря находится прекрасный ресторан «Казахский аул».

Много раз Игорь бывал также в Карелии, в Петрозаводске на Онежском тракторном заводе. В свободное время он любил плавать на пароходике по Онежскому озеру в Кижи. Однажды в апреле Игорь прилетел в Петрозаводск в субботу и в воскресенье отправился в Кижи. Сезон только начинался, и пароход в день делал два рейса: утром в Кижи и вечером обратно в Петрозаводск. Было весьма прохладно, и Игорь одолжил у своего соседа по гостиничному номеру, гражданского летчика, фуражку. Эта фуражка в сочетании с модным нейлоновым пальто спасла Игоря от голодной смерти в Кижах. Дело было в том, что ни один ресторан или буфет на острове не работали, а ждать надо было до вечера. Из попутчиков на пароходе была только группа учеников во главе с хорошенькой молодой учительницей. Днем вся группа расположилась в деревянной ротонде XIX века на обед из привезенных запасов, в то время как Игорь ходил вокруг и щелкал зубами. Учительница предложила детям пригласить дядю летчика закусить с ними и послушать его рассказы об авиации, что было с радостью принято обеими сторонами. Игорю пришлось напрягать всю свою память и фантазию для внятных рассказов о советской гражданской авиации.

В 1968 году произошло событие, подорвавшее последнюю веру советской интеллигенции в ликвидацию или хотя бы смягчение тоталитарной модели советского строя. Войска стран Варшавского договора (кроме Румынии) в августе оккупировали Чехословакию, положив конец так называемой «Пражской весне». «Пражская весна» являлась общественным процессом, направленным на демократизацию режима, свободу печати и рыночные реформы в экономике. Профессор следил за «Пражской весной» с большой симпатией и надеждой на ее распространение на советское пространство.

Осенью 1968 года он по случаю поехал отдыхать в молодежный лагерь возле города Бургас в Болгарии. На пляже он познакомился с симпатичной шатенкой, завязав разговор на английском языке. Как только девушка (а она была старшекурсницей Пражского университета) узнала, что Игорь «русский», она прекратила с ним даже разговаривать. Два дня профессор пытался объяснить ей, что это не он отдал команду о вторжении в Чехословакию. Наконец, она вняла его уговорам и многое рассказала о том, что действительно происходило в Чехословакии. Ясное дело, что в советских газетах это всё безбожно перевиралось и искажалось. Слава богу, что члены туристической группы Игоря, которые периодически подходили к нему на пляже, не знали английского и думали, что он просто «подбивает клинья» к хорошенькой чешке. Иначе тут же «настучали» бы «куда надо».

За десятилетие работы Игорь побывал в Якутии, на Кольском полуострове, на Дальнем Востоке, на Чукотке, на Алтае, в Средней Азии и практически во всех районах Европейской части СССР, включая Карелию, Прибалтику, Закарпатье, Белоруссию, а также во многих крупных городах, таких как Ленинград, Харьков, Минск, Горький и других.

В конце 1970 – начале 1971 года в семье Гольдов случилось два важных события. Во-первых, Игорь защитил в Москве кандидатскую диссертацию (его месячная зарплата возросла до 400 рублей) и стал первым кандидатом наук у них в институте, а во-вторых, через папу Даны, Александра Семеновича, они получили автомобиль ВАЗ-2101 «Жигули» – легендарную «копейку».

Современному читателю не придет в голову считать приобретение автомобиля «Жигули» событием, а вот в то время это было именно так. Во-первых, купить любую новую машину в Союзе было тогда очень непросто. К концу 1960-х автомобили перестали продаваться в магазинах, и все очереди были, соответственно, ликвидированы. Машины теперь распределялись

по предприятиям, которые, в свою очередь, давали возможность их приобрести своим сотрудникам. Дележ автомобилей внутри предприятий был постоянным предметом споров, зависти, трений между сотрудниками. Естественно, процветала спекуляция. Особенно в цене были выигрышные лотерейные билеты. Грузинские и среднеазиатские покупатели, например, платили тройную цену за лотерейный билет, выигравший «Волгу».

Во-вторых, что касается «Жигулей», то это была совсем особая история, поскольку строительство ВАЗа вызвало «Великую итальянскую революцию» в советской промышленности, автосервисе и просто в жизни советских граждан. Заводы-смежники осваивали производство современных деталей, компонентов и материалов, включая радиальные покрышки, тормозную жидкость, антифризы и масла. Всё это приходилось поначалу закупать за границей, а потом осваивать производство на советских заводах. Доходило до замены многих отечественных стандартов. Создавалась совершенно новая для СССР система послепродажного сервиса. А потребитель получил неслыханную доселе машину с компонентами, не требующими перманентных регулировок, смазок, подтягивания гаек и обеспечивающими комфорт, удобство управления, отличную динамику и эффективное торможение, а также легкую зимнюю эксплуатацию.

Дело дошло до «полного безобразия». После покупки «Жигулей» в начале 1971 года профессор по принятому обычаю и по привычке отвез машину к «своему» немцу Ивану Ивановичу для подтягивания болтов и гаек. На следующий день Иван Иванович позвонил ему на работу и панически сообщил, что ни одна гайка не подтягивается – всё затянуто на совесть. Всё это вызвало рождение нового типа массовых владельцев: людей далеких от техники, женщин, пожилых людей и т. п. Конечно, профессор теоретически предвидел такой результат, так как перед покупкой машины, еще до запуска конвейера, побывал на заводе, благо вышел приказ по министерству, обязывающий ответственных сотрудников учреждений ездить учиться на ВАЗ.

Он был на заводе в достаточно привилегированном положении, поскольку сестра одного его близкого приятеля была замужем за секретарем комсомольской организации ВАЗа, окончившим автотракторный факультет ЧПИ на четыре года позже профессора, Володей Сазоновым. Володя был послан в конце 1960-х в Италию на «Фиат», где пробыл три года вместо положенных двух, из-за многочисленных забастовок. Володя был крупной фигурой на ВАЗе, так как основным рабочим контингентом завода была молодежь и комсомольцы. Он познакомил Игоря с итальянскими инженерами (их офис

располагался рядом с бюро комсомола), отрекомендовал его главному конструктору и повозил по всем цехам и службам на своей машине (обойти завод пешком было почти невозможно, но все цеха имели проходы, позволяющие движение легкового и грузового транспорта). Профессор убедился, что правду говорили те, кто считал прародителя «Жигулей» – «Фиат-124» – внутри больше, чем снаружи: просторный и удобный салон с хорошим обзором, вместительный багажник.

Однако после покупки машины искушение изучить самому невидимые глазом достоинства было исключительно сильным. Зимой, увидев на термометре минус 25 градусов, профессор побежал в гараж и без труда завел машину. Прогнозы предвещали дальнейшее похолодание, и, дождавшись 35 градусов, профессор снова пошел в гараж… и «Жигули» завелись! Он торжественно поехал домой, забрал Дану, и они отправились на «Зеленый базар», где купили новые карнизы для штор. Карнизы не вошли в машину, и Дане пришлось их держать в руках за бортом через открытое боковое окно. Но этого было мало – в ста метрах от рынка спустило колесо. Профессор был не новичок по части зимней эксплуатации автомобилей, но замена колеса в 35-градусный мороз с последующей поездкой в машине при открытом окне как-то запала ему в память надолго. Однако «Жигули» тут были ни при чем, экзамен на зимний запуск они выдержали. Раньше моторы массовых советских машин не работали на антифризе, и после поездки зимой приходилось сливать воду. Соответственно, при каждой новой поездке воду приходилось снова заливать. Проблема зимнего запуска постоянно стояла в большинстве районов СССР, как для индивидуальных владельцев, так и для парков большегрузных машин. Наличие теплого гаража было хрустальной мечтой. И вдруг на тебе: нет проблемы. Это было настоящее чудо.

Вторым чудом было то, что вазовские центры худо-бедно снабжались бесперебойно запасными частями. Для советского автовладельца «Жигулей», вконец измученного доставанием запчастей в довазовский период, жизнь радикально изменилась. Правда, осталась проблема шин. Шины советского производства ходили 25–30 тысяч километров. Достать новые шины было крайне трудно, и стоили они довольно дорого. В ответ была изобретена «наварка» шин, когда в полукустарных условиях на изношенную шину привулканизировался новый самодельный протектор. Такая шина имела пробег до 20 тысяч километров.

ВАЗ-2101 профессора был сделан в период начальной стадии работы завода, и на нем стояло много импортных деталей и компонентов: кузов был сделан из итальянского листа, тормоза

тоже были итальянские, свечи зажигания – японские и т. д. Игорь проездил на нем десять лет, наездил более ста тысяч километров без каких-либо нареканий. Сервисные вазовские центры обслуживания еще только начинали строиться, и в Челябинске сервисное обслуживание было возложено на типично советскую СТО (станцию технического обслуживания). Штамп в паспорте машины для обеспечения гарантии надо было получать, и профессор при первом обслуживании провел целый день на станции, постигая вместе с ее сотрудниками премудрости технического ухода за «Жигулями».

Коммент-эр: идею строительства гигантского автозавода выдвинул председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин. Поиски партнеров вели очень тщательно, к ним был привлечен даже КГБ. На Дмитровском полигоне прошли испытания Fiat-124, Ford Taunus 12M, Morris-1100, Peugeot-204, Renault-16 и Skoda 1000 MB.

В финал вышли «Фиат» и «Рено». «Рено» показал себя лучше «Фиата», но выбор «Фиата» был сделан по политическим и макроэкономическим соображениям. Поговаривали, что курировал сделку сын Брежнева Юрий Леонидович, бывший тогда заместителем министра внешней торговли. Определенную роль сыграло то, что «Фиат-124» стал автомобилем года в Европе в 1966 году. Последнюю точку поставил «дорогой» Леонид Ильич Брежнев лично: «Итальянцы нам ближе, чем французы. Брать будем «Фиат».

28 октября 1970 года в Москву был отправлен первый эшелон с автомобилями «Жигули» – знаменитой «копейкой» ВАЗ-2101. Машина значительно отличалась от своего итальянского родителя и была полностью адаптирована под советские погодные условия, дороги и другие особенности. Завод был оснащен новейшим технологическим оборудованием фирм Италии, ФРГ, Франции, Англии, США и других стран.

Проект Волжского автозавода можно считать самым успешным из всего «гражданского» машиностроения СССР за послевоенную историю страны. Производство «копейки» буквально изменило жизнь миллионов советских людей. В 2000 году, по результатам опроса почти 80 тысяч автолюбителей из России и стран СНГ, проведенного журналом «За рулем», ВАЗ-2101 был признан «лучшим российским автомобилем столетия».

Профессор получил на работе трехкомнатную квартиру в новом доме в Тракторозаводском районе, обменял ее на квартиру в солидном доме довоенной постройки в центре города и

переселил туда родителей Даны. Обмен квартиры по-советски – это была, как правило, эпопея с завязкой, кульминацией и финалом. Так, например, обмен Игоря был тринадцатикратный, то есть включал в себя обмен по цепочке тринадцати квартир. Логистика была сложнейшая, а одновременный переезд жильцов из тринадцати квартир (иначе было нельзя, поскольку ни одной свободной квартиры не было) выглядел как военная операция вроде битвы на Курской дуге. В ней были задействованы три грузовика, пять легковых автомобилей и человек пятнадцать «бойцов» разного уровня и назначения. Кульминация наступила, когда у одного из жильцов случился инфаркт, а одна бабушка вдруг неожиданно отказалась переезжать.

Марианна вышла замуж и уехала с мужем, который был инженером-энергетиком, на Белоярскую атомную станцию. Игорь и Дана остались в квартире одни. Супруги жили весело, их квартира находилась в самом центре города, практически на главной городской площади, Дана преподавала в музыкальном училище, знакомых и приятелей у них было очень много, включая местных журналистов, фотографов, художников, музыкантов, кавээнщиков и других. Гости в их квартире не переводились практически всю неделю. Особенно напряженно было в праздники 7 ноября и 1 мая – колонны демонстрантов шли до площади, проходили по ней, а после прохождения рассасывались. А тут дом Даны и Игоря – как не зайти! Большинство вечеринок также проводилось у них в квартире.

Одним из самых близких их друзей был Саша Евсеев, благодаря которому Игорь и Дана познакомились. Он работал в молодежной областной газете, а его родители жили в Златоусте. Их домик стоял на откосе, сходящем прямо к берегу пруда. Отец Саши был аккумуляторщиком и рано вышел на пенсию. Как и было положено, он активно занимался самогоноварением и имел под кроватью сварной бак из нержавейки с самогоном. Игорь был человеком знакомым с крепкими спиртными напитками, и отец Саши всегда с нетерпением ждал его приезда, чтобы похвастаться новым продуктом. Однажды в Златоуст приехала целая компания из приятелей, и после дегустации Игорь с Даной пошли ночевать в машину. Поскольку она стояла на косогоре, всю ночь они скатывались к дверям и не понимали, в чем дело.

Как-то Игорь увидел, что в Москве появился коньяк «Камю», который стоил баснословно дорого. По возвращении домой он попросил Сашу, собиравшегося на сессию в Литературный институт, привезти бутылку этого коньяка.

Приехав, Саша сказал:

– «Камю» не мог достать, продают только «Самуе».

С тех пор, даже уже живя в Израиле, Игорь с Даной говорили:

– А не выпить ли нам по рюмочке «Самуса»?

Другим близким другом был Кирилл Шишкин, доцент ЧПИ и по совместительству местный поэт и прозаик.

Дана с дочкой часто ездила отдыхать летом в Пярну, очаровательный эстонский городок на Балтике. Пару раз Игорь ездил с ними, но больше недели не выдерживал – море было слишком холодным. Дана всегда останавливалась у одинокого пожилого эстонца Арнольда, который был красногвардейцем во время революции и воевал вместе с будущим маршалом Жуковым. Арнольд поддерживал контакты с маршалом до самой смерти последнего. Игорь с интересом рассматривал домашнюю утварь Арнольда: гладильную машину, соковыжималку «Тутти-Фрутти», кофеварку и другие вещи, сделанные в 1930-х годах в Германии, Швеции и Финляндии. Как-то Игорь заметил, что Арнольд всегда сидит возле чайника, стоящего на газовой плите, во время кипячения воды. Когда он поинтересовался, зачем это надо, Арнольд объяснил, что он боится пропустить момент кипения и тогда дальше газ будет расходоваться зря.

Однажды к Игорю обратился председатель институтского ВОИР (Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов) и предложил ему поехать на всесоюзный семинар в Баку по АРИЗ (впоследствии ТРИЗ).

Коммент-эр: АРИЗ (ТРИЗ) – Алгоритм (Теория) решения изобретательских задач, который в 1946 году начал разрабатывать советский патентовед Г. С. Альтшуллер со своим товарищем Р. Б. Шапиро.

Это по сути своей комплексная программа, основанная на законах развития технических систем, предназначенная для анализа и решения изобретательских задач и представляющая собой описание последовательности изобретательского процесса, которое может взять на вооружение каждый человек. Алгоритм решения изобретательских задач отличается высокой гибкостью: разные задачи решаются разными методами, зависящими не только от условий задачи, но и от знаний и опыта изобретателя. С 1990-х годов начался период признания ТРИЗ за рубежом, в крупнейших странах мира. Также Генрих Саулович Альтшуллер (литературный псевдоним Генрих Альтов) являлся одним из ведущих отечественных писателей-фантастов 1960-х годов.

Игорь прилетел в Баку в октябре – наверное, самое прекрасное время года в тех краях. Вторым делегатом от Челябинской области был старый ленинградец, эвакуированный в

Челябинск во время войны, Владимир Трусов, который окончил еще до революции Петербургский политехнический институт и Петербургскую консерваторию.

Занятия на семинаре проводил сам Альтшуллер, и Игорь имел удовольствие наслаждаться в течение недели общением с двумя интереснейшими людьми – Альтшуллером и Трусовым. Перед отъездом он написал «Поэму об АРИЗе» и подарил ее Генриху Сауловичу. Тому она очень понравилась, и он активно цитировал строчки на заключительном банкете. По возвращении в Челябинск Игорь тепло благодарил их председателя ВОИР за прекрасную поездку.

Профессор часто бывал в командировках, и многие мероприятия ложились на хрупкие плечи Даны. Выручали, как водится, бабушки и дедушки.

Игорь стригся у одной милой стройной девушки Веры в парикмахерской в центре города. Но красивое лицо Веры было покрыто оспенными следами, что заставляло ее страдать и думать, что ее никто не полюбит. Утешение Вера решила найти в профессиональной деятельности и начала активно участвовать в разнообразных конкурсах и соревнованиях. В качестве модели она решила взять профессора, у которого были волосы, хорошо поддающиеся парикмахерскому процессу. Игорь пожалел девушку и согласился. Как говорится, ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Профессор попал в парикмахерскую орбиту более чем на десять лет – ему было уже за тридцать, он заведовал лабораторией и был кандидатом наук, но продолжал ездить на соревнования в Союзе и даже в соцстраны под нажимом руководства комбината бытового обслуживания, призывающего директора института, где работал профессор, защитить честь города Челябинска. Иногда к этому нажиму подключался и райком партии. Вера уже завоевала все возможные титулы и звания и вышла замуж за парикмахера Сережу, которому и подарила профессора, как римский патриций дарил искусного раба своей жене или любовнице. Только когда Сережа догнал свою жену по количеству наград и призов, Игорь стал «вольноотпущенником». Зато он стригся каждые десять дней, как английские лорды, у которых дурным тоном считалось визуальное свидетельство какой-либо стрижки – они всегда были одинаково пострижены.

Сильно донимал советский дефицит. В свободной продаже в Челябинске практически не было ничего: ни нормальных продуктов питания, ни приличных алкогольных напитков, ни хорошей мебели, ни совершенных бытовых приборов, ни хорошей одежды и обуви. Всё приходилось «доставать», на это тратилась

масса сил, времени и денег. Многие вещи приходилось доставать через спекулянтов и переплачивать. «Доставание» было важнейшим компонентом советского быта и занимало важное место в жизни каждого гражданина и каждой семьи. Семейство Гольдов не могло, конечно, сравниться с «избранным» кругом, в который, помимо работников партийных органов и высших хозяйственных руководителей, входили директора и продавцы магазинов, парикмахеры, некоторые врачи и работники гостиниц. Однако в сравнении с обычными гражданами они имели маленькие преимущества, заключающиеся в том, что у них была машина и что Игорь часто летал по всей стране, включая места, где дефицит кое-какой водился: Москву, Прибалтику, Дальний Восток, Среднюю Азию. Соученица по музучилищу и подружка Даны жила в «Челябинске-40» (город Озёрск) с мужем, работавшим на объединении «Маяк»[14].

Пару раз в году она посылала Гольдам пропуск для посещения Озёрска. Ясное дело, в озерских магазинах всё было. Гольды нагружали машину до отказа: ящики с болгарским вином, армянский и дагестанский коньяк, мясо, сыр, болгарское детское питание, нейлоновые рубашки, обувь, ковры и пр. Однажды произошел забавный случай – в километрах двадцати пяти от Озёрска они догнали грузовик, нагруженный явно импортной мебелью. Игорь обогнал грузовик и посигналил водителю. Оказалось, что местные жители везут слегка подержанный финский мебельный гарнитур-кабинет в комиссионный магазин в Челябинск. Профессор с Даной быстро залезли в кузов, осмотрели гарнитур, договорились с хозяином о цене и направили машину к себе домой. Для гарантии Дана села в грузовик с шофером, а хозяина мебели Игорь взял к себе в машину. Таким образом, семья стала обладателем прекрасного финского гарнитура для кабинета, который им даже не снился. Пределом мечтаний советских граждан в то время была югославская, а далее немецкая или чешская мебель. За роскошным финским письменным столом Игорь написал докторскую диссертацию.

В московских учреждениях тогда процветал жанр «заказов»: примерно раз в две недели среди сотрудников распределялось некоторое количество продуктовых наборов, содержащих непортящиеся продукты: шпроты, сухие колбасы, гречку и пр. Когда профессор приезжал в головной институт в Москве, сотрудники, близко знающие Игоря и осведомленные о состоянии дел в Челябинске, часто наперебой предлагали ему лишние «заказы». Самолет, улетающий из Домодедово в Челябинск, выглядел как продуктовый грузовик – на всех полках лежали сетки и сумки с продовольствием. Происходили и курьезные

случаи. Однажды профессор вез домой двух замороженных венгерских кур и встретил в аэропорту Домодедово своего близкого приятеля Гену Рымбаева – начальника цеха на одном военном заводе, который вез точно таких же кур. Обычно куры за рейс не успевали разморозиться, но тут объявили задержку рейса почти на двенадцать часов. Попытки договориться насчет холодильника в одном из буфетов успехом не увенчались, и приятели решили закопать кур в снег в газоне возле домодедовского аэровокзала, благо была зима. Утром объявили посадку, и приятели выскочили на улицу за курами. Не тут-то было, ночью шел сильный снег, кур засыпало, и найти их было невозможно.

Однажды на Дальнем Востоке коллеги подарили профессору здоровенную – метра два с половиной – только что пойманную рыбу, с каким-то мудреным названием. Они уверили его, что рыба выпотрошена, слегка просолена и дома только надо будет повесить ее на балконе вялиться. Рыбу упаковали в длинный сверток, и в самолете профессор затолкал его под сиденья, причем рыба заняла все три сиденья в ряду. Полет шел из Хабаровска, и где-то в районе Новосибирска спящий без обуви профессор почувствовал, что ноги стоят в луже – из рыбы вытек рассол. Начали просыпаться соседи, позвали стюардессу. Она отнеслась к проблеме либерально, воду откачали с помощью тряпок, и рыбу положили на место. После того как Дана с трудом повесила рыбу на балкон вялиться (рыба была ровно в два раза больше ее), в ней завелись черви и рыбу пришлось выбросить.

Всю советскую жизнь профессор возил из командировок продукты питания и вещи. Под Челябинском было много шахт с соответствующими поселками, в магазинах этих поселков часто бывали японские вещи – например, профессор купил себе там японский кримпленовый костюм, Дане – костюм из джерси и т. д.

Иногда на Челябинск снисходила благодать – так, однажды ранней весной пришел то ли поезд, то ли вагон с финской одеждой. Ввиду гигантского спроса и одновременного завоза такого большого количества товара, торговля была организована оригинальным образом. В городе на улицах было установлено несколько десятков прилавков, цены на все изделия были установлены только круглые, сдачу продавец не давал. Покупатель отдавал продавцу деньги, забирал товар и тут же уходил. Если вещь ему подходила, то он уже не возвращался, если не подходила, покупатель возвращал вещь и получал назад деньги. Скорость реализации была на порядок выше, чем при обычной торговле. Подъезды всех домов в окрестностях соответствующего ларька были заполнены покупателями,

примеряющими одежду, прилегающие улицы были заставлены припаркованными автомобилями, в которых покупатели тоже примеряли вещи. Гольды купили профессору куртку, плащ, пальто, костюм, а Дане – плащ, и носили всё это лет шесть.

Другим вещевым источником служили магазины «Березка». В «Березках» товары продавались за иностранную валюту либо за сертификаты. Граждане Союза, работающие за рубежом, должны были переводить всю свою зарплату на специальный валютный счет в банке для внешней торговли и взамен получать сертификаты, эквивалентные рублю. Много людей, вернувшихся из-за границы, и разных дельцов спекулировали сертификатами, продавая их по 4–8 рублей за штуку. Покупать по такой цене сертификаты, а затем товары на них было очень дорого, и Гольды использовали этот канал только для покупки очень модных вещей Дане. Это было тоже непросто, поскольку «Березки» были только в Москве, Ленинграде и портовых городах. Профессор-то мог посещать эти магазины, но покупать втридорога без примерки было рискованно. Поэтому он делал это редко и в основном покупал Дане материю, из которой потом она шила платья.

Однажды Игорь шел по коридору в головном институте и навстречу ему попался заместитель директора Караваев. Он долго и внимательно смотрел на Игоря, а потом хлопнул себя по лбу и закричал:

– Как же сразу я не додумался! А ну-ка пойдем ко мне в кабинет. Ты, конечно, знаешь, что КГБ не дал разрешения на привоз целого батальона японцев в Сибирь или на Урал, поэтому принято решение везти тракторы в Ереван и проводить их испытания на строительстве дороги Ереван – Севан.

Профессор, конечно, понимал, в чем дело. Перед началом строительства Чебоксарского тракторного завода следовало определиться, какую машину там будут делать. В КБ ЧТЗ разрабатывался трактор Т-330, и предлагалось делать его в Чебоксарах. Параллельно поступили предложения от двух фирм – американской «Катерпиллер» и японской «Комацу» – о продаже лицензии на производство их тракторов. Советская сторона выступила с предложением прислать образцы техники, предлагаемой для производства в Чебоксарах, на испытания. Машины фирмы «Катерпиллер» работали в СССР с начала 1960-х годов, и американцы со скепсисом отнеслись к просьбе советской стороны: что тут испытывать – высочайший уровень изделий их фирмы всем известен. А вот японцы восприняли просьбу более чем положительно, было подготовлено пять машин и предполагалось их испытывать в Якутии. Поскольку пять тракторов сопровождал целый отряд японских специалистов, а

КГБ не дал разрешение на их приезд в Якутию, было решено испытывать машины на строительстве дороги Ереван – Севан в Армении. Условия за исключением минусовых температур там были тяжелейшие – сплошной базальт.

– Так мы ищем кандидата на должность руководителя испытаний с советской стороны, и как я сразу не сообразил, что ты идеальная кандидатура. Только что защитил диссертацию – пора и на государство поработать, лучше всех знаешь эти машины, имеешь допуск для контактов с иностранцами, говоришь на английском. Всё… я звоню директору и в министерство. И надо сообщить директору нашей новой Южной испытательной станции. Она в пятнадцати километрах от Еревана, тракторы прибудут туда, и станция будет обеспечивать всю матчасть с нашей стороны, а также быт ваш и японцев. Что скажешь?

– Что скажу? Служу Советскому Союзу!

Через день был готов приказ о назначении Игоря руководителем испытаний с советской стороны, и Игорь улетел домой уже в этом качестве. Он понимал, что эта волынка – на полгода, и ему это никак не улыбалось, но найти хотя бы какие-нибудь аргументы против слов Караваева он не мог. Спустя две недели после возвращения Игорь узнал, что КГБ дал разрешение привезти японцев в Якутию, но было поздно – корабль с тракторами уже прошел Босфор и направлялся в Батуми.

Через месяц Игорь вылетел в Тбилиси. Из Тбилиси в Ереван профессор добирался на автобусе. Было интересно видеть, как меняется ландшафт с мягкой сочной зелени, фруктовых садов, густого смешанного леса в Грузии на мрачную горную местность со скудной растительностью в Армении. Игорь поселился в забронированном ему номере в гостинице «Армения», расположенной в самом центре и входящей в архитектурный ансамбль, обрамляющий площадь Республики. Наутро за ним пришла машина, и он отправился на Южную испытательную станцию, куда затем подъехала вся японская команда, состоящая из пяти механиков-водителей, двух инженеров и руководителя Исиро Сузуки. Их сопровождала переводчица – полная говорливая веселая армянка из ереванского «Интуриста». Переводила она с русского и армянского на английский. Команда японцев жила в том же отеле «Армения». Тракторы уже находились в начале планируемой трассы со стороны Еревана. Там был разбит походный лагерь с парой сборных домиков, складом, передвижным генератором и цистернами с водой и горючим. Японцы привезли с собой биотуалет – диковину, которую профессор ранее не видел. Стороны договорились об организации работ, взаимодействии, и буквально на следующий день в

мрачных, достаточно безлюдных горах заревели моторы 500-сильных машин и загрохотало железо, вгрызающееся в черный базальтовый монолит.

Условия и быт были весьма тяжелыми. В семь часов утра испытатели уже выезжали из гостиницы и возвращались затемно. Ни кафе с полноценной горячей пищей, ни столовых в центре Еревана не было. Вечером Игорь, приняв душ, заходил за Сузуки, и они плелись в ресторан, после чего дружно шли спать. Игорь сдружился с молодым улыбчивым японцем (они были однолетки), и у них практически не было разногласий на работе. Когда Игорь собрался эмигрировать, Сузуки уже был директором московского представительства фирмы «Комацу». Пытаясь избежать эмиграции в Израиль, Игорь встретился с Исиро в Москве и попросил посодействовать его трудоустройству в американское представительство «Комацу».

Сузуки спросил его:

– Как тебе отвечать – по-японски или честно? В нашей фирме не берут на работу таких пожилых людей, как мы с тобой, но я-то уже в ней работаю, а ты… извини.

Все воскресные дни профессор посвящал походам по ереванским музеям и картинным галереям, которыми Ереван и его окрестности буквально нафарширован. Несколько раз он побывал в Эчмиадзине, где однажды с ним произошла интересная история. Гуляя по Эчмиадзину, Игорь случайно познакомился и разговорился с выпускником духовной академии. Он поразился образованности, эрудиции, глубине и широте взглядов молодого человека и не скрыл это от него. В ответ тот объяснил профессору, что в академии учатся пять лет и изучают логику, философию, риторику, психологию, всемирную историю, греческий, русский, английский языки. После некоторого размышления молодой человек дал Игорю пригласительный билет на встречу выпускников академии с Католикосом всех армян Вазгеном I. Католикос традиционно проводил раз в году такие встречи с выпускниками академии. Католикос оказался седовласым статным красивым мужчиной с интеллигентным лицом, пронзительным умным взглядом и роскошной черно-седой бородой. Хотя католикос был родом из Румынии, окончил Бухарестский университет и получил сан священника в Афинах, он прекрасно, без всякого акцента говорил на русском. Вообще, рабочими языками встречи были русский и армянский, поскольку большинство выпускников были советские армяне. Профессор заинтересовал католикоса – видимо, нечасто иноверцы участвовали в таких встречах – и тот удостоил профессора подробной беседы.

После выяснения морально-этического облика Игоря Вазген сказал выпускникам:

– Этот человек говорит, что он атеист, но, как вы слышали, я выяснил, что его взгляды и жизнь полностью соответствуют нормам нашей армянской церкви. Таким образом, дело только в формальности. – И, улыбаясь, добавил: – Давайте прямо сейчас его окрестим под мою ответственность.

Игорь понял, что католикос не лишен юмора, и рассказал ему свежую передачу ереванского радио:

– Группа товарищей пишет, что их очень беспокоит Гондурас. Радио советует, как можно меньше его расчесывать.

Коммент-эр: в нынешние времена эта шутка выглядит достаточно банальной и даже глуповатой, а тогда она имела серьезную политическую подкладку. Дело в том, что в 1980 году власть в Гондурасе захватила марксистская сандинистская партия. Дальше всё пошло по накатанному сценарию: началась перестройка политического режима по образцу Кубы и СССР, осуществлялось огосударствление предприятий и аграрная коллективизация, были развернуты политические репрессии. Кончилось это всё, как водится, так называемым контрреволюционным переворотом, осуществленным вооруженными формированиями «контрас». «Контрас» поддерживали все страны за исключением СССР и Кубы. В советской прессе, на радио и телевидении была развернута массовая кампания, в ходе которой переворот рассматривался как важный элемент глобальной холодной войны и клеймились позором США и другие страны. На всех советских предприятиях проходили митинги, где рабочие и крестьяне, которые никогда раньше не слышали слово «Гондурас», не знали, где он находится, выражали решительную поддержку свободолюбивому гондурасскому народу.

На прощание католикос подарил Игорю свою фотографию с автографом. Игорь всегда питал добрые чувства к армянам – этому древнему, культурному и благородному народу, – а после этой встречи еще больше в таком мнении укрепился. Что, впрочем, не мешало ему быть большим знатоком и рассказчиком анекдотов ереванского радио.

Пробыв в Армении около месяца и убедившись, что дело налажено, профессор вернулся в Челябинск, вызвав на испытания одного своего инженера. Вернулся он в Ереван уже в конце испытаний, через полгода. Советское правительство отказалось купить японские машины после испытаний, и они были отправлены обратно в Японию.

В октябре 1971-го окончательное решение по строительству Чебоксарского тракторного завода было принято, и американцы «сменили гнев на милость». Фирма «Катерпиллер» официально известила о своем согласии на проведение испытаний тракторов, предназначенных для чебоксарского завода. Поскольку алмазодобывающие предприятия Якутии и «Северовостокзолото» закупили партию таких машин, предлагалось поставить опытные машины в счет этих закупок и организовать испытания на месте эксплуатации. Было естественно, что профессор попал в команду, курирующую эти испытания, и на него была возложена задача проведения лабораторных испытаний на месте эксплуатации. Тогда он не думал, что эти два события (испытания в Ереване и испытания в Сибири) были началом вовлечения его в сложную технико-политическую игру, которая сильно добавила седины в его уже слегка седую шевелюру.

Работа с японцами послужила неким толчком для включения Игоря во всесоюзную межведомственную комиссию по закупке японской техники для районов Сибири и Дальнего Востока. Комиссия собиралась один-два раза в году в леспромхозе «Литовский», который находился примерно на полдороге между Хабаровском и Советской Гаванью. В то время шла оживленная бартерная торговля с Японией, в процессе которой из Союза туда поставлялся в основном лес, а оттуда различное оборудование и ширпотреб. Суда-лесовозы отходили из Советской Гавани чуть ли не ежедневно, а леспромхозы и многие горнодобывающие предприятия Восточной Сибири и Дальнего Востока имели в достатке японские грузовики, тракторы, экскаваторы и пр. В магазинах леспромхозов иногда можно было купить японскую бытовую технику, одежду и другие товары ширпотреба. Жили члены комиссии в просторном бревенчатом доме на окраине поселка, расположенном на большом земельном участке, огороженном штакетником. В доме было три отделения: в одном располагалась советская группа, в двух других – представители тех или иных японских компаний, чья техника закупалась в данный момент. Комиссию обслуживал японский переводчик, который приезжал постоянно с разными фирмами.

Игорь хорошо запомнил первое заседание комиссии. Спустя три часа после начала зампредседателя комиссии, директор леспромхоза, сказал: «Мы уже давно работаем, пора освежиться». Две хорошенькие сибирячки внесли подносы с круглыми стаканами емкостью по 250 кубиков, наполовину заполненные белой жидкостью. Когда по команде директора все начали «освежаться», оказалось, что в стаканах налита чистая водка. Заседание пошло веселее, и во время обеда члены комиссии

«освежились» еще один раз. В тот раз присутствовали две фирмы: всем известный изготовитель автомобилей фирма «Исузу» и фирма «Мицубиси-Катерпиллер», производящая в Японии относительно небольшие тракторы по лицензии американского «Катерпиллера». После обеда надо было ехать в тайгу к месту эксплуатации машин. Часть дороги проходила по заболоченной местности. Лесная дорога по болотистой местности представляла собой конструкцию из бревен, часть из которых укладывалась на грунт вдоль, а часть укладывалась сверху поперек движения. Иногда на поперечные бревна еще укладывались две ленты продольных досок, по которым катились колеса. Такая дорога называлась «стлань». Езда по «стлани» требовала хорошего здоровья и большого мужества, поскольку трясло безбожно. Надо сказать, что в японском языке практически нет звука «л», и бывалые члены японских делегаций жизнерадостно спрашивали: «По срани поедем?»

Ездить по «срани» можно было только на грузовике или джипе, и вся команда погрузилась на три «Исузу-Трупер» и двинулась в тайгу. Возвращаться в темноте уже не имело смысла, и вся «комиссионная» компания заночевала в лагере испытателей. К вечеру механики наловили в речке рыбы породы ленок, также называемой сибирской форелью. Она действительно сильно похожа на форель. Рыбу нарезали на ломтики и перемешали с луком, перцем и солью в растворе уксуса. Через полчаса уже всё было готово. У аборигенов Дальнего Востока, которые это блюдо широко практикуют, оно называется «тала». Лучше закуски профессор в своей жизни не едал.

На одной из комиссий произошел курьезный случай. Один из членов комиссии принес в руках маленького медвежонка. Вся японская делегация и большая часть советской только что приехали с заседания и в полном прикиде (костюмы, рубашки, галстуки) стояли у входа в дом, греясь в лучах заходящего августовского солнца. Вдруг медвежонок вырвался из рук и побежал по двору. Несколько человек бросились его ловить. В доме не было туалета, и удобства находились во дворе в деревянном сарайчике с выгребной ямой. Медвежонок, спасаясь от преследований, забежал в сарайчик и провалился в выгребную яму. Он сразу не утонул, а начал там барахтаться и совершенно истошно реветь. Тут человек, который его принес (кстати, член комиссии – заместитель директора одного ленинградского института), совершил подвиг: он попросил держать его за ноги и полез в яму через очко. Царапающегося и кусающегося медвежонка вместе с членом комиссии вытащили из ямы, медвежонок вырвался, подбежал к почтенной комиссии и по-

собачьи отряхнулся, окатив присутствующих надлежащими продуктами. Все смотрели друг на друга в полном оцепенении.

Первым очнулся директор леспромхоза и подал команду:

– Всё вынимайте из карманов, раздевайтесь до трусов, одежду – на землю, сами садитесь в автобус.

На автобусе весь коллектив в трусах и майках отправился в баню, а одежду повезли в местную химчистку, где был объявлен полный аврал и работа в ночную смену. После бани был устроен банкет, где члены комиссии красовались кто в чем: в спортивных костюмах, пижамах, джинсах и прочей запасной одежде. Обстановка очень способствовала сближению.

Сдружившиеся с Игорем японцы подарили ему бутылку виски «Баллантайн» и поехали провожать на поезд по возвращении домой. На крохотном полустанке поезд стоял не более пяти минут, и надо было находиться в состоянии полной боевой готовности. Однако поезд сильно запаздывал, и пришлось коллективно выпить большую часть подаренного виски. Но расстаться с такой красивой бутылкой Игорь был не в силах. Дома Дана, распаковывая чемодан Игоря, с удивлением спросила:

– Ну пустую бутылку зачем привез?

На что тот с возмущением ответил:

– Она не пустая, там еще что-то есть, можешь попробовать!

Игорь начал задумываться о докторской диссертации. Эта задача была на порядок сложней, чем написание и защита кандидатской. В СССР соотношение докторов и кандидатов примерно находилось на уровне один к десяти, то есть докторскую диссертацию защищал только один из десяти кандидатов наук. Степень доктора наук в большинстве случаев – это действительно был уровень новых направлений и серьезных открытий. Поскольку такая степень значительно поднимала статус ее обладателя в глазах коллег, начальства, смежников и просто окружающих и часто открывала новые перспективы и возможности, ее получение давалось с большим трудом и сопровождалось не очень научными интригами и кознями на всех уровнях. Особенно процветали такие интриги по отношению к еще относительно нестарым ученым, обладающим энергией, способностями и работающим не в вузах, а в отраслевой науке, где они могли влиять на техническую политику и принятие решений. Профессору доводилось бывать на защитах докторских диссертаций, когда председатель совета прерывал заседание, сославшись на то, что защита превратилась в борьбу ведомств и интересантов вместо оценки научного вклада соискателя. Допуск к защите докторских диссертаций, как правило, требовал членства соискателя в коммунистической партии. Однако евреев

среди докторов наук в СССР было около 15 процентов при проценте населения менее 1,5.

Коммент-эр: в Советском Союзе присваивались две степени: первичная – кандидат наук и более высокая – доктор наук. В наиболее употребительной западной системе присваивается единая высшая научная степень – доктор философии (Doctor of Philosophy, сокр. Ph. D). Надо заметить, что к философии это никакого отношения не имеет (название обусловлено исторически) и присуждается она во всех научных областях. Эта степень является аналогом советской ученой степени кандидата наук. Для степени доктора наук прямого аналога нет, но иногда используется определение «обладатель продвинутой докторской степени» (Holder of an Advanced Doctorate) с дополнением каких наук, например в физике (in Physics). В некоторых странах, таких как Германия, Австрия и др., используется понятие хабилитации (habilitation), которая следует после присуждения докторской степени и обеспечивает право на занятие профессорской должности в университете. После прохождения хабилитации ученому присваивается титул хабилитированного доктора (doctor habilitatus, Dr. Habil). Иногда в англо-саксонской системе после Ph. D. есть следующий уровень – доктор наук (D. Sc.), это как бы выше доктора философии (Ph. D.). Однако этот уровень не требует защиты диссертации и не «дотягивает» до уровня советского доктора. Ученая степень кандидата наук в СССР присуждалась диссертационным советом, то есть специализированным советом, которому предоставлено право принимать к защите диссертации. А вот ученая степень доктора наук присуждается только Высшей аттестационной комиссией (ВАК) на основании ходатайства диссертационного совета. Говоря об ученых званиях, следует различать звание по должности от ученого звания, которое можно иметь, не занимая соответствующую должность. Так, в виде исключения можно занимать должность профессора или доцента (старшего научного сотрудника), не имея такого звания, подтверждаемого наличием аттестата, выданного всесоюзной ВАК. Но также можно обладать званием профессора или доцента, иметь соответствующий официальный аттестат и работать в любой должности и на любом месте.

В общих чертах концепция у Игоря сложилась – он хотел разработать метод расчета основных параметров машин с учетом их работы во всем диапазоне эксплуатационных условий. Для этого надо было решить два блока задач: разработать мощный математический аппарат на базе теории вероятностей и

случайных функций, а также провести и обобщить большой объем экспериментов. По первому блоку он договорился с Шаинским и заключил договор с кафедрой прикладной математики Московского инженерно-строительного института, где тот работал.

А по второму блоку возникали хорошие перспективы в связи с открытием новой тематики у них в институте. Дело в том, что с начала 1970-х в США господствовала концепция ограниченной ядерной войны, под которой в те годы понималась оборона Западной Европы с помощью тактического ядерного оружия. Американцы предполагали, что страны НАТО смогут с помощью тактического ядерного оружия отразить наступление войск Варшавского договора. При этом мыслилось, что одна из сторон сумеет навязать другой стороне сценарий, при котором конфликт ограничится использованием тактического ядерного оружия. Военные действия на зараженной местности требуют быстрого снятия радиоактивного слоя земли, что можно сделать с помощью скоростных землеройных машин. Идеи Барановского и Игоря по разработке таких машин были восприняты благожелательно наверху, и для их реализации было выделено соответствующее финансирование. Аналогично активно дебатировалась тема войны через Арктику. Вовсю цитировался начальник штаба ВВС США генерал Г Арнольд: «Если Третьей мировой войне суждено начаться – ее стратегическим центром станет… Северный полюс». Было важно обезопасить протяженные северные и восточные границы Советского Союза от возможного нападения. Советское руководство пыталось обеспечить авиацию арктическими и близлежащими аэродромами, а также создать оборонительные форпосты для прикрытия морских баз на побережье. Соответственно, это требовало дорожно-строительной техники, способной работать в разнообразных земляных условиях, что соответствовало выбранной теме докторской диссертации.

Один из коллег Игоря – Саша Швец (еврей по национальности) – вслед за ним защитил кандидатскую, и тут профессор столкнулся с интересным фактом «производственного» антисемитизма. Заведующий лабораторией Краснов пригласил Сашу и Игоря к себе в кабинет и молвил таковы слова:

– Мужики, вам ведь хорошо живется под моим «командованием», а тут что получается: вы защитили диссертации, еще один, такой как вы, – он имел в виду еврея, – собирается это сделать, а я, ваш начальник, не кандидат. А вдруг кто-нибудь проснется, и меня выгонят, а никого из вас не поставят на мое место, поскольку вы все беспартийные евреи. Пришлют вместо меня какого-нибудь антисемита, и вы же будете

с ним мучиться. Сделайте-ка мне диссертацию, и всё будет хорошо.

Так государственный антисемитизм помогал коллегам во многих случаях получать прямую личную материальную выгоду, ну как было не воспользоваться им для борьбы с конкурентами-евреями и собственного возвышения. По мере карьерного роста Игорь всё больше ощущал это явление. В данном конкретном случае угроза была, конечно, чепуховой, и Игорь в скором времени стал заведовать отдельной лабораторией, напрямую подчиняющейся директору, но Краснова им стало жалко, и профессор, придумав ему тему, поручил Швецу опекать новоявленного соискателя и сделать с ним кандидатскую диссертацию.

Вообще-то, в советской науке и технике беспартийные евреи – кандидаты и доктора наук были двойным (как евреи и как беспартийные) бельмом на глазу у секретарей партийных организаций и многих туповатых начальников, а также коллег с антисемитским «душком». С одной стороны, благодаря их научным степеням, званиям и высокой квалификации выдавить их с работы или объявить профессионально несостоятельными было весьма сложно, а с другой стороны, воздействовать на них по партийной линии было также непросто.

Глава 4
Земля обетованная

Потеснив Юнга, который недовольно ворчал, профессор втиснул жену на заднее сиденье «Ауди», и компания отправилась из Хайфского порта к своим старым челябинским приятелям, жившим в Хайфе в районе Ромема напротив Дворца спорта. Эти приятели были бывшими «молдаванами», окончившими уральские вузы и осевшими в Челябинске. В шестидесятые годы в Челябинск приезжало много выпускников-евреев из Молдавии и некоторых областей Украины (преимущественно западных) для поступления в вузы, поскольку это было несравненно проще, чем поступить у них дома (из-за регионального антисемитизма). Девушки, как правило, поступали в пединститут на отделение французского языка (иногда испанского или итальянского), поскольку они знали молдавский, несколько похожий на другие латинские языки. А ребята шли учиться в разные вузы и на разные факультеты. В Молдавии в школах, где эти ребята учились, было много евреев, в некоторых городках в классах была половина и более евреев. Соответственно, многие их однокашники в семидесятые годы эмигрировали в Америку и Израиль. И у приятелей профессора по приезде оказались тут знакомые из соучеников, соседей и пр. Друзья Игоря и Даны – Инна и Илья – жили в Израиле уже около года и оба уже работали: Инна преподавала французский в хайфской французской школе «Альянс», а Илья вахтенно работал технологом на заводе в Тверии, производящем клапаны для автомобильных моторов. Их дочка училась в школе, а сын женился на «молдаванке» и эмигрировал в США с родителями жены. Переночевав у приятелей и сложив запчасти, шины, канистры и пр. в их кладовку, всё семейство отправилось в город Цфат, чтобы забрать маму профессора, жившую у родителей зятя и всем вместе ехать в Иерусалим. В Иерусалиме уже около года жила дочка профессора с мужем и внучкой, родившейся незадолго до отъезда. Дочка сняла в Иерусалиме трехкомнатную квартиру для семьи профессора по соседству с собой, в районе Тальпиот Мизрах.

Надо заметить, что одной из причин, побудившей Игоря к эмиграции, был отъезд дочки. Происходил он тоже при довольно любопытных обстоятельствах. В начале 1991 года произошел сильнейший взрыв магистрального газопровода, который шел параллельно железной дороге между Уфой и Челябинском. Как

всегда бывает в таких случаях (закон вредности), в этот момент на трассе находились два поезда: один шел на запад, другой – на восток. Количество убитых и раненых исчислялось сотнями, большинство раненых были обгоревшими. Уфу и Челябинск назначили базовыми городами, и туда свозили на лечение основную массу раненых. Зять профессора работал в ожоговом центре и принимал активное участие в лечении пострадавших. Случившая катастрофа на фоне перестройки привела к неожиданному эффекту: в Челябинск начали пускать иностранцев, в частности врачей из разных стран, выразивших желание помогать при лечении пострадавших. Зять окончил английскую спецшколу и прилично говорил по-английски. В центре он был нарасхват. Он относительно близко сошелся с одним англичанином, который при ближайшем рассмотрении оказался сотрудником кампуса больницы «Хадасса» в иерусалимском пригороде Эйн Карем. Уезжая в Израиль, он пообещал устроить зятя в «Хадассу», тем более что зять был кандидатом наук, а в то время кандидатам сдавать врачебный экзамен в Израиле не требовалось. Зять с дочкой стремительно собрались и улетели в Израиль. К тому времени уже ввели экзамен и для советских кандидатов медицинских наук, но зять через полгода его успешно сдал. Пригласивший зятя израильтянин сдержал слово («обещал, но выполнил!»), и зять к моменту приезда в Израиль семьи профессора работал в «Хадассе».

После пересечения Болгарии, Турции и Греции горная дорога из Хайфы в Цфат трудностей у профессора не вызвала, но и сказать, что он был от нее в восторге, тоже было нельзя. По приезде в Цфат произошел неприятный эпизод, мгновенно укрепивший мнение профессора о необходимости отделения религии от государства в Израиле. Была суббота, народа на улицах почти не было, и профессор подъехал к кучке галдящих людей, стоявших на небольшом пустыре. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это несколько юношей и взрослых в черных одеждах ортодоксов. Профессор попросил их по-английски показать дорогу на улицу, где жили родственники. В ответ галдеж резко усилился, некоторые из молодых начали стучать по машине кулаками – по «изящному» духу беседы профессор с трудом понял, что они недовольны их ездой в субботу. Накал страстей усиливался минута за минутой. Тогда профессор взял стальную монтировку, всегда лежавшую в машине слева от водительского сиденья, и вышел из машины, а с другой стороны вышел сын тоже с монтировкой в одной руке и с Юнгом на поводке в другой. Юнг рычал, лаял и рвался с поводка.

Коллектив ортодоксов мгновенно и тихо исчез, как будто растворился в разряженном горном воздухе Цфата. Тут профессор понял, какая должна быть тактика при общении с местными ортодоксами. Он нисколько не изменил своего вывода за последующие годы жизни в Израиле.

Родители зятя жили на восточной окраине Цфата в небольшом домике, места было мало, и семейство профессора рано уже на следующее утро отправилось вдоль реки Иордан в Иерусалим. Прибыв уже во второй половине дня в Тальпиот Мизрах, они перенесли вещи из машины домой и легли отдыхать. Разбудили их утром крики муэдзина и ишака, которые дуэтом кричали прямо под окнами. Посмотрев в окно, они увидели буквально в нескольких десятках метров арабскую деревушку. Особенно восхитил профессора вид крохотного поля, где пожилой араб пахал землю сохой, запряженной благородно-седым мулом.

«Всё, приехали!» – подумал профессор.

Не менее поразительное зрелище открывалось из другого окна квартиры. Напротив строился довольно большой пятиэтажный дом. Стройка уже достигла четвертого этажа. Еще в Хайфе и по дороге в Цфат Игорь обратил внимание, что ни на одной стройке, где возводились обычные пятиэтажные дома, не было видно подъемных кранов и бетононасосов.

Теперь секрет израильской строительной технологии удалось раскрыть: стройка велась не панельным способом, и большие блоки поднимать наверх не было необходимости, а 50-килограммовые мешки с цементом арабские рабочие таскали по сходням в руках или поднимали на веревках. Так же заносили на этажи песок и гравий. Раствор замешивали на этаже из принесенного на руках материала. На стройке не было слышно ни одного слова на иврите – работало 100 процентов арабов.

Виды из обоих окон сформировали в сознании профессора картину, аналогичную рисунку из учебника истории сталинских времен: «Жизнь в Древнем Риме в рабовладельческую эпоху». Не хватало только Колизея на заднем плане.

В ближайший месяц семейство было занято олимовской рутиной для вновь прибывших. Упражнением номер один было получение «теудатзеута» профессором и Яном. На пути этой простой процедуры стояло два препятствия. Одно состояло в том, что Игорь с сыном приехали в страну необычным путем и были лишены обычного сервиса в аэропорту. Другое заключалось в национальности Яна. Отец жены профессора Александр Семенович был русским, следовательно, Дана по советским правилам числилась русской. Но ее мама – бабушка Яна – была еврейкой. Она давно умерла, и чиновники, сочтя объем

доказательств ее еврейства недостаточным, записали Яна «ло рашум», то есть «лицо без национальности» – израильское изобретение. Спустя несколько лет, когда Ян пошел в армию, это было исправлено путем сбора в России недостающих документов, включая свидетельские показания «правильных» евреев в Израиле.

У Яна были светлые волосы, серые глаза и совершенно славянские черты лица, что дало возможность чиновнику во время дискуссии в министерстве внутренних дел устроить микроспектакль для изрусов из очереди: «Люди добрые, посмотрите на него, и это называется еврей!»

Как убедился Игорь позже, устройство бесплатных микроспектаклей является одним из излюбленных занятий израильтян, особенно «магрибского» происхождения.

Позже, когда Ян уже служил в армии, забавный эпизод из этой оперы произошел в аэропорту Бен-Гурион, когда Ян приехал встречать профессора, прилетевшего из командировки. В это время там же выгружалось норвежское подразделение солдат ООН. Дело было ночью, на улице было темновато. Какой-то раздраженный офицер схватил Яна за руку и поднял шум, что он до сих пор не сидит в служебном автобусе. Пришлось профессору вмешаться и объяснить офицеру по-английски, что это солдат совсем другой армии. Офицер оказался с чувством юмора и пригласил Яна на службу в норвежские войска.

Остальные упражнения, как то: открытие счета в банке, обмен водительского удостоверения и пр., прошли в нормальном режиме.

Угнетала бедность. Профессор и его жена считались в Союзе людьми зажиточными, и мгновенный переход к практической нищете сильно действовал им на психику. Надо было искать дешевую еду, надо было участвовать в охоте на пожертвования разных, в основном христианских евангелистских, фондов, раздающих одеяла, кастрюли, грелки, прочую утварь и даже мебель (в Иерусалиме действовало большое количество таких фондов), не на что было заправить полностью бак в машине и т. п.

Впоследствии Игорь столкнулся с таким явлением уже в Индии. Он обратил внимание на то, что водители авторикш заправляют даже свои крошечные баки не полностью, и поинтересовался почему Ему объяснили, что у них не хватает денег на полные баки, они заправляют половину и едут зарабатывать еще на половину.

Требовал расходов также уход за старой машиной. Правда, профессор с Яном открыли для себя хороший источник запасных

частей. Некие оборотистые люди привозили из Германии компоненты разбитых и списанных машин (в основном немецкого производства) и организовывали свалки-базары. Клиент приезжал на такую свалку, самостоятельно отвинчивал для себя требуемую деталь и уезжал с ней вполне довольный. Услугами такой свалки также широко пользовались владельцы маленьких гаражей, в основном арабы. Потом соседи с интересом наблюдали, как Игорь с сыном самостоятельно ремонтируют свою «Ауди» во дворе.

Искусство нищеты – это тоже искусство, а профессор с женой им не владели. Игорь шутил, что если бы не бабушкино (мамы Игоря) пособие, пришлось бы собирать милостыню на паперти, а паперти в синагогах, кажется, нет. Конечно, семейство получило корзину абсорбции, но значительную часть съедали плата за квартиру и коммунальные услуги. Игорь с тоской вспоминал три квартиры (свою, дочки и матери), оставленные в Челябинске.

По приезде профессор сразу же отправил десятка полтора писем в фирмы, работающие, хотя бы примерно на уровне запаха, в его области. Половина из них просто никак не прореагировала, несмотря на повторные обращения, а вторая половина ответила, что им не нужен человек такой высокой квалификации да еще в таком возрасте. Обиды у Игоря на эти фирмы не было – по большому счету они были правы. Они не были виноваты в практически принудительном привозе в Израиль массы квалифицированных специалистов, которым в принципе не было места в этой стране.

Однако главный адресат Игоря – хайфский Технион – откликнулся позитивно. Он получил ответ с механического факультета на английском: доктор Гутман любезно сообщал, что на их факультете занимаются исследованиями двигателей, а Игорю, судя по его автобиографии, больше подходит направление, возглавляемое проф. Вольфом, на сельскохозяйственном факультете. Имея советский опыт, говоривший о том, что все военные направления прячутся за безобидными названиями, профессор нисколько не удивился сельскохозяйственному факультету. Удивительно было другое – Гутман писал, что он передал письмо с биографией Игоря проф. Вольфу и тот вскоре с профессором свяжется. И действительно, через несколько дней по почте пришло приглашение на собеседование к Вольфу.

Игорь въехал на «Ауди» в ворота Техниона, заявив охраннику, что он приехал прямо из России в Технион на встречу с проф. Дани Вольфом. Слегка обалдевший охранник посмотрел на номер машины и тут же поднял шлагбаум. Вольф оказался грузным русым мужчиной американского вида и принял профессора

весьма радушно. Оказалось, что он четырнадцать лет проработал в Англии в фирме «Массей Фергюсон» и лет пять назад вернулся в Израиль.

Вольф объяснил Игорю, что он и его команда в основном сосредоточены на военной технике и он с радостью возьмет его на стипендию Шапиро.

Коммент-эр: программа «Стипендия Шапиро» была учреждена в 1973 году, и в ее рамках министерство абсорбции на 50 процентов компенсировало работодателю в течение трех лет расходы на зарплату специалистов-олим, работающих в сфере исследований и разработок. В 1990-х годах эта зарплата составляла 3000 шекелей в месяц, что было много меньше зарплаты коренных израильтян, имеющих лишь среднее образование (или не имеющих никакого). Еще больше разрыв был в оплате ученых-репатриантов и местных ученых, имеющих одинаковую ученую степень и одинаковое ученое звание.

Вольф тут же вызвал своего заместителя доктора Бутиса и поручил ему заниматься соответствующей бюрократией по устройству профессора. В ходе беседы между Игорем и Вольфом возникла симпатия и установились теплые отношения, собеседники уже называли друг друга по имени (тогда Игорь не понимал, что это общепринятая практика в Израиле).

Это, видимо, и позволило Вольфу сделать следующий шаг:

– Игорь, ты, я вижу, человек неглупый и должен понимать масштабы Израиля. При таких масштабах в отраслях науки и техники, не очень-то тут развитых, может быть только один всеми признанный корифей, и ты понимаешь, что в нашей сфере такой корифей – это я. Твой уровень квалификации и знаний позволяет и тебе теоретически претендовать на мою роль, но ты же понимаешь, что это исключено. Поэтому давай договоримся сразу: ты не будешь оспаривать существующий порядок, а я за это обеспечу тебя работой. Если ты согласен, то мы поладим.

Профессор всю свою жизнь в Израиле был благодарен Вольфу за этот разговор – он значительно ускорил для него понимание одного из важнейших принципов его новой жизни: в Союзе его иногда дискриминировали как еврея, а в Израиле его будут практически всегда дискриминировать как изруса.

По этому поводу ему часто вспоминался старый советский анекдот, как корреспондент «Правды» приехал на Чукотку и спросил чукчу:

– Какие чувства чукчи испытывали до революции?

Чукча ответил:

– Два чувства: голода и холода!

– А теперь, после революции?

– О! Теперь совсем другое дело, теперь чукча испытывает три чувства: голода, холода и благодарности к родной коммунистической партии!

Так и при переезде в Израиль он должен был испытывать чувство дискриминации, примерно как в Союзе, и чувство благодарности к родному сионистскому государству.

Начало работы в Технионе реально планировалось через два-три месяца, а пока надо было ходить в ульпан учить иврит. Иврит не понравился профессору с первого взгляда, и он постоянно прогуливал занятия. Свободное время он посвящал тому, чтобы объехать своих знакомых и бывших коллег, которые уже примерно год жили в Израиле. Зима-весна 1991–1992 года в Израиле выдалась необычно холодной и дождливой. В Иерусалиме неоднократно выпадал снег, и дело доходило даже до того, что его на улицах очищали и утрамбовывали с помощью военных гусеничных машин. Однажды профессор поехал за своими вещами в Цфат и утром увидел свою машину, засыпанную снегом до стекол. Два дня он не мог сдвинуться с места и мысленно ругал своих приятелей, отсоветовавших ему брать с собой шипованные колеса, хотя приятели были ни при чем – такой зимы в Израиле не было много лет. Ну а холодный дождь, зачастую вперемешку со снегом, шел на территории почти всей страны.

Путешествия по стране повергли его в полное уныние. Его дружок Максим работал в большой транспортной фирме «Таавура» в районе города Рамле. Профессор въехал в проливной дождь на центральную территорию, зашел в офис и попросил секретаря передать его визитку главе фирмы г-ну Бонди. Автомобиль с иностранным номером, визитка с титулом профессора, соответствующие манеры визитера сделали свое дело, и г-н Аврахам Бонди (Ливнат), один из крупнейших предпринимателей Израиля, согласился немедленно принять Игоря. Он оказался очень немолодым, однако очень стройным сухопарым энергичным человеком, выходцем из Чехословакии. Бонди любезно обсудил с профессором множество вопросов, включая рассказ Игоря о поездке своим ходом из Челябинска в Израиль на машине, который Бонди сильно позабавил. Собеседники говорили на английском и частично русском. Спустя много лет, когда фирмой командовал уже сын Бонди, Игорь с Аврахамом встретились на каком-то мероприятии, и оказалось, что Бонди помнит автомобильное путешествие профессора. В конце встречи профессор спросил, где найти своего приятеля, и

Бонди попросил секретаршу привести того в кабинет. Макс зашел и застыл на пороге, вода лилась с него ручьем. В то время множество израильских баз по ремонту и обслуживанию разных машин просто-напросто располагались под открытым небом. В прошлой жизни Макс был кандидатом наук и на работе особенно не утруждался. Он больше всех рвался переехать в Израиль, и профессор спросил его по-русски:

– Ну что? Дорвался до земли обетованной?

После трехминутного разговора Аврахам сказал:

– Ну всё, хватит, пусть идет работать.

По лицу профессора Бонди понял, какие чувства его обуревают, и сказал ему:

– Вы думаете, что я не знаю, какие русские у меня работают слесарями? Все с высшим образованием, многие доктора наук (он имел в виду израильскую классификацию) – человек двадцать. Но что я могу сделать?

Отвечать было бессмысленно, и профессор откланялся. Дальше его путь лежал в Офаким – какую-то жуткую по тем временам дыру на юге Израиля. Там он встретился со своим коллегой Сашей Вульманом – выдающимся математиком-прикладником, но очень робким человеком в жизни и быту. Тот работал чем-то вроде садовника и остался на этом месте на всю жизнь в Израиле. Объехав еще человека четыре, профессор уже мог сделать обобщение: все они, конечно, включая его самого, «влипли». Он не очень-то обращал внимание на то, что говорили его знакомые, поскольку уже знал, что «русские» евреи-эмигранты боятся сами себе сказать правду, что, уехав из Союза, они совершили ошибку, и оправдывают свою эмиграцию самыми различными предлогами, в основном заботой о детях.

Вернувшись в Иерусалим, профессор познакомился с изрусами, эмигрировавшими в Израиль в 1960-х годах. В одном из иерусалимских банков, где Игорь открывал счет, одна симпатичная русскоговорящая молодая сотрудница помогла ему с оформлением бумаг, и они разговорились. Оказалось, что она приехала с родителями из Литвы в 1976 году и в Израиле сравнительно недавно вышла замуж за выходца из Каунаса – тоже иммигранта 1970-х. Эта сотрудница познакомила профессора с мужем, который и свел его с довольно большим кругом выходцев из Литвы, которые, в свою очередь, имели обширные знакомства со многими иммигрантами 1970—1980-х годов из Москвы и Ленинграда. С этого момента процесс самообразования Игоря пошел быстрым темпом. Особенно он подружился с двумя старожилами (как их называют в Израиле, ватиками) – каунасцем Натаном Шпигелем и свердловчанином Володей Оксом.

Первый был гуманитарием, а вот второй был металловедом, окончившим Уральский политехнический институт в Свердловске. Такие «давнюки» были большой редкостью, поскольку алия 1970-х по большей части состояла из двух групп советского населения: молдавских лабазников, бежавших подальше от ОБХСС, и московско-прибалтийских интеллигентов-отказников.

Володя работал в ТААС (концерн оборонной промышленности) и помог профессору чрезвычайно в понимании механики функционирования израильской промышленности и технической политики. Навсегда Игорь запомнил один свой визит в ТААС. Он уже работал в Технионе и имел допуск, когда в Израиль прилетел один его знакомый металлург с Челябинского металлургического завода (ЧМЗ), который специализировался на производстве качественных сталей, в основном для оборонной промышленности. Этот металлург привез с собой толстую пластину стальной брони, обладающей исключительно высокой противоснарядной стойкостью. Он был евреем, намеревался эмигрировать в Израиль и организовать продажи брони местным производителям. В «лихие девяностые» это было теоретически возможным. Игорь попросил Володю проверить эту броню в их лаборатории и оценить ее. После выполнения этой операции профессор посетил лабораторию и имел беседу с некоторыми сотрудниками, 70 процентов которых знали русский. Сотрудники лаборатории показали Игорю результаты испытаний, которые оказались очень хорошими. Окрыленный Игорь заявил, что запрашиваемая ЧМЗ цена будет исключительно низкой и можно идти к начальству и предлагать сделку.

В ответ он услышал дружный смех:

– Это же каким наивным олимом надо быть, чтобы так думать! Мы много лет закупаем танковую броню во Франции. Соответственно, там долго сидят израильские представители, которые получают приличную зарплату, уже завели себе вторые семьи, любовниц, квартиры. Даже если ваша броня будет абсолютно непробиваемой, а ее цена будет равна нулю, никогда в жизни они не откажутся от Франции в вашу пользу! А они, соответственно, влияют на начальство. Так что забудьте.

Сын профессора Ян учился в Челябинске в музыкальном училище по классу саксофона. Поскольку советское музыкальное училище заведомо выше по уровню израильской консерватории, он мог продолжить свое образование только в Иерусалимской академии музыки и танца им. С. Рубина. Дана с Яном отправились туда и оформили Яна на сдачу вступительных экзаменов. Ян успешно сдал экзамены и начал заниматься у

известного в Израиле саксофониста Хаима Виллера (тоже изруса). Перед Игорем и Даной сразу встала проблема саксофона. Восточногерманский саксофон, привезенный из России, оценивался тут в сравнении с французскими и американскими инструментами примерно как автомобиль «Трабант»[15] в сравнении с «Мерседесом».

В начале марта профессор приступил к работе в Технионе. Квартира в Иерусалиме была снята на полгода, и было решено снять на год квартиру в Хайфе, невзирая на потерю платы за оставшиеся два месяца аренды иерусалимской квартиры. Хайфские приятели сняли Гольдам квартиру в том же подъезде, где жили сами. Второй приятельской семьей, кроме упомянутых выше челябинских «молдаван», была семья Завадских, глава которой Алексей был коллегой профессора по КВН, а его жена Соня – соученицей Даны по музыкальному училищу и консерватории.

Утром профессор явился на работу, в костюме и галстуке, как он это всегда делал, и направился в деканат. Секретарь, увидев его, тут же принялась поздравлять профессора с днем рождения.

– Почему вы так решили? – удивился Игорь.

– Как почему? – И секретарь говорящим жестом очертила прикид профессора.

Костюмы и рубашки с галстуками на сотрудниках Техниона появятся лет эдак через двадцать, и поэтому на следующий день секретарь исправилась:

– Извините, день рождения у вас сегодня!

Игорь уже не сопротивлялся. Доктор Бутис вручил профессору ключ и отвел его в кабинет на третьем этаже узкой башни, где каждый этаж содержал только три помещения. Кабинет оказался довольно просторной светлой комнатой, в которой стояли письменный стол, книжный шкаф времен британского мандата, а также один стул. На столе стоял телефон, покрытый толстым слоем пыли.

– В Израиле можете звонить без ограничений, а для звонка за границу нужно разрешение Вольфа или мое, – предупредил Бутис.

– А что прикажете сейчас делать?

– Сейчас займитесь допуском – из ШАБАКа сами вам позвонят – и библиотекой. Начальнику библиотеки скажите, что со мной вопрос согласован. Можете купить себе канцтовары, только чек отдайте секретарю и она вернет вам деньги. Что надо будет, приходите, звоните. Вольф за границей, будет через неделю, он и решит, что с вами делать. Я ведь его помощник только по административной части, а сфера моих научных интересов – это

сельскохозяйственное оборудование, а отнюдь не бронемашины. Успехов! – с этими словами Бутис покинул кабинет и оставил Игоря одного.

Прежде всего, надо было стереть вековую пыль с мебели и обзавестись хотя бы стаканом. В шкафу профессор нашел большую тряпку, намочил ее в туалете и вытер мебель. После этого он сел на стул и начал изучать вид из большого, во всю стену окна, открывающийся на факультетский двор и мастерскую. Его одиночество длилось недолго.

Первым пришел Юра Эбер, которого профессор немножко знал по Москве – Юра работал в ВНИИстройдормаш и занимался математическим моделированием.

– Слушай, ты первый олим, которому выделили кабинет, уважают! Юра уже работал на «Шапиро» почти год в сфере капельного полива. От него Игорь получил первую информацию о местной ситуации:

– Вольф очень влиятельная фигура на факультете, главное его преимущество – это способности выколачивать деньги для своих исследований в Израиле и за границей. В Израиле у него тесные связи с армейским начальством, а так как тут армия – это священная корова, то, сам понимаешь, часть этой «коровистости» передается на Вольфа. Поэтому Вольф является на факультете «ударником сионистского труда», и декан ставит его всем в пример. Соответственно, Вольфа на факультете почти все другие профессора и доктора не любят – слишком высовывается. А это в Израиле один из главных грехов. Учти, что сия нелюбовь распространяется на сотрудников Вольфа, а стало быть, ты можешь с этим столкнуться. Бди!

За Эбером пришел еще один Юрий – Горин, с которым профессор ранее не был знаком. Однако он оказался двойным земляком: он был днепропетровцем, а после окончания Днепропетровского металлургического института был направлен в Челябинск, где прожил десять лет, работая сначала на трубном заводе, а затем в трубном НИИ.

Профессор забеспокоился:

– Посадить тебя негде!

– Не волнуйся, стул я сейчас принесу от твоих соседей-химиков.

– Юра, ну а ты что тут делаешь? Неужели в Технионе занимаются исследованиями труб?

– Да, занимаются, только не стальными, я работаю над пластмассовыми трубами для полива. А вообще-то, представь себе, тут есть в районе Хайфы трубный завод, и на нем старшим мастером работает твой знакомый из Челябинска Леша

Завадский.

– Так я с ним живу в одном подъезде!

После весьма продолжительной беседы коллеги отправились в кафе, после чего Горин попросил:

– Отнеси, пожалуйста, стул к химикам, это в переходе от твоей башни к главному корпусу. Там три четверти русских, и заодно познакомишься с одной «приятной во всех отношениях» москвичкой Ниной. Рекомендую!

Профессор отнес стул, поговорил с Ниной, которая действительно оказалась дамой, приятной во всех отношениях, пригласил ее в гости и вернулся в свой кабинет. У дверей он встретил еще двух коллег, которые оказались иммигрантами 1970-х, выходцами из Кишинева. Оба работали у Вольфа и специализировались на тяжелых полуприцепах для перевозки танков, экскаваторов и других тяжелых грузов. Профессор поинтересовался, что они делали в Кишиневе и где учились. Оба окончили автомобильный техникум и работали на авторемонтном заводе. Кишиневцы очень ревниво выспрашивали Игоря, что он будет делать, что говорил ему Вольф и т. п. – чувствовалась большая обеспокоенность ввиду появления потенциального конкурента.

Так прошел первый день Игоря на работе в Израиле.

Вернувшись домой, профессор увидел у соседней двери двух красивых блондинок лет двадцати пяти – тридцати, с совершенно роскошными голливудскими формами как верхнего, так и нижнего бюстов.

– О, вы наш новый сосед! – защебетали блондинки. – Заходите, поговорим. Вы один? Если что нужно, обращайтесь!

Последующую часть недели профессор провел в основном в библиотеке. Вольф не появился, никто о работе с ним не разговаривал, и профессор начал уже тревожиться. Еще большую тревогу у него вызвало то, что на следующей неделе Вольф прилетел на два дня и снова куда-то улетел, не поговорив с Игорем.

Тут произошло событие, которое радикально повлияло на поведение профессора в течение следующего месяца. В одной русскоязычной газете Игорь увидел скромное объявление в маленькой рамке на английском языке: «Если вы владеете английским языком и у вас есть научная степень по автомобилестроению, то мы вам сделаем привлекательное предложение». Там же указывался номер телефона. Игорь позвонил по указанному номеру, ответил густой баритон на отличном литературном английском. Игорь рассказал немножко о себе, и баритон пригласил его приехать к нему на следующий

день в восемь вечера в Тель-Авив на улицу Ха-Масгер. Припарковавшись во дворе старого обшарпанного кирпичного дома, Игорь в почти полной темноте и под проливным дождем поднялся по деревянной наружной лестнице на второй этаж и позвонил в дверь. В проеме двери, слабо освещенном изнутри, появился огромный мужик пиратского вида с пистолетом в кобуре на боку. Игорь вошел вовнутрь и увидел что-то вроде мансарды довольно большой площади с дощатым потолком и десятком столов, заваленных ворохом бумаг и чертежей.

– Марк, – представился пират и пригласил Игоря присесть.

Далее он без всяких предисловий достал из стола три больших желтых тома – инструкции по эксплуатации и ремонту тяжелого колесного трактора-погрузчика «Катерпиллер» и сказал профессору:

– Надо быстро перевести на русский.

Профессор был прекрасно знаком с такими инструкциями, поскольку последние годы много работал с фирмой «Катерпиллер», активно экспортирующей свою технику в СССР.

– Вопрос времени, – заметил он пирату Марку.

– Но вы должны сдать мне экзамен, – забеспокоился пират.

Он извлек из ящика стола ксерокопированный лист, где был изображен гусеничный трактор со схематично начерченными узлами и компонентами, на которые указывали стрелки. Задача состояла в том, чтобы написать название этих компонентов на русском и английском. Марк предложил Игорю взять листок домой, написать требуемые термины и прислать ему факсом.

– Не смешите меня, коллега! – сказал профессор, взял карандаш и быстро сделал надписи на листочке. – Но вы же не умеете читать на русском.

– Я вам верю, я и так подозревал, что вы самый грамотный из приславших мне свои биографии, а теперь в этом окончательно убедился. Организация будет такая: вы будете переводить самую большую общую книгу, а еще два переводчика будут переводить вторую книгу по двигателям и третью книгу по электрооборудованию. Кроме того, на вас будет возложена общая редакция всех трех книг.

– Всё хорошо, но у меня нет компьютера!

– Пишите от руки – я вижу у вас отличный чертежный почерк, печатайте на машинке… Вопросы есть?

– Есть. Кто будет переводить книги по двигателю и электрооборудованию и сколько я за всю работу получу?

– Кто будет переводить, я вам пока не скажу, а насчет денег не волнуйтесь, я вас не обижу!

Конечно, спустя пару лет профессор бы пирату Марку ни за

что бы не поверил, а подписал бы с ним договор, с которым можно было бы потом пойти в суд в случае неуплаты, но тогда розовые очки еще худо-бедно держались у него на носу, и он принял предложенные условия без опаски.

Месяц профессор трудился в поте лица над переводом и редактированием и радовался, что никто в Технионе его не трогал и никакую работу он не получал. Буквально через пару-тройку дней после встречи с Марком к Игорю явился Юра Эбер с желтым томом в зубах и, увидев такой же том на столе у профессора, жизнерадостно закричал:

– Я так и знал… ну кому еще этот Марк мог поручить такое дело в Израиле!

Коллеги обсудили ряд технических нюансов, и с тех пор Игорь не имел никаких проблем с книгой по электрооборудованию, чего нельзя сказать об инструкции по двигателю. Когда профессор получил напечатанный на компьютере перевод, он тут же увидел, что его автор хорошо знает английский и общетехническую терминологию, но не разбирается глубоко в двигателях и не знает общеупотребительных русских «двигательных» терминов. Он сказал об этом Марку, и тот устроил в Тель-Авиве очную ставку между профессором и автором перевода инструкции по двигателю. К удивлению Игоря, им оказался профессор Марк Лурье, которого он знал чуть-чуть еще по Москве. Лурье лет десять назад эмигрировал в США и вот выплыл в Израиле в славном городе Беэр-Шева. Марк Лурье был прекрасным человеком, замечательным популяризатором, лектором, и профессор еще в молодости читал его книжки по путешествиям на автомобиле, по уходу за автомобилями и пр. После небольшой дискуссии на русском языке, которую пират Марк не понимал, Игорь и Лурье пришли к консенсусу, и профессор взял на себя всю терминологическую редакцию книги по моторам. Игорь безмерно уважал Лурье и ни в коем случае не хотел малейшего подрыва его репутации. С тех пор они поддерживали дружескую связь до самой смерти Марка Лурье в 2013 году на девяностом году жизни.

Профессор получил за свою работу двадцать одну тысячу шекелей, что по тем временам для олима было просто сказочной суммой. Они с Даной немедленно заказали французский саксофон «Сельмер» за десять тысяч шекелей, а остальную сумму решили использовать для покупки новой машины. Работа была закончена как раз вовремя, поскольку по ее окончании Игоря вызвал Вольф, который заявил, что есть важное и срочное дело: надо спроектировать и изготовить стенд для испытания

надувного моста для переправки тяжелой техники через мелкие речки, ручьи и овраги и испытать образец моста. Мост был разработан одной известной английской фирмой и планировался к производству в одном из кибуцев на севере Израиля.

Профессор, конечно, знал, что, согласно известному анекдоту, евреям делают обрезание, но что до такой степени… – он слышал про пресловутую израильскую хуцпу, но чтобы до такой степени…

– Дани, ты читал мою биографию? Там где-нибудь есть слово «мост»? В твоей команде кто-нибудь понимает что-нибудь в мостах? Как мы можем браться за такую работу? Я даже вообразить себе не могу надувной мост, как Василий Иванович Чапаев не мог вообразить на экзамене по математике квадратный трехчлен! – Тут профессор с трудом растолковал Вольфу по-английски известный анекдот о том, как Чапаеву попался на экзамене вопрос «Написать формулу квадратного трехчлена» и тот пожаловался экзаменатору, что он не может не только написать, но даже вообразить себе такое.

Вольф изрядно посмеялся, но всё это ни на секунду не поколебало его решимости браться за испытания моста.

– Это в тебе имперское мышление говорит, мы не СССР и не Америка, и даже не Германия. У нас единственное высшее техническое заведение – Технион. Естественно, к нам обратились с такой просьбой, причем, заметь, платят хорошие деньги. Как мы можем отказаться?! Даже и не думай!

Он снял трубку и вызвал человека, отвечающего за материально-техническое снабжение:

– Шмулик, видишь этого типа? Доставай ему всё, что он попросит, деньги есть.

Профессор с большой опаской посмотрел на Шмулика, облаченного, несмотря на прохладную погоду, в традиционные израильские шорты-трусы, драные кеды и байковую рубашку. Что такой Шмулик может достать?

Вольф, заметив его взгляд, улыбнулся:

– Напрасно сомневаешься, Шмулик – гений снабжения.

И он оказался абсолютно прав – капитализм в сочетании со Шмуликом работал превосходно. Профессору вспомнился советский дефицит на всё, проблемы доставания каждого болта, и ему стало стыдно за свои сомнения.

Уже на следующий день упакованный в разобранном виде мост лежал во дворе, и представители кибуца вручили Игорю весь комплект технической документации. Интернет тогда находился в относительно зачаточном состоянии, и после изучения немногих материалов на русском и английском профессор

отправился в библиотеку, где заказал ряд публикаций и несколько книг за рубежом. Затем он встретился с израильскими армейскими саперами и обсудил с ними ситуацию, включая получение понимания того, какие точно надежды возлагают военные на этот мост.

Примерно в это время профессор наконец-то получил приглашение прибыть в Тель-Авивское отделение ШАБАКа на собеседование. Оно проходило в небольшом кабинете, где присутствовало три сотрудника Русского отдела. Два из них, более молодых, прилично, правда, несколько «книжно», изъяснялись на русском. После нескольких дежурных вопросов, на которые Игорь уже отвечал технионовскому сотруднику ШАБАКа, ему было сказано прямо:

– Вы жутко подозрительный тип, вы, будучи беспартийным евреем, совершили очень успешную карьеру, защитили докторскую диссертацию – а мы знаем, что такое советская докторская в сравнении с западной степенью, вы работали в оборонной сфере, и, наконец, эта ваша фантастическая поездка на машине с Урала в Израиль… Всё это наводит нас на грустные мысли.

– Ох, а меня-то на какие грустные мысли наводит, – сказал профессор и, видя недоуменный взгляд собеседников, пояснил: – Я имею в виду, правильно ли я сделал, эмигрировав в Израиль. Теперь давайте по порядку. Давайте вообразим, что я агент КГБ или, скажем, ГРУ – мне бы сделали отличную биографию, отправили сюда на самолете, и не было бы у вас никаких подозрений. Так? Другой вопрос: скажите честно, насколько хорошо вы знаете советскую послесталинскую историю, насколько хорошо вы понимаете, как работал пресловутый советский государственный антисемитизм? Или у вас обычное израильское поверхностное понимание? Так вот, имейте в виду, что был у советских евреев золотой период, который начался с момента прихода Хрущева к власти и закончился Шестидневной войной. В этот период государственный антисемитизм был минимальный, и я как раз закончил институт в 1963 году. Только после войны 1967 года начался новый период, связанный с усилением антисемитизма и вытеснением евреев из армии, милиции, оборонных предприятий, учреждений МИДа и прочее.

– Не могли бы вы рассказать чуть подробней о вашем взгляде на антисемитизм в СССР? – вмешался на английском в разговор третий сотрудник, который хотя и не говорил по-русски, но, видимо, достаточно много понимал.

– Почему нет, могу рассказать. Если подходить сугубо формально, то никакой дискриминации евреев в СССР в этот

период не было. Так, например, в 1989 году процент лиц с высшим образованием среди евреев СССР составлял 43,3, в то время как среди других национальностей Советского Союза этот показатель составил 12,1 процента. На самом деле дискриминация фактически была, однако антисемитская политика партии и правительства как внутри страны, так и на международной арене не основывалась на каких-либо официальных решениях, и никто не видел писаного документа правительства и Центрального комитета на этот счет. В отличие от фашизма, где антисемитизм был сформулирован в виде законов, в СССР антисемитские действия основывались на устных указаниях или иносказательно сформулированных тезисах в печатных партийных документах. Эта особенность антисемитизма в СССР объясняется наличием надгосударственной структуры, каковой была коммунистическая партия. Поскольку руководители всех без исключения государственных учреждений являлись, как правило, членами партии, то они были обязаны подчиняться указаниям ее руководства. Поскольку четких письменных указаний не было, реальная политика на местах определялась ментальностью руководителя того или иного масштаба, стоящего в тот момент у власти, и его ближайшего окружения. Более того, уровень антисемитизма отличался в различных районах страны. Достаточно влиятельные руководители могли не соблюдать антисемитские устные указания и оставлять на службе, а также принимать евреев, требуемых для успешной работы. Так было всегда. Например, перед Второй мировой войной, во время войны и сразу после в промышленности работало непропорционально много евреев на должностях различного уровня, поскольку необходимость обеспечения военного превосходства не давала возможности заменить евреев на кадры «коренной» национальности. Их просто не было. Чрезвычайно распространенной практикой брежневского периода было назначение директоров из лиц «коренной» национальности, в то время как заместители и основные специалисты были евреи. Эти евреи часто становились исполняющими обязанности директора вследствие смерти русского руководителя или его ухода на другую работу. Иногда их потом утверждали на этой должности. Таким образом, имело место некоторое противоречие: с одной стороны, евреям ставились препоны, с другой стороны, в важнейших отраслях промышленности и науки ряд евреев занимали ведущие позиции. Например, в последние годы доля еврейского населения в СССР была около одного процента, а доля награжденных государственной премией была 12 процентов, и это при предвзятом подходе к отбору награждаемых. Среди научных

работников доля евреев в относительных величинах была в шесть раз выше, чем их доля среди всего занятого населения СССР. Евреев хотя и с некоторыми ограничениями, но всё же принимали в престижные вузы, за редким исключением. Вообще в вузах процент студентов-евреев по отношению к общей численности молодежи был в три раза больше, чем в среднем по стране. Ну какая уж тут дискриминация, если практически все советские евреи имели престижные, интеллектуальные профессии?! Какая уж тут дискриминация, если среди евреев было непропорционально много лауреатов, академиков и так далее?! На самом деле, хотя неписаное правило трех «не» после Шестидневной войны на закрытых предприятиях действовало, в других местах почти повсюду способные евреи пробивались. Несметное количество евреев (относительно их общей численности в СССР) было среди начальников малого и среднего уровня. На них держалась вся советская индустрия, поскольку, с одной стороны, они не хотели заниматься общим администрированием вместо реальной работы, а с другой стороны, они не были рядовыми сотрудниками, которые не несут груз ответственности. Не черпайте свои знания из рассказов отказников семидесятых годов, они ведь все слегка помешаны на жупеле антисемитизма и стараются изо всех сил показать свою значимость. На самом деле всё было не совсем так. Теперь отвечу на вопрос, как я, беспартийный еврей, защитил докторскую диссертацию и пробился на приличный уровень. Дело в том, что в НИИ и в вузах была очередь на вступление в партию для сотрудников с высшим образованием. Поскольку рабочие в партию в массе своей идти не хотели – им это было ни к чему, а интеллигенция туда стремилась (членство в партии способствовало карьерному росту), то установили пропорцию примерно три к одному: вступят трое рабочих в партию – можно принять одного интеллигента. В НИИ и вузах рабочих было мало, и очередь двигалась очень медленно. Когда меня спрашивали, почему я не в партии, то я отвечал: «Стою в очереди!» Срабатывало! Предвосхищая ваш следующий вопрос, зачем я эмигрировал в Израиль, отвечаю: «Не знаю!» Деятельность еврейских активистов и борцов за выезд в Израиль была совершенно неизвестна подавляющему большинству советских евреев – например, я ни одного живого еврейского активиста в жизни не видел и не слышал, – не оказывала на них ни малейшего влияния и не имеет никакого отношения к большой алие 1989–1991 годов. Эти активисты представляли собой, при всем уважении к ним, ничтожно малую кучку людей, действовавших в основном в Москве, Ленинграде и Прибалтике,

которые, видимо, и сталкивались с целенаправленным антисемитизмом, а потом гипертрофированно рассказывали это в своих рассказах и мемуарах.

Больше вопросов у людей из ШАБАКа не было, и через несколько дней профессор получил ожидаемый допуск.

Тем временем проектирование и изготовление стенда для испытаний моста шли своим ходом, Через полтора месяца стенд был воздвигнут во дворе факультета и мост был установлен. Для проведения его испытаний Шмулик привез старенький танк «Меркава» без пушки. В назначенный день во дворе собралась большая толпа зрителей, состоящая из рабочих и механиков факультетского цеха, преподавателей и аспирантов, хотя профессор первые испытания стремился не рекламировать. Профессор рассказал Вольфу, что до революции русские инженеры-мостостроители при проезде первого поезда всегда стояли под мостом, но поскольку он собственно мост не делал, то займет командирское место в танке. Один из механиков цеха – бывший танкист – взял на себя управление машиной. Испытания и моста, и испытательного стенда прошли успешно, и Вольф назначил следующий тур в присутствии представителей кибуца, где планировалось серийное производство мостов, а также в присутствии представителей армии. Теперь водительское кресло занял армейский танкист, а профессор по-прежнему восседал на командирском месте.

Все получилось, и после этого Вольф, наконец, приступил к формулировке научно-технической задачи Игоря:

– Игорь, я знаю, что ты являешься приверженцем немецкой и советской теории и практики танкостроения и от нашей «Меркавы» не в восторге. На «Меркаве» используется пружинная подвеска. Твоя задача – попробовать прорисовать и посчитать торсионный вариант. Талику[16] пока говорить ничего не будем.

Коммент-эр: ходовую систему «Меркавы» проектировали англичане с участием израильских специалистов по образу и подобию своих танков «Центурион», которые имели пружинную подвеску, основанную на сжатии пружины. Альтернативой является торсионная подвеска. Торсион – это упругий стержень или пучок пластин, которые скручиваются при сжатии и раскручиваются без нагрузки.

Сегодня «Меркава» – единственный танк в мире, имеющий пружинную подвеску, в то время как все остальные имеют торсионную. Считается, что, кроме всего прочего, пружинная подвеска во время передвижения по пересеченной местности обусловливает сильные колебания корпуса и снижает точность

стрельбы.

Получив такое задание, профессор углубился в изучение «Меркавы». На Урале и в Сибири в ходу было выражение «делать по-еврейски». Применялось оно, когда делалось что-либо необычное или обычное, но необычным, непринятым способом. Выражение иногда носило позитивный характер, а иногда добродушно-негативный. Ну, например, если вы надевали куртку с застегнутой молнией через голову (молнию заклинило), то от постороннего наблюдателя вы могли получить реплику: «Что это ты надеваешь куртку как-то по-еврейски?»

Так вот, «Меркаву», по мнению профессора, сделали по-еврейски.

Коммент-эр: Характерной особенностью «Меркавы» является компоновка с расположением моторно-трансмиссионного отделения в передней части корпуса. Эта конструкторская идея, по сути, превращает «Меркаву» в универсальную машину, способную выполнять роль БМП(боевой машины пехоты) и БТР (бронетранспортера). В качестве прототипа танка «Меркава» был использован опытный американский легкий танк Т 92 фирмы AAI, разработанный в 1956 году, имеющий переднее расположение двигателя и кормовую дверь для входа/выхода экипажа. Разработчики «Меркавы» выбрали легкий танк в качестве прототипа своего танка, проектный вес которого превышал вес Т 92 в три раза, длина – почти вдвое.

В результате появились высокая башня и приземистое шасси. Танк получился слишком большой и тяжелый (65–67 тонн). Найдется совсем немного мостов, способных выдержать его вес. А преодолевать водные преграды по дну он не сможет, поскольку не имеет оборудования для подводного вождения. Исраэль Таль, вероятно, в то время не очень думал о возможности использовать эту машину еще где-нибудь, кроме Земли обетованной. В принципе, концепция машины себя не оправдывает и исправляется при помощи самых современных «примочек»: оружия, прицелов, систем управления, объединяющих связь, электронику, датчики и компьютеры в единую сеть, системы активной защиты, обеспечивающей поражение подлетающих к машине противотанковых реактивных снарядов, и т. п.

В результате танк по своему уровню уверенно находится где-то в первой 5—10 мировых основных боевых танков. Заявления о том, что это лучший танк в мире, лежат на совести авторов и в основном покоятся на универсальной уверенности, что всё израильское – это лучшее в мире.

Однако нет худа без добра, при снятии башни «Меркава» является хорошей базой для создания современных тяжелых высокобронированных БМП, являющихся, по мнению всех современных специалистов, наиболее перспективным видом боевых машин пехоты.

Игорь приступил к работе над поручением Вольфа со всем усердием, свойственным советским инженерам-евреям (конечно, не всем, но очень многим). Большое внимание он уделил беседам с бывшими израильскими танкистами, которых он разыскал на факультете в процессе работы над стендом для испытаний моста. Однажды в мастерской факультета произошел эпизод, случайно принесший профессору локальную известность. Идучи по цеху, он увидел на столе у электриков оригинальный компактный вольтметр, взял его в руки и начал внимательно рассматривать. Проходивший мимо израильский рабочий с презрением сказал ему по-английски:

– Что, нет таких, конечно, в России, а в Израиле есть!

Игорь был, в принципе, человеком уравновешенным, но тут он совершенно вышел из себя и заорал:

– Ах ты, подонок, вчера только слез с дерева, а сегодня уже мне такое говоришь!

Он поднес прибор к носу рабочего и показал ему клеймо:

– Сделано в Тайване по лицензии фирмы «Шарп».

После этого он схватил рабочего за шиворот, вытащил его из ворот и ткнул носом в табличку на стене цеха: «Пожертвовано семейством Гринблад из Цинциннати».

– Так вот, прибор разработан японцами, сделан китайцами, куплен на американские деньги, а ты, еврей, этим гордишься! Да пока ты тут апельсины выращивал, в СССР уже делали атомные ледоколы и подводные лодки, строили синхрофазотроны, использовали лазеры и запускали спутники, у нас телевидение уже было в 1949 году, в то время как в Израиле оно появилось в 1964-м.

Надо заметить, что слова Игоря насчет телевизора были чистой правдой, поскольку первый глава Израиля Давид Бен-Гурион объявил после образования государства: «Мы – народ книги, и нечего смотреть идиотский ящик, потому что он отвлекает нас от чтения!»

Был разгар рабочего дня, и вокруг начал собираться народ, который с неподдельным удивлением слушал профессора – процент сотрудников, знающих английский, был в Технионе очень высокий, а кто языка не знал – тому переводили. За полтора-два года большой алии многие уже привыкли к тихим и

забитым изрусам, а тут такое…

На следующий день Игорь зашел к Вольфу по какому-то делу, и тот сразу же, смеясь, сказал:

– Весь факультет гудит, что я принял на работу жуткого антисемита. Ты зря на него так ополчился, пойми правильно ход мыслей простого израильтянина. Все видят и знают, как вам туго тут приходится, многие слышали, что вы бросили в России хорошую работу, квартиры, дачи и кинулись в Израиль. Многие слышали, что сейчас в России пустые магазины. Да плюс антисемитизм. Какой вывод они делают? Россия – это отсталая, забитая страна, в которой жить просто невозможно, и Израиль делает вам большое одолжение, буквально вас спасает. А ты показываешь, что вы совершенно это не цените. Однако я думаю, что этот скандальчик будет всем на пользу, израильтянам тоже не вредно посмотреть на всё вашими глазами.

– Понимаешь, Дани, миф об отсталости советской науки и техники кто в Израиле распространяет? Или кишиневские завгары, или профессора-отказники из алии семидесятых. И те и другие не работали на режимных предприятиях, поскольку их тогда бы и не выпустили, и не обладают реальными знаниями об уровне советской науки и техники. Конечно, есть некоторое количество отказников, которые более-менее в курсе, но злоба и обида на советскую власть лишает их всякой объективности.

Когда Игорь стоял уже в дверях, Вольф заметил:

– Знаешь что, между нами говоря, я сам плохо понимаю, зачем, например, ты сюда приехал.

– Дани, во-первых, я тоже не понимаю, а во-вторых, мы как-нибудь на досуге с тобой поговорим, и я тебе расскажу ситуацию более подробно. Ты же знаешь, что я ни в какой Израиль не собирался и ни один из моих знакомых не собирался. Мы все собирались в Америку. Но ее неожиданно для нас закрыли. Деваться уже было некуда. Вот и вся причина. Может, ты слышал, был такой русский писатель Куприн. В одном из его ранних рассказов есть такой эпизод. Два купца сидят в Москве в ресторане, выпивают, закусывают – икра, водка… Прислуживает им худенький немолодой татарин. Купцы спрашивают: как так получилось, что татаро-монгольское иго было на Руси триста лет, а теперь ты нам прислуживаешь? На что татарин им ответил: превратности-с судьбы!

Как-то к Игорю обратилась приятная во всех отношениях «химичка» Нина с просьбой поездить с ней на машине. В Израиле она купила со вторых рук подержанную «Субару-Джасти», а в Москве перед отъездом – новенькие права на вождение. В те времена, с учетом того, что получить олимовскую льготу при

покупке машины в Израиле мог только человек с правами на вождение, какое-то количество эмигрантов правдами и неправдами получали права в СССР и приезжали с ними в Израиль. Многие из них, включая Нину, никогда в жизни за руль не садились. Профессор несколько раз в «расширенное» обеденное время ездил с Ниной на этой «Субару» по улицам Хайфы и удивлялся ее быстрым успехам. Поскольку эти успехи сочетались с приятной внешностью, стройными ножками и выдающейся «наличкой» – так на блатном жаргоне в СССР называлась женская грудь, – то Игорь проникся к Нине большой симпатией, которая незаметно привела пару в постель в квартире Нины, пока ее восьмилетняя дочка была в школе. Нине было сорок два года, и она успела развестись с мужем уже в Израиле. И тут профессора ожидало мало сказать горькое разочарование: он не смог… С женой в Израиле заниматься сексом Игорь и не пробовал. Переживания при отъезде, дорожные стрессы, волнения по приезде, длительный перерыв в сексе сделали свое дело… Ничего не помогло – ни роскошная грудь, ни попытки сделать минет, ни маленький отдых. Нина понимала трудности абсорбции и как могла утешала профессора. Она заверила его, что через месяц всё устаканится, она подождет, и они снова попробуют.

– Послушай, дорогой, ты как-то очень индифферентно отнесся к моим словам о том, что я подожду, – заметила Нина, – ты что, не в курсе, что происходит в Израиле сейчас? Единственная сфера, где алия совершила подлинную революцию, воспринятую с восторгом израильтянами-мужчинами, – это сексуальная. Израиль в самый короткий срок вступил в период тотального блядства. Прежде всего, стремительно выросло число и качество проституток по дешевой цене: во-первых, за счет импорта из России, Украины, Молдавии и Белоруссии, во-вторых, путем рекрутирования эмигранток из тысяч неустроенных, безработных, не знающих, как заработать на кусок хлеба, как прокормить детей, женщин. Между прочим, среди них довольно высокий процент замужних дам. Кроме регулярных проституток пышным цветком расцвело насилие олимок «балабайтами» – начальничками, хозяйчиками и прочими. Это явление приняло поистине гигантские масштабы, особенно в Хайфе, которая приняла первый удар эмиграции, и ее окрестностях. Эти лабазники, пользуясь желанием женщин устроиться на работу, перейти на лучшую работу, получать более высокую зарплату, а также используя их правовую беспомощность и плохое знание языка, трахают молодых и не очень молодых женщин где только можно – на складах, в подсобках, темных углах, грузовых

закрытых автомобилях и так далее.

– О, Ниночка, я на днях читал в какой-то местной газетке, что один мастер на каком-то заводике в Кармиэле за год поимел двадцать восемь русских работниц, обещая им лучшую работу!

– Ну и, наконец, следующий сектор великого «траха» – это приобретение себе любовниц и наложниц, причем как одиноких, так и замужних. Особенно в этом преуспели арабы. Русские женщины по традиции, привезенной из СССР, совершенно терпимо относятся к арабским мужчинам, даже иногда предпочитая их белым «кавалерам». Сегодня на севере Израиля практически нет ни одного арабского лабазника, который бы не завел себе фаворитку в виде любовницы или сожительницы. Многие совершенно открыто заводят себе вторую семью. Евреи-израильтяне, конечно, отстают в этом деле от арабов, но тоже стараются. Ну и не надо забывать про сексуальную неудовлетворенность, вследствие чего олимки часто сами не прочь потрахаться с аборигенами и сами ищут секс с балабайтами. Русские мужчины не могут их удовлетворить, эмиграция и тяготы жизни физиологически действуют на них, прежде всего – сам уже видишь на своем примере.

Позже, разъезжая по северу по делам, профессор полностью убедился в правдивости Нининой информации. Более того, он стал свидетелем одного уникального события, в которое просто трудно было поверить. Игорь очень подружился в Технионе со своим тридцатилетним тезкой Игорем Иголевичем. Игорь был сыном заведующего кафедрой в Харьковском сельскохозяйственном институте, с которым профессор был немного знаком. Он приехал в 1989 году, чуть раньше большой алии, и устроился на постоянную работу на кафедре физики в Технионе, прилично выучил иврит, задешево купил квартиру в Хайфе – в общем, абсорбировался много лучше, чем более поздние эмигранты. Однажды профессор с Игорем ехал в машине мимо Хайфского муниципалитета, возле которого они увидели толпу арабских женщин с плакатами. Женщины что-то выкрикивали на иврите и размахивали плакатами. Игорь-младший вышел из машины и подошел к митингующим дамам ближе. Вернулся он совершенно ошарашенный: «Они протестуют против того, что их мужья завели себе русских любовниц, меньше дают им денег и манкируют супружескими обязанностями». – «Так что же они хотят от мэрии?» – «Они требуют, чтобы мэр вмешался и прекратил безобразия!»

– Ниночка, так ты мне угрожаешь, что по истечении месяца, если я не реабилитируюсь, ты пойдешь в наложницы к арабскому каблану?

– Ну, не обязательно к арабскому – могу и к еврейскому, если найду такого, который будет, как ты, цитировать мне Игоря Северянина и обсуждать со мной романы Алана Силлитоу, как ты.

– Ну, найти в Хайфе такого – раз плюнуть, – посмеялись несостоявшиеся любовники и разошлись.

Коммент-эр: в начале 1990-х в Израиле расцвела организованная преступность, и прежде всего организация проституции, включая большие денежные обороты, проникновение в государственные органы, подкупы работников полиции и сотрудников израильских посольских учреждений на территории России, Украины, Молдавии и других стран СНГ.

Из филиалов министерства внутренних дел в различных городах Израиля похищались большими партиями бланки удостоверений личности, которые впоследствии подделывались и передавались привезенным нелегально проституткам. Процветал контрабандный ввоз девушек бедуинами через «прозрачную» израильско-египетскую границу при полном попустительстве израильских пограничников. Появилось множество туристок с российскими паспортами, говоривших по-русски с украинскими и молдавскими интонациями. Этих дам привозили с Украины и из Молдавии в Москву, где они получали российские паспорта с визой на въезд в Израиль. У девушек отбирались паспорта, условия проживания оставляли желать лучшего, в смысле заработка их тоже обманывали. Система работала бесперебойно, поскольку восточный характер государства в сочетании с либеральным государственным устройством обеспечивал неизменный повышенный спрос на «товар».

Неожиданное дополнение состоявшегося разговора с Ниной профессор получил дома вечером. Открывая дверь своей квартиры, он увидел двух своих соседок-блондинок, которых звали Рита и Таня, тащивших довольно большую дорожную сумку.

– Откуда дровишки? – поинтересовался Игорь.

– О! Мы сегодня были знаете где? В Эйлате! Два дня!

В те времена путешествие для простого олима в Эйлат было эквивалентно полету на Луну.

– Не по дням, а по часам растет благосостояние советских блондинок, – улыбнулся Игорь.

Чувства, видимо, переполняли девушек, и они начали рассказывать Игорю, как это случилось:

– Мы познакомились с одним израильтянином лет сорока, и он предложил нам съездить в Эйлат. Мы боялись, думали неделю,

а потом решились и поехали. Вот возвращаемся.

– Ну, тут в Израиле экономика сверхкапиталистическая, по части женщин особенно, не даром же он вас повез.

– Нет!

– Ну, колитесь, уже. Трахал вас по очереди?

– Да, мы жили вдвоем в одном двухместном номере, а он жил один в одноместном, и мы ходили к нему по очереди.

– А в финале трахал сразу обеих, признавайтесь!

– Да, было дело!

– Ну, молодцы, развлеклись по полной программе.

Девушки начали оправдываться:

– Ну, что, с нас не убудет, а в Эйлат попали!

– М-да… Париж стоит обедни![17]

Профессор зашел в свою квартиру, разделся и лег в глубокой задумчивости на матрасик, постеленный на пол. Кровати у него пока не было, и он спал на матрасе, одолженном у приятелей. Его покоробил не столько факт, о котором рассказали девушки, сколько эпический тон их рассказа.

«И ведь не какие-то отпетые бляди или соски-малолетки, а вполне приличные работающие молодые женщины! Абсорбция в полной красе», – думал профессор.

Он размышлял о том, что будет дальше. За дочку профессор не волновался.

Он думал о жене.

Работу по специальности она, конечно, не найдет, делать что-нибудь еще она не умеет, выжить на его жалкую зарплату семья не сможет, придется идти на какую-нибудь черную или получерную работу, и не дай бог кто-нибудь будет ее домогаться. Она женщина гордая, импульсивная, бог знает, что может сделать, может и кухонным ножом пырнуть.

Игорь встал, посмотрел в окно на залитый светом хайфский район Ромема, сделал себе яичницу из двух яиц с дешевой колбасой – это было единственное блюдо, которое он умел готовить, выпил стакан чая и попытался отвлечься от тяжелых мыслей. Получалось плохо.

Сын посещал академию в Иерусалиме и готовился к летнему традиционному музыкальному фестивалю клезмеров в Цфате. Пока они с Даной живут в Иерусалиме – всё ничего, а как будет, когда Дана с сыном переедут в Хайфу? Ездить из Хайфы в Иерусалим долго, тяжело и дорого. Накатывали мысли о прошлой жизни – профессор изо всех сил старался избегать их. Сколько сил, времени, нервов было потрачено: золотая медаль, экзамены в институт, диплом, кандидатская диссертация, докторская… И теперь всё это практически не нужно, всё коту под хвост.

На следующее утро в кабинете профессора раздался звонок, который изменил как-то уже сложившуюся жизнь профессора в Израиле. Звонил соученик Игоря по институту, который уже был генеральным директором Чебоксарского тракторного завода, Ханиф Гонгазов:

– Всё, дорогой, три трактора с запасными частями уже отгружены. Встречайте!

Дело было в том, что перед отъездом в Израиль Игорь со своим коллегой по работе Аркадием Соровским, эмигрировавшим на год раньше, пытались «подстелить солому» в Израиле, дабы создать себе какую-нибудь материально-техническую базу. Поскольку некоторые их знакомые уже занимали солидные посты в промышленности по производству различных гусеничных и колесных машин, они начали разведку возможности отправки в Израиль образцов советской техники для показательной эксплуатации с целью организации последующих поставок машин в Израиль. Их внимание было, прежде всего, сосредоточено на чебоксарском заводе. Это был единственный в социалистическом лагере завод, производящий тяжелую бульдозерно-рыхлительную и трубоукладочную технику. Машины такого типа в мире изготовляли только две фирмы: «Катерпиллер» (США) и «Комацу» (Япония). Первые машины сошли с конвейера чебоксарского завода в 1987 году. Первопричиной для скорейшего строительства завода был пакет антисоветских санкций, объявленных президентом Рейганом в 1981 году. Пакет содержал запрет на поставку американскими компаниями в СССР нефтегазового оборудования. Поскольку такая техника требовалась для золотодобывающей, нефтегазовой, угольной и горнорудной отраслей, продукция которых являлась основным предметом экспорта СССР, денег на завод не жалели, и он был оснащен самым современным оборудованием производства европейских и японских фирм.

Особенности ельцинской России того времени были таковы, что отправить бесплатно три трактора и шестьдесят тонн запасных частей общей стоимостью по западным ценам около миллиона долларов, российские приятели профессора могли, а заплатить пятьдесят тысяч долларов за перевозку не могли и отправили груз за счет получателя. Судно с грузом уже шло в Израиль, и надо было искать деньги на оплату перевозок. Коллега и партнер профессора Аркадий работал в тот момент механиком в израильском отделении фирмы «Катерпиллер», и его возможности в части поисков были весьма скромными. У Игоря расписание было практически свободным, и у него была машина. Поэтому поиск инвестора приходилось делать в основном ему.

Игорь начал объезжать израильских подрядчиков (кабланов), дорожных строителей и просто потенциальных финансовых инвесторов, которых удалось обнаружить. Дело шло медленно. Израильские промышленники относились ко всему русскому в то время с большим подозрением. Правительственные органы это подозрение и антироссийский негатив неофициально вполне поддерживали. Ивритская пресса была полна сообщениями о криминальном происхождении российских капиталов, о русской мафии, а также рассуждениями о политической и экономической нестабильности в России и отсутствии надежных гарантий. Масла в огонь подливали бывшие еврейские активисты и отказники – эмигранты семидесятых годов, переносящие свои антикоммунистические и антисоветские комплексы на нынешнюю Россию. Были, конечно, и объективные соображения: как будут работать машины, как будет организовано снабжение запчастями, кто будет учить механиков-водителей, что насчет масел и топлива и т. п.

Наконец, Аркадий познакомился в Иерусалиме с одним новым русским – Григорием Гробманом, который согласился рассмотреть предложение Игоря и Аркадия. Григорий был москвичом, вполне интеллигентным человеком, кандидатом наук, создавшим в 1989 году научно-производственный кооператив и заработавшим на этом приличные деньги. Он собирался переезжать в Израиль и строил в Иерусалиме особняк в районе «Хадасса Эйн Карем».

Игорь заехал за Аркадием в Петах-Тикву, где тот жил, и они отправились в Иерусалим на встречу с Гробманом в одну из гостиниц. В результате переговоров выкристаллизовалась следующая стратегия. Гробман регистрирует в Израиле фирму, которая будет специализироваться на торговле со странами СНГ, снимет помещение для офиса в Иерусалиме, оплатит стоимость перевозки трех тракторов и запасных частей и будет платить зарплату Игорю и Аркадию. За это он получит долю прибыли от эксплуатации этих тракторов и будущих возможных продаж такой техники в Израиле, а также помощь профессора и Аркадия в любой деятельности фирмы, к тракторам не относящейся.

Сказано – сделано: было снято офисное помещение в центре Иерусалима, в здании напротив легендарного миномета «Давидки», и Аркадий начал работать в новой фирме, в то время как профессор продолжал работать в Технионе.

Корабль с тракторами уже пришел в Хайфский порт, и профессор каждый день получал из порта сообщения с информацией о суммах, компенсирующих нахождение груза в порту Надо было спешить.

В Технионе к концу подходил первый год пребывания профессора на стипендии Шапиро, Вольф избегал разговоров о продлении сроков. Кроме того, профессора очень тревожили слухи о болезни Вольфа и угрозы окружающих ликвидировать «вольфовское» направление работ в случае его смерти. Несколько напрягала профессора и манера общения Вольфа с ним в ряде случаев. Вольф часто ездил за границу. Перед отъездом он каждый раз наставлял Игоря: «Позвонят заказчики (как правило, это были военные) – ни в коем случае не соглашайся с ними встречаться без меня».

Или секретарь приносила профессору приглашение явиться к Вольфу в кабинет и присутствовать на такой-то встрече в такое-то время. Когда Игорь приходил в назначенное время, Вольф говорил ему: «Тебе будет неинтересно, иди работай». Зачем приглашал?

Было понятно, что всё это было обеспечение собственной безопасности в смысле сохранения его монополии в профессии. То есть, несмотря на все договоренности, Вольф боялся контактов профессора с заказчиками – мало ли что будет. Это была перестраховка, поскольку разница в весовых категориях была настолько значительная, что и бояться было нечего. В общем, ситуация требовала ухода из Техни-она. Профессор заранее решил поговорить с шефом. Вольф был совершенно ошарашен: такое было неслыханно – олим «первого года службы» добровольно покидает Технион, когда у него есть высокие шансы на продление работы в следующем году. Игорь как мог объяснил Вольфу, что у него нет никаких претензий, но так сложились обстоятельства. Вольф попросил профессора съездить с ним в порт и показать ему тракторы – с советскими танками он был знаком хорошо, а вот тракторы были для него совершенно экзотическим зверем.

Поселиться Игорь с Даной решили в Петах-Тикве. Там жил Аркадий, и, с точки зрения профессора, это географически было наилучшее место, обеспечивающее легкий доступ на север, восток и юг. Они начали искать в Петах-Тикве индивидуальный дом на земле – немалую роль тут играли и интересы Юнга.

Перед переездом Игорь решил сменить машину Право на льготу он потерял из-за привоза «Ауди», а вот у жены привилегия сохранилась – права на вождение у нее были, фамилия была другая, приехали они с профессором в разное время, мужем и женой нигде не числились.

Здесь надо сделать некое лирическое отступление от повествования под названием «Автомобильный Израиль». Говорить про Израиль без описания ситуации с автомобилями –

это все равно что писать про корриду, не упоминая о быках. Хотя и те и другие – твари бессловесные, но без них картина никак не складывается.

Израильская изюминка состоит в том, что автомобили для Израиля играют роль винно-водочных изделий в советской экономике – неограниченный источник незаработанных денег. Налог на покупку машины здесь – 83 процента – является одним из самых высоких в мире и превышает аналогичный европейский в пять раз! Этот налог дает около 10 миллиардов шекелей в год (с учетом НДС). За счет акцизов на бензин, ежегодный тест и пр. государство наваривает еще около 20 миллиардов шекелей в год. Таким образом, в госказну поступает свыше 30 миллиардов шекелей только в виде налогов с этого рыночного сегмента. Раз государство себя так ведет, то и все другие не стесняются (импортеры автомобилей, гаражи, владельцы бензоколонок и пр.).

Поэтому в Израиле автомобиль – это не только средство передвижения, но и вещь во многом культовая. По крайней мере, в начале девяностых это было так – правда, сейчас, невзирая на эти чудовищные налоги, ситуация всё больше приближается к европейской.

Прибывшие изрусы имеют примерно 30—50-процентную скидку на покупку машины. Однако срок действия этой льготы не превышает трех лет, и после его истечения все ближние и дальние знакомые Игоря бросились любой ценой покупать машины, невзирая на свое материальное положение.

Тут у профессора началась горячая пора. Мало того что он был в числе изрусов, у которых была машина в СССР, мало того что он был профессиональным автомобилистом, мало того что он знал английский, так он еще имел к тому времени трехлетний опыт эксплуатации автомобиля в Израиле. Все звонили и просили совета, какую машину покупать, и требовали гарантий, что она будет самой дешевой и самой хорошей. Профессор тщетно сопротивлялся, утверждая, что таких не бывает. При этом он должен был комментировать положения других советчиков, среди которых доминировали фалпаты из местных коллег. А они признавали только «Субару». Дело было в том, что в 1960—1970-е годы официального импорта в Израиль машин не было, в основном из-за угрозы арабского бойкота автомобильным компаниям. В середине семидесятых американо-израильские капиталисты каким-то боком воздействовали на японскую компанию «Фуджи», которая проигнорировала арабский бойкот и начала полноценный официальный экспорт своих машин в Израиль, соответственно снабдив их сервисом и запчастями. Это

буквально за пару лет изменило страну – были просто бедные евреи, а теперь стали гордые израильтяне на «Субару».

Конечно, к началу девяностых пыл несколько угас, поскольку в изобилии появились «немцы» («Фольксваген», «Опель», «Форд»), «испанцы» («Сеат»), «итальянцы» («Фиат»), однако настоящие патриоты продолжали ездить только на «Субару». Правда, ни японских машин других фирм, ни корейских машин тогда в продаже в Израиле не было, и в общем автомобильный парк Израиля являл собой довольно убогое зрелище (конечно, в сравнении с европейскими странами, про бывший СССР речи нет): масса старых «Субару-Леоне» и «Субару-Джасти», подержанные «Фиаты» и «Ситроены» и т. п. Богатые и знаменитые ездили на «Вольво».

А тут в массовом порядке появляются изрусы на новеньких «Субару», «Фиатах», «Фольксвагенах» и прочих болидах, что не могло не вызвать у коренного населения злобы и зависти. Кстати, это забило первый клин между иммигрантами и старожилами. Из всех углов раздавалось злобное шипение: «Только приехали… ни кола ни двора, а уже ездят на таких машинах…» Игорь даже знал случаи, когда после покупки новой машины соседи или сослуживцы переставали общаться с владельцами-изрусами и даже здороваться. Им не приходила в голову особая ментальность изрусов и порядок получения льгот, обусловливающий покупку новой машины, в то время как семьи почти голодали.

Следующий круг автопокупок лет через пять-семь после первого прошел уже много спокойнее. Правда, находились и те, кто продолжал покупать «Субару», хотя уже появилось много других «японцев» и «корейцев».

К этому времени Игорь уже полностью разуверился в целесообразности давать советы и всем говорил:

– Покупайте то, что вам больше нравится, поскольку эфиопские ученые установили, что по мере развития прогресса разница между автомобилями стирается, а между женщинами остается.

Кстати, в этом было рациональное зерно.

Вторым приемом позже его вооружил сосед Яков, ашкеназ-израильтянин. Он купил «Шкоду-Карок» и пришел к Игорю хвастаться. Игорь слегка покривился и начал что-то толковать Якову про недостатки коробки передач с двумя сцеплениями. Тот его послушал и сказал:

– Ну что ты мне морочишь голову, это же всё бифним[18], в гараже всё починят.

Поэтому Игорь теперь всем говорил:

– У машины есть недостатки, но это бифним.

Коммент-эр: вообще говоря, евреи не являются автомобильной нацией. Хотя еврейскими именами кишит история создания многих видов вооружений, включая водородное и атомное оружие, самолеты, ракеты и пр., а также ряда гражданских машин, механизмов и процессов, из знаменитых евреев-автомобилистов можно назвать, пожалуй, только Андре Гюстава Ситроена (настоящая фамилия Цитрон), одного из пионеров массового автомобилестроения, папа которого был одесситом и торговцем драгоценными камнями. К этому можно только добавить родоначальника динамических форм автомобилей Пауля Яраи и немецкого авиационного и автомобильного инженера, а также конструктора легких дизельных двигателей, выходца из России Лазаря Шаргородского.

Но главная бомба была взорвана сравнительно недавно. Считалось, что первый в мире автомобиль изобрел Карл Бенц (1886). Однако еще был еврей Зигфрид Маркус, который сделал это раньше (1864), но не запатентовал изобретение. Этим воспользовались в гитлеровские времена нацисты и по указанию немецкого министерства пропаганды стерли отовсюду следы изобретения Маркуса, оставив имена немцев Бенца и Даймлера. При Гитлере работники Технического музея промышленности и торговли в Вене спрятали автомобиль Маркуса, а в 1950 году отремонтировали и выставили его на обозрение.

Игорь, правда, говорил, что он побаивается: как бы в налоговом управлении не узнали об этом факте, а то тут же повысят пошлины на машины: одно дело – продавать изобретение каких-то там немцев, а совсем другое – чистокровного еврея. За это надо платить!

Профессор заказал «Опель-Астру» в агентстве «Опеля» в Хайфе. В это время в одной русскоязычной газете он увидел объявление, что продается с рук новый «Форд-Орион» практически без пробега. Игорь созвонился с владельцем и договорился о встрече. Владельцем оказался врач из Москвы, который неожиданно получил возможность уехать в Америку. Врач жил под Хайфой в деревне художников Эйн-Ход.

Коммент-эр: деревня художников Эйн-Ход – коммунальное поселение, расположенное у подножия горы Кармель в 15 километрах от Хайфы к югу. Деревня была основана в 1954 году художником-дадаистом Марселем Янко.

В ней проживает около пятидесяти семей творческих профессий: художники, литераторы, артисты, поэты. В деревне

расположено множество студий, художественных галерей, мастерских керамики и мозаики, музей Janco Dada, магазины древностей и даже несколько экспозиционных залов. Во дворах жителей и на улочках можно видеть множество скульптурных композиций в различных стилях. На улице проходят концерты и различные мероприятия. Из деревни открывается живописный вид на Средиземное море.

Игорь и Дана сразу же были очарованы серебристым красавцем немецкой сборки и оформили покупку. Попутно они подружились с доктором и приезжали к нему в гости в деревню вплоть до его отъезда в Америку. Надо заметить, что машина оказалась исключительно плохого качества, и профессор не вылезал из ремонтов. Но интерьер салона и динамика машины не давали повода для претензий.

В Петах-Тикве после длительных поисков удалось найти крохотную трехэтажную виллу не так далеко от центра. Этажность виллы была обусловлена очень небольшой площадью земельного участка и, соответственно, дома. При этом вилла была абсолютно новая – в ней еще никто не жил. Одна пара небогатых североафриканских выходцев получила в подарок земельный участок, построила эту виллу и чрезвычайно придирчиво подходила к выбору постояльцев, опасаясь за свое новое имущество. Перед подписанием договора они познакомились со всеми членами семьи, включая Юнга, и согласились сдать дом.

На первом этаже располагался небольшой салон и американская кухня, на втором этаже были две спальни, занимаемые Игорем с Даной и мамой Игоря, а на третьем была комнатка Яна. Район, хотя и был близко от центра Петах-Тиквы, состоял преимущественно из индивидуальных небольших домов и двух– и трехэтажных строений старой постройки. Население в основном составляли мизрахи, профессор их называл «магрибы». Это слово не все понимали, что придавало ему дополнительную привлекательность.

Коммент-эр: хотя в Израиле часто всех евреев – выходцев из азиатских и африканских стран называют сефардами, это в принципе неверно. Испания на иврите называется «Сфарад». Соответственно, испанские евреи называются сефардами. После изгнания из Испании в конце XV века они переместились в Турцию и Северную Африку. Разговорным языком сефардов являлся ладино, совмещающий элементы иврита и средневекового испанского. Внешне и по характеру настоящие сефарды не отличаются от ашкеназийских евреев. Другое дело мизрахи – выходцы из всех

арабских и ближневосточных мусульманских стран, а также персидские, грузинские, бухарские, горские, индийские и курдистанские евреи.

Перед переездом Игорь зашел к Нине в лабораторию и напомнил, что у них друг перед другом должок.

– Давай попробуем на новом месте, – предложил Игорь, – поедем на нашу новую виллу в Петах-Тикву, там пока никто не живет.

Для бывшего раллийного гонщика семьдесят километров не расстояние, и пара быстро оказалась в Петах-Тикве на небольшом топчане, доставшемся профессору в наследство от хозяев виллы. Так вот, у профессора на нем всё получилось по полной программе, что его весьма вдохновило.

Через пару дней Игорь взял в Технионе фургон «Форд-Транзит» и за два дня, сделав несколько рейсов, перевез с Яном всё имущество, включая красное пианино, которое они, как гроб Паганини, возили за собой по всему Израилю. Но Дана без него жить не могла. Первая страница израильской эмиграционной жизни была перевернута.

Поскольку вопрос с оплатой перевозки техники и ее нахождения в порту был, в принципе, решен, надо было определить, куда ее везти и где эксплуатировать. Теперь начались поиски подходящего партнера, которые оказались не легче поисков денег. Поиски занимали много времени и неизвестно сколько могли продлиться. Поэтому Игорь продолжал параллельно искать другие варианты заработка, и такой случай вскоре ему представился. Дочка его двоюродного брата Леонида, который жил Бейт-Шемеше, была совладельцем маленького турбюро в Тель-Авиве. В Москве она была учительницей английского языка. Ее партнер по бизнесу Миша был родом из Алма-Аты и там учился в одном классе и дружил с Акежаном Кажегельдиным[19].

Коммент-эр: правительство Кажегельдина осуществило частичную приватизацию крупных объектов промышленности, привлекло в республику множество иностранных инвестиций, заложило основы фондового рынка. В 1998 году Кажегельдин публикует книгу «Казахстан: право выбора», где резко критикует существующую в Казахстане политическую систему. В 1998 году Кажегельдин выдвинул свою кандидатуру на президентские выборы. Сразу после этого по указанию президента Нурсултана Назарбаева против него завели уголовное дело, и политик был объявлен в международный розыск. В 2001 году суд признал

подсудимого Кажегельдина, проживающего в США, виновным и назначил ему наказание в виде десяти лет лишения свободы.

Миша беседовал с Кажегельдиным по телефону, и тот спросил, не знает ли он кого-нибудь из честных и надежных людей в Израиле, которые могли бы заняться поиском двигателей для автобусов, собираемых в Казахстане, прежде всего на Чимкентском (Шимкентском) сборочном заводе, включая вопросы финансирования. Миша добавил:

– Кажегельдин дал мне телефон своего доверенного человека – казаха, с которым можно обсуждать все детали, зовут этого казаха, сам понимаешь, Давид Ашкенази.

Коммент-эр: 14 апреля 1993 года на моторном заводе КамАЗа в результате замыкания электросети случился грандиозный пожар, полностью разрушивший производственный корпус и технологическое оборудование. Ущерб составил около 350 миллиардов рублей. Погибли станки и производственные линии, которые закупались для КамАЗа в Германии, Италии, США и других странах.

Чтобы не останавливать весь завод, КамАЗ начал продавать свои машины без мотора автотранспортным предприятиям, имевшим некоторый запас дизелей. Другим путем решения вопроса являлось применение моторов других производителей, таких как Ярославское производственное объединение «Автодизель», Барнаульский завод «Трансмаш», Харьковский тракторный завод, американская фирма «Камминз» и др. Этот путь не обеспечивал быстрое решение вопроса, усложнял и удорожал машину. В третьем варианте предусматривалась регулярная закупка аналогичных моторов за границей. Но тут надо было решать проблему финансирования. Многие автомобилестроительные предприятия России, Украины, Белоруссии, Казахстана оказались в тяжелейшем положении. В результате в течение полутора лет завод был частично восстановлен.

Если в России еще были какие-то варианты по замене камазовских дизелей, то в Казахстане единственным реальным и быстрым способом решить вопрос являлась покупка моторов за рубежом. Но у Казахстана денег на это не было, и он нуждался в кредитах от западных производителей или банков.

Профессор начал искать контакты в Израиле с кем-либо, связанным с крупными банковскими операциями, и вышел на одного презанятного человека, которого звали Яков Гофман. Он был из семьи «шанхайцев» с русскими корнями и говорил

(правда, очень смешно) по-русски. Читать и писать на русском он не умел. Профессор встретился с Яковом в его офисе в центре Тель-Авива. Яков был подвижным, начинающим лысеть человеком лет пятидесяти, обладающим здоровым чувством юмора. Он был также более чем культурным человеком на израильском фоне, неплохо знал русскую и мировую классическую литературу, в России бывал много раз и сразу оценил уровень профессора. В отличие от большинства израильтян он понимал состояние русского интеллигента, затолканного в «прямую» абсорбцию. Между ним и Игорем сразу возникла взаимная симпатия.

Как выяснилось впоследствии, он был как-то связан с МОССАДом и работал на него в нескольких африканских странах несколько лет. К моменту знакомства он был поглощен проталкиванием грандиозной сделки между одним французским банком, французской фирмой, производящей компьютеры, и российской налоговой полицией под российские государственные гарантии. Чтобы дать Игорю понятие о масштабах сделки, он сказал, что только на взятки в России он лично уже потратил сто тысяч долларов.

Якова заинтересовала история с двигателями, и, поскольку у него работа по компьютерам во Франции уже шла к концу, он предложил Игорю с Франции и начать.

– Что скажешь? – спросил он Игоря.

– А что говорить – «Рено»!

– Ну, «Рено» – это вполне подходящие ребята! Заешь что, через неделю я собираюсь в Париж, полетели со мной, поездку я оплачу Я подключу там своих знакомых еврейских бухгалтеров (всех дельцов и финансистов он по-русски называл бухгалтерами), они организуют нам встречу в «Рено» и посмотрим. Твоя задача перед отъездом – уточнить, можно ли говорить о правительственных гарантиях на предоставляемый кредит.

Игорь тут же позвонил «казаху» Ашкенази в Алма-Ату, и тот заверил его, что Кажегельдин такие гарантии обещал. По прибытии в Париж Яков организовал встречу с «бухгалтерами», которые пообещали сделать кредит в одном из французских банков и сказали, что договорились о встрече послезавтра с вице-президентом «Рено» в штаб-квартире фирмы.

– Игорь, ты первый раз в Париже? Завтра у тебя будет день на экскурсии, – сказал Яков и на сутки расстался с Игорем.

Профессор вернулся в отель и тут же свалился в постель, где и проспал до утра. Утром он выпросил у портье карту Парижа и вышел на улицу. Была ранняя осень, накрапывал легкий дождик, и Игорь под зонтиком отправился пешком в Лувр. Хотя их отель

находился в центре, он шел довольно долго и, дойдя до Лувра, увидел длиннющую очередь – туристический сезон еще не кончился. Профессор тихонько пристроился к большой группе канадцев, находящейся близко от входа, на него не обратили внимания, и он проник в Лувр. У профессора было правило, выработанное за годы поездок по разным городам и весям: стараться ничего не откладывать и «ковать, пока горячо». Поэтому он пробыл в Лувре практически до закрытия, попеременно пристраиваясь к разным англоязычным группам, сопровождаемым экскурсоводами. Затемно выйдя из Лувра, он как-то случайно наткнулся на Собор Парижской Богоматери, вошел и сел на скамью с прихожанами, слушавшими какую-то проповедь. Проснулся Игорь в пустом зале от того, что его расталкивал служитель, сразу же распознавший в нем иностранца: «Мистер, служба закончилась, идите домой!»

На следующее утро они с Яковом взяли такси и поехали в штаб-квартиру «Рено», расположенную в городке Булонь-Бийанкур, недалеко от Парижа. Вице-президент по зарубежным операциям вошел в зал заседаний, где находились Яков с Игорем, минута в минуту. Это был стройный изящный шатен лет сорока пяти в темно-синем костюме.

Он внимательно выслушал речь Игоря на английском, но отвечал, однако, на французском.

Яков перевел Игорю:

– Всё это замечательно, и мы бы приняли ваше предложение, если бы речь шла не о Казахстане. Казахстан не входит в очерченную сферу интересов «Рено».

Профессор пытался что-то возразить, но вице-президент вежливо указал ему на место:

– Вы просто не разбираетесь в том, как делается политика в крупных компаниях.

Вопрос был исчерпан за пятнадцать минут. Для этого пришлось лететь в Париж, ждать два дня и готовить папку с материалами. Игорь был чрезвычайно расстроен и огорчен, он никак не ждал такого исхода. Всю обратную дорогу Яков утешал его как мог:

– Не расстраивайся, на «Рено» свет «топором» не сошелся, – он любил и знал русские пословицы, но слова иногда подобрать не мог. – Еврейские бухгалтеры есть везде, дай мне другую страну, и я попытаюсь что-нибудь сделать.

– Да другую страну я вам дам сходу – Голландия, Нидерланды, фирма ДАФ.

– О, Голландия – это хорошо, у меня есть связи в один большой банк ABN AMRO. Мы вернемся, и я с ними свяжусь.

Через день Яков позвонил профессору и сказал, что голландцы, в принципе, готовы рассмотреть предложение о кредитовании ДАФ под гарантии казахского правительства. Более того, знакомый банкир Якова имел связи с ДАФ и обещал позвонить насчет нашего контакта с ними.

Еще через день Яков сообщил профессору:

– Ну всё, собирайся и поезжай в Эйндховен, тебя там ждут.

В аэропорту Эйндховена Игоря встречала долговязая некрасивая рыжеватая дама лет сорока. Звали ее Урсула, и она работала в отделении «ДАФ компонетс», поставляющем двигатели и коробки передач для автобусов, грузовиков и специальных машин. Урсула поведала профессору, что она полька, немного говорит на русском, поскольку учила его в школе, десять лет назад вышла замуж за голландца и живет в Эйндховене. Урсула посадила Игоря в свой «Фиат-500» и повезла его в отель. Эйндховен оказался небольшим городом с более чем шестивековой историей, большим количеством современных зданий и несколькими узкими уютными улочками старинной постройки. Население города составляло около 170 тысяч человек, знаменит город был двумя градообразующими предприятиями – ДАФ и «Филипс», очень известным Техническим университетом (открыт в 1956 году) и футбольной командой PSV, обладателем кубков Нидерландов, Кубка Европы и т. д.

На следующее утро Урсула заехала за профессором и повезла его на предприятие. В Эйндховене находились производство двигателей, коробок передач и других компонентов, кузнечно-штамповочный цех и линия конечной сборки грузовых автомобилей. Производство мостов и кабин осуществлялось в Вестерло, Бельгия. Игорь показал инженерам «ДАФ компонетс» документацию на чимкентский автобус и рассказал об особенностях эксплуатации машин в Казахстане, обращая их внимание на высокую и постоянную запыленность воздуха в некоторых районах. По всем позициям они нашли взаимопонимание, и на следующий день Игорь с Урсулой и несколькими инженерами предстали перед одним из директоров «ДАФ компонетс». Голландцы вообще очень рослые люди, а этот директор был эдак метра два ростом и говорил басом, по тональности соответствующим его росту. Он одобрил результаты переговоров и сказал, что теперь дело за финансами: надо работать с банком и казахскими правительственными органами. Он уже официально назначил Урсулу рабочей контактной персоной и тепло распрощался с Игорем. Тот окрыленный вернулся в Израиль и доложил Якову о результатах поездки.

На что Яков ему сказал:

– Вот теперь предстоит длительная кропотливая работа – я вожусь с поставкой компьютеров в Россию уже около полутора лет и десяток раз побывал в Париже и Москве. Перебирайся-ка ты в мой офис в Тель-Авиве.

Яков оказался прав: много раз Игорь летал в Алма-Ату и обивал пороги различных правительственных учреждений, собирая визы и резолюции чиновников. Он близко сдружился с директором казахской автомобильной компании «Желдирме» Арманом Валихановым, который даже гостил у них с Даной в Израиле. Что забавно, «Желдирме» на русский язык переводится «Ехать на лошади с ветерком».

В один из первых приездов в Алма-Ату Кажегельдин вызвал Игоря к себе:

– Не в службу, а в дружбу… Тебе, как автомобилисту, да еще и челябинцу, видимо, известна история с Кустанайским дизельным заводом. Вот он где у меня сидит… – провел он себе по шее. – Я прошу тебя помочь, поезжай туда и во всем разберись, я тут никому не доверяю, все в той или иной мере меня дезинформируют…

История с этим заводом была, в принципе, профессору известна. В 1979 году было принято решение советского правительства о покупке лицензии у фирмы «Клёкнер-Гумбольд-Дойтц» (Германия) на производство дизелей воздушного охлаждения и о строительстве завода в городе Кустанай (Кустанайская область граничит с Челябинской). Эти двигатели предназначались, прежде всего, для грузовиков «Урал», производимых на заводе «УралАЗ» в Миассе Челябинской области. В 1992 году были введены мощности первой очереди завода – 20 тысяч двигателей для грузовиков «Урал-744» в год. Однако развал СССР, неразбериха и дезинтеграция в экономике привели к тому, что дизельный завод прекратил производство, не начав его, собрав в процессе наладки и испытания оборудования всего 405 двигателей в период с 1991 по 1993 год. В завод были вложены огромные по тем временам деньги в валюте, и к 1990 году на заводе было установлено самое современное по тому времени оборудование производства Германии, Италии и Японии. Половину работников предприятия составили приглашенные кадры из России, в основном челябинцы и жители Миасса «уралазовцы», а половину – местные кадры, которые проходили производственную практику на российских заводах. К 1991 году на предприятии уже работало три с половиной тысячи человек. «УралАЗ», находившийся в России, категорически отказался покупать казахские моторы и начал переговоры о производстве дизелей с итальянской фирмой «Ивеко». Можно было понять

обеспокоенность казахского премьер-министра, которому досталось такое наследство.

Игорь тут же позвонил Якову в Израиль, получил его принципиальное согласие и сказал Кажегельдину, что запланирует такую поездку в свой следующий приезд в Казахстан.

– Знаешь что, – сказал Кажегельдин, – передай Ашкенази, чтобы он, во избежание лишних вопросов в Кустанае (он уже назывался по-казахски Костанай), сделал тебе казахский паспорт.

В следующий приезд профессор, вооруженный казахским паспортом и письмом премьер-министра, обязывающим всех должностных лиц на заводе и в Кустанайской области оказывать ему всяческое содействие, вылетел из Алма-Аты в Кустанай. Распавшийся Советский Союз, и в данном случае одна из союзных республик, представлял собой зрелище, вызывающее гамму негативных чувств. Одно дело – рассуждать о демократии, свободе слова и передвижения и тому подобных вещах, и совсем другое – видеть все безобразия ельцинского периода: разбитые дороги, бандитизм, неприкрытое взяточничество, бесхозяйственность, вопиющее расслоение общества и разбазаривание имущества, за которое было заплачено тяжким трудом и лишениями миллионов советских граждан в предшествующие годы. Профессор осмотрел новенькие цеха, самое современное технологическое оборудование западных фирм, испытательные стенды, помещения конструкторского и технологического бюро с лабораториями. В одном из цехов он услышал лай собак и пошел посмотреть, в чем дело. Оказалось, что предприимчивые трудящиеся разворовывают электронику со станков с ЧПУ и приходится охранять оборудование с помощью собак.

После осмотра завода и бесед с руководством профессор пришел к однозначному выводу, что более половины имущества придется, грубо говоря, выбросить. Дело было еще и в том, что дизели воздушного охлаждения на тот момент безнадежно устарели и фирма «Дойтц» прекращала их производство. Советские бонзы в свое время приняли ошибочное решение о покупке лицензии на эти моторы – ходили слухи, что небескорыстно. Это было для профессора не в новинку – он знал, что министерские чиновники в СССР часто принимали решения о зарубежных закупках, исходя не из технического уровня изделий, а из количества приглашений на поездку за границу, размера подарков от фирм и других благ. Конечно, корпуса, универсальные станки и часть специализированного оборудования можно было использовать при производстве других машин, что и было впоследствии сделано: на заводе производили

комбайны, собирали импортные джипы и т. п. Всё это он изложил в подробной записке, которую напечатал при возвращении в Алма-Ату и вручил Кажегельдину. Все копии по просьбе премьера Игорь уничтожил.

Обнищание государственных структур в бывшем СССР порой приобретало анекдотичные формы. Однажды двухметровый директор «ДАФ компоненте», которого звали Пирс Ван Дейк, вместе с Урсулой и еще двумя коллегами прилетел на переговоры в Алма-Ату. В один день с утра была назначена встреча в «Желдирме»– солидном здании в центре Алма-Аты.

Случилось так, что Игорь пришел очень рано, поднялся на второй этаж и пошел к кабинету Валиханова, который имел обыкновение рано приходить на работу. Подходя к кабинету, профессор услышал за поворотом в коридоре тяжелый топот и через секунду увидел могучего голландца, который бежал ему навстречу. При виде профессора он закричал истошным голосом: «Игорь, paper!»

Игорь мгновенно всё понял: голландец зашел в туалет на этаже, и там, естественно, не оказалось туалетной бумаги. Высшие руководители компании имели туалеты у себя в кабинетах, а общий туалет в коридоре был предназначен для простых трудящихся.

Игорь на секунду замешкался, туалетной бумаги у него не было, и он начал лихорадочно вырывать листы из большого блокнота в своем портфеле. Положение спас Валиханов, появившийся в начале коридора, – он быстро сообразил, в чем дело, и бегом кинулся к своему кабинету, впустив туда голландца. Позже голландец сказал Игорю, что это был, видимо, один из самых острых эпизодов в его жизни.

Второй эпизод с этим голландцем также запомнился Игорю. Перед отъездом голландской делегации казахи вечером устроили небольшой банкет в ресторане на «Медео». В разгар застолья Игорь заметил, что Пирс и Яков долго отсутствуют за столом. Игорь вышел из зала в совершенно пустынный вестибюль и увидел, как дюжий голландец взял Якова за грудки и кричит на него. Увидев профессора, Яков закричал ему на русском:

– Игорь, иди сюда быстрей, он меня убьет, скажи ему, что ты не «slave»[20].

Яков видимо забыл или не знал это слово по-русски.

К своему великому удивлению, Игорь обнаружил, что именно он стал яблоком раздора для двух почтенных джентльменов. Дело было в том, что днем голландец просматривал смету работ на следующий месяц и увидел там некую неувязку: в одном случае недельная командировка одного человека из Израиля в Алма-Ату

стоила тысячу долларов, а в другом – две тысячи. В ресторане Ван Дейк спросил Якова, всё ли тут верно, а если верно, то почему так. Яков, нисколько не смущаясь, объяснил ему, что в первом случае имеется в виду поездка Игоря, а во втором – его, поскольку он будет жить в лучшей гостинице и арендовать машину с шофером. И тут голландец полез в бутылку:

– Я читал и слышал, что Израиль использует русских эмигрантов-интеллигентов как рабов, а теперь я вижу, что это правда. Ты, например, знаешь, кто такой Ван Дейк? Конечно, нет! А он знает!

Для Якова подобное положение изрусов в Израиле было азбучной израильской истиной, и он был ужасно удивлен поведением Пирса, как был бы удивлен римский император Тиберий Клавдий Нерон, если бы ему предъявили претензию, что он отправляет гладиаторов на верную смерть или освещает свой дворец горящими христианами.

Профессор попал в очень трудное положение. С одной стороны, он не хотел и не мог идти против истины, которую обнаружил Ван Дейк, а с другой стороны, винить в этом Якова было просто смешно.

– Мистер Ван Дейк, в принципе, по большому счету вы правы, но лично Яков в этом никак не виноват. Он следует принятым в его стране нормам. Как-нибудь на досуге я вам всё подробно объясню, а пока идемте за стол, нас ждут.

По дороге в зал голландец сказал потихоньку Игорю:

– Если проект получится, я возьму тебя на работу в ДАФ и ты будешь нашим представителем в Казахстане.

– Я – с удовольствием, – ответил Игорь.

И подумалось ему в этот момент следующее. «Русские» олим по определению не способны к организованному протесту и борьбе за свои права, как это понимается в Израиле и во многих других странах – бурные демонстрации перед зданием правительства, сжигание покрышек, перекрытие дорог, разбивание стекол и тому подобные действия, без которых израильская демократия не работает и работать не будет. Но вот написать письмо президенту США, премьер-министрам Канады и Австралии, описывающее мытарства последней алии и полную абсурдность трансфера полумиллиона советских граждан в Израиль, и попросить их приютить эту алию с большой пользой для своих стран, да собрать тысяч сто подписей под такой петицией – это задача, посильная для русских олимовских организаций. Реакция Ван Дейка свидетельствовала, что шум в цивилизованном мире от такой акции был бы довольно значительным.

Игорь продолжил свою деятельность в Алма-Ате. Речь шла о тридцатимиллионном долларовом кредите и казахских правительственных гарантиях на этот кредит. Но Кажегельдин не мог это сделать без решения президента Казахстана, который вмешивался в хозяйственную деятельность весьма активно. Чиновники из министерства финансов и других ведомств это отлично знали, и работа шла медленно. Когда дело приближалось к кульминации, один чиновник из Минфина назначил Игорю свидание в элитной в то время гостинице в Алма-Ате «Марко Поло». При встрече с глазу на глаз этот чиновник обрисовал ситуацию очень четко: «Все готово для подписания соглашения о правительственных гарантиях, нужна взятка в сто тысяч долларов – и всё будет немедленно сделано».

Игорь тут же позвонил Якову, тот отказался давать такие деньги, Яков в свою очередь созвонился с голландцами, и те тоже отказались, как они заявили, из принципа. Предприятие лопнуло.

В соседствующих с Челябинском Башкирии и Татарии существует праздник Сабантуй. В Челябинске, где был высокий процент татаро-башкирского населения, этот праздник также отмечался. Одним из главных аттракционов на празднике было залезание на высокий деревянный столб. На верхушке столба закреплялся приз (в послевоенные времена, как помнил Игорь, это были кожаные сапоги, а перед эмиграцией в Израиль там уже висела, например, видеокамера). Обнаженный до пояса джигит лез до верха и там пытался снять приз. Это было трудно, и большинство претендентов стремительно скатывалось вниз. Приз доставался самым сильным и ловким. Крах казахстанского предприятия стал первым для профессора падением с «сабантуйного столба» в Израиле. Было ужасно жалко, казалось, что «сапоги» совсем рядом, и так всё кончилось… Яков перестал платить Игорю зарплату, выселил его из своего офиса. Последнее время офис Якова находился в весьма известном здании в Тель-Авиве, которое называется «Бейт-Текстиль».

Офис соседствовал с офисом Юлия Нудельмана, и профессор иногда заходил к нему «на огонек». Нудельман был в эмигрантской среде фигурой знаковой. Эмигрировал в Израиль в 1971 году. До эмиграции был судовым врачом и прославился операцией на борту в океане. Когда-то он был самым молодым заведующим хирургическим отделением в Москве. Еще находясь в СССР, Юлий Нудельман был принят в Ассоциацию хирургов Израиля и получил израильское гражданство. Боролся за признание в Израиле дипломов медиков из СССР и добился их признания путем личного, за свои средства обращения в Верховный суд. Участвовал в войне Судного дня. Затем принял

участие в Первой ливанской войне («Мир Галилее»). Работал хирургом и заведующим отделением в больницах «Рамбам» в Хайфе и «Барзилай» в Ашкелоне.

Нудельман опубликовал на иврите и русском языке книги: «Перевернутая пирамида Израиля», «Кровопролитие в медицине», «Медицинская мафия в государстве коррупции», «Без наркоза», «Преследуемые именем закона». Наибольший резонанс вызвала изданная в 1999 книга «Щаранский без маски», где доказывалось, что вся жизнь и карьера Щаранского основаны на лжи, а сам Щаранский обвинялся в работе на КГБ. Натан Щаранский подал в суд на Нудельмана, обвиняя его в клевете, и в 2003 году суд обязал Нудельмана выплатить Щаранскому материальную компенсацию около миллиона шекелей, а книгу из продажи изъять. К моменту знакомства Игоря с Нудельманом книга еще не была издана, однако Юлий познакомил Игоря с некоторыми ее черновыми фрагментами, которые пролили для профессора свет на многие страницы деятельности бывших отказников. Впоследствии, когда была создана партия «Исраэль ба-Алия» (ИБА) и Щаранский стал министром, профессор убедился в справедливости многих тезисов Нудельмана.

Коммент-эр: партия ИБА была образована перед выборами в Кнессет 1996 года, на которых набрала 5,7 процента голосов и получила семь мест, став шестой по размеру партией страны. Тогда Натан Щаранский занял пост министра труда и промышленности в правительстве Биньямина Нетаниягу, а Юлий Эдельштейн стал министром абсорбции.

После 1999 года ИБА набрала шесть мандатов, и Щаранский возглавил МВД, а Марина Солодкина стала замминистра абсорбции в кабинете Эхуда Барака. В 2001 году Щаранский возглавил министерство строительства, а Эдельштейн стал замминистра абсорбции в правительстве Ариэля Шарона. «Исраэль ба-Алия» прекратила свое существование после неудачи на выборах 2003 года, на которых она получила всего два мандата и слилась с «Ликудом».

Вообще-то говоря, Игорь никогда не видел объективных оснований и логики для существования в СССР специализированного движения за выезд именно евреев. Если ты уже диссидент, так почему бы тебе не бороться также за выезд немцев, корейцев или, скажем, чукчей (на Аляску). У него всегда были подозрения, что еврейское диссидентство существует благодаря материальной подпитке со стороны Израиля и богатых американских евреев, сочетающейся с наличием группы

еврейских ребятишек в СССР, не нашедших себе другого занятия, и нескольких десятков «упертых» зрелых интеллигентов. И потом, только мудаки могут не понимать, что маленькая страна даже теоретически не может использовать по назначению всех олим – сколько нужно шестимиллионной стране инженеров-металлургов, геологов и музыкантов! К сожалению, такие мудаки, причем как злонамеренные, так и просто бездумные, были как по ту, так и по эту сторону советской границы. Впоследствии, по мере накопления достаточных знаний и опыта жизни в Израиле, профессор убедился, что его подозрения были во многом оправданны.

При этом по некоторым вопросам взгляды Игоря и Юлия не совпадали, но профессор не спорил – он просто принимал это к сведению.

Глава 5
Великое предприятие

Тем временем Игорь с Аркадием продолжали активные поиски партнеров, сконцентрировав свое внимание на центре страны. В итоге им удалось познакомиться с одним веселым магрибом из Йемена (в Израиле их зовут «таймани») по имени Шалом Ворах, маленьким, худеньким, но крепким и жилистым человеком с очень темной кожей, проживающим в местечке Гиват-Коэх недалеко от аэропорта Бен-Гурион. Шалом был богатым землевладельцем, фермером, имеющим, помимо сельскохозяйственных угодий, большой участок земли. На нем, кроме дома, где он жил с многочисленной семьей, располагались различные флигели, мастерские, гаражи и парк сельскохозяйственной техники.

Шалом, один из немногих в Израиле, специализировался на выращивании каких-то специальных твердых сортов пшеницы и нажил на этом большие деньги. В тот момент Шалом хотел расширить свой бизнес за счет подрядов на земляные работы, и предложение профессора было ему, как говорят, «в жилу». Компаньоны перевезли всю технику в усадьбу Шалома, и он начал хлопотать по поводу получения подряда на зачистку и планировку земель в районе аэропорта. Игорь же позвонил в Чебоксары и попросил командировать в Израиль трех опытных механиков-операторов сроком на полгода для работы на тракторах и обучения местного персонала.

В ожидании механиков он с Аркадием окунулся в торговую деятельность, которая заключалась в следующем. Они связывались с крупными советскими заводами и выясняли, нет ли у них потребности и желания приобрести что-нибудь в Израиле. Например, один из заводов попросил сотню ручных инвалидных колясок, Кременчугский автозавод изъявил желание покупать израильские автомобильные кондиционеры для своих грузовиков, направляемых в жаркие страны, и т. п. Компаньоны подыскивали подходящих партнеров в Израиле и организовывали контакты заинтересованных сторон, а в случае успешных переговоров – отправку грузов в Союз. Состояние мелких израильских фирм и заводов в то время вселяло в профессора ужас: тесные «слепые» помещения, допотопное оборудование, примитивные технологии и широкое использование ручного труда. Например, в ходе экскурсии по фирме, производящей инвалидные коляски, хозяин привел его в сборочный цех. Это была тесная комната с

единственным окном и земляным (!) полом, в которой на брезентовых табуретках сидело полтора десятка немолодых изрусов и резиновыми молотками «сколачивали» коляски. Увидев лицо профессора, хозяин поспешил увести его в кабинет, где достал из сейфа полбутылки водки, покрытой толстым слоем пыли. Скорее всего, последний раз из этой бутылки пили в честь победы в войне за независимость в 1948 году. Но что было поразительно: фирма выпускала вполне приличную, конкурентоспособную продукцию, которая даже экспортировалась. Совершенно потряс профессора визит на одно металлообрабатывающее маленькое предприятие, где им показали, как делают покрытие изделий хромом (никелем). Классический процесс включает в себя первичную обработку изделия в соляной кислоте с последующим помещением его в электролит, состоящий из серной кислоты и хромового ангидрида. Пожилой изрус (как оказалось, кандидат наук из Минска) проделывал все эти операции вручную, сидя на стуле возле открытых ванн с соляной кислотой и электролитом. Когда директор Кременчугского автозавода спросил профессора о возможности посещения предприятия, изготовляющего кондиционеры, Игорь вежливо, но категорически этому воспрепятствовал – он боялся, что тот увидит, как это делается, и откажется от сделки. При всем при том изделия, производимые таким образом, имели высокий уровень и хорошее качество. Игорю тогда и в голову не приходило, как круто изменится ситуация в Израиле в этом смысле через двадцать – двадцать пять лет и какой рывок вперед сделает израильская промышленность.

Спустя несколько месяцев Гробман с командой пришел к выводу, что нет смысла держать офис в Иерусалиме и будет дешевле оставить там одну комнату для иерусалимцев, а остальных переместить в центр страны. Была снята маленькая трехкомнатная квартирка в Ариэле, где разместились Игорь с Аркадием и секретарем Валей, а позже присоединились еще два сотрудника.

В это время профессор начал вплотную заниматься своим жилищным вопросом. Последние два года в Израиле шло массовое строительство в периферийных районах и возведение так называемых караванных поселков (то есть временных городков из временных домиков со всеми удобствами). Ответственным за эту программу был министр строительства Ариэль Шарон. Он сделал невозможное – изнасиловал израильскую строительную мафию, всегда поддерживающую высокие цены жилья при невысоких темпах строительства, и за два года построил 144 тысячи квартир, а также закупил и

доставил в Израиль тысячи караванов. Он предоставил строительным подрядчикам землю и дал обязательство, если рынок это жилье не востребует, скупить дома у подрядчиков за приемлемую для них цену.

Конечно, основная масса жилья была возведена в периферийных районах страны (Кармиэле, Нацрат-Илите, Йокнеаме, Беэр-Шеве, Офакиме и др.), однако часть была построена и в относительной близости от центра (Ашдод, Ариэль, Кадима, Тель-Монд и др.), включая дома в поселениях на контролируемых территориях.

Как это часто Игорь впоследствии наблюдал в Израиле, даже у многих государственных деятелей деловая активность, ум и эрудиция сочетаются с использованием ими оборота речи, который на российском сленге называется «абвгдёж». Как-то однажды Игорь слышал выступление Шарона в Технионе, где его спросили:

– Почему вы строите жилье в местах, где нет работы?

На что тот ответил:

– Я тут ни при чем, виноват министр промышленности, он обещал построить в этих местах предприятия и не построил…

Абсолютный «абвгдёж», содержащийся в этом ответе, которому бы позавидовал бравый солдат Швейк, был настолько очевиден, что Игорь потерял дар речи, хорошо, что не навсегда. В любой другой стране такого министра на следующий день выгнали бы, а в Израиле на это, естественно, даже не обратили внимания, хотя в зале присутствовали представители прессы, включая телевизионщиков.

Коммент-эр: произведения Гашека, посвященные Швейку, занимают особое место в мировой литературе. Гашек уловил главную закономерность – огромная, всепоглощающая бюрократия неизбежно приобретает ярко выраженные черты идиотизма. Австро-Венгерская империя, где происходят события, описываемые в его произведениях, – огромное бюрократизированное государство, в котором бюрократия распространяется также на армию. Гротескная абсурдная маска верноподданного солдата позволяет Швейку показать полный идиотизм окружающих его персонажей и всей системы в целом. Пытаясь основываться на простой логике и здравом смысле, Швейк играет роль гениального идиота, доводящего до абсурда все установки бюрократического государства.

Квартир на продажу в это время было сколько угодно, и среди изрусов шла активная дискуссия, брать ли машканты

(ипотечные ссуды) под огромный процент и последующие выплаты в течение тридцати лет и покупать жилье или жить на съемных квартирах. Опытные израильтяне советовали покупать жилье и не бояться ссуд. Практика подтвердила их правоту. Аркадий купил квартиру в Ариэле, а Игорь с женой тоже внесли задаток в посредническое бюро на квартиру с землей в том же Ариэле. Пока шло оформление, случилось следующее. Секретарь Валя забыла дома какие-то нужные бумаги, и Игорь поехал с ней за забытыми бумагами. Валя жила в караване, размещенном в поселке Маале-Шомрон. Поселок находился примерно в тридцати километрах от Тель-Авива и двадцати километрах от Ариэля, чуть северо-западнее него. По прибытии на место профессор был буквально им очарован: поселок находился на холме, а изящные виллы оригинальной архитектуры (ни одной пары одинаковых!) были расположены в лесу из средиземноморской сосны. Как объяснила ему Валя, это был элитный поселок, населенный преимущественно евреями – выходцами из США и европейских стран. Все дома возводились индивидуально.

Через лощину профессор увидел соседний холм, где цепью тянулись стандартные коттеджи, которые казались незаселенными. Игорь всегда старался все делать основательно, и тут он начал разбираться в ситуации более глубоко. На следующий день они с Даной поехали, как говорят, на местность и поняли следующее. Чуть севернее Маале-Шомрона, где жила Валя, находился холм, на котором расположился поселок Гинот-Шомрон (основан в 1984 году). Поселок можно было разделить на три зоны (чисто условно, конечно). В юго-западной части, называемой Нэве-Элиза, находилась американская зона, заселенная в основном выходцами из Чикаго, приехавшими в Израиль двадцать лет назад, в центральной части находилась зона старых коттеджей, населенная преимущественно магрибами – «вязаными кипами» – религиозными сионистами, а северо-восточную часть, состоящую из относительно новых коттеджей, занимали «разночинцы» – олим, «поздние» американцы, светские евреи-ашкеназы и пр. В западной части находились новые готовые пустующие и недостроенные коттеджи.

Севернее Гинот-Шомрона, на соседнем холме, разделенном с Гинот-Шомроном ущельем Кана с небольшой речкой, располагался Карней-Шомрон (основан в 1977 году), заселенный преимущественно ортодоксами. В связи с этим профессор даже не стал его изучать.

Иногда, видимо из-за того, что Карней-Шомрон был основан раньше, оба поселения называют Карней-Шомрон. Еще севернее располагается поселок Неве-Менахем (основан в 1991 году). Вид

поселка изнутри сильно напоминал кадры из фильма Тарковского «Сталкер» – абсолютно большая часть территории была заполнена новенькими пустыми домами и на улицах не было ни души. Весь комплекс поселений находится на высоте примерно четыреста метров над уровнем моря.

Игорь с Даной отправились в Кфар-Сабу в контору, ведающую новым жильем в данном конгломерате, и услышали там следующее. После соглашения в Осло правительство Рабина запретило продавать готовые дома и достраивать те, которые уже были начаты. Видимо, Рабин готовился передать эти поселки Палестинской автономии, но что-то выжидал. Готовые дома без ухода ветшали, а недостроенные дома активно разграблялись. Профессор нашел блок из шести домов на самой юго-западной кромке Гинот-Шомрона, откуда открывался прекрасный вид на ущелье, в блоке были заняты два крайних дома. В одном жил «американец» с семьей, а в другом магриб из Ирака – «вязаная кипа». Американец посоветовал Игорю: «Карауль именно наш блок – тут два дома занято, и могут разрешить быстро заселить пустующие, жди».

В кфар-сабской конторе подтвердили мнение американца, Игорь оставил там заявление о приобретении конкретного дома в блоке и стал звонить туда еженедельно. Покупку квартиры в Ариэле он приостановил. Время шло, и по истечении двух месяцев профессор стал задумываться, стоит ли еще ждать. В это время один из знакомых рассказал ему, что в Неве-Менахеме идет «захват» домов людьми, уставшими от ожидания, и пригласил его на «подпольную» сходку в соседнем с поселением лесочке. Картина была фантасмагорическая, в лесочке собрались человек тридцать, и глава поселкового совета (на иврите «рош мааца») – с бородой, в вязаной кипе – начал опрашивать присутствующих. После выяснения состава семьи происходила раздача ключей от коттеджей с площадью и числом комнат, пропорциональным численности семьи.

– Кого не устраивает, забегайте ко мне в совет – посмотрим, что можно сделать, – сказал глава совета.

Рабин был «левым», а администрация поселений – «правой» и не верила в левацкие загибы. Поскольку дома принадлежали государству и по закону человек, проживший сорок восемь часов в доме, не мог быть выселенным, эта еврейская анекдотичная игра шла как по маслу.

Через два дня к каждому вновь вселившемуся приезжала полиция, писала протокол, пила чай и уезжала восвояси. Вселившиеся люди вносили плату на определенный счет поселкового совета и пользовались водой и электричеством. Мало

кто верил, что все поселения будут переданы Палестинской автономии. Всё это выглядело как театр абсурда, и если бы профессор сам в этом не участвовал, а услышал от кого-то, то он никогда бы в это не поверил. После этого многие жили в Неве-Менахеме в «захваченных» домах десятилетия, эти ничейные дома стали покупаться и продаваться, а часть была выкуплена жильцами официально по низкой цене.

Игорь с Даной уже собирали вещи для «захвата» четырехкомнатного коттеджа в Неве-Менахеме, когда им позвонили из кфар-сабской компании и сказали, что поступило разрешение на продажу двадцати домов в облюбованном ими районе и что они могут приехать и оформить документы. Так как Игорь все-таки побаивался последствий «захвата» дома, они сделали выбор в пользу легального варианта и купили двухэтажный коттедж в Гинот-Шомроне за 75 тысяч долларов. При въезде в дом с ними приключился забавный случай. В их доме на втором этаже были две комнаты, а в точно таких домах соседнего ряда там же было три комнаты. Профессор раза три ходил из дома в дом и никак не мог проникнуть в тайну этого строительного феномена. Наконец сосед-американец просветил его:

– Не мучайся, у тебя третья комната тоже есть, но она замурована! Дело в том, что подрядчик обязался сдать Шарону определенное количество трехкомнатных, четырехкомнатных и пятикомнатных домов. Из-за унификации строители взяли за основу четырехкомнатный дом: для трехкомнатного дома замуровали одну комнату на втором этаже, а для пятикомнатного достроили одну дополнительную комнату на первом этаже. Потом, когда въедете, пробьете дверь и окно и будет у вас четвертая комната, заходи и посмотри, как сделано у меня… Зато какой вид открывается из вашего дома.

В те времена в ущелье перед домом профессора еще бегали косули, на дороге при въезде в поселение попадались кабаны, переходящие дорогу, а в небе летали большие птицы, сильно похожие на орлов. Так Игорь с Даной стали поселенцами. Поскольку вокруг были арабские деревни, в которых они покупали продукты и другие товары в два раза дешевле, чем в израильских магазинах, то вскоре они обзавелись знакомыми арабскими продавцами и ремесленниками, тем более что среди них было некоторое количество знающих русский язык (учились в России) и даже имеющих русских жен. В поселении «белый» человек не срывал даже травинку у себя во дворе, каждое утро у ворот собиралась толпа арабов, которые делали в поселке всю черную работу, как на коммунальном уровне, так и для

отдельных поселенцев. Так было до интифады Аль-Аксы. После интифады работа арабов в поселении была восстановлена, однако требования к безопасности резко ужесточились. Впрочем, за двадцать пять лет жизни в поселении профессор ни разу не слышал о каких-либо конфликтах, связанных с присутствием арабских рабочих у них в деревне.

Коммент-эр: интифада Аль-Аксы (с арабского дословно: «восстание, революционное выступление», называется по имени Аль-Акс – известной мусульманской мечети, построенной в VIII веке на Храмовой горе в Иерусалиме) была начата в сентябре 2000 года и характеризуется усилением арабо-израильского конфликта. В отличие от первой интифады, называемой «войной камней», во время второй интифады ставка была сделана на «камикадзе», нападавших на места большого скопления людей: автобусные остановки, рынки, магазины, увеселительные заведения, кафе и гостиницы. После апреля 2002 года вторая интифада пошла на спад и к осени практически закончилась.

В ожидании чебоксарских механиков Игорь практически переехал во флигель к Шалому, где был оборудован мини-офис, и занимался составлением каталога запасных частей, присланных в Израиль, и переводом на английский отдельных фрагментов инструкции к тракторам. Поскольку большую часть времени он находился один, то тоска была совершенно «зеленая». Профессору в жизни не приходилось испытывать такое состояние, поскольку он был всегда «в игре», а тут не знал, чем загрузить себя на сто процентов. Профессор был чистым атеистом и ни в каких богов не верил, однако он был не чужд вульгарного фатализма, учившего, что «то, что будет, будет». Он верил не в божественную, а естественно-детерминированную предопределенность событий в мире и в жизни каждого человека и полную невозможность усилием человеческой воли, интеллекта что-то изменить в течении событий и своей судьбе.

Эта философия предопределяла важную роль его величества случая, и в очередной раз такой случай представился. Среди знакомых Игоря, эмигрировавших в Израиль, был профессор Рафаил Викторович Шрамм, крупный специалист в области теории надежности и долговечности и просто крайне эрудированный и умнейший человек. Он работал в головном институте профессора в Москве, и, когда они встречались, Рафаил Викторович полушутливо-полусерьезно говорил:

– Игорь, вы на вид серьезный ученый и инженер, а занимаетесь черт знает чем, а не надежностью и долговечностью

машин.

Шрамм в тридцатые годы был направлен на стажировку в США и работал на заводах компании «Глисон» (Gleason).

Коммент-эр: в начале 1930-х годов советское правительство широко направляло советских специалистов для обучения за границу. Зарубежные командировки и производственная практика считались в СССР самым эффективным способом обучения, так как на иностранных заводах можно было научиться гораздо большему, чем у командированных в СССР иностранцев. Сотни человек ежегодно направлялись за рубеж (в основном в США и Германию), где получали почти беспрепятственный доступ к разнообразным техническим данным.

Надо сказать, что после возвращения в СССР и передачи опыта местным специалистам значительная (видимо, большая) часть стажеров, вернувшихся из-за границы, была репрессирована.

В бытность свою в США и затем по возвращении в СССР Шрамм написал англо-русский автомобильный словарь, который был издан после войны и затем много раз переиздавался. Многие поколения специалистов и студентов, включая и профессора, пользовались этим фундаментальным трудом. К моменту эмиграции Шрамм был уже весьма пожилым человеком и жил одиноко в Нетании вблизи от семьи своей дочки. Однажды он позвонил профессору и попросил его приехать. В ходе беседы он сказал:

– Вы заметили, что кроме моего словаря появились в издании и другие словари того же назначения?

– Конечно, заметил!

– Так вот, я все эти труды проанализировал и пришел к выводу, что все они – это простое нахальное копирование моей книжки.

– Так и я это давно заметил.

– А в то же время появилась масса новых конструкций, новых технологий, новых терминов, и жизнь требует нового словаря. Я после долгих размышлений пришел к выводу, что написать такой словарь можете только вы. И не вздумайте отказываться, это вам мое завещание.

Я, видимо, не доживу до издания этого нового вашего словаря, так что мое завещание – это серьезно.

– Рафаил Викторович, я согласен.

Профессор и сам уже подумывал о написании такой книги, но Шрамм дал ему финальный толчок. Вернувшись домой, Игорь позвонил своему хорошему знакомому, русскоязычному

владельцу израильского издательства, специализировавшегося на издании путеводителей, словарей, исторических книг и справочников, Льву Кацаву.

– Лева, как ты насчет издательства такого словаря?

– Смотри, издать-то я его могу, но абсолютное большинство потребителей ведь в бывшем СССР. Печатать-то надо всё равно там. Свяжись с кем-нибудь в России. Пока начни делать – там посмотрим.

И Игорь немедленно начал работу. Полтора года тяжкого труда ушло на написание книги. Дело осложнялось тем, что у профессора не было компьютера и он всё делал или вручную, или на пишущей машинке. Правда, один его знакомый челябинец, работавший шофером в одной из иерусалимских ешив, помог ему купить у американца-ешиботника некое печатающее устройство, представляющее машинку с памятью на пять страниц текста. Это было уже что-то. Правда, музыка играла недолго. Профессор одолжил эту машинку приятелю зятя на пару дней, тот оставил ее на ночь в машине, а ночью машину вместе с машинкой угнали. Если выражаться словами лермонтовского Печорина: «После всего этого как бы, кажется, не сделаться фаталистом?»

Много хлопот доставляли иллюстрации, но тут неоценимую помощь оказал профессору график кацавского издательства. Игорь решил расширить словарь и кроме чисто «автомобильной» терминологии включил туда тематику дорожно-строительных машин, а также военной бронетехники (кроме вооружений). Сильно помог большой опыт Игоря по написанию двух диссертаций, составлению многочисленных отчетов и записок, где широко использовался метод французского ученого Реклея (популярная шутка советских ученых и инженеров: Реклей – «режем и клеим» – когда напечатанный или написанный текст нарезается на части и наклеивается на чистый лист в нужной последовательности).

Повезло Игорю и с перепечаткой пухлого фолианта. Один местный журналист был должен издательству Кацава некую сумму денег и никак не мог отдать. Кацав сказал Игорю, что этих денег он не дождется никогда и ему пришла в голову идея взять долг «натурой» – отдать журналисту на перепечатку рукопись словаря. Журналист охотно согласился и перепечатал рукопись, сделав к тому же литературную правку Жил он недалеко от Игоря в Ариэле, Игорь с ним очень подружился и впоследствии они часто общались, поскольку этот журналист стал редактором крупнейшей израильской русскоязычной газеты и иногда печатал статьи Игоря по автомобильной и бронетанковой тематике. О публикации он договорился с российским книжным

издательством журнала «За рулем». Спустя два с половиной года после памятной встречи со Шраммом словарь вышел в свет как совместная публикация «За рулем» и израильского издательства Кацава. Материально он профессору практически ничего не дал, только моральное удовлетворение и чувство выполненного долга. Но кто знает – может, в этом и заключается настоящий смысл жизни.

Постоянное нахождение во флигеле сопровождалось частыми контактами с Шаломом, что позволило профессору близко ознакомиться с достаточно типичным израильским представителем выходцев из Магриба и постичь некоторые детали практического сионизма. Политический строй и массовую культуру в Израиле профессор называл практическим сионизмом – «пракси». Выяснить, что такое теоретический сионизм после создания Государства Израиль, Игорь несколько раз безуспешно пытался. При этом он вспоминал старый советский анекдот: «Чем мат отличается от диамата (диалектического материализма)? Тем, что мат все знают и делают вид, что не знают, диамат никто не знает, но делают вид, что знают». Что такое сионизм в нынешние времена, никто толком не знал, но зато все знали хорошо реальную внутреннюю и внешнюю политику израильского истеблишмента «пракси». Словом «сионизм» в Израиле злоупотребляют до анекдотического уровня: сионистский лагерь (непонятно, то ли это лагерь, где сидят сионисты, то ли это пункт сбора сионистов), сионистский форум, идеи сионизма и т. п.

Ведь, попросту говоря, в основе сионизма лежит несложная идея: у евреев должно быть собственное государство в Земле Израиля, и столицей этого государства должен быть Иерусалим. Это уже случилось, и что сионистам делать сейчас? Завезти в Израиль еще пять миллионов евреев из США? А кто тогда будет жертвовать на постройку больниц и университетов?

Игорь начал активно читать ныне живущих еврейских «классиков» и увидел много интересного.

Например, из ряда трудов он извлек тезис о том, что главной задачей современного сионизма и вообще каждого еврея, где бы он ни жил, является всемерная защита и укрепление Государства Израиль как важнейшего фактора в сохранении и защите мирового еврейства, религиозности, образования и культуры.

Разумеется, он не мог припомнить, спрашивал ли кто-нибудь советских евреев до эмиграции о том, считают ли они Израиль своим государством, которое они должны всемерно защищать. Были опасения, что их в сионисты никак не запишешь.

Однако выражением сути дела является теория о необходимости постоянной финансовой поддержки Государства

Израиль каждым евреем, ощущающим себя сионистом. При этом необязательно иммигрировать, чтобы называться настоящим сионистом.

Всё оказалось просто: сионизм – это возложение ответственности за действия израильского правительства на всех евреев в мире и материальная помощь Государству Израиль.

В разговорах с Шаломом ему помогала одна из русскоязычных работниц последнего из алии 1970-х. Шалом начинал разговор:

– Мой сын Ави после армии побывал во всех странах и говорит, что лучше Израиля страны нет.

В лексиконе стандартного магриба в таких случаях слова «некоторые», «несколькие», «один из» и т. п. отсутствуют и заменены словами «все», «самый» и т. п.

Далее профессор задавал вопрос:

– А он не говорил, что в Израиле именно хорошего, чем он лучше других стран?

После этого Шалом впадал в ступор. Дикая мысль о таком анализе в голову ему, видимо, никогда не приходила.

– Может, Израиль имеет огромную территорию с лесами, реками, озерами, горами необычайной красоты и чистейшим воздухом?

– Может, на этой территории водится много пушных и других зверей, а воды заполнены всеми видами рыбы?

– Может, в его недрах содержится тьма полезных ископаемых, включая нефть?

– Может, он окружен добросердечными и мирными соседями, испытывающими дружеские чувства к евреям?

– Может, население Израиля является однородным и внутри него начисто отсутствуют всяческие трения между различными группами?

Понимая, что продолжать такие вопросы можно и дальше, Шалом, слегка заикаясь, говорил:

– Но нам тут хорошо!

– Кому нам? Вот мне, например, тут не очень хорошо. Я также знаю многих коренных израильтян, которым плохо. Миллиону израильских арабов тоже не так уж хорошо. Огромное количество израильтян бежит из Израиля. Так кому хорошо? Вашей семье? Так и говорите! Однако вы забыли. Вам тоже было не очень хорошо, вспомните «черных пантер»[21].

Другой излюбленной темой Шалома была израильская армия – ЦАХАЛ.

Является Шалом и заявляет:

– Израильская армия самая сильная в мире!

– Что ты говоришь! Так она сильнее американской?

Тут он на секунду задумывается – против Америки не попрешь!

– Или она сильнее китайской армии или российской?

– Но мы же всех победили!

– Кого всех? Египет, Сирию и Иорданию? Так и говори: «ЦАХАЛ – самая сильная армия на Ближнем Востоке».

Израильская армия, вне всяких сомнений, является очень сильной, отлично вооруженной и подготовленной армией, победившей противника во всех без исключения войнах на Ближнем Востоке. Вот здесь и «зарыта собака» – на Ближнем Востоке. Спустя несколько лет профессору довелось встречаться в Израиле с Александром Александровичем Галкиным – папой популярного российского эстрадного актера-юмориста Максима Галкина. Он приезжал лечить в Израиле онкологическое заболевание после отставки. До этого он был генерал-полковником танковых войск и начальником Главного автобронетанкового управления Министерства обороны РФ (1987–1996). В Израиле Галкин-старший пробыл достаточно долго и жил у одесского приятеля и соученика мамы Галкина Меира, который имел большую виллу в поселении Псагот, за «зеленой чертой» вблизи Иерусалима. Времени у него было достаточно, и он денно и нощно поглощал израильскую прессу на русском языке.

Игорь не был лично знаком с Александром Александровичем в Союзе, но у них было некоторое количество общих знакомых. Этот факт плюс общие профессиональные корни привели к взаимному дружескому расположению. В советские времена даже человеку с неограниченной фантазией невозможно было вообразить сцену, когда российский танкист, генерал-полковник, и эмигрант-инженер по тому же ведомству будут сидеть по вечерам на балконе виллы в Псаготе с видом на Рамаллу и разговаривать «за жизнь».

Естественно, одной из тем обсуждения была израильская армия и израильские победы. Однажды Галкин сказал:

– Сейчас главный секрет ЦАХАЛа мне совершенно ясен. Израилю очень повезло с противником. Вы же понимаете, что если бы это были, скажем, вьетнамцы или афганцы, то результат был бы совсем другой.

Конечно, любой человек, немножко смыслящий в военном деле или просто обладающий способностью анализировать, может понять, что бесчисленные победы Израиля объясняются в основном слабостью противника. Что, конечно, не исключает высокой боеспособности ЦАХАЛа, доблести, мужества, самоотверженности и высочайшей мотивации, проявленных

израильскими солдатами и офицерами во всех войнах.

Наконец прилетели чебоксарские механики, и уже через два дня тракторы начали работать вблизи от аэропорта Бен-Гурион. Надежность машин была отвратительной, ни одного дня не обходилось без поломок и простоев. Присланный комплект запасных частей таял на глазах, и профессору пришлось остановить работу одной машины и пустить на запчасти. Тем временем ситуация в России резко изменилась: пришли «лихие девяностые ельцинские годы» – разгул дикого свинского капитализма, и теперь не то что трактор, а любую мелкую запчасть было невозможно получить бесплатно.

Исключительно интересно и полезно было наблюдать, как вел себя Шалом в различных государственных и муниципальных службах, где он хотел что-то заполучить, например скидку на цену воды или клочок ничейной земли и т. п. Если какой-нибудь чиновник ему отказывал, он немедленно ложился на спину на пол и начинал размахивать руками и ногами (в переносном смысле, конечно), истошно крича и чуть не плача: «Я бедный крестьянин, у меня куча голодных детей, я мизрахи, меня обижают» и пр.

Редко кто мог выдержать такой спектакль, и Шалом обычно получал желаемое. Выйдя с Игорем в коридор, он начинал хохотать и поучать профессора:

– Учись, вот так надо, а Ави не умеет!

Это была чистая правда: его сын Ави был спокойным разумным молодым человеком, и такие спектакли были совершенно не в его стиле.

Другое представление проходило обычно во дворе Шалома: к нему приезжали разные коллеги, и иногда у них происходил спор с Шаломом и его людьми. В точке высшего накала стороны кричали изо всех сил, брали друг друга за грудки, напирали на оппонентов и пр. В такие моменты чебоксарские трактористы – ребята молодые и крепкие – бросались к Игорю:

– Что делать? Сейчас будет грандиозная драка! Драться на стороне Шалома? Вон один из гостей с пистолетом, стрелять, поди, начнет!

Игорь, умудренный израильским опытом, всячески их сдерживал:

– Да ничего не будет, это местные евреи просто так разговаривают между собой.

И действительно, через десять минут оппонирующие стороны уже мирно разговаривали и похлопывали друг друга по плечу и клялись в вечной дружбе. Постепенно чебоксарцы привыкли и уже наблюдали за такими сценами без волнений.

Перед началом сотрудничества с Шаломом Игорь говорил ему, что на следующих этапах можно получить также бесплатно другие тяжелые машины, например карьерные самосвалы и пр. Теперь эти обещания были невыполнимы. Шалом, который был уверен, что все вновь прибывшие олим должны израильтянам вообще и ему лично, очень нервничал, что получение новой техники становится невозможным, а полученная плохо работает. Спустя почти год тракторы были остановлены, механики уехали в Россию, а отношения с Шаломом были прерваны. Игорь, который был оформлен на работу в фирме Шалома, был уволен и оформил пособие по безработице. Иерусалимский вкладчик разорвал с Игорем и Аркадием соглашение. Аркадий устроился работать в одну маленькую компанию, организованную некими челябинцами после выхода из технологической теплицы, а профессор оказался у разбитого корыта.

Крах затеи с привозом техники из Союза был для профессора очень тяжелым вторичным падением с «сабантуйного столба» в Израиле – было вложено много сил и времени, удалось добраться до вершины столба (всё задуманное было реализовано: договорились с чебоксарцами, привезли тракторы, нашли деньги, нашли партнера и т. п.) и в один момент скатились к подножью.

Умерла мама Игоря. Последние несколько месяцев она уже не вставала, и Дана была вынуждена сидеть с ней всё время. Семья лишилась пособия мамы, и Дана начала искать работу. Ей удалось только устроиться няней в бейт-авоте[22].

До этого Ян ушел из академии Рубина – обстоятельства его ухода тоже были достаточно неординарные. Он должен был ехать на конкурс саксофонистов в Бельгию. Заведующий отделением вызвал его и сказал, что он должен ехать за свой счет. Ян, отлично зная материальную ситуацию в семье, отказался. И тогда заведующий сказал вслух то, что многие израильтяне думали про себя:

– Куда вы, нищие, лезете? Далась вам эта музыка! Иди мой посуду, вас ведь для этого сюда привезли…

Ян вспылил, сказал заведующему всё, что он о нем думает, и наотрез отказался возвращаться в академию. По возрасту его уже могли забрать в армию, и он с большим желанием начал собираться. Там тоже не обошлось без приключений. При поступлении в израильскую армию определяется по 100-балльной системе так называемый профиль будущих солдат, оценивающий в основном их физическое состояние и их знания, способности и психологические качества.

Те, кто получает сумму баллов близкую к 100, могут выбирать род войск, где они хотят служить. Ян получил профиль

97 и явился к начальству с вопросом, почему не 100. Вопрос развеселил армейских чиновников, которые изложили Яну популярную шутку о том, что у еврея не может быть профиля больше 97, поскольку он обрезан, а это членовредительство (девушек эта шутка обходила).

– Так если в этом всё дело, то я не обрезан и мне можно давать профиль 100!

Ситуация сложилась чисто «швейковская», в этом случае, как и во многих других ситуациях в Израиле, даже простейшая логика не действовала. Ян был очень «упертый» юноша, когда речь шла о немотивированных отступлениях от логических построений, и начал требовать направить его в морской десант, поскольку он имеет максимальный профиль. Ему сказали, что там нет свободных мест, и предложили другие варианты (конечно, олимовские: танки, артиллерия и что-то еще в этом духе). Он «уперся», и тогда его посадили в военную тюрьму. Ян просидел там неделю, до тех пор, пока тюрьма не переполнилась до отказа примерно такими же «преступниками», как он. Переполнение тюрьмы обусловило визит в нее некоего генерала, который начал разбираться с каждым узником.

По отношению к Яну он использовал, в принципе, ту же идею, что заведующий отделением в академии Рубина, но, конечно, в более мягкой форме:

– Ну зачем это тебе? Возьми что-нибудь попроще и полезнее в будущей жизни. В боевые части мы тебя, конечно, направим, ну а пока есть вакансии на шоферские курсы, иди поучись, всегда полезно, а там посмотришь.

Как ни странно, Ян внял призывам генерала. Жизнь показала, что правильно сделал. Он стал военным водителем, попал в танковые части, воевал в Ливане, был награжден медалью, а после демобилизации его водительская специальность ему сильно помогла. В те времена действовал закон: чтобы получить от армии деньги на учебу, надо было год проработать в строительной отрасли. Ян стал водителем бетономешалки, после чего поступил в колледж и выучился на практического инженера по автомобильной специальности. К музыке он больше не возвращался.

Когда Игорь с Аркадием начинали компанию по привозу советской техники в Израиль, они разными путями пытались вовлечь в это дело израильскую промышленность. Как известно, израильское машиностроение реально существует только в военном варианте, и им удалось передать записку с предложениями герою «Энтеббе» Дану Шомрону, бывшему начальнику Генштаба, который, будучи в отставке, занимал в ту

пору должность председателя совета директоров компании «Военная промышленность». В записке предлагалось импортировать из России шасси тяжелых чебоксарских тракторов, оснащать их в Израиле американскими двигателями и коробками передач (Израиль имел самый большой в мире опыт по подобной модернизации советских танков, в том числе трофейных), а также израильскими приборами и электроникой. Неожиданно, спустя несколько месяцев, последовала реакция. Игорю позвонил секретарь Шомрона и пригласил его на встречу. Профессор понимал, откуда растут ноги, – ему было известно, что концерн активно начал интересоваться вопросом конверсии, перевода производственных мощностей на гражданскую продукцию.

Такая встреча состоялась. Шомрон оказался приветливым, интеллигентным человеком, обладающим трезвым, аналитическим умом. Идея, в принципе, ему понравилась, а когда он узнал, что российско-американско-израильский трактор будет стоить по меньшей мере в полтора раза дешевле аналога – «Катерпиллера» или «Комацу», – он тут же решил отправить в турне по России Игоря вместе со своим старинным сослуживцем, с которым прошел множество войн и сражений и которому Шомрон полностью доверял. Как Игорь понял, этот человек в армии был чем-то вроде ординарца при Шомроне. В настоящее время он владел маленькой фирмой, специализирующейся на эксплуатации тяжелой строительно-дорожной техники. Звали его Хаим Веллер. Шомрон вызвал секретаря и попросил связаться с Хаимом по телефону. Хаим тут же ответил принципиальным согласием и попросил Игоря приехать к нему для детальных переговоров.

Шомрон сказал Игорю:

– Вот человек, которому я безоговорочно доверяю в этой области, – поработайте с ним и потом обсудим результаты.

На этой ноте встреча и завершилась. Хаим не имел никакого образования и был из простых трудяг. Но уже при первой встрече Игорь понял, что тот обладал огромным опытом работы в Израиле и был очень здравым человеком. Это было как раз то, чего профессору сильно не хватало при работе с Шаломом. Игорь отвез его к Шалому посмотреть тракторы (которые еще худо-бедно иногда работали в то время). Тот облазил их снизу доверху, поработал за рычагами и тут же высказал Игорю ряд замечаний и предложений.

Чтобы не класть яйца в одну корзину, Игорь с Хаимом договорились поехать посмотреть кроме чебоксарских тракторов могилевские колесные погрузчики и карьерные самосвалы, которые производил Белорусский автозавод в городе Жодино,

недалеко от Минска. В последующие три недели Игорь обзванивал и переписывался со всеми заводами, растолковывая им суть идеи по производству совместных машин, и утрясал детали поездки.

Первая остановка на два дня Хаима и Игоря была в Москве. Жили они в гостинице «Москва», тогда еще не разрушенной. Это грандиозное здание, занимающее целый квартал, и особенно ресторан на третьем этаже с чудовищной высотой потолка и богатой отделкой мрамором и гранитом произвели на Хаима сильнейшее впечатление. А когда профессор сказал, что гостиница была построена в 1935 году, тот и вовсе был потрясен.

Много раз, показывая пальцем на мраморные колонны, он говорил Игорю: «Это же империя!»

Игорь впервые был в Москве после эмиграции, однако ностальгировать было некогда: он с Хаимом посетил свой головной институт, побывал в гостях у Любы, с которой Хаим говорил на довольно корявом английском, покатал Хаима в метро и добил походом в Большой театр на балет «Лебединое озеро».

Второе сильное впечатление Хаим получил от поездки на поезде до Минска. Они ехали ночь в мягком вагоне, где были одни в купе. В Западной Европе, где Хаим бывал, таких вагонов, ясное дело, нет.

В Минске они поселились в гостинице «Минск» в центре города и уже оттуда делали набеги в Жодино и Могилев. И вот тут наш несгибаемый еврейский воин сломался. Дело в том, что проституция в бывшем Союзе вышла на совершенно новый уровень. Вестибюль и окрестности гостиницы были наводнены красивыми, стройными и интеллигентными на вид девушками, наперебой предлагавшими свои услуги. А когда Хаим с помощью Игоря узнал цены, обусловленные во многом плохим экономическим положением в Белоруссии в то время, он совсем обомлел. С утра по приезде Хаим с Игорем поехали на автобусе в Жодино, а вечером Хаим по дороге на ужин в гостиничный ресторан познакомился с хорошенькой девушкой и попытался взять ее с собой. Но искушенный швейцар, который знал всех окрестных жриц любви в лицо, девушку в ресторан не пустил. Попытка дать ему десять долларов оказалась безуспешной:

– Нам строго это запрещено.

В процессе переговоров профессора со швейцаром тот дал ему ценный совет:

– Пусть закажет ужин в номер и возьмет ее туда.

«Пути белорусских блюстителей нравственности неисповедимы», – подумал профессор и заказал ужин в номер Хаима.

Утром он с огромным трудом разбудил парочку и пригласил девушку заходить вечером, поскольку они уезжали в Могилев. Последний день в Минске у них был свободный, и Игорь Хаима не видел – тот провел день и последующую ночь в номере.

Из Минска путь делегации лежал в Чебоксары. Там была глухая провинция – девушки гостиницу не осаждали, и профессор с Хаимом все время проводили на заводе и полигоне, а по вечерам Игорь брал Хаима в гости к своим челябинским приятелям, переехавшим жить и работать в Чебоксары. Хаиму показали все цеха и службы завода, он получил возможность самолично поработать на машинах на полигоне и обсудить с конструкторами все свои замечания к тракторам. Заводчанам такое общение было тоже весьма интересным, поскольку они имели дело с опытным и непредвзятым человеком, обладающим большим опытом работы с «Катерпиллерами». Российский быт вызывал у Хаима большой интерес и удивление. Так, будучи в гостях у приятеля профессора – заместителя главного конструктора по испытаниям Гены Ястребова, Хаим практически от всех гостей услышал, что зарплату на заводе не платят по несколько месяцев (в ельцинские времена это было нормой на многих предприятиях).

Когда коллеги вернулись в гостиницу, Хаим зашел к Игорю:

– Скажи, что бы с нами было в Израиле, если бы мы не получали пару месяцев зарплату? Как они живут? Выходит, что в России легче жить, чем у нас?

По возвращении Хаим доложил о результатах Шомрону, и тот распорядился готовить все необходимые документы по сотрудничеству с чебоксарским заводом. С этой целью профессор совершил еще несколько челночных проектов в Чебоксары, организовал поездку чебоксарцев во главе с главным конструктором в Израиль и их встречу со специалистами израильской компании и… Дан Шомрон ушел со своего поста.

Пришел новый человек на его место, который немедленно отказался от этого проекта в пользу какой-то печатной машины. Ходили слухи, что в разработке этой машины заинтересован некий родственник нового руководителя. Так закончился третий израильский «сабантуй» профессора. Игорю невольно вспомнился спектакль, который он как-то видел в одном СТЭМе (Студенческом театре эстрадных миниатюр). Один рыбак, стоя на парапете набережной, поймал на удочку кита. Естественно, он не мог его вытащить и позвал несколько человек на помощь. Кончилось тем, что кита вытаскивала огромная толпа, включая женщин и детей, которая дотащила его до состояния, как говорят в науке, статического равновесия: центр тяжести кита оказался

как раз на углу парапета, голова и передняя часть – на суше, а задняя часть и хвост – над водой и в воде. Напряжение тащивших кита достигло апогея, еще одно усилие и кит будет пойман – надо сказать, что сыграно это было мастерски. В этот момент на набережную подъезжает черная «Волга» (в таких машинах в СССР ездили начальники средней руки), из нее выходит человек в синем костюме с портфелем (по виду тоже начальник средней руки) и ногой легко сталкивает кита в воду. Народ в полном изумлении смотрит на это зрелище, а начальник, размахивая бумагой, которую он достал из портфеля, кричит: «Спокойно, товарищи, вот у меня письменное указание – заготовлять кильку».

Шел 1996 год. Почти пять лет борьбы в Израиле закончились для профессора ничем. Профессор решил попытать счастья в технологическом инкубаторе, которые в Израиле еще называли «теплица», или на иврите «хамама». Инкубаторы были созданы по инициативе Юваля Неемана – израильского ученого, военного и государственного деятеля. Как уже позже профессор понял из литературы и рассказов старожилов, Нееман был единственным израильским политиком, который задумывался над тем, что делать с армадой ученых и инженеров, прибывающих в Израиль. В 1990–1992 годах он занимал пост министра энергетики и инфраструктуры, науки и технологии.

Коммент-эр: в 1991 году в Израиле были созданы первые 24 инкубатора. Каждый ученый или инженер, имеющий то или иное научно-техническое предложение, мог внести в хамаму проект, на базе которого создавалась и регистрировалась небольшая стартаповская компания. Как правило, она состояла из 2–6 человек и финансировалась в объеме 350 тысяч долларов сроком на два года. В те времена соблюдался принцип, когда государство финансирует 85 процентов этой суммы (при условии, что продукт будет производиться в Израиле). Остальные 15 процентов должны были вносить частные инвесторы или сами изобретатели. В каждой теплице было около десятка проектов.

Поначалу административно устанавливалась норма, что не менее 50 процентов проектов в инкубаторе должно быть подано авторами – выходцами из бывшего СССР. Кроме изобретателей, на каждый проект назначался куратор (на иврите «мовиль»), который, по идее, осуществлял маркетинг проекта. Теплица имела собственное помещение и небольшой административный аппарат (директора, секретаря, бухгалтершу и т. п.).

Также руководство программы инкубаторов определяло для каждого проекта профессионального эксперта (на иврите «бодека»), который предварительно рассматривал проект и

принимал его защиту. В редчайших случаях такой «бодек» был настоящим профессионалом. Позиции «мовилей» и «бодеков», а также все административные должности обоснованно считались чистой воды синекурой и были прочно оккупированы «блатными» личностями – «партайгеноссе» из правящей партии, знакомыми и родственниками чиновников из управления теплицами, министерства, муниципалитета соответствующего города и прочими «нужниками» и «позвоночниками».

Спустя два года или по мере истощения кошелька (в зависимости от того, что наступит раньше) компания выходила на вольные хлеба. В те времена основная масса (около 90 процентов) тихо «умирала» в той или иной форме.

Многие из проектов были обречены на гибель изначально вследствие установленного «прокрустова ложа» (350 тысяч долларов и два года). Таким образом чиновники освобождали себя от необходимости умственно напрягаться и решать, сколько времени и денег нужно для соответствующего проекта (для одних проектов нужны небольшие деньги и больше времени, для других нужны большие суммы, для третьих то и другое и т. д.).

В большинстве случаев в теплицах делались или мелкие, или легкие проекты. Хотя отдачи от вложений государство почти не получало, решались параллельно две национальные задачи: социальная и материальная (трудоустройство) поддержка ученых-репатриантов и накопление, задолго до входа в практику «настоящих» стартапов, определенного опыта по созданию частных венчурных фондов и инновационных стартап-компаний. Этот опыт впоследствии сыграл важную позитивную роль (вскоре начала действовать государственная программа «Юзма» – «Инициатива», осуществлявшая прямые инвестиции в перспективные компании и проекты).

Игорь обратился с письменным предложением к «синекурному» очень пожилому директору ариэльской теплицы с проектом в сфере легковых автомобилей. Дело в том, что в Израиле, как и в любой другой развитой стране, и даже более, жители страдали от многочисленных пробок на дорогах. Двигаться в пробке на автомобиле с ручной коробкой передач сложно и неприятно (каждое мгновение приходится выжимать сцепление и переключать передачи), а автомобилей с автоматическими коробками в те времена было во всех странах (кроме США) по ряду причин меньшинство. Устройство, предлагаемое профессором, для езды в пробках на автомобилях с ручной коробкой передач было дешевым и простым и в ряде случаев могло не только устанавливаться на заводе-

производителе, но и даже в гаражных условиях. У директора тоже был автомобиль, он тоже ездил в пробках и общую идею сразу понял.

Директор после размышления в течение пары дней сказал, что у одного его знакомого есть другой знакомый, который имеет определенные связи с немецкой автомобильной промышленностью, и тот уже договорился о нашей встрече. Предварительно созвонившись, профессор посетил офис «немецкоконтактного» знакомого в Тель-Авиве. Офис располагался в уютной двухкомнатной, очень чистенькой квартирке на одной из центральных улиц Тель-Авива. Квартирка была увешана рекламными фотографиями немецких автопроизводителей, доминировали «Фольксваген» и БМВ. Владельцем офиса оказался симпатичный стройный ашкеназ лет сорока, которого звали Генрих Тенненбаум, и был он, как понял Игорь по костюму и галстуку, «йекке»[23], прекрасно говорившим на английском и немецком.

Профессор посвятил Генриха в суть проекта и объяснил ему, что на данном этапе требуется, как сказал директор теплицы, всего лишь позитивный отзыв от любой немецкой автостроительной компании. Наиболее тесные связи были у Генриха, как правильно понял профессор, с «Фольксвагеном» и БМВ. Игорь также сказал Генриху, что для «Фольксвагена» это более релевантно, поскольку тот производит массовые дешевые автомобили, причем во многих странах. Было ясно, что Тенненбаум не специалист, однако некими поверхностными знаниями в автомобилестроении он обладал.

Профессор не уставал удивляться несметному количеству крохотных фирм в Израиле, в которых работал один их основатель и которые непонятно зачем и как существовали. Было ощущение, что каждый более-менее солидный человек или отставной офицер в чине полковника и выше в Израиле просто обязан иметь собственную именную фирму. Позже он понял, что в большинстве эти фирмы существуют для денежных операций по оплате разных посреднических услуг.

На следующий день директор теплицы сообщил Игорю, что в результате переговоров с Генрихом он принял решение взять проект в теплицу и профессор может начинать оформлять документы. Документы были быстро оформлены, профессор прошел проверку у «бодека», который про автомобили твердо знал только то, что они очень дорогие в Израиле, и после утверждения проекта в администрации теплиц приступил к работе.

Буквально через неделю к нему подошла секретарь и

попросила подписать некую бумагу. Разобравшись с ее помощью в содержании этой бумаги, профессор понял, что он как руководитель проекта должен подписать уже сделанные расходы на состоявшуюся поездку г-на Тенненбаума в Германию. Профессор взорвался:

– Мало того что мы говорили с Генрихом, что поедем вместе, меня даже не поставили в известность о его поездке. Я не буду подписывать эти расходы.

Через полчаса прибежал директор:

– Что ты делаешь, я санкционировал эту поездку, Генрих встречался с главным конструктором «Фольксвагена», у того много вопросов.

– Поэтому вы послали человека, который на эти вопросы не может ответить?

Поднялся большой скандал, неделю профессора уговаривали подписать расходы, но он наотрез отказался это делать. Русскоговорящая секретарша рассказывала Игорю, что всё это время непрерывно велись переговоры с директором Программы теплиц г-жой Пниной Дор на предмет упрятывания концов в воду (дело было почти криминальное – руководитель проекта не подписывает расходы). Тут же секретарша сообщила, что дочка директора состоит в дружбе с г-жой Дор и та обещает директору дело замять. Видимо, имея в виду это обещание, директор проект закрыл и профессора уволил. Профессор не придал этому особого значения, и совершенно напрасно. Он не оценил в должной мере израильских бюрократов. Скрытая неуверенность в себе и подспудное ощущение того, что они сидят не на своем месте, обусловливали их наглость, сплоченность и мстительность, а также склонность к «стукачеству» и доносительству. Чтобы продолжать сидеть у кормушки, они готовы попрать все принципы, включая элементарную совесть. Кумовство и семейственность играют в Израиле особую роль. Подмена общих государственных целей задачей обеспечения интересов своих и приятельских – принятая практика на всех уровнях.

Г-жа Дор, адвокат по профессии и ставленница каких-то видных функционеров из «Ликуда», в то время правящей партии, была таки настоящей «партайгеноссе». Она железной рукой управляла своей империей и больше всего боялась какого-либо высовывания из гладкой поверхности тепличного болота, могущее привлечь внимание к работе вверенной ей епархии и, соответственно, ее персоне. Уже позже профессор узнал, что она уничтожала малейшие признаки диссидентства в этой епархии. Профессор явно был опасным диссидентом, да еще «русским», и его не следовало подпускать на версту к теплицам. Поэтому Дор

дала всем своим клеркам строгое указание отслеживать по документам все попытки Игоря подать какой-либо проект в любую теплицу и решительно пресекать их. Это принесло профессору большие неприятности в будущем. Так произошло четвертое падение с «сабантуйного столба».

Однако в его жизнь снова вмешался его величество случай. Как-то вечером в квартире профессора раздался звонок. Жена взяла трубку и сказала Игорю, что кто-то просит его на английском языке и говорит, что он звонит из Америки. Профессор был несколько удивлен, поскольку он никак не ждал звонка из США. Выяснилось следующее. Один американский очень богатый русофил из штата Алабама, вдохновленный российской «перестройкой», несколько раз приезжал в Россию и как-то попал на Чебоксарский тракторный завод. Там ему рассказали, что есть в Израиле некий профессор Гольд, который носится с идеей создания тяжелой техники на базе российского шасси и ряда американских компонентов. По возвращении в США этот американец нарядил на изучение этого вопроса своего племянника, который изучал русский язык в одном из американских университетов и потом еще год стажировался в России. Племянник сопровождал дядю во всех его путешествиях по СССР и был полностью в курсе дел. Звали его Дэвид Шерман. Именно он и позвонил Игорю, после его рассказа на английском они перешли на русский, и это было очень кстати, поскольку профессор не всегда понимал по телефону беглую английскую речь молодого человека.

В финале тот пригласил Игоря приехать на переговоры в США на их фирму, расположенную вблизи города Бирмингем в штате Алабама, и они предварительно согласовали дату приезда. Через неделю профессор получил по почте билет в Бирмингем и вылетел прямым рейсом в Нью-Йорк. Из Нью-Йорка он полетел в Бирмингем с пересадкой в Сент-Луисе. Из Сент-Луиса профессор летел на маленьком самолетике на относительно небольшой высоте. Значительная часть полета, практически всё расстояние от Сент-Луиса до Мемфиса, проходила прямо над рекой Миссисипи. Был октябрь, погода стояла отличная, и профессор с большим интересом наблюдал за великой американской рекой и ее окрестностями.

В Бирмингеме его встретил Дэвид и повез на своей спортивной «Мазде» в отель. Перелет через океан с последующим полетом внутри Америки очень утомили Игоря, и он буквально засыпал в машине.

Город Бирмингем был окружен холмами, поросшими в основном смешанным лесом (сосна, кипарис, орех, дуб). Кое-где

проблескивала вода в виде речушек и небольших озер. Отель в окрестностях города оказался двухэтажным зданием, похожим на мотель, с одной стороны которого был лес, а с другой – на большое расстояние, до поднимающихся холмов, простирались луга с пятнами перелесков. Профессора поселили на первом этаже. Было непривычно жить в комнате с полностью стеклянной стеной, за которой вплотную шел тротуар. Дэвид попросил Игоря позвонить вечером, с тем чтобы они поехали ужинать. Сам он жил в Бирмингеме, который отстоял от отеля километров на двадцать пять. Игорь свалился на широченную кровать и тут же уснул. Он проспал весь вечер, что избавило его от необходимости заботиться об ужине.

В Алабаме добывают полезные ископаемые (в основном уголь), производят пиломатериалы и бумагу, металлопрокат (в том числе чугунные и стальные трубы), изделия из пластмасс. Алабаму выбрали для создания своих североамериканских подразделений несколько крупнейших автомобильных компаний мира. Алабама входит, как и другие южные штаты, в так называемый «черный пояс» США, и среди ее жителей высокий процент чернокожих американцев.

Проснувшись ночью, Игорь увидел здоровенного чернокожего, который медленно шел вдоль его стеклянной стены.

«А что ему мешает разбить стекло и войти в комнату?»

Правда, при ближайшем рассмотрении чернокожий оказался полицейским, и Игорь спокойно снова уснул. На следующее утро он предстал пред светлые очи владельца «шахт, заводов и пароходов» Саймона Грэхема. Проговорив с профессором около часа, Грэхем огласил приговор:

– Впечатление такое, что вы знаете, о чем говорите.

Как объяснил позже Дэвид, это была высокая оценка в устах магната – он делил всех людей на тех, которые знают, что говорят, и на тех, которые не знают, что говорят.

– Дэвид, подготовьте мне план работ на ближайшие полгода, смету расходов и приходите. Выберите место, где будем делать и испытывать прототипы – видимо, на нашем угольном карьере, это недалеко отсюда – километров пятьдесят. Отработайте предварительный список потенциальных партнеров в США, лучше никаких иностранцев, конечно, за исключением русских, не привлекать, всё найдем в Америке. Свяжитесь с русскими, предварительно обговорите все условия, не жмитесь – мы можем базовые машины и купить у них без двигателей и трансмиссий. Жду вас с предварительными наметками через две-три недели.

На этом аудиенция закончилась. Игорь, прежде всего, связался с Чебоксарским тракторным, БелАЗом, заводом

погрузчиков в Могилеве и предварительно договорился о поставке в США машин без двигателя и коробки передач. Относительно недавно, во время эпопеи с израильским концерном оборонной промышленности, он уже побывал на этих предприятиях, и тамошние коллеги уже четко представляли задачу. Разница была только в том, что вместо Израиля была Америка и за поставленный продукт платились деньги. На втором этапе Игорь с Дэвидом посетили американские фирмы «Камминз» и «Аллисон», благо их штаб-квартиры находятся в одном месте (город Колумбус, штат Индиана), и обсудили предстоящее сотрудничество с ними. Игорь также съездил на открытый угольный разрез, принадлежащий компании Грэхема, и ознакомился с условиями испытаний.

Профессор чувствовал себя на седьмом небе. Ему было чрезвычайно комфортно и приятно работать с американцами. Они действовали четко, ясно, деловито, уверенно, без лишней болтовни и демагогии – не темнили, не крутили, не преувеличивали свои возможности. Игорь увидел, что лень не совместима с американским национальным характером, что американцы дружелюбны и открыты к взаимодействию с коллегами. Что полностью совпадало со взглядами профессора и резко отличалось от ситуации в Израиле, так это нелюбовь американцев к некомпетенции. Также, в отличие от израильтян, они не считали, что весь мир перед ними в долгу.

Профессор увидел и услышал, насколько, буквально везде, американские специалисты относятся уважительно к советской науке и технике. В общем, обстановка была полной противоположностью Израилю. Если для Израиля профессор и многие другие специалисты-эмигранты из СССР были в те годы нищими попрошайками, непонятно что делавшими в Союзе, то для американцев они были людьми, создавшими в кратчайшие сроки мощнейшую промышленность и вооруженные силы, включая атомное и водородное оружие, баллистические ракеты, атомные подводные лодки и др., которым США противостояли в течение многих лет.

Огромную роль для Игоря играл и такой психологический фактор, как пространство. СССР был огромной географически страной (как ни крути, шестая часть суши), и профессор побывал почти везде на советском пространстве. Он также видел гигантские сооружения вроде Красноярской ГРЭС и Саяно-Шушенской ГЭС, огромные заводы (например, на ЧТЗ было шесть главных конструкторов и около восьмидесяти тысяч работающих), рудники, лесозаготовки и первое время буквально задыхался в Израиле, будучи не в силах избавиться от ощущения жизни, ну,

если не в клетке, так в зоопарковском вольере. На протяжении всей жизни в Израиле он вспоминал слова первого посла России в Израиле – мудрого Александра Бовина, сказанные в самом начале его каденции. Когда в одном из интервью в начале 1990-х Бовина спросили: «Чего, по вашему мнению, больше всего не будет хватать в Израиле бывшим советским евреям?» – тот ответил: «Масштаба!»

Маленькое земельное пространство, бедная природа, недоразвитая дорожная сеть, отсутствие железнодорожных и водных путей, размеры предприятий определенным образом влияют на психологию жителей. В характере израильтян, кроме почти повальной «шмуликоватости» (израсский фольклор – словообразование из популярного израильского имени Шмулик и слова «жулик»), наблюдалась определенная узость мышления и страстное желание бить себя в грудь и бахвалиться по всякому поводу и без оного.

В Америке впервые после эмиграции Игорь ощутил себя в своей тарелке. Позже примерно такое чувство он испытал в Китае и Индии. Конечно, профессор бывал и в маленьких высокоразвитых странах Европы, вроде Голландии или Бельгии, но там малые размеры этих стран компенсируются их открытыми границами с другими европейскими государствами и вся Европа воспринимается как единое пространство.

Как-то налаживался быт. Штаб-квартира компании находилась примерно в пятнадцати километрах от отеля Игоря, Дэвид забирал его утром и привозил вечером. Сам он жил в Бирмингеме с отцом – профессором химии в местном университете. Отец Дэвида был евреем, предки которого прибыли в Америку еще в XIX веке, а его мать – сестра Саймона – была американкой и умерла лет за пять до описываемых событий.

Завтракал Игорь в своем отельчике, на ланч они ездили из офиса в окрестные рестораны, а на обед заезжали в какой-нибудь ресторан по дороге с работы домой. Профессор впервые был в Америке, да и вообще за границей он почти не бывал, и поэтому он с большим интересом наблюдал за жизнью в американской глубинке. В городе Бирмингеме, как объяснил ему Дэвид, проживало в основном негритянское население, студенты, временные работники и прочий люд такого же толка. Все более-менее зажиточные граждане жили в индивидуальных домах, находящихся на значительном расстоянии от города и друг от друга. Заборов вокруг участков, где располагались дома, не было. В каждом районе расположения домов, который, по прикидке профессора, занимал участок площади 50 на 50 километров, находился торговый и культурный центр, содержащий магазины,

кинотеатры, рестораны, мастерские по доставке и ремонту бытовой техники, поликлиники и пр. Этот центр находился километрах в пяти от отеля профессора. В алабамских ресторанах порции были непомерные, и первое время Игорь просил Дэвида не подвозить его до дома, собираясь преодолеть это расстояние пешком.

Дэвид категорически отвергал эту возможность:

– Да вы видели когда-нибудь хотя бы одного человека, который идет пешком из этого центра куда-нибудь? Где вы будете идти, тротуаров ведь нет! По дороге? Да вас тут же собьет какой-нибудь «гонщик»! По траве? И вообще, вас остановит полиция. А вы иностранец – хлопот не оберешься.

Через пару дней, когда Игорь немного обжился, ему дали в фирме пикапчик «Тойота», и он уже обрел некую самостоятельную подвижность. Теперь он старался обедать в китайских ресторанах со шведским столом или заезжал по дороге в «Драйв ин» – «зверя», которого он в Израиле и других странах ранее не видывал. Этот «зверь» представлял собой небольшое строение, к которому с двух сторон подходили дороги. Посетитель подъезжал к окошку в строении – естественно, справа, – читал меню, вывешенное в окне, и заказывал себе блюда. После заказа он объезжал здание и получал в окошке на другой стороне здания подносик с упакованной пищей. От этого «Драйв ин» до отеля была минута езды, и профессор мог спокойно обедать дома.

Дэвид очень старался, чтобы создать для профессора более-менее комфортные условия жизни, водил его в кинотеатр, пригласил в гости и познакомил с отцом, повел его на вечеринку к своим приятелям в Бирмингеме и даже свозил на океанское побережье. На обратном пути они заехали в Атланту и посетили могилу Мартина Лютера Кинга и его жены Коретты. Профессор был совершенно потрясен надписью на могиле: «Наконец-то свободен!»[24].

С Игорем в отеле по соседству жила команда «маринос» – человек двенадцать. Волей-неволей Игорь сравнивал их внешний вид с «замухрышными» израильскими солдатами в мятом обмундировании и нечищеных ботинках. Профессор, конечно, многократно читал, что зато они храбрые и обученные воины, выигравшие все войны и ведущие непрерывную борьбу с арабскими террористами, но всё же…

Все американцы (половина из них были чернокожие) выглядели крепкими упитанными парнями лет двадцати пяти (кстати, не очень высокого роста), гладко выбритыми, аккуратно коротко постриженными и даже хорошо надушенными. Вели они

себя в отельном ресторане исключительно интеллигентно и корректно. Особенно удивило Игоря, что, покидая отель, они вместе с вещевыми рюкзаками несли отдельно на «плечиках» парадные мундиры.

Через три недели Игорь представил Грэхему план работ по изготовлению и испытаниям первого прототипа на базе чебоксарского трактора Т-500 (Т-35.01) и вернулся в Израиль. Оттуда он вылетел в Чебоксары, где договорился об изготовлении образца шасси для Америки и участии завода в работах. В связи с вечной советской проблемой с гражданскими двигателями завод в то время уже начал проработку трактора с двигателем «Камминз», и профессор собирался использовать этот опыт в США, для этого он попросил позже направить в Алабаму чебоксарского конструктора. Через полтора месяца трактор был уже в Алабаме. Игорь прилетел туда и пробыл там два месяца, за которые был собран прототип. Испытания показали его вполне приличные характеристики, и Дэвид сказал профессору, что ему заказана рабочая виза и он с женой может готовиться к переезду в Америку. Игорь вернулся в Израиль, и они с Даной начали раздумывать о том, что делать с их домиком, что везти с собой, где жить в Америке, и о прочих бытовых вопросах. Эти размышления были прерваны звонком Дэвида, который сообщил, что Грэхем почти разорился в связи с кризисом в Индонезии, куда он вложил большие деньги, что на него давят банки и всю деятельность в части российско-американской техники он прекращает.

Коммент-эр: экономический кризис в Юго-Восточной Азии, который разразился в июле 1997 года, стал сильным потрясением мировой экономики. Его причинами были чрезвычайно быстрый рост экономик «азиатских тигров», приток капитала в эти страны, рост государственного долга и перегрев экономики. Кризис 1997–1998 годов ударил по Индонезии сильнее, чем по другим странам ЮВА.

Конечно, Игорь уже привык к ударам судьбы в Израиле, но это пятое падение с «сабантуйного столба» было слишком уж неожиданным и болезненным. Сбывалось пророчество его мудрого еврейского коллеги в Союзе – сына репрессированного в сталинские времена «врага народа» Саши Швеца, который говорил Игорю, что он не приживется в Израиле, поскольку он еврей только по паспорту и не понимает, что такое евреи.

Глава 6
Нищета

Но надо было как-то жить… А как? У профессора было еще несколько научно-технических идей, которые подходили под «тепличные» требования. Например, он привез из Союза ультразвуковой автомобильный сенсор для определения расстояния от автомобиля до препятствия (то, что сегодня есть на каждом автомобиле и называется зачастую «парктроник»).

Директору теплицы в Хадере проект понравился, и было начато оформление. Вдруг позиция директора резко изменилась, и он начал блеять нечто невнятное:

– Понимаешь, ну что же мы самые умные, у «Тойоты» нет, у «Мерседеса» нет, а у нас есть. Вот если бы ты принес мне свидетельство о том, что какие-то фирмы этим занимаются, то это бы было другое дело.

Как будто новые разработки должны делаться по чьим-то следам! Через пару лет Игорь случайно встретился с этим директором и показал ему статью по созданию такого устройства как раз «Тойотой».

Директор очень обрадовался:

– Вот видишь, ну куда нам против «Тойоты»…

Аналогичная картина происходила и с другими проектами в других теплицах. Каждый директор «начинал за здравие и заканчивал за упокой». Секретарь в одной из теплиц – русскоязычная девушка – раскрыла Игорю тайну: директор программы Пнина Дор назначила специальную чиновницу в аппарате следить за появлением профессора в «тепличной» сфере и немедленно ей докладывать. После этого г-жа Дор немедленно звонила директору теплицы и сообщала ему, что Игорь склочник, скандалист, опасный тип и совершенно не стоит с ним связываться. После этого любой директор ему тут же отказывал под любым предлогом.

Возраст профессора приближался к шестидесяти годам, и в любой фирме, куда пытался устроиться Игорь, ему быстро отказывали по двум причинам: слишком высокая квалификация и слишком большой возраст. Вернуться в Технион он не мог. Вольф уже умер, и его недруги обещание выполнили – его команду разогнали. Наступило самое тяжелое время за всё пребывание профессора в Израиле. Деньги, заработанные в Америке, таяли на глазах, Дана надрывалась в бейт-авоте (доме престарелых) и зарабатывала гроши.

Сын с дочкой капали профессору на мозги:

– Ну, иди на какую-нибудь простую работу, вон Миша работает чертежником, а Толя штампует стаканы в одной лавке…

Профессор напрочь отказывался:

– Я скорее вернусь в Россию, чем пойду штамповать стаканы.

Он барахтался изо всех сил, оформил пособие по безработице, ходил на курсы «Автокада», посещал все олимовские сборища – конференции, семинары, встречи и пр. – в надежде, что вдруг что-нибудь где-нибудь выстрелит. В конце 1990-х, после десяти лет начала большой алии, резко возросла политическая активность русских олим. Русские организации появлялись как грибы после дождя, болтовня (в основном «абвгдёж») на всех уровнях поражала воображение – изрусы по этому показателю догоняли и перегоняли коренных израильтян. В Израиле изрусы основали около пяти сотен (!) русских ассоциаций, объединений, товариществ («Сионистский форум», «Объединение выходцев из СССР-СНГ», «Конгресс русскоязычных общин и организаций Израиля», «Союз ликвидаторов Чернобыля», «Ассоциация учителей-иммигрантов», несколько объединений ветеранов Второй мировой войны, «Союз ученых – репатриантов Израиля», «Клуб любителей бардовской песни», «Клуб КВН» и т. д. и т. п.). 98 процентов этих замечательных организаций за всю историю не выдали ни одной конструктивной идеи по улучшению положения изрусов. Все они бесконечно толкли воду в ступе. Особенно Игорю нравились многозначные заключения этих организаций, да и отдельных изрусовских мыслителей, которые начинались со слова «Надо!». Далее перечислялись различные «надобности» – от реформирования Кнессета до рытья канала между Средиземным и Красным морями. На провокационные вопросы типа «кому это надо и как это сделать» мыслители гордо никогда не отвечали.

Многие играли в «казаков-разбойников». Так, Игорю довелось побывать в имитационном научно-исследовательском институте в Араде, где безработные доценты и профессора резвились в виртуальных отделах и научных советах с виртуальными директорами, заместителями по научной работе и учеными секретарями. Всё это описывалось в старом еврейском анекдоте, когда в тюрьме в одной камере сидели два еврея. Один всё время лежал на нарах, а второй непрерывно ходил по камере. Наконец первый сказал второму: «Хаим, ты думаешь, если ты ходишь, так ты уже не сидишь?»

Профессор всегда думал, что если бы найти способ трансформировать звуки и написанные слова в энергию, то Израилю уже бы не понадобились ни нефть, ни газ.

Однажды профессор попал на один замечательный семинар,

посвященный особенностям конструкции специфического израильского автомобиля. С умным видом он вышел на трибуну и начал свое выступление. Поскольку Игорь был, видимо, самым титулованным автомобилистом в Израиле, его все внимательно слушали:

– Я думаю, что самым подходящим для Израиля нововведением будет помещение на крыше автомобиля небольшого бронзового колокола. В крыше надо предусмотреть дырку, через которую будет пропущена веревка, привязанная к языку колокола. Водитель будет дергать за веревку и звонить в колокол. Таким образом будут решаться две главные проблемы израильских водителей: страсть к изданию звуков, причем вместо неблагозвучных электросигналов города наполнятся мелодичным звоном, и желание жестикулировать свободной рукой – вместо опасного высовывания руки за борт они будут безопасно дергать за веревку внутри машины. А представьте себе ежегодный конкурс на звание лучшего еврейского автозвонаря! А дополнительные импортные пошлины на такую важную автомобильную деталь, как колокол!

Что было особенно забавно, так это то, что после выступления Игоря довольно долго царило молчание…

В 1996 году была образована партия «Исраэль ба-Алия» (ИБА), которая получила семь мест на выборах и стала шестой по размеру партией. В начале 1999 года Авигдор Либерман запустил на орбиту «Исраэль бейтену» («Наш дом Израиль», НДИ). Всё было по-взрослому: одна «русская» партия правая, а другая еще правее. Разница между партиями состояла в том, что у ИБА была на повестке дня только одна задача – трудоустройство Щаранского и кунаков, а у НДИ было несколько задач: сделать Либермана премьер-министром, сидеть в парламенте до второго пришествия хотя бы одного из мессий и внести какой-либо вклад в развитие государства.

Некоторые несознательные русские израильтяне неправильно понимали задачи партий – так, например, профессору приходилось несколько раз присутствовать на встречах с активистами ИБА, когда партию «закрывали» через три года после открытия под предлогом того, что она (партия) свои задачи выполнила. И это была чистая правда. Так вот, эти несознательные изрусы кричали: «Как же так, где жилье, где пособия, где работа и прочие глупости?!»

Как будто это входило в задачи ИБА.

Что касается ИДИ, то профессор был совсем не против Либермана в кресле премьер-министра. Дело в том, что израильская политическая система делает премьера почти

диктатором, а Либерман является умным, деятельным и деловым человеком. В какой бы должности он ни состоял, он делал четко и целесообразно свое дело и решал поставленные задачи, будь то строительство нового аэропорта, сооружение опреснительных установок или прокладка железных дорог. Увы, принцип Питера никто не может опровергнуть: «В иерархической системе каждый индивидуум имеет тенденцию подняться до уровня своей некомпетентности», то есть человек, работающий в любой иерархической бюрократической системе, повышается в должности до тех пор, пока не займет место, на котором он окажется не в состоянии справиться со своими обязанностями. В премьер-министры Либермана никто не пустит, а вот найти ему единственное место, где он некомпетентен, бюрократии вполне по силам. И такое место в пределе ему находили: например, министр обороны. Но тут была опасность для правящей олигархии, что и на этой должности он будет много лучше многих бывших министров обороны, включая профессиональных военных.

Соответственно с задачами состав партий несколько разнился: ИБА состояла сплошь из израсов, а ИДИ представляла собой ноев ковчег – там бок о бок заседали и заседают представители алии семидесятых годов, алии девяностых годов, друзы, арабы-христиане, отставные высокопоставленные военные, бизнесмены и прочий около около-парламентский люд. Что может быть между ними общего? Только желание «посидеть» в Кнессете и получать соответствующие льготы? Объединяла их железная воля бессменного лидера Либермана. Причем если в ИБА некий аромат внутренней демократии присутствовал, то в ИДИ этот запах не мог почувствовать никакой доберман (у которого обоняние в два раза мощнее, чем у овчарки). ИДИ вообще является уникальной партией в мировом масштабе. Дело в том, что за нее голосуют исключительно израсы-пенсионеры, а сами израсы составляют только меньшую часть ее депутатского корпуса – такая вот партия: голосуют одни, а представляют другие. Другой уникальной особенностью этой партии является нежелание ее лидера иметь больше десятка мест в парламенте. Объясняется это следующим: в этом случае все неуспехи и невыполнение обязательств легко списать на малочисленность депутатов. Теперь давайте вообразим, что за НДИ проголосовали все израсы и партия получила двадцать мандатов. Всё равно она ничего бы не сделала серьезного для израсов (и не хотела бы, и не могла бы), а свалить на малочисленность депутатов было бы невозможно.

Общность обеих вышеуказанных партий обеспечивалась

одинаковыми сказками избирателям о том, что появление этих партий в Кнессете изменит жизнь избирателей к лучшему.

Идея того, что создание олимовских политических партий может решить проблему дискриминации изрусов, была изначально чистым блефом. Может быть, Н. Щаранский невзначай так и думал, но уж Либерман – тертый израильский политик – подозревать такое просто не имел права. Ведь каждый израильский политик знает, что для того, чтобы превратить любую общественную израильскую систему или подсистему в импотентную или полуимпотентную говорильню, туда необходимо подпустить жупел арабо-израильского конфликта. Все политики Израиля разыгрывают эту карту в разных комбинациях. Создание политических олимовских партий будет неизбежно раскалывать изрусов по принципу отношения к этому конфликту и в пределе блокировать их совместные действия на их же собственное благо. Избежать этой ловушки удалось только создателям партии религиозных сефардов ШАС и ей подобных. Их замечательные лозунги «Давай деньги, давай больше религиозных школ, давай дешевое жилье для ультраортодоксов…» и ни слова об арабах всегда давали прекрасный результат.

А изрусы будут разбегаться по разным партиям и партейкам, чьи взгляды на палестинский вопрос будут в наибольшей степени им соответствовать, играть в депутатов и верить, что от этого жизнь «русских» изменится к лучшему.

С точки зрения профессора, создавать надо было профсоюз по типу польской «Солидарности», в котором бы состояли изрусы разных политических взглядов, совместно боровшиеся за место под солнцем.

В это время профессор познакомился и около трех месяцев проработал с одним еврейским активистом и отказником – Володей Кофманом, который эмигрировал из Москвы в Израиль в 1972 году. Как и многие активисты в то время, он довольно быстро сообразил что к чему и «слинял» в Америку. Там ему повезло, он заработал неплохие деньги и, в связи с большой алией и новыми возможностями в странах СНГ, решил попробовать вложить эти деньги в российско-израильский бизнес. С Игорем его свел тот же Юра Штерн. Естественно, что Володя был лично знаком в Союзе почти со всеми отказниками и еврейскими активистами и многое рассказал профессору. Но звезда невезения профессора еще не зашла, и во время очередной поездки в Россию Володя скончался от тромба. Однако общение с Кофманом много дало профессору в части понимания роли и места еврейских активистов в истории эмиграции и так

называемой абсорбции.

Наполеон говорил, что стадо баранов под командованием льва сильнее стаи львов под командованием барана. То, что русская алия была стадом баранов (в приличном смысле этого слова – только с точки зрения их способности бороться за свои права), сомнению не подлежало, не подлежит и подлежать не будет. А вот кем были, согласно наполеоновской классификации, новоиспеченные руководители партий и, соответственно, олимовской массы? Львами? Нет, они были козлами – опять же не в плохом смысле этого слова, как оно нынче повсеместно употребляется (как личности это были достойные и уважаемые люди), а в смысле скотоводческом. Дело в том, что, как хорошо известно пастухам, любое стадо нуждается в вожаке. Овцы глупые животные, а козы их гораздо умнее. Более того, многие ученые считают коз, наряду с собаками и обезьянами, самыми умными из животных. Поэтому в овечьих стадах всегда держат несколько взрослых козлов вожаками, которые ведут стадо овец за собой. И поэтому на мясокомбинатах и скотобойнях имеется специальный козел или козлы, которые сопровождают овец на бойню, при этом сам козел выходит через скрытый выход живым и здоровым. Такой козел имеет на мясокомбинате официальную должность. Руководящие русскоязычные козлы, естественно, не сообщали своим баранам, что политическая и экономическая власть в такой стране, как Израиль, сконцентрирована в структурах, практически независимых от парламентской иерархии. Кнессет мало влияет на Центральный банк, Верховный суд, Генеральный штаб армии, структуру, управляющую государственными компаниями, и т. п. Численность электората применительно к этим сферам не имеет практически никакого значения.

Результаты, как говорится, были налицо. Как раз через десять лет после начала большой алии Юрий Штерн начал собирал статистику по количеству русскоязычных олим, находящихся на ведущих должностях в государственных структурах. За последующие двадцать лет эта статистика практически не изменилась. Если взять за базу пропорцию от доли населения, то на серьезных должностях должно быть примерно 16 процентов русских. Однако русскоязычные репатрианты, прибывшие в страну с 1989 года, составляют лишь 4,4 процента от сотрудников всех министерств. В полиции представители общины составляют 3,7 процента от общего числа служащих, при этом только 0,2 процента руководящих должностей заняты представителями общины. В Институте национального страхования («Битуах Леуми») представители общины выходцев из СССР-СНГ составляют 2,4 процента от общего числа служащих (91 из 3867),

на руководящих должностях в Институте национального страхования представителей общины нет. В министерстве науки число репатриантов из СНГ не превышает двух процентов от общего числа работников. В системе здравоохранения, в которой репатрианты 1990-х составляют 30 процентов, на руководящих должностях – один процент. Во многих оркестрах чуть ли не половина музыкантов были русскими, а среди директоров – ни одного и т. д. В армии четверть солдат – русские, а нет и не было ни одного русского генерала и было и есть полтора полковника и два с половиной подполковника. В министерстве обороны и спецслужбах представители русскоязычной общины составляют 1,1 процента от общего числа штатных сотрудников. Русские депутаты Кнессета и министры серьезного влияния на политику не оказывают, это фигуры чисто декоративные, несмотря на громкие должности. А русский электорат эту наживку заглатывает.

Это при том, что в «антисемитском» СССР было огромное количество евреев, занимавших серьезные должности: доктора наук, профессора, завкафедрами, директора институтов, директора заводов, главные инженеры, главные конструкторы, академики и т. д. и т. п.

Так где же еврейские активисты 1970-х? Если бы они, как когда-то в Союзе, рассказывали мировому сообществу о действительном положении русских эмигрантов, то, возможно, ситуация и была бы другой. Или бы объяснили израсам, что граждане Израиля не питают никакого доверия к государственной политической системе и выходят на уличные демонстрации, перекрывают дороги, переворачивают автомобили, жгут покрышки и бьют стекла в витринах. Коренные израильтяне давно усвоили, что это единственный способ решения вопросов.

Профессор спрашивал Володю:

– Послушай, если читать и слушать многочисленные мемуары и биографии борцов за выезд в Израиль и великих сидельцев типа Щаранского, пострадавших в битвах с КГБ, то вырисовывается следующая картина. В Союзе всё было плохо, простой народ ходил в лаптях, носил посконные пиджаки и питался дешевой колбасой из мяса мамонтов, пролежавших в якутской мерзлоте пять тысяч лет. Примерно из пяти миллионов советских евреев четыре миллиона только и делали, что сидели на пеньках в окрестных лесах и мечтали эмигрировать в Израиль, а один миллион еврейских активистов учил этих страждущих ивриту. Эпсилон окрестности вокруг этих пяти миллионов были заполнены свирепыми официальными и общественными антисемитами, которые строили евреям разнообразные козни.

Правда, почему-то, когда алия семидесятых началась и уехали практически все желающие (всего в целом примерно 300 тысяч), из них при первой же представившейся возможности (в конце семидесятых) 90 процентов ломанулись в Америку. Всего же в период 1970–1988 годов 165 тысяч уехали в Израиль и 126 уехали в Америку. Вот так выглядел добровольный сионизм. Я изъездил весь Союз вдоль и поперек, встречался с сотнями евреев и не видел ни в 1960-х, ни в 1970-х годах вообще ни одного желающего эмигрировать именно в Израиль. Также я не видел ни одного «живого» еврейского активиста. Профессиональные евреи в СССР были заняты своими делами, ни в какие сионисты и активисты не шли и ехать ни в какой Израиль в то время не собирались. Когда я читаю сейчас воспоминания знатных сидельцев, многие из которых были действительно мужественными и благородными борцами, то всё больше и больше подозреваю, что у меня с ними были разные Советские Союзы. Почему же эти еврейские активисты, переместившись в Израиль, так самозабвенно врут и очерняют Советский Союз?

– Ой, можно подумать, что ваша алия врет намного меньше! Вот я вчера был у одной русской пары из Москвы в Зикрон-Якове. Он профессор, она профессор, оба преподавали в московских вузах, огромная квартира в центре, «Волга»… не хватало только птичьего молока. Так он мне говорит: «Ну как же вы поедете в Москву, там же страшно!» «А что там такого страшного?» «Ну как же, когда мы уезжали в 1990-м, то в нашем подъезде на стенке было написано: „Евреи, убирайтесь в Израиль! “». Ну, это патология, а отказники должны же были доказать, по крайней мере сами себе, что их борьба, их страдания, наконец, их жизнь были не напрасны. Практика это не очень подтверждает, а в таких случаях сочиняют мифы и легенды. Кстати, где эти сидельцы сейчас? При таком-то количестве и качестве они должны составлять четверть Кнессета и половину всех министров! А видим-то мы Щаранского, Штерна да Эдельштейна, да и то въехавших в рай на плечах массовой большой алии 1990-х, к организации которой они никак не были причастны. Если без шуток, то любому нормальному человеку, умеющему считать до десяти, совершенно очевидно, что эти активисты помогли пробить брешь в советской системе, но уж ни в какой степени не определяли количество и качество эмигрантов 1990-х. Ну как тут не вспомнить слова товарища Ленина про декабристов: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа»… Смотри, два с половиной миллиона советских немцев уехали в Германию в одно время с евреями без шума, без активистов, без вмешательства американских немцев и прочего. Это является

наилучшим доказательством, что влияние этих активистов на большую алию было нулевым.

– Меня интересуют две вещи: как изнутри выглядела в действительности сионистская тусовка в Москве и как лихо «обнулились» великие советские сионисты в Израиле.

– Ну, отвечу тебе в порядке постановки вопросов. Сионистская тусовка в Москве (в сравнении с Москвой, в других городах она была пожиже) в конце шестидесятых функционировала полным ходом. Большинство активистов нигде не работало, но жили безбедно, получая через активистов-распределителей нейлоновые шубы, аппаратуру и другие подарки от зарубежных жертвователей и среднеазиатских еврейских цеховиков. Многие просто элементарно получали зарплату. Мы ходили друг к другу в гости на рюмку чая, учили друг друга ивриту (больше учить особо некого было) и вели бесконечные разговоры обо всем на свете. Можно было и приударить за хорошенькими сионисточками, высокой нравственностью не отличавшихся. Это в основном (не про всех сказано) была эдакая фронда, повышающая ощущение собственной важности (правда, внутри Садового кольца и среди американских доброхотов). Истинные наши лидеры, такие как Эдуард Кузнецов, Иосиф Бегун, Ида Нудель, Юлий Кошаровский и другие, в Израиле, как ты говоришь, очень быстро «обнулились». Они же не были дураками и быстро увидели, что русские евреи здесь требуются исключительно как дешевая рабочая сила для выполнения тяжелых работ на заводах, на стройках, на уборке, в гостиницах, в уходе за больными и прочее. Кроме того, требовалось квалифицированное дисциплинированное пушечное мясо. Всё это прикрывалось болтовней о сионизме и единстве еврейского народа, которого на самом деле не было и нет. Они быстро увидели, что Израиль – фантастическая комбинация первобытнообщинных, феодальных и капиталистических отношений с элементами рабовладельческого строя. Они увидели социалистическое бюрократическое государство, очень похожее на Союз, из которого они убежали. Но как бороться с братьями-евреями? Это полностью противоречило их изначальной природной установке сражаться с советской властью исключительно в части свободы выезда в Израиль, а отнюдь не за общедемократические ценности. Они не хотели помнить, что это направление существовало во многом благодаря материальной подпитке со стороны американских евреев, в то время как диссиденты-демократы таких субсидий получали мало. В такой ситуации здесь им оставалось только разбежаться по кустам – одни нашли эти кусты за океаном, другие спрятались в хилой

израильской растительности, но никто из них не возглавил борьбу русских олим за свои права. При этом одни спрятались в кустах тихо, другие, такие как известные писатели Эфраим Севела и Григорий Свирский, – с шумом и шелестом вынуждены были бежать из Израиля. «Тихосидящие» прождали до алии девяностых, когда получили опору в виде миллиона бывших сограждан, позволившую некоторым из них (к сожалению, не самым лучшим) высунуться и засветиться в полной или некоторой мере, забравшись наверх по спинам вновь прибывшего стада баранов. Я лично, как тебе известно, принадлежу к категории тихих зарубежных «подкустников». Всё исторически объяснимо. Сионизм потерял реальный смысл после основания Израиля, а узники Сиона, переехав в Израиль, перестали кого-либо интересовать, включая евреев США. Ну а потом, не надо забывать, что, прибыв в Израиль, отказники попали в определенную касту израильского общества, разделенного на касты, поскольку Израиль – вторая по значимости после Индии страна каст и подкаст. Каждый олим, прибывший в Израиль, автоматически попадает в одну из каст.

Профессор был полностью с Володей согласен. Он насчитывал в Израиле семь каст. Седьмая и шестая касты состоят из эфиопов и израильских арабов. Пятая каста – это русская алия 1990-х годов. Четвертая каста – это ультраортодоксы, магрибы, русская алия 1970-х, рядовые трудящиеся «нехайтековских» отраслей и мелкие сотрудники хайтека и «оборонки». Третья каста – это начальственная интеллигенция преимущественно из ашкеназов (директора фирм, больниц, банков, крупные чиновники, высшие офицеры армии, полиции и спецслужб, профессора университетов) и средняя буржуазия (кабланы, владельцы больших магазинов, средних предприятий), а также крупные сотрудники хайтека и оборонной промышленности. Вторая каста – это владельцы больших предприятий и директора крупных фирм. И, наконец, первая каста – это два десятка семей миллиардеров, владеющих Израилем со всеми потрохами, эти славные ребята (Ш. Арисон, братья Офер, Вертхаймеры, Нимроди, Л. Леваев, И. Тшува, Э. Фишман, Э. Горовиц, Б. Штейнмец и др.) получают доходы, в сумме равные 75 процентам национального бюджета страны и контролируют половину национальной промышленной продукции. Вот такой вот сионизм!

Низшая каста в Индии – «неприкасаемые», так называемые далиты, которых в Индии около 200 миллионов (17 процентов от населения). Конституцией 1950 года в Индии упразднено кастовое деление, и дискриминация по кастовому признаку уголовно наказуема. Несколько президентов в Индии за

последнее время были далитами. Конечно, в практике далит может быть президентом, в то время как миллионы его «однокастников» дискриминируются. Тут уж аналогия с Израилем полная.

Раз уж кастовая система в Израиле существует, то не худо было бы Израилю позаимствовать в демократической Индии методы смягчения этого явления. В Индии введены льготы для представителей низших каст, включая квоты для поступления в высшие учебные заведения, на занятие должностей в государственных и муниципальных органах и на государственной службе, а также отказ от части или всей платы в школах, колледжах, высших учебных заведениях и т. д. Для Израиля квотирование – это единственный способ обеспечить изрусам достойное место в гражданской и военной иерархии. Но что-то Игорь не слышал таких требований у олимовских партий. Правда, для эфиопов квотирование в Израиле практически существует. Заявления различных русскоязычных СМИ о том, что мы, изрусы, люди гордые и в квотах не нуждаемся, нам бы обеспечить равные права… Игорь воспринимал как ненаучную фантастику: кто и каким способом эти равные права изрусам обеспечит? На бумаге они давно задекларированы – но кто это собирается выполнять? Ну-ка попробуйте обеспечить равные права при приеме на работу «безродному» изрусу-инженеру и сабре, чей дедушка сидел в одном окопе с Бараком! Это полная и абсолютная ненаучная фантазия. При этом в Израиле действует негласная государственная система постоянного сохранения изрусов в низших кастах, как можно ближе ко дну израильского общества, которая успешно функционирует.

Отказники и активисты, считавшие себя солью еврейского народа, по прибытии попали в лучшем случае в четвертую касту, и куда тут было рыпаться! А каста есть каста, можно добиться в Израиле профессионального успеха, заработать много денег, но по-прежнему оставаться для израильтян членом низшей касты.

– Володя, скажи, пожалуйста, а что, среди этих активистов не было таких, которые бы задумывались над тем, что большая алия в Израиль из Союза приведет к социальной катастрофе приехавших?

– Ну, как тебе сказать? С некоторой натяжкой к таковым можно причислить сторонников нэширы[25]. Еврейское движение тогда разделилось на сторонников и противников нэширы.

– А как аргументировали свои действия противники нэширы?

– А очень просто. Я тебе приведу выдержки из меморандума группы активистов[26]: «Каждый человек имеет право на выбор собственной судьбы в соответствии с принципами свободы и

демократии. Но у еврейского народа нет моральных обязательств финансировать поиски ими комфортабельного и теплого местечка… бездумная поддержка ношрим стала бы нарушением не только моральных принципов, но и элементарной справедливости… Возможности еврейского народа не безграничны. У нас есть наши собственные сионистские идеи относительно того, какими должны быть национальные приоритеты…»

Настроения у них были такие: еврейские активисты не должны вмешиваться в демократизацию СССР. А вот русские диссиденты и правозащитники должны помогать эмиграции евреев в Израиль.

– Но это же чисто коммунистический подход: во-первых, кто дал право этой «компашке» говорить от имени всего еврейского народа – какой народ имеется в виду – мы их что, выбирали, мы их уполномочивали? Во-вторых, деньги-то не их, а американские, в-третьих, им полностью было наплевать на самих советских евреев, которых они собираются облагодетельствовать… Вот если бы они были приличными людьми, не в «праксионском», а в общечеловеческом смысле слова, то после нашей алии они все должны были сделать харакири.

– Ну, бусидо[27] вряд ли входил в набор правил, которыми руководствуются настоящие «праксионцы», и не то чтобы харакири, но и даже паршивенького заявления бывшие узники сиона в Израиле не сделали.

– И что, этих «красавцев» совершенно не смущала предстоящая социальная катастрофа советского еврейства – полная потеря средств существования, социального статуса и попадание в экономическое рабство?

– Ну, почему, некоторых смущала. Во-первых, американских евреев. Сами-то они в Израиль не собирались и не могли понять, как можно при этом насильственно загонять туда советских евреев. Они прямо приглашали отказников ехать в Соединенные Штаты. Они-то по простоте душевной воспринимали сионистское движение в Советском Союзе как правозащитное, сражающееся за право эмигрантов ехать куда угодно. Были и сторонники нэширы среди самих активистов еврейского движения. Вот цитата из Щаранского тех лет: «Мы писали, что все собираемся ехать только в Израиль, что мы сионисты, но считаем, что еврейское государство не должно закрывать евреям какие-либо двери. Мы хотели бы, чтобы все приехали в Израиль по положительным причинам…»

– А, поэтому он потом лез из кожи вон в канадских судах и давал судебные декларации – аффидативы, которые

использовались и используются для того, чтобы не «впущать» беглых русских евреев из Израиля в Канаду, поскольку им в Израиле исключительно хорошо. Однако, вернувшись домой, Щаранский витийствовал о дискриминации олим и необходимости создания русской партии для защиты этих евреев, правда, до того момента, как он стал министром.

– Ну, что ты хочешь, кто платит, тот и заказывает музыку. Платит ему в широком смысле этого слова израильское правительство, а американцы ни во что не вникают и глотают этот сионизм, не пережевывая. Адела у правительства были хреновые: кризис середины восьмидесятых, уезжали больше, чем приезжали, количество сефардов превысило количество ашкеназов – ты знаешь, например, что в 1980 году в Израиле оказалось около 55 процентов афро-азиатских евреев и только 45 процентов европейских евреев?

– Да, я слышал в Технионе несколько раз мнение о том, что бессмысленно спорить, была ли алия полезна, поскольку в результате, по крайней мере, было остановлено превращение Израиля в смуглую восточную азиатскую страну.

– Ну, конечно, поэтому магрибы, как ты их называешь, все ополчились на вашу алию.

Не смущала грядущая социальная катастрофа и власти Израиля: 20 июня 1987 года кабинет министров Израиля во главе с Ицхаком Шамиром принял решение препятствовать всеми возможными средствами желанию советских евреев эмигрировать куда угодно, только не в Израиль.

Вот что писал по этому поводу Г. Свирский в открытом письме премьер-министру Канады Кретьену:

«…Берлинская стена, где отстреливали беженцев в свободный мир, не разрушена. Совместными и дружными усилиями Иммиграционного Управления Канады и израильского правительства, почти единогласно принявшего в 1989 году преступное решение о насильственной транспортировке евреев из СССР в Израиль, знаменитая Берлинская стена полностью, до последнего блока, перенесена в Канаду: начиная с 1994 года в Торонто не было принято ни одного беженца – российского еврея с израильским паспортом; после трех – пяти лет „процесса“ беженца из Израиля выбрасывают из Канады – никакие доказательства в расчет не принимаются… Новоявленным „способом отлова“, под охраной автоматчиков, было доставлено в Израиль более полумиллиона евреев из бывшего СССР. Согласно опросам израильской прессы в 1995–1997 годах, от трети до половины репатриантов не хотели бы там жить, а десятки тысяч семей, не имеющих ни работы, ни жилья, открыто говорят, что

загнаны в капкан.

Канадские власти, увы, приняли скандальное самоуправство израильских властей за законное правительственное решение, отвечающее международной Декларации о правах человека, и это криминальное решение накрыло свободный мир, как волна, привело, без преувеличения, к геноциду российского еврейства, насильно загнанного в Израиль и пытающегося вырваться оттуда».

А вот что писал Э. Севела: «В Москве меня называют главным сионистом, а в Израиле – главным антисемитом. Я очень хотел тогда, чтобы Израиль пропитался духом русской эмиграции, нужной этой стране как воздух, хотя бы нравственно, чтобы вывести страну из Леванта, ввести в Европу, чтобы сделать ее цивилизованной Я приехал в Израиль, чтобы жить в своем государстве, а уехал отсюда, потому что устал жить в чужом».

Было много других активистов, поддерживающих нэширу, – они говорили, что, административно препятствуя евреям ехать в другие страны, Израиль уподобляется Советскому Союзу. Например, тогдашний представитель «Натива» в Москве Арье Левин говорил: «Мне и в голову не могло прийти, что кто-то из нас возьмет и закроет евреям дорогу туда, куда они хотят ехать, чтобы насильно привезти их в Израиль. Мы все – сионисты, но что же это за сионизм, основанный на насилии?»

А глава «Натива» до 1992 года Нехемия Леванон вообще иногда помогал эмиграции советских евреев в США.

– Володя, мы все понимаем, что восхождение Щаранского совершалось благодаря его аресту и последующему шуму, поднятому его женой. Почему власти решили арестовать именно Щаранского? Почему выбор КГБ пал именно на него? Он ведь не был видным деятелем? Я несколько раз участвовал во встречах с ним и особых талантов у него не заметил.

– Ну, это как раз довольно просто: КГБ ведь обычная советская бюрократическая организация. Подошло время в 1976 году прервать все связи между диссидентами и отказниками, а также притормозить общение советских граждан с американскими журналистами и политиками.

Под рукой оказался именно Щаранский, которого можно было легко обвинить в связи с иностранцами без риска большого международного шума: молодой безработный провинциал без постоянной московской прописки. Да еще маленький, лысый, некрасивый и с невнятной речью – одно удовольствие демонстрировать ущербность тех, кто борется с советской властью. В итоге КГБ просчитался – но кто знал…

– Хорошо, а что ты скажешь про Яшу Кедми?

– Ну что про него можно сказать? Человек с гипертрофированно большим самомнением, нигде и никем не оцененный по заслугам, с его точки зрения.

Его великий исход из СССР в различных интерпретациях описан русскоязычными борзописцами не менее чем в пятидесяти публикациях, включая интервью, выступления, видеофильмы и другое. Так что число этих публикаций уже вплотную приблизилось к числу Евангелий, существовавших в первом веке. И вряд ли найдутся Лука с Матфеем и Марк с Иоанном, которые напишут канонические версии.

Поскольку в процессе этого исхода наблюдались чудеса, соизмеримые с описанными в реальном Евангелии, то некоторые несознательные атеисты (включая бывшего в то время главу МОССАДа И. Хареля) выражали, а некоторые до сих пор выражают, сомнения: а не является ли достопочтенный Яша агентом КГБ? Когда Кедми поехал в 1970 году в Нью-Йорк, чтобы вместе с главой «Лиги защиты евреев», раввином Меиром Кахане провести голодовку напротив здания ООН с требованием выпустить из СССР его родителей, консул Израиля в США Йорам Динштейн прямо обвинил Кедми в работе на СССР.

Но это досужие домыслы. А вот его деяния после приезда в Израиль израсам знакомы значительно меньше. Конечно, за исключением его великого подвига по перенаправлению потока еврейской эмиграции из США в Израиль в бытность работником «Натива». В 1999-м Кедми из «Натива» выгнали в связи с подозрениями в неприглядных связях, растранжиривании денег и прочих недостойных акциях. Израильских дипломатов давно раздражали претензии сотрудников «Натива» на роль главных специалистов по России. Спецслужбы Израиля также неоднократно обозначали свое негативное отношение к деятельности «Натива» в России. В частности, руководители МОССАДа и ШАБАКа потребовали на закрытом заседании Кнессета весной 1998 года распустить «Натив» по причине грубого нарушения его сотрудниками своих полномочий при контактах с государственными и политическими деятелями в странах СНГ. «Натив» также критиковали за разбухание штатов, произвольные добавки к зарплате под предлогом секретности, использование служебного положения в личных целях. В конце 1990-х годов руководители настоящих израильских спецслужб развернули кампанию за то, чтобы «Натив» не относили к к этой категории. Во времена, когда Кедми работал в руководстве «Натива», тот был уже практически расформирован как спецслужба, и его сотрудники лезли из кожи вон, чтобы оправдать свое существование.

Пост в «Нативе» Кедми покидал со скандалом, Он подал жалобу в Высший суд справедливости против премьер-министра Нетаниягу, раскрывшего отчет Государственного контролера Израиля о службе, где обвинял его в нарушении законов о безопасности государства. Жалоба была отклонена Верховным судом Израиля, а Госконтролер Мирьям Бен-Порат резко раскритиковала телевизионное выступление Кедми, в котором он утверждал, что проверка в отношении службы «Натив» не являлась профессиональной. Она заявила, что реакция Кедми на отчет нахальная: «Изумительно и очень плохо, что госслужащий позволяет себе ставить под сомнение отчет Государственного контролера, зная, что под его словами нет реальной основы».

После ухода из «Натива» Кедми в Израиле не занимал никаких должностей, а в России стал персоной нон грата.

После смерти Володи профессор снова оказался на мели: нечем было платить ипотечную ссуду – машканту, не было денег на ежегодный налог на машину, семья еле-еле сводила концы с концами, Дана экономила на чем только было можно.

И главное, грызло чувство, что всё это он натворил сам, бросив в Союзе всё, что он заполучил долгим и тяжелым трудом. При этом надо сказать, что никакие эмиссары «Сохнута» его не обманывали (он их никогда в жизни не видел и не слышал), то есть жаловаться он мог только сам на себя. Известно, что очень тяжело умным людям ощущать себя полными идиотами. Знакомые профессора пытались помочь ему как могли. Однажды его каунасский приятель Натан предложил познакомить его с одной русской дамой из алии 1990-х, которая, по его мнению, могла чем-нибудь помочь. По словам Натана, эта дама была очень красивой и совершенно «пробойной» одесситкой по имени Полина, которая жила в Иерусалиме и добилась успехов в разнообразных сферах.

– А в какой плоскости лежит ее активность? – поинтересовался профессор.

– Я думаю, в основном в горизонтальной, – пошутил Натан.

Правда, когда Игорь увидел Полину – действительно красивую женщину с прекрасной фигурой – и поговорил с ней, он подумал, что в словах Натана была изрядная доля истины.

– Понимаешь, она нагляднейшая иллюстрация того, кто из алии достигает быстрого успеха в Израиле. Это, как тебе известно, не ум, не квалификация, не трудолюбие, не российские дипломы и звания, а прежде всего умение затесаться в нужную компанию, самоуверенность, граничащая с нахальством, вседозволенность, умение врать глядя в глаза, умение заходить в окно, когда тебя выгнали в дверь, и пролезать в малейшие щели.

А если все эти замечательные качества имеет человек неглупый и хорошо разбирающийся в структуре израильских «кормушек», выросших в связи с большой алией, – всякие фонды, отделы абсорбции, курсы, ульпаны всех уровней и т. д. и т. п., то успех гарантирован.

Полина сидит в каком-то фонде, устроила на отличную работу совершенно неспособного ни к чему мужа, заканчивает строительство виллы в Иерусалиме.

Полина оказалась весьма неглупой дамой, как и пророчествовал Натан.

Не дослушав Игоря, она вежливо, но жестко прервала его:

– Ну, всё мне понятно… кто вы были в Союзе и кто была я. Думаю, что, если бы мы встретились в то время в Одессе (что теоретически было не исключено), вы бы не стали со мной вообще разговаривать, разве что решили бы за мной приударить. Но теперь-то вы никто: вы старый, бедный и бесперспективный олим… и даже приударить за мной вы не в состоянии – у меня есть много молодых и богатых ухажеров. Конечно, вы умный и высокоинтеллигентный человек с огромной эрудицией, но этот товар в Израиле плохо продается. Вы здесь представитель низшей касты, и с вами какой может быть разговор! Взять с вас абсолютно нечего, и у меня нет идей, куда вас можно было бы пристроить. Если что-то где-то подвернется, я найду вас через Натана.

– Полина, а вы в какой организации процветаете? – спросил профессор.

– А вам-то зачем это знать? Вас всё равно туда не возьмут. Так, просто удивиться еврейскому миру и поиздеваться, подержав фигу в кармане?

Разговаривая с ней, профессор еще раз убедился, что в Израиле и Америке еврей – это не только национальность или вероисповедание, но также и профессия, притом достаточно выгодная и, главное, постоянная. Количество разнообразных еврейских организаций в мире поражает воображение. Только в России их столько же, сколько в Израиле, – около пятисот. Огромное количество организаций в США и других странах. Конгрессы, ассоциации, общины, общинные дома, курсы, детские лагеря, учебные заведения, музеи и т. д… и т. п. Кроме добровольцев и общественников, там работают десятки тысяч людей, получающих зарплату, зачастую очень даже немаленькую. Профессор пробовал сосчитать количество профессиональных евреев в мире, однако сделать это было чрезвычайно сложно, у него выходило около трехсот тысяч, что не снилось, например, китайцам с их обширной диаспорой ни в абсолютном, ни в относительном исчислении. Кого они представляют? Что они

делают? Перед кем отчитываются? Кому они нужны, кроме самих функционеров? Каждый Шмулик может создать «Ассоциацию по обеспечению процедуры забоя кенгуру с соблюдением кошерности» и отправиться в Австралию собирать на это деньги. Совершенно очевидно, что эти деньги пойдут в карман его штанов, сшитых из кожи кенгуру.

Наряду с таким источником денег для этих организаций, как олигархи и толстосумы, в основном американские, канадские и российские, идет изъятие денег сравнительно честным четыреста первым способом, который не знал даже легендарный аферист Остап Бендер, а именно путем регулярных поборов с евреев от Аляски до Огненной Земли для помощи Израилю, при этом на деле значительная часть помощи уходила «сборщикам»: хорошие зарплаты, дорогие гостиницы, обеды в шикарных ресторанах и т. п.

Вымогательство денег в пользу Израиля безгранично. Например, перед празднованием 70-летия образования Израиля в 2018 году было принято правительственное решение о сборе пожертвований в объеме 20 миллионов шекелей (около 5,5 миллиона долларов) за рубежом на проведение этого мероприятия. Для этого в МИДе создавалась специальная комиссия. Или ежегодно в США проводится представление по сбору денег для израильской армии. Так, например, в 2017 году было собрано около 50 миллионов долларов. Израильский военный бюджет составляет примерно 16 миллиардов долларов. Зачем надо еще собирать на нужды армии ежегодно? А вот зачем: уворовать, присвоить или использовать деньги на поездки за границу и шикарные банкеты из бюджета сложнее, чем из американских пожертвований!

Попытал Игорь счастье и в оборонной промышленности. В этой сфере всеизраильским мотором служил самоотверженный доктор физико-математических наук Леонид Диневич, приехавший в Израиль в начале 1990-х. При поддержке Юрия Штерна и тогдашнего главы канцелярии премьер-министра Авигдора Либермана он пробил организацию семинара ученых-репатриантов в Латруне с представлением их проектов, а также встречи с главным ученым министерства обороны профессором Ицхаком Бен-Исраэлем и командующими ВВС и ВМФ. Игорь участвовал в этих мероприятиях и представил проект самоходной мины в виде катящегося шара. Стабилизация движения шара реализовывалась за счет внутреннего гироскопа. Самоходные мины разрабатывались и применялись еще в гитлеровской Германии. Всем известный ныне сигвей тогда еще не появился, и профессору трудно было объяснить израильским военным

принцип движения предлагаемой мины. Проект постигла судьба 99 процентов представленных на семинаре проектов – тихая спокойная смерть. Хотя Игорь думал, что такая мина будет всё равно создана и использована, прежде всего гангстерами и террористами.

Положение было отчаянное, профессор не видел выхода…

Спасение пришло неожиданно. Однажды в доме профессора раздался звонок, и звонящий, который представился Меиром Аронсоном, предложил Игорю встретиться, для чего он был готов посетить Игоря дома.

– Я живу сравнительно недалеко, тоже на территориях, в Псаготе, так что это не проблема, – сказал он. – Давайте прямо завтра.

Игорь тогда не догадывался, что встреча с Меиром изменит всю его жизнь в Израиле навсегда. Меир оказался невысоким, коротко постриженным, очень подвижным худощавым человеком лет пятидесяти пяти в вязаной кипе, старожилом-эмигрантом 1970-х годов, выходцем из Одессы. Направил его к Игорю Юра Штерн, который знал всё о нынешнем положении профессора и рассказал Меиру все детали его конфликта с Пниной Дор, пытаясь по мере сил Игорю помочь. Меиру удалось раскрутить проект, в рамках которого можно было находить интересные разработки в странах СНГ и помещать их в израильские технологические теплицы. Формально автором проекта в этом случае являлся гражданин СНГ, а в Израиле подбиралась команда исполнителей проекта с руководителем. В этом случае назначение руководителя было прерогативой директора теплицы и не подлежало формальному утверждению Пниной Дор.

– Я думаю, этот вариант специально для вас, – сказал Меир. – Иначе вам Пнину не обойти, я ее отлично знаю… Юра рекомендовал вас как идеального организатора для раскрутки проектов в силу вашей эрудиции и разнообразных знаний, ну и вы же будете руководителем первого запущенного проекта. Поэтому я предлагаю вам немедленно начать со мной работать и в качестве первого шага поехать в Санкт-Петербург, где находится сейчас один мой приятель – израильтянин, вернувшийся в Россию. Его зовут Семен Берман. Он уже подготовил для вас почву в нескольких крупнейших вузах Петербурга. Пока я буду платить вам небольшую зарплату.

Российский паспорт у Игоря был, в визе он не нуждался и немедленно вылетел в Санкт-Петербург. Семен встретил его в аэропорту и повез в хрущевскую «двушку» (двухкомнатную квартиру) на Пискаревском проспекте. Квартира была в запущенном состоянии, с облупленными стенами, ржавыми

кранами и проседающим полом. Но жить было можно. Профессор поразился обветшавшему «допутинскому» Петербургу в сравнении, скажем, с Москвой. Был конец марта, глубокие лужи прятали многочисленные выбоины в асфальте, по бокам трамвайных рельс находились канавки, заполненные водой, и переезд трамвайных путей превращался в опасное спортивное мероприятие с риском застрять перед трамваем. Игорь каждый раз ожидал, что старенький «Форд-Скорпио», на котором ездил Семен, развалится при переезде очередной ямы. Дома даже в центре были облуплены, давно некрашены, а интерьер подъездов мало отличался от аттракциона «Комната ужасов».

Экспедиция началась с политехнического института, в котором Игорь бывал в «доперестроечное» время. Оказалось, что в 1990 году его переименовали, и он стал называться Ленинградский государственный технический университет (ЛГТУ). Огромное столетнее здание в стиле неоклассицизма, возведенное в 1900–1905 годах под руководством архитектора Э. Ф. Виррихa, было несколько измененной копией Высшей технической школы Берлина. Внутри здания царило запустение, не покидало чувство старины, и, передвигаясь в гордом одиночестве по грандиозным коридорам, профессор постоянно ожидал встречи с первым директором Санкт-Петербургского политехнического института – действительным статским советником князем Гагариным, известным русским ученым и инженером. Князя Игорь не встретил, а вот в прогнившие кое-где половицы пару раз провалился. Игорь посетил ряд кафедр на большинстве факультетов и беседовал со многими заведующими кафедрами и преподавателями. Посетил он и «родные» кафедры «Двигатели внутреннего сгорания», «Автомобили и тракторы» и «Гидравлические машины», где у него оставались знакомые с советских времен.

Много времени Игорь провел в химико-технологическом институте (позже Санкт-Петербургский государственный технологический университет), в котором учился Семен. Не обошел стороной он Ленинградский институт точной механики и оптики, впоследствии переименованный в Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики (СПбГУ ИТМО), военно-механический институт – позже Балтийский государственный технический университет «Военмех», электротехнический институт связи (ЛЭИС) – позже Государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (СПбГУТ), электротехнический университет (ЛЭТИ) – позже университет, лесотехническую академию и горный институт.

Голова и записная книжка профессора распухли настолько, что уже не могли адекватно воспринимать информацию, и Игорь взял тайм-аут на пару дней для обработки и систематизации полученных сведений.

В качестве пилотного проекта в израильскую хамаму он выбрал проект кафедры гидравлики политеха. Суть проекта была в следующем. Во многих видах техники используются гидравлические и пневматические цилиндры. Внутри эти цилиндры шлифуются до зеркального блеска, что представляет собой довольно трудоемкую и дорогостоящую операцию. Доцент кафедры Василий Иннокентьевич Гвоздев разработал способ покрытия внутренней необработанной поверхности цилиндров полимером, обеспечивающим качество, аналогичное шлифованным металлическим покрытиям. Гвоздев оказался невысоким, сухощавым, весьма пожилым человеком, старым питерским коммунистом и бывшим балтийским военным моряком. Он охотно согласился на предложенные профессором условия.

Игорь вернулся в Израиль и доложил Меиру о своих изысканиях и сделанном выборе. В качестве «материнской хамамы» нарисовалась теплица в Сореке по соседству с израильским исследовательским ядерным реактором. Возглавлял теплицу другой отставной военный моряк – Пинхас (Пиня) Хен, правда, не балтийский, а средиземноморский. Меир также договорился о встрече с одним американским евреем, проживающим в Иерусалиме, который был готов рассмотреть вопрос о внесении 50 тысяч долларов вдобавок к государственной субсидии. Американца звали Стэнли Азимов, и жил он в тихом иерусалимском районе, на узкой живописной улице, в очаровательном особнячке из иерусалимского камня с чисто иерусалимской архитектурой.

Когда при встрече профессор спросил его, не имеет ли он какого-либо отношения к Айзеку Азимову, американец скромно ответил:

– Я его младший брат!

Стэнли родился в США, русского языка не знал, и было видно, что он не очень-то хочет распространяться о своем родстве. После детальных пояснений профессора он достал чековую книжку и тут же выписал чек на половину суммы. Меир с Игорем чуть ли не вприпрыжку кинулись к машине, стоящей довольно далеко от дома Азимова. Дальше уже всё было делом техники: они получили из Петербурга необходимые документы, оформили все формальности в Израиле, и Игорь приступил к формированию команды. По принятой израильской практике в

команде должен был быть «мовиль» – некий бизнес-наставник. Как правило, в этой роли выступали «синекурные» израильтяне, теоретически имеющие некоторые знания и опыт в организации и продвижении коммерческой части проекта. Игорь нашел на роль мовиля молодого москвича Бориса Лисянского, приехавшего в Израиль в юном возрасте и окончившего Иерусалимский Еврейский университет по экономической специальности. Старый и малый очень сдружились, проработали вместе более десяти лет и после сохраняли тесные отношения. Другого ценного специалиста-химика – Вадима Бергера, выпускника Ленинградского химико-технологического института – Игорь нашел по объявлению в газете, выбор оказался очень удачным, и они проработали вместе семь лет.

После десяти лет каждодневной борьбы и неопределенности наступила новая, «спокойная» эра – на некоторое время, по крайней мере, – в израильской жизни профессора. Он каждый день посещал работу, имел нормированный рабочий день, страховку, регулярно выплачиваемую приличную зарплату, твердую крышу над головой на работе и… новенький компьютер. От дома Игоря до Сорека было километров шестьдесят пять, а стоимость бензина в Израиле была и есть очень высокая. Игорь продал свой «Форд», а сын отдал ему свою дизельную «Ситроен-Ксару». Живя на «контролируемых» территориях (в мировой прессе они называются «оккупированные территории»), профессор имел возможность покупать у арабов дизельное топливо несколько дешевле, чем в Израиле. В сочетании с относительно небольшим расходом ситроеновского дизеля, это позволяло худо-бедно экономить на топливе при ежедневных поездках на работу.

В первый день в хамаме они явились вдвоем с мовилем Борей, который по местному именовался Барух, и занялись хозяйственными вопросами: выносили из выделенной им комнаты мусор, старые бумаги и канцелярские принадлежности, стирали пыль и знакомились с окрестностями, которых, в общем-то, не было – дворик хамамы прилегал к забору ракетного полигона. Вся цивилизация находилась напротив через шоссе № 4 в городе Явне. На следующий день Боря поехал заказывать компьютер, а профессор пошел в разведку – знакомиться с соседними проектами, которых было всего около десятка, из них только примерно процентов 30–40 делались «русскими». Дело в том, что ситуация с 1990 года изменилась, тогда русских проектов в хамамах было свыше 70 процентов, а спустя десять лет стали преобладать коренные израильтяне. Славное дело по превращению алии в четвертую-пятую касту успешно работало:

большой алии больше не было – абсорбировать в науку было уже некого, немолодые ученые «вымирали» и выбывали из игры. Еще через десять лет этот процесс полностью закончился. Исключение составляли советские врачи, но их в теплицах почти не было.

В части создания технологических инкубаторов, как ни пыжились фалпаты, Израиль не был пионером. Первые инкубаторы в Соединенных Штатах были созданы в 1950-х годах, а к моменту зарождения израильских теплиц их было уже около трехсот. В Германии в начале 1990-х было создано также около 180 инкубаторов, где работало почти 30 тысяч человек. Вообще же в мире в 1990-х годах было открыто примерно 1500 технологических инкубаторов.

Профессор пообщался с русскими проектантами, которые рассказали ему о своих проектах и во многом просветили его по проектам старожилов. Также он попросил у секретаря список проектов, ранее выполненных в хамаме. У Игоря был свой метод классификации научных проектов, разработок и гипотез. Он делил их на три категории: логичные, научная фантастика и ненаучная фантастика. Помимо парочки явных шулеров, примерно половину как старых, так и новых проектов в инкубаторе он оценил как логичные, а половину – как научную фантастику. Ненаучной фантастики, к чести директора Пини, он не обнаружил. Вблизи стало еще ясней, что идея теплиц начала 1990-х была, конечно, социалистической, однако это наряду со стипендией Шапиро, пожалуй, была единственная солома, подстеленная советским ученым и инженерам в начале 1990-х.

В хамаме почти никто никуда не спешил. Некоторые откровенно тянули время. Так, Игорь ознакомился с одним израильским проектом по усовершенствованию инвалидной коляски – весь проект можно было сделать за 100 тысяч долларов максимум и полгода; естественно, авторы собирались трудиться два года и потратить 350 тысяч долларов. Тут нарисовывался жанр, довольно распространенный среди коренных жителей, – авторы сами вносили требуемые 50 тысяч долларов, которые они потом «отбивали» путем размещения заказов в фирмах, принадлежащих их родственникам, принятия на работу тетушек и племянников и т. п. Были и обратные примеры: так, в одном проекте разрабатывалось топливо на основе алюминия – никогда в жизни даже мало-мальской игрушки авторы не сделали бы и за пять лет. Были и вполне внятные проекты, судьба которых зависела от разных объективных и субъективных обстоятельств.

Профессор близко сошелся с пятидесятилетним изрусом из Воронежа Игорем Столяром, который уже работал в хамаме более года, причем это была его вторая теплица. Он знал все ходы и

выходы наизусть и многое профессору подсказал. Игорь не сомневался, что через два года они в рамках своего проекта сделают вполне работоспособные образцы, но вот найдут ли они потом партнера для массового производства – это был большой вопрос, на который он сам для себя отвечал отрицательно.

Наступил самый умиротворенный период в жизни профессора в Израиле, которого не было до этого и которого не было в будущем: он спокойно работал как все вокруг, забыв Фауста В. Гёте: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!» Десять лет он каждый день шел на бой, а теперь каждый день ездил на работу Так прошел год. В середине второго года профессор съездил на пару выставок по гидропневмооборудованию в Милане и Дюссельдорфе, поговорил с рядом производителей и понял, что уже надо думать, что делать, если текущий проект умрет. Он знал статистику: из десяти проектов, выходящих из теплиц, продолжает работать один, а из десяти продолжающих внедряется, в полном смысле этого слова, тоже один. Конечно, двух лет на выполнение маломальски серьезного проекта оказывается недостаточно, даже если в первые годы и были достигнуты положительные результаты. С технологической точки зрения их проект явно получался, но надо было продолжать и расширять работы, с тем чтобы достичь коммерческих результатов. А такой возможности не было.

Поскольку Игорь обладал обширными знаниями в разных областях техники, к нему в хамаму потянулось довольно много ученых и инженеров изрусов, которым он ничем, кроме совета, помочь, естественно, не мог. Запомнился визит одного пожилого человека, который обосновал необходимость и в деталях разработал систему центрального отопления в Израиле. Игорь внимательно его выслушал и подивился объему работ и уровню разработки.

– Понимаете, в чем тут дело, в Израиле абсолютное большинство домов оборудовано кондиционерами, которые также имеют режим обогрева. Во многих квартирах и особенно в виллах и коттеджах это централизованные системы, включающие встроенные воздуховоды и управляющие элементы. Кроме того, не забывайте про могущественную электрическую компанию «Хеврат Хашмаль», которая будет совсем не в восторге от сокращения доходов зимой. Честно говоря, я не вижу ни одной структуры в Израиле, которая могла бы проталкивать предлагаемую систему. Не знаю даже куда обратиться.

– Ну, тогда придется мне идти в Академию наук.

– Куда-куда?

– В Академию наук. Они должны меня поддержать и

представить этот проект правительству.

– В Израиле нет Академии наук.

– Как вам не стыдно, я приехал к вам на трех автобусах с двумя пересадками, а вы изволите шутить. Как это в такой передовой стране нет Академии наук?! Быть такого не может!

– Единственное, чем я вам могу помочь, так это подвезти вас на машине до автобусной остановки.

– Не надо мне вашей помощи, вы плохой человек, позволяющий себе издеваться над изобретателем.

Редко Игорь чувствовал себя так гадко, как после этой встречи.

Азимов-младший заплатил свой взнос за второй год, но спустя примерно шесть месяцев его по неизвестным причинам обуяло желание немедленно получить отдачу. Он начал часто приезжать в теплицу и требовать от профессора продать кому-нибудь проект. Тщетно Игорь пытался объяснить Азимову реальную ситуацию – всё было напрасно. Азимов явился к Пине и потребовал уволить всех сотрудников на проекте, набрать новых и триумфально быстро завершить исследования. Все отлично понимали, что такой шаг превосходит по степени фантастичности романы старшего Азимова, но, когда Азимов уже совсем достал Пиню, требуя вернуть деньги за второй год, тот буквально выгнал его из кабинета, заявив, что действующее положение о теплицах не предусматривает возвращения денег ни в каком случае.

Отношения у профессора с Пиней складывались достаточно ровные. Пиня был умный ашкеназ и отлично понимал, с каким человеческим материалом из Союза он имеет дело. Но хозяин не может допустить совершенно равных отношений с полурабом и должен периодически показывать свою власть. Пунктов для самоутверждения у него было два. По первому – он периодически вызывал профессора и пенял ему, что тот слишком много тратит на покупки. Профессор оправдывался: «Пиня, ты видишь, мы не покупаем портьер из натурального шелка и резных малазийских кресел, всё скромно и по делу».

Пиня, поворчав еще немного, этот вопрос закрывал. Вторым пунктиком у него был английский Игоря. Прочтя какой-либо отчет или письмо Игоря, он глубокомысленно заявлял: «Английский надо подправить!» Профессор не считал свой английский совершенным и просил Пиню поправить текст. Обычно дело кончалось тем, что Пиня делал пару исправлений и возвращал бумагу Игорю. Однажды профессор решил провести эксперимент. У него были соседи – американская семья из Чикаго, а глава семьи еще и преподавал английский в школе в Кфар-Сабе. Игорь попросил его подредактировать и поправить

одно письмо и потом представил его Пине. Реакция того не изменилась:

– Всё хорошо, но английский надо подправить.

Профессор всё понял окончательно, но ничего Пине не сказал – пусть человек самоутверждается и получает удовольствие. Вообще, надо сказать, что этот пунктик был у многих израильтян-старожилов: первое, что они говорили Игорю (и, видимо, другим изрусам), читая его бумаги, – это были претензии к английскому Кстати, когда эти же бумаги читали американцы, которых в окружении профессора всегда было предостаточно, то у них замечаний было на порядок меньше.

В общем, ситуация была такая, что надо было готовиться к изгнанию из рая. Профессор хорошо помнил Бернарда Шоу, который сказал: «Люди, достигающие успеха в мире, – это те люди, которые встают и ищут нужный им случай». Теперь у него был компьютер и интернет, и профессор начал искать такой случай. В интернете он ничего не нашел, но зато нашел у себя в хамаме одного профессора из Минска – Семена Ростова, который рассказал ему про одного своего знакомого из Белорусского академического института тепломассобмена, занимающегося хранением сжатых газов в адсорбированном состоянии. Идея Игоря очень привлекла, и он с Семеном позвонил этому профессору, которого звали Леонард Леонтьев. Они довольно быстро нашли общий язык и договорились сотрудничать. Только что закончились ельцинские времена, и в Белоруссии, как и во всем Союзе, наука лежала в развалинах, которые даже не дымились. Надо было опять искать деньги.

Тут профессору позвонил добрый ангел без крыльев Юра Штерн:

– Слушай, тут есть один человечек, с которым тебе надо обязательно встретиться. По-моему, у вас будет матчинг[28], зовут его Лев Зайд.

Игорь позвонил Льву, и тот предложил ему встречу у него дома в Раанане. В назначенное время он позвонил в дверь у большой виллы на тенистой улице в западной части Раананы и увидел человека лет сорока пяти, с умным и быстрым взглядом и великолепным русским языком. Лев приехал в Израиль с родителями и многочисленными родственниками из Ленинграда после окончания школы в начале 1970-х. Окончил Иерусалимский университет, работал в военной промышленности, а затем, как понял профессор, ушел на вольные хлеба, занимался фандрайзингом, основал несколько фирм и какое-то время жил в США и Бельгии. Таких людей среди алии 1970-х приходилось не так часто встречать – он хорошо знал русскую и мировую

литературу и разбирался в живописи.

Профессор рассказал Льву физику замышляемого проекта, тот всё понял, идея ему понравилась, и потенциальные партнеры начали думать о ее осуществлении. Прежде всего, надо было поместить проект в какую-либо хамаму Игорь рассказал Льву о проблемах с Пниной Дор, и тот предложил следующий вариант: взять в качестве официального автора проекта его приятеля – профессора физики, который живет в Нью-Йорке, но имеет также израильское гражданство, а Игоря назначить местным руководителем проекта по некоторой аналогии с ныне действующим «петербургским» проектом. В качестве базовой хамамы Лев предложил попробовать ашкелонский инкубатор, с директором которого у него были общие знакомые, а насчет 50 тысяч долларов, которые надо было найти в дополнение к 300 государственным, Лев сказал Игорю:

– Не беспокойся, не великие деньги, найдем.

Они разъехались, договорившись о начале действий по разработанному плану.

В это время к Игорю в гости приехал из Петербурга российский автор уже делающегося проекта. Игорь поселил его в гостинице в Тель-Авиве. Автор осмотрел теплицу, съездил на экскурсию по христианским местам в Иерусалиме, и в один из дней Игорь повез его к себе домой. По дороге, после пересечения «зеленой черты», отделяющей территорию Палестинской автономии, ленинградец начал ерзать на сиденье и смотреть по сторонам.

– Что вас беспокоит? – спросил профессор.

– Ну, как что? Могут же начать стрелять.

– Кто в кого?

– Ну, у нас в газетах пишут, что за «зеленой чертой» непрерывно идет война между евреями и арабами.

Игорь расхохотался:

– Где вы видите войну? Смотрите, вот арабская деревня, а вот израильское поселение – все мирно сосуществуют. Сейчас заедем в арабскую деревню, зайдем в магазин и увидите, как евреи спокойно покупают товары в арабском магазине. Конечно, бывают конфликты, бывают теракты, но они также бывают и в центре Тель-Авива.

– И что, я увижу палестинских арабов? И можно будет с ними поговорить?

– Да сколько угодно.

Игорь свернул в арабскую деревню и повел коллегу по ближайшим магазинам, он давно жил на территориях и был отлично знаком со многими владельцами магазинов и

продавцами.

– Игорь, спросите, как они поживают.

Профессор объяснил арабам, что у него гость из Санкт-Петербурга, который никогда в жизни не видел палестинского араба и хочет с ними познакомиться. Гость думал, что в ответ они немедленно достанут из-под прилавков калашниковы и Ф-1, а вместо этого арабы весело улыбались и предлагали гостю кофе, орехи, фрукты и разные арабские лакомства. Это произвело на него сильное впечатление. Впоследствии он написал Игорю, что он собрал в институте старых коммунистов на их факультете и рассказал, что он видел за «зеленой чертой». В письме говорилось, что все пришли к выводу, что российские СМИ их, мягко говоря, несколько дезинформируют.

«Господи, это как же надо было запудрить мозги российскому народу, чтобы предполагать такое», – думал профессор. Он ведь общался в Союзе или с евреями, или с интеллигентными людьми, которые были более-менее в курсе дела.

В Иерусалиме в одной из центральных гостиниц была организована грандиозная выставка израильских инноваций специально для инвесторов – христиан-евангелистов, поддерживающих Израиль, у которых был в это время съезд в Израиле. Присутствовали евангелисты из США, Канады, многих европейских стран, Филиппин, Китая, Кореи, Бразилии, Австралии, Новой Зеландии и др. Профессор с Борей имели здесь небольшой стенд с рекламой их текущего проекта и провели некоторое количество встреч с потенциальными партнерами по новому проекту.

Коммент-эр: в мире насчитывается около 700 миллионов христиан-евангелистов. Они поддерживают Израиль, исходя из веры в то, что Бог принял еврейский народ обратно, как и предсказывали пророчества. И потому их долг поддержать это божественное решение дать дом для гонимого еврейского народа.

Гуманитарная помощь евангелистов составляет сорок миллиардов долларов в год – по всему миру. Особо большие бюджетные средства выделяются на помощь алие. Среди других встреч состоялись переговоры с двумя братьями-французами Ивом и Жаком из маленького городка Розулт вблизи от бельгийской границы, которые имели в Розулте предприятие по освидетельствованию и ремонту газовых баллонов высокого давления. Братья с интересом ознакомились с новым газовым проектом и попросили Игоря сделать предложение в письменной форме и представить им на рассмотрение. Они заверили его и

Борю, что если им проект понравится, то не будет никакой проблемы вложить пятьдесят тысяч долларов.

Тем временем Лев переговорил со своим американским приятелем и директором ашкелонской теплицы, и, таким образом, контуры проекта как бы сложились. Осталось дожидаться тихой смерти текущего проекта и подачи документов на новый проект. Обе процедуры прошли штатно, без приключений. И Игорь с Барухом и Вадимом разместились в просторном помещении хамамы в южной промзоне Ашкелона. Поскольку ездить каждый день было сложновато, то приятели сняли в Ашкелоне на троих трехкомнатную квартиру, где у профессора была отдельная комната. Поскольку проект как бы шел под патронажем Льва, то директор хамамы – веселый красивый магриб – не настаивал на немедленных гарантиях по внесению пятидесяти тысяч долларов. Вообще, будучи посаженным в свое кресло местными властями (муниципалитетом и ашкелонскими бизнесменами), он относился к центральной власти (Управлению теплиц во главе с Пниной Дор) без особого пиетета.

Прежде всего, следовало закрыть вопрос с французами, и профессор решил, что проще всего это можно будет сделать путем путешествия с ними в Минск и демонстрации того, что уже есть там. Однако рисковать он не мог и для начала полетел в Белоруссию один для предварительного изучения.

Профессор прилетел в Минск и устроился жить в гостинице «Академическая» рядом с комплексом зданий Академии наук, где забронировал ему номер Леонард Леонтьев. Шел второй срок правления «батьки» Лукашенко, и было интересно наблюдать и сравнивать жизнь в Белоруссии и послеельцинской России. Не успел профессор даже раздеться, как зазвонил телефон – приятный женский голос спрашивал профессора, не нужна ли ему девушка. Пока профессор раздевался и открывал чемодан, звонок повторился, и ему снова предложили девушку.

– Вы же только что звонили, – начал протестовать профессор.

– Ничего подобного, я звоню первый раз.

Игорь вслушался в приятный женский голос и понял, что это действительно другой голос. Тогда до него дошло: это конкурирующая фирма.

Было начало марта, и температура на улице стояла близко к минус десяти градусам с холодным ветром, а профессор прилетел из Израиля вообще без головного убора. Он решил добежать до станции метро и оттуда проехать до большого универмага, расположенного прямо над станцией метро. Когда он стоял уже в дверях, ему в третий раз предложили девушку Спустившись к

администратору гостиницы – даме лет сорока пяти со стандартной для ее профессии внешностью, Игорь заметил ей:

– Вы что, по прибытии клиента-постояльца немедленно оповещаете сразу несколько агентств по поставке женщин? Наладили бы мало-мальскую координацию. И потом, не надо же это делать мгновенно, пока гость еще не поселился. У меня к вам просьба – мне не нужна девушка, избавьте меня от подобных звонков.

Администратор активно отнекивалась от причастности к подобной деятельности, однако звонки прекратились.

Метро исправно работало, и профессор быстро доехал до универмага. Интерьер советского времени сохранился (профессор много раз раньше бывал в Минске), однако прежнего блеска уже не было: выщербленные ступеньки гранитных лестниц, тусклая низкокачественная краска на стенах, облезлый лак на перилах… но чистота и порядок сохранялись. Игорь заметил эту картину во многих местах: трещины в стареньких троллейбусах и трамваях аккуратно подварены и закрашены, порванные сиденья залатаны, на домах аккуратные заплаты из штукатурки, выбоины на дорогах и улицах заасфальтированы – в общем, что называется, бедненько, но чистенько. Игорь вспомнил разруху в Санкт-Петербурге пару лет назад и подумал: «Молодец Лукашенко». В универмаге его тоже ожидали некие полезные, с его точки зрения, новшества. Интерьер магазина был условно разбит на три зоны. Первая зона – это зарубежные товары по ценам, эквивалентным российским ценам на подобные вещи: приемники «Панасоник» и «Сони», холодильники «Шарп», часы «Ситизен», одежда от Армани и т. п. Вторая зона – это товары белорусского производства. Игорь увидел тут очень неплохие приемники, часы, холодильники, одежду и прочее, сделанное в Белоруссии, по весьма низким ценам. И, наконец, в третьей зоне продавались товары для недостаточно обеспеченных людей, включая местные и российские дешевые изделия, некондицию зарубежных фирм и т. д. Он немедленно отправился в зону для бедных и купил себе кожаную шапку на меху – своего очень большого, 60-го размера, которую носил потом много лет при поездках в северные страны.

Встречи с Леонтьевым и его коллегами, а также состояние лабораторий привели Игоря в хорошее расположение духа. Центр Минска, практически полностью выстроенный в первые послевоенные годы, отличала сталинская архитектура и добротность. Конечно, такие же качества были присущи зданиям академических институтов. Дух классики и добротности сказывался во всем: огромные лаборатории, большущие стенды, камеральные помещения и даже коридоры носили отпечаток

сталинского ампира. Конечно, всё это находилось в относительно запущенном состоянии, но впечатление производило серьезное. Леонтьев достиг больших успехов, но распад СССР остановил практически все фундаментальные исследования, и лаборатория Леонарда перешла на «ширпотребные» поделки. Стороны договорились о сотрудничестве и о приезде в Минск в ближайшее время делегации из братьев-французов, американского псевдоруководителя проекта и Баруха Лисянского. Сказано – сделано, и спустя две недели делегация в вышеуказанном составе появилась в Минске. Игорь также поселился в «Академической», а остальная компания разместилась в новой многоэтажке возле Дворца спорта. Гости остались удовлетворены увиденным, и французы тут же дали согласие на внесение требуемых пятидесяти тысяч долларов. Пазл сложился.

Случилось так, что во время пребывания делегации в Минске состоялась встреча сотрудников Академии наук с президентом Лукашенко. Леонард достал Игорю пригласительный билет на встречу – остальным членам делегации, как иностранцам, вход запретили, а у профессора был российский паспорт. Игорь шел на встречу с Лукашенко с большим интересом, поскольку тот был в то время, да и остается сейчас, историческим и социальным раритетом. Его называли последним диктатором Европы, а он убедительно побеждал на демократических выборах. В Израиле все русские думали, что Лукашенко поддерживает одна белорусская деревня, а во время поездки в разговорах с академическим людом стало понятно, что это ошибочная точка зрения. После встречи многое стало Игорю понятно. Лукашенко оказался превосходным оратором и талантливым демагогом. Он идеально подходил к образу президента из народа, как по содержанию своих речей, так и по их стилистике. Поскольку в данном случае он встречался с образованной и интеллигентной частью народа, наиболее сильно пострадавшей от распада СССР, он направил все усилия на демонстрацию сожаления о разрушении прежней системы и призыв сохранить ее лучшие основные элементы.

– Вы хотите демократии как в России? – вопрошал он. – Пожалуйста, сейчас закроем половину заводов и почти все исследовательские институты.

Зал кричал:

– Нет!

Надо сказать, что всех этих российских «прелестей» в Белоруссии не было – заводы все работали, ни один институт не был закрыт. Не было и вопиющего расслоения, как в России, и огромных состояний, наворованных дельцами и чиновниками.

Говорил Лукашенко простыми, понятными словами с подкупающей искренностью.

В конце пребывания французы решили организовать небольшой банкет и попросили Игоря заняться организацией. Погода стояла отвратительная, идти никуда не хотелось, и вдруг Игорь из окна своего номера в гостинице увидел, что на другой стороне широченного проспекта имеет быть ресторан «Версаль». Он перешел улицу, вошел во внутреннее помещение и был приятно удивлен. Ресторан был декорирован во французском стиле – в середине зала была установлена подсвеченная Эйфелева башня, на стенах красовались виды Парижа и Лазурного берега, а местами виднелись французские гобелены. В динамиках тихонько пел Азнавур.

На следующий день произошел эпизод, относиться к которому нужно было двояко. Официантка, услышав, как Игорь, с трудом справляясь с некоторыми названиями, переводит гостям меню на английский, спросила его:

– А на каком языке, вообще-то, говорят ваши гости?

– На французском, вестимо, – ответил Игорь.

– Тогда не трудитесь, я говорю по-французски, так же как и другие наши девочки.

И она начала диалог на французском с братьями, что привело их в восторг, и они рассыпали комплименты девушке.

Игорю же она объяснила:

– У нас работают выпускницы Белорусского института иностранных языков. Сейчас работы по специальности нет, а тут хотя бы что-то можно заработать.

Посетителей в ресторане было очень мало, и вокруг стола собралось несколько официанток во главе с их начальником, желающих попрактиковаться в языке при общении с живыми французами. Они наперебой ставили гостям Эдит Пиаф, Ива Монтана, Джо Дассена, Мирей Матье и другую французскую музыку.

Вся команда улетала в Москву вместе, и бравые белорусские таможенники устроили всем грандиозную проверку с потрошением чемоданов и досмотром портфелей.

– Ребята, ну что вы напрягаетесь, вы что, не видите, с кем имеете дело! Ну нет у нас контрабанды, наркотиков и валюты…

На что белобрысый капитан возразил:

– Да вы на себя посмотрите, паспорта-то у вас французские, американский, израильский, русский, и летите все вместе, да вы смахиваете на международную банду.

– Ну, если смахиваем, ищите!

Игорь с Борей вернулись в Израиль, и работа над проектом

пошла в полную силу. Кончилась спокойная жизнь, и опять каждый день надо было идти на бой. У проекта появился шанс выжить. Первой проблемой, которую пришлось преодолевать, оказалась невозможность достать в Израиле природный газ для индивидуального или промышленного использования. Газ в Израиле как бы был (например, поставляемый по трубам из Египта), но он четко поставлялся прямо на электростанции. Попытки организовать забор газа на одной из станций к успеху не привели, и решили делать пилотный образец во Франции. К тому времени сын профессора Ян был принят на работу в проект, и он с Вадимом отправился во Францию в Розулт, где их спонсоры имели солидную производственную и бытовую базу. Туда были отправлены компоненты новых баллонов, и была произведена их сборка. Также ребята купили подержанный пикап «Ситроен», уже приспособленный для работы с двумя видами топлива: бензином и природным газом. В скором времени они собрали опытную машину, у которой было два вида газовых баллонов: серийный с давлением 200 атмосфер и опытный с адсорбированным газом и давлением 30 атмосфер, и провели ее небольшие испытания. Система работала. Игорь прилетел в Розулт, покатался на опытном пикапчике, посмотрел результаты замеров и довольный вернулся в Израиль.

В Розулте у израильской команды часто возникали языковые трудности. Дело было в том, что из двух братьев хорошо английским владел старший Ив, но он жил далеко от завода, был занят другим бизнесом и приезжал крайне редко. Младший брат Жак говорил на английском гораздо хуже, и он далеко не всегда был на месте. Больше никто в окрестностях на английском не говорил, однако нашлась одна девушка, внучка бабушки-эмигрантки, переехавшей во Францию в 1918 году во время революции, которая немножко говорила на русском. Иногда приходилось прибегать к ее помощи.

Глава 7
Советские будни

В начале 1975 года Игорю позвонил директор института:

– Ты на месте? Зайди срочно ко мне.

Зайдя в директорский кабинет, Игорь увидел сидящего там худощавого человека с абсолютно незапоминающейся внешностью. По опыту профессор знал, что так выглядят либо партийные функционеры, либо немолодые сотрудники КГБ. Директор представил визитера только по имени: «Николай Иванович». Игорь подумал, что по-другому визитер просто не мог называться.

Посмотрев на Игоря, Николай Иванович без всяких предисловий сказал:

– Есть мнение направить вас на Кубу.

Формула «есть мнение» была уже в то время расхожей шуткой-пародией на стиль советской бюрократии, функционеры которой когда-то так предваряли свои заявления.

– О! – обрадовался Игорь – дядя-то с чувством юмора. – Я вас внимательно слушаю.

И Николай Иванович поведал весьма любопытную историю. Кубинцы хотели организовать что-то вроде трехмесячного семинара по всем видам наземных машин, включая автомобили, тракторы, дорожно-строительные машины, бронетанковую технику и мотоциклы для определенного круга слушателей. Предполагалось, что семинар будет организован в Университете Ориенте, находящемся в городе Сантьяго-де-Куба, в котором есть инженерный факультет. Круг слушателей, предположительно, включал студентов этого факультета, военных, полицейских, таможенников и руководителей крупных автохозяйств.

– Позвольте нескромный вопрос, – спросил Игорь. – А почему выбор пал на меня?

– Понимаете, в чем дело, специалистов, конечно, много, но круг вопросов уж очень широк… Мы обратились в ваш головной институт в Москве, и они решили, что именно вы обладаете таким набором знаний и такой эрудицией, чтобы удовлетворить поставленным условиям. Было еще дополнительное соображение: кубинская сторона просила, чтобы преподаватель также знал и английский язык и мог научить слушателей терминологии на английском.

– Когда надо ехать?

– Видимо, в конце мая – начале июня.

Всё это было немножко странно. Обычно в то время евреев старались за границу в длительные командировки не посылать: во-первых, такие поездки всегда были очень выгодным делом, и таким образом можно было устранить конкурентов под почти официальным прикрытием, а во-вторых, основная масса командировок такого рода была в мусульманские страны, куда не посылать евреев сам Бог велел.

«Да, тут, видно, некуда было деваться».

Игорь правда не знал кандидатуры, которая могла бы справиться с поставленной задачей лучше него.

– Ок, я не возражаю.

Шел 1975 год, шестнадцать лет прошло со времени кубинской революции, которая была встречена в СССР с огромным энтузиазмом. Игорь учился на первом курсе, когда 8 января 1959 года ликующая Гавана встречала караван повстанцев, прибывший из Сантьяго-де-Куба во главе с Ф. Кастро. Игорь, как и вся тогдашняя молодежь, с огромным удовольствием слушал популярнейшую песню тех лет «Куба – любовь моя», которую исполнял Иосиф Кобзон с приклеенной бородой, подражая «барбудос» – «бородачам» Кастро. Хрущевская оттепель прошла, и советскую интеллигенцию охватило разочарование. А тут вдруг кубинская революция, провозгласившая свободу и равенство, побеждает на Кубе безо всякого вмешательства извне, что дает советской интеллигенции сигнал, что не всё потеряно. Этим во многом объяснялся энтузиазм советских людей.

Конечно, 1975 год – не 1960, и кое-какие сведения от зарубежных «голосов» просачивались через советские «глушилки». А сведения эти полностью соответствовали пониманию сущности коммунистических диктатур. Кастро, придя к власти, начал жестоко расправляться со своими противниками по вполне советскому обряду. Но советские интеллектуалы считали, что степень несвободы была на Кубе много меньше, чем в СССР, и образ Кастро как-то не очень соответствовал облику советских вождей. Игорю предстоит ехать в город – колыбель кубинской революции, Сантьяго-де-Куба. Интернета тогда не было, и Игорь начал читать опубликованную литературу об истории Кубы и нынешней тамошней ситуации. Игорь ехал по линии Минвуза СССР, и в Москве ему выдали билеты туда и обратно от Москвы до Гаваны и от Гаваны до Сантьяго-де-Куба. В министерстве также сообщили, что его переводчиком и опекуном будет Эрнесто Роха, преподаватель университета, и встречать он будет его в Сантьяго.

– Тебе крупно повезло, – сказал министерский чиновник, – полетишь на ИЛ-62.

Дело было в том, что с марта 1975 года на Кубу полетели

новые самолеты ИЛ-62М через Франкфурт и Лиссабон.

Проблемой для Игоря стало перемещение на Кубу полного чемодана учебников по военной технике, которые он перевез к себе после смерти Гриши. Дело было в том, что на их обложках красовались надписи «Для служебного пользования», «Министерство обороны» и пр. Никаких секретов там не было, но таможня могла придраться к таким обложкам. Игорю пришлось договориться с переплетной мастерской о замене обложек, и он с чемоданом обновленных книг явился в аэропорт Шереметьево.

До аэропорта Хосе Марти добирались почти сутки. Там Игорь пересел на древний двухмоторный винтовой самолет авиакомпании «Кубана», происхождение которого профессор определить не смог, и через два с половиной часа он вышел в аэропорту Сантьяго-де-Куба. Эрнесто встречал его с плакатиком на русском языке. Он усадил Игоря в такси, вполне приличную «копейку» – «ВАЗ-2101 «Жигули», и повез в город, который находился всего в семи километрах от аэропорта. Эрнесто хорошо говорил на русском языке, поскольку окончил РИИГА – Рижский институт инженеров гражданской авиации.

Он рассказал Игорю, что Университет Ориенте – Сантьяго-де-Куба был основан в 1947 году и является крупнейшим после Гаванского университета вузом Кубы. Кроме того, в Гаванском университете нет инженерного факультета, а в Ориенте есть крупнейший на Кубе инженерный факультет, чем и объясняется его выбор для проведения семинара. По дороге коллеги проехали несколько поселков, застроенных маленькими домиками с плоской крышей. Что было интересно, так это то, что окна не были застеклены, а вместо стекол закрывались деревянными жалюзи. Эрнесто объяснил Игорю, что в больших многоэтажных домах иногда стекла есть, но они по большей части разбитые. По дороге Игорь увидел изрядное количество старинных американских автомобилей 1940-х, 1950-х годов – «форды», «кадиллаки», «понтиаки», «олдсмобили», «доджи», «паккарды», «плимуты», «бьюики», «шевроле», а также много «Волг», уазиков, «москвичей» и «жигулей», как потрепанных, так и в очень приличном состоянии. Обращало на себя внимание также большое количество велосипедистов. Эрнесто сказал, что музейных машин в Сантьяго много меньше, чем в Гаване, и здесь основная масса авто советские.

Он поведал Игорю, что зарплата обычного труженика составляет 15–20 долларов в месяц, что равняется примерно 375–500 обычных песо. Кубинское песо – местная валюта для кубинцев. В них выдают зарплату, продают товары в магазинах и продукты на рынках, билеты на транспорт и производят оплату

других услуг. Продукты и другие товары первой необходимости, такие как крупу, сахар, мыло и др., кубинцы получают по карточкам в специальных государственных лавках по низким субсидируемым ценам. Для иностранцев предусмотрена иная валюта, в народе она называется «кук». Покупка билетов на достопримечательности, на все виды транспорта, оплата счетов в ресторанах и кафе, покупки производятся в туристических зонах лишь за куки. Чем дальше от мест, где водятся иностранцы, тем больше шансов воспользоваться кубинскими песо. Кук примерно равен 25 песо или одному доллару.

Эрнесто привез Игоря в довольно пустынный район и ввел его в одноэтажный бетонный дом с плоской крышей. В доме находились три большие комнаты, в каждой из которой был туалет с душем и маленькая кухонька. Игоря он поселил в одной из комнат, где был установлен древний кондиционер американского производства, который, по всей вероятности, собирал лично Кэрье (американский инженер, которого называют отцом кондиционирования воздуха, патент получил в 1906 году). Однако кондиционер работал и даже охлаждал комнату. Игорь с благодарностью вспоминал Эрнесто, поскольку жара в Сантьяго стояла несусветная.

Также в комнате стояла огромная кровать с «москитеро» – большой марлевой сеткой, от комаров и мошек. Горячая вода на Кубе была не в моде, и душ снабжался относительно теплой водой, нагретой от солнца в большом бетонном кубе на крыше. Ни солнечных, ни электрических бойлеров не было. Из другой мебели присутствовали два стула, письменный стол, обеденный круглый стол и платяной шкаф с резными дверцами. К радости Игоря, он обнаружил даже маленький холодильник. Игорь включил шнур в розетку, и холодильник негромко заурчал.

Эрнесто дал Игорю несколько первых наставлений, включая совет избегать прогулок в ночное время по тотально неосвещенным улицам и внимательно смотреть за своими карманами. Также он посоветовал избегать какого-либо общения на улице с местным населением, поскольку такое общение будет направлено с их стороны исключительно на обман и наживу Также он предостерег Игоря от употребления воды из-под крана. Хотя она хлорируется, пить воду из-под крана небезопасно. Надо пить только минеральную воду, разлитую по бутылкам.

– Тут в двух шагах есть что-то вроде кафе, проголодаетесь – можете зайти, немножко денег я вам сейчас дам. Завтра получите зарплату и рассчитаетесь. Кстати, если у вас будут деньги, не носите с собой много, только то, что необходимо на текущий момент. Завтра поедем в университет, и я покажу вам, где можно

недорого питаться, – сказал он и удалился.

Ближе к вечеру Игорь отправился в ближайшее кафе, которое располагалось в таком же бетонном доме, что и квартира Игоря, но побольше. В этом же доме находился магазин, в котором скудный выбор продуктов перемешивался с промтоварами. Магазин почти ничем не отличался от своего деревенского собрата в Челябинской области. В кафе Игорь заказал себе сэндвич с жареной свининой, ветчиной, сыром и маринованными огурцами. Запил он это блюдо крепким кубинским кофе, очень ароматным и приятным на вкус. Вернувшись домой, профессор свалился замертво под москитной сеткой и проспал до утра. Разбудил его уже утром Эрнесто, который зашел за ним часов в десять. Они зашли в то же кафе, где профессор съел какую-то запеканку из перетертого банана и выпил чашку прекрасного кофе. Затем коллеги двинулись пешком в университетский кампус, в котором находились все одиннадцать факультетов университета. Идти было довольно далеко, и Игорь посетовал на это кубинцу.

– Знаете что, думаю, приобретение велосипеда для вас будет лучшим решением. А будете уезжать, продадим сей аппарат. Вы умеете ездить на велосипеде? У нас миллионы кубинцев пользуются велосипедами, и есть много пунктов по их прокату. Если будем брать у кубинцев, то можно взять напрокат за доллар в день, а может, и купим что-нибудь подходящее долларов за сто.

– Доложу я вам, коллега, что в молодости я был раллийным автогонщиком, а в юности – велогонщиком. Думаю, что навыки остались.

Группа учащихся Игоря насчитывала около сорока человек, из которых три были женщины.

Еще дома Игорь заготовил следующую процедуру, с предложением которой он и обратился к аудитории:

– Давайте начало нашей деятельности полностью посвятим знакомству, но не только и не столько личному, а профессиональному Заготовим матрицу – таблицу – я на доске, а вы в тетрадях. По вертикали отложим ваши фамилии и род занятий, а по горизонтали тематику: теория и расчет, конструкция, испытания, а внутри этих колонок – автомобили, тракторы, танки и пр. Мы с вами напротив каждой фамилии очертим круг ваших интересов. Если вы не найдете в матрице интересную вам тематику, мы ее добавим напротив вашей фамилии.

Игорь обратился к пожилому кубинцу, сидящему за первым столом, Эрнесто переводил.

– Я Карлос Гарсия, капитан РВС[29], меня интересует, как

увеличить долговечность и надежность работы боевых и других машин в условиях такого влажного климата, как наш. Из общих вопросов меня интересует теория, расчеты и конструкция плавающей бронетехники.

– Следующий.

– Я Рауль Гонзалес, директор авторемонтного завода, меня интересует, как подбирать двигатели и трансмиссии от одних автомобилей к другим.

Игорь беседовал таким образом со слушателями до обеда. И ему самому, и слушателям самим было очень интересно – Игорь получал бесценную информацию, как построить интересный и полезный для слушателей курс лекций, а слушатели знакомились друг с другом, завязывали ростки будущих знакомств, узнавали, что происходит в стране. Матрицу изготовляли до обеда, после чего Эрнесто повел Игоря в столовую для профессорско-преподавательского состава, а затем в бухгалтерию, где на Игоря был открыт счет. Получать он должен был 800 песо в месяц, из которых 250 были куки. Затем коллеги отправились в уличную велосипедную мастерскую-магазин, где за 120 куков купили велосипед с переключаемыми скоростями. Владелец магазина клялся и божился, что берет на себя весь мелкий сервис этого аппарата в течение трех месяцев, а потом выкупит велосипед обратно. Игорь взял у хозяина немного солидола и пузырек жидкого машинного масла и отправился на велосипеде домой. Дома он разобрал машину на части, прочистил все механизмы, которые оказались, как и ожидалось, несмазанными и нечищеными, смазал их и отрегулировал.

Назавтра началась его повседневная рутинная трудовая деятельность. Его отношения со слушателями складывались отлично. Кубинцы – народ жизнерадостный и очень общительный, при этом многие из них люди остроумные, насмешливые и любящие посмеяться сами над собой. Они с радостью восприняли общение с шутливым преподавателем, который ко всему рассказывал им советские, близкие им по духу анекдоты. Началось всё с того, что Игорь по случаю рассказал им анекдот про то, как один офицер пришел на пост проверять солдата-часового. По приходе он спросил:

– Происшествия были?

– Так точно, были, приходила одна девушка.

– Я надеюсь, что ты ее игнорировал.

– Так точно, два раза!

Занятия строились по принципу диалога. Слушатели по ходу задавали самые разнообразные вопросы, и Игорь старался на них отвечать или обещал вставить ответы дальше в канву лекций. Так

пролетела первая шестидневная рабочая неделя.

Игорь очень устал и решил в воскресенье побыть дома – никуда не выходить. Очень осложняло домашнюю жизнь то, что на Кубе были запрещены электроплитки, электрочайники и приходилось пользоваться примусом. Этот замечательный аппарат остался ему в наследство от предыдущих жильцов. Игорь во время своего военного и послевоенного детства, конечно, видел примус, но по малолетству его близко к нему не подпускали. Он рассмотрел оставленный ему аппарат, но в нем не оказалось керосина. Делать было нечего, и Игорь поплелся с утра на голодный желудок в их сельпо в надежде купить керосин или зайти в кафе. По дороге был атакован двумя пешими шоколадными красотками, из которых одна постарше была, видимо, администратором, а другая – боевой единицей.

Эрнесто, конечно, уже успел прочесть лекцию Игорю о кубинских дамах, из которой можно было понять следующее:

– Долгие годы положения Кубы как американского увеселительного заведения сформировали довольно устойчивую психологию населения, говорящую, что жить на подаяние, играть в азартные игры, заниматься проституцией и тому подобное совсем не позорно. Например, перед революцией на Кубе насчитывалось сто тысяч проституток, а двадцать тысяч человек были заняты в игорном бизнесе. Поэтому многие кубинские дамы относятся к сексу за деньги как к легкой и приятной работе с хорошей оплатой. Для кубинки переспать с кем-либо за 20–40 песо дело обыденное. А вы относительно молодой и симпатичный одинокий иностранец, и вам могут дать вообще практически бесплатно – за пару бокалов рома. При этом имейте в виду, что у нас проституция официально запрещена и девушки часто ходят в сопровождении своих старших родственниц или братьев или мужей, которые зазывают клиентов. У нас, правда, не Гавана, но и тут по домам ходят коллективы, предлагающие услуги, или подъезжают к вам на улице на велосипедах, приглашая к себе в жилище. Кроме того, после революции в Аргентине были закуплены несколько десятков тысяч такси, и многие проститутки были трудоустроены водителями. При посадке в такое такси вам также могут предложить комбинированный сервис. Имейте в виду, такие такси обычно покрашены в желтый цвет.

Шоколадки начали тащить Игоря за рукав к его дому (видимо, они были хорошо осведомлены о том, где он живет, и о том, что он живет один). У старшей еще сохранились американские навыки, и она начала говорить Игорю: «Чип, вери гуд, бьютифул»[30].

В подкрепление своих действий младшая достала из сумочки

презерватив и начала показывать его Игорю, видимо намекая на безопасный секс с ней. Игорь с трудом отбился от дам и зашел в магазин. Керосина он там не нашел, зато в кафе съел приличный омлет с пряным соусом, на местном наречии «хуэвос хабанерос», и выпил традиционную чашку хорошего кофе. На ужин он прикупил каких-то изделий из жареных бананов и отправился домой отсыпаться, опасливо поглядывая по сторонам. На следующий день Игорь поведал о своем приключении с кубинскими дамами, после чего Эрнесто заявил ему, что дальше так жить нельзя.

– Я знаю, что надо делать, – тебе нужна постоянная женщина. Это решит множество вопросов, не буду даже перечислять – сам хорошо понимаешь. И я даже знаю такую женщину. Сегодня же тебе ее покажу во время обеда, она работает в библиотеке в архиве, это в центральном корпусе университета. К тому же она вполне сносно говорит на русском. Платить ей придется немного – тебя это не разорит, и в накладе не останешься. Зовут ее Росита, по-русски Роза. Кстати, ты ведь всё равно собирался в архив, так она тебе там поможет.

Во время обеда Игорь с Эрнесто отправились в архив на смотрины. Росита оказалась очень светлой (кофе с большим количеством молока) мулаткой с роскошными длинными черными волосами, сложенными вдвое и заколотыми заколкой, видимо, из черепахи. Особой красотой она не блистала, хотя лицо у нее было почти европейское, но вот фигура была просто идеальной. Просто точеная статуэтка с оптимальными параметрами, как Игорь сказал Эрнесто. По-русски она говорила со смешным мягким акцентом, как девушка из какой-нибудь Полтавы.

Эрнесто не стал прибегать к церемониям и просто сказал:

– Я бы на вашем месте пошел вместе пообедать, а потом зашел в наш бар в центральном корпусе.

Отчего же было не последовать разумному совету бывалого человека. Росита рассказала Игорю, что она местная, родом из Сантьяго, закончила тут же университет, факультет гуманитарных наук, проработала три года учительницей в школе, а теперь вот заведует архивом. На Кубе высшее образование бесплатное. В любой вуз необходимо сдавать математику, историю Кубы, испанский язык, и всё. Для иностранных студентов есть возможность учиться в университетах страны только на платной основе. Кроме испанского и русского Росита знала французский, она была раньше замужем и у нее двое детей: мальчик пяти лет и трехлетняя девочка, мужа нет, живет с родителями-пенсионерами, мальчик ходит в детский сад, а за

девочкой смотрят бабушка и дедушка. Как вычислил Игорь, Росите должно было быть лет двадцать шесть – двадцать семь. На Кубе сочетаются браком рано и разводятся в случае надобности за полчаса.

– Ну, если у нас всё физиологически сложится, то лучшей кандидатуры мне не найти, – сказал Игорь Эрнесто.

– А ты что, думаешь, я это всё не просчитал изначально?.. И как говорят в России: с тебя бутылка, и не рома!

У Игоря с Роситой получился отличный секс, и они начали встречаться на регулярной основе. Жизнь в маленьких пространствах имеет свои прелести, и больше никто Игоря не донимал. Игорь дал Росите сразу двести песо и старался баловать ее маленькими подарками. Жила она далеко, ездила на работу на велосипеде. Но иногда Игорь отправлял ее домой на такси, а велосипед оставлял у себя. Росита помогла Игорю заменить его примус на небольшую газовую плитку с малогабаритным пропановым баллоном.

В следующее воскресенье Игорь с Роситой отправились на велосипедах на пляж Сибоней в двадцати километрах от Сантьяго-де-Куба. Рядом с пляжем находился одноименный поселок городского типа. Оставив велосипеды на специальной стоянке, наша парочка расположилась на песке у самого моря. Невзирая на довольно большое количество народа, и пляж и вода в море были чистыми. Несколько напрягало отсутствие кабинок для переодевания, но разве в Гудаутах, куда Игорь часто ездил отдыхать, они были? По дороге на пляж Росита провезла Игоря по городку, где обратила его внимание на две вещи. Первая – это развоз молока по домам, причем несмотря на воскресный день. Росита объяснила Игорю, что на каждого ребенка до двенадцати лет и пожилого человека после шестидесяти лет по символической цене выдают два литра молока в день, которые привозит специальный грузовик и посыльный оставляет две литровые бутылки возле дверей.

Вторая – это так называемые «Каса де висита»[31], представляющие собой маленькую гостиницу, на вывеске которой были изображены два сердца. В такой гостинице заинтересованные пары могли снять комнату всего на несколько часов или на ночь. Стоит всё удовольствие от трех до десяти куков. Правда, иногда комфортом номера не отличаются, особенно по части звукопроницаемости.

– Росита, это же гениально, это надо внедрить в СССР!

Росита скептически улыбнулась:

– Вот видишь, не всё мы у вас заимствуем, вы тоже можете чему-то научиться! А что, кстати, в отель в России нельзя пойти?

– Ты зря смеешься, у нас это грандиозная проблема. Во-первых, в СССР существует тотальный и перманентный дефицит гостиниц, а во-вторых, официально неженатую пару ни в какую советскую гостиницу и близко не пустят. Потом, не забывай, проблема усугубляется тем, что в большинстве районов в СССР большую часть года холодно и под кустом, как у вас, не полежишь. Ну, просто здорово!

На пляже Игорь с Роситой принялись рассуждать о мнении, которое профессор слышал в Союзе, что на Кубе необычайно много красивых девушек.

– Понимаешь, в чем дело. Как к этому подходить. Сорок процентов населения на Кубе чернокожие. А здесь, в нашей провинции, еще больше. Вот посмотри вокруг, кажутся они тебе красивыми?

– Боюсь, что нет!

– Поехали дальше, двадцать процентов чисто белые – испанки. В среднем они самые обычные, среди них бывают красивые девушки, но, как правило, очень молодые, совсем юного возраста. Они очень рано стареют. И, наконец, мулатки. Вот среди них красивых женщин много.

– Ты хвастаешься?

– Нисколько. Вот посмотри вокруг, разве неправда? Чуть ли не половина хорошенькие! А фигуры! У нас в ходу такая шутка, что единственное доброе дело, которое сделали испанские колонизаторы, – это выращивание мулаток.

– Ох, – вздохнул Игорь, – да что уж тут далеко ходить…

На следующее воскресенье парочка запланировала экскурсию в центр города, что и было реализовано. Город был основан испанским конкистадором по имени Диего Веласкес в 1514 году и числился столицей испанской Кубы с 1522 по 1589 год. Первым градоначальником был покоритель Мексики Эрнан Кортес. Для начала Росита повела Игоря в резиденцию Веласкеса в особняке XVI века, построенном в стиле мудехар.

Дом конкистадора находится на площади Сеспедеса, рядом с нынешним муниципалитетом и городским кафедральным собором. Рядом расположена небольшая площадь Долорес с огромным памятником Франсиско Висенте Агильере. Кто это такой, Игорю понять было трудно, даже с помощью Роситы. Это был некий мулат, участник войн за освобождение Латинской Америки. На небольшом удалении от центра города виднелись казармы Монкада, которые 26 июля 1953 года атаковал Фидель Кастро. Эта дата отмечается на Кубе как общенациональный праздник, а сами казармы переоборудованы в школу и музей. Другой загородной достопримечательностью является крепость

Кастильо Сан-Педро-де-ла-Рока, в которой расположен Музей истории пиратства – как говорят, единственный в мире. Сантьяго-де-Куба – единственный город Кубы, которому был присвоен статус города-героя.

Днем Игорь с Роситой зашли в большой двухэтажный сарай-кафе пообедать. Их обслуживал невысокий пожилой белый официант, который для начала разразился длинной речью на испанском.

– Он спросил меня, кто ты, и, узнав, что русский, говорит о том, что вы спасли Кубу, хотя он не уверен, что операция «Анадырь» была правильным шагом.

– Откуда он знает кодовое слово «Анадырь»?

– Он давно работает в ресторане и обслуживал множество советских солдат и офицеров, которые много чего ему рассказали.

Коммент-эр: в конце мая 1962 года Президиумом ЦК КПСС и кубинским правительством был утвержден план «Анадырь» для защиты Кубы от американского вторжения. Дело было в том, что тогда подавляющее большинство советских стратегических ракет доставали только до Западной Европы, а до США в 1962 году могли долететь только межконтинентальные ракеты Р-7 (а их было очень мало). Согласно плану, на острове сосредоточились 44 тысячи военнослужащих, 40 пусковых установок баллистических ракет средней дальности Р-12 и Р-14, два полка крылатых ракет по восемь пусковых установок в каждом и к ним 80 ракет в ядерном исполнении, а также три дивизиона тактических ракет «Луна» и бомбардировщики ИЛ-28 с соответствующим комплектом атомных бомб. Семь дизельных подводных лодок, вооруженных ракетами и торпедами с атомными боеголовками, обеспечивали безопасность морских перевозок советских войск и военных грузов в Атлантике. Это вызвало Карибский кризис, поставивший мир на грань ядерной войны между двумя мировыми державами. Н. С. Хрущев и президент США Джон Кеннеди после сложных и тяжелых переговоров договорились о том, что советские ракеты будут выведены с Кубы в обмен на гарантии ненападения со стороны США и снятие карантина острова, а также обещание убрать американские ракеты из Турции и Европы.

После беседы с официантом Росита снова предупредила Игоря, что во избежание домогательств не надо обращать повышенное внимание на окружающих и тем более с ними общаться. Официант накормил парочку очень вкусным ахиако (свинина с овощами и пряностями) и принес им два бокала Anejo (самого выдержанного – семь лет выдержки – рома) стоимостью

восемь куков за бутылку От стейка из крокодила и черепахи Игорь категорически отказался.

– Поедем домой пораньше, поскольку улицы и дороги абсолютно не освещаются, будет кромешная тьма, а фар на наших велосипедах нет. Тут есть мошенники, которые могут в темноте броситься под колеса с целью сорвать материальную компенсацию за якобы полученные травмы.

– Слушай, а почему на острове почти отсутствует какой-либо водный транспорт – теплоходы, катера, лодки, яхты и прочее? Ведь как удобно передвигаться вдоль берега.

– А ты хочешь, чтобы все кубинцы погрузились в суда и смылись в Майами? Шучу, конечно. Кто хочет, и так находит варианты.

Совершенно потрясал Игоря повсеместный автомобильный музей на колесах. И Эрнесто, и Росита постоянно ругали Игоря за то, что он поминутно останавливался на улице и засовывал голову в окно припаркованного американского раритета. В конце концов он попросил одного из своих слушателей, работавшего в авторемонтной мастерской, устроить ему экскурсию в такую мастерскую. Эрнесто и еще пара студентов Игоря взялись его сопровождать. На такси приехали в деревеньку примерно в десяти километрах от Сантьяго. Как Игорю объяснили, она была местной столицей «черных механиков» – маленьких полуподпольных кустарных мастерских по ремонту машин.

Не обошлось без легкой конспирации:

– Кто вам рекомендовал? С кем вы договаривались?

Дело было в следующем. После революции, в 1959 году был введен запрет на коммерческие сделки с автомобилями, если они были произведены позже 1959 года. В итоге импорт новых авто из США и европейских стран на Кубу прекратился, поставлялись машины только из Советского Союза и в малом количестве из других соцстран. Парк машин на Кубе, соответственно, состоял из американских автомобилей выпуска 1940–1958 годов и советских машин 1960–1975 годов. Общее количество транспортных средств на Кубе составляло тогда порядка 600 тысяч автомобилей (население Кубы было около 10 миллионов, человек). Причем если для советских машин запчасти худо-бедно поступали и официальным путем, и привозились контрабандно кубинцами, бывающими в СССР, то импорт запчастей для «американцев» практически отсутствовал. Все вопросы решали «черные механики», искусство которых поражало воображение. Спасало то, что в те времена на автомобилях не было электроники и всё можно было сделать своими руками. «Черные механики» дожили до нынешних времен и теперь, правда, ремонтируют

американские автомобили 60—70-летней давности, а советские – 20—50-летней давности. Красят американские машины в ярчайшие цвета, отдавая предпочтение синему, зеленому и красному. Детали изготовляют любые, начиная от карбюратора и тормозных цилиндров и кончая кузовными – крыльями, дверцами, крышками капота или багажника. Технологическое оборудование самое примитивное: токарные станки, простые фрезерные станки… и набор молотков.

Самым популярным американцем на Кубе был Chevrolet, и для этих машин было разработано множество технических изысков. Игорю показали модель Chevy 1952 года выпуска с дизельным двигателем от липецкого трактора, коробкой передач от «Волги», задним мостом от «Москвича». Прелесть была в том, что кубинцам достались автомобили золотого века американского автомобилестроения, когда горючее стоило ничтожно мало и производились огромные легковушки, на которые не жалели железа. Кубинцы охотно используют дизели, поскольку стоимость солярки на Кубе в два раза ниже стоимости бензина. Важную роль сыграло то, что подавляющее большинство американских автомобилей имело рамную конструкцию. И в этом случае произошло забавное совпадение интересов величайшей автомобильной индустрии мира и кубинских «черных механиков». Американский автомобильный золотой век характеризовался частой сменой моделей машин, а рама позволяла легко менять кузова и многие агрегаты, оставляя кузов нетронутым. У кубинцев была такая же задача: заменять узлы и агрегаты и ездить с гнилым кузовом.

Из восточно-европейских машин очень популярен был польский Fiat-126 с двухцилиндровым двигателем объемом 0,7 литра и малым расходом топлива. Большинство советских машин носили следы «родной» краски и хотя снаружи выглядели довольно ободранными, но имели приличное техническое состояние. Самое большое впечатление на Игоря произвел самодельный стартер для запуска ремонтируемых моторов, который приводился в движение гирей, сбрасываемой с высоких деревянных козел. Ремонт автомобилей был разрешен, а вот торговля запчастями запрещена, поэтому деятельность «черных механиков» была как бы полулегальна, однако власти смотрели на это сквозь пальцы.

Профессор за свою жизнь побывал на множестве автомобильных, тракторных и танковых заводов в СССР и других странах, но таких ярких впечатлений уже больше никогда не получал. Эрнесто никак не разделял эмоций Игоря: «Ну, подумаешь, экая невидаль, сидят мужики и делают месяц

карбюратор с помощью напильника и дрели – нормально…»

Весьма любопытно было услышать отзывы «черных механиков» об отдельных советских машинах. Из грузовиков кубинцы высоко оценивали ЗИЛы – они ломались крайне редко, хорошо относились к КрАЗам. А вот отношение к легковым машинам Игоря несколько удивило. После появления «Жигулей» автомобили «Москвич» считались в СССР хламом, а вот кубинцы ставили эти марки на одну доску. Возможно, тут играет роль их менее сложная конструкция и большая ремонтопригодность.

На следующий день Игорь поделился своими впечатлениями со слушателями и провел с ними занятие по теории наземных машин, показывая, как надо подбирать и рассчитывать двигатели и трансмиссии при самодеятельном ремонте машин. После этого один из слушателей Игоря, который носил форму капитана Революционных вооруженных сил (РВС) Кубы, подошел к Игорю и попросил о беседе. Капитан неплохо говорил по-русски, сказал, что его зовут Педро Гарсия и что он окончил Ульяновское высшее танковое командное училище в СССР. Он рассказал Игорю, что в провинции Сантьяго-де-Куба и прилегающих к ней других дислоцированы три бронетанковые дивизии Восточной армии, в которых идет работа по модернизации старой советской бронетанковой техники, и предложил организовать поездку в одну из дивизий с целью знакомства с этими работами. Главная цель проводимых армией мероприятий – это продление сроков эксплуатации основных компонентов советской боевой техники, годных к дальнейшему использованию.

Первое, что совершенно удивило и покорило Игоря, был пылящийся на свалке одной из дивизий танк MTLS-1GI4, произведенный для Голландской Ост-Индии (Индонезия) в 1942–1943 годах и оказавшийся в армии Батисты. Это был подлинный раритет. Показали Игорю и американский средний танк «Шерман М4А3Е 8», который поставлялся в армию Батисты. Игорю сказали, что на показанном ему танке Кастро въехал после победы в Гавану и этот эпизод можно видеть на банкноте в одно песо.

Из СССР уже в 1962 году кубинцам было поставлено около 350 единиц танков Т-34—85 и самоходных установок СУ-100, а также 50 тяжелых танков ИС-2М. К середине семидесятых годов РВС имели уже около 500 танков – от легких ПТ-76 до средних Т-62, сотни бронетранспортеров и БМП (боевых машин пехоты).

До кончины Советского Союза и прекращения военных поставок на Кубу было еще далеко, но кубинские умельцы уже работали над усовершенствованием поставленной им устаревшей советской техники времен Второй мировой войны. Игорь был крайне удивлен широким диапазоном местных изделий,

разработанных и внедренных в короткие сроки. Тут были и Т-34—85, переделанные в самоходные установки самых разных типов, тут были разные местные модификации БМП-1, включая истребитель танков с танковой пушкой и самоходную гаубицу и др., тут был миномет на базе БРДМ-2 (колесной боевой разведывательно-дозорной машины, начало выпуска – 1963 год), тут были колесные бронетранспортеры БТР-60ПБ с башенкой от БМП-1 и с собственной танковой пушкой, тут были БТР-60ПБ со срезанной крышей и спаренной зенитной установкой.

Кубинцы также разработали целое семейство самоходных орудий «Юпитер» на шасси армейского грузовика КрАЗ-255Б. Более того, они добрались до самого шасси, которое выполнили двухкабинным на манер ракетных тягачей МАЗ-543. Всё сделанное казалось Игорю толковым и рациональным, и он был больше чем уверен, что никто не согласовывал все эти изыски с советскими изготовителями всей вышеуказанной базовой техники. Игорь был очарован молодыми кубинскими офицерами, их патриотизмом, их дружелюбием, общительностью, умением элегантно одеваться. И офицеры, и солдаты носили чистую, хорошо отглаженную форму зелено-оливкового цвета и начищенные ботинки.

После визита и бесед с танкистами Игорь начал понимать суть кубинского социализма. Социалистические идеи Кастро сформулировал, чтобы сохранить свой суверенитет. Тогда Куба была вынуждена принять коммунистическую идеологию и начать получать военную и материальную помощь от Советского Союза. И даже после этого кубинский социализм не имел аналогов в мире и отличался особым характером, сформированным в основном близостью к США (90 миль). Ключевым понятием на Кубе после победы революции была независимость. А единственным оплотом кубинского народа в противостоянии с США стала армия и военная элита. Фактически Кубой управляет армия, которая является единственной сильной и организованной структурой. В руках военных находится и оборона страны, и финансово-производственные активы государства. По дороге в дивизию Игорь видел большие территории с контурами производственных предприятий и сельскохозяйственными угодьями, на въезде в которые было написано: «Въезд запрещен. Производство и оборона».

При разговорах со многими кубинцами Игорь не слышал жалоб на бедность, а главная мысль выражалась советской частушкой: «С неба звездочка упала прямо милому в штаны, ничего, что всё сгорело, – лишь бы не было войны». С подобной ситуацией Игорь столкнулся уже много позже в Израиле, где

существовал культ армии, а единство, да что там единство, существование израильского народа обусловливалось исключительно наличием общего внешнего врага. Правда, на Кубе, в отличие от Израиля, Кастро опасался того, что влияние военных элит опасно для существования самого государства, и, например, в 1998 году, по обвинению в коррупции к смертной казни был приговорен ряд высокопоставленных генералов кубинских вооруженных сил. Но нельзя не заметить, что важную роль в оригинальности кубинского строя сыграла личность Кастро, который никогда и никем не был обвинен в коррупции.

Оставшееся время пролетело мгновенно, и Игорь начал собираться домой. Он оставил Росите велосипед, газовую плитку с баллоном, подарок для отца – советские часы «Секунда» с автоматическим заводом (Игорь привез их как запасные) и все неконвертируемые песо.

Эрнесто отвез его на такси в аэропорт и отправил на том же музейном самолете в Гавану. В Гаване у Игоря образовался большой, восьмичасовой перерыв между рейсами, он сдал чемодан в камеру хранения и поехал в город. Здесь масштабы были уже совсем другие в сравнении с Сантьяго. Игорь прошелся по бульвару Прадо со множеством отелей, кафе и живописных колониальных домов с внутренними двориками, галереями и балконами, посмотрел под Гаваной символ кубинской революции – яхту «Гранма», побывал в нескольких костелах с прекрасными витражами, посмотрел пляж Санта-Мария. Надо сказать, что во время революции не была закрыта ни одна церковь и проявлялось уважение ко всем религиям. Обращало на себя внимание большое число праздно шатающихся по улицам людей: они сидели на ступеньках, на стульях, вынесенных из домов, или просто стояли, прислонившись к стенам.

Долетели до Москвы без приключений. Утром Игорь был в Шереметьево, переехал оттуда в Домодедово и вылетел в Челябинск. Поездка очень расширила кругозор Игоря и, несомненно, повлияла на его мировоззрение. Позже на полученные сертификаты они купили кассетный магнитофон «Шарп», несколько пар туфель Дане, ей же – английский купальник, отрез на платье и кое-какую бижутерию.

По возвращении превратности судьбы толкнули профессора в Союзе на участие в технико-политической игре, которая могла плохо для него кончиться. Дело в том, что в качестве объекта производства на Чебоксарском тракторном заводе изначально рассматривались три варианта: семейство промышленных тракторов с двигателями мощностью 220, 330 и 500 лошадиных сил, разработанное «гражданским» КБ ЧТЗ, и примерно такие же –

семейства тракторов японской фирмы «Комацу» и американской фирмы «Катерпиллер».

Еще на стадии проектирования новая нетипичная компоновка челябинских машин вызывала много вопросов. Кабина трактора была вынесена вперед и установлена сразу за бульдозерным отвалом, в то время как двигатель и прицепной рыхлитель устанавливались сзади. При работе бульдозера грунт и особенно скальная порода пересыпались через отвал и ломали стекло кабины. При рыхлении водитель не видел стойку рыхлителя, что резко осложняло управление. Проектную документацию видит обычно довольно узкий круг специалистов, среди которых мнения разделились. Одна, наиболее многочисленная группа поддерживала ЧТЗ, другая понимала ущербность предлагаемого решения, но молчала, «задавленная» авторитетом завода, и только Игорь с Барановским осмеливались вслух критиковать заводское семейство и предлагать покупку лицензии на производство зарубежных тракторов, ссылаясь также при этом на опыт ВАЗа. Их всячески пытались сломать, и дело доходило до публичных обвинений в преклонении перед Западом, в полном соответствии с практикой сталинских времен.

Позже, когда профессор уже возглавлял испытания тракторов «Комацу» в Ереване и участвовал в испытаниях тракторов «Катерпиллер» в Якутии, их с Барановским уже прямо обвиняли в том, что они были «наемниками империализма». Олег, муж учительницы дочки профессора в музыкальной школе, был полковником КГБ и занимал важный пост в иерархии в Челябинской области. Когда как-то Игорь рассказал ему историю с обвинением в части «наемничества», то Олег, смеясь, сказал:

– Не обращай внимания, это мы решаем, кто тут наемник империализма, а кто нет. И отлично знаем, что тебя «купили» за модель трактора «Комацу», подаренную тебе на сорокалетие (эта модель трактора до сих пор украшает кабинет профессора в Израиле), а Барановского – за маленькую фотокамеру «Олимпус». Ну очень дешево! Будут еще болтать такое, скажи мне!

Сделать Игорь с Барановским ничего не могли, решение было принято в пользу ЧТЗ, и их практически отстранили от участия в любых исследованиях и испытаниях первого трактора семейства – Т-330 (остальные тракторы семейства – Т-220 и Т-550 – как-то тихо ушли из жизни к тому времени) и исключили из состава всех комиссий по этому трактору, чему Игорь был сам очень рад. Многие коллеги злорадствовали, что убрали конкурентов, и ожидали ордена и премии за постановку Т-330 на производство. За рубежом было куплено большое количество дорогостоящего технологического оборудования, включая несколько полностью

автоматизированных специализированных линий для изготовления рам, гусеничных тележек и пр., большая часть которого впоследствии была выброшена. Первый трактор-бульдозер Т-330 вышел из ворот завода в октябре 1975-го, и затем было организовано серийное производство. И вот тут ситуация начала меняться: потребители-эксплуатационники были фигурами независимыми, и жалобы потекли рекой. Всё, что предсказывали профессор с Барановским, имело быть. Доходило до того, что многие требовали сворачивания производства Т-330 в принципе. Поскольку лавина претензий не иссякала, заволновалось уже министерство.

Было принято решение разрабатывать на чебоксарском заводе новые тракторы классической компоновки, и к 1985 году была разработана концепция семейства промышленных тракторов классов 25, 35, 50 тонн, в чем профессор принимал самое активное участие. К концу 1980-х – началу 1990-х ЧЗПТ уже начал производство семейства новых тракторов и трубоукладчиков на их базе. Настало время искать виноватых. Профессор получил приглашение на коллегию министерства, где первый заместитель директора их головного института, который делал центральный доклад, во всеуслышание объявил главными виноватыми Гольда и Барановского.

Из зала раздавались крики:

– Как же так, как раз они же были против… Это вы виноваты!

– Мы искренне заблуждались, а вот они всё понимали и не проявили коммунистическую принципиальность и не настояли на своем!

В зале поднялся смех, раздавались шутливые крики: «Так они беспартийные!», «Ах, так вот в чем дело…» и т. п.

Крыть такую железную логику было нечем, и Игорь с Барановским отказались даже от выступлений. Коллегия единогласно приняла решение переходить на производство нового классического семейства ЧЗПТ. Были потеряны огромные деньги, виноватых не было – до «закрытия» социализма оставалось еще более десяти лет… Конечно, авторитет Игоря в профессиональных кругах значительно вырос и укрепился, что помогло ему позже и при защите докторской диссертации.

Вместо деятельности по Т-330 профессор очень активно начал работать над созданием промышленного трактора Т-800 (Т-75.01), проектирование которого было начато в 1979 году Главным специализированным конструкторским бюро № 2 ЧТЗ. Дело было в том, что это бюро специализировалось на создании бронетанковой техники (например, в нем была создана первая в мире боевая машина пехоты БМП-1 и танк Т-72) и, естественно,

не находилось под влиянием конструкторского бюро ЧТЗ по тракторам. Первый трактор Т-800 был собран в 1983 году, а всего было выпущено десять машин. На то время это был самый большой трактор-бульдозер в мире (мощность двигателя – 820 лошадиных сил, полная масса трактора с бульдозерно-рыхлительным оборудованием – 103 тонны), несколько позже появились более мощные тракторы-бульдозеры (так, фирма «Комацу» вышла на рынок с бульдозерами массой 153 тонны и мощностью двигателя 1150 лошадиных сил, а фирма «Катерпиллер» предложила трактор D11T/D11T CD с массой 113 тонн и мощностью двигателя 913 лошадиных сил).

На Т-800 был установлен двигатель, производимый турбомоторным заводом, расположенным в Екатеринбурге (тогда Свердловске), для карьерных самосвалов БелАЗ.

Движущей силой этого проекта послужила тогдашняя незанятость КБ № 2 новыми заданиями. В КБ работали классные специалисты, способные решать любые задачи, но опыта в конструировании землеройных машин у них не было. Игорь встречался с заместителем начальника КБ Григорием Васильевичем Пшеничниковым, назначенным ответственным за проект, чуть ли не каждый день и сопровождал его практически во всех поездках по стране: в Москву для согласования и утверждения технического задания, в Свердловск, Жодино, Волгоград для согласования установки двигателя, в Якутию и на Колыму для изучения опыта эксплуатации тяжелых машин и т. п. Пшеничников был много старше профессора и участвовал в Великой Отечественной войне. Т-800 был его лебединой песней, и он вкладывал в него всю душу и всё время. Особенно запомнилась Игорю их совместная поездка в Волгоград. Пшеничников двадцатилетним лейтенантом принимал участие в Сталинградской битве и показывал Игорю места наиболее ожесточенных боев, в которых он участвовал, и позиции советских и немецких войск. Вместе они совершили экскурсию на Мамаев курган. Игорь раньше не бывал в Волгограде, и его потрясло то, что город лежал на совершенно плоской равнине, вокруг города простиралась чистая степь, не было ни лощины, ни холмов, ни дерева, ни кустика.

– Григорий Васильевич, как можно было тут находиться, всё как на ладони, ведь всё простреливается со всех сторон, особенно спуск к Волге?

– А вот так и находились, вгрызались в землю!

Естественно, что лабораторные испытания первого образца проводило подразделение Игоря под его руководством.

Специализация подразделения, которым руководил Игорь,

предопределяла его участие в самых разнообразных советских проектах. Так, в 1971 году фирма «Комацу» создала первый в мире подводный трактор-бульдозер D155W, способный выполнять землеройные работы на морском, озерном и речном дне на глубине до семи метров. Использовали опыт применения оборудования для подводного вождения танков, одним из основных элементов которого является шноркель – труба для подачи воздуха в двигатель и отвода выхлопных газов. Управлялась машина дистанционно с надводного судна, водолазом или аквалангистом. Бульдозером заинтересовались советские военные строители. В середине 1970-х была закуплена одна машина, лабораторные испытания которой решили проводить на озере Чебаркуль. Вода в озере, как и во многих уральских озерах, была исключительно прозрачной, но Игорь боялся, что машина застрянет в вязком грунте. Поэтому ее на всякий случай привязали канатом к танку, стоящему на берегу с заведенным двигателем. Оператор сидел в лодке, плавающей над трактором. Первое погружение прошло успешно, и был организован полный цикл испытаний. На заключительном этапе на полигон прибыл представитель заказчика – майор морской пехоты, высокий, стройный плечистый красавец лет тридцати пяти. Обедала команда Игоря, как правило, в кафе для офицерского состава Гвардейской бронетанковой дивизии, дислоцированной вблизи города Чебаркуля. Когда бравый майор приезжал с испытателями в кафе обедать, к их столу выстраивалась очередь из самых хорошеньких официанток, наперебой желающих его обслужить.

– Слушай, майор, переводись сюда – нас всегда будут обслуживать вне очереди, – смеялся профессор.

Игорь ходил на полигоне в комбинезоне, берете и сапогах, и в другом виде майор его не видел. После окончания испытаний состоялся ученый совет, где Игорь выступал с докладом. На совет профессор пришел в своем лучшем финском костюме, элегантных туфлях, причесанный своим «придворным» парикмахером и надушенный болгарским парфюмом. Он сидел рядом с бравым «маринос», и тот бросал на него странные взгляды. Игорь не понимал, в чем дело, – оказывается, майор его не узнал, и только когда секретарь объявил выступление Игоря и тот встал, майор прошептал ему: «Так это вы?»

В институте Игоря разрабатывались системы дистанционного управления тракторами и другими машинами. Прежде всего, эти разработки были направлены на трелевочные тракторы для лесозаготовок, зачастую работающих в тяжелых и опасных условиях, и уже имелась пара опытных образцов таких тракторов

на базе машин Онежского тракторного завода. Возглавлял это направление молодой инженер-электронщик Володя Баранов. Он был очень способный и толковый специалист и большой умница. Но Володя слегка заикался и слыл среди коллег крайне строптивым и неуживчивым человеком. Работа его группы внутри более крупного подразделения, как правило, заканчивалась раздором с начальником этого подразделения и крупным скандалом, после чего его группу переводили в другое подразделение. Игорь был в прекрасных отношениях с Володей и отлично понимал причины его строптивости. Володя, будучи сам талантливым парнем, терпеть не мог администраторов-бездарей, уповающих на голое администрирование и отдающих ему бестолковые команды, не желая слушать какие-либо объяснения.

Как-то директор вызвал Игоря:

– Возьми ты, ради бога, к себе этого Баранова, он на днях был у меня и заявил, что работать будет только с тобой. Он считает, что ты его возьмешь.

– Да запросто. В принципе, у меня с ним нет никаких проблем. Давай я с ним поговорю, и потом можно будет писать приказ о переводе.

Профессор переговорил с Володей, общий язык у них был и раньше, сейчас они обсудили план и направление дальнейших работ, и через пару дней Баранов стал работать под началом профессора.

Кроме всего прочего, это оказалось весьма кстати, поскольку для скоростного бульдозирования, которым занимался в то время Игорь, при снятии зараженного радиацией верхнего слоя грунта планировалось применять автоматическое и дистанционное управление машинами.

В 1983 году в жизни Игоря произошло событие, которое для советских ученых тогда считалось эпохальным, – он защитил докторскую диссертацию. По тогдашним правилам в НИИ, вузах и на предприятиях соискателям докторской степени полагался полугодовой отпуск для оформления работы. Конечно, для получения такого отпуска нужно было одобрение ученого совета, который удостоверялся, что материала у соискателя достаточно, этот материал нужного качества и остается только всё оформить надлежащим образом. Игорь оформил отпуск и приступил к работе. Персональных компьютеров тогда в обиходе не было, да и не было практики их использования для целей написания каких-либо трудов. Использовался метод Реклея. Поскольку большинство страниц писалось вручную, в результате появилась огромная рукопись, поднять которую нетренированному человеку было непросто. Эта рукопись перепечатывалась, и рождался уже

печатный черновик, в который монтировались рисунки и вписывались формулы.

После редактирования этого черновика он перепечатывался набело.

Рисунки делались на миллиметровке, а затем копировались тушью на кальку, с которой делались ксерокопии. Всё это требовало большого труда и времени, и, конечно, профессор, как и все докторанты в те времена, широко использовал труд своих подчиненных и услуги оформительских подразделений в институте (для копирования на кальку, для ксерокопирования, печатания фотографий и т. п.). Согласно правилам ВАКа, на странице допускалось не более двух исправлений, которые делались следующим методом: на отдельной странице печаталась требуемая буква или цифра, затем она вырезалась ножницами и наклеивалась на место ошибочной буквы или цифры. Легко вообразить трудоемкость и аккуратность, которой требовала эта работа. Профессор не мог постоянно использовать служебные пишущие машинки – их было не так много, и они были часто заняты. Хорошо было бы иметь свою – в те времена пишущие машинки уже появились в свободной продаже, но были большим дефицитом. Через знакомых Игорь купил «Эрику» производства ГДР. Вторым дефицитом была хорошая бумага, которую тоже пришлось доставать по блату. Маленький кабинет Игоря у них в квартире был завален листами бумаги разного размера, рисунками, фотографиями, которые лежали на столе, на полу, на диванчике и не убирались месяцами. Жене и детям вход в комнату был запрещен. В целом Игорь в полгода уложился и вовремя представил рукопись к защите.

Дальше начался самый «нервотрепный» период в защите докторских. Надо было напечатать автореферат, размноженный на правах рукописи типографским способом объемом до двух печатных листов. Автореферат рассылался в различные компетентные учреждения и заводы для получения от них письменных отзывов. Иметь меньше десятка таких отзывов считалось неприличным. Надо было заручиться согласием на оппонирование в процессе защиты трех оппонентов, два из которых должны были быть докторами наук, а один кандидатом наук. Помимо трех официальных оппонентов надо было заручиться поддержкой и получить официальный письменный отзыв так называемой ведущей организации, в качестве которой должно быть реально значимое предприятие в данной области. В качестве такового в прикладных науках рекомендовалось соответствующее производственное предприятие. В отзыве ведущей организации, помимо отражения значимости для науки

полученных автором результатов, должны были содержаться конкретные оценки и рекомендации по практическому использованию элементов диссертации в производстве и эксплуатации. Практически любая из организаций, у которой запрашивался отзыв, прежде всего требовала так называемую «рыбу» (проект требуемого отзыва). Игорю пришлось измышлять около пятнадцати проектов отзывов, добиваясь их относительного несходства в содержании и стилистике.

Далее требовалось найти и договориться с кандидатом на роль реального автора отзыва (инженер, ведущий конструктор, начальник лаборатории, отдела и т. п.), а также на роль «парадного» автора (главный конструктор, главный инженер, заместитель директора и т. п.). Зачастую «реальные» авторы сами договаривались с «парадными», были случаи, когда это было одно и то же лицо. Вот тут профессору очень помогла его предыдущая деятельность, поскольку он был персонально знаком с подавляющим большинством вышеуказанных кандидатов в авторы отзыва и поддерживал с ними хорошие отношения. С большинством, но, увы, не со всеми! Так, его связывало довольно давнее знакомство с Аркадием Разиным, заместителем директора ВНИИстройдормаша – одной из важнейших организаций, от которых отзыв был почти обязательным. Дело было в том, что Игорь и он работали в разных министерствах и на различных совещаниях и комиссиях отстаивали различные позиции. Игорь был младше Разина лет на пятнадцать, и до его появления на орбите Разин задавал тон на этих мероприятиях. Разин был коренным москвичом, умным и очень остроумным человеком, хорошим специалистом и имел серьезную репутацию. Но его знания в технике были весьма поверхностны, и молодой Гольд, методично и толково разоблачающий его выступления, подрывал его авторитет и был буквально занозой в попе. Доходило дело до того, что при согласовании состава межведомственных комиссий или участников совещаний Разин требовал не включать Игоря, что, конечно, вызывало обратную реакцию у начальников Гольда, которые включали его в списки вопреки этим просьбам. Поэтому Игорю и Разину приходилось очень часто общаться. Игорь решил, что с таким человеком надо говорить прямо и откровенно, не пытаясь его обойти, и договорился о встрече в Москве.

Расчет оказался правильным:

– Ну, неужели ты думаешь, что я буду вставлять тебе палки в колеса из-за наших ведомственных трений? От тебя ведь всё равно не избавишься… И потом, кто будет помогать мне рассказывать анекдоты в перерывах между заседаниями?

Далее надо было договориться с тремя оппонентами, что

тоже не являлось простой задачей. Но главную проблему для Игоря представлял отзыв ведущей организации. Дело было в том, что по всем показателям такой организацией должен был быть ЧТЗ. Но негативная позиция Игоря по вопросу семейства заводских «переднекабинных» машин обусловила ему массу влиятельных врагов в гражданском тракторном КБ, от которых ничего хорошего ждать не приходилось, тем более что оттуда уже раздавались угрозы. Использование же других предприятий в этом качестве могло вызвать подозрения в совете и ВАКе. Дело еще осложнялось тем, что в этом КБ в качестве главы расчетного подразделения работал один заклятый друг профессора, некий влиятельный еврей по фамилии Козин. Он был лет на десять старше Игоря и слыл главным теоретиком и идеологом на заводе. За год перед описываемыми событиями он защищал докторскую в местном институте механизации и электрификации сельского хозяйства и был бесповоротно не утвержден ВАКом. Защита профессором докторской была острым ножом ему по горлу, и он всячески пытался ее не допустить. Профессор посоветовался с Сазоновым, который считал Козина зазнайкой и хамом, и они нашли выход: взять в качестве ведущей организации «танковое» СКБ-2, которое формально было тоже ЧТЗ, а последние работы в области Т-800, в конструкции которого, кстати, были внедрены результаты работы Игоря, придавали легитимность этому выбору. СКБ-2 имело в бронетанково-тракторных сферах непререкаемый авторитет, и Козин ничего не мог сделать.

Подавляющее большинство докторов наук, защищавшихся по старой системе в советское время, были крупными специалистами, однако практически все соискатели докторских диссертаций «вырубались» из плодотворной деятельности эдак года на полтора-два, а многие потом были уже вообще неспособны заниматься такой деятельностью. Таковы были издержки социалистической системы. В головном институте Игоря в Москве к тому времени был сформирован и утвержден ученый совет по защитам докторских диссертаций, и защита Игоря должна была быть первой в этом совете. В связи с этим планировалось присутствие на защите ответственного представителя ВАКа, что вводило всех в легкий транс.

Был разгар андроповщины, и председатель совета генерал-майор Сазонов свирепо наставлял коллег:

– Если кто-нибудь скажет на защите такие слова, как банкет, коньяк, обмывать и прочее, – убью. Слава богу, что защита закрытая и лишних зевак не будет.

Игорь с Даной прилетели в Москву в начале мая и остановились у Любы. Любу с Даной на защиту не пустили,

поскольку у них не было «допуска» к секретным материалам, и они остались дома. Защита проходила в «штатном» режиме, и вдруг Сазонов в своем выступлении в ходе дискуссии начал активно ругать Игоря – тот поначалу пытался возражать, но генерал показал ему глазами: сиди, молчи и всё признавай. Генерал был опытнейший «наукобюрократ» и, видно, строго дозировал хвалебные и ругательные выступления на защите. После него еще пара человек выступили с критикой профессора. Члены совета приступили к тайному голосованию и всех остальных попросили ожидать в коридоре. Сазонов вышел в коридор с мрачным лицом и сказал Игорю:

– Плохо дело, все единогласно «за», а ВАК очень не любит единогласного голосования – считается, что в этом случае всё подстроено. Ну ты посмотри, и ни одного приличного антисемита – вот времена!

Действительно, совет был большой – двадцать четыре человека, на первое заседание пришли все, и все были «за» – случай весьма редкий при защите докторских.

Игорь вернулся в Челябинск и стал ждать утверждения. Утвердили его быстро, в течение трех месяцев.

И тут Сазонов позвонил ему с поздравлениями:

– Игорь, а вот как раз в ВАКе антисемит нашелся – ты его знаешь, встречался с ним – заведующий кафедрой дорожных и строительных машин МИСИ, но мы его быстро на место поставили (генерал был членом ВАКа).

Через неделю Игорь подал документы в ВАК на звание профессора и был через полгода утвержден. Теперь он стал «полным кавалером» – доктором и профессором – первым и единственным по своей специальности в Урало-Западносибирском «кусте». Зарплата его возросла до 600 рублей, и еще он начал преподавать на четверть ставки профессора в политехническом институте – преподавать в большем объеме он не мог из-за частых разъездов.

Профессора тут же «заткнули» во множество комиссий, и, кроме того, он начал лавинообразно нагружаться оппонированием кандидатских диссертаций. Дело было в том, что по действующим правилам при защите кандидатских диссертаций полагались два оппонента: один кандидат и один доктор. С кандидатами проблем не была, а вот с докторами была. Вся наука профессора была в основном сосредоточена в Москве, Ленинграде, Минске, Горьком и Харькове. Там же проживало большинство докторов, все они были людьми немолодыми, и поездки на Урал и в Сибирь их не очень вдохновляли.

Да и в центре страны кандидатские диссертации защищали

многие, платили за оппонирование символические суммы, и с докторами-оппонентами постоянно была «напряженка». А тут «на рынке» появляется новый, сравнительно молодой и мобильный доктор, да еще проживающий на Урале. После защиты докторской Игорь был «должен» многим за помощь и поддержку, и приходилось долги отдавать.

Просьбы бывали иногда с неожиданных сторон. Так, однажды на полигон к нему приехала одна москвичка и попросила оппонировать ее диссертацию, которую она собиралась защищать в Омске. Игорь попросил ее подождать пару-тройку дней, пока он сможет прочесть работу. Отрицательные заключения давать было не принято – если работа не нравилась, ее отказывались оппонировать. По возвращении в город к нему в кабинет прямо с утра прибежал его закадычный дружок Валера Должик и заявил:

– Ну я надеюсь, ты берешься за оппонирование работы этой московской дамы!

– Да нет, Валера, диссертацию я посмотрел – она как-то не очень.

– Ну ты совсем без понятия, не представляешь, какая у нее роскошная попа.

– Почему же, представляю, она же приезжала ко мне на полигон.

Надо заметить, что Урал и Москва – это не Израиль, где роскошные попы имеются у множества женщин, и эмоции Должика можно было понять.

– Нет, ты себе не представляешь, какая у нее роскошная белая попа.

– Ну ты даешь! Когда успел?

– Во-первых, мы были знакомы по работе еще в Москве, а во-вторых, девушка скучала тут три дня, пока ждала тебя.

Пришлось Игорю согласиться и через месяц отправляться в Омск.

Вообще, после защиты произошло одно незапланированное явление – Игорь стал пользоваться большой популярностью у дам, с которыми он уже много лет ранее был знаком и которые ранее не проявляли в отношении него заметного интереса.

Одна очень хорошенькая сотрудница бухгалтерии (кстати, замужняя), зайдя в кабинет профессора, якобы невзначай присела на краешек стола и продемонстрировала из-под очень короткой мини-юбки очень стройные и красивые ножки.

– Лена, ты хочешь со мной пообщаться? – спросил профессор.

– Да, я совсем не против, – ответила красотка. – Понимаете, никогда не спала с доктором и профессором.

– Но ты ведь у нас работаешь года три, и мы давно знакомы, я

ведь не изменился, – засмеялся профессор.

Через пару дней у него в кабинете появилась начальница планового отдела – знойная смуглая черноволосая и черноглазая дама лет сорока, жена начальника строительного треста, строившего все здания их института.

– Игорь Владимирович, – сказала дама – не пора ли нам познакомиться поближе?

Не отставали от женщин-коллег жёны их старых семейных знакомых.

Игорь понял, что с этим надо что-то делать, и срочно пригласил Аню, которая ему давно нравилась и с которой они были шапочно знакомы по работе, пообедать в ресторане гостиницы «Турист», находящейся за городом в лесопарковой зоне Челябинска.

– О! – сказала Аня. – Всё по плану – «первым делом, первым делом самолеты, ну а девушки, а девушки потом», как пели в старом фильме. Докторскую защитил, профессором стал, теперь и до меня дошла очередь, – и согласилась.

Аня также изложила свою точку зрения на возросшую популярность Игоря среди женщин после получения всех регалий:

– Понимаешь, женщины ценят мужчин не за регалии, а за те качества, которые надо иметь, чтобы их достичь.

Более внятного и логичного объяснения профессору более не приходилось слышать. Ну, это, конечно, было в «доисторические» доперестроечные нерыночные времена – потом всё стало по-другому. За жареной олениной высокие договаривающиеся стороны достигли однозначного соглашения, и на ближайшие семь лет, вплоть до отъезда в Израиль, профессор был избавлен от всяких поползновений от посторонних женщин. Аня была особа серьезная, за словом в карман не лезла, и иметь ее противником мало кто желал, хотя таковые иногда и находились.

В то время подразделение Игоря активно занималось дистанционным управлением машин, что было необходимо как для гражданской, так и для военной сферы. В этой работе участвовал Омский СибАДИ (Сибирский автодорожный институт). Кафедра дорожно-строительных машин этого института совместно с местным авиационным заводом разработала и изготовила прототип системы следящего и автоматического управления бульдозерами и собиралась провести испытания. Договорились сделать это в Красноярске, поскольку у СибАДИ собственного полигона не было. Для проведения испытаний был выбран учхоз Красноярского сельскохозяйственного института, находившийся в ста пятидесяти километрах южнее Красноярска. Перед этим Игорь заручился обещанием главного конструктора

Алтайского тракторного завода о том, что завод пошлет в Красноярск один трактор. Задача стояла: установить на трактор систему управления, довести ее до работоспособного состояния и провести полный комплекс испытаний. Там был небольшой поселок с производственными помещениями, хорошее общежитие для студентов и аспирантов, земля для испытаний и другие условия.

Еще примерно в ста двадцати километрах южнее находился Минусинск. Далее шла граница Республики Тува (ныне Тыва) и за ней Монголия. Минусинск расположен в Минусинской котловине с очень теплым и даже жарким летом, за что это место до революции называли «Сибирская Италия». На правом берегу Енисея, к юго-востоку от Абакана находится село Шушенское, знаменитое тем, что в нем с мая 1897 по январь 1900 года в ссылке находился Владимир Ильич Ленин со своей супругой Надеждой Крупской. Здесь росли даже сады и бахчевые культуры. В период испытаний профессор со товарищи посетил дом-музей Ленина – Ленин снимал полдома у зажиточной крестьянки Прасковьи Петровой. Говорят, что Сталин саркастически отзывался о легком и приятном пребывании Ленина в Шушенском, сравнивая его, например, с собственной ссылкой в 1913 году в Заполярье, в деревню Курейка – самое северное поселение Туруханского края. Зима длится здесь восемь-девять месяцев, и зимняя ночь тянется круглые сутки.

Коллеги Игоря отправились немедленно в учхоз на передвижной телеметрической лаборатории, а он задержался на пару дней для встреч в СибАДИ и оформления некоторых документов. Через два дня ректор предоставлял свою «Волгу» для поездки в учхоз редактора институтской многотиражки, и планировалось совместить эту поездку с доставкой туда профессора. Редактор оказался скуластой, как многие сибирячки, стройной кареглазой женщиной лет 35–40 по имени Лена с интересной фамилией Убиеных. В Сибири многие носят фамилии, оканчивающиеся на «-ых». По дороге она рассказала Игорю, намекая на свои скулы, что происходит из старинной семьи коренных сибиряков, обосновавшихся тут чуть ли не со времен Ермака Тимофеевича, а кое-кто из ее прабабушек не устоял перед потомком бравых воинов хана Кучума.

Дорога на юг шла вдоль огромного водоема, протянувшегося на четыреста километров от Красноярска до Абакана, образовавшегося после строительства плотины Красноярской ГЭС. Как водилось в СССР, водохранилище было создано без учета последствий затопления огромных территорий, включая поля, пастбища, рудники и т. п. После дросселирования в плотине ГЭС

вода в Енисее зимой не замерзала на протяжении 150–200 километров. Профессор бывал в Красноярске зимой и наблюдал удивительное зрелище, когда огромная река «парила» при температуре воздуха минус 25–30 градусов.

Лена окончила факультет журналистики Новосибирского университета и многое рассказала Игорю об истории Сибири, о строительстве ГЭС и культурной жизни огромного и богатейшего Красноярского края. Она также пригласила Игоря посмотреть на обратном пути ее дом, оставшийся ей от прадедов, который, по ее словам, представлял собой историческую ценность.

Профессор провел в учхозе почти два месяца, занятых напряженной сложной работой, – он хотел всё закончить до холодов, которые могли начаться уже октябре-ноябре. В мастерских учхоза Игорь как-то удосужился прочесть на стенке график отпусков сотрудников и поразился количеству латышских, литовских, молдавских и белорусских фамилий. Он не удержался и поинтересовался причиной такой картины у главного инженера учхоза.

– Секрет простой, – ответил тот, – здесь был огромный лагерь НКВД до 1960 года, и это всё бывшие заключенные и их потомки, которым некуда было уезжать, и они остались в Сибири. Вы вот поговорите, например, со своим механиком, у которого нет большого пальца.

Этот механик поведал профессору такую историю.

Он жил на Западной Украине. Когда в 1939 году туда вошли советские войска, он спрятался в погреб, где просидел до прихода немцев в 1941 году. При немецкой оккупации он остался сидеть в погребе и дождался прихода советских войск. Однако и в этом случае он не счел нужным покидать убежище и досидел до 1950 года. После выхода из погреба ему дали пятнадцать лет за дезертирство, которые он отбывал в Красноярском крае. Освободившись, он остался тут жить. Таким образом, одиннадцать лет он просидел в погребе и потом еще пятнадцать лет в лагере за то, что сидел в погребе.

Потом главный инженер сказал Игорю, что людей с подобными историями у них работает предостаточно.

Закончили работу они в октябре. Стояло великолепное южно-сибирское бабье лето. В один из дней, когда коллеги профессора начали сборы в обратную дорогу, Игорь утром уселся на скамейку возле общежития и просидел так много часов, сбрасывая остатки многомесячного напряжения. К вечеру к нему подсела хорошенькая «монголовидная» девушка и попросила разрешения задать ему несколько вопросов. Она оказалась аспиранткой сельхозинститута и жила, как и другие аспиранты, в том же

общежитии.

– Вопрос первый, – сказала она, – правда, что у вас одна рука протез?

Дело было в том, что Игорь поранил руку в начале работы и носил черную кожаную перчатку.

– Нет, не правда, можете посмотреть и даже потрогать…

– Вопрос второй, который интересует всех девочек в общежитии… Вы ведь все челябинцы, а там сильная радиация и, говорят, был даже взрыв, как чернобыльский. Поэтому вы все и не обращаете внимания на женщин?

Профессор рассмеялся:

– Не смешите меня. Конечно, нет, но мы попробуем немедленно исправиться.

Девушка широко открыла свои узкие глаза:

– И вы тоже будете в числе исправляющихся?

– Ну, это мы посмотрим! Как тебя зовут, юная монголка, и кто ты по национальности? – спросил профессор.

– На русском зовут меня Тамара, я не такая уж юная – мне уже под тридцать, а национальность вам нечего и говорить – вы всё равно не знаете.

– Ну, ты меня недооцениваешь, я много бывал на Севере и в Азии и много чего знаю.

– Я нганасанка!

– Всё, сдаюсь, такого народа и я не знаю…

Но бывают же в жизни совпадения! Когда Игорь вернулся домой и открыл свежий номер журнала «Вокруг света», то увидел большую иллюстрированную статью о нганасанах.

«Эх, трахнул бы нганасанку – была бы память на всю жизнь», – подумал он.

Вечером профессор собрал собрание:

– Ребята, даю вам всем отпуск на три-четыре дня, с тем чтобы вы делом доказали наши способности – девушки в общежитии ждут вас. Можете провести эти дни здесь или в Красноярске.

Сам Игорь с оказией вернулся в Красноярск, подписал в институте все необходимые документы, отметил всем командировки и собрался на следующий день улетать. Забежал он и к Лене в редакцию газеты. Она встретила Игоря радушно и повезла смотреть свой дом. Дому было более ста лет, он находился в самом центре Красноярска и действительно производил впечатление: два с половиной этажа из толстенных бревен сибирской лиственницы, крытый, вымощенный камнем двор, ворота с коваными железными засовами, полы из двухдюймовой сосновой доски, лестницы из таких же досок… Лена жила в этом доме одна (сложилось так, что никаких

родственников в живых не осталось) и занимала две комнаты из десятка имеющихся. Она предложила профессору не искать гостиницу, переночевать у нее и отсюда утром отправиться в аэропорт.

Ужинали копченым омулем, купленным профессором в учхозе, который запивали водкой, настоянной на кедровых орешках.

– Игорь, прошу прощения, но «снаряженная» постель у меня только одна. Правда, очень большая.

Так профессор оказался с Леной в огромной деревянной старинной кровати, и казалось, что всё было бы хорошо. Но произошел невероятный случай, который Игорь всю жизнь вспоминал с содроганием. Лена была отчаянная «курилка» и прикуривала одну сигарету от другой. В постели она тоже курила. У нее была копна рыжих, мелко завитых волос, и в какой-то момент волосы загорелись. Профессор совершенно остолбенел, увидев огненный шар вокруг головы Лены. Однако он быстро сориентировался, накинул ей на голову огромную подушку и сам лег сверху. Лену он чуть не задушил, но огонь погас. Волосы выгорели почти до корней, правда, кожа головы и лицо не пострадали. Позже Лена с оказией прислала Игорю свое фото со стрижкой «под мальчика». Судьба распорядилась так, что больше с Леной он никогда не встречался.

1984–1989 годы являлись лучшими годами во взрослой жизни профессора. Во-первых, он достиг всех целей, которые перед ним стояли, и личного благополучия: он был доктором, профессором, заведовал расширенной самостоятельной лабораторией, был заместителем директора института по испытаниям, и эти ипостаси его вполне устраивали. Тем более что он уже начал работать по совместительству профессором в политехе. Во-вторых, в 1985 году генсеком стал Михаил Сергеевич Горбачев, и этот год был последним годом классической советской системы, поскольку позднее началась перестройка – установление капиталистических отношений. Профессор, как и все советские «шестидесятники», вновь почувствовал себя в обстановке хрущевской оттепели. Или, говоря словами популярной тогда песни Булата Окуджавы, «Я вновь повстречался с надеждой. Приятная встреча…», они поверили в возможность перехода СССР к настоящей демократии.

В 1984 году Игорь с Даной купили дом в деревне Пашнино в тридцати километрах от Челябинска, на берегу озера Сугояк. Надо сказать, что Челябинская область занимает первое место в Союзе по количеству озер – тут их более трех тысяч. В конце 1970-х годов начался интенсивный процесс покидания сельской

местности жителями и скупки домов по берегам озер городским населением. Эти дома обустраивались и использовались горожанами как домики отдыха и дачи. В этой же деревне купили дома многие знакомые и приятели Гольдов, так что по выходным там собиралась веселая компания. Земельный участок, принадлежащий дому, тянулся метров триста до самого берега озера, но профессор огородил небольшой участок возле дома. Даже с этой землей справиться они с Даной не могли, и там у них рос преимущественно укроп. Игорь призывал всех знакомых отказаться от многоцелевого огородного хозяйства, организовать сообщество и перейти на монокультуру – один выращивает помидоры, другой огурцы, третий вишню – с последующим товарообменом между членами сообщества. Себя при этом он позиционировал как производителя укропа.

Начался период гласности – была разрешена публикация, например, «Мастера и Маргариты» Булгакова, Солженицыну и Сахарову разрешили вернуться из ссылки. Члены партии начали покидать прежнюю кормушку: так, в 1985–1991 годах общая численность КПСС сократилась с 28 миллионов до 15 миллионов человек. Были изданы романы А. И. Солженицына («В круге первом», «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ»), Е. И. Замятина («Мы»), Б. Л. Пастернака («Доктор Живаго»), В. В. Набокова («Лолита»), А. П. Платонова («Чевенгур», «Котлован»), В. Д. Дудинцева («Белые одежды»), Д. А. Гранина («Зубр»), Ч. Т. Айтматова («Плаха»), А. Н. Рыбакова («Дети Арбата»), а также поэтические произведения А. А. Ахматовой, Н. С. Гумилева, О. Э. Мандельштама и др.

Игорь с Даной всё свободное время посвящали чтению, «толстые» журналы и «свежеизданные» книги переходили из рук в руки и были на вес золота. На экраны вышли фильмы «Покаяние», «Собачье сердце», «Небеса обетованные». Возвращались «запретные» деятели искусств, такие как художники П. Филонов, К. Малевич, В. Кандинский. В музыкальную культуру было возвращено творчество А. Шнитке, М. Ростроповича.

Появилась надежда на хозяйственно-промышленный подъем. Профессор много ездил по стране и лучше многих понимал, что СССР располагает огромными природными богатствами, каких нет ни в одной стране мира. В СССР также жили и работали миллионы квалифицированных ученых, инженеров и рабочих, которые были в состоянии решать любые научно-технические и хозяйственные задачи. Но коммунистический режим душил страну много лет и не давал развиться прогрессу. В стране начали развиваться отрицательные тенденции, торжественно убившие атмосферу подъема духа двух первых лет перестройки – 1986-го и

1987-го – и затем похоронившие всю перестройку. Первый удар был нанесен чернобыльской катастрофой – разрушением 26 апреля 1986 года четвертого энергоблока Чернобыльской атомной электростанции. Атомный реактор был полностью разрушен, и в атмосферу было выброшено большое количество радиоактивных веществ, погибло и пострадало от последствий много людей, был нанесен огромный экономический ущерб. Авария явилась самой крупной техногенной катастрофой в мире, стала событием большого общественно-политического значения для СССР и оказала влияние на развитие мировой атомной энергетики.

Муж Марианны был профессиональный ядерный энергетик, работал на Белоярской АЭС и бывал на Чернобыльской станции. Он всегда говорил, что это насквозь «блатная» станция, весь ее руководящий персонал попал туда через связи и это всё когда-нибудь плохо кончится. После аварии профессор часто вспоминал его слова.

В лаборатории профессора к моменту аварии было три дистанционно управляемых опытных трелевочных трактора. Из Москвы поступила команда немедленно отправить их самолетом в Чернобыль. Темной майской ночью Игорь с Володей Барановым прибыли на челябинский аэродром для погрузки тракторов в ИЛ-76 и отправки в Чернобыль. Володя с двумя механиками вылетели на следующий день для запуска тракторов в работу и управления ими на расстоянии. Поскольку тракторы были экспериментальными, система дистанционного управления вышла из строя через неделю, а эвакуировать машины для ремонта было невозможно – они находились в зоне повышенной радиации, куда вход был категорически запрещен. Спустя три недели Игорь прилетел в Чернобыль, имея два задания: посмотреть, какую технику может поставить их министерство в кратчайшие сроки в Чернобыль и целесообразно ли закупить в Японии радиоуправляемые бульдозеры D-355W фирмы «Комацу». О ликвидации чернобыльской аварии написаны тысячи страниц, и профессор не очень-то любил распространяться об этой командировке. Местность вокруг АЭС производила сильное впечатление, она превратилась в гигантский жилой лагерь: повсюду стояли жилые бараки и палатки, на дорогах и на стоянках располагалось несметное количество мобильной техники, и десятки тысяч людей сновали во всех направлениях.

Техника была преимущественно военной, хорошо знакомой Игорю. Наиболее распространенной на глаз являлась машина ИМР-2 (инженерная машина разграждения), созданная на базе танка Т-72 и снабженная краном и бульдозерным отвалом.

Машина изначально проектировалась с расчетом на использование в условиях радиоактивного заражения и считалась достаточно новой (ИМР-2 была принята на вооружение в 1980 году). В Чернобыле впервые появились машины типа ИМР с увеличенным в тысячу раз уровнем защиты от радиации, оборудованные телевизионными системами, манипулятором с электрогидравлическим приводом и специальными системами очистки воздуха. Для радиационной разведки использовалась «Ладога» – командно-штабная машина на базе танка Т-80.

Уже после поездки профессора были закуплены японские бульдозеры и ЧТЗ начал производство тракторов ДЭТ-250 с кабиной, обшитой свинцовой броней, маленькими стеклами и огромными зеркалами заднего вида. Они использовались для снятия верхнего зараженного слоя земли. Надо сказать, что техника служила меньше людей, и огромное количество грузовиков, тракторов, бульдозеров, бронемашин скапливалось в машинных «могильниках».

Вторым ударом по советской экономике после Чернобыля стало резкое падение цен на нефть в 1986 году, вследствие чего СССР получал за экспорт нефти и нефтепродуктов лишь 5 миллиардов инвалютных рублей вместо прежних 10–12 миллиардов рублей в год. Но в то время продажа нефти не занимала такой доли в бюджете страны, и разговоры о распаде СССР вследствие снижения цен на нефть не более чем легенда.

Профессора поражал такой факт. Была огромная страна, где все вещи, кроме некоторых станков и технологического оборудования, были собственного производства или в меньшей степени производства соцстран. В домах стояла мебель, висела одежда, лежала посуда, электроника, целиком произведенные в СССР или в соцлагере; народ ел продукты, целиком произведенные в СССР или в соцлагере. Народ ездил на автомобилях, в поездах, трамваях и троллейбусах, летал на самолетах, плавал на судах, произведенных в СССР или в соцлагере. СССР был уникальной страной, в нем производилось буквально всё – пусть похуже качеством, чем в капстранах, но всё: мебель, электроника, бытовая электротехника, посуда, одежда, парфюмерия, кино– и фотоаппараты, автомобили, тракторы, экскаваторы и т. п. Советский Союз был единственной страной, выпускающей все классы самолетов без иностранных комплектующих. Каждый третий вертолет в мире был произведен в СССР. Про космос и оружие уже нечего и говорить. Такое было возможно только для технологически развитой страны, обладающей армией квалифицированных инженеров и рабочих. Куда это всё подевалось в короткий срок?

В 1988 году были приняты законы, разрешившие частную предпринимательскую деятельность в производстве товаров и услуг, и заработали первые частные кооперативы и бизнесы. Их появление открыло грандиозную лазейку по отмыванию денег, поскольку фактически кооперативам, домам молодежного творчества и прочим подобным заведениям была открыта дорога получать от госпредприятий безналичные деньги и превращать их в наличные. По примерным подсчетам, первые кооперативы ежегодно отмывали от 60 до 90 миллиардов рублей, и их владельцы делали настоящие (долларовые) состояния. Многие предприниматели никаких товаров не производили, а занимались скупкой и перепродажей готового. На запах шальных денег кооператоров слетались сотни бандитов, и появились первые организованные преступные группировки. Полиция была совершенно бессильна перед ними. Вошли в обиход слова «рэкет» и «крыша».

Следующий гвоздь в гроб перестройки был забит Горбачевым при введении в стране «полусухого» закона, когда 16 мая 1985 года был издан указ «Об усилении борьбы с пьянством». Как всегда, у авторов закона были самые благие намерения, поскольку массовое пьянство в тот период приобрело опасный характер. Однако дальше уже всё было полностью по Марку Твену – хорошее намерение превратилось в плохой поступок. Началось стремительное развитие самогоноварения и исчезло из магазинов основное «сырье» для самогона – сахар. В магазины, где продавали спиртное, и в соответствующие отделы гастрономов выстраивались длинные очереди. Система ответила запретом употреблять алкоголь на улице и в общественных местах, например в поездах. Были запрещены банкеты в государственных учреждениях по случаю каких-либо праздников. Началась пропаганда безалкогольных комсомольских свадеб. Цена самой дешевой водки поднялась с четырех до девяти рублей, было закрыто множество ликероводочных магазинов. Народ начал пить технический спирт, одеколон и денатурат, что приводило к массовым вспышкам отравлений. Начался рост наркомании. Как в Америке «сухой закон» породил главную мафиозную структуру «Коза Ностра», так и в Союзе подпольное нелегальное производство и торговля алкоголем привели к зарождению российской мафии. Ну и, конечно, полный идиотизм и бандитизм проявились при уничтожении советского виноделия. Было уничтожено около 30 процентов виноградников в Молдавии, в Крыму и на Кубани и сокращены закупки за рубежом марочных и сухих вин. В то время в Союзе среди интеллигенции широко ходил такой анекдот. Приезжает Маргарет Тэтчер в Москву,

встречается с Горбачевым, и он делает ей комплимент, говоря, что в Англии все называют ее «железной леди». В ответ Тэтчер делает комплимент Горбачеву, говоря, что народ в очередях за водкой на улицах Москвы называет его мирным герцогом, князем мира и, что ей очень приятно, комплимент исключительно говорится по-английски: Peace Duke[32].

Ценность спирта, который профессор имел на работе, резко возросла, и он распорядился сделать в кладовую новую стальную дверь и держать спирт не в железном шкафу, а в настоящем сейфе. Для Игоря, как любителя тонких вин и коньяков, наступили тяжелые времена, и надо было прилагать дополнительные усилия, чтобы достать качественное спиртное. В число дефицитных товаров уже входили не только сложная бытовая техника и мебель, но ширпотребные необходимое вещи: туалетная бумага, сигареты, мыло, стиральный порошок, зубная паста, стало туго с продуктами питания – колбасой, маслом, яйцами, сахарным песком, Были перебои и с поставками хлеба. В 1986 году в прессе появляются первые публикации об официально действующих проститутках. По результатам анонимного анкетирования школьниц Риги и Ленинграда эта профессия оказалась в десятке наиболее престижных занятий.

Нехватка почти всех товаров и наличие в стране большого объема денежной массы породили чудовищные диспропорции в ценах. Появилось даже выражение «магнитофонная цена» (имелись в виду цены на импортную видеотехнику). В Челябинске видеокамера или видеомагнитофон стоили как однокомнатная квартира в центре города. Позже, в 1990 году, профессор предлагал за четырехлетнюю «Фольксваген-Джетту» полнометражную квартиру из трех с половиной комнат в центре города со всей обстановкой и бытовой техникой, но хозяин «Джетты» не согласился. В 1992 году сосед Игоря уже продал точно такую же квартиру за 100 тысяч долларов. Всё это выглядело как полное сумасшествие.

У дочки профессора было несколько соучеников по школе, промышляющих «магнитофонным» бизнесом, которые растолковали Игорю всю нехитрую механику. Начальный бизнес держался в основном на видеокамерах и видеомагнитофонах. Поскольку деятельность профессора была связана с полевыми испытаниями, то существовала реальная необходимость снимать и затем смотреть многие процессы. Безналичных денег у профессора было предостаточно, директор и главный бухгалтер не возражали, и дочкины приятели быстренько организовали ему парочку видеокамер и парочку видеомагнитофонов. В то время это были не какие-нибудь китайские эрзацы, а собранная в

Японии техника фирм «Шарп», «Панасоник» и др., обладающая неслыханным качеством и надежностью. Главный «приборист» профессора Женя хорошо освоил эту технику. Но дело было еще и в том, что он был заядлым киноманом и хорошо знал зарубежное кино. Какими-то неведомыми путями он доставал зарубежные видеофильмы и прокручивал их в свободное время в подвальном помещении института, принадлежавшем лаборатории Игоря. Слух об этом быстро распространился по институту, и профессора осаждали толпы сотрудников с просьбами о просмотре того или иного фильма в подвале. Иногда Игорь брал магнитофон по воскресеньям домой, где пользовался им в основном Ян, пересмотревший все боевики со Шварценеггером, Джеки Чаном, Стивеном Сигалом, Ван Дамом и пр. Благодаря этой технике Женя снял свадьбу дочери профессора, и просмотр этого ролика спустя почти тридцать лет в Израиле доставлял большое удовольствие участникам этого мероприятия, большинство из которых в Израиле и находилось.

Из дел Игорь немного участвовал в доводке трактора Т-800, которая шла неважно. Всего было сделано девять машин по особому заказу и для выполнения конкретных задач. Последний трактор был произведен в 1999 году. Еще новые тракторы, проработав несколько месяцев, начинали течь и ломаться. Ремонт выполнялся из рук вон плохо и медленно, а стоил дорого. Практически все выпущенные машины Т-800 постепенно превращались в «памятники» советскому машиностроению.

Зато Чебоксары радовали, и профессор, приложивший немало усилий, чтобы «похоронить» Т-330, со всей энергией отдавался созданию новых чебоксарских машин. На заводе к 1985 году была разработана концепция нового семейства промышленных тракторов классов 25, 35, 50 тонн. В этом же году были изготовлены и отправлены на испытания (в которых Игорь принимал участие) первые три трактора Т-25.01. В апреле-мае на главном конвейере организован участок по сборке опытных тракторов Т-500 и до конца года изготовлено три штуки. На базе Т-25.01 были созданы модификации трубоукладчика ТГ-321А (первый трактор собран в 1987 году) и мелиоративный ТМ-25.01 (1988 год). У Игоря сложились отличные отношения и взаимодействие с заводскими конструкторами и испытателями, которые к тому же помнили его борьбу против Т-330 в пользу нового семейства чебоксарского завода, а директором завода стал его соученик по институту, который до этого был директором корпуса по производству танковых моторов на ЧТЗ. Между тем производство Т-330 продолжалось, и в 1988 год с конвейера сошел 10-тысячный трактор. В 1987 году были завершены

приемочные испытания трактора Т-500, а в июле – сентябре изготовлены и отгружены на испытания три образца трубоукладчика ТТ-25.01. В ноябре был собран опытный образец мелиоративного трактора ТМ-20.01.

Тем временем в их институте директор всё чаще страдал приступами эпилепсии и в конце концов вынужден был уйти на покой. Его обязанности были возложены на первого заместителя Алексея Петровича Станкевича, въедливого и аккуратного белоруса, с которым Игорь был отлично знаком, поскольку Станкевич заведовал кафедрой двигателей в бытность Игоря студентом. Станкевич был уже предпенсионного возраста, и ему было не до реформ.

Демократия дошла до того, что на предприятиях предписали выбирать высшее руководство – директоров и заместителей. В это время изощренные умы ЦК, не желающие расставаться с властью, но понимающие, что под руководством партии хозяйство не поднять, придумали новую шутку: партия больше не вмешивается в хозяйственную деятельность, но за ней остается подбор и назначение кадров. При этом в институте приунывшая было «партшпана» оживилась и начала пытаться эксплуатировать сей постулат. В институте появился новый директор, которого Игорь отлично знал, – Саша Фоменко. Он окончил институт на два года раньше профессора, был распределен в закрытую ленинградскую контору «Трансмаш», где и дослужился до заместителя директора. Его жена Света была соученицей Игоря по школе. Естественно, что сходу Саша тесно общался с профессором, как с достоверным источником на предмет выяснения ситуации в институте.

Как-то он вызвал профессора в кабинет и сходу сказал ему:

– Ты ведь знаешь, что Станкевич уходит на пенсию?

– Да, слышал такое!

– И как ты смотришь на то, что администрация выдвинет тебя на выборах, согласно новой моде, в первые заместители.

– Саша, да побойся Бога, мне-то это зачем надо? Буду занят с утра до вечера, зарплату буду получать такую же – ты же знаешь систему, я собирался начать писать книгу, взял треть ставки в ЧПИ, а здесь буду разбираться во всех трениях, да и бросать старую гвардию – свою лабораторию – я ни в коем случае не хочу…

– Нет, это ты побойся Бога, ты же понимаешь, что являешься лучшей кандидатурой, не буду даже аргументировать, и так всё понятно. И потом, обо мне ты подумал? Я же хочу оправдать назначение и быть хорошим директором, а ты хочешь, чтобы я был директором… А лабораторию мы оставим за тобой.

– Конечно, хочу, чтобы ты был директором!

– Вот и соглашайся!

– Ох, ставишь ты меня к стенке. А может быть, даст Бог, и меня не выберут, врагов, завистников ведь у меня много.

– Да уж, заметил… много. Но понимаешь, это ведь всё начальнички, а в народе ты популярен, а выборы-то всеобщие.

Спустя какое-то время Игорь узнал, что один заведующий отделом собирает среди начальников отделов и лабораторий подписи под протестом выдвижения его на должность замдиректора. В ход идут два аргумента: первый – «Вы что, не понимаете, что он всех вас в бараний рог согнет и заставит делать то, что он хочет?», второй – «Вы что, хотите, чтобы вами командовал еврей, вас всех разогнал и насадил на ваши места своих евреев?».

Занимался этой организацией и пропагандой заведующий отделом гидравлики некто Кармышев, здоровенный наглый амбал с больным самомнением, который хорошо знал психологию неучей и бездарностей, возглавляющих многие подразделения института. В качестве главного объекта агитации он избрал секретаря парторганизации, которому внушал следующее: «Вы что, допустите, что первым заместителем будет беспартийный? Где же тогда провозглашенная ЦК роль партии в подборе и расстановке кадров?»

Фоменко как-то пришел в кабинет к профессору и закрыл за собой на ключ дверь:

– Игорь, как-то не хочется ссориться с партией… Ты не обидишься?

– Шутишь? Я тебе спасибо скажу и бутылку «Камю» подарю! Не ссорься ни с кем! Давай посадим замом Славу Филина – прекрасная кандидатура! Я тебе обещаю, что буду ему помогать изо всех сил и прикрою его в Москве, если будет надо.

Слава Филин был очень приличным человеком, двигателистом, ленинградцем, закончившим ЛИИВТ (Ленинградский институт инженеров водного транспорта), и они с Игорем были большие приятели. У него был один маленький недостаток: он был слишком интеллигентным и мягким человеком, что являлось несвойственным для советского руководителя любого ранга.

На том и договорились, в результате чего профессор был избавлен от весьма хлопотной и неблагодарной должности.

Ему потом рассказали, что большинство заговорщиков, включая секретаря парткома, испытывали двойственное чувство. С одной стороны, они добились, чего хотели. Но была и другая сторона. Как стало известно, многие заговорщики были этим

сильно разочарованы – действительно насолить профессору не удалось, и это было обидно. И второе: все чувствовали, что надвигаются новые тяжелые времена, и в душе понимали, что Игорь бы справился с проблемами для института лучше других, а чувство самосохранения никто не отменял.

В 1987 году промышленные предприятия получают больше свободы в решении финансовых и хозяйственных вопросов и начинают экономить даже безналичные деньги. Это приводит к сокращению договоров с исследовательскими институтами, уменьшается также бюджетное финансирование. Система отреагировала сокращением единиц в штатном расписании и необходимостью увольнять работников. Было очень тяжело расставаться с коллегами, с которыми проработал много лет. Профессор постоянно находился под прессом необходимости принимать решение кого уволить. Он всё это пытался делать открыто, но легче никому от этого не становилось. Ушел Толя Садовский – его многолетний друг и заместитель, но он пошел на большое повышение – стал главой транспортной инспекции Челябинской области. Позже он устроил многих уволенных из лаборатории профессора к себе на работу. Ушли некоторые другие ценные сотрудники.

В 1988 году экономический рост резко замедляется, а в 1990-м сменяется падением, что ведет к чудовищному обвалу жизненного уровня народа. Наступает полный товарный и продовольственный дефицит, полки промтоварных и продовольственных магазинов окончательно пустеют, правда, на черном рынке есть почти всё. У Игоря в кабинете всё чаще собираются институтские евреи для диспута: «Ехать – не ехать», но в Израиль почти никто не хочет, а с Америкой всё было не ясно.

В 1987–1988 годах официальный государственный антисемитизм и «антисионизм» фактически сходят на нет. Прекращается болтовня о преступлениях сионизма. Однако на место государственного антисемитизма приходит антисемитизм народный. Возникают общественные сообщества антисемитского толка. Самым известным среди них стало общество «Память». Именно «памятники» 6 мая 1987 года провели первую открытую «антисионистскую» демонстрацию в Москве. В 1989 году Игорь отвозит пачку документов своих и нескольких других евреев-коллег в Москву и сдает их в американское посольство. К сожалению, ответ из посольства пришел уже после отъезда Гольдов в Израиль. Что в нем было, Игорь так и не узнал – конверт выбросили новые жильцы в их квартире.

Игорь преподает в институте «вечерникам». «Вечерние»

студенты – это уже не девочки и мальчики, а взрослые люди: производственники, практики с ЧТЗ и других челябинских заводов на инженерных должностях, которым всё труднее было находиться на этих должностях, не имея высшего образования. На занятиях студенты, видя эрудированного и разностороннего преподавателя, всё чаще задают ему вопросы вроде того, почему трактор фирмы «Катерпиллер» работает без поломок десять тысяч часов, а у тракторов ЧТЗ дефекты начинаются через тысячу часов. Игорь отшучивается:

– Знаете, у меня есть один знакомый – так он в таких случаях замечает, что такой разговор надо прекращать, поскольку он через полчаса приведет к обсуждению роли компартии.

Студенты понимающе улыбаются.

Впоследствии Игорь часто задумывался, почему так легко сломался коммунистический режим в СССР, который правил много лет и обладал совершенно неограниченной силой в виде армии, КГБ и миллионов членов партии. Ответ напрашивался один: ни рядовые военные, ни офицеры и генералы, ни партийцы всех уровней давно в коммунистические сказки не верили и уж никак не собирались за них воевать. Они состояли в партийных организациях исключительно из меркантильных соображений. Игорь всегда поражался, как разнились эти люди при частном и публичном общении, как только что они рассказывали антисоветские анекдоты и тут же выходили на красный ковер и клялись в вечной любви и верности к коммунистической партии и идеологии. Конечно, эти их «замечательные» качества позволили обойтись без гражданской войны и обеспечили относительно мирный демонтаж коммунистического режима.

Игорь понимал, что тенденция идет к тому, что прикладные институты будут терять свое значение и большинство прикладных исследований будет переходить к производителям, как это и делается в капиталистических странах. А фундаментальные разработки будут всё больше сосредотачиваться в вузах. Нишу Игорь видел в работах по официальным испытаниям, стандартизации и сертификации. Поэтому много времени проводил на полигоне и также в челябинских государственных органах стандартизации (местном отделении Госстандарта и пр.). В 1989–1990 годах начался заключительный этап дестабилизации обстановки в стране. После I съезда народных депутатов начинается противостояние коммунистической партии с новыми политическими группировками. Трудности в экономике перерастают в полномасштабный кризис, и ситуация в стране выходит из-под контроля властей. В 1990 году в СССР начинается волна кровавых межнациональных столкновений (Абхазия,

Южная Осетия, Молдавия и т. д.).

В 1989 году «закрывают» Америку. Конечно, алия конца восьмидесятых – начала девяностых годов была мотивированной не национально, а экономически. 90 процентов эмигрантов, выехавших из СССР в 1988 году по израильской визе, отправились в США. В 1989-м эта цифра была ненамного ниже – 80 процентов. Но почему надо заставлять всех советских евреев ехать в Израиль? Половина и так поедет, а второй половине там катастрофически нечего делать и Израилю с ней нечего делать. Ходили слухи, что это якобы Израиль «попросил» США принять такое решение. Трудно было понять, зачем это было нужно Израилю – ввозить в страну множество людей, которые совершенно не хотели в ней жить и совершенно были ей не нужны. Полное отсутствие логики убивало Игоря, и он думал, что чего-то не понимает. Уже позже Игорь прочел слова Макса Нордау, который писал Владимиру Жаботинскому, что логика – искусство греческое и еврей его терпеть не может. В Челябинске обо всем этом была нулевая информация, и Игорь, как и вся «баранья» масса, только знал, что Америка закрылась. Дочка с зятем и внучкой уже улетели в Израиль, и Дана денно и нощно грызла профессора насчет отъезда. Большинство его коллег-евреев тоже уехали.

Ходили слухи, что технически «закрытие» Америки было сделано путем ликвидации перевалочных пунктов в Вене и Риме и перевода их в Будапешт и Бухарест. Всё оказалось еще хуже, чем тогда думалось Игорю. В итоге волна русской алии 1990–1991 годов оказалась самой униженной и забитой в Израиле, на положении военнопленных или рабов. Последующим волнам было уже полегче. Во-первых, они пользовались опытом предшественников, а во-вторых, благодаря реформам Гайдара они смогли продать свои квартиры и другие вещи (дачи, гаражи, автомобили) уже не по бросовым ценам и приехать в Израиль кое с какими деньгами.

На самом деле произошло следующее: была установлена довольно большая квота в 40 тысяч человек, и все вопросы по переезду из СССР в США стали рассматривать в американском посольстве в Москве. Первоочередное право на иммиграцию в Америку получали те, у кого есть там близкие родственники. Как Игорь корил себя потом, что не разобрался в ситуации, поддался стадному чувству и не поехал с Даной и Яном в Вену или Рим, что было вполне возможно. Потом он уже узнал, что Конгресс США принял такое решение по просьбе израильского премьер-министра Ицхака Шамира при активном участии одного русскоязычного типа из «Лишкат ха-Кешер – Натив» Якова Кедми.

Профессор с Даной начинают процесс подготовки к отъезду. Согласно бытующей в то время практике, он занимал примерно год и включал в себя ряд традиционных этапов. По имеющимся слухам, надо было перевести на английский и заверить нотариально все документы и дипломы, справки о смерти и могилах родителей. Надо было продать всё возможное имущество, включая машину, гараж, дом в деревне, мебель. По принятой традиции была приобретена импортная «бартерная» электротехника, включая стиральную машину «Бош», холодильник «Бош», магнитолу «Шарп» и маленький телевизор. Конечно, надо было достать блочный бакинский кондиционер (что было тогда непросто из-за ажиотажного спроса «отъезжантов»), без которого, как говорили, в Израиль и ездить нечего. Надо было сделать все прививки и документы на Юнга. Надо было уладить дела и получить открепление в военкомате.

Но самое главное – надо было что-то сделать с квартирами. В наличии были три квартиры: собственно профессора, дочки и мамы Игоря. Продать квартиры было невозможно. Справку о выезде давали в жилищном управлении после сдачи квартиры. Лазейку «отъезжай – ты» находили в обмене этих квартир на худшие, меньшие и в плохих районах, поскольку в правилах не было оговорено, какую квартиру ты сдаешь. При таких манипуляциях можно было получить какие-то деньги как компенсацию за лучшее качество жилья. Причем это нужно было делать до подачи документов на выезд, иначе бы эти нехитрые манипуляции были бы явственно видны и невозможны. Дочкину квартиру обменяли раньше, на квартиру в Свердловске, где жил племянник, а затем племянник обменял ее на комнату в Челябинске, которую и сдали. Квартиру мамы Игоря пришлось бросить. А их квартиру Игорь обменял на четырехкомнатную квартиру в Тракторозаводском районе под предлогом того, что ему далеко ездить на работу и что он хочет квартиру в новом доме. На вырученные от обмена квартиры и от продажи имущества деньги он купил втридорога свою «Ауди» и всю электротехнику. Кроме того, «отъезжантам» полагался специальный «прикид» для Израиля, который тоже покупался в комиссионках за огромные деньги: турецкая или немецкая кожаная куртка или пальто и мохеровый шарф. По этим предметам по прибытии в Израиль еще много лет можно было опознать изруса как женского, так и мужского пола. Всё это требовало много времени и сил.

С тех пор как Игорь приехал на работу на праворульном «Ниссане», всем стало ясно, что он уезжает и начался финишный отрезок его пребывания на работе и в СССР вообще. Времена были

новые – никто «отъезжантов» не увольнял, не преследовал, не корил и не агитировал. Только майор в военкомате ему сказал с укоризною:

– А мы ведь совсем недавно присвоили вам майора!

Летом 1991 года Игорь отвез Дану со своей мамой в Москву и вручил их своему приятелю – математику Володе Шаинскому, который с женой и приемным сыном уезжал в Израиль. Он посадил всю компанию на Белорусском вокзале в поезд до Будапешта и распрощался с ними почти на два месяца. Доехали они благополучно.

Глава 8
Обыкновенный мудизм

В Израиле профессору стало окончательно очевидно, что наряду с тремя известными наиболее значимыми политическими течениями, такими как коммунизм, сионизм и фашизм, в природе существует четвертое течение, называемое мудизм, и Израиль находится среди явных лидеров по культивированию этого замечательного движения. Во избежание кривотолков, скажем прямо, что адепты этого движения в просторечии называются мудаками. Само слово «мудак» уникально. Оно не имеет в русском языке синонимов, более того, объяснить его смысл при помощи других слов («дурак», «ублюдок», «идиот») весьма затруднительно. В иностранных языках оно просто отсутствует, и для его объяснения какому-нибудь иностранцу приходится давать обширное толкование. Конечно, в многословном английском языке (около миллиона слов) есть некие эквиваленты, такие как Knobhead, asshole или dick, но эти слова все-таки ближе к болвану. Долгое время шла тихая дискуссия, является ли это слово цензурным, пока, наконец, в 2017 году глава Роскомнадзора не подписал письмо о том, что слово «мудак» и его производные, хотя и являются бранными, не подпадают под категорию нецензурных и их использование в СМИ не приведет к наказанию в соответствии с российским законом о борьбе с нецензурной лексикой. Так что теперь, слава Богу, можно называть на русском языке вещи своими именами. Однако при попытке придумать для этого слова определение, обобщающее слово «мудак» и соответствующее общественное явление, возникли некоторые трудности. Напрашивающиеся термины, такие как мудачество или мудаковатость, выглядели не очень благозвучными. Ко двору пришлось слово «мудизм», а адепты мудизма стали называться мудистами, а не мудаками. А это уже совсем другое дело, это уже почти как «коммунизм – коммунист» или «сионизм – сионист». Вполне изящно. Профессор взял за правило использовать эту новую терминологию, хотя в ряде случаев ему приходилось несколько напрягаться, чтоб не сбиться на старую.

На иврите такого слова нет, и Игорь был уверен, что Академия иврита вместо выдумывания смешных эквивалентов (что тоже является мудизмом) вроде «кадур регель» (футбол) или «махшев» (компьютер), должна, прежде всего, думать, как будет на иврите мудист. Дело в том, что, как хорошо известно, среди

евреев есть множество умных и гениальных людей, а это в живой природе должно уравновешиваться большим количеством дураков.

Профессор Чезаре Ломброзо писал: «Именно среди евреев встречается больше образованных и талантливых людей, но и сумасшедших среди евреев в 4–6 раз больше, чем среди окружающих». Профессор думал, что применительно к Израилю в учение Ломброзо надо внести некоторую поправку: в Израиле много мудистов.

Несмотря на отсутствие формализации в определении «мудист», нормальные люди легко различают такового среди окружающих и даже в силах примерно определить степень мудизма, поскольку для разных индивидуумов она колеблется от стопроцентного мудиста до, скажем, десятипроцентного. Если попробовать систематизировать признаки мудиста, то вкратце вырисовывается следующая картина. Мудист – это ни в коем случае не характеристика интеллекта, умственных способностей или внешних данных. Мудист может иметь приличный интеллект, быть ученым, политиком, шахматистом, выдающимся спортсменом. Поэтому невозможно определить мудиста, опираясь на его интеллект или уровень профессиональной деятельности. Многим мудистам даже дают Нобелевские премии! А сколько политиков, ученых и даже президентов были и являются мудистами! Соответственно, среди людей, обладающих высокими интеллектом и уровнем знаний, количество мудистов нисколько не меньше, чем среди необразованных, неэрудированных и неумных людей.

Главная отличительная черта мудиста – это священная уверенность в собственной правоте (причем эту правоту непременно надо навязать всему миру – иначе мир останется несовершенным). Мудист обладает повышенным самолюбием и желанием добиться поставленных целей, невзирая на мнение и желание окружающих. В большинстве случаев мудист – хам. Многие мудисты являются весьма харизматическими личностями и могут внушать доверие собеседникам при помощи хитроумной и убедительной лжи и передергивания. При этом они зачастую злоупотребляют доверием обманываемых людей. Чувство вины или осознание неправоты у мудиста совершенно отсутствует, и если мудист и осознаёт, что его поступки наносят вред окружающим, то он тут же их оправдывает некой высшей необходимостью (в Израиле это в основном торжество сионизма, оборачивающееся почти всегда барышами для самого мудиста или/и его хозяев). Мудисты никогда не извиняются, поскольку совершенству не в чем извиняться.

Особо опасными являются активные мудисты, которые, вдобавок к сказанному, проявляют везде повышенную настойчивость и агрессивность. Есть профессии, в которых действует повышенный процент мудистов, – прежде всего, бюрократия, в основном мелкая и средняя, хотя это касается и крупной бюрократии, например членов парламента и правительства. А мудист во власти – это особо опасно. В Израиле все виды бюрократии в избытке, что дополнительно влияет на повышенное общее число мудистов. Мудизм – это, конечно, не синоним левантизма, но эти оба направления имеют много общего, что тоже способствует высокому проценту мудистов в нашем Средиземноморье. Конечно, мудистом может быть и женщина, называемая мудистской.

Кроме того, следует различать секторальных и ситуативных мудистов от тотальных мудистов. Секторальный мудист проявляет мудизм только в определенных сферах, а ситуативный мудист – только в определенных обстоятельствах.

Только въехав в Израиль и проехав пару раз по дорогам и улицам, профессор сразу увидел предостаточное количество мудистов. Не автохулиганов, не нарушителей правил движения, а именно мудистов. А так как точно доказано, что дорога – это отражение общества, то легко было сделать экстраполяцию. Неоднократно он наблюдал такую сцену. Пост проверки на дороге или закрытый шлагбаум. Стоит очередь из десяти машин, подъезжает сзади одиннадцатый и настойчиво непрерывно сигналит. Кому, чего, куда…? Назвать дураком такого водителя нельзя – он вполне может быть лауреатом конкурса по исполнению песен в стиле «мизрахи», это просто типичный мудист. Или: пустынное шоссе, метров за триста в светофоре загорается желтый свет после зеленого – очевидно, что сейчас будет красный, мудист вместо того, чтобы сбросить скорость и подъехать тихонько к светофору, давит на акселератор, подъезжает на скорости к перекрестку и жмет на тормоз изо всех сил. Или: вы едете в длинной колонне по шоссе и чуть-чуть увеличиваете дистанцию до переднего автомобиля, тут же едущий за вами мудист-водитель, пересекая сплошную разделительную черту под носом у встречных автомобилей (то есть нарушая правила и сильно рискуя), втискивается в зазор между вами и передней машиной. Что он выигрывает? А чего стоит прелестная привычка высовывать левую руку в открытое окно и активно ей жестикулировать? При этом почти все водители не показывают поворотов при перестроении и половина при поворотах!

Очень нравился Игорю такой жанр: свободная стоянка,

разлинованная на ячейки. Подъезжает мудист и паркуется так, что середина машины приходится на разделительную линию, то есть занимает как бы две ячейки. Профессор долго мечтал увидеть такого мудиста и поговорить с ним. Однажды такая возможность ему представилась. Профессор собрал весь свой иврит в кулак, извинился и спросил молодого водителя, почему тот так поступил.

Водитель отнесся к вопросу серьезно, он надолго задумался и ответил: «Не знаю».

Тут профессор вспомнил всё, что он где-то читал, что левантиец напрягает мозги только в трех случаях: когда чувствует, что будут бить, когда пахнет деньгами и когда «пахнет» женщиной. За годы жизни в Израиле профессор поездил в разном качестве – как пассажир и как водитель – в таких «симпатичных», с точки зрения плотности движения, городах, как Мумбай (Бомбей), Шанхай, Джакарта, Рим, Милан, Каир, Афины, Сайгон (Хошимин), Нью-Йорк, Москва, Дакар и др., видел всякое, но такого откровенного, как в Израиле, мудизма на дорогах не встречал. Причем в целом движение в Израиле вполне нормальное – это вам не Каир и не Мумбай!

Кроме индивидуального мудизма, конечно, имеет место и общественный Он обратил внимание, что в Израиле нет знака «Главная дорога», показывающего, что вы едете по главной дороге. Он начал расспрашивать об этом инструктора по вождению на курсах переподготовки водителей. Тот поведал ему такую историю:

– Раньше такой знак был. Но потом решили, что он лишний, потому что любой израильтянин считает, что он всегда на главной дороге и ему надо говорить только тогда, когда это не так (второстепенная дорога).

Понятно, что такое решение могли принять только в стране с необычайно высоким уровнем общественного мудизма. Или: не иметь воздушных знаков «Движение по полосам», а упорно рисовать их на дорожном полотне, где они стираются и загораживаются стоящими впереди автомобилями, может только структура, всецело контролируемая мудистами. Справедливости ради надо заметить, что количество автотранспортных мудистов постепенно в Израиле снижается.

Случаи проявления мудизма служащими аэропорта Бен-Гурион многократно описаны в СМИ, и нет нужды повторяться.

Пользоваться письменностью, где нет заглавных букв, предлоги пишутся вместе со словами и не хватает пары-тройки гласных (а ввести такую реформу пара пустяков), может весьма мудистски настроенное общество. Или: при катастрофической

нехватке героев и объектов, в честь которых можно назвать улицы, берется не очень длинная улица, разбивается на три части и каждая из этих частей носит свое название. Это «приятно» сочетается с тем, что в большинстве случаев на домах не написано название улицы и номер дома.

Правда, бывают и полезные проявления мудизма. Например, Израиль постоянно занимает место в первой 5—10 в мире по уровню удовлетворенности граждан своим существованием. Конечно, считать, что жизнь в Израиле лучше жизни в богатых благополучных европейских странах, Канаде и США, могут только члены общества с повышенной степенью мудизма. Но с другой стороны, как это замечательно с точки зрения общественного здоровья населения.

Склонностью к мудизму отличаются многие высокопоставленные деятели Израиля. Например, изучив биографию И. Рабина и отдавая должное всем его заслугам перед государством, нельзя не прийти к выводу, что почтенный государственный деятель страдал секторальной мудистской болезнью. Чего стоит только одна его фраза: «Арафат будет воевать с ХАМАСом без БАГАЦа и Бецелема».

Нашел дурака, который будет воевать за дядю со своими единомышленниками! Или, например, вся его политика в жилищном вопросе, включая вышеописанный маленький фрагмент с Гинот Шомроном и Неве Менахемом, и т. д. и т. п.

Пара Рабин – Перес в сентябре 1993 года подписала «Соглашения в Осло», предусматривающие создание Палестинской автономии во главе с Ясиром Арафатом. Автономия получила сектор Газа, две трети Иудеи и Самарии, деньги и двадцать тысяч единиц стрелкового оружия для вооружения палестинской «полиции». Взамен Израиль получил лишь расплывчатые обещания. После этого начали взрываться автобусы, кафе, рестораны, рынки и гибнуть десятки людей. К 2003 году, то есть через десять лет с момента заключения Норвежских соглашений, от рук палестинских террористов погибло вдвое больше израильтян, чем за два предшествующих им десятилетия. Ничего не стоило обещание Рабина вторгнуться на территорию автономии после первого же теракта.

Ну а поддержка алии 1990-х товарищем Рабиным широко известна. США дают гарантии на десять миллиардов для абсорбции алии. Рабин тут же раздает их убыточным социалистическим хозяйствам: кибуцам – шесть миллиардов; концерну «Кур», принадлежащему профсоюзу «Гистадрут», – два с половиной миллиарда (все в долларах) и полтора миллиарда на расходы собственного правительства. Тогда же Рабин принял

решение о замораживании строительства на территориях и полном прекращении строительства социального жилья, заявив, что «время все жилищные проблемы решит без нашей помощи».

Когда на заре нашего государства Давид Бен-Гурион отдал приказ потопить корабль «Альталена», привезший оружие для еврейского подполья и стоявший на рейде Тель-Авива, то выполнил этот приказ Рабин. На «Альталене» погибло девятнадцать евреев. Многие считают Рабина великим полководцем. В действительности Рабин никогда не командовал никаким сражением и непосредственного участия в боях не принимал. В канун Шестидневной войны он не выдержал напряжения и в самое критическое время, являясь начальником Генерального штаба, практически устранился от дел. Его военная карьера была полна провалами и неудачами. Во время войны Судного дня (1973)«великого полководца» оставили сидеть дома. Точку в его военной и политической карьере поставил террористический акт 4 ноября 1995 года. А ведь Рабин, как премьер-министр, отвечал за Службу безопасности. В Рабина выстрелили с расстояния сорока сантиметров. Можно себе вообразить, чтобы вооруженный человек приблизился к Путину на сорок сантиметров?

Ну что тут скажешь?

Но величайшим израильским адептом хрестоматийного мудизма профессор считал Якова Кедми (Казакова). Он обладал всеми признаками этих прекрасных людей, изложенными в литературе на этот счет, главный из которых излагается очень коротко: «Мудисты стараются возвыситься за счет мнимых подвигов, обогатиться и занять более высокие позиции в обществе. Они любят учить других жизни, ничего из себя не представляя».

Великолепный образ одного из адептов мудизма был показан в гениальном фильме Ролана Быкова «Айболит 66». Там Бармалей выдвигает три главных тезиса: 1)«Я вас всех приведу к светлой жизни, а кто не захочет, тому отвернем голову», 2)«Это даже хорошо, что пока нам плохо», 3)«Я гениальный».

Игорь всегда глубоко возмущался, когда использовался полемический прием «ad hominem»: переход на личность оппонента вместо опровержения его аргументации, запрещенный в дискуссиях еще в Древнем Риме. В Израиле культуру Древнего Рима, видимо, уважают не очень. Тут сплошь и рядом применяют «ad hominem», когда утверждения оппонента считаются ошибочными потому, что он араб или папуас, или левый или правый, или в детстве мучил кошек, или в юности сексуально домогался Софи Лорен, а не потому, что он действует как

злонамеренный элемент или просто мудист.

В Библии сказано: «Да воздастся каждому по делам его», поэтому кратко проанализируем эти дела и посмотрим, насколько они обосновывают присвоение Яше этого почетного звания.

Его необычный отъезд профессор объяснял тем, что КГБ и другие советские органы были заточены на борьбу с абсолютно нормальными классическими диссидентами и находились в растерянности от активности Якова. Будучи в ошарашенном состоянии, они его и выпустили.

В 1990 году Якова Кедми назначили замдиректора «Натива» («Лишкат ха-Кешер»), а в 1992 он стал директором «Натива». Тут он возомнил себя Моисеем, который должен был вывести из СССР всех евреев поголовно в Израиль.

Однако не более половины советских евреев хотели ехать в Израиль, и Яша поступил в соответствии с заветом Бармалея: «Тем, кто не хочет идти к светлой жизни, будем отворачивать головы».

Отсюда, в начале 1990-х в почтовых ящиках советских евреев появлялись листовки и подметные письма об ожидающихся погромах и других возможных неприятностях, всячески раздувались слухи о поджогах и грабежах. В прессе появлялись сообщения о росте популярности антисемитских общественных организаций, а в подъездах и на стенах домов кое-где красовались антисемитские призывы. Надо сказать, что антисемитские публикации в газетах коммунистической и черносотенной ориентации появились в стране несколько позже, в 1992–1993 годах (газета «День»/«Завтра», «Пульс Тушина», «Русское возрождение», «Русские ведомости» (Москва), «Колокол» (Волгоград) и др.). А вот в 1990–1991 годах эта по множеству признаков псевдо-антисемитская деятельность была в основном делом рук (и денег) почтеннейшей организации «Натив», конечно, при активном участии нашего героя. Особенно активно израильтяне поддерживали националистические организации в республиках на периферии Союза, где уже начались кое-какие негативные процессы. А в центре страны это был в основном мнимый искусственный антисемитизм, выдуманный г-ном Кедми и иже с ним. Фактически реальное значение антисемитизма в стране было в ту пору ничтожно, что и продемонстрировали выборы 1989–1991 годов, когда политики, исповедовавшие антисемитские взгляды, практически нигде не добились успеха.

В подкрепление процитируем классика еврейско-диссидентского жанра г-на Кошаровского: «Давай не будем сами себя обманывать. Мы общались с людьми на достаточно высоком

уровне и понимали, что „Память“ пока не представляла опасности. Но мы эту карту тоже разыгрывали и где-то нагнетали ситуацию, чтобы стимулировать алию. Если говорить о Москве или Петербурге, то были отдельные антисемитские проявления, особенно на кладбищах, и мы всеми силами эту информацию использовали».

Звездный час Кедми пробил, когда он «закрыл» Америку для еврейской эмиграции из СССР или, как он выразился в интервью газете «Едиот Ахронот», «обманул миллион русских». Ну, конечно, наш герой в стремлении выслужиться перед израильскими хозяевами несколько преувеличивает. Во-первых, на самом деле он обманул не миллион, а полмиллиона, поскольку половина эмигрантов и так собиралась ехать в Израиль. Правда, надо сказать, что в обманутых оказалась наиболее образованная, квалифицированная и профессиональная часть потенциальных эмигрантов. Во-вторых, ему сильно помогал тогдашний премьер-министр Израиля Ицхак Шамир.

Процитируем Кедми: «Единственным, кого я подбил на борьбу, был Ицхак Шамир. Когда он поехал в Соединенные Штаты, он поднял этот вопрос и очень резко на эту тему говорил в выступлении в „Джи Ай“. Это было в 87-м или 88-м году».

А в-третьих, несколько изменилась ситуация в Америке: Конгресс США принял поправку Лаутенберга – Спектора (двух, ясное дело, евреев) к Закону о беженцах, в соответствии с которой претендовать на получение статуса беженца могли в основном лица, имеющие в США близких родственников. В принципе, эта поправка противоречила интересам Соединенных Штатов, в результате ее принятия в США не приехали десятки тысяч ученых и специалистов в затребованных в США отраслях знаний. Правда, Израиль вышел на первое место в мире по количеству чернорабочих с высшим образованием.

Яша лучше всех понимал, что если в Вене евреи, которым не дают американскую визу, устроят демонстрацию, то американское общественное мнение, включая американских евреев, заставит власти изменить свое решение. Поэтому он поставил задачу исключить Вену из списка перевалочных пунктов. Он придумал метод, который мог это предотвратить, и уговорил Шамира ввести новый порядок в посольстве, основанный на простой, но эффективной гипотезе – советское еврейство будет вести себя как обычное стадо баранов: если закрыть перед ним одни ворота, стадо побежит в другие. Согласно плану, эмигранты будут получать визу, только когда покажут билеты на выезд в Израиль через Бухарест или Будапешт, где в 1990 году были созданы транзитные лагеря.

Когда поезд или самолет прибывал в Будапешт или Бухарест, агенты «Натива» собирали эмигрантов, сажали их в автобусы и под конвоем румынской или венгерской спецслужб (под предлогом защиты от арабских террористов) везли их в гостиницу. Оттуда людей также под конвоем доставляли в самолеты, летящие в Израиль. В уплату за такую услугу Израиль помог Румынии и Венгрии получить займы по сто миллионов долларов от США. Хитроумный Яша организовал дело так, что въездные визы в посольстве выдавались после пяти часов в тот вечер, на который был куплен билет на самолет. Кроме того, визу выдавали только тем, кто предъявлял билет на самолет через Бухарест или Будапешт. Австрийское посольство в это время уже не работало, и эмигранты не могли получить там транзитную визу через Вену. Конечно, билет потом можно было выбросить и пойти в австрийское посольство на следующий день, но таких умников было, видимо, очень мало. Хотя они были, Игорь знал одного московского коллегу-еврея, который такую процедуру успешно проделал.

Кедми всё тонко рассчитал: раз родное израильское государство (не какие-то там кремлевские пропагандисты) говорит, что Америка закрыта, то нечего трепыхаться. Между тем перенос эмиграционной службы США из Рима в Москву никакого закрытия Америки не означал. Просто сам процесс эмиграции в США становился более трудным. Спустя почти год после отъезда в Израиль профессор получил приглашение из американского посольства на интервью.

Что получилось в результате, можно понять из крокодиловых слёз самого Кедми: «Тысячи случаев унижений, оскорблений, эксплуатации, расизма и дискриминации новоприбывших, с которыми я столкнулся в течение последних лет, причиняют мне боль и вызывают во мне гнев и стыд».

Вот уж: «Умри, Денис, лучше не напишешь»[33].

Интересно вот что. Кедми, чуть ли не единственный в Израиле из государственных и окологосударственных деятелей, понимал, что первая полумиллионная волна еврейских эмигрантов – это профессиональные образованные люди из крупных городов России, Украины и Прибалтики и тащить их в Израиль – это всё равно как снабдить строительную бригаду синхрофазотронами для уплотнения бетона на стройке. Зачем он делал то, что делал?

Игорю очень нравились объяснения Кедми по этому поводу. На вопрос корреспондента о том, знал ли он, что будет с вновь прибывшими, он сказал следующее: «Во-первых, с самого начала знать не мог. Сначала евреи начали ехать и приезжать, а потом

начались проблемы. Я же абсорбцией не занимался и отношения к ней не имел… Объективно не было никаких проблем принять и учителей, и врачей, и почти всех. Не было необходимости загонять людей на работы дворниками. Я был занят только тем, что было за пределами Израиля. И выстроил вне страны систему, которая обеспечивала максимальную подготовку, в том числе и профессиональную, еще до приезда в Израиль».

До ужаса напоминает объяснения немецких солдат времен Второй мировой войны: «Я что?.. Я простой полевой Gemeiner[34]. У меня была задача наловить как можно больше евреев и отправить их по назначению – я ее выполнил. А что с ними потом было, понятия не имею. Это всё там делали гестаповцы, эсэсовцы и прочие, а я тут ни при чем».

И далее цитируем Кедми: «Но я не волшебник и страну сам выстроить по своему видению не могу. Ежели народ израильский такую страну хочет, я его заставить не могу».

Но ежели ты такую страну видишь, зачем загоняешь в нее всех евреев поголовно? Его родной папа по прибытии в Израиль до большой алии быстро слинял в Канаду, а вот сыночек никак не мог предположить, что еще полмиллиона таких пап не найдут места в Израиле. Ну никак!

Вот что пишет сам Кедми по поводу отъезда папы: «Репатрианты из СССР и постсоветского пространства знакомы с явлением, когда вас не берут на работу потому, что вы слишком много знаете. И происходит это из-за опасения старожилов, что их потеснят. Мой папа слишком много знал, и в Израиле для него места не нашлось. Он уехал с моим братом, который, не желая оставлять его одного, покинул первый курс медицинского факультета накануне сессии».

Харизма Кедми столь велика, что он сумел запудрить мозги даже такому умному «трехэтажному» (литератор, политик и бизнесмен) еврею, как г-н Е. Я. Сатановский, который выдал такую историческую фразу относительно эмиграции евреев: «…За что его (Кедми) многие ругают последними словами. Но многие, кто поумнее, благодарны».

Нет, все-таки не зря Евгений Янович считает себя кандидатом в члены гипотетического всемирного правительства (правда, пока что он самовыдвиженец): кто Кедми ругает, тот дурак! Тут реализуется второй постулат Бармалея: «Это очень хорошо, что пока нам плохо».

Теперь посмотрим, как оценивает г-н Сатановский заслуги Кедми в деле организации массовой алии. Поскольку он все-таки человек приличный, хвалебная оценка звучит с некоторой оговоркой: «…Хотя, надо быть честным, если бы не Михаил

Сергеевич Горбачев, ни черта у него (у Кедми) бы не получилось. И ни у кого другого тоже».

Кстати, в этой фразе попутно содержится и оценка роли еврейских активистов в организации массовой алии начала девяностых годов.

У Яши бывали частичные просветления: «В годы работы в „Нативе“ у меня была полная уверенность, что выезд из СССР идет на пользу каждому еврею. Сегодня я признаю, что часть евреев, не уезжая из Союза, жили бы лучше – и в личном, и в финансовом плане. Эмиграция не пошла на пользу абсолютно всем. Что же касается судеб людей, то сегодня у меня иногда возникают сомнения и даже ощущение раскаяния. Не перешел ли я границу дозволенного простому смертному, так круто поменяв жизни сотен тысяч людей? Нет у меня однозначного ответа на этот тяжелый вопрос. Вероятно, и сегодня я поступил бы так же, однако теперь у меня нет уверенности, что сделанное мной действительно пошло на пользу всем людям. На пользу Израиля? Да, без сомнения. Но пошло ли это на пользу всем людям?»

С 2001 по 2015 год Кедми был персоной нон грата в России и резвился в отечественных заводях. Далее приводятся цитаты, в которых излагаются взгляды Кедми на нынешний Израиль и русскую алию, с которыми невозможно не согласиться.

«Поскольку кризис Израиля – системный, то сделать надо всего немного. Изменить систему власти, судебную и правоохранительную, экономическую и социальную, реформировать министерство обороны, армию и спецслужбы, систему здравоохранения, образования, науки, установить конституцию и отделить религию от государства. И это на первом этапе…»

«Больной мы народ, с извращенной историей психикой и полным набором привычек непотребных. Лечить народ наш надо, начиная, следуя известной народной поговорке „Рыба тухнет с головы“. Но процесс этот долгий, трудный и не гарантированный. <…> Такова природа политической власти в Израиле – страны нецивилизованного, примитивного капитализма…»

«Посчитайте, сколько способных ребят служат в боевых частях и сколько из них идут на офицерские курсы. Никакой пропорции и корреляции нет. Ну, служишь и хорошо, а вот на офицерские курсы у нас другие пойдут. То есть солдат-репатриантов даже не мотивируют, но некоторые проскакивают. Даже в армии нет здоровой корреляции между количеством детей репатриантов, которые служат в боевых частях, и количеством офицеров. Их единицы. На пальцах можно пересчитать. А те, которые проскочили, увольняются через короткое время, потому

что натыкаются на „стеклянный потолок“ и не видят перспектив».

«Я смотрю на детей новоприбывших. Большинство из них приехали в Израиль ради будущего своих детей. Большинство из их детей, если бы остались в странах исхода или эмигрировали в другие страны, получили бы высшее образование. Но здесь, в их стране, большинство их детей, одни из самых способных детей в мире, не могут получить аттестат зрелости. Часть из них скатывается к преступности и проституции. Сегодня в нашем Еврейском государстве еврейские дети получают самое худшее образование по сравнению с еврейскими детьми в других странах мира».

«Но меня страшно злит и печалит то, что происходит в стране, и моя оценка такова: если в ближайшие десять лет мы не придем к коренным изменениям в этой стране, то вряд ли Израиль сохранит жизнеспособность. Слишком серьезны структурные пороки в стране…»

«На протяжении многих лет Государство Израиль обогащалось наилучшей человеческой и профессиональной элитой стран Европы и арабских стран. Но и через шестьдесят лет существования государства мы так и не смогли использовать их знания и опыт и создать образовательные и другие структуры, соответствующие способностям и потребностям еврейского народа в XXI веке. Для того чтобы обеспечить развитие еврейского государства в соответствии с тем, на что способен еврейский народ и чего он заслуживает.

Вместо этого ими распоряжаются и процветают компании по использованию рабочей силы. Чисто израильское изобретение современного рабства! Компании, использующие работников, лишив их всех прав. Работники, которые в цивилизованных странах еще более ста лет назад добились основных прав, эксплуатируются в Израиле чудовищным способом и зарабатывают гроши. Эти компании по найму и взяли на работу тысячи учителей, инженеров, ученых и превратили их в рабов с благословения их новой родины!»

«Самый дорогой и самый лучший в мире человеческий капитал разбазаривается ужаснейшим способом. Среди новоприбывших приехали более 60 тысяч учителей. А израильская система образования, все более и более деградирующая с каждым годом и пребывающая в тяжелейшем кризисе, страдающая от острого недостатка учителей, оттолкнула их!»

И т. д. и т. п. Ну, тут уж опять впору вспомнить слова князя Потемкина по поводу «Недоросля». Никакой олимовской партии или другой общественной организации и не снился такой

толковый и квалифицированный анализ израильской системы вообще и вопросов абсорбции изрусов в частности. Вот только почему автор этого анализа не едет, например, в Канаду и не требует назад судебные декларации-аффидативы Щаранского, до сих пор используемые в канадских судах во время слушаний дел русскоязычных беженцев из Израиля. Ведь ничего, что прошло некоторое время, вот, например, испанцы сейчас возвращают гражданство потомкам евреев, изгнанных пятьсот лет назад.

И наконец наступает звездный час – после четырнадцати лет вынужденной изоляции от России наш герой поселяется на российском канале «Россия», в студии телеведущего В. Соловьева, где в полной мере исполняются его мечты: за хорошую зарплату реализовать свое огромное самомнение и самоуверенность (между прочим, и ум с эрудицией), пользуясь малограмотностью и абсолютно верноподданническим духом аудитории, а также злоупотребляя авторитетом израильской разведки, важным работником которой его обычно представляют российские СМИ (тут он и глава МОССАДа, и директор всех существующих в Израиле спецслужб, и, наконец, самое скромное: директор самой секретной спецслужбы Израиля).

Главными объектами злобных выпадов Кедми являются Америка и европейские страны НАТО, а также Украина. Вот несколько перлов из его речей.

«Россия в военной области обогнала США на три (!) поколения, и если Америка попытается ликвидировать разрыв, то ее экономика надорвется».

«Европа в своем убожестве только и может, что подло душить санкциями могучую Россию, и теперь должна заткнуться и немедленно распустить НАТО».

«Нужно очистить Украину от той нечисти, которая ее уродует, которая ее привела к катастрофе. Если ее не вычистить, как в Германии, она вернется опять. Сталин с бандеровцами поступил слишком гуманно, как и с эсэсовцами. Ни один член СС, бандеровец и оуновец не должен был остаться в живых».

«Представить Меркель и человеческие отношения невозможно».

«Тереза Мэй – это какая-то вошь на рогах вола».

«Северная Корея – исключительно разумное и логичное государство, которое четко следует своим интересам. Кто достоин уважения, так это северокорейские ученые, которые показали всему миру талантливость корейского народа в гораздо большей степени, чем это сделали технологи Южной Кореи».

И т. д. и т. п. – просто горы речей еженедельно.

А как он разбирается во всех видах вооружений – от пращи и

палицы до атомных ракет и торпед – просто диву даешься. А с какой легкостью он рассуждает об истории, культуре, науке и других субстанциях в живой и неживой природе. Поскольку Кедми действует исключительно на основе девиза ереванского радио «На любой вопрос – любой ответ», то его речения представляют собой смесь из очень квалифицированных толковых профессиональных суждений, банальных поверхностных примитивов и обыкновенной лжи.

Соединенные Штаты сегодня являются единственным надежным союзником Израиля, обеспечивают его финансовое, экономическое и военное прикрытие, и критика Кедми по их адресу в подобных выражениях есть просто хулиганство и провокация. Фрау Меркель за много лет проявила себя как верный союзник и друг Израиля, а оскорбления в ее адрес есть элементарное хамство и неблагодарность. Данте, как известно, поместил в последний, девятый круг ада, который называется «Обманувшие доверившихся», предателей благодетелей, предателей родных, единомышленников, гостей и друзей.

Кедми раздувается от собственной важности и переполняющих его тайных знаний, и всё, что он говорит нудным безапелляционным тоном, преподносится как истина в последней инстанции. Ну, это уже третий постулат Бармалея: «Я гениальный». Причем Соловьев никогда его не останавливает и завороженно всё слушает.

Когда-то в российском интернете в одном из описаний симптомов мудизма Игорь прочел, что одним из признаков мудизма является склонность к неосталинизму. Тогда он не придал этому значения, а позже, слушая откровения Кедми насчет Сталина, вспомнил.

По Кедми, оказывается, «Сталин был последний государственный деятель, который заботился о своей стране…». Оказывается, еврей Троцкий и другие большевики «независимо от происхождения» Россию не любили, а любил ее недоучившийся семинарист грузин Сталин, и ему не было альтернативы. Оказывается, «Сталин оказался единственным, кому было не наплевать на Россию. Была бы другая власть – не было бы России». Кедми вопрошает: «А как еще можно было изменить страну, провести индустриализацию с таким народом и такими руководителями – в том мире, в начале двадцатого века?»

Бог с ним, с Кедми, он еще не то скажет, чтобы удерживаться на первых ролях в пункте дистрибуции соловьиного помета, как назвал шоу г-на Соловьева российский телеведущий Иван Ургант. Проблема в феномене неосталинизма, который Игорь рассматривал как приступ коллективного секторального мудизма

в России.

Ох, как подыграл Кедми российским сталинистам, которые, сталкиваясь в очередной раз с окружающими их нищетой, неустроенностью, произволом чиновников, воровством, взяточничеством, произносят, бессильно потрясая кулаками: «Сталина на вас нет!» Раздувание российскими обывателями тлеющих углей сталинизма вполне понятно. Они ведь все думают, что тюрьмы, ссылки, пытки, голод и прочие сталинские прелести будут касаться их знакомых, сослуживцев, соседей, но не их самих. А вот они будут наслаждаться отсутствием коррупции, борьбой с проклятыми российскими ворами-буржуями, дешевыми крабовыми консервами и черной икрой в пустых гастрономах. Профессор помнил такую картину в начале пятидесятых годов. Как говорил герой одного водевильчика: «Помогите мне смеяться!»

Начнем с того, что Россия ко времени революции была достаточно развитой державой. По числу крупных предприятий и их технологическому уровню Россия была на уровне Германии и Великобритании и отставала только от США. В начале века в мире проходила электрификация, начиналось внедрение тракторов и других машин в сельском хозяйстве, началось бурное развитие автомобилизации, авиа– и паровозостроения. К моменту революции Россия была страной с мощной машиностроительной, судостроительной, электротехнической, химической, пищевой и текстильной промышленностью. Не говоря уже о том, что в царское время в России были открыты сильные технические вузы, функционирующие до сих пор. Другое дело, что вследствие революции в 1920 году уровень производства упал по сравнению с 1916 годом почти в десять раз.

Первым о необходимости индустриализации заговорил отнюдь не Сталин, а Лев Троцкий в апреле 1923 года на XII съезде РКП(б). Но он уже был в оппозиции, и участники съезда под предводительством Сталина эту идею отвергли. Причем если по Троцкому нужно было начинать индустриализацию как можно скорее в связи с внешнеполитическим положением, то по Сталину – Бухарину индустриализацию нужно было осуществлять медленно, не обращая внимания на окружение. Идеи Троцкого легли в основу книги его соратника Евгения Преображенского «Новая экономика», в которой он обосновал оптимальный путь финансирования индустриализации за счет крестьянской деревни. Кулаки вместе с нэпманами в то время имели на своих руках около 1,3 миллиарда рублей, которые и следовало использовать, полагал Преображенский. Интриги Сталина задержали индустриализацию в России на несколько лет, и

только когда то, о чем говорил Троцкий, усиление кулаков, стало угрожать сталинской власти, Сталин вдруг срочно принял троцкистский план индустриализации, естественно выдав его за свой. Троцкий же придумал и создал первые бесплатные трудовые армии для решения задач экономики во время Гражданской войны и решения проблемы занятости красноармейцев, преодоления разрухи, борьбы с ленью, разгильдяйством и безответственностью после окончания войны.

Товарищ Сталин творчески развил идею Троцкого и создал ГУЛАГ как мощнейшее бесплатное средство развития экономики. Действительно, зачем нужны красноармейцы, когда страна переполнена «врагами народа», которых можно загнать в лагеря. Больше того, Сталин создал лагеря для творческой интеллигенции (шарашки), где бесплатно под охраной трудились доктора и академики, такие как С. Королев, А. Пашков, А. Туполев и др. Ну, куда уж Троцкому, не любившему и не понимавшему русский народ, до этого додуматься.

Конечно, сталинская индустриализация осуществлялась в основном ради тотальной милитаризации страны. Соответственно, гипертрофированное развитие получала военная промышленность и развитие добычи полезных ископаемых. Ленинско-сталинской России повезло. В 1930-е годы начали нарастать кризисные явления в экономике ведущих капиталистических стран.

В 1920-е годы главные проекты были с Германией, поскольку советско-германские связи освобождали Германию от обязательств по Парижскому мирному договору 1919 года. В военном министерстве Германии была создана «Зондергруппа Р» (Россия), а уже к середине 1921 года «Зондергруппа Р» договорилась с германскими промышленниками о том, что фирмы Blohm und Voss (подводные лодки), Albatros Werke (воздушный флот) и Krupp (оружие) предоставят России «как свои технические силы, так и нужное оборудование». Для финансирования намеченных проектов в Германии был образован консорциум во главе с Deutsche Orientbank.

В 1930-е годы на первое место выходит Америка. Из-за Великой депрессии в США без работы остался именитый архитектор и промышленный дизайнер Альберт Кан – строитель фордовских заводов. Фирма Albert Kahn Inc. спроектировала и построила 500 советских предприятий! Американцами были спроектированы сотни предприятий, их инженеры укомплектовали эти предприятия оборудованием, которое было произведено в США, Германии и др. странах, а потом перевезено в Россию. Так были построены «Магнитка», Днепрогэс, СТЗ, ЧТЗ,

Уралмаш, Горьковский автозавод и т. п. В СССР приехало около двухсот тысяч американских инженеров и техников, которые руководили почти миллионной армией заключенных ГУЛАГа, – плюс немногие оставшиеся в России дореволюционные кадры. За эти десять лет американские профессора подготовили на рабфаках триста тысяч квалифицированных специалистов – то есть все кадры для советской промышленности! Таким образом, материальную базу социализма построили капиталисты Германии и США.

Общая стоимость сталинской индустриализации, по разным оценкам, составила около трех миллиардов долларов США (по нынешнему курсу). Плата осуществлялась по большей части за счет западных кредитов, которые затем СССР возвращал золотом или ликвидными товарами, такими как зерно. Где это брать в нищей, разоренной стране? И вот тут-то и развернулись таланты товарища Сталина, имевшего еще дореволюционный опыт руководства экспроприациями, осуществлявшимися для пополнения партийной кассы большевиков. Основным источником валюты стало зерно, которое скупалось у крестьян по заниженным ценам и продавалось за рубеж. Крестьяне сдавать зерно почти даром не хотели, и его экспроприировали насильственно.

Сельское хозяйство уже никогда не оправилось после сталинского умиротворения крестьян, и начиная с середины 1950-х годов СССР закупал хлеб за границей.

Наряду с этим Сталин в 1928 году начал распродавать музейные коллекции страны, включая произведения искусства из Эрмитажа, дворцов российской аристократии и экспроприированных частных коллекций. Еще одним источником золота стали магазины «Торг-син», через которые осуществлялась скупка золота и серебра у граждан. За полученные взамен «боны» жители покупали дефицитные продукты и товары. В период функционирования «Торгсина» в 1932–1936 годы граждане принесли туда 222 тонны золота и более 2500 тонн серебра. Другим каналом была национализация церковного имущества. Ну и, конечно, полным ходом наращивалась добыча золота на Колыме силами заключенных ГУЛАГа. В период 1932–1941 годов зэки накопали Сталину около 400 тонн чистого золота, что составило примерно три четверти от добычи во всей стране.

По-сталински решался вопрос с рабочей силой. В 1930 году заключенных в стране было около 100 тысяч человек, через десять лет их число увеличилось до 2,5 миллиона человек. В результате коллективизации, голода и чисток между 1927 и 1939 годом погибло, по различным оценкам, от 7 до 13 миллионов человек. В

местах крупных новостроек всегда появлялись исправительно-трудовые лагеря, входившие в систему ГУЛАГа НКВД. Труд заключенных использовали на самых тяжких работах, особенно в отдаленных районах с суровым климатом. Профессору не раз приходилось ездить по колымской трассе (дорога Магадан – Якутск), которую называют дорогой на костях (до 1970-х годов при любых дорожных работах выкапывались человеческие кости). Во время первых поездок Игоря несколько раз завозили в сохранившиеся лагеря (например, в лагерь «Днепровский» или «Эльген»), и то, что Игорю пришлось там увидеть и услышать, находилось за пределами человеческого понимания, хотя он и читал перед этим «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. Рабочий день заключенных при добыче золота длился пятнадцать часов, а работы прекращались, только когда температура воздуха опускалась ниже 50 градусов. Сюда бы на экскурсию в 50-градусный мороз прислать группу неосталинистов.

Рост денежной массы в обращении более чем в два раза опережал рост производства предметов потребления, что привело к росту цен и дефициту потребительских товаров. В 1929 году карточная система была введена почти на все продовольственные товары, и карточки были отменены только в 1936 году.

В СССР уровень жизни населения упал в период с 1930 по 1933-й, а до 1939 года рос очень незначительно. При этом потребление продуктов, таких как мясо, молоко, масло, хлеб, яйца, рыба, сильно упало со времени сворачивания НЭПа и к 1937 году было значительно ниже, чем в царский 1913 год. Да, ВВП рос, но это никак не отражало реальное повышение уровня жизни, ведь рост происходил за счет тяжелой индустрии в ущерб производству и импорту потребительских благ, которые и повышают качество жизни граждан. Сталин до минимума сократил потребление собственного народа и довел до массового голода миллионы крестьян в начале 1930-х. Сталин полностью уничтожил российское сельское хозяйство, хотя сама индустриализация была оплачена экспортом сельхозпродукции, прежде всего зерна. Кроме массового насилия, сталинская индустриализация имеет еще одну характерную черту – резкое падение производительности труда. Оно наблюдалось на начальном этапе (1928–1933 годы) как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Причем в промышленности было наиболее сильным – почти на 60 % (в среднем по экономике – на 35 %).

Чтобы навсегда оставить индустриализацию в глазах народа как подвиг трудящихся под руководством гениального Сталина,

были расстреляны почти все, кто так или иначе был связан с закупками импортного оборудования. Давайте сравним сталинскую индустриализацию и ее конечный результат с аналогами XX века в послевоенной Германии, Японии, Южной Корее, Тайване и даже КНР. А надо сказать, что после войны эти страны достигали таких же или больших успехов, но без подобных лишений и жертв. Оценивая Сталина с точки зрения экономических достижений СССР, не забудем сравнить его с таким замечательным хозяйственным руководителем, каким был Адольф Алоизович Гитлер. После поражения кайзеровской Германии в Первой мировой войне и подписания Версальского договора Германия потеряла все свои колонии, лишилась восьмой части своей европейской территории, общей площадью около 67,5 тысячи квадратных километров, на которых проживало 5,5 миллиона жителей. Кроме этого, Германия обязалась выплатить репарации в размере 132 миллиардов марок в течение 37 лет. Достижения Гитлера были невероятными. Начав без денег и с семью миллионами безработных, в Германии за пять лет (с 1932 по 1937) практически было покончено с безработицей, национальное промышленное производство возросло на 102 процента, а национальный доход удвоился. Это было подлинное немецкое экономическое чудо, сотворенное без ГУЛАГа и ограбления музеев. Все немцы получили важнейшие социальные гарантии: отличное медицинское обслуживание, прекрасно организованный, культурный и здоровый отдых, систему образования и физической культуры. Была построена сеть великолепных автобанов, служащих до сих пор, пущен в эксплуатацию завод «Фольксваген», а условия содержания рабочих были настолько улучшены, что рабочих нанимали в ближайших дружественных странах, чтобы облегчить нехватку работников в Германии. Для простых людей были построены дома для одной семьи. Практически любой человек мог позволить себе иметь собственный дом. В гитлеровской Германии не было бомжей и нищих.

Ну а про научно-технические достижения Германии в то время нечего и говорить, даже их простое перечисление поражает воображение, ни одна страна до и ни одна после не могут с этим соревноваться. Благодаря правильному подходу Гитлера к современным видам вооружений и его административным качествам немецкая армия стала лучшей в мире.

Большой поклонник Сталина, Гитлер говорил прямо: «Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба И. Сталина. По своим военным и политическим

качествам Сталин намного превосходит и Черчилля, и Рузвельта. Это единственный мировой политик, достойный уважения. Наша задача – раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина не появлялись».

Или еще он заявил 22 августа 1939 года на совещании высшего генералитета Вермахта: «Существует только три великих государственных деятеля во всем мире: Сталин, я и Муссолини. Муссолини – слабейший… Сталин и я – единственные, кто видит будущее. Таким образом, через несколько недель я протяну Сталину руку на общей германо-русской границе и вместе с ним предприму раздел мира». Что, в общем-то, и произошло чуть позже.

Не отставали от фюрера и соратники. Приведем несколько коротких цитат.

Геббельс: «Советский диктатор из наших…», Риббентроп: «Я чувствовал себя в Кремле, словно среди старых партийных товарищей», Муссолини: «Сталин – скрытый фашист».

Ответные реверансы Сталина достаточно хорошо известны. Риббентроп, министр иностранных дел, в своих воспоминаниях «Альянс и разрыв со Сталиным» пишет, что после переговоров 23 августа 1939 года со Сталиным и Молотовым в связи с подписанием пакта о ненападении в служебном кабинете Молотова был сервирован небольшой ужин на четыре персоны. Сталин встал и произнес короткий тост, в котором сказал об Адольфе Гитлере как о человеке, которого он всегда чрезвычайно почитал.

Разница между обоими тут состояла только в том, что Гитлер сохранил свое отношение к Сталину до конца своих дней, в то время как отношение Сталина к Гитлеру превратилось в презрение и ненависть из-за непроходимой глупости и паранойи последнего.

Теперь давайте посмотрим на военно-политический аспект деятельности друга всех физкультурников. Вторая мировая война не состоялась бы без усилий обоих диктаторов – Гитлера и Сталина. Гитлер на встрече с Молотовым в Берлине заявил, что они оба, стоя спина к спине, будут непобедимы, и они были непобедимы в течение двух лет после подписания пакта Молотова – Риббентропа, пока в августе 1939 года Гитлер спину не убрал. Германия вторглась в пределы Польши 1 сентября с севера, юга и запада. Сталин вторгся в Польшу 17 сентября с востока. Второй кампанией той войны стало нападение СССР на Финляндию в ноябре 1939 года. Третьей кампанией стал захват немцами Дании и Норвегии в апреле 1940 года. Четвертая кампания – оккупация Франции в мае 1940 года и далее присоединение к СССР Эстонии,

Литвы и Латвии. На западе шла «странная» война Германии с Англией и Францией.

Ничто не предвещало нападения немцев на СССР. Нападать в 1941 году на СССР было полным идиотизмом со стороны Гитлера, а Сталин его идиотом не считал. Ему казалось, что Гитлеру сначала надо одолеть англичан, поскольку война на два фронта совершенно губительна для Германии, как заверяли Гитлера все высшие офицеры. При этом как мог Гитлер не учитывать факт поставок товаров из СССР – за шестнадцать месяцев в Германию было поставлено сельскохозяйственной продукции, нефти и минерального сырья на общую сумму около одного миллиарда марок, включая ресурсы, закупленные в третьих странах. А Гитлер еще воевал на Балканах, в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Плюс к этому весной 1941 года американский Конгресс утвердил билль о ленд-лизе, по которому государства, подвергшиеся гитлеровской агрессии, смогут получить военную и экономическую помощь. Войну с Германией СССР трудно было проиграть – из-за превосходства на порядок человеческих, территориальных, сырьевых и других ресурсов. Поэтому Сталин не боялся нападения Германии в 1941 году и до последнего не верил, что фюрер решился напасть на СССР. Сам он, будучи практичным тираном, не понимал иррациональности нацистской идеологии с ее расовой подкладкой. Гитлер большевиков и евреев ставил на одну доску и считал их виноватыми во всех бедах в мире. Ради уничтожения этой заразы Гитлер готов был рискнуть и напасть на СССР вопреки всякой логике.

Вообще невозможно объяснить поведение Сталина, если не понимать, кого он все-таки боялся. А боялся он собственной армии. Как поведет себя при нападении извне Красная армия, состоящая на три четверти из крестьян, нахлебавшихся сталинских голодоморов и репрессий? Как поведут себя командиры-военспецы из бывших царских офицеров? Не повернут ли они свои штыки в сторону великого вождя? А что будет делать царский поручик тов. Тухачевский? Вот где таилась опасность власти и жизни для вождя всех народов. К тридцатым годам в руках Сталина сосредоточилась огромная власть, партийный, государственный аппарат страны, а вот для армии Сталин не был авторитетом. Красную армию создал Троцкий – первый нарком военно-морских дел (1918–1925), председатель Реввоенсовета республики. Троцкий первый понял, что для победы революции необходима регулярная армия на основе единоначалия и массовой мобилизации. Командовать такой армией могли только кадровые офицеры. Многие из них сидели в тюрьмах не за

выступления против новой власти – просто как «классово чуждые элементы». Троцкий предложил освободить их и при поддержке Ленина призвал на службу в РКК 75 тысяч бывших офицеров царской армии, в том числе 775 генералов и 1726 офицеров Генштаба. Их называли «военспецы». Во многом благодаря этому была одержана победа в Гражданской войне. Троцкого в Красной армии уважали и помнили.

Сталин отлично усвоил уроки истории, показавшие, как поражение в войне с Японией вызвало революцию 1905 года и чем закончилась неудачная для России Первая мировая война: революциями, потрясением, сменой власти. А тут война с Гитлером или Англией… И он решил подстраховаться и укрепить свое положение в армии.

Вот и подстраховался. В короткие сроки расстрелял трех заместителей наркома обороны, наркома Военно-морского флота, 16 командующих военными округами, 26 их заместителей и помощников, 5 командующих флотами, 8 начальников военных академий, 25 начальников штабов округов, флотов и их заместителей, 33 командира корпуса, 76 командиров дивизий, 40 командиров бригад, 291 командира полка, двух заместителей начальника Политуправления РККА, начальника Политуправления ВМФ. Из 108 членов Военного совета к ноябрю 1938 года из прежнего состава в живых осталось только 10 человек… Был уничтожен почти весь профессиональный командный состав вплоть до командиров батальонов. Потом в ходе войны пришлось профессионалов, которые не были расстреляны и выжили в лагерях, из этих лагерей вытаскивать и ставить во главе армии, например маршала Рокоссовского.

Как следствие – по состоянию на 1941 год только в сухопутных войсках не хватало почти 70 тысяч командиров.

Конечно, Сталин понимал, что с таким командным составом воевать с Гитлером крайне нежелательно, и в 1941 году любой ценой пытался избежать или отсрочить нападение Германии. В июне Сталин объявляет дезинформацией и провокацией любые сведения о готовящейся войне, не верит даже донесениям своих же разведчиков.

Бездарность Сталина как полководца проявилась еще в Гражданской войне. При обороне Царицына Сталин был послан туда из Москвы с конкретным заданием, касающимся снабжения продовольствием, а он сразу начал искать предателей – офицеров непролетарского происхождения. Он, получив какие-то полномочия от царицынского рабочего класса, с этими полномочиями, опираясь на поддержку командиров пролетарского происхождения, которые хотели занять более

высокие посты в командовании, сместил, репрессировал и расстрелял командиров-профессионалов, в результате чего Царицын сдали, имея превосходящие силы. Это вызвало глубокое возмущение Ленина, который на VIII съезде партии действия Сталина и Ворошилова под Царицыном подверг резкой критике: «У нас шестьдесят тысяч потерь. Это ужасно… Вы говорите: мы героически защищали Царицын… Но ясно, что по шестьдесят тысяч мы отдавать не можем и что, может быть, нам не пришлось бы отдавать эти шестьдесят тысяч, если б там были специалисты, если бы была регулярная армия».

Иначе как катастрофой начало Великой Отечественной войны назвать нельзя. Агрессору противостояла 3,5-миллионная Красная армия с семью танковыми корпусами, в составе которой было 11029 танков (еще более 2000 танков уже в первые две недели были дополнительно введены в бой под Шепетовкой, Лепелем и Даугавпилсом) и с 64 истребительными авиаполками (320 эскадрилий), имеющими на вооружении 4200 самолетов, к которым уже на четвертый день войны перебросили 400 самолетов, а к 9 июля – еще 452 самолета. Превышающая по численному составу противника на 17 процентов РККА на границе имела подавляющее превосходство в боевой технике – почти в четыре раза по танкам и в пять раз по боевым самолетам! Не соответствует действительности мнение, что советские механизированные части были укомплектованы устаревшей техникой, а немцы – новой и эффективной.

По всей военной науке внезапность первого удара могла обеспечить успех немцам в течение одного-двух дней и прорыв на расстояние не более 40–50 километров. Далее советские войска, пользуясь своим подавляющим преимуществом в боевой технике и оборонительной начальной позиции, должны были отбросить противника за свои границы.

На самом же деле Красная армия практически рассыпалась после первых же ударов немецких частей, партийное руководство растерялось и проявило свою полную некомпетентность, офицерский корпус оказался не готовым к серьезным боям. Части, побросав боевую технику, бежали с поля боя, сдавались немцам или прятались от врага. В результате через полгода армия образца июня 1941 года была уничтожена: 3,8 миллиона пленных, почти миллион убитых, раненых, брошенных при паническом бегстве и пропавших без вести, миллион дезертиров (уклонившихся от плена и фронта). Только за первые шесть месяцев войны немцы захватили или уничтожили 21 тысячу танков, 17 тысяч самолетов, 33 тысячи орудий и 6,5 миллиона единиц стрелкового оружия.

Размеры этой катастрофы были беспрецедентны и полностью развеивали мифы о мудрости советского партийного руководства и преданности Родине простых советских людей.

Сталин лучше других понимал, что разговоры о слабости советской приграничной группировки (которые ведутся до сих пор) – чистейшая ложь, никак не объясняющая такого количества пленных и дезертиров, а соль состоит в двух других аспектах.

Первый заключается в том, что в начальный период войны весьма значительная часть как военнослужащих, так и гражданского населения не рвалась решительно противостоять врагу, а тайно надеялась на освобождение от большевистского режима с помощью немцев.

Они стояли перед выбором: бороться с немцами, защищая не только Родину, но и ненавистную власть, или попытаться вместе с немцем скинуть большевистский режим. При этом основную массу составляли колеблющиеся.

Колебания усиливались еще и тем, что за два года советско-германской дружбы советская пресса нарисовала Германию как дружественную страну и страну успешного социального и промышленного развития.

Вторым фактором была абсолютно низкая квалификация и деморализация командного состава. Командиры всех уровней боялись не столько немцев, сколько собственного начальства и карающих органов. Никто не хотел брать на себя инициативу без приказа сверху, а приказы не приходили. Без грамотного и инициативного командования нечего было и думать об эффективной обороне, гораздо проще было отступать.

И тут лучший друг всех физкультурников действительно испугался. Помочь делу могла только всенародная война, в которой бы советский народ весь как один сплотился и сел в одну лодку. Сделать это мог только Гитлер, и он не подвел – решительно выкопал себе могилу. Лучше всех ситуацию описал сам Сталин, который в своем докладе в ноябре 1941 года сказал одну из немногих истин, изреченных им в период войны: «Глупая политика Гитлера превратила народы СССР в заклятых врагов нынешней Германии». В это время уже большинство жителей СССР поняло, что в этой войне вопрос поставлен однозначно – погибнуть или победить. Именно это трансформировало в СССР Вторую мировую в Великую Отечественную (народную) войну, в которой Сталин переложил ведущую роль в войне на плечи народа.

Таким образом, авантюризм, беспримерная наглость и самоуверенность привели Гитлера к чудовищным репрессиям против народов СССР, что неизбежно обусловило победу

Советского Союза над Германией (даже вынося за скобки преимущества Союза в территории, людских резервах и экономическо-сырьевом потенциале). Кстати, даже людоедская политика Гитлера не остановила полностью массового дезертирства и сотрудничества с оккупантами во время войны. Например, численность личного состава военных формирований «добровольных помощников» (так называемых «хиви»), полицейских и воинских частей из советских военнослужащих и гражданских лиц к середине 1944 года превышала 800 тысяч человек (только в СС служило более 150 тысяч бывших советских граждан).

После начала Великой Отечественной войны великий вождь уже действовал как он привык. Едва оправившись от шока первых дней войны и поняв, что он уже спрятался за спину народа, Сталин уже 27 июня 1941 года подписал указ о создании в армейских частях пресловутых заградительных отрядов. За время войны эти отряды осудили около миллиона и расстреляли 160 тысяч советских солдат, отставших и бежавших с фронта. Также было расстреляно 23 генерала. Несколько позже были созданы штрафные подразделения, через которые прошли около полумиллиона военнослужащих. Тут же Сталин повелел арестовать заместителя наркома обороны Мерецкова, а также наркома вооружений Ванникова и 40 других военачальников, 25 из которых были расстреляны. В неудачном начале войны оказался виновным не товарищ Сталин, а генералы-заговорщики. Все свои многочисленные проколы Сталин всегда объявлял делом рук заговорщиков – участников полностью сфабрикованных им же заговоров. Наблюдая жестокости Сталина еще до войны, Гитлер однажды сказал: «Нам, возможно, даже не придется нападать на красных. Сталин их сам перестреляет».

Отечественная война по сценарию была похожа на позорную финскую войну, длившуюся три месяца. Тогда официальные цифры советских потерь: 48 475 погибших и 158 863 раненых, больных и обмороженных. В действительности потерь было значительно больше. Документы Государственного архивного фонда СССР содержат такие данные: всего, учитывая раненых, умерших впоследствии, советские потери составили 95 348 человек. Западные источники приводят еще большие цифры: 126 875 погибших и пропавших без вести, 264908 раненых, 3100 пленных. Общие потери в финских войсках за время войны: 26 662 погибших, 39 886 раненых, 1000 пленных и пропавших без вести. В целом, общие потери Красной армии в пять раз, по убитым – в шесть раз, по самолетам – в восемь раз превышали потери противника. Соотношение сил в зоне боевых действий к

началу конфликта составило 265 тысяч финских военнослужащих против 425 640 советских, 26 танков против 2289, 534 орудия против 2876 и 270 самолетов против 2446. К концу войны численность советских войск достигла 760 500 человек. Правда, финны получили за время войны помощь оружием, главным образом из Британии, Франции и Швеции (350 истребителей, 500 орудий, 6 тысяч пулеметов и 100 тысяч винтовок).

А великий стратег Сталин предполагал разгромить финнов за десять – двенадцать суток. На совещании в Кремле он сказал: «Давайте начнем. Мы лишь чуть повысим голос, и финнам останется только подчиниться. Если они станут упорствовать, мы произведем только один выстрел, и финны сразу поднимут руки и сдадутся».

Результаты финской войны также подталкивали Гитлера к нападению на СССР. До этой войны Гитлер верил все же, что, несмотря на сталинские чистки с учетом победы на Халхин-Голе, с Красной армией пока воевать не стоит. Но после финской войны Гитлер и его генералы заключили, что СССР – «глиняный колосс без головы» и одержать победу над ним вполне возможно. Таким образом, финская война уже показала полную бездарность тов. Сталина как полководца, а Великая Отечественная только подтвердила этот факт.

Дорого платил советский народ за политические и военные просчеты великого вождя. Соотношение потерь убитыми РККА и Вермахта на Восточном фронте составляет примерно пять к одному. С 1941 по 1945 год соотношение потерь бронетанковой техники Красной армии и Вермахта составило три к одному. Соотношение потерь противостояния бронетанковых парков обоих сторон в битве на Курской дуге составило один к пяти. Советские истребители, числом значительно превосходя немецкие, сбили на советско-германском фронте примерно в 2,5–3 раза меньше самолетов, чем немецкие, а потерь понесли в 6,3 раза больше.

Хорошо описал ситуацию начальник генштаба сухопутных сил Германии генерал Гальдер: «Всё говорит о том, что мы недооценили русского колосса, который готовился к войне со всей безудержностью, свойственной тоталитарным государствам. Это очевидно и с точки зрения организации, и с точки зрения экономики, но прежде всего с точки зрения военной мощи. С самого начала войны мы считали, что у врага 200 дивизий. Конечно, эти дивизии не обучены и не экипированы так, как наши, часто их командиры совершенно несостоятельны. Но они есть. И как только десяток дивизий уничтожают, русские вводят в бой еще десяток».

Немецкие пулеметы MG-42 имели скорострельность 1,5–2 тысячи выстрелов в минуту. И были случаи, когда немецкие пулеметчики, очередь за очередью выбивая красноармейцев, сходили с ума, им казалось, что мертвые встают и снова идут в атаку. С потерями не считались, отступать советские солдаты не могли – сзади их ждали заградотряды. Нельзя отождествлять героизм советского народа с кровавой личностью Сталина. Официальная цифра потерь СССР во Второй мировой озвучена как 27 миллионов человек, хотя недавно появились новые данные, называющие новую, еще более ужасную цифру – 41 миллион, 19 из которых составляют солдаты Красной армии.

Миф о незаменимой роли Сталина в победе над Германией, о его полководческом гении сочинен самим Сталиным. В 1948 году вышла в свет краткая биография вождя, текст которой он сам редактировал. Более того, именно он вписал туда восхваление собственных военных заслуг – надо было как-то оправдываться за бездарные, а то и преступные деяния во время войны. На самом деле Сталин был всего лишь тиран, пришедший к власти на крови и заливший немецкую армию кровью советских солдат, что, конечно, не умаляет великого подвига советского народа в деле разгрома гитлеровской машины. Игорь всегда удивлялся, почему противопоставляют огромные потери в живой силе и технике Красной армии мужеству и доблести солдат и офицеров. Это ведь одно другому не мешает. Разве боец, бросающийся под танк со связкой гранат, думает о соотношении потерь между своей и вражеской армией? Соотношение потерь зависит от множества факторов.

Излюбленным стратегическим приемом великого вождя было удержание любой ценой занятых рубежей вместо организованного отступления перед превосходящими силами противника. Примером может служить поведение Сталина при борьбе за Киев, описанное маршалом Василевским в его мемуарах: «При одном упоминании о жестокой необходимости оставить Киев Сталин выходил из себя». В результате в окружении оказалось полмиллиона человек и погибло все руководство Юго-Западного фронта. И таких примеров множество. Прежде всего благодаря Сталину и его окружению время войны стало периодом самой страшной демографической катастрофы в новейшей истории России.

Незаменимость Сталина для СССР можно оценить, наблюдая, с каким облегчением все пережили его смерть и как спокойно продолжала работать государственная машина. Берия, Маленков, Булганин, Хрущев и др. поделили между собой все государственные должности и продолжали работать, как ни в чем

не бывало. А уж как облегченно после похорон вздохнули лидеры восточноевропейских сателлитов. Ясно только одно, что никакой Троцкий не угробил бы такое количество граждан своей страны, как любящий ее Сталин.

Глава 9
Хождение за три моря

Поскольку уже было что показывать, профессор со Львом Зайдом отправились в Индию, в город Агру, на международную конференцию и выставку по транспортным средствам, работающим на альтернативном топливе. Они летели через Москву до Дели, и оттуда участников конференции на челноках-микроавтобусах перевозили в Агру.

Расстояние от Дели до Агры относительно небольшое – около двухсот километров, но Игорь со Львом ехали шесть часов. Достаточно широкое двух– или трехполосное шоссе в каждую сторону шло через множество городков и деревень. Был воскресный день, и оживленность на шоссе была чрезвычайной. На отрезках, проходящих по населенным пунктам, можно было одновременно увидеть все виды транспорта, созданные человечеством. Нанесенные на дороге ограничительные полосы встречаются редко, поэтому можно говорить только об условных полосах. В правой полосе (в Индии левостороннее движение) двигались повозки, запряженные лошадьми, ослами, мулами и верблюдами. Там также неторопливо шли навьюченные величавые слоны и верблюды. Далее формировалась полоса невиданных в Европе или Америке механических транспортных средств. Они представляли собой сварную раму, к которой снизу крепились четыре колеса, а сверху устанавливался мотор, рулевое колесо и сиденье водителя. Ни кабины, ни стенок, ни капота вокруг двигателя у этого сооружения нет, а есть только дощатый пол, на который укладывается груз. Сверху груза еще сидят пассажиры в немалом количестве. В этой же полосе едут грузовые и легковые велорикши и все виды велосипедов. За ними располагаются мотоциклы и мотороллеры, а также моторикши. Далее двигались грузовики.

Индийский грузовик – это отнюдь не скучное средство для перевозки груза, а механический участник огромного уличного карнавала. Каждый грузовик – это объект художественного творчества, и найти две абсолютно одинаковые машины невозможно. Он ярко расписан различными сюжетами, включая элементы декора, пейзажи, здания, животных, надписи и пр. После покупки грузовика владелец первым делом отправляется в специальную художественную мастерскую, где народные художники придают ей надлежащий карнавальный вид. Стоит это удовольствие, по индийским понятиям, весьма недешево – в

среднем 1000–1500 долларов США. Интерьер кабины также обновляется путем использования различных ковриков, расписных шторок, кистей и пр. мишуры. Торпедо перед лобовым стеклом служит своеобразным алтарем и уставляется статуэтками богов, пакетиками с благовониями, гирляндами и пр. Гнусная мысль скучных европейцев или каких-нибудь американцев об отрицательном влиянии этой «музыки» на безопасность вождения в Индии, видимо, никому в голову не приходит. Украшение грузовиков давно стало в Индии художественной традицией, передающейся по наследству. Кроме того, роспись грузовиков является весьма распространенным бизнесом в Индии, в котором занято немало народа, вполне обеспеченного работой. Естественно, никто и не помышляет о борьбе с сигналами на дорогах – напротив, на многих грузовиках на задних бортах написано: «Please, horn»[35].

Соответственно, водители сигналят постоянно на дороге, дабы предупредить окружающих о своем приближении. Говорят, что такой обычай полностью себя в Индии оправдывает. Не забывают водители также о тотальном иллюминировании своих любимцев – грузовики снизу доверху обвешаны светящимися гирляндами и ночью выглядят как самоходные новогодние елки. Измышления конструкторов автопроизводителей о предельной грузоподъемности и центре тяжести тут рассматривают как совершенно несерьезные. Зачастую кроме груза в кузове, расположенного выше кабины, машину еще нагружают мягкими тюками, свешивающимися по бокам. А сверху всего этого еще располагается десятка два пассажиров. На крышах кабин также ставят площадки с матрасом, где можно поспать на ходу или ночью на стоянке. В связи с совершенно завышенным центром тяжести на шоссе каждые тридцать километров можно было увидеть лежащий на боку грузовик.

И, наконец, в крайнем левом ряду двигались легковые автомобили. Их скорость была также невелика, поскольку населенные пункты попадались часто и в них толпы гуляющих, торговцев и коров пересекали дорогу в обоих направлениях.

К отелю подъехали уже к вечеру По индийской традиции большие отели располагаются в обширных парках, и, подъезжая по аллее к подъезду, Игорь со Львом обратили внимание на большое количество серых обезьян размером с овчарку, лежащих и гуляющих на лужайках. Впоследствии, возвращаясь в отель вечером, Игорь на всякий случай дорогу не срезал и не ходил через лужайки – кто их знает, этих обезьян! Два швейцара у входа выглядели очень живописно – это были двухметровые чернобородые мужики в разноцветных тюрбанах, расшитых

туфлях с загнутыми носками и шелковых шароварах, у которых на поясе висели здоровенные кривые турецкие ятаганы. Швейцары мигом отобрали у пассажиров челнока все пожитки, включая чемоданы, портфели, папки и даже рулоны с плакатами, и унесли их в неизвестном направлении. Игорь со Львом опасливо посмотрели им вслед и смиренно пошли оформляться.

Конференция проходила не в том отеле, где жили Игорь со Львом, а в другом, расположенном на расстоянии в несколько километров. Конференция была организована с большим размахом, и было организовано сообщение между двумя отелями при помощи бесплатных велорикш, толпящихся у входа в эти отели. Некая канадская благотворительная организация поставила сотню велоколясок облегченного типа с широким использованием титана в их конструкции с последующей передачей этих колясок в дар городу Агра, а устроители конференции подрядили соответственное количество водителей на эти коляски. Некоторые из участников конференции не могли избежать соблазна залезть в шкуру индийского рикши. Однажды Игорь, под вечер возвращаясь домой в свой отель, услышал хохот и крики на дороге. Его рикша догнал коляску, в которой восседал худенький маленький черненький индус, а педали крутил огромный американец – участник конференции. Оба были ужасно довольны.

На этой конференции Игорь и Лев установили крайне интересные и полезные связи в Индии, которые они потом многократно задействовали. Главная из них была индиец из Дели по имени Каткар Патил, много лет проработавший в индийской газовой индустрии. Это был абсолютно светский человек средних лет с университетским образованием, и Игорь поддерживал деловые отношения и дружбу с ним долгие годы после знакомства. Впоследствии Каткар приезжал в Израиль и бывал у профессора дома. А тот в свою очередь гостил у Каткара в его доме в пригороде Дели. Каткар и на конференции, и во время следующих приездов в Индию познакомил профессора со многими ключевыми фигурами индийского газового бизнеса. Во время одного из визитов Каткара в Израиль произошел забавный случай. Он зашел на кухню и спросил Дану, какой рис она употребляет. Дана вытащила пачку риса и показала Каткару.

– Какой ужас! – закричал Каткар – Вы что, едите персидский рис! Безобразие. В мире есть только один съедобный рис – «Басмати»!

Он тут же заставил профессора сесть в машину и поехать в ближайший супер. К его удовлетворению, он нашел там несколько видов риса «Басмати», который был тут же куплен и

доставлен на кухню. Каткар затребовал фартук и самолично приготовил рис, показывая Дане все приемы. Рис действительно оказался отличным. С тех пор много лет семейство Гольдов употребляет только рис «Басмати».

На выставке Лев познакомился с молодым индусом по имени Кумар, который взялся обеспечивать гостям культурную программу. Главной целью тот провозгласил Тадж-Махал, который находился в пригороде Агры. Для начала Кумар огласил слова английского путешественника и писателя Эдварда Лира, который писал: «Все люди в мире делятся на две группы – те, кто видели Тадж-Махал, и те, кто не удостоился этого счастья». В один из дней Кумар усадил Игоря и Льва в свою машину и повез в Тадж-Махал.

Коммент-эр: Тадж-Махал по праву считается одним из чудес света. Он представляет собой архитектурный комплекс из усыпальницы – мавзолея Шаха Джахана и его второй жены – Мумтаз Махал, садов, окружающих мавзолей, и примыкающих строений. Переводится Тадж-Махал как «Венец Моголов». Империя Великих Моголов – государство на территории Индии, которое просуществовало три века (XVI–XVIII). Границы империи Великих Моголов простирались от Афганистана до Бенгалии. Это была сильнейшая империя, владыки которой буквально купались в золоте и драгоценных камнях.

Мавзолей представляет собой сооружение на квадратном постаменте, увенчанное большим куполом и полностью выстроенное из белого мрамора. Строительство собственно мавзолея длилось 22 года, а постройка всего комплекса продолжалась еще пять лет. В строительстве приняло участие более 20 тысяч строителей. Мрамор и драгоценные камни привозились изо всех уголков Индии, а также Китая, Шри-Ланки, Афганистана с помощью более тысячи слонов.

Несмотря на будний день, на входе в мавзолей выстроилась длинная очередь, состоящая, кстати, практически из одних индийцев. При стоянии в очереди произошел один забавный эпизод. В сентябре 1954 года на советские экраны вышел самый кассовый фильм в истории Болливуда «Бродяга» (на хинди «Аваара»), снятый в 1951 году индийским актером и режиссером Раджем Капуром. Фильм повторно выпускался в советский прокат в 1959, 1965, 1977 и 1985 годах и занял третье место по посещаемости среди зарубежных лент. За всё время проката фильм посмотрели 63,7 миллиона зрителей. В этом фильме Капур поет свою знаменитую песенку «Бродяга я…», на хинди

«Аваара му». Стоя в очереди, Игорь рассказывал более молодому Льву историю этого фильма и цитировал популярную песенку. У профессора не было вообще музыкального слуха, и, выходя за него замуж, Дана взяла с него страшную клятву никогда публично не петь. Видимо, под влиянием тадж-махальской ауры Игорь впервые нарушил эту клятву и довольно громко пропел «Аваара му»… К его величайшему удивлению, песню подхватили сначала ближайшие соседи по очереди, а через несколько секунд уже вся окрестная очередь пела «Аваара му» и пританцовывала как в индийских фильмах. Такова была популярность Раджа Капура и фильма «Бродяга» в Индии спустя почти пятьдесят лет после первой демонстрации этого фильма.

Когда конференция закончилась, Кумар устроил Игорю и Льву экскурсию в Красный форт и несколько мастерских по изготовлению индийских художественных изделий.

Коммент-эр: Красный форт Агры, построенный Великими Моголами, являлся резиденцией императоров после переноса столицы в Агру в начале XVI века и неприступной военной крепостью. Свое название комплекс получил из-за красного песчаника, который использовался в качестве основного строительного материала. Также использовался белый мрамор в комбинации с драгоценными камнями. Форт сочетает в себе элементы исламского и индуистского зодчества. Самым красивым элементом форта является зал Диван-и-Ам, предназначенный для публичных приемов императора.

Форт обнесен двойными стенами с высотой 20 метров и периметром 2,5 километра. Между стенами в «могольские» времена бегали тигры, а во рву с водой, прокопанном между стен, плавали 250 крокодилов. В нынешние времена тигров и крокодилов нет, но зато форт оккупирован полчищами наглых обезьян, вымогающих пищу у туристов.

Крайне интересными оказались визиты в мастерские по производству художественных изделий. В одной мастерской изготовляли изделия из светлого мрамора с врезанными узорами и картинками, сделанными из полудрагоценных камней. Мастер наносил на поверхность мрамора рисунок и потом острым ножом вручную вырезал в мраморе углубления около полутора миллиметров. Затем из заготовок камней вытачивались пластинки толщиной полтора миллиметра, которые согласно рисунку приклеивались к мрамору. Обточка камней делалась вручную на наждачном круге, приводимом ногой мастера. Электропривод не используется, чтобы нечаянно не повредить

пластинку. Игорь поинтересовался, сколько времени мастер делает, например, инкрустированную столешницу диаметром около восьмидесяти сантиметров, и получил ответ: месяцев восемь. Технология нисколько не изменилась со времен Великих Моголов. В другой мастерской мастерицы-женщины ткали вручную ковры из чистого шелка. В третьей стеклодувы выдували цветные стеклянные изделия. В мастерской, где занимались резьбой по дереву, Игорь увидел ряд индийцев, сидевших на низеньких скамеечках и примитивными инструментами – ножами и заточенными лопаточками – вырезавших из деревянных чурбачков различные изделия. Никаких эскизов или образцов перед ними не было. Тут Игорь купил резного слона из светлого дерева высотой сантиметров пятнадцать, который потом долгие годы стоял у него в кабинете. Впоследствии Игорь бывал в Индии множество раз, изъездил ее вдоль и поперек, но первая поездка врезалась ему в память навсегда.

После поездки в Индию команда Игоря решила сосредоточиться на разработке газовых устройств для малых машин. Самыми малыми транспортными средствами были мотоциклы, а вот за ними располагались авторикши всех видов.

На конференции в Агре Игорь и Лев познакомились с несколькими инженерами из фирмы «Баджадж Авто» – одного из крупнейших в мире производителей авторикш и мотоциклов, находящегося в индийском городе Пуна. По предварительной договоренности они должны были изготовить опытное оборудование и поставить его в «Баджадж» для проведения испытаний на беговых стендах компании. Через несколько месяцев оборудование было готово, и индийцы пригласили Игоря прилететь к ним на завод для обсуждения дальнейшего сотрудничества.

Коммент-эр: город Пуна расположен примерно в 150 километрах к юго-востоку от Мумбая (в то время еще в ходу было название Бомбей) с населением около трех миллионов человек. Населен в основном народом маратхи (примерно 70 миллионов человек – одним из наиболее развитых в экономическом и культурном отношении народов Индии). Официальный язык штата и города Пуна – маратхи, многие также говорят на хинди и английском. Пуна является крупнейшим в Индии центром производства автомобилей и мотоциклов, а также центром хайтека. Джавахарлал Неру называл Пуну «Оксфорд и Кембридж Индии», поскольку этот город считается главным учебным и научным центром страны.

Игорь со Львом прилетели в Бомбей и оттуда добирались до Пуны на автобусе. В отличие от дороги Дели – Агра, это была абсолютно современная автострада, практически без перекрестков и с отличным покрытием. В отеле в Пуне они впервые увидели, что такое индийский полномасштабный сервис. За ужином их обслуживало три официанта. Отдельного описания заслуживает поход из ресторана в туалет в вестибюле отеля. При выходе из ресторана один служитель взял Игоря под руку, довел до дверей туалета и открыл их. Второй служитель внутри туалета довел профессора до кабинки, затем встретил его и отвел к умывальнику. Пока Игорь мыл руки, тот стоял рядом и держал наготове подогретое полотенце, затем отвел Игоря к двери, открыл ее и сдал клиента на руки внешнему служителю, который уже довел Игоря прямо до столика в ресторане. Утром за делегацией должна была приехать машина с завода, и, позавтракав, Игорь со Львом вышли на улицу. Никакой машины не было, и они уже было забеспокоились.

Однако на крыльцо вышел дюжий швейцар и закричал громовым голосом:

– Машину профессора Гольда!

Тотчас из-за ближайшей полосы высоких кустов выехал автомобиль, к швейцару подбежали два помощника, один открыл заднюю левую дверь, другой правую, а швейцар открыл багажник. Игоря и Льва одновременно усадили в салон, а в багажник положили отобранные у них портфели. Как полагается в Индии, шофер громко просигналил, и машина тронулась.

Завод, на который прибыли Игорь и Лев, блистал не свойственной индийской практике чистотой, новейшим японским технологическим оборудованием, включая специализированные автоматические линии, и высококлассными инженерами, многие из которых получили образование в США, Японии, Германии, Италии. Несколько удивляло количество рабочих на сборочных конвейерах – было впечатление, что один индиец держал гайковерт, второй поддерживал провод от гайковерта и т. д. По зрелом размышлении ничего удивительного в этом не было – население Индии давно перевалило за миллиард, а работы не было. Поэтому правительство и местные власти пытались как-то обеспечить людям хотя бы минимальную зарплату.

Что еще поразило Игоря и Льва, так это то, что у многих из представителей народа маратхи не было фамилий (или имен – трудно сказать!), сначала Игорь думал, что это опечатка в визитной карточке, но потом всё разъяснилось.

Во время обеда в столовой для инженерного и административного состава официанты принесли на стол

графины с чистой водой. Но при первой же попытке налить себе воду Игорь был схвачен за руку с поличным:

– Вам это пить нельзя!

– Как, почему? Вы же пьете!

– Конечно, но мы пьем эту воду уже триста лет, а вы заболеете. Вам можно пить минеральную воду только из запечатанных бутылок.

Игорь договорился с индийцами о порядке дальнейшей работы и дальше их путь лежал в город Сурат, где должна была состояться встреча с одним англичанином – представителем фирмы «Бритиш Газ», который должен был подъехать в Сурат на поезде из Мумбая. Хозяева вызвались довезти Игоря и Льва на машине в этот же день и предоставили им джип с шофером. По окончании рабочего дня, часов в шесть, путешественники отчалили в Сурат.

По словам водителя, можно было ехать окружным путем через Мумбай, и тогда расстояние составило бы более четырехсот километров, а можно было бы ехать напрямую, и тогда расстояние было бы менее трехсот километров. По уверению водителя, во втором случае путешественники должны были прибыть в Сурат часов в десять вечера, что было вполне приемлемо. Однако они забыли, что находятся в Индии. Прямая дорога шла через настоящие джунгли, был сезон дождей, дорога часто пересекалась речками и ручьями, через которые были переброшены деревянные мостики, залитые водой. На въезде и выезде с этих мостиков находились участки глубокой грязи. Стемнело, с неба лилась горячая вода, вокруг росли невиданные огромные цветы с лепестками диаметром более метра, которые издавали сильнейший одурманивающий запах. Часов в двенадцать ночи путешественники подъехали к развилке, и надо было решать, куда ехать – налево или направо. К своему величайшему удивлению, при вспышке молний они увидели двух индийцев, разговаривающих между собой под дождем как ни в чем не бывало. Шофер на английском спросил их, где Сурат, и тут же получил два четких и ясных ответа, правда, на маратхи: один сказал, что надо ехать налево, другой сказал, что направо. Водитель, долго не раздумывая, свернул налево и на вопрос Игоря «почему?» объяснил, что «левый» индиец говорил более убедительно.

Тут профессор вспомнил одного из недавних директоров их института в Челябинске. Тот ранее работал секретарем обкома по оборонной промышленности, но по болезни был «сослан» директором их института. Это была обычная советская практика: направлять бесперспективных высокопоставленных партийных

работников директорами НИИ. Директорами промышленных предприятий их ставить было нельзя – могли наломать дров, завалить план… а вот в НИИ они мало что могли испортить. Этот директор был инженером по образованию, интеллигентным человеком и вполне владел рядом советских приемов, как руководить тем, в чем ты ничего не понимаешь. Один из этих приемов был такой: надо слушать, как говорят подчиненные. Кто говорит более убедительно, более четко, более уверенно – тот и прав. Надо сказать, что он почти никогда не ошибался – интуиция у опытных совпартработников была бешеная.

Был такой случай. Один вновь поступивший на работу завлабораторией подал директору записку, в которой возмущался, что подразделение профессора потребляет этилового спирта больше, чем весь институт. На одном из совещаний директор поднял этот вопрос. Сначала выступил новый завлаб, который патетически заявил, показывая на профессора: «Сколько же надо пить, чтобы всё это израсходовать?» Директор поднял своего заместителя Шарова, ответственного среди прочего и за распределение спирта, и строго спросил: «Когда они это всё успевают выпивать?»

Шаров тоже был из «репрессированных и сосланных» обкомовских работников, но репрессирован он был за пьянство. А вообще-то он был толковым и остроумным человеком, с которым Игорь дружески контактировал.

Он встал и с совершенно серьезным видом заявил: «Даю официальную справку – спирт подразделение получает по утвержденным министерством нормам, и заявки с расчетами я лично проверяю. Что касается Игоря Владимировича, то я также официально заявляю: он не то что спирт, но и водку-то пьет только „Посольскую“, а вообще-то он пьет коньяк, притом исключительно французский, армянский или дагестанский. Это хорошо известно многим здесь присутствующим. А его заместитель не пьет вообще, а ответственный за приборы, на которые идет спирт, Женя Бредихин пьет так мало, что недавно принят в мусульмане».

Участники совещания сильно развлеклись – дело было в том, что всё сказанное Шаровым было чистой правдой. Привередливость Игоря в отношении спиртных напитков была многим известна, то, что Садовский вообще не пил, было известно почти всем, а Женя Бредихин недавно женился на татарке – сотруднице института. Массовый смех директор рассматривал как эквивалент убедительного выступления, и вопрос тут же был закрыт. К слову надо сказать, что в советские времена на территории восточнее Волги спирт в

производственной и бытовой сферах играл роль валюты. Официальные системы работали из рук вон плохо, и когда надо было что-то срочно изготовить на любом заводе или достать дефицитную запчасть, то расплачивались спиртом.

Все это отлично знали, и часто тот же Шаров приходил к Игорю с просьбой: «Насос в котельной потек, надо сальник, налей бутылку!»

Мелкие денежные взятки были более-менее в ходу в Москве, Ленинграде, да еще в республиках Средней Азии и Закавказья.

Бюрократические приемы весьма похожи во всех странах, а уж в Израиле и СССР они просто одинаковы. И впоследствии, уже во время жизни в Израиле, Игорь наблюдал этот прием у многих еврейских «партайгеноссе» в теплицах, министерствах и пр. Только, в отличие от советских функционеров, израильтяне чаще ошибаются.

В Сурат прибыли под утро. В потемках город показался маленьким деревенским поселением. Справившись насчет их англичанина и убедившись, что он еще в отеле не поселился, путешественники легли спать и пошли завтракать часов в одиннадцать. Чудеса индийского сервиса в Сурате были аналогичны пунским. За завтраком к ним присоединился и англичанин. Его поезд опоздал на восемь часов, и он тоже приехал под утро. Он был вынужден провести это время на вокзале, что произвело на него сильнейшее впечатление. Игорь его легко понимал: любой индийский вокзал – место для сильных телом и духом мужчин. Во-первых, там стоят мощные запахи, во-вторых, совершенно одолевают мальчишки-попрошайки, и в-третьих, по перрону совершенно открыто бегают гигантские крысы. Про жару и отсутствие кондиционеров и говорить не приходится.

– Господин Кларк, – спросил Игорь – а как же ваши предки завоевывали Индию?

Кларк только махнул рукой…

«Сельский» городок оказался морским портом на Аравийском море в устье реки Таипи с более чем трехмиллионным населением, являющимся крупнейшим мировым центром огранки бриллиантов.

Коммент-эр: Индия является крупнейшим в мире центром огранки алмазов, а в Сурате и его окрестностях обрабатывают около 70 процентов добываемых в мире алмазов. Сурат находится на первом месте в мире по огранке алмазов, на втором месте Израиль, а на третьем – Китай. Эта отрасль получила здесь бурное развитие в конце 1960-х и начале 1970-х годов благодаря

способности производить огранку низкокачественных алмазов, которыми не занимались другие центры, например Израиль и Антверпен. В Сурате расположена почти половина предприятий Индии по огранке алмазов. Около трети населения города – это мастера, которые уже в течение многих поколений гранят и полируют алмазное сырье.

Но причиной приезда сюда Игоря со Львом и их встречи с Кларком были не алмазы, а сорбенты. Адсорбирующее вещество для поглощения молекул природного газа делалось из скорлупы кокосовых орехов одной суратской фабрикой и проходило предварительную обработку, а затем отправлялось в Англию для последующей финальной обработки на фабрике «Бритиш Газ». Игорь со Львом и Кларком посетили суратское предприятие, обсудили возможность производства там сорбента по их спецификации и на следующий день отправились на поезде в Мумбай. Снаружи поезд производил сильное впечатление: мало того что он был покрыт облупленной краской неизвестного цвета, окна вагонов были грязными до полной непрозрачности, изо всех щелей в вагонах текла непонятная жидкость, так еще на крыше и на подножках висели гроздья жизнерадостных галдящих индийцев. Однако, к своему великому удивлению, путешественники внутри вагона первого класса нашли чистоту, комфорт и отличный сервис. До Мумбая они доехали без приключений. Мумбайский вокзал поражал воображение своими размерами и архитектурой. Внутри вокзал украшен резьбой по дереву и медными перилами. В окна вставлены витражи и декоративные решетки, потолок украшают золотые звезды, а на полу выложен роскошный орнамент. Вокзал был назван в честь королевы Виктории, однако в 1996 году он был переименован в честь национального героя Индии Чатрапати Шиваджи.

Другой архитектурной достопримечательностью Мумбая является арка «Ворота в Индию», которую Игорь и Лев осмотрели на следующий день. В прошлом путешественники прибывали морем в Индию и высаживались именно в Мумбае. Строительство арки началось в 1911 году и закончилось ее открытием в 1924 году во время визита короля Англии Георга V и королевы Марии в Индию. Высота арки составляет двадцать шесть метров, и в ней перемешаны мусульманские, индийские и европейские архитектурные течения. Через эту арку британские войска покинули Индию, когда в 1947-м страна обрела независимость.

Из Мумбая Лев полетел в Израиль, а Игорь отправился в Москву, где у него была встреча в одном из академических институтов. Перед терминалом во Внуково Игорь не увидел ни

одного такси, вся площадь была оккупирована «бомбилами». Он выбрал одного из них на «Вольво» в приличном состоянии и справился у водителя, какого возраста машина. Тот сказал:

– Четырехлетняя!

Был час пик, и машина Игоря попала в пробку. Игорь попросил водителя включить кондиционер.

– А с чего вы взяли, что он у меня есть?

За более чем десятилетний срок эмиграции профессор расслабился и как-то забыл о существовании машин высокого класса без кондиционеров, за что и был наказан. На этом его удовольствия не кончились. Второй сюрприз ожидал его в гостинице «Ярославская». Администратор, протягивая ему ключ, сказала:

– Горячая вода на четвертом, как раз вашем, этаже в 420-й комнате, там же получите ведро – не забудьте его вернуть.

Увидев полную растерянность на лице Игоря, она добавила:

– И не делайте такого лица, как будто вы не знаете, что в Москве летом в определенное время горячая вода отключается.

Игорь в ответ только и смог проблеять, что сначала он ехал в индийском поезде, потом долго летел, потом ехал в машине без кондиционера… и всей душой хотел бы принять душ.

На что администратор гордо ответила:

– Мы всё понимаем, идем клиентам навстречу, вот и организовали вам раздачу горячей воды на четвертом этаже.

Не иметь квалификацию в каком-либо деле ужасно неприятно, но еще страшней потерять ту, которая когда-то была. Игорь получил ведро горячей воды, пришел с ним в номер… и ему ведра не хватило – он остался наполовину намыленным. Тогда он выглянул в коридор и увидел, что там никого нет. Он накинул на себя полотенце, зажал в зубах десять долларов и стремглав кинулся в 420-ю комнату. За эти деньги он получил два ведра воды и, вспомнив свою прежнюю жизнь, экономно вымылся, осталось даже на утро. Однако ужин в гостиничном ресторане оказался превосходным.

Утром профессор сполоснулся остатком воды из ведра, поскольку из крана почему-то никакая вода не текла, позавтракал и пошел в банк напротив гостиницы поменять деньги. Ему стало плохо, когда в банке он услышал: «Вы знаете, сегодня еще рубли нам не завезли». Приключения продолжались. Время поджимало, Игорь бросился обратно в гостиницу и умолил администратора дать ему в долг какие-нибудь деньги на метро.

В институте он сильно насмешил коллег своим рассказом, и один профессор-химик с мировым именем спросил:

– Сколько лет, батенька, вы у нас не были?

– Да года, наверное, четыре!

– Сильно расслабились, батенька, так нельзя.

Следующая поездка в Индию была уже в город Нагпур с населением порядка полутора миллиона человек. Город был основан в XVIII веке и находится в самом центре Индии, на востоке штата Махараштра. На вид Нагпур явно является самым чистым городом Индии с дорогами в хорошем состоянии, широкими улицами и красивыми магазинами. Но туристическим центром его никак не назовешь. Однако самое забавное в этом городе было не это, а другое. По полной аналогии с планом Н. С. Хрущева о разгрузке столицы от большого количества бюрократических учреждений, индийское правительство замыслило в середине 1980-х годов перевести в Нагпур из Дели множество государственных учреждений, и, в отличие от Хрущева, им это удалось. В частности, профессору надо было посетить главный офис департамента, отвечающего за взрывоопасные и горючие материалы, министерства торговли и промышленности Индии. Офис помещался в отдельном трехэтажном здании недалеко от центра Нагпура. В вестибюле висело объявление на английском языке примерно следующего содержания: «Если у вас будут вымогать взятку за совершение какого-либо законного действия или вы столкнетесь с фактом коррупции, то обращайтесь в комнату № 30 на втором этаже».

Профессору подумалось, что появись такое объявление где-нибудь в Израиле, то, учитывая склонность израильтян к стукачеству и доносительству, очередь в комнату № 30 не просыхала бы круглосуточно.

Глава ведомства *(англ.,* Chief Controller of Explosives) оказался очень пожилым монументальным индийцем благородного вида, похожим на Джавахарлала Неру. Когда профессор засуетился, доставая из портфеля лэптоп, индиец остановил его царственным жестом:

– Не люблю я эти новомодные штучки, садись лучше со мной рядом и рисуй на бумаге, если что надо пересказать.

«Вот и пригодились мои графические навыки и вновь приобретенный гибрид многоцветной ручки и карандаша», – подумал профессор, сел рядом со «взрывным» контролером и всё ему нарисовал и рассказал. Задача была простая по технической сути и очень сложная в бюрократическом аспекте: разрешить использование на территории Индии новоизобретенных газовых баллонов.

– Видите ли, – сказал контролер, – у нас в Индии демократия, и я не могу решить этот вопрос в одиночку. Примерно раз в полгода у нас заседает специальная комиссия, и она всё решает.

Потом он добавил:

– Скажите, а Израиль большая страна? Миллионов пятьдесят?

Услышав, сколько в Израиле населения на самом деле, он задумчиво произнес:

– Надо же, а сколько шума…

Много раз в Индии профессор слышал ссылки с оттенком сожаления на демократию. Например, когда он спрашивал о численности населения Индии, ему отвечали, что это трудно сказать, поскольку демократия не позволяет насильственно вовлечь всё население в участие в переписи. Действительно, Игорь видел, например, в Бомбее районы трущоб, численностью, как говорили, под миллион, где люди жили в картонных ящиках, норах и т. п. без воды, электричества, канализации, и у них не было ни паспортов, ни других документов.

Или, когда речь шла об ограничении рождаемости населения, индийцы говорили:

– Это в тоталитарном Китае можно было законодательно ограничить количество детей, а у нас демократия и это невозможно.

Вторая поездка в Нагпур, которая состоялась через полгода, однозначных результатов не дала, однако ознаменовалась памятным приключением, которое могло кончиться очень плохо. При вылете из Нагпура, когда самолет уже начал разбег по рулежной дорожке, вдруг заглохли двигатели, вырубился свет, отключились кондиционеры и наступила мертвая тишина. Пассажиры пять минут находились в состоянии полного оцепенения. Затем вышла стюардесса и сообщила, что имеют быть неполадки в электрооборудовании и нельзя даже открыть двери, поскольку они запираются электрозамками. Первые пятнадцать минут профессор провел в размышлениях о том, что было бы, если б такое случилось на 10–20 секунд позже, а потом наступило испытание жарой. На улице было 35 градусов тепла, народ начал потихоньку раздеваться до трусов и поливать себя прохладительными напитками, в основном минеральной водой. Игорь с Борисом Лисянским, отбросив европейский этикет, сделали то же самое, а профессор, пользуясь знаниями термодинамики, собрал нехитрое охладительное устройство: в чашку с водой помещался конец холщовой салфетки, другой конец укладывался, например, на голову и энергично обмахивался газетой. Вода поднималась по капиллярам салфетки и испарялась, понижая на пару градусов температуру. Индийцы быстро поняли преимущества этого устройства и широко его заимствовали. Через два часа к самолету подогнали генератор, подвезли трап и пассажиров выпустили наружу, затем выгрузили

багаж. Игорь с Борей побежали к начальнику аэропорта и начали требовать другой самолет. Начальник был немногословен, но убедителен. Он подвел жалобщиков к панорамному окну и показал на летное поле:

– Вы видите другой самолет? Нет? Я отдал распоряжение кормить ваш рейс в буфете бесплатно.

Еда в Индии, особенно в ее южной и центральной части, наперчена до ужаса. Возникало впечатление, что в Индии перепроизводство разных перцев и поставлена задача по их ликвидации. Причем все попытки с этим как-то бороться пресекались индийцами на корню. Можно было попросить официанта или повара на раздаче организовать менее наперченную пищу – они безотказно пообещают тебе это сделать, но результат будет обычным. Конечно, в дорогих ресторанах и отелях при заказе можно чего-то добиться, но это исключение. Однажды профессор чуть не совершил уголовное преступление на этой почве. Они с Борей ехали на арендованной машине из Мумбая в Пуну и вдруг возле одной бензоколонки увидели объявление: «Eggs corner»[36]. Выйдя из машины, они увидели индийца с переносной газовой плиткой, большой кастрюлей с водой и корзиной яиц, сидящего под большим раскидистым индийским деревом. «Ну, уж тут он никуда не денется», – решили наши путешественники и заказали у продавца дюжину яиц вкрутую.

Пока яйца варились, они решили погулять в окрестностях. Вернувшись, Игорь с Борей увидели следующую картину: продавец катал сваренные и очищенные яйца в тарелке, наполненной молотым красным и черным перцем. Продавец не понимал, как может быть иначе, а Игорю и Боре мысль о том, что он может так сделать, и в голову не приходила. Профессор хотел убить индийца и кричал, что любой суд его оправдает. Коллеги заставили продавца, к его величайшему изумлению, мыть очищенные яйца в миске с чистой водой.

Боря был «кипа сруга», то есть носил на голове не черную тканевую, а вязанную цветную кипу. Он соблюдал кашрут и возил с собой в командировки кошерные продукты. В Индии его запасы несколько раз спасали путешественников от голодной смерти посреди пищевого изобилия.

Надо сказать, что впечатления туристов, посещающих страны в составе организованных групп, и людей, путешествующих в этих странах по делам службы, во многом разнятся, в чем профессор много раз убеждался, беседуя со своими знакомыми в Израиле, среди которых было достаточно заядлых туристов.

Из Нагпура путь коллег лежал в Дели, на встречу с Каткаром

Патилом, с которым Игорь познакомился на выставке в Агре. Каткар жил в элитном городе-спутнике Дели Гургаоне, с населением около миллиона человек, густо застроенном небоскребами, торговыми центрами, барами, дискотеками и офисами крупнейших международных компаний. Также здесь находятся производственные базы Maruti Suzuki Group и Hero Honda Group. Город отличается высоким, по индийским стандартам, доходом на душу населения.

По некоторому совпадению, в Гургаоне жил еще один интересный персонаж – индийский химический магнат и миллиардер, которого Игорь должен был посетить. Дело было в следующем. Однажды Игорь лежал в больнице по поводу центура сердца. С ним в палате находился один очень пожилой ашкеназиец по имени Меир. К тому времени Игорь уже знал, что разговор почти с каждым немолодым ашкеназийцем в Израиле содержит рассказ, который тянет на роман или сериал. Так было и в этом случае. Меир был родом из Польши. В середине 1930-х годов он поступил на химический факультет в одном из английских университетов и жил в общежитии в одной комнате с индийцем – будущим индийским магнатом и миллиардером. К тому времени, когда началась Вторая мировая война, они с соседом-индусом окончили университет и пути их разошлись: индус уехал в Индию, а Меир пошел добровольцем в английский флот, поскольку Польша уже была оккупирована. Так как Меир знал русский язык, он был задействован в сопровождении морских конвоев из Британии в Мурманск и проплавал так до конца войны. Затем он вернулся в Польшу, и, поскольку он был высокообразованным человеком со знаниями русского и английского языков, его назначили директором большого химического комбината, а затем секретарем обкома в одном из крупных польских городов.

После развязывания в Польше антисемитской компании в 1968 году, катализатором которой стала Шестидневная война 1967 года и заявления генсека ЦК Польской объединенной рабочей партии Гомулки о том, что «нашей стране не нужна пятая колонна», Меир эмигрировал в Израиль. Все годы он поддерживал связь со своим индийским однокашником и договорился с ним о визите к нему Игоря в Гургаоне. Игорь навестил магната на его вилле в Гургаоне и подивился, как скромно живут индийские миллиардеры.

После больницы Меир жил до самой смерти в достаточно элитном доме престарелых, и Игорь с Даной часто его навещали, а также брали к себе домой погостить пару дней. Из родственников у него была только дочь, которая частыми

визитами его не баловала.

Остановились коллеги в Нью-Дели (Новый Дели), который является отдельным районом огромного конгломерата Дели с населением около восьми миллионов человек. В этой части города находятся правительство Индии и основные правительственные учреждения. Когда-то, в период XII–XVIII веков, старый Дели был столицей индийского мусульманского государства, построенной Шах-Джаханом – правителем империи Великих Моголов. Новый Дели был фактически построен заново в 1911–1923 годах к югу от старого города, когда англичане перенесли сюда свою центральную резиденцию из Калькутты. Старый и новый Дели разительно отличаются друг от друга. Старый Дели выглядит как провинциальный индийский город, а новый Дели – это современный европейский комплекс с широкими прямыми и длинными бульварами, современными зданиями и роскошными парками. В новом Дели встретить корову посреди улицы практически невозможно, а в старом городе они бродят свободно по улицам и скверам.

Главной проблемой для жизни коллег в Нью-Дели было несметное количество шатающихся по улицам молодых индийцев, наперебой настойчиво предлагающих свои услуги и разные мелкие товары. Если вы заходите в какой-нибудь магазин или лавку и выходите оттуда с пластиковым мешком или свертком, то наблюдающий за вами молодой человек тут же отбирает у вас ношу и двигается с ней за вами. Несколько раз коллеги прерывали прогулку и садились в моторикшу, чтобы как-то двигаться по улицам.

Каткар выслушал рассказ о визите к главному «взрывчатому» контролеру и сказал, что Индия суперконсервативная страна и комиссия при контролере тоже ничего не решит позитивного. Тем более по отношению к иностранной компании из совершенно не «газовой» страны, каковой Израиль в то время и являлся. Надо накапливать опыт в Индии. На следующий день он организовал Игорю и Боре встречу с мистером Амаром Гупта из Пуны, который по случаю оказался в Дели и был владельцем маленькой мастерской по переводу авторикш для работы на природном газе. Далее в Индии профессор общался с персонами преимущественно по фамилии Гупта. Дело в том, что большинство фамилий в Индии – это бывшие кастовые обозначения. Гупта – это такие «недоношенные» брамины (высшая каста), в отличие от которых они едят мясо любых животных и любят хорошо пожить и провести время. Гупты были в Индии различными чиновниками, секретарями канцелярий и раджей, комендантами крепостей и т. п. Немудрено, что в XXI и XX веках из них произошло

множество инженеров и производственников.

Коллеги договорились, что сын профессора Ян вылетит немедленно в знакомую ему Пуну и они с Гуптой у него в мастерской соберут газовый мотоцикл «Хонда», который представят на ближайшей выставке в Калькутте. Каткар взялся за «паблисити» в «Хонде», штаб-квартира которой находилась в Гургаоне. Позже Игорь с сыном побывал на этой выставке, где их мотоцикл привлекал всеобщее внимание (количество мотоциклов и мотороллеров в Индии приближалось к пятидесяти миллионам штук и каждый год продавалось более десяти миллионов). Позже Ян с Гуптой сделали еще несколько мотоциклов и мотороллеров, незаконным образом бегавших по Пуне и некоторым ближайшим городам.

Через полгода на заседании совета при контролере в Нагпуре, на котором профессор сделал доклад, большинство членов при открытом голосовании проголосовали против того, чтобы давать разрешение на эксплуатацию новых баллонов, что, в общем-то, положило конец именно этому виду деятельности израильтян в Индии. Они оказались неспособны преодолеть высокий уровень коррупции и бюрократию, и тот факт, что в разных индийских штатах действуют разные законы и правила.

Игорь со товарищи решили попытать счастья в других странах Юго-Восточной Азии. Как раз в это время Игорь получил письмо от одного профессора университета в Бангкоке с приглашением приехать в Таиланд и обсудить возможное сотрудничество. Университет Касетсарт, или, как его еще называют в Таиланде, Касет, был основан в 1943 году и поначалу специализировался на сельскохозяйственных науках, однако потом в круг его интересов были включены инженерные дисциплины, архитектура и различные гуманитарные науки. Это самый крупный университет Таиланда, в четырех кампусах которого обучается около пятидесяти тысяч студентов. Профессор Кулап Лангсанг встретил Игоря очень радушно, бегло показал ему кампус, свои лаборатории, и они договорились о том, что Ян прилетит в Бангкок и с лаборантами профессора соберет в университете мотоцикл, который потом будет представлен на большой азиатской выставке в Бангкоке как совместная работа. В течение нескольких месяцев мотоцикл был собран, обкатан, и один из лаборантов с Яном в качестве пассажира приехали на нем на территорию выставки. Профессор со Львом прилетели на выставку, но перспективы внедрения их баллонов в этой стране были очень маленькими из-за свойств таиландского газа, содержавшего большое количество примесей.

Однако профессор Лангсанг привез коллегам на выставку

пригласительный билет в Большой Королевский дворец, являющийся главной достопримечательностью Бангкока. Причем этот билет давал право остаться на территории до темноты, когда начнется грандиозное представление по случаю дня рождения короля. Большой Королевский дворец Бангкока, построенный в 1785 году, на самом деле является комплексом исключительно красивых дворцов, храмов, пагод, галерей и других сооружений. Чтобы всё осмотреть, требовался по меньшей мере полный день, а коллеги приехали туда с выставки после множества встреч, и Игорь был очень усталым. Сил у него хватило только на самую знаменитую достопримечательность – Дворец Изумрудного Будды, построенный по распоряжению короля Рамы. Здесь выставлена статуя Будды высотой шестьдесят шесть сантиметров. Правда, Будда в действительности сделан не из изумруда, а из минерала жадеит зеленого цвета, похожего на изумруд. После посещения Изумрудного Будды профессор поехал в отель отдыхать, а Лев остался смотреть представление. Вернулся он около часа ночи и сказал, что это было совершенно невероятное, феерическое зрелище.

Возвращаясь в Израиль, профессор каждый раз испытывал двойственные чувства. С одной стороны, он вроде бы ехал домой, и это было весьма приятно, а с другой стороны, «пепел стучал в его сердце». Марьян Беленький как-то в начале 1990-х написал, что эмигрант должен быть уверен, что он правильно сделал, покинув родину. Иначе его жизнь в эмиграции лишается всякого смысла. Лишь немногим под силу признаться себе, что, покинув родину, они совершили ошибку… Профессор к таким немногим, скорее всего, и принадлежал. Он остро ощущал всю нелогичность и несправедливость массовой полунасильственной эмиграции советских евреев начала 1990-х, ему было безумно жалко десяти потерянных лет в Израиле. Единственные в мире среди евреев индустриальная и инженерная культуры были безжалостно уничтожены, и мировое еврейство снова, теперь уже навсегда, вернулось к врачебно-финансовой ипостаси. Проблема еще была и в том, что спустя десятилетие после порабощения экрабство вошло в души русских олим, и среди них экрабов стало гораздо больше, чем свободных. Человек, а особенно еврей, ведь как устроен: если ему хорошо, то он думает и декларирует, что это всех и всего касается. В СССР рабами было всё население поголовно, все были равны и, соответственно, рабство ощущалось в меньшей степени. В Израиле часть советской интеллигенции вымерла, часть опустила руки, часть где-то как-то пристроилась, а часть приняла рабство как израильскую данность и согласилась быть всегда на вторых ролях в уплату за небольшие материальные

блага.

Эта часть старается не замечать того, что Израиль, по сути, не является демократической страной, несмотря на разговоры о единственной ближневосточной демократии, что страной правят люди, не способные решать государственные проблемы, что в Израиле процветает принцип «неравной оплаты за равный труд», что здесь имеет быть тотальное воровство и коррупция, что в любом учреждении 75 процентов служащих – родственные, дружеские и политические назначенцы, что в Израиле совершенно недоразвитая инфраструктура (шоссейные и железные дороги, морские порты и т. д.), что израильская пропаганда при самом активном содействии некоторых профессоров из «давнюков» усиленно культивирует мифы об отсталости советской науки и техники и низкой квалификации специалистов-олим, что в Израиле есть две большие части населения с совершенно различным уровнем жизни, что в Израиле четко укоренилась кастовая система, что здесь материальные и политические интересы выдают за религию, что израильская олигархия сама раздувает конфликт между светской и религиозной частью жителей, между выходцами из различных стран, между различными волнами репатриации, что израильские власти беззастенчиво спекулируют на Холокосте и антисемитизме, называя любую критику Израиля антисемитизмом.

Борьба русской улицы против всего вышесказанного заключается в совершенно гипертрофированной по объему болтовне в русскоязычных СМИ, изящно называемой публицистической активностью. Изрусские болтуны, видимо, не знают, а если знают, то не чтут, слова Помпея сицилийцам, ссылавшимся на букву закона: «Перестаньте приводить статьи законов тому, у кого за поясом меч».

Лев полетел в США, и ему удалось поднять на развитие проекта и фирмы десять миллионов долларов. С такими деньгами уже можно было жить. Коллеги сняли в Петах-Тикве в престижном технопарке отличный офис, а в промышленной зоне – лабораторию, где был построен самый современный в мире на то время стенд, имитирующий работу газовой силовой установки на автомобилях. Ян был назначен начальником лаборатории и оказался отличным организатором и руководителем.

Как принято в Израиле, поскольку деньги в фирме уже водились, она начала обрастать израильско-производственным персоналом: на работе появились какие-то люди-«нужники», дальние родственники, родственники родственников, кунаки Льва и прочая подобная публика. Одного из таких людей,

высокого и худого ашкеназа с легкой хромотой по имени Йоха, который был то ли журналистом, то ли писателем, ну уж никак не могли никуда пристроить, и Лев постоянно досаждал с ним Игорю. Однажды его хромота навела Игоря на мысль. В то время китайцы еще не наладили серийный выпуск дешевых и надежных кольцевых электромоторов, с использованием которых позже массово производились и производятся электровелосипеды, самокаты и коляски, и существовала проблема передвижения инвалидных кресел по грунту, траве, заезда на бордюры и т. п. Профессор давно вынашивал идею создания пневматического кресла-коляски, передвигающегося по принципу паровоза, в котором вместо пара используется сжатый воздух.

– Послушай, Йоха! Я сделаю все расчеты, дам тебе классного «рукастого» инженера и давай построим действующий прототип коляски. За тобой маркетинг, ищи потребителей…

Через пару дней Йоха пришел к профессору:

– Есть шикарный потребитель! Знаешь ли ты, что верующий еврей в субботу не может пользоваться электричеством?

– А сжатым воздухом может?

– Представь себе, что да!

Игорь тут же позвал Лисянского, и он с Йохой битый час объясняли профессору, что в Торе о сжатом воздухе ни слова.

– А что об электричестве там написано? – слабо сопротивлялся профессор.

– Ты уж молчи, – сказал Йоха профессору, – тоже мне знаток Торы. Я консультировался с директором научно-исследовательского института по техническому обеспечению выполнений заповедей Торы, и он сказал мне, что тема очень актуальная, поскольку некоторые евреи-инвалиды не могут ездить в синагогу в субботу на своих электрических колясках.

– А что, есть такой институт?

– И даже два. Послезавтра директор нас ждет на встречу.

Профессор полез в интернет… Конечно, про электроколяски в Торе он ничего не нашел, но зато обнаружил в литературе много других примеров. Так, использование лифта в субботу запрещено по многим причинам: во-первых, в кабине зажигается освещение, во-вторых, при вызове нужного этажа замыкается электрическая цепь и в ней появляется ток, и плюс ко всему этому «безобразию» зажигается сигнальная лампочка, а на контактах выключателя образуется искра, что категорически запрещено. Звонить по телефону в субботу нельзя, потому что, поднимая трубку, пользователь замыкает электрическую цепь, и т. д. и т. п. Поражало воображение, как во всё это верит в Израиле около миллиона людей и еще сколько-то в галуте.

Хотя в силовом контуре разрабатываемой коляски и не было электричества, в системе управления Игорь предполагал использовать электроклапаны, что тоже оказывалось невозможным. Пришлось обратиться к пневмонике.

Профессор проверил, смогут ли они получить элементы системы управления на пневмонике (кстати сказать, родиной пневмоники является СССР), и после положительного ответа с чистой совестью отправился в «Торо-технический» институт. Институт находился в добротном и красивом двухэтажном здании недалеко от Яд Башема в Иерусалиме, и директор принял делегацию очень радушно. Игорь заверил его, что они в состоянии создать систему без единой электроискры, и директор попросил представить ему действующий прототип. После этого он показал Игорю и Йохе все лаборатории, в которых пребывали в основном немолодые олим в кривосидящих кипах и разрабатывали «Торо-любивые» системы вроде лифта, который сам останавливается на каждом этаже, и шабатней плиты, которую сутки можно не выключать, и т. п.

Игорь не удержался от прикола и попросил Йоху перевести директору, что недавно один американский фонд выделил деньги на исследования уровня интеллекта у зверей в разных зоопарках мира. И вот в результате было установлено, что в тель-авивском зоопарке живут самые умные в мире обезьяны. Как и ожидалось, директор воспринял это на полнейшем серьезе.

Игорь принял на работу одного своего знакомого – Марка Ямпольского, который специализировался в Израиле на субподрядах по изготовлению небольших прототипов для проектов в теплицах и т. п., и они в кратчайший срок спроектировали и изготовили действующую кресло-коляску. Как раз в это время в Дюссельдорфском выставочном комплексе Messe Dbsseldorf планировалась всемирная выставка средств передвижения для инвалидов. Было решено павильон на выставке не заказывать, а просто привезти в Дюссельдорф коляску и показывать ее там фирмам, специализирующимся в этой сфере. Проблема состояла в том, что на коляске был установлен небольшой баллон со сжатым воздухом, который внести в самолет было практически невозможно. Был придуман такой ход: Йоха изображал инвалида, который дышал кислородом из этого баллона, и его внесли в Бен-Гурионе в самолет вместе с коляской. Правда, в Дюссельдорфе он не сдержался и сошел по трапу на глазах изумленных стюардесс со сложенной коляской под мышкой. Всё это напоминало сцену из знаменитого советского довоенного фильма «Праздник святого Йоргена».

Выставка поражала воображение – на ней присутствовали

сотни фирм из нескольких десятков стран, количество разных мероприятий зашкаливало: например, был показ мод, где двухметровые манекенщицы выезжали на подиум на инвалидных колясках, были гонки на колясках, был организован участок, имитировавший пересеченную, заболоченную и холмистую местность, который пересекался участниками шоу на колясках, были организованы баскетбольные и волейбольные матчи, в которых все игроки передвигались на колясках, были гонки и еще многое другое. Ничего подобного ни ранее, ни потом в своей жизни профессор не видел.

Коляска вызвала большой интерес – Игорь с Йохой объезжали павильоны известных фирм и демонстрировали свое изобретение. Несколько раз их снимали различные киногруппы, аккредитованные на выставке, и показывали по местному телевидению. Как водится, все активно обменивались визитками, обещали связаться и пр. Однако по возвращении Йоха попал в больницу, профессор окунулся в газовую деятельность, Марк уволился, а еще через некоторое время появились китайские электромоторы, и вопрос сам по себе отпал. Оставались религиозные евреи, но заниматься ими было некогда и некому.

В это время Лев знакомится с бывшим израильским военным атташе в Швейцарии, отставным полковником бригады «Гивати» Шмуэлем Эйтаном. Как и полагается израильскому отставному полковнику, Шмуэль имел свою фирму, специализирующуюся на торговле вооружениями.

Коммент-эр: в мире наряду с легальной торговлей оружием существует серый рынок и черный рынок вооружений. Под серым рынком понимается торговля оружием, о которой государственным структурам, в принципе, известно, но они в нее не вмешиваются и не контролируют. Черный рынок действует в обход всех принятых правительствами норм и соглашений.

Так вот, Израиль занимает видное место на сером рынке вооружений, и в нем действует более шестисот небольших фирм, торгующих оружием. Отличительная черта израильского оружейного бизнеса – это кумовство, посторонним в нем обосноваться затруднительно.

Конечно, в торговле оружием нарушение закона не редкость, и Израиль не является исключением. Как результат, израильское оружие нередко оказывается в руках повстанцев или разных сомнительных боевых и сепаратистских организаций, в основном в государствах Африки, Азии и Латинской Америки, отличить которых от борцов за свободу и антиколониалистов практически невозможно. Израильские разведорганы много чего знают, но

смотрят на эти шалости сквозь пальцы. Уже много лет в разных странах мира всё чаще и чаще израильских граждан обвиняют в незаконной торговле оружием. Так, в мае 2019-го Amnesty International опубликовала отчет, в котором пишется, что Израиль не ратифицировал Международную конвенцию о торговле оружием от 2014 года и израильские компании продают оружие в страны, где нарушаются права человека, и оружие попадает в распоряжение армий и организаций, совершающих военные преступления (Южный Судан, Мьянма, Филиппины, Камерун, Азербайджан, Шри-Ланка, Мексика и Объединенные Арабские Эмираты).

Так вот, этот Шмулик уже ряд лет успешно торговал с Филиппинами и имел там крепкую опору в лице своей знакомой – видного манильского адвоката Энрикетты Гомес.

Коммент-эр. Филиппины – островное государство в Юго-Восточной Азии с населением около 100 миллионов жителей. Открыл острова испанский мореплаватель Фернандо Магеллан, и с 1543 года они стали называться Филиппинами в честь испанского короля Филиппа II. В составе Испании Филиппины находились в течение 1521–1898 годов. В 1898 году после Испанско-американской войны Испания передала Филиппины, Кубу, Гуам и Пуэрто-Рико Соединенным Штатам Америки за 20 миллионов долларов в соответствии с Парижским мирным договором 1898 года.

Одним из наиболее заметных компонентов испанского наследия является преобладание среди филиппинцев испанских имен и фамилий. Названия многих улиц, городов и провинций также испанские. Испанская архитектура тоже оставила свой отпечаток на Филиппинах, в основном это церкви, правительственные здания и университеты.

Во время Второй мировой войны Филиппины были оккупированы японцами. В 1946 году Филиппинам была предоставлена полная свобода со стороны США, и они стали первой страной в Юго-Восточной Азии, которая получила независимость. С тех пор Филиппины полностью развиваются в кильватере американских жизненных стандартов, начиная от широких прямых улиц Манилы и других городов и кончая «фастфудами», американским кино и музыкой, а также повсеместным распространением английского языка.

Энрикетта была женщиной уникальной. Позже, многократно с ней встречаясь, профессор убедился, что она знакома если не со всей Манилой, то с центральной ее частью точно.

Коммент-эр: Манила представляет собой мегаполис и считается одним из самых густонаселенных городов мира. Кроме собственно Манилы, столичную агломерацию, которая носит название Метро Манила (13 миллионов жителей), составляют около десятка районов-спутников. Население непосредственно Манилы составляет более 1,6 миллиона человек. Сердцем Манилы является район Интра-мурос. Считается, что за всю историю войны сильнее Манилы была разрушена только Варшава. После войны Манила была восстановлена и перестроена по североамериканскому образцу.

В Маниле имеется фантастическое количество фруктовых, цветочных и рыбных базаров.

Интересной особенностью Манилы является наличие на улицах джипни – некоего гибрида из американского джипа Второй мировой войны и микроавтобуса. Конечно, американские джипы давно заменены японскими шасси, но внешний вид машин сохранился: кузов раскрашен яркими красками и содержит сюжеты разнообразных историй из азиатских эпосов. Джипни играют роль маршрутных такси и обеспечивают значительную часть городских перевозок.

Так вот, пройтись пешком по Интрамуросу с Энрикеттой было невозможно – каждые десять метров она останавливалась, чтобы поговорить с очередным знакомым, после чего сообщала Игорю, что это был очень полезный для общего дела человек. У Энрикетты было пятеро детей: два взрослых сына, которые жили в Канаде, и три очаровательные девочки разного калибра, которые жили с родителями в Маниле. Надо заметить, что именно центральный район Манилы и является заповедником красивых женщин, среди которых, видимо, и рекрутируется костяк команд филиппинских мисс мира, Вселенной и галактики. Энрикетта жила с мужем-адвокатом в трехэтажном доме с огромным подвалом-кухней в элитном районе Манилы, район был окружен забором, и вход туда был по пропускам. На кухне суетилось штук пять служанок, делающих разную домашнюю работу. Вдали от Манилы среди населения царила сильнейшая безработица, что и толкает филиппинок на поиски домашней работы по всему миру.

Игорь со Львом и Шмуликом прилетели в Манилу и под предводительством Энрикетты начали обход релевантных министерств и ведомств. В процессе походов всплыла интересная деталь, о которой наша делегация раньше не ведала. Впоследствии она многократно подтвердилась. Филиппины явно выглядели как страна победившего матриархата. Восемьдесят процентов президентов страны были женщинами. В

министерствах и ведомствах среди начальников отделов и руководителей других подразделений процентов шестьдесят – женщины. А среди толковых рядовых сотрудников, с которыми коллеги имели дела, женщин было процентов восемьдесят. Особенно это касалось периферии. В провинции все начальники-мужчины проводили время сидя в креслах с очень широкими подлокотниками (чтобы держать на них чашки с превосходным филиппинским кофе) и куря манильские сигары. Надо сказать, что филиппинские сигары считаются вторыми в мире после кубинских. Вся практическая работа выполнялась женщинами.

В результате контактов с министерствами энергетики и транспорта нарисовалась следующая картина. В 1994 году была начата коммерческая эксплуатация первого и единственного на Филиппинах газового месторождения возле города Сант-Яго в провинции Изабелла (названной в честь испанской королевы Изабеллы II). Эта провинция является второй по величине и по экономическому уровню провинцией в стране (около полутора миллиона жителей) и расположена на острове Лузон (как и Манила) примерно в пятистах километрах от столицы. Столицей провинции является город Иллаган, а Сант-Яго (около 100 тысяч жителей) считается вторым по величине городом провинции. Газ поступал на местную электростанцию мощностью около 200 мегаватт. В начале 2000-х добыча газа начала резко падать, и электростанция была отключена от его подачи. Но скважина и компрессорная станция остались и были законсервированы. Поэтому было предложено передать скважину в аренду фирме профессора и наладить снабжение газом парка трайсиклов[37] в городе Сант-Яго и окрестностях. На фирму при этом возлагалась обязанность гальванизировать работу скважины и компрессорной станции, а также разработать вариант газового трайсикла и организовать конвертирование этих транспортных средств в провинции, и прежде всего в Сант-Яго, для работы на газе.

Профессор, оставив Шмулика и Льва в Маниле, немедленно выехал на машине в сопровождении сотрудника министерства энергетики в Сант-Яго для изучения обстановки на месте, поскольку манильские чиновники не очень-то четко представляли, что делается в пятистах километрах от Манилы, и путались в показаниях. Ехали всю ночь часов девять, поскольку водитель-филиппинец сказал, что это лучшее время для путешествия. Часа в два ночи путешественники завернули на тускло освещенный базар деревянных скульптур и статуэток. Поскольку многие из этих произведений искусства были внушительных размеров, то увозить их с базара на ночь и утром привозить обратно было весьма затруднительно, и продавцы

спали прямо на земле и на прилавках, как говорится «не отходя от кассы». Игорь видел в Индии довольно большие магазины таких изделий, но здесь масштабы рынка и разнообразие товара поражали воображение. Его внимание привлек двухметровый, вертикально стоящий член с яйцами, на которых сидела девушка в натуральную величину. Игорь разбудил продавца и спросил, нет ли у него этого сюжета меньшего размера. Продавец в ответ молча открыл шкаф, где профессор увидел множество подобных скульптур разного масштаба. Он выбрал статуэтку высотой сантиметров двадцать и уже предвкушал, как она будет красоваться на письменном столе в его кабинете в Израиле, но не тут-то было. У него не оказалось песо, а доллары продавец решительно отказался брать, сказав, что это всё манильские штучки и здесь этого не понимают.

Утром Игорь предстал пред светлые очи мэра Сант-Яго, который таки сидел в кресле под огромным деревом, перекрывающим весь двор мэрии, и таки пил кофе и таки курил манильскую сигару.

«Господи, ну до чего приятно, когда действительность не разрушает существующие стереотипы», – подумал профессор.

От делового разговора с ходу мэр решительно отказался, он щелкнул пальцами, и тут же появились дополнительные кресла, низкий столик с резными ножками, уставленный разными фруктами и орешками. Затем появилась бутылка испанского коньяка. При всем уважении к испанской истории, культуре и к испанским винам, большей гадости, чем поданный испанский коньяк, Игорь вообразить не мог. Мэр не подвел профессора и, выслушав ряд вопросов с его стороны и не ответив ни на один, послал за своей женой. Жена мэра бойко обсудила с Игорем почти все вопросы и сказала, что наиболее сложные осветит ее подруга, за которой она уже послала. Как понял профессор, подруга не занимала никаких официальных постов, но была носителем разнообразных знаний касательно города Сант-Яго и его окрестностей. Подруга оказалась молодой, довольно привлекательной дамой, сильно напоминающей профессору персонаж картины Франциско Гойи «Зонтик», про которую критики пишут, что это произведение является примером ничем не замутненного, безоблачного счастья. Мало того что она удовлетворила Игоря по всем вопросам, правда, периодически названивая релевантным чиновникам, так она еще оказалась весьма проницательной и сказала мэру, что надо немедленно отвезти делегацию в гостиницу и положить спать, поскольку на следующее утро планируется поездка на скважину.

Гостиница оказалась одноэтажным домиком в двух шагах от

мэрии, однако в ней был небольшой буфет с вполне европейской пищей. Подкрепившись, Игорь завалился спать и проспал до следующего утра. Подойдя к мэрии, он увидел у входа джип, а чуть дальше микроавтобус. Мэр решил сопровождать гостей лично и повел Игоря с филиппинцем из министерства к своему джипу. В то же время профессор увидел десяток людей в камуфляже, бежавших пригнувшись к микроавтобусу. Из-за высокой травы было не видно, что они держали в руках.

Однако, когда они садились в микроавтобус, Игорь обнаружил у них в руках автоматы и спросил мэра:

– Что? Там на скважине опасно?

– Да нет, скоро выборы губернатора провинции, я выставил свою кандидатуру, а у нас иногда практикуется отстрел кандидатов.

Поездка полностью удовлетворила профессора, и он вернулся в Манилу с убеждением, что можно начинать, – проект выглядел очень симпатично. Лев со Шмуликом его поддержали, и вся компания вернулась в Израиль. Через неделю Ян полетел в Манилу и договорился с министерством транспорта об изготовлении трех трайсиклов с газовыми моторами и проведении их официальных испытаний. С Филиппин он полетел в Индию, где посетил фирму в Дели, специализирующуюся на разработке аппаратуры для индийских газовых рикш. Там ему активно помогал Каткар.

Работа закипела. Первый образец Ян с помощью прилетевшего из Дели индийца собрал в мастерских министерства транспорта, которые находились прямо во дворе министерства в Маниле. Баллоны с газом ему привезли со скважины в Сант-Яго. Профессор прилетел в Манилу на первые испытания, которые прошли прямо во дворе министерства при большом стечении зрителей – сотрудников министерства и рабочих из мастерских. После этого он со Шмуликом и Энрикеттой согласовал с министерством транспорта и министерством энергетики дальнейший порядок действий. Ян перевез готовый трайсикл в Сант-Яго, собрал там еще две машины и организовал официальные испытания и последующую сертификацию трайсиклов. После этого было принято решение начать что-то вроде серийного переоборудования пятидесяти машин в Изабелле и начать опытную эксплуатацию. Мэрия выделила гараж в пригороде Сант-Яго, а Игорь в Израиле приступил к проектированию цеха по переоборудованию и заправке трайсиклов газом. Предполагалось впервые в мире использовать оригинальную методику: не заправлять машины газом, поскольку скважина с компрессором находились далеко от

города, а менять пустые использованные баллоны на новые, наполненные газом, как в «Сода Клаб».

Профессор разыскал в интернете фирму «Стинго Сомет» – производителя небольших алюминиевых баллонов высокого давления в Румынии – и полетел на фирму в Румынию. Фирма находилась в городе Бузау в ста километрах северо-восточнее Бухареста, в районе румынской Валахии. Про Валахию Игорь только знал, что где-то там обитал Дракула. В Бухаресте его встретила очень красивая дама лет тридцати пяти и повезла в Бузау. Дама оказалась дочкой хозяина фирмы и по дороге на хорошем английском рассказывала ему историю Валахии. Также она обратила внимание Игоря на большое количество вывесок израильских фирм. Игорь провел в Бузау два с половиной дня и договорился о производстве тысячи баллонов.

Яну сняли большую квартиру в центре Манилы, одновременно играющую роль места его жилья, штаб-квартиры фирмы и небольшой гостиницы для приезжих. Было сделано около двух десятков газовых трайсиклов, которые успешно эксплуатировались в Изабелле. Проект неоднократно докладывался на различных конференциях и выставках на Филиппинах и получил освещение в местной прессе.

Запомнилась профессору поездка в Багио – горный курорт с населением около трехсот тысяч человек в пятидесяти километрах от Манилы. Его также называют летней столицей Филиппин. Город лежит на высоте более 1500 метров над уровнем моря и известен мягким климатом и чистым воздухом. В сезон дождей на город ложится сильный туман. Температура воздуха здесь всегда на 8—10 градусов ниже, чем в любой другой части Филиппин. Рядом с городом находится гора Кабуяо – высочайшая вершина региона, высотой более 2000 метров. С вершины горы открываются великолепные виды Багио, а также прилегающей части провинции Пангасинан. В ясную погоду можно увидеть даже голубые дали Южно-Китайского моря. В конце 1970-х и начале 1980-х буквально каждый советский человек слышал о Багио в связи со знаменитым шахматным матчем на звание чемпиона мира между Карповым и Корчным в 1978 году.

Коммент-эр: Анатолий Карпов был действующим чемпионом мира, получившим свой титул, когда его предшественник, американец Гарри Фишер, отказался играть по правилам ФИДЕ и сложил со своей головы шахматную корону. Виктор Корчной, претендент на звание чемпиона мира, в 1978 году уже считался диссидентом и невозвращенцем (в 1976 году Корчной бежал из

СССР, попросив политического убежища в Швейцарии). Его семья была лишена права выезда за границу, а сын был арестован за уклонение от призыва в армию. Советские правители не могли допустить, чтобы такой человек стал чемпионом мира, и матч тогда воспринимался как противостояние СССР и стран Запада. Неудивительно, что победе над Корчным придавалось огромное политическое значение.

Поединок в Багио (с 18 июля по 18 октября 1978-го) по накалу борьбы и околошахматным страстям превзошел все былые матчи за шахматную корону. Число корреспондентов в Багио перевалило за полторы сотни, и к матчу было приковано внимание миллионов даже совершенно далеких от шахмат людей. Выиграв матч со счетом 6:5 (при 21 ничьей), Карпов стал чемпионом мира.

Другой памятной поездкой на Филиппинах был визит Игоря и Каткара в имение одного отставного филиппинского генерала в связи с тем, что у него там было найдено месторождение газа. Имение находилось высоко в горах в двухстах километрах от Манилы. Индо-израильская делегация долго карабкалась на японском джипе по немощеным серпантинам, пока достигла имения. Красота на месте была просто неописуемая. Имение занимало огромную площадь, на территории которой были поляны, небольшие озера, возвышенности, микроущелья, цветники, фонтаны, ручьи и росли многочисленные породы невиданных деревьев. По территории бродили очень красивые небольшие олени, завезенные, как рассказал генерал, из Новой Зеландии, в специальном загоне гуляли павлины, а ручные белки пытались порыться у Игоря с Каткаром в карманах.

Генерал сопроводил наших путешественников до торчащей из земли трубки, надел на нее пластиковый пакет и открыл кран. Пакет наполнился газом, генерал проколол в нем дырку и газ загорелся. Ни состав газа, ни его характеристики, ни тем более его промышленный объем были неизвестны. Позже, когда Игорь с Каткаром рассказали о поездке геологам из министерства энергетики, те выразили большое сомнение в возможности коммерческой добычи газа в имении генерала.

Затем состоялся весьма примечательный обед. В имении генерала было два дома: один – двухэтажный для генерала и семьи, а второй – одноэтажный для многочисленной прислуги. У входа в главный дом слева и справа от входной двери стояли примерно двухметровые деревянные скульптуры филиппинского туземного воина в полном вооружении и женщины в парадном убранстве. Интерес представлял и обеденный стол – его длина была метров десять, а столешница сделана из одной огромной

доски толщиной около шести-семи сантиметров. Прислуживали гостям пять филиппинок, количество сменных блюд не поддавалось вычислению…

– А ты говоришь: Индия, – сказал Игорь Каткару.

Они с трудом доползли до джипа, и шофер-филиппинец повез их в темноте вниз, уповая на матерь божью, – он был католиком.

Невестка Игоря с внуком прилетели в Манилу подыскивать семейству подходящую квартиру для постоянного проживания и, главное, найти для внука подходящую школу. Работу себе невестка нашла в Маниле быстро – она была программисткой, также разыскали школу с преподаванием на английском языке для детей англоязычных иностранцев, и сын с семьей начали готовиться к переезду в Манилу.

В один прекрасный день в августе 2008 года сын позвонил профессору и сказал, что в Изабелле было маленькое землетрясение и давление газа на выходе из скважины упало до нуля. Дальнейшее обследование скважины показало, что для ее восстановления потребуется большая работа стоимостью в миллион долларов, и не факт, что после этого она будет бесперебойно работать. Профессор был на грани нервного срыва, и если бы он был хотя бы немножко религиозным, то непременно воспринял бы это как кару божью. Правда, неизвестно за что. Но он был простым фаталистом и рассматривал случившееся как волю рока. Надо было жить дальше. Ян уволился из фирмы и ушел работать главным инженером в маленькую израильскую компанию, занимающуюся конвертированием серийных автомобилей для работы на сжиженном газе, параллельно он начал процесс эмиграции в Канаду.

Шмулику припомнили старые грехи, и за ним начал охотиться Интерпол, в прессе появились сообщения о его участии в незаконной торговле оружием.

Глава 10
Балканы, Африка, Индонезия

Снова (в шестой раз) свалившись с «сабантуйного столба», Игорь со Львом и Барухом начали искать новые варианты. Прежде всего, они сдвинули центр тяжести в своих исследованиях с хранения сжатого газа в адсорбированном виде на так называемую беструбопроводную транспортировку сжатого газа. По всему миру, даже в местах, где газ был доступен, подача его к потребителю осложнялась недостачей газопроводов. Явление, когда в 10–50 километрах от газопровода потребитель не мог получить газ, стало повсеместным. В связи этим первые робкие шаги стали делать транспортные средства, перевозящие потребителю газ в баллонах в сжатом виде. В этом случае газ закачивался в баллоны на компрессорных станциях, находящихся на трубопроводах, и доставлялся потребителю. Технических проблем при этом было предостаточно, и профессор окунулся с головой в их решение. Тем временем Лев с Барухом искали наиболее подходящую страну для реализации такого проекта. Такой страной казалась бывшая Югославия, в которой сравнительно недавно закончилась серия чудовищных войн и новые государства занимались восстановлением своего хозяйства. Российский трубопроводный газ в них был в избытке, однако он практически использовался только на электростанциях и был недоступен для подавляющего большинства потребителей.

Обнаружился также «агент влияния» в Сербии в виде молодого изруса – отставного капитана ЦАХАЛа Романа Язинского, который что-то натворил в Израиле и был вынужден убежать на Балканы без права возвращения в Израиль в течение нескольких лет. Он выучил сербскохорватский язык и подвизался в сферах разного мелкого бизнеса и строительства, благо израильский бизнес в то время стремглав кинулся в страны бывшей Югославии. Дабы изучить ситуацию на месте и сделать первые шаги, Игорь и Лев отправились в длительную поездку в бывшую Югославию. Начали они с Белграда. Город был полностью восстановлен после натовских бомбежек, однако несколько зданий в центре, прежде всего министерство обороны, оставили полуразрушенными, говорили, что в качестве мемориала.

Капитан Роман свел их с местным дельцом и посредником – рослым, красивым и громогласным Любишей Карагеоргиевым. Имел ли он отношение к сербской княжеской (1808–1859), а

затем королевской (1903–1945) династии, сказать трудно, но по фактуре и амбициям царствующим особам вполне соответствовал.

Вся компания начала объезжать местность в поисках подходящего сочетания источника газа, потребителя, местного производителя оборудования и инвестора. Казалось бы, что израильтянам повезло и они с ходу попали на удачный вариант. Любиша познакомил их с владельцем новенькой бензиновой и газовой заправки на окраине Белграда Слободаном Кривичем. Это был невысокий и нетолстый серб с хитроумными глазами, лет пятидесяти пяти. Говорили, до серии югославских войн он сидел в тюрьме, а деньги сколотил во время этих войн на контрабанде горючего. Надо сказать, что большинство состоятельных людей, с которыми профессору пришлось встречаться в то время на территории бывшей Югославии, разбогатели на незаконной и полузаконной торговле во время югославских войн (кто горючим, кто спиртным, кто сигаретами, кто промтоварами…). Вот уж воистину говорят: «Кому война, а кому мать родна». Вначале Слободан не мог осмыслить суть и масштабы предлагаемого ему дела, и профессор провел дня два в его новом красивом офисе, расположенном прямо на бензогазозаправке, объясняя ему все детали. Дальше всё было, как часто описывают в литературе, когда кто-нибудь, поняв, что ему говорят, через полчаса начинает воспринимать это как собственное изобретение.

Он повез израильтян к нескольким потребителям, и в принципе стороны договорились о поставке газа. Также профессор рассказал Слободану об одной сербской фирме, которая могла бы сделать требуемое оборудование. Начался процесс подготовки соглашения об организации совместной фирмы. И тут Лев допустил свойственную всем израильтянам ошибку – переоценил собственную роль. Он потребовал дать ему 51 процент акций в фирме, а израильский вклад определил только как ноу-хау. Слободан попросил инвестировать в половину нового газового компрессора, который было необходимо купить для дальнейшей деятельности. Лев отказался. Тогда Слободан по зрелом размышлении решил послать израильтян куда подальше и отказался от основания совместной фирмы. В будущем он создал целую балканскую империю по поставкам газа семитрейлерами, имел более десяти компрессоров, сотни трейлеров и т. п. Пришлось начинать всё с начала, да еще при наличии конкуренции. Игорь с Борей и Романом позже изъездили все Балканы вдоль и поперек (Сербию, Боснию, Хорватию, Македонию, Албанию и Болгарию), встречались с десятками фирм и людей и уже отлично представляли себе балканскую

ситуацию.

В итоге они остановились на переоборудовании большого алюминиевого комбината в городе Мостар в Боснии и Герцеговине. Они сняли дом в Сараево на окраине города, где основали штаб-квартиру, постоянное жилище для Романа и маленькую гостиницу для приезжающих. Из всех городов бывшей Югославии профессор больше всего полюбил Сараево, часто называемый европейским Иерусалимом. Сараево вытянулся вдоль реки Миляцки. Через эту реку перекинуто тридцать пять мостов, наиболее знаменитым из которых является Латинский мост, где сербский студент, член организации «Млада Босна» Таврило Принцип убил эрцгерцога Франца Фердинанда, что послужило сигналом для начала Первой мировой войны. Игорь всегда говорил, что Сараево представляет собой смесь Стамбула и старой Вены. Он неоднократно бывал в обоих этих городах и знал, что говорил. И неудивительно, ведь город когда-то находился под властью Османской империи, а в августе 1878-го был занят войсками Австро-Венгрии и стал административным центром Боснии и Герцеговины. В городе тесно переплетена история трех народов: православных сербов, хорватов-католиков и боснийцев, исповедующих ислам. По одну сторону речки находится «Старый Стамбул», включающий рынок Чаршия и торговую площадь Бар-Чаршия. Это район с узкими улочками и переулками, где расположено множество лавок и магазинчиков, а также кафе, кебабных и уютных кондитерских. Рядом находится торговая площадь Бруса, которая когда-то была одной из крупных станций Великого шелкового пути. Здесь можно увидеть старинную технологию изготовления вручную ковров, ознакомиться с работой мастеров по металлу, здесь же можно съесть вкуснейшую жареную баранину и маленькие кебабы и запить всё это превосходным кофе.

Вторая сторона улицы – «Старая Вена». Великая Австро-Венгрия не жалела средств на обустройство своего приобретения, и рядом с мусульманскими строениями возводили роскошные дома в духе австрийской архитектуры, перемежая их зданиями в мавританском стиле. В 1885 году в Сараево был запущен первый в Австро-Венгрии трамвай – таким образом, в империи тестировали технические новинки перед их внедрением в столице (в качестве же испытательного полигона для венского метро выступил Будапешт). Тридцать пять лет австрийского правления – период расцвета города.

Увы, XXI век характеризовался огромным количеством кладбищ прямо в центре города, оставшихся со времени боснийской войны.

Коммент-эр: когда от Югославии стали последовательно отделяться составлявшие ее республики, в Боснии и Герцеговине этот процесс шел особенно болезненно, поскольку половину населения составляли сербы. Сараево стал местом наиболее ожесточенной борьбы. 16 мая 1992 года армия боснийских мусульман перебила сербских жителей в Пофаличах (район Ново-Сараево). Нескольких тысяч мирных сербов были убиты во время войны вооруженными боснийскими мусульманами и хорватами. В первые месяцы войны многие сербы бежали из Сараево. В ответ боснийские сербы при поддержке Сербии осадили город. Осада продолжалась почти четыре года – дольше, чем блокада Ленинграда. При этом основная часть города контролировалась армией боснийских мусульман, а пригороды, где проживало в основном сербское население, и близлежащие высоты были заняты армией Республики Сербской.

Во время осады Сараево 10 тысяч человек погибли и 61 тысяча были ранены.

Дейтонское соглашение 1995 года положило конец войне, разделив Сараево между Федерацией Боснии и Герцеговины и Республикой Сербской. По итогам мирного урегулирования Сараево оказался в составе Федерации Боснии и Герцеговины, однако в нее входит Республика Сербская, расположенная на приграничье с Сербией, со столицей в городе Баня-Лука. Население Республики Сербской – около 1,5 миллиона, а население всей Босний и Герцеговины – 3,5 миллиона.

Выглядит слегка анекдотично, когда едешь по дороге из Сербии в Боснию и встречаешь пограничный столб, на одной стороне которого написано «Сербская Республика», на другой стороне – «Республика Сербская». Работать в Боснии непросто: если вы пришли в мусульманскую фирму и сослались на свои контакты с православной фирмой, то у вас ничего не получится. Историю с географией тут приходится знать точно. Предстояла большая работа на нескольких фронтах. Лев с Борей занимались финансами – требовалось несколько миллионов евро, чтобы «раскрутить» проект, а всеми остальными вопросами – Игорь с Романом. Удалось познакомиться с одним хорватским мультимиллионером, который был готов инвестировать в проект. Алюминиевый комбинат был государственным предприятием, и контракт на пятилетнюю поставку газа был хорошей приманкой для инвесторов. Профессору также приходилось общаться с этим инвестором – это был малообразованный, очень немолодой человек, наживший капитал во время войны, но большая умница

со здравым умом, звали его Златко. Как-то профессор остался с ним наедине и заговорил о денежном вкладе еще в один проект, связанный с карьером по добыче меди в Сербии. Говорили они на смеси английского и русского языка, который этот человек, как почти всякий немолодой югослав, учил еще в школе. К величайшему удивлению профессора, Златко толково и внятно изложил речь И. В. Сталина 4 мая 1935 года перед выпускниками военных академий страны с крылатыми словами «Кадры решают всё», про которую Златко, естественно, никогда не слышал.

– Понимаешь, в чем дело, – сказал он – Я уже стар, силы не те. У меня только один сын – Иван, ты знаешь. Такой проект можно запустить и заставить эффективно работать, только поставив во главе абсолютно надежного человека, и я поставлю Ивана. Он переедет из Загреба в Мостар и будет постоянно заниматься проектом. Конечно, у него еще маловато знаний и опыта, хотя он кончил университет, но с одной стороны ему буду помогать я, а с другой – ты. А медный рудник кому я поручу…

В техническом плане прежде всего надо было решить вопрос, где брать газ, и профессор с Любишей и Романом около месяца обивали пороги различных учреждений, пока получили доступ к российской газовой трубе в тридцати километрах от Сараево. Большую роль сыграли в этом связи Златко. Затем был заказан проект компрессорной станции у одной инжиниринговой фирмы в Сараево, принадлежащей боснийцам-мусульманам. И владелец – директор фирмы, и исполнители были молодые боснийцы, с которыми у профессора установились самые теплые производственные и даже дружеские отношения. Далее Игорь занялся компрессором. Было решено покупать компрессор известной итальянской фирмы «Сафе». Оказалось, что в Софии есть представительство «Сафе», отвечающее за Балканы. Игорь с Романом созвонились с главой этого представительства Светланой Тодоровой, и она пригласила их приехать в Софию. Профессор бывал в Софии в советские времена, и это был чистый, уютный зеленый город с приятной, неназойливой архитектурой и довольно прямыми улицами. Сейчас вид города его поразил: разбитые улицы и дороги, обветшалые дома, пыль и грязь на улицах. Всё носило отпечаток какой-то захудалости и неухоженности. Гостиница в центре города, где поселились наши путешественники, была добротным памятником сталинской архитектуры – с мрамором и гранитом в вестибюле, широкими лестничными маршами, высоченными потолками и роскошными люстрами. Однако сантехника в номере была старинная и неработающая, пол выщерблен, а окна не открывались. Попытки подключиться к проводному интернету ничего не дали, и Игорь

пожаловался администратору. Мастер пришел немедленно, но, повозившись минут двадцать, сказал, что ничего не получается и лучше профессору переселиться в другой номер. Он сбегал на рецепшн, принес связку ключей и помог профессору перенести вещи. Но во втором номере интернет тоже не работал. Комнату с функционирующим интернетом удалось обнаружить с третьей или четвертой попытки.

Утром Светлана приехала за израильтянами на своем «Вольво», и они последовали за ней в своей «Сузуки Гранд Витара» на окраину Софии. У Светланы оказалось вполне приличное и современное предприятие, которое занималось обслуживанием и ремонтом компрессоров «Сафе» на Балканах, а также обслуживанием и ремонтом газовых баллонов и монтажом газовых заправок в Болгарии. Тут же находилась фирма ее мужа Христо, который имел представительство от американской фирмы «Омнитек» на конверсию дизельных двигателей для работы на газе.

Вечером супруги Тодоровы повезли Игоря и Романа в горы в модный ресторан, где босые танцоры танцевали на раскаленных углях. Игорь уже видел пару раз раньше в Болгарии это зрелище, но тут изюминкой было то, что танцоры-мужчины брали на руки некоторых посетительниц и танцевали на углях с ними на руках. Игорь предложил Христо вручить Светлану одному из танцоров, но Светлана показала Игорю, что артисты выбирают худеньких женщин маленького роста, а она была рослой дамой хорошей упитанности и ее никто не возьмет.

На следующий день Светлана позвонила в Италию – она свободно говорила на русском, английском и итальянском – и договорилась о более позднем совместном визите ее (у нее были, по совпадению, там какие-то дела) и профессора в Болонью, где располагалась штаб-квартира «Сафе». Они встретились в аэропорту Болоньи и поехали в отель на окраине города, поближе к заводам и офису «Сафе».

Утром за ними приехала секретарь владельца и директора фирмы Франко Моретти и доставила их на место. Светлана ушла по своим делам, а Франко, который был также и научно-техническим столпом «Сафе», поговорил с профессором часа три до ланча и потом повез его в какой-то загородный модный ресторан. Какими-то неисповедимыми путями между итальянцем и русским евреем возникла, как говорят, всесторонняя «химия». Они были одного возраста, оба они имели дочку и сына, они были профессионалами, они знали европейскую литературу и живопись, они были любителями хороших вин и знатоками автомобилей. А то, что один был миллионером, имел виллу в

Болонье и дом на Капри, а другой был полунищим эмигрантом, еле дотягивающим от зарплаты до зарплаты, на поверхности не лежало. Вообще говоря, с такими ситуациями, когда надводные части айсбергов одинаковы, а подводные радикально разнятся, профессор сталкивался и раньше, но в Союзе это было крайне редко.

Например, ему запомнился такой эпизод. Как-то раз он был на большой машиностроительной выставке в Москве и жил в мотеле в поселке Немчиновка на кольцевой дороге. Мотель был новенький, с иголочки, и в нем поселили значительную часть участников выставки. В соседнем номере проживал южноафриканец из фирмы, производящей алмазные буровые колонки. Они с профессором встречались у дверей своих комнат, за завтраком в ресторане, в шаттле, который ходил из мотеля на выставку. Естественно, что в такой ситуации коллеги начали здороваться и разговаривать. Однажды южноафриканец постучал в дверь и пригласил профессора к нему в номер на стаканчик виски. За стаканчиком они разговорились. Общих тем для разговора у них было предостаточно. Например, узнав, что у профессора взрослая дочка, алмазник стал советовать ему не посылать ее учиться в США, поскольку его сын поехал и пристрастился там к наркотикам. Кроме того, он рекомендовал ему не жить в городской квартире, а купить себе дом в пригороде, ездить на курорт на Канары, пользоваться дизельным автомобилем, не пить «Бурбон» и т. п.

Всё это было естественно: прилетев в Москву, он увидел красивый современный город, метро, троллейбусы и трамваи, приличный аэропорт, современный новенький отель, соседа – русского в приличном костюме и кожаных мокасинах, говорящего на английском, и построил в голове адекватную для его понимания модель. То, что применительно к советскому инженеру это звучало как развернутый анекдот, он не мог понимать и не понимал. В израильской жизни Игорь попадал в такие ситуации весьма часто и привык к ним.

Представлялось интересным мнение южноафриканца по поводу апартеида.

– Вы, русские, аборигенов-негров видели только по телевизору и думаете, что это самые обыкновенные люди, только чернокожие. А на самом деле это противные, наглые, вонючие типы, и я не хочу с ними находиться в одном ресторане или театре. Мы ведь не против, чтобы они имели точно такие же, как у нас, театры, рестораны, стадионы и вагоны в поездах, мы против того, чтобы находиться вместе с ними в этих учреждениях.

Игорь часто вспоминал эти слова южноафриканца, особенно в

их деревенском бассейне. Утром в пятницу и субботу бассейн был заполнен в основном изрусами – стояла тишина и порядок. Часам к одиннадцати-двенадцати он заполнялся местными подростками, которые орали истошными голосами, нещадно брызгались и плавали исключительно поперек бассейна.

И Игорь тут же начинал думать о сути апартеида: «Ах, как было бы хорошо иметь для них отдельный бассейн!»

Вечером Светлана улетела, а Франко заехал за Игорем и повез его в какой-то элитный загородный ресторан. Там, например, на большой тележке возили между столиками цельную тушу огромной копченой свиньи, от которой официант отрезал желающим кусочки мяса. Можно было наблюдать и такое блюдо: на тележке был установлен таз, в котором находился сыр с какими-то добавками. Сверху был налит, видимо, спирт, после горения которого сыр расплавлялся и получался таз жидкого сыра с вкраплениями. Официант раздавал сыр поварешкой наподобие супа, и посетители ели это блюдо ложками. Игорю очень понравилось белое полусухое вино, которое они пили, и он полез за ручкой, чтобы записать его название. «Не старайся, – остановил его Франко, – нигде, кроме Болоньи, это вино не продается!»

Через пару месяцев Игорь прилетел в Болонью на приемку компрессора, и Франко опять окружил его такой же заботой. Впоследствии профессор еще раз был в Болонье на выставке, но с Франко не встречался. Болонью (400 тысяч жителей) называют самой южной частью Северной Италии и кулинарной столицей Италии. Уровень жизни в городе – один из самых высоких в Италии благодаря развитой промышленности и удачному расположению. От себя профессор мог добавить, что в Болонье очень стильно одеваются как женщины, так и мужчины. Тут нет места ни темным цветам, как в Милане или Турине, ни ярким оттенкам, как в Неаполе. Когда профессор смотрел потом на израильскую публику, он всегда вспоминал Болонью. И еще профессор нашел болонских женщин самыми красивыми и стильными в Италии, а следовательно, и в мире. Особенно восхищали его пожилые итальянки в шляпках, сидящие в кафе без кондиционеров и обмахивающиеся веерами.

Надо сказать, что профессор практически всегда находился в перманентном окружении красивых и стройных женщин: у него была такая жена, ее сестра-близнец, дочка, внучка, невестка – жена сына и др., и он чувствовал себя в Болонье весьма комфортно в этом смысле.

Из Болоньи Игорь ехал на поезде в Милан, откуда у него был самолет в Израиль. Вагон был полупустой, и напротив него сидел

симпатичный итальянец лет пятидесяти пяти с маленьким чемоданом. Путники разговорились – оказалось, что этот итальянец живет в маленьком городке возле Болоньи и впервые в мире разработал эффективный метод выделки лосиных шкур. Он достал из чемодана и показал профессору альбом, где каждая страница представляла собой выделанный определенным образом кусок лосиной кожи.

– Кому надо выделывать шкуры лосей?

– Ну, как кому… Этой технологией интересуется в Финляндии, Швеции и Канаде. Вот сейчас я лечу в Хельсинки. А вы, судя по акценту, русский, не знаете, что с этим в России?

Игорь еще раз пощупал кожаные листы из альбома и подивился их тонкости и мягкости:

– А я когда следующий раз приеду в Болонью, смогу заказать у вас пиджак из лосиной кожи?

– Конечно, при моей фирме есть маленькое пошивочное ателье, вот вам моя визитка, звоните.

Профессор задумался, он много раз бывал на советском Севере и видел, как жгут шкуры северных оленей. Дело было в том, что шкура взрослого оленя ужасно лезет. Игорь как-то рискнул и привез шкуру оленя, которую они с Даной повесили на стену в спальне. Через месяц Дана пригрозила выгнать профессора вместе со шкурой – она страшно линяла, и весь дом был завален вылезшими волосами. Поэтому в ход идут только шкурки новорожденных оленят – пыжик, из которых шьют шапки, и шкура с оленьих ног (камус) для пошива обуви и рукавиц. А вот почему не выделывают оленью кожу, Игорь в бытность свою на Севере не задумывался и поэтому не спрашивал.

Следующим пунктом в программе было изготовление примерно 20 семитрейлеров, несущих баллоны высокого давления в пределах бывшей Югославии. Эта попытка не удалась – оказалось невозможным сделать и сертифицировать баллоны в относительно короткий срок на югославской территории. Было решено заказать это оборудование в Болгарии в одной фирме, владельцем и директором которой был один примечательный болгарин по имени Любо Цанев. Игорь с Романом отправились к Любо в Софию на машине и увидели дядю около двух метров ростом и весом килограмм эдак сто пятьдесят. Оказалось, что в молодости Цанев был профессиональным волейболистом в одной из итальянских команд, дважды участвовал в Олимпийских играх в составе сборной Болгарии и дважды нес болгарский флаг на открытии Олимпиады. Любо в обычный автомобиль не помещался, и ему на фирме сделали «Ауди-6» со специальным водительским сиденьем. Игорь не мог отказать себе в

удовольствии посидеть за рулем этого автомобиля.

Цанев был веселый и остроумный собеседник и отлично говорил как на русском, так и на английском и итальянском языках. Как и полагается южному славянину, он был чуть-чуть жуликоват и несколько раз пытался охмурить Игоря с Романом. Профессор каждый раз его вежливо разоблачал, и Любо сказал Роману, с которым он был знаком раньше: «Ты привез опасного типа – он слишком много знает, так тяжело работать».

Важным моментом в переоборудовании комбината была переделка оборудования для электролиза алюминия. Это оборудование было спроектировано и изготовлено немецкой фирмой «Инноватерм» и использовало для нагрева сжиженный нефтяной газ. Фирма находится в городке Буцбах, расположенном в земле Гессен в тридцати пяти километрах от Франкфурта-на-Майне и в восьмидесяти километрах от Кёльна. Игорь созвонился с директором фирмы, и по совпадению оказалось, что тот живет как раз около Кёльна. Игорь прилетел в Кёльн с Даной, и они остановились у ее сестры. На следующее утро точно в назначенное время у подъезда остановилась новенькая «пятерка» BMW. За рулем, как оказалось, был коммерческий директор фирмы, а директор сидел сзади, освободив место впереди для профессора.

– Курт три дня, как купил новую машину, и я решил с ним прокатиться, – заявил он.

Профессор тоже с большим удовольствием проехался на новенькой BMW по превосходному автобану. Буцбах оказался очаровательным старинным красивым городком. Особенно восхищали профессора многочисленные старинные дома, которые называются «фахверк». Фахверк появился в XV веке в Германии и стал очень популярным в Европе, особенно в северной части.

Коммент-эр: в фахверковом доме опорной конструкцией служат деревянные вертикальные и наклонные балки 18 на 18 сантиметров из дуба, ели или других сосновых. Они видны с наружной стороны дома и придают зданию характерный вид. Пространство между балками заполняли кирпичом, а также деревянной плетенкой и глиной. Далее стены штукатурили материалом на основе глины и покрывали известковой краской. Деревянные элементы, включая балки, окна, двери, пропитывали льняным маслом.

Как ни странно, такие фахверковые дома фактически вечные. Так, обедать профессора повели в ресторанчик в здании фахверк 400-летней давности.

Игорь договорился по всем вопросам с немцами, и они приступили к подготовке соглашения о сотрудничестве. Далее Игорь согласовал изготовление всех элементов регулирования и управления газовыми системами с сербской фирмой «Газтех», расположенной в городке Инджия, или Индия (25 тысяч жителей), в двадцати пяти километрах от Белграда. Говорят, что он является самым старым городом в Сербии. Игорь крепко подружился с главным акционером и директором «Газтеха» Садкевичем и техническим директором Момичем и поддерживал эту связь долгие годы. На следующих стадиях бразды правления приняли Иван с Романом, а Игорь наезжал в бывшую Югославию уже эпизодически для наблюдения за процессом работ и решения срочных текущих технических проблем. Через год комбинат заработал на природном газе. Израильтяне имели долю акций в 15 процентов, однако прибыли пока не поступали – сначала надо было компенсировать инвестиции.

Помимо алюминиевого комбината, фирма Игоря начала работать над газификацией тяжелых карьерных самосвалов на одном крупнейшем на Балканах медном руднике. Там уже речь шла об использовании сжиженного газа. Ближайшей передовой страной по использованию сжиженного газа была Турция, и профессор несколько раз посещал эту страну для изучения практики использования сжиженного газа и возможности доставки его из Турции на Балканы.

С бытовой точки зрения профессор как-то начал вползать в четвертую касту. Он ездил на лизинговых автомобилях, которые менялись каждые три года, они с Даной уже могли позволить себе отдыхать за границей и ездили в Канны, на Тенериф и т. д., но ощущение какой-то второсортности в Израиле у него не исчезало. Сын с невесткой подали документы на эмиграцию в Канаду, что профессор рьяно поддерживал. Он по-прежнему считал Израиль страной, населенной преимущественно жителями, вся философия которых в большинстве случаев укладывается в шуточный грузинский тост: «Чтобы у нас всё было, а нам бы за это ничего не было».

Правда, особенно размышлять было некогда – назревал новый проект на новом континенте – уже в Африке. Из Парижа явился один банкир из семьи французских сефардов, проживавших во Франции более сотни лет, с предложением о перевозках газа в Сенегале. Он сотрудничал там с американской газовой компанией «Фортеса» из города Хьюстона, что в штате Техас. Француз оказался симпатичным полным мужчиной лет сорока, искренне желающим сделать что-нибудь совместно с Израилем – такое случается со многими евреями в галуте, правда,

у большинства после первой попытки это желание пропадает. Он рассказал коллегам, что его американские партнеры получили лицензию от сенегальского правительства на бурение газовых скважин и поставку газа по трубам потребителю. Однако в Сенегале (численность населения около 15 миллионов человек) крупными потребителями являются только несколько электростанций, а строить трубопроводы для мелких клиентов нерентабельно.

– Летите-ка в Сенегал и разберитесь что к чему. Если всё пойдет хорошо, в следующий раз уже встретимся все там и согласуем договор, – предложил француз.

Через неделю профессор со Львом вылетели в Дакар. Летели через Мадрид с посадкой на Канарах. В Мадриде у них был разрыв в рейсах около восьми часов, и они быстренько отправились в Прадо, который считается одним из самых выдающихся художественных музеев мира. Прежде всего коллеги посмотрели «Маху обнаженную» и «Маху одетую», расположенные рядом в одном зале музея. Затем, пробежав по картинам Веласкеса, Рубенса, Босха и Эль Греко, они надолго застряли в зале, отведенном под «Мрачные картины» Гойи. Игорь, конечно, видел репродукции, но подлинники огромного размера производили сильнейшее впечатление – прямо мурашки бежали по телу. Коллеги несколько раз выходили и снова заходили в этот зал.

В аэропорту Дакара их удивило следующее обстоятельство: весь аэропорт был заполнен людьми очень высокого роста. Было впечатление, что служащие, включая кассиров, рабочих, таможенников, являются игроками некой баскетбольной команды. Причем это в равной степени касалось как мужчин, так и женщин. В дальнейшем путники убедились в высоком росте всех жителей Сенегала.

Штаб-квартира фирмы «Фортеса» располагалась на окраине Дакара, совсем рядом с аэропортом, и представляла собой что-то вроде форта-фактории на индейской территории при освоении Дикого Запада Америки. Внутри территории, обнесенной высоченным забором, находилось главное двухэтажное здание с офисами и столовой на первом этаже, также служившей салоном и кают-компанией, трехэтажная небольшая гостиница, гаражи, склады и небольшая мастерская. Вокруг фактории бедные африканские двух-трехэтажные дома перемешивались с роскошными виллами, отделанными гранитом и мрамором. Но, что было интересно, эти виллы стояли на грунтовых улицах, густо покрытых буераками и выбоинами. По этим буеракам к виллам подъезжали «ягуары», «рэнж-роверы», «мерседесы» и «астон-

мартины» владельцев. Выравнивать и мостить улицы, похоже, никто и не собирался.

Поскольку путники добрались до фактории уже довольно поздно, они застали там только охрану, но, войдя в кают-компанию, они увидели накрытый стол и симпатичную африканку по имени Лиззи необъятной ширины и высоты – шеф-повара фактории и по совместительству коменданта здания. Африканка тараторила без умолку, но на французском языке. Лев с Игорем выскребли из себя весь набор французских слов, имевшихся у них в запасе, правда, и африканка пошла им навстречу и кое-что изрекла на английском. Дело в том, что директор «Фортесы» был американцем и некоторое количество приезжающих тоже говорили на английском – пришлось Лиззи подучиться. Гостеприимная Лиззи накормила гостей превосходным бифштексом с салатом и развела их по комнатам.

– Завтрак у нас с семи до девяти, так что отсыпайтесь, ребята, – предупредила Лиззи.

Когда утром Лев с Игорем вошли в кают-компанию, там уже сидели двое: высокий сухопарый американец с очень тонкими, интеллигентными чертами лица, в костюмных брюках и сорочке с галстуком и полная его противоположность – невысокий плотный, загорелый до красной черноты человек, который выглядел точно так, как изображали янки в журнале «Крокодил» в советское время. Он был одет в голубые джинсы с подтяжками, расцвеченными узором из американского флага, ковбойку кирпичного цвета с шейным платком и ковбойские сапожки желтой кожи. Рядом на стуле лежала вполне ковбойская шляпа. Первый был Роберт Дэвис – директор «Фортесы», второй – Рэнди Шелдон, главный бурильщик. Они ввели делегацию в курс дела. В ста километрах от Дакара находился лагерь геологов и бурильщиков, через который проходил газопровод на электростанцию. Предлагалось организовать там наполнение семитрейлеров и развозку газа по небольшим потребителям в зоне от этого лагеря до пригородов Дакара. Что было совершенно примечательно, так это то, что давление газа в трубе было около 100 бар (атмосфер), в то время как в обычных дистрибюционных трубопроводах оно не превышает 50 бар.

Родилась идея наполнять семитрейлеры прямо из трубопровода, что позволяет избежать использования компрессоров и, соответственно, строительства компрессорной станции. Сооружение и функционирование такой системы можно было организовать в самое короткое время. Главная проблема была в разработке, строительстве и сертификации дешевых и простых семитрейлеров с таким давлением (все существующие

мобильные средства доставки газа работали с давлением 200–250 бар).

На следующее утро делегация в сопровождении Рэнди отправилась на скважину. Половина пути шла по проселочной равнинной дороге в саванне с вкраплениями баобабовых лесов и перелесков. Баобаб является символом Сенегала и красуется на гербе страны. Средний баобаб имеет диаметр 3–6 метров и высоту 18–25 метров. Баобабовый лес выглядит весьма забавно – деревья находятся на расстоянии 20–30 метров друг от друга. Живет баобаб до тысячи лет, и позже Игорь сфотографировался в Дакаре у дерева, про которое говорили, что ему тысяча лет. Лагерь был оборудован по-американски добротно: ряды жилых домиков, столовая, она же клуб, большая кухня, мастерские и огромный склад.

Рэнди сказал Игорю:

– Не хочу любую запчасть заказывать в Америке, люблю, чтобы всё было под рукой.

В десяти километрах от лагеря стояли две мощные бурильные установки и полным ходом шло бурение. Как объяснил Рэнди, бурили на нефть. Рэнди и его заместитель были единственными белыми персонами в лагере, все остальные были чернокожие: механики и рабочие ростом не ниже 190 сантиметров. Рэнди объяснил, что это всё люди высокой квалификации, много лет проработавшие в нефтяном и газовом бизнесе.

– Рэнди, а как ты с ними объясняешься, они же все говорят только на французском?

– Ну, как-то, вот мой заместитель, например, знает английский и французский. И потом, я родом из Луизианы, так что немного понимаю.

Коммент-эр: американский штат, бывший наряду с канадским Квебеком, французской колонией в Америке (1682–1762; 1802–1803). Назван он в честь короля Франции Людовика XIV – «короля-солнце». США выкупили Луизиану у Наполеона за 15 миллионов долларов! Эта сделка получила название «Луизианской покупки». Самый известный город в штате – Новый Орлеан, который, как и столица штата Батон-Руж, носит черты колониального стиля в архитектуре. Для некоторой части населения штата родным языком до сих пор остается французский.

На следующий день Дэвис с Игорем и Львом были приглашены к министру транспорта, который интересовался газификацией автомобилей в Дакаре. Игорь рассказал министру о ситуации в мире с газовыми автомобилями, и тот попросил его

посетить автомобильный завод в окрестностях Дакара, построенный в Сенегале иранцами и производящий лицензированную старую модель французского «Пежо-405». Подавляющее большинство такси в Дакаре были как раз эти «Пежо». Он тут же позвонил на завод и договорился о визите Игоря. Тот порадовался, что прихватил с собой российский паспорт, поскольку на заводе работали иранские инженеры и появляться там с израильским паспортом было по меньшей мере неразумно. Профессор посетил завод и пришел к выводу, что нет никаких препятствий для конвертирования машин на газ. Однако последствий этого визита не было, поскольку в скором времени Сенегал разорвал дипломатические отношения с Ираном из-за поддержки Ираном сепаратистов в области Казаманс в южном Сенегале.

Проект по снабжению газом выглядел весьма перспективным, и, вернувшись в Израиль, коллеги развернули большую работу. Прежде всего, профессор связался с немецкой фирмой «Юропайп», которая уже давно экспериментировала в области трубопроводов высокого давления из высококачественных труб большого диаметра и пыталась сделать из этих труб баллоны для хранения газа при давлении около 100 бар для перевозки газа на судах. Профессор позвонил в фирму и после получения приглашения отправился в ее штаб-квартиру в город Мюльхайм-на-Руре (170 тысяч жителей), расположенный в земле Северный Рейн-Вестфалия на речке Рур неподалеку от Дюссельдорфа, а следовательно, от Кёльна. Игорь остановился у Марианны в Кёльне, взял напрокат машину и отправился в Мюльхайм. Немецкие коллеги показали ему стенд с установленным на нем 12-метровым сварным баллоном диаметром 600 миллиметров и рассказали, что уже несколько лет безуспешно пытаются сертифицировать его для морских перевозок сжатого газа. Техническая «соль» проблемы состояла в том, что стандарты на баллоны высокого давления требовали от стали большой пластичности, а стали высокой прочности, которые обеспечивали меньшую толщину стенок и меньший вес баллонов, как раз обладали относительно низкой пластичностью при высокой прочности.

– Свяжитесь с «Сумитомо», может, они продвинулись дальше, вот вам имена и телефоны релевантных людей в Осаке. И давайте поддерживать связь, – сказал Игорю старший инженер, ответственный за данное направление.

Игорь созвонился с японцами, и они договорились о встрече в Европе, во время планируемой поездки японцев в европейском направлении. У Льва со старых времен в Брюсселе была хорошая

трехкомнатная квартира, где была устроена европейская штаб-квартира и маленькая гостиница. За ней присматривал молодой русскоязычный парень, который, кроме всего прочего, поддерживал дежурный запас провизии в холодильнике. Было очень удобно: коллеги приезжали в Брюссель, брали напрокат машину и из Брюсселя уже делали набеги на требуемые европейские страны. В связи с этим профессор бывал в этом городе много раз и посетил почти все местные музеи. Однажды он с Барухом в воскресенье поехали в Ватерлоо. Ватерлоо известен как место битвы 18 июня 1815 года, где французская армия под командованием Наполеона Бонапарта была разбита войсками коалиции под командованием герцога Веллингтона и фельдмаршала Блюхера. Двести лет назад это была маленькая деревушка, а теперь это симпатичный 30-тысячный городок в пятнадцати километрах от Брюсселя, являющийся очень популярным туристическим центром. Визитной карточкой города является конический Холм Льва, построенный из земли, принесенной с поля боя. Согласно местной легенде, эту землю приносили на место будущего холма местные женщины, вооруженные простыми плетеными корзинами. Высота кургана – 43 метра, а длина его окружности у основания – 520 метров. На вершину ведет лестница, состоящая из 226 ступеней. На вершине холма стоит статуя льва, обращенная лицом в сторону Франции. Статуя была установлена королем Нидерландов в честь своего сына принца Оранского, который был ранен в битве. Другой важной достопримечательностью является Панорама битвы. Она смонтирована в специальной круговой галерее на огромном холсте размером 12 на 110 метров.

Напротив холма располагается комплекс старинных зданий с сувенирными магазинами, рестораном и пр. Окрестности холма густо заставлены разными памятниками, включая памятники Наполеону и Веллингтону. Но вот что интересно: кругом шла бойкая торговля сувенирами, включая брелоки, майки, шапки, кружки, тарелки, статуэтки и пр. И на всех этих изделиях был изображен или Наполеон, или Жозефина, или обе эти персоны вместе. Игорю и Боре ни разу не встретился сувенир с Веллингтоном или Блюхером. Создавалось впечатление, что именно Наполеон был победителем в битве при Ватерлоо и главным героем. Они поделились этим наблюдением с бойким официантом в ресторане, который по совместительству выполнял роль гида, рассказывая посетителям историю Ватерлоо и Европы того времени.

Официант засмеялся:

– Ну кого интересует этот Веллингтон, кто знает, как он

выглядел? Кто купит майку с этим англичанином? А императора и его жену знают все!

Так рынок и массмедиа корректируют историю. Кто знает народ тутси[38]? А «бедных» палестинцев знают все.

В Брюсселе коллеги консультировались с одной очень крупной и авторитетной фирмой по стандартизации и сертификации Apragaz A. S.B.L. и получили совет забыть про высокопрочные стали и пойти на компромисс – использовать сталь с минимальной требуемой пластичностью. Пришлось согласиться и заказать в Румынии недорогие трубы большого диаметра.

Конструировать семитрейлер решили сами и изготовлять его в Израиле. Для этого старший из братьев-французов Ив решил переехать с женой для длительной жизни в Израиле. Семейству сняли квартиру в Раанане, а жену Игорь устроил консультантом во французской школе «Альянс» в Хайфе через свою знакомую, там работающую.

Следующей проблемой было изготовление торцовых крышек для цилиндров. Игорь списался с одной турецкой фирмой, находящейся недалеко от Стамбула, и полетел в Стамбул. В аэропорту он взял такси и прибыл в очаровательный курортный пригород, где у него был забронирован отель. Утром за профессором приехал сын владельца фирмы и отвез его на завод. Завод был оснащен новейшим оборудованием, и цены были подходящие. Но по возвращении профессор получил письмо, в котором говорилось, что эта фирма не хочет иметь никаких дел с израильскими компаниями. Начала сказываться политика Эрдогана, хотя это был первый и последний случай в практике Игоря в Турции. Пришлось заказать торцевые крышки в Германии по более дорогой цене. Изготовляли семитрейлер в одной фирме возле Хайфы под наблюдением авторитетной европейской сертификационной фирмы Apave, штаб-квартира которой расположена в Париже, и Израильского института стандартов. Поскольку газ в то время получить в Израиле было невозможно, испытания под давлением проводились с помощью сжатого воздуха. Семитрейлер успешно прошел испытания и был отгружен морем в Сенегал.

Игорь с Ивом полетели в Дакар для организации наполнительной станции и испытаний трейлера. Они поселились в лагере бурильщиков в боксах из гофрированного алюминия, к вечеру эти боксы раскалялись, как сковородка, и чтобы зайти в них, сначала надо было полчаса держать включенным кондиционер. Ночью его, естественно, не выключали. Но проблема была в крошечной мошкаре, из-за которой спать можно

было только под противомоскитной сеткой с такой тонкой ячейкой, что сквозь нее с трудом проходил воздух. Все удобства, конечно, были на улице. В первую же ночь профессор вышел в туалет и заодно подышать свежим воздухом. На улице он увидел большую серую собаку, которая спокойно шла в его сторону. При ближайшем рассмотрении она оказалась обезьяной, которая не обратила на Игоря ни малейшего внимания. Как оказалось, обезьяны едят какие-то элементы баобабов, и их много водилось в соседнем с лагерем баобабовом лесу.

В короткий срок прямо на базе была изготовлена и собрана аппаратура для регулировки давления и измерительные системы, а также проведены испытания с подключением к газовому трубопроводу. Выручал, конечно, склад запасливого Рэнди, на котором было буквально всё, что требовалось, и рукастые сенегальцы американской выучки. К великой радости и гордости Рэнди, все компоненты и приборы европейского и японско-корейского производства, запланированные в начальном проекте, удалось заменить американскими.

Рэнди говорил профессору:

– Не вникай в детали, всё сделаем без тебя, поставь задачу и сиди в тени баобаба на камне. Твоя задача – принимать решения во всех спорных с технической точки зрения ситуациях.

Что самое забавное, такие ситуации возникали каждый час и требовали немедленного решения. Профессор просто не мог отлучиться с камня, который действительно стоял под баобабом на территории базы. Первый автопоезд с газом торжественно проехал по дороге через сенегальские деревушки и был подключен к дизелям «Катерпиллер», приводящим бурильные установки.

Игорь с Ивом немножко расслабились и поехали в Дакар на пару дней, с тем чтобы подождать и посмотреть, как будет работать система. За эти пару дней они посетили грандиозный базар народных промыслов, расположенный вблизи французского посольства. Во время первого приезда профессор побывал на этом базаре, но был атакован толпами продавцов, которые буквально не давали прохода. Сказать им он ничего не мог, поскольку все они говорили на французском. Теперь же он был с Ивом и мог внятно объяснить, что хочет. Он приобрел вырезанную из дерева метровую пирогу с гребцами, и Ив сказал ближайшему продавцу, что им нужна большая деревянная картина. Буквально через десять минут к Игорю подошел сенегалец и вручил свою визитку. Он оказался членом сенегальской академии «деревянных» наук и сказал, что через полчаса доставит искомую картину профессору. Игорь с профессором спрятались в свой автомобиль с водителем-

сенегальцем, и действительно через полчаса «академик» доставил им прекрасный деревянный барельеф примерно 70 на 70 сантиметров, изображавший леопарда, сидящего на баобабе, готового к прыжку на двух антилоп, пасущихся внизу. Этот барельеф оказался действительно произведением искусства и занял достойное место на стене в салоне профессора в Израиле.

По вечерам все обитатели фактории собирались в «кают-компании» и беседовали о разных вопросах. Кроме Роберта, банкира и Ива с Игорем, в это время в фактории жила одна весьма занимательная пара молодоженов. Мужскую часть представлял огромный датчанин, много лет проработавший в Мавритании, которого Роберт принял на работу в качестве руководителя сенегальского отделения «Фортесы», а женскую – симпатичная сенегалка ростом так примерно метр восемьдесят. Она закончила Сорбонну и кроме французского хорошо знала английский.

Как-то вечером Игорь смотрел телевизор с этой сенегалкой и увидел, как рослые чернокожие ребята готовят к работе знакомые ему танки Т-55.

Диктор говорил по-французски, и Игорь спросил девушку:

– А это кто такие?

– А это сепаратисты из сенегальского Движения демократических сил Казаманса. Да вы не волнуйтесь, это далеко отсюда, около ста пятидесяти километров.

«Ничего себе, – подумал Игорь – она, видимо, не знает, с какой скоростью двигается танковая колонна по равнине».

Таких американцев-технократов, как Роберт, профессору ни раньше, ни позже встречать не приходилось: он был высококультурным человеком, хорошо знал европейскую историю и культуру, читал многих европейских и русских классиков и разбирался в живописи. Когда Игорь спросил, откуда это у него, то ответ Роберта его слегка удивил. Тот сказал: «Я, видите ли, не какой-нибудь янки, я из культурной семьи южан».

Но музыка, как ей и положено, играла не долго. На третий день позвонил Рэнди и сказал, что автопоезд с газом по дороге остановили вооруженные жандармы, которые показали предписание министерства энергетики, требующее прекратить функционирование проекта. Ларчик открывался просто: пришел новый министр, один из родственников которого торговал соляркой. Почти неделю Роберт Дэвис с профессором и прилетевший им на помощь из Франции банкир пытались получить аудиенцию у нового министра или попасть на прием к другим влиятельным чиновникам. Перед ними поставили глухую стену, и ничем их усилия не кончились.

Так произошло седьмое падение профессора с «сабантуйного столба».

По возвращении в Израиль их ждали два новых предложения – по проектам в Индонезии и в Израиле. Профессор с юности интересовался и симпатизировал Индонезии. В хрущевско-сукарновские времена советская пресса много писала об Индонезии, а советско-индонезийская дружба была одним из краеугольных камней советской внешней политики. Широко описывались роскошные тропические леса, удивительная фауна и флора, голубые лагуны и разнообразные вулканы, климат вечной весны с постоянной температурой от 25 до 30 градусов тепла и другие природные достопримечательности.

Коммент-эр: Республика Индонезия – государство в Юго-Восточной Азии. Расположено на трех тысячах островов Малайского (Индонезийского) архипелага. С XVI века находилась под управлением португальцев, а затем голландцев. В марте 1942 года была оккупирована японскими войсками. После разгрома японцев была провозглашена независимой страной. 90 процентов населения – индонезийцы. Население 280 миллионов человек. Столица – Джакарта. 90 процентов верующих исповедуют ислам. Занимает первое место в Юго-Восточной Азии по добыче нефти.

В хрущевские времена Индонезия, возглавляемая президентом Сукарно (1901–1975), получила со стороны Советского Союза не только политическую поддержку, но и военные средства, включая джипы, плавающие танки, военные корабли, подводные лодки, артиллерийские системы, самолеты, разнообразное стрелковое оружие, а также участие многих советских военных советников и специалистов (так, в 1960 году их было около двух тысяч). Советский и военный контингент был дислоцирован на индонезийской военно-морской базе в городе Сурабая, где в 1962 году было открыто Генконсульство СССР.

В 1970-х годах, будучи в командировке в Рубцовске, Игорь оказался в номере с одним москвичом, который поведал ему следующее. Он был при Хрущеве опальным московским поэтом и подвергался гонениям за стихи, не созвучные с тогдашним соцреализмом. Одной из широко распространенных форм преследования неугодной молодежи была практика немедленного призыва строптивых в армию, несмотря на определенные льготы, имеющиеся у них. Поэта призвали в военно-морской флот, где тогда служили четыре года. Волею судьбы он попал в команду, которая занималась перегоном советских военных судов в Индонезию, и несколько раз побывал в Индонезии. Непросто было

в те времена пообщаться с живым свидетелем индонезийской жизни – конечно, насколько советский матрос мог с такой жизнью познакомиться. Но кое-что он Игорю рассказал. Советская база находилась в Сурабае. Гавань была забита подводными лодками и надводными судами, начиная с подаренного Хрущевым крейсера «Ириан» (ранее «Орджоникидзе») и кончая торпедными и ракетными катерами. Советские моряки были переодеты в индонезийскую военно-морскую форму без знаков различия, а на судах были подняты индонезийские флаги. Готовились к освобождению Западного Ириана от голландских колонизаторов. И заодно активно посещали местные притоны.

При расставании поэт подарил Игорю небольшую изданную книжку своих стихов с интересным приложением – текстом нескольких стихотворений до цензурной правки. Игорь в очередной раз подивился глупости и опасениям советских цензоров. Например, в одном из стихотворений описывался эпизод из жизни деревни и были строчки: «Там в резных кабинетах разве крик услыхать, / Гармонист до рассвета надрывает меха…» Цензор исправил: «Там в высоких палатах разве крик услыхать…»

В соответствии с традицией (правда, с некоторыми ее нарушениями), путь в Индонезию фирме профессора проложил израильский гражданский торговец оружием. Этот человек поставлял в Индонезию российское оружие, включая стрелковое и даже боевые машины пехоты (БМП). Когда профессор с ним познакомился, он был даже несколько удивлен, насколько этот человек был осведомлен о том, что где делается в России, причем многие заводы он посещал лично, например Курганский машиностроительный завод, где делают БМП и бронетранспортеры. Конечно, весь этот бизнес процветал в девяностые годы. Поездка в Индонезию была уже не таким простым делом, как скажем на Филиппины, поскольку Индонезия страна мусульманская и у нее нет дипотношений с Израилем. У профессора был российский паспорт – виза была ему не нужна, а для остальных членов делегации пришлось выправлять визу через индонезийское посольство в Сингапуре, что было достаточно непросто. Лететь пришлось через Сингапур, где на пару дней пришлось остановиться. Пока коллеги хлопотали в посольстве, Игорь успел немного посмотреть Сингапур, его знания о котором базировались на песне Вертинского «В опаловом и лунном Сингапуре, в бури, / Когда под ветром ломится банан, / Вы грезите всю ночь на желтой шкуре / Под вопли обезьян…» и восторгах в интернете по поводу красоты, чистоты и экономических успехах этого города-государства.

Бананы, конечно, в Сингапуре были, а вот с желтой шкурой и обезьянами вышла незадача. Игорь, правда, посетил оригинальный магазин возле отеля, вывеска на котором гласила: «Изделия из кожи малазийских рептилий». Там в изобилии висели и лежали туфли, сумки и даже куртки и пиджаки из кожи крокодила, а также изделия поменьше из кожи разных змей. Профессор подобрал себе серый бумажник из кожи какой-то змеи, но, узнав цену, положил его на место, сказав продавщице, что боится, как бы змея его не ужалила. Сингапур считается самым дорогим городом в мире. Населяют Сингапур преимущественно модифицированные китайцы. Они составляют сегодня большинство населения страны, и им Сингапур обязан своим стремительным экономическим развитием – местное малайское население при отсутствии китайской диаспоры не смогло бы это сделать. При этом обращает на себя внимание большое количество красивых и стройных китаянок с совершенно прямыми ногами. Говорят сингапурцы на «мандарине», и очень многие из них знают английский.

Одной из нескольких причин успешного развития Сингапура является абсолютно израильская модель использования дешевой рабочей силы, которая не проживает постоянно в городе-стране. Каждое утро из Малайзии в Сингапур въезжает большое число малайских рабочих (подобно арабам с территорий в Израиле), которые весь день подметают и строят, а вечером возвращаются на родину. Кроме того, из 5,5 миллиона человек, которые составляют население этого города-государства, приблизительно 1,5 миллиона – трудовые мигранты.

Полюбовался Игорь и на символ Сингапура Мерлион, установленный на воде в реке Сингапур. Он не удержался и купил декоративную тарелку с изображением этого самого Мерлиона, которая украшает салон его домика в Израиле.

На следующий день делегация вылетела в Джакарту. В аэропорту ее встречали два представителя индонезийской газово-нефтяной компании «Пертамина». После того как все уселись в два автомобиля, профессор с удивлением увидел, что впереди их кортежа двигается полицейский мотоцикл с сиреной и мигалкой на шесте.

– Это зачем? – обратился он к одному из встречавших их индонезийцев.

Тот рассмеялся в ответ:

– Хотя аэропорт Soekarno Hatta находится всего в двадцати километрах от города и сейчас десять вечера, если мы поедем без сопровождения, то приедем в отель часа через два с половиной в лучшем случае.

Такого плотного движения Игорь еще не видел.

Коммент-эр: Джакарта является промышленным, политическим, культурным и финансовым центром страны и официальной столицей Индонезии. Джакарта находится на северо-западе побережья острова Ява. В городе проживает 10 миллионов человек. Назван город в честь победы местного султана Фатиллаха над высадившимся португальским отрядом в 1527 году (Джаякарта – «великая победа»). В 1619 году армия голландской Ост-Индской компании завоевала Джаякарту и стерла ее с лица земли. Спустя год Ост-Индская компания построила новый город и назвала его Батавия в честь битовое (одни из далеких предков современных голландцев). Голландцы построили город в европейском стиле с крепостью, городскими стенами и каналами. Он стал административным центром голландской Ост-Индской компании, из которого они управляли обширной колониальной империей в Юго-Восточной Азии. Бывший центр голландского города все еще сохраняет много красивых исторических зданий и служит главной достопримечательностью Джакарты. С обретением независимости в 1945 году город получил свое прежнее название.

В современной Джакарте множество небоскребов, современных роскошных отелей, национальных и иностранных банков, торговых центров, ресторанов и ночных клубов, широких проспектов, построенных по самым современным проектам в центре, соседствуют с традиционными индонезийскими жилищами на окраинах. Джакарта находится на «почетном» месте в списке самых загрязненных городов мира. В Джакарте много разнообразных базаров. Центральная улица Джакарты – Тамрин – похожа на улицу любого современного процветающего города. Всё это разбросано на большой территории, забитой машинами, мотоциклами и людьми. В Джакарте около 10 миллионов автомобилей и мотоциклов, и по этому показателю Джакарта является самым загруженным городом мира. Смог покидает город только в предрассветные часы.

Делегацию поселили в одном из лучших отелей города – «Отель Гранд Хаятт», расположенный вблизи правительственных учреждений, делового района и местных достопримечательностей. На следующее утро все израильтяне в светлых костюмах и галстуках явились в резиденцию корпорации, где после обмена дежурными любезностями и получили карт-бланш на разведывательную деятельность в Индонезии, то есть поиск подходящих мест и местных партнеров для перевозки газа.

Сам вид такой деятельности не был для индонезийцев чем-то новым и неизвестным, и стороны быстро пришли к взаимопониманию.

Что было интересно, все индонезийцы вплоть до министра носили цветастые рубашки навыпуск с сетчатой подкладкой, сделанные из батика на заказ. Рубашки высших чиновников сделаны из натурального шелка и стоят 250–300 долларов, а простые люди носят батик преимущественно из хлопка. В больших магазинах есть целые этажи, заполненные батиковыми рубашками. Игорь однажды ходил полчаса по такому этажу, будучи не в силах выбрать себе по цвету батиковую хлопковую рубашку.

Коммент-эр: батик является визитной карточкой Индонезии. Для производства тонкого батика белая ткань из хлопка, льна, шелка, но не из синтетики, разрезается на куски, на которые воском наносится рисунок (покрываются места, которые потом не окрашиваются). При создании дорогого батика, например батиковых картин, используется способ нанесения воска с помощью кисти или разливания из маленького чайничка. При создании простого батика воск на ткань наносится с помощью трафаретов или печатается машинами, как на ситце.

Картины из батика являются очень живописными и яркими, стоят недорого, и в доме профессора в Израиле имеется большое количество таких картин, помещенных в красивые рамы, застекленные небликующим стеклом.

В процессе первого дня общения делегацию познакомили с одним замечательным индонезийцем по имени Бамбанг Суприхади. Он был газовым инженером, окончил Бандунгский политех, жил в Бандунге, знал английский и знал назубок всю газовую подноготную в Индонезии. Тогда Игорь еще не знал, что он станет для него близким другом и соратником на несколько лет при деятельности в Индонезии. Поскольку Игорь был единственным из их компании, кто мог свободно посещать Индонезию (из-за наличия российского паспорта), ему пришлось действовать почти всё время в Индонезии в одиночку.

В момент знакомства Бамбанг был безработным, и его оформили на работу в компанию с небольшой зарплатой и оплатой командировочных при поездках по Индонезии. Это было совершенно плодотворное решение, поскольку без Бамбанга профессор бы не сделал пятой части того, что было сделано в Индонезии. Он был его Вергилием, переводчиком, охранником и советчиком в течение почти двух лет.

Игорь много раз посещал Индонезию и объездил с Бамбангом вдоль и поперек крупнейшие острова Индонезии, включая Яву, Суматру и Калимантан. Они посетили как офисы многих газодобывающих компаний в крупных городах, так и скважины, потребляющие предприятия в мелких городах и сельской местности. Пришлось им попутешествовать и по совершенно глухим местам, куда и на джипе трудно было проехать, и поплавать на малых суденышках по рекам, кишащим крокодилами. Однажды на Калимантане, часть которого принадлежит Малайзии (где этот остров называется Борнео), они заехали в деревню «охотников за головами» – даяков. В центре деревни профессор увидел большое пепелище от костра, на котором были разбросаны черепа. Он с ужасом посмотрел на Бамбанга, который успокоил Игоря: «Да это туристский аттракцион, а черепа эти от орангутангов – ты же знаешь, они большие, самцы весят до ста килограммов».

Кроме газовых месторождений путешественники видели много горнорудных предприятий по добыче железа, меди, никеля, олова, бокситов, серы, а также по заготовке и обработке леса. Сильное впечатление на профессора произвел один рудник по добыче самородной серы. На дне довольно глубокого каньона находился карьер с кусочками руды самородной серы. Несколько десятков рабочих наполняли корзины рудой, а другие рабочие несли две корзины общим весом около пятидесяти килограммов по серпантинной тропе наверх, где высыпали руду на землю. И всё это при 35-градусной жаре. Игорь через Бамбанга поговорил с несколькими «рудоношами», отдыхающими пару минут между рейсами.

– А что делать? Работы нет вообще на много километров вокруг! – поведали ему индонезийцы.

Довольно часто Игорю и Бамбангу попадались деревенские или даже лесные мастерские, занимающиеся резьбой по дереву, благо лес и корни они заготовляли прямо на месте «не отходя от кассы». Игорю, конечно, приходилось видеть готовые изделия из резного дерева в магазинах Джакарты, но тут он мог увидеть весь процесс воочию. Игорь также видел до этого такие изделия в Индии, на Филиппинах и в Сенегале, но с продуктом индонезийских резчиков сравниться ничто не может. Фигуры любых размеров – от десятисантиметровых до двухметровых – выполняются с филигранной точностью и неповторимым изяществом. Изображаются звери, птицы, насекомые, цветы, герои и сюжеты разных мифов (например, «Махабхарату и Рамаяну» индонезийцы считают «своими») и бытовые сцены. Люди изображаются как реалистически, так и в формальном

сюрреалистическом стиле. Ну и, конечно, производятся разные декоративные бытовые изделия: дверцы шкафов, спинки кроватей, столики, стулья, табуретки, пуфики, ширмы, шкатулки и пр.

Для резьбы недорогих поделок используются гибискус, франджи-пани и крокодиловое дерево. На более ценные изделия идут тик, махогани и эбеновое дерево. Наконец, самый дорогой материал для резьбы – сандаловое дерево. В салоне дома у Игоря стоит метровая богиня из тика, купленная в Джакарте, которая вызывает неизменный интерес и восхищение всех новых гостей. Технология производства самая примитивная. Резчики сидят на полу под навесом и пользуются самодельным инструментом, изготовленным из автомобильных клапанов, пил и прочих подручных средств из качественного металла, а также деревянным молотком. Заготовки вырубаются топором. Никаких эскизов или пластилиновых, гипсовых моделей перед ними нет – всё делается из головы. Вытащить Игоря со склада готовой продукции такой мастерской Бамбанг подолгу не мог и ругался на чем свет стоит. Он не разделял восхищения Игоря изделиями и технологией: «Ну что ты тут увидел: орел как орел, держит змею как все, змея как змея…»

Во многих больших магазинах и в вестибюлях фирм выставлены столы со столешницей длиной до десяти метров, шириной до полутора метров и толщиной до десяти сантиметров и из цельного массива разных экзотических деревьев. Также большой интерес вызывали мастерские по изготовлению изделий из бамбука. Из него в Индонезии делают буквально всё: водопроводные трубы, самую разнообразную мебель, вазы, всевозможные шкатулки, детские коляски и колыбели и многое другое. Купить резное изделие в деревенской мастерской можно втрое дешевле, чем в джакартском фирменном магазине, но как везти?

Конечно, в процессе поездок Игорю и Бамбангу пришлось общаться с большим количеством индонезийцев – от директоров компаний и инженеров до простых крестьян и рабочих. Надо заметить, что практически все индонезийцы приветливы, вежливы и много улыбаются.

Индонезийцы питают пристрастие к громким титулам и ученым степеням. Поэтому, когда профессор подавал где-либо свою визитку, градус любезности со стороны любого индонезийца заметно повышался.

В большинстве случаев индонезийцы питаются рисом. Однако, в отличие от Китая, практически везде профессору по его просьбе подавали хлеб.

Индонезия занимает третье место в мире по производству кофе. Игорь несколько раз привозил индонезийский кофе своему главному кофейному эксперту и ценителю Дане, но она нашла его несколько кисловатым. Один раз Бамбанг предложил Игорю попробовать кофе под названием «Лувак», названный так по имени небольшого зверька – лувака. Он глотает целиком зерна кофе, которые потом извлекаются из помета зверька и употребляются как большой деликатес. Но Игорь не рискнул.

Среди индонезиек мало полных женщин, и они сохраняют стройность фигуры до старости. Чтобы иметь стройную фигуру и эластичную кожу, большинство индонезийских женщин всю свою жизнь пьют настои из целебных трав – джаму.

Подавляющее большинство индонезийцев мусульмане, но ислам в Индонезии был тогда очень «мягкий». В Индонезии отсутствует клерикальная иерархия и нет мулл. Любой сведущий в религии человек может выступать в роли имама. В отличие от большинства мусульманских стран, в Индонезии женщины пользуются довольно широкими правами. Многоженство в Индонезии редкость, а закон требует, чтобы каждой жене предоставлялось отдельное жилье и что мужчина может взять последующую жену лишь с согласия предыдущих (всего по исламу разрешены четыре жены). Регламент голосования, скажем, трех предыдущих жен, видимо, еще не прописан. В отношениях светских и религиозных в Индонезии царствует плюрализм. Игорь наблюдал в ресторанах такие сцены: за общим столом сидят вместе мусульманские девушки и светские дамы, а также мужчины, пьют вино и громко разговаривают.

Государственным языком Индонезии является индонезийский язык – бахаса. Индонезийский язык оформился в первой половине XX века на базе малайского языка, термин «индонезийский язык» был принят в 1928 году. Письменность осуществляется на основе латинского алфавита.

Интересно выглядят загородные рыбные рестораны. Они представляют собой большой водоем, вокруг которого размещаются большие деревянные кровати с подушками (как в Средней Азии). В водоеме плавают различные виды рыб. Рыбы, отличающиеся плохим поведением, содержатся не в общем бассейне, а в отдельных садках. На въезде в ресторан развешены большие рисунки разных рыб с их названиями и соответствующими номерами. Неискушенному человеку названия или номера надо записывать из-за невероятно большого количества рыб. После заказа официант с помощником, который знает всех рыб в лицо, ловят надлежащую рыбу и жарят ее.

Работать в Индонезии Игорю было очень сложно, даже при

наличии израильского опыта, из-за тотальной необязательности индонезийцев. Индонезийское правительство и разные ведомства издают и публикуют постановления, решения и планы, выполнение которых затягивается на десятилетие. Если в местной газете публикуется, что там-то что-то открыто и работает, то по прибытии на место ничего подобного не обнаруживается. В поведении индонезийцев прослеживается влияние больших масштабов страны и ее как бы могущества.

В результате достаточно напряженной работы сложилось подобие карты больших островов с нанесенными на ней проектными парами – источник газа и потребители – с описанием характеристик этих предприятий и примерным алгоритмом их подключения. Все проекты получались дорогостоящими или очень сложными в технико-организационном плане. Надо было искать серьезных инвесторов. Стрелка компаса упорно показывала в сторону индонезийских китайцев. Китайская диаспора составляет около трех процентов населения страны, но контролирует большую часть финансов, бизнеса и торговли.

В Индонезии в 1966 году при переходе власти от администрации президента Сукарно в руки военного диктатора генерала Сухарто произошли массовые гонения на этнических китайцев, закончившиеся гибелью более чем полумиллиона представителей китайской диаспоры и изгнанием сотен тысяч из страны. В конце 1970-х годов части из них было позволено вернуться. Среди высших офицеров армии, захватившей власть, было много крупных землевладельцев и капиталистов, которые объявили коммунистическую партию вне закона и организовали убийство сотен тысяч коммунистов по всей стране. Одновременно новые власти приняли либеральные экономические законы, а также объявили курс на дружественные отношения с США и западными странами. Экономикой страны в эти годы занималась «мафия из Беркли» – группа технократов-экономистов, получивших образование в США.

Израильскую команду свели с одним видным китайским мультимиллионером по имени Хуан Чжимин, изгнанным из Индонезии в лихие времена, которому было запрещено возвращаться в Индонезию и он осел в Сингапуре. На встречу с этим китайцем Лев прилетел в Сингапур из Израиля, а профессор – из Джакарты. Приезжих разместили в пятизвездочном отеле «Марина Мандарин» в десяти минутах ходьбы до станции метро «Сити холл». Из окна номеров отеля открывается вид на залив Марина. Отель принадлежал вышеуказанному мультимиллионеру, и сам он проживал в нем в одном из номеров. Первая встреча состоялась в конференц-зале отеля.

Мистер Хуан оказался человеком довольно высокого для китайца роста, средней полноты. Он говорил на английском.

Молча выслушав доклад Игоря и Льва, он заметил:

– Запах бизнеса в вашей информации имеется, однако мои эксперты должны изучить ваши материалы внимательно и всё проверить – сами понимаете, что мы для этого имеем соответствующие каналы в Индонезии. А пока пойдемте пообедаем.

В ресторане Хуан провел израильтян на кухню и самолично показал, как готовятся традиционные китайские блюда. Он сказал, что существует восемь знаменитых блюд: утка по-пекински, свинина в кисло-сладком соусе, курица Гунбао, тофу Ма По, вонтоны, пельмени, китайские рулетики и жареная лапша – и все они готовятся в его ресторане. Он показал все эти блюда на кухне, и Игорь записал все названия в блокнот, к большому удовлетворению Хуана.

При этом Игорь с дрожью в голосе заметил:

– Мистер Хуан, но мы надеемся, что съесть нам придется только одно блюдо.

– И не надейтесь, вы мои гости, и вам придется попробовать все восемь.

После обеда он отправил гостей отдыхать, заметив, что сам он должен раздать поручения своим людям для подготовки вопросов к завтрашней беседе с Игорем и Львом. На следующий день Игорь знакомил поочередно трех людей Хуана с записями, сделанными во время поездок с Бамбангом по Индонезии, и отвечал на их вопросы. Вечером Хуан снова пригласил гостей в ресторан, заметив, что их ожидает некий сюрприз. Ужин состоялся в отдельном кабинете ресторана, и на нем, кроме подруги Хуана, присутствовали две дамы, что-то вроде китайских гейш. Это были две очень красивые девушки с прекрасными фигурами, изящно и стильно одетые и причесанные. Насколько Игорь и Лев понимали в китайцах, они были не очень молодыми. Девушки говорили на английском и были весьма эрудированными особами, способными поддерживать разговор практически на любую тему. Игорь, конечно, читал литературу про японских гейш, но «живьем» такое видел впервые. Надо заметить, что отрицательных эмоций сингапурские гейши у него не вызвали.

На следующий день гости улетели в Израиль, и профессор вернулся в Сингапур уже месяца через два для встречи с экспертами Хуана, получившими необходимую информацию из Индонезии. Причем он приплыл в Сингапур на пароме с острова Суматра, где находился в то время по делам, через Малаккский

пролив. У экспертов Хуана, естественно, были обширные связи в Сингапуре, и они представили Игоря руководству департамента транспорта Сингапура, где профессор прочел коллегам маленькую лекцию о газовых автомобилях. Эта тема департамент транспорта заинтересовала, и впоследствии через полгода он был приглашен в Сингапур для консультаций.

Из других стран, в которых Игорю пришлось побывать, прежде всего надо упомянуть Англию и Египет.

В Англии он был потрясен величием Вестминстерского аббатства, где короновались начиная с Вильгельма Завоевателя в 1066 году все английские короли (за исключением Эдуарда V и Эдуарда VIII), похоронены многие выдающиеся деятели Англии – политики, писатели и поэты, полководцы и музыканты (всего около трех тысяч личностей) и установлено более шестисот памятников и мемориальных табличек. Это поражает воображение. Трудно передать чувства, которые охватывают тебя, когда стоишь возле могил И. Ньютона, Ч. Дарвина, Ч. Диккенса и других великих людей мира.

Неизгладимое впечатление произвела на Игоря надпись на могиле Ньютона: «Здесь покоится то, что было смертного в Исааке Ньютоне».

Другим незабываемым впечатлением от Англии была кража у профессора бумажника с очень тяжелыми последствиями. В Лондоне у профессора со Львом утром в одно из воскресений состоялась встреча с одним индийским мультимиллионером, после которой сей миллионер полетел в Дубай, а Лев отправился на поезде в Шотландию в отпуск. Самолет Игоря летел в Израиль в понедельник днем, и он решил совершить небольшой круиз по Темзе на речном трамвае от Вестминстерского причала до причала Ватерлоо. Накрапывал легкий дождик, но было довольно тепло, и профессор надел плащ на рубашку без пиджака, а бумажник положил в наплечную сумку. На причале возле касс толкалось много народу, кораблик вот-вот отходил, и Игорь едва успел протиснуться к кассе и сесть на трамвайчик. Спустя десять минут после отплытия он полез в сумку и обнаружил, что бумажника нет. А в нем была кредитная карта, деньги и паспорт.

Игорь сошел с кораблика на первой же остановке – на Тауэрском причале, ближе остановок не было, и Игорь вынужден был рассматривать окрестности. Из положительных эмоций было только то, что он увидел хотя бы издалека самый знаменитый в мире чайный клипер «Катти Сарк», который много лет подряд ставил рекорды скорости в доставке чая из Китая в Англию.

К своему счастью, Игорь нашел в кармане несколько монет, которых как раз хватило, чтобы доехать обратно до Вестминстера.

Там он кинулся к кассам и начал расспрашивать кассиров насчет своего бумажника, на что они ему говорили, что причалы – излюбленное место карманников в связи с наличием толкотни у касс и быстрого отплытия «клиента» восвояси.

Расспросив постового констебля, где находится ближайшее отделение полиции, Игорь кинулся туда и увидел довольно значительную очередь к окошку с полицейской девушкой. Сидя в очереди, он позвонил сыну в Израиль с просьбой аннулировать его кредитку и прислать на адрес отеля, где он жил, фото другой кредитки, которая была у него дома. Кроме того, он попросил немедленно перевести ему небольшую сумму денег через «Вестерн Юнион» до востребования и отменить билет на завтрашний рейс. Первый и последний раз в жизни профессор порадовался, что в Израиле воскресенье рабочий день.

Заполнив бланк-заявление о краже, профессор быстро вернулся в гостиницу, благо он жил в центре, в двух шагах от Пикадилли, и был встречен портье, который ему тут же заявил, что его кредитная карта аннулирована и он должен покинуть отель немедленно. Игорь пошел к дежурному управляющему, показал ему копию заявления о краже бумажника и попросил подождать присылки фото новой карточки. Через пару часов карточка пришла, ее проверили, и управляющий сообщил, что Игорь может и дальше жить в отеле.

На следующее утро ему предстоял поход в израильское посольство. По карте Игорь рассчитал, что до посольства километров восемь, а денег на такси или даже автобус у него не было. Пришлось идти пешком, ориентируясь по карте. Такие пешие походы Игорю не приходилось делать никогда раньше и не пришлось никогда позже. Шел он около двух с половиной часов и потом еще полчаса искал здание посольства, которое, как это принято для израильских посольств, ютилось в незаметной подворотне.

Посольство охраняли два британских автоматчика, которые показали Игорю на телефон внутренней связи. Игорь позвонил и объяснил сотруднику посольства ситуацию.

– Мы можем принять вас только с двумя фото, чтобы сделать лессе-пассе, но поторопитесь, в два мы закрываемся.

Но, увы, даже в Лондоне фотографии бесплатно не делаются, и Игорь бросился искать ближайшее почтовое отделение, которое он с трудом нашел. Отделение было крохотным и включало двух сотрудников, один из них был занят с клиентом, а другой был свободен. Игорь дал ему свою визитную карточку и попросил проверить, пришел ли перевод – деньги пришли. Однако не тут-то было – сотрудник потребовал от него паспорт. Напрасно Игорь

размахивал заявлением о краже – британец был невозмутим: «У нас правила, я не могу их нарушать». Тут Игорь в карманчике своей наплечной сумки находит цветную ксерокопию своего российского паспорта и умоляет клерка выдать деньги по этой копии. Происходит сцена, достойная бразильских сериалов: британец на чисто русском языке говорит Игорю: «Так вы – русский!»

Парень оказался из Ашхабада, и Игорь уговорил его выдать ему деньги. Дальше он кинулся в маленький торговый центр, где, по словам ашхабадца, можно было сфотографироваться. На втором этаже Игорь нашел кабину для фотографирования, но она была занята, и в очереди стоял еще один чернокожий. «Ну, два человека – быстро пройду», – подумал Игорь и ошибся: когда очередь дошла до африканца, из-за угла начали появляться члены его многочисленного семейства – жена, две дочери и сын, каждый из которых с упоением позировал перед автоматической камерой. Наконец, получил фото и в 13:20 вбежал в посольство. И тут пошло-поехало – его раздели до трусов и просветили до гланд. После перекрестного допроса и всех проверок Игорь наконец получил вожделенный документ и позвонил в Израиль своему турагенту на предмет заказа билета на завтрашний рейс. Билет, слава Богу, нашелся. И Игорь на такси отправился к себе в отель.

Еще говорят, что британцы хладнокровные люди – в крохотном отельчике Игоря весь персонал был осведомлен о его приключении и сбежался поздравлять его по возвращении из посольства, а менеджер пригласил его в свой кабинет и предложил выпить по стаканчику виски за успешный исход дела. Нет нужды говорить, как резвились сотрудники израильской секьюрити в аэропорту при виде такого отпетого террориста, как Игорь с лессе-пассе, выданным только вчера в израильском посольстве в Лондоне. Но это дело привычное – и тут не о чем говорить.

Другой забавный эпизод в Англии привел к тому, что Игорь в первый и последний раз в жизни прокатился за рулем «Ламборджини». Игорь со Львом возвращались под вечер домой к себе в отель. Смеркалось, накрапывал мелкий дождик, и улица была совершенно пустынной. Вдруг коллеги увидели забавную картину: немолодая английская пара пытается установить мягкую крышу машины из двигательного отсека на место.

Подойдя ближе, Игорь идентифицировал машину как родстер Lamborghini Gallardo Spyder со складной мягкой крышей (по цене 350 тысяч евро за штуку) и спросил англичанина, в чем проблема.

В Англии вообще-то не очень принято подходить к незнакомым людям на пустынной улице, и английская пара

посмотрела на них с подозрением: странные типы, говорящие с акцентом по-английски. Лев поспешил успокоить англичан, дал им визитки коллег и сказал, показывая на профессора: «Он, вообще-то, профессор по автомобилям, так что вашу машину не сломает, а может быть, и починит».

Пока Лев развлекал даму светскими разговорами, на что он был большой мастак, Игорь разбирался в новом уникальном механизме складывания крыши, управляемом двумя кнопками на приборной панели.

– Да вот, понимаете… мы вчера его только купили, а сегодня уже крыша не поднимается, – пожаловался англичанин, – а деньги стоит немалые.

– Да не волнуйтесь, сейчас попробуем разобраться.

Разобрался Игорь довольно быстро и поднял крышу. Тут у него мелькнула дерзкая мысль, и он попросил разрешения у англичанина проехать за рулем до конца улицы и обратно. По выражению лица англичанина было видно, что идея его не очень вдохновляет, но деваться ему было некуда, и он согласился. Конечно, разогнаться до штатных 300 километров при двигателе мощностью 500 лошадиных сил Игорь не мог, но на сотне километров в час прокатился. Особого впечатления машина на него не произвела – соотношение цена/качество не впечатляло.

Запомнилась Игорю встреча с одним английским евреем-мультимиллионером в Лондоне, семья которого проживала в Британии уже эдак лет двести. Его партнер Лев говорил о нем только стоя навытяжку: «Old money!»[39] Лев вообще строго относился к этике, включая дресс-код, и экзаменовал профессора перед встречей:

– Та-а-ак! Давай посмотрим часы – ни в коем случае не «Ролекс» – во владельцев дорогих «Ролексов» деньги не инвестируют, часы должны быть очень приличные, но не очень дорогие. Что у тебя – «Ситизен» – 700 долларов, это пойдет. Как насчет носков, тоже ничего! А вот галстук – никуда не годится. Быстро пошли в магазин, купим тебе другой – галстук должен быть дорогим, но выглядеть дешевым.

– О, за таким галстуком придется съездить в Израиль!

Еврейский миллионер оказался простецким дяденькой, владельцем довольно обшарпанного офиса, правда, в самом центре Лондона, который час учил коллег, как надо жить, потом подарил каждому из них по бутылке дешевого вина и распрощался. Вино Игорь оставил в номере отеля, чтобы не везти тяжелую бутылку. Что поделаешь: «Old money!»

Однажды Игорь с Борей были в Каире на выставке-конференции по газовым автомобилям, и в конце один из

организаторов сделал объявление: «Его превосходительство министр нефти и газа делает всем иностранным участникам щедрый подарок – круиз по ночному Нилу на туристском корабле. Сбор в одиннадцать вечера на пристани». После этого он сделал многозначительную паузу и добавил: «Кроме всего прочего, вы увидите лучший в мире танец живота, на корабль приглашена самая знаменитая египетская танцовщица».

Прежде всего потрясал сам корабль – это было великолепно отреставрированное и ухоженное колесное судно XIX века, блистающее полированной бронзой и лакированным красным деревом. Верхняя палуба корабля представляла собой сплошной роскошный банкетный зал без колонн и перегородок, богато отделанный и освещаемый люстрами под старину.

Игорю сразу же вспомнился фильм «Смерть на Ниле», снятый в 1978 году по одноименному роману Агаты Кристи. В фильме снималась плеяда блестящих актеров во главе с Питером Устиновым в роли Эркюля Пуаро. Фильм действительно снимался на Ниле, в Египте и Судане, на реальном пароходе Memnon, одном из немногих сохранившихся судов XIX века. Кто знает, может, и Игорь плавал на этом пароходике.

Зал был уставлен большими столами на десять человек, а в середине находилась небольшая эстрада, на которой негромко играл небольшой оркестр национальных инструментов.

Где-то часа в два ночи в зале погас свет, оркестр замолк, и только барабаны били в замедленном темпе. Затем темп барабанов усилился, и в дверь, находящуюся на корме судна, вошел десяток дюжих молодцов, обнаженных до пояса, с факелами. Барабаны забили еще чаще, и в дверь шестеро носильщиков внесли носилки, на которых возлежала смуглая женщина в блестящем одеянии с нашитыми колокольчиками. На эстраде носилки опустились, и женщина сошла на пол. В это время зажегся свет, заиграла музыка и начался танец.

По подсчетам Игоря, в зале находилось около трехсот человек, и почти все снимали танцовщицу своими смартфонами со вспышками, что представляло само по себе удивительное зрелище.

Описать словами всё мероприятие трудно, особенно человеку с рациональным складом ума, каковым Игорь и являлся.

Танцовщица завораживает зрителя своими движениями и заполняет собой весь окружающий объем, проецируя свою внутреннюю энергию на окружающих. На лице танцовщицы отражается внутреннее состояние счастья, радости и любви. Плавные движения бедер, волнообразные вибрации живота вызывают гамму неописуемых чувств.

В конце танца музыка умолкла, участилась дробь барабанов, и танцовщица начала двигать всеми участками кожи на теле, включая ноги, вызывая звон колокольчиков. Трудно вообразить, как это делается!

Свет погас, ритм барабанов замедлился, и дюжие молодцы вынесли носилки с танцовщицей в двери на корме судна. Когда свет зажегся, разразилась буря аплодисментов, но, как присутствующим объяснили, на бис выходить было не принято. Минуту все сидели молча, переживая увиденное.

Игорю до этого приходилось видеть несколько раз исполнение танца живота, но то, что он увидел сейчас, было высшим классом. За столом Игоря было двое русских, два англичанина, один египтянин, пара турок и пара немцев – все люди бывалые, и мнение у них было единодушным.

Другим египетским приключением был поход на комплекс пирамид в Гизе в пригороде Каира. Комплекс находится на расстоянии примерно двадцати пяти километров от центра Каира. В нем находится пирамида Хеопса (Хуфу), которая является единственным оставшимся памятником из семи чудес Древнего мира. Пирамида Хеопса второго фараона IV династии была самой первой и самой крупной из пирамид, построенных на плато Гизы. На востоке от пирамиды Хеопса располагаются три пирамиды-спутницы. Вероятно, пирамиды предназначались женам Хуфу.

До входа в комплекс коллеги добрались на такси и увидели там восточный базар с очередью у входа в туристский маршрут, нищими, назойливыми продавцами сувениров и множеством слоняющихся людей. Пешком обойти все пирамиды не представлялось возможным, и экскурсанты ездили на колясках, запряженных лошадью.

– Да мы тут сутки будем стоять в очереди, – сказал профессор Боре, – давай искать варианты.

Боря пошел искать и вскоре привел вариант в виде смазливого молодого египтянина, который немного говорил по-русски.

Египтянин запросил за услугу двадцать долларов и через десять минут привел коллегам двух рыжих смирных коняг под седлом. И Игорь, и Боря лошадей видели только по телевизору и ехать в одиночестве верхом по пустынной местности решительно отказались. Тогда через полчаса египтянин приехал уже в коляске с возницей, и высокие договаривающиеся стороны ударили по рукам.

– А ты как русский выучил?

– В постели.

– Что-что?

Оказалось, что сей юноша специализируется на сексуальном обслуживании российских туристок, в изобилии присутствующих в Египте.

Путешественники успешно объехали часть пирамид, полюбовались сфинксом с отбитым носом, подивились сохранности памятников (за исключением облицовки) и убыли восвояси.

Восхищала Игоря в Египте и практика автомобильного транспорта. Во-первых, половина автомобилей не имела боковых стекол, во-вторых, цвет светофора имел только рекомендательный характер и никого ни к чему не обязывал, и в-третьих, слегка стукнуть бампером пешехода или соседнюю машину грехом не считалось. Вообще, египетские архитекторы придумали интересное нововведение – вместо того чтобы строить подземные улицы и дороги, они строят надземные сооружения. В результате Каир как бы является двухэтажным городом: на первом этаже живут бедные люди, и там царит грязь, разбитые дороги и антисанитария. А на втором этаже на сваях фешенебельные дома, чистые, прекрасно асфальтированные улицы, роскошные магазины.

Что еще поразило Игоря, так это обилие христианских коптских храмов, перемешенных с мечетями.

Коммент-эр: копты – восточные христиане, считающие себя потомками древних египтян и принявшие христианство примерно в I веке н. э. Численность коптов в Египте составляет 10–15 миллионов человек. Несмотря на свою малочисленность, копты занимают значительное положение в Египте. Они входят в правительство, в их руках много промышленных компаний, связанных с химической промышленностью, фармакологией, транспортом.

Еще Игорь любил Турцию. Он бывал в ней много раз до Эрдогана и при Эрдогане, несмотря на его антиизраильскую риторику. В советское время он часто цитировал знакомым голубоглазым девушкам (благо в России их было много) Сергея Есенина:

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

При этом тогда он не имел ни малейшей надежды увидеть этот самый Босфор… После совершения пару раз четырехчасовой экскурсии на кораблике по Босфору при жизни в Израиле Игорь пришел к выводу, что он испытал самое большое «географическое» наслаждение за свою жизнь. Достопримечательности Стамбула в районе Босфора описаны и воспеты столько раз, что у профессора не было и нет способностей сказать что-то оригинальное.

Ничего вкуснее сэндвича с жареной рыбой, съеденного под Галатским мостом в ожидании экскурсионного кораблика, Игорь не ел. Здесь на воде болтаются лодки, прямо на которых жарят ставриду и с молниеносной скоростью готовят «балык-экмек» – блюдо, состоящее из разрезанной свежей булки, в которую кладут обжаренную с двух сторон распластанную, словно развернутая книга, скумбрию, сдобренную разными специями.

Кроме Стамбула он бывал по делам в Анкаре и Измире, а также отдыхал с Даной в Анталье и Мармарисе. Сильное впечатление на Игоря произвел Измир – третий по величине и значимости город Турции (после Стамбула и Анкары) с населением три миллиона. Измир является одним из древнейших городов Малой Азии (он назывался Смирна), и количество достопримечательностей там таково, что Игорь, бывавший в Измире раза три, не видел и сотой их части.

В Турции с ним произошел забавный случай. Однажды он с одним турецким коллегой гостил у одного миллионера, владевшего несметными стадами овец, в его собственном ресторане в горах. После трапезы с неимоверным количеством мясных блюд (шашлыков, кебабов и т. п.) подали турецкий кофе, и он показался Игорю слишком горьким. Он вслух попросил по-английски своего спутника попросить официанта принести сахар. После этого за столом воцарилась тишина, и все турки вопросительно взглянули на Игоря. Нашелся хозяин: «Господин профессор шутит…» Все разразились смехом. Официант забрал кофе профессора и принес новый, а Игорь лихорадочно думал, в чем же состояла его шутка.

Оказывается, в кофе по-турецки сахар кладут до или во время варки, но ни в коем случае не в готовый напиток, и ни один из турок не мог даже предположить, что Игорь этого не знает. Вот уж век живи – век учись. Правда, потом на просторах интернета профессор прочел, что в кофе по-итальянски и в кофе по-египетски сахар добавляют после варки. Жаль, что он этого не знал, а то бы изготовил за столом шутку насчет турок и египтян.

Много раз Игорь посещал Канаду – летал и в командировки по делам, и в гости к сыну. Причем ему довелось побывать и на

западе – в Калгари, Эдмонтоне, Ванкувере, и на востоке – в Торонто, Оттаве и Монреале. В Канаде он всегда вспоминал песню Александра Городницкого:

Над Канадой небо сине,
Меж берез дожди косые.
Хоть похоже на Россию,
Только всё же не Россия.

Канада занимает северную часть Северной Америки, является вторым после России государством мира по площади и омывается тремя океанами. У Канады 7 процентов мировых возобновляемых ресурсов пресной воды и менее одного процента от общей численности населения Земли. Соответственно, обеспеченность водой на душу населения в Канаде – одна из самых высоких в мире. Также Канада – одна из самых богатых озерами стран мира. На границе с США расположены Великие озера (Верхнее, Гурон, Эри, Онтарио), соединенные небольшими реками в огромный бассейн площадью более 240 тысяч квадратных километров. Менее значительные озера лежат на территории Канадского щита (Большое Медвежье, Большое Невольничье, Атабаска, Виннипег, Виннипегозис) и др.

Так что в смысле простора Игорь всегда чувствовал себя в Канаде превосходно. Но самой поразительной стороной канадской жизни является реальная политика мультикультуризма. В Канаде совершенно мирно и естественно уживаются граждане англосаксонского, китайского, итальянского и других происхождений, сохраняется кельтский фольклор ирландцев и шотландцев.

Значительно выделяется франкоязычное население Канады. Монреаль является важнейшим центром франкоязычной культуры в мире. Однажды поздним воскресным летним вечером Игорь с Даной вышли погулять в центре Монреаля. Все кафе, рестораны, бутики, уличные ларьки работали полным ходом, улицы были забиты гуляющими, слышалась французская речь, в ресторанах звучала французская музыка…

– Так это же чистой воды Париж, но без арабов и чернокожих, – сообразила Дана.

Канадцы принимают многокультурность и многоукладность своей жизни не формально и не по писаному закону (многокультурное наследие Канады защищено статьей 27 Канадской хартии прав и свобод), а от души.

Как-то Игорь с Даной побывали на выпускном вечере в довольно престижной школе, где учился их старший внук. На

сцене выстроились ученики трех выпускных классов, и как минимум половина из них были ребята восточного происхождения (китайцы, корейцы, филиппинцы и др.). Как-то Игорь повез младшего внука на тренировку по кунг-фу. Тут он и вовсе широко открыл глаза: все спортсмены, кроме внука, были восточного вида. Нечего говорить, что и тренер была китаянкой. Профессор пристроился в спортзале на маленькой трибуне рядом со слегка смуглым мужчиной интеллигентного вида и разговорился с ним. Мужчина оказался иранским эмигрантом, и они с Игорем обсудили адаптированность канадцев к мультикультуре. Что интересно, так это то, что иранца это поражало в такой же степени, как и Игоря. После тренировки Игорь спросил внука, как он чувствует себя в такой среде, и внук, которому было двенадцать лет, просто не понял, о чем он говорит.

Поразил воображение Игоря охотничий магазин в Торонто. На огромной площади построены искусственные леса, горы, ущелья, ручьи и водопады. Все они наполнены чучелами различных зверей – от зубров до норок, которые привязаны к ландшафту, естественной среде обитания и образу жизни. Медведи ловят рыбу в ручьях, стая волков атакует стадо бизонов, лисица догоняет зайца, бобры строят плотину и т. п. Описать это всё невозможно. И, конечно, в этом магазине есть всё для охоты и рыбалки: костюмы, обувь, палатки, ножи, десятки видов ружей, арбалеты и т. д. и т. п.

Также поражают магазины мехов. Игорь с Даной как-то забежали в небольшой меховой магазин на границе Онтарио и Квебека. Там были шкуры трех видов медведей (бурого, гризли и белого), прекрасно выделанные шкуры огромных волков и других зверей. Игорь взял из большой стопки шкур верхнюю и спросил продавщицу:

– Кто это?

Она, немного подумав, ответила:

– Это опоссум!

После этого Игорь вопросов уже не задавал. Они выбрали и купили Дане горжетку из меха, похожего на норку. Продавщица пригласила консультанта, который объяснил Игорю, что это лесная норка (в отличие от норки, выращенной на ферме). После этого главная проблема состояла в решении задачи, куда и когда эту штуку можно надеть в Израиле.

Глава 11
МииФы (мифы и факты)

Мифотворчество – это одно из любимых занятий израильтян, и они предаются ему с большим желанием и успехом. Миф создает специфическую реальность, которая воображается человеком как объективная. При этом специально разработанные мифы, внедренные в сознание общества, являются достаточно эффективным механизмом реальной политики, способствующим достижению определенных целей. Такие мифы могут оказывать на общество политическое влияние и даже управлять им. Виды современных мифов можно разделить на фундаментальные, глубоко укорененные в сознании народа, и технические, служебные. Первые должны быть востребованы обществом, поскольку без этого они не могут жить долго. Чтобы убить такой миф, требуются значительные усилия. Вторые умирают быстро и незаметно. Часто они являются просто блефом, то есть ложной информацией, где желаемое выдается за существующее. Существует также понятие полумифа и полублефа, в котором правда так переплетается с вымыслом, что неподготовленному слушателю их трудно различить.

Вторым излюбленным местным жанром является то, что называется в русском сленге «абвгдёж». Словари дают спектр толкований этого слова начиная от простого вранья и болтовни. Однако в основном оно означает манипулирование сознанием с помощью большого количества непроверенной информации и пустых разговоров с необоснованными утверждениями.

Одним из основополагающих израильских мифов является миф о плавильном котле и существовании израильского народа. Израсы это уже всё проходили. Спустя несколько лет после революции был изобретен «советский народ» и были развернуты пропагандистские акции по внедрению этого понятия в жизнь. В результате было сформировано некое мировоззрение, общее для советских граждан всех советских республик. Профессор объехал весь Союз вдоль и поперек и не мог не заметить, что это таки работало. Образ унифицированного советского человека, «совка», был реально сформирован. Даже после распада Союза ликвидация советского человека происходит совсем не быстро.

В Израиле наблюдается примерно та же история: объявляется, что люди еврейского происхождения, но разных рас, этносов, религий, мировоззрений и культур, оказывается, являются израильским народом. Всё это называется плавильным

котлом. В этом котле, по сионистскому замыслу, должны плавиться совершенно светские люди, ультраортодоксы, ортодоксы, религиозные сионисты, магрибы, ашкеназы, русские евреи, русские русские, арабы мусульмане и христиане, эфиопы, бедуины, друзы и пр. Плавка идет из рук вон плохо. Все настроены против всех.

Игорь воспринял со школьных и студенческих лет положение Ленина и Сталина, которое говорило, что народ характеризуется общностью территории, языка, психического склада и культуры. Израильский народ под это определение не подходит. Успехи в деле создания израильского народа, как думал Игорь, даже меньше, чем были в СССР, и израильское население по сей день – это лоскутное одеяло. Причем, в отличие от СССР, в Израиле всё делается с точностью до наоборот – правящая верхушка и лидеры партий, сколоченных на основе религиозно-этнических группировок, разъединяют народ с целью облегчения манипулирования. Приезжая в Союзе, скажем, в Казахстан или Белоруссию (не говоря уже об автономных республиках вроде Удмуртии или Башкирии), Игорь практически не ощущал себя представителем другого народа, а вот своего ближайшего соседа по дому в Израиле – религиозного выходца из Ирака – он ощущает просто инопланетянином.

Так что этот миф отнюдь не подтверждается фактом. Ксенофобия, шовинизм, межнациональная рознь цветут и пахнут в Израиле. Даже вера (иудаизм) не является объединяющим моментом: ашкеназы и сефарды молятся каждый в своей синагоге. С годами положение не улучшается, а, наоборот, ухудшается вследствие роста социального неравенства.

Бывший глава МОССАД а Тамир Пардо в начале 2016 года заявил: Израиль приближается к ситуации гражданской войны, и именно это является угрозой существованию Израиля, а не «Хезболла», Иран или ХАМАС. Пардо прямо не сказал, но в его словах содержится намек на противостояние европейских (ашкеназы) и восточных (мизрахим) евреев. Игорь бы добавил к этому войну между миллионом харедим и всем остальным израильским обществом, включая «почернение» городов, до сих пор считавшихся светскими. Тут уже самое время вспомнить шутку Михаила Гаспарова: «Робинзон с Пятницей – это народ, нация?»

Так вот израильский народ – это Робинзон с Пятницей на острове в арабском море. Поэтому профессор полностью поддерживал предложение о том, чтобы вместо термина «израильский народ» употреблять термин «население Израиля».

Система взаимоотношений, сложившаяся в Израиле, по

меткому выражению одного изрусского журналиста, называется «нашизм», а для сплачивания населения имеет быть только один лозунг: выживание во вражеском окружении.

Другой израильский миф – это объявление Израиля единственной демократией на Ближнем Востоке. Ну уже хорошо, что не во всем мире, а только на Ближнем Востоке. Между тем израильская демократия – это квазидемократия, так же как израильский народ – это квазинарод.

Просто факты показывают следующее. Израильский народ не выбирает депутатов в Кнессет, а голосует за общий список той или иной партии, не имея ни малейшего влияния на их дальнейшее поведение. Списки партийных депутатов изготовляются в партиях руководством этих партий, которое в зависимости от преданности депутата руководству расставляет депутатов ближе или дальше от реальных мест, потенциально получаемых партией при выборах. На это избиратель тоже никакого влияния не оказывает. Формально списки эти в некоторых партиях формируются на внутренних выборах, которые во многом являются фикцией. В этих партиях существует институт кабланов-подрядчиков из полупрофессиональных функционеров, которые вербуют выборщиков, с тем чтобы они голосовали за кандидата, угодного партбоссу.

В других партиях очередность устанавливает партбосс волюнтаристским путем. В партиях давно сложилась своеобразная каста партийных функционеров, которые заправляют делами в сговоре с лидером партии.

Разговоры о том, что много мелких партий целесообразно иметь из-за необходимости представлять мелкие этнические группы, имеющие различные интересы, – это чистый блеф, выливающийся в то, что с учетом особенностей израильской политической системы хвост вертит собакой и мелкие партии навязывают свою волю крупным слоям населения. Ну посудите сами. В какой демократической стране действуют законы, противоречащие желанию абсолютного большинства населения? Только в Израиле, где группа ортодоксов, составляющих 10 процентов населения, навязала стране запрет на движение общественного транспорта и работу магазинов по выходным и праздникам вопреки воле всех других граждан.

Дальнейшее изобретение квазидемократии – это совмещение постов министров и депутатов Кнессета, так называемые депмины – депутат-министры. В результате треть Кнессета (до 40 депутатов) комбинирует парламентскую и административную деятельность с большим вредом для государства и пользой для себя. Депминов назначает премьер-министр по результатам

торгов с партиями. В результате на эти должности назначаются люди, никакого отношения к профилю их министерства не имеющие. Чтобы удовлетворить максимальное количество партий, в Израиле проявляют большую изобретательность для обоснования увеличения количества министерств. Несомненно, что по количеству населения, приходящегося на одного министра, Израиль занимает последнее место в мире. И каких только министерств тут не придумывают! Например, как вам нравится министерство транспорта и разведки. То ли министр ездит в разведку на общественном транспорте, то ли перед тем, как поехать, он идет в разведку. А как вам нравится министерство стратегического планирования и т. д. и т. п. Пост депмина – это разменная монета премьера, за которую он покупает поддержку партии этого министра при голосованиях.

Заняв министерский пост, депмин занимается не профессиональной деятельностью, а лоббированием интересов своей партии, невзирая на интересы государства. Периодически такой депмин толкает нереальные идеи, потом проходит время (обычно два-три года), этот министр исчезает и приходит другой с такими же проектами, направленными на получение козырей к следующим выборам. Технологию назначения министров можно проиллюстрировать откровением кавалерист-девицы, отставного бригадного генерала Мири Регев по поводу назначения ее министром культуры в 2015–2019 годах: «Я Нетаниягу так и сказала: пожалуйста, что угодно, только не культура! Художники – горстка нытиков, которые только и делают, что жалуются, – это всем известно. Но он меня заставил. И я рада послужить своей стране». Комментариев не надо, легко вообразить, как г-жа Регев служит стране и руководит израильской культурой. Российская кавалерист-девица Н. А. Дурова, по крайней мере, совмещала службу в гусарской кавалерии с литературной деятельностью.

Дежурные депмины не могут нормально управлять своими отраслями. Израильская легенда говорит, что управление находится в руках так называемых генеральных директоров, но это не совсем так – новые министры назначают новых некомпетентных директоров. Бывают, конечно, редкие рабочие исключения и депмином становится дельный человек. Коллеги-министры и премьер смотрят на таких косо, поскольку они тут же считаются скрытыми кандидатами в премьер-министры. Как же… зачем он старается!

А возьмите замечательную практику «политических назначений». В Израиле каждый министр имеет свою узаконенную квоту таких назначений, куда неизменно входят товарищи по партии, друзья и родственники.

Страшным бичом является то, что все депмины временщики, а это исключает в Израиле долгосрочное планирование на перспективу и внедрение большинства фундаментальных проектов. Депминные правительства в стране меняются вместе с Кнессетом в среднем каждые два года вместо положенных четырех, и их члены ориентированы на следующие выборы. Какие уж тут долгосрочные программы и перспективы, которые принесут дивиденды, когда депмина уже может и не быть. Игорь давно выступал с предложением отказаться в Израиле от термина «министр», как полностью не соответствующего истинному содержанию этой должности. Взамен он предлагал использовать слово «смотрэм» – сокращение от «смотрящий эмиссар», которое наилучшим образом отражает роль израильского министра.

В качестве второго варианта названия он предлагал аналог македонского слова «доебник» (в переводе на русский – любовник). Поскольку любой министр имеет только одну главную задачу – досидеть на своем месте каденцию, то министров предлагалось называть «досидник» – чем плохо: досидник иностранных дел или премьер-досидник!

Игорь всё время ратовал за открытие израильской редакции ереванского радио и среди прочих предлагал такой вопрос: «Что общего между заключенными и израильскими министрами?» Ответ: «И те и другие находятся в постоянном ожидании УДО!»

Таким образом, несмотря на наличие выборов с участием нескольких партий, Израиль никогда не имел и не имеет демократической системы правления. Зато Израиль, несомненно, находится на первом месте в мире по созданию у граждан иллюзии участия в управлении страны. На самом деле страной управляет премьер с почти диктаторскими полномочиями и его приближенные в кабинете министров и канцелярии.

Самое страшное слово для израильской верхушки «референдум». В большинстве стран это единственный способ непосредственного участия народа в принятии важнейших решений для государства. Вот этого безобразия в Израиле и нельзя никак допустить. Как это простой Шмулик пойдет и бросит, например, бюллетень за разделение государства и религии?! Религиозные партии тут же свалят правительство, и что будет дальше – кто его знает. Единственным референдумом, допущенным к существованию, является вопрос о статусе Иерусалима, Голанских высот и Латрунского выступа. Своим появлением он обязан тому, что руководство государства хочет снять с себя ответственность за судьбоносные решения.

Тут уже политфлюгер премьер-министр Биньямин Нетаниягу заявляет: «Судьбоносные решения не должны приниматься без

участия всего народа. Если такое решение необходимо, мы должны обратиться к народу. Это правильный, справедливый и демократичный путь и единственный способ избежать внутреннего раскола. Это историческое решение, я горжусь, что мы сейчас его принимаем».

Почему же он не хотел и не хочет обращаться к народу по другим вопросам? Потому, что будет сразу видно, что Израилем правят люди, не выражающие волю народа. Относиться не то что с уважением, просто серьезно к такому правительству невозможно.

И как тут не вспомнить стихи Булата Окуджавы:

Вселенский опыт говорит,
Что погибают царства
Не оттого, что труден быт
Или страшны мытарства.
А погибают оттого,
И тем больней, чем дольше,
Что люди царства своего
Не уважают больше.

Как только в Кнессете случайно поднимается какой-нибудь ответственный вопрос, немедленно из-под стола вытаскивается жупел арабо-израильского конфликта, и вопрос тут же тонет. Другим способом извлечения политической и экономической выгоды является беззастенчивая эксплуатация памяти Холокоста.

Очень хорош также метод выдвижения какого-либо схоластического закона, обрекающего общество на бесплодные дискуссии, например «Основного закона о еврейском характере государств». Простому человеку трудно понять смысл этого закона, но как удобно виртуозам политических инсинуаций показать, что именно они являются главными борцами за правый Израиль. Нескончаемые дискуссии по поводу этого закона до ужаса напоминали Игорю войну остроконечников и тупоконечников, спорящих, с какого конца надо разбивать вареные яйца, описанную в блестящей сатире Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера».

Когда дело заходит в тупик, а это в среднем бывает каждые два года, объявляются новые выборы. А тут уже просто море развлечений: депутаты перебегают из одной партии в другую, как черт из табакерки появляется новый генерал, или журналист, или адвокат, который создает новую партию, она тут же получает по опросам 20–30 мест в Кнессете, ее конкуренты немедленно объявляют ее левой (это слово является ругательным в Израиле),

генерал кричит, что он центрист, и т. д. Проходят выборы, и всё возвращается на круги своя. Таким образом израильским правителям удается балансировать уже не менее пяти десятилетий.

Учитывая ментальность израильтян «все против всех», Игорь уже давно предлагал ввести новую систему голосования на выборах: не подавать голос за приглянувшуюся партию, а, наоборот, вычеркивать партии, которые не нравятся. Побеждает та партия, против которой голосует меньшее количество избирателей.

Ну какой еврей откажется от возможности вычеркнуть из списка «плохую» партию! Явка на такие выборы составит сто процентов. Таким способом можно вычеркнуть, например, все партии и показать, что ты не просто «прогульщик», не явившийся несмотря на выходной день на выборы, а принципиальный избиратель, которому ни одна партия в стране не нравится.

Ну а если уж толковать об исключительности Израиля по части демократии на Ближнем Востоке, то, по мнению Игоря, Турция является нисколько не меньшей демократией. В Турции парламент такой же однопалатный, как и в Израиле, и точно так же избираемый раз в четыре года. В Турции кандидатов в местный парламент избирают всеобщим прямым голосованием. Разумеется, что и в Турции все, или почти все, кандидаты на выборах в парламент так или иначе связаны с политическими партиями. Но все-таки, пусть даже номинально, такая система позволяет принять участие в выборах и независимым кандидатам. В Турции, в отличие от Израиля, религия отделена от государства.

Следующий фундаментальный миф – это миф о том, что все евреи умные, на основании которого большинство продавцов фалафеля в Израиле считают себя самыми умными людьми в мире. Надо сказать, что этот миф распространяют не только израильтяне, не только евреи, но и жители других стран и другие народы. В качестве главного доказательства приводится статистика по нобелевским лауреатам. За историю евреи получили около четверти всех нобелевских премий, составляя 0,2 процента населения земного шара.

Теперь факты. Для начала давайте разберемся с легкими передергиваниями в этом утверждении. Абсолютное большинство евреев – нобелевских лауреатов – это американские евреи. Если премию получает индус – гражданин США, живущий в Америке, то у фалпатов он числится американцем, а вот если премия достается американскому еврею, то он числится евреем. Уж если так хочется, давайте писать: американец еврейского

происхождения. И второе, вся эта статистика базируется на ашкеназийских евреях (99,9 процента), а их в Израиле только половина от общего состава населения. Стало быть, только половина продавцов фалафеля потенциально умные.

Следующее передергивание обставлено более сложно. Для его понимания давайте разберем два случая: в первом будем определять самых высоких людей на Земле, а во втором самых быстрых. Самых высоких видно невооруженным глазом, их можно всех перемерять, записать в тетрадку и закрыть вопрос. А вот во втором случае уже всё сложнее. Надо устраивать соревнования по бегу, следить, чтобы ни у кого в трусах не было реактивного двигателя, следить за допингом и попутным ветром и т. п. Но главное, надо как бы предварительно искать тех, кто способен быстро бегать, – их ведь на глаз не определишь, потом их тренировать, обучать, возить на соревнования и т. п. В этом смысле очень показательной является история с эфиопом Абебе Бикилой. Абсолютно никому не известный солдат гвардии императора Абебе Бикила босиком выигрывает XVII Олимпийские игры в Риме в 1960 году. В честь его победы музыканты играют японский гимн, поскольку эфиопский они даже не выучили. Игорь видел по телевизору, что творилось в Риме на стадионе, когда Бикила бежал на финишной прямой.

После забега Бикила сказал, что вряд ли бы он победил, если бы в Рим приехал его приятель – другой солдат, у которого заболела мама перед Играми. Через четыре года на летних Играх в Токио мир увидел еще один триумф Бикилы, ставшего первым в истории двукратным олимпийским чемпионом по марафону. В третьей Олимпиаде ему помешала выступить травма колена. Однако там победу в марафоне одержал другой его соотечественник – Мамо Волде.

А если бы не император, любивший спорт, об эфиопских стайерах вообще бы никто не узнал. После случая с Бикилой некоторые журналисты предлагали выражать эмоции по поводу спортивных побед бегунов несколько осторожней и писать про таких чемпионов: не самый быстрый человек на Земле, а самый быстрый из тех, которые бегают. Если распространить эту замечательную идею на другие области, то надо сосчитать, сколько евреев в мире «бегает». В этом случае будет видно, что количество нобелевских лауреатов зависит не только от ума, но и от количества «бегающих».

До 1930-х годов лидером по количеству евреев, являющихся нобелевскими лауреатами, была Германия. Там «бегающих» было много, но приход Гитлера к власти всё изменил. А дальше первенство перешло к Советскому Союзу и к США.

В предвоенные и послевоенные годы в СССР появилось довольно много «бегающих» евреев и, соответственно, нобелевских лауреатов. После перестройки все российские «бегуны» переквалифицировались в банкиров и нефтяников или эмигрировали, и поставщиком евреев-лауреатов становятся почти исключительно США, где «бегает» просто тьма евреев. Судите сами: евреи составляют 30 процентов всего профессорско-преподавательского состава элитных университетов и колледжей и 21 процент студентов университетов Лиги плюща.

Араз «бегающих» много и многие из них умные, то многие и становятся чемпионами. Профессор истории Лундского университета Дик Харрисон (Швеция) объяснил это в двух словах очень просто: «В еврейских культурных традициях образование – краеугольный камень. И когда оно соединяется с западными академическими традициями, получается такой итог»!

Действительно, евреям всегда было проще заниматься научной или литературной деятельностью, и они ею занимались. В силу более частого скрещивания между собой, а не с представителями слоев населения, действующих в отраслях неквалифицированного труда, среди евреев чаще вырастают нобелевские лауреаты.

Высокий уровень интеллектуалов среди евреев – это продукт социальных процессов, а не расовое превосходство. Никакой еврейской расы в природе нет, и нет гена еврейской гениальности. А вот опора на фундамент европейской и американской науки есть. Все еврейские лауреаты жили и работали в нееврейской среде, и повсеместно наблюдается связь между уровнем развития народа, в котором живут евреи, и уровнем гениальности еврейских мозгов. Евреи хорошо реализуются только среди развитых неевреев. Что-то не видно нобелевских лауреатов среди евреев – выходцев из Марокко или Ирака.

В Израиле существующие в других странах модели развития еврейских мозгов не могут быть реализованы по определению по двум причинам. Первая: процент «бегающих» среди американских и европейских евреев гораздо выше процента «бегающих» в Израиле, где евреи вынуждены заниматься не только интеллектуальным, но и другими видами труда – торговлей, обслугой, служить в армии и т. д., подобно «простым» американцам, англичанам или русским. Вторая: Израиль является кастовым обществом, и низшие касты тоже во многом состоят из евреев. Например, израильский хайтек – это место для сотрудников высших каст, 75 процентов в нем по статистике – это мужчины из обеспеченных семей (что выражается в образовании и

зарплате родителей). Вероятность для способного сына нищего оле из Офакима стать нобелевским лауреатом крайне мала. А вот в Америке нищей категории евреев просто нет.

Никого не должны обманывать крики фалпатов о двенадцати израильских нобелевских лауреатах. Трое из них – это борцы за мир, один – это литератор, уроженец Украины, четверо – это реальные американцы, а из четырех оставшихся, которых можно считать израильтянами, один родился в Венгрии, один в Германии и один в ЮАР. Давайте-ка лучше посмотрим на конкретные тесты. Например, Британский портал Vouchercloud назвал 25 самых умных стран в мире. Израиль в этом своеобразном рейтинге занимает 22-е место, опережая лишь Чехию, Францию и Сингапур. Ранжирование стран производилось на основании трех показателей: средний IQ населения, успеваемость в школе и число нобелевских лауреатов (а если взять не объявленных двенадцать, а четырех, что более адекватно, – что будет?).

Игорь зашел на сайт Международной математической олимпиады (International Mathematical Olympiad – это старейшая из международных научных олимпиад школьников, проводится ежегодно с 1959 года) и посмотрел на результаты за все годы. Израиль болтается в среднем в третьем десятке. Институт «Тауб» изучал потенциал учеников и взрослых в рамках международной программы OECD по оценке компетенций взрослого населения (The Programme for the International Assessment of Adult Competencies, PIAAC) – мониторинговое исследование профессиональных навыков и компетенций взрослого населения трудоспособного возраста. Исследователи проверили знания населения в математике, умении читать и знание английского языка, исходя из предположения, что именно такие навыки требуются для начала работы в сфере высоких технологий. В возрасте от 16 до 65 лет только 8,5 процента израильтян оказались на первом и втором уровнях грамотности по сравнению с 10,6 процента в среднем. По навыкам счета только 10,3 процента израильтян показали результаты 4-го и 5-го уровней по сравнению со средним показателем по 11,2 процента. Около трети израильтян не обладают навыками решения проблем в сфере, которая в исследовании названа «высокотехнологичной средой», требующей базовых навыков работы на компьютере. По OECD в целом те, кто не имеет подобных навыков, составили 28,9 процента населения трудоспособного возраста. Среди учеников школ результаты аналогичны.

Исследование также показало, что только 4 процента работоспособного населения в Израиле смогут

переквалифицироваться для работы в хайтеке. Но примерно две трети из них и сегодня зарабатывает достаточно, так что только примерно один процент сможет улучшить условия занятости. Тут уж самое время процитировать Игоря Губермана: «Нас жизнь в СССР заставляла быть умными, хитрыми, со сметкой, тут же выяснилось, что среди евреев огромное количество дураков. Я из-за этого порой впадал в растерянность».

Впадать в растерянность не надо, надо изучать теорию и практику израильских мифов. Сейчас среди «бегунов» всё больше и больше китайцев и других восточноазиатских народов, и они начинают заменять евреев. Среди богатых и образованных американцев в США много японцев, приближаются к ним китайцы и корейцы. Процент азиатов в университетах США и Европы стремительно растет, они теснят евреев в науке, музыке, технологиях. Что скоро будут петь фалпаты про еврейский гений?

Другим симпатичным мифом является спекуляция на том, что евреи – это народ книги. Как только происходит книжная ярмарка, выставка, аукцион, издается новая книга, тут же пишется и говорится об огромном успехе израильского книгопечатного дела и объясняется это тем, что евреи – народ книги, читающий больше всех. Факты говорят о том, что это чистый вымысел, – на самом деле израильтяне читают мало. По разным рейтингам по количеству читающих Израиль находится где-то в середине – конце второго десятка, и то в основном за счет религиозного населения. По данным исследований, 29 процентов израильтян в возрасте от 16 до 65 лет вообще не читают книг. Игорь крайне редко видел израильтянина, читающего книгу в поезде, автобусе, очереди и пр. В то же время, находясь в аэропорту где-нибудь в Гонконге или Сингапуре, он видел множество людей, читающих электронные книги. По числу респондентов, которые читают каждый день или хотя бы раз в неделю, самой читающей страной является Китай – 70 процентов, а за ним следуют Россия – 59 процентов, Испания – 57 процентов, Италия – 56 процентов, Великобритания – 56 процентов, США – 55 процентов и т. д. Евреи (да и то далеко не все) читают не спеша около 2500 лет только одну книгу – Тору, что дает фалпатам основание объявлять их народом книги.

Очень популярен миф о хайтеке. Сегодня в Израиле хайтек используется штатными фалпатами и парадными учеными-профессорами вместо перекрывания Енисея и балета в СССР.

Коммент-эр: речь идет о песенке «Рассказ технолога Петухова», написанной Юрием Визбором в 1964 году, где в ответ на вопросы о проблемах в СССР говорилось: «Зато мы делаем

ракеты, перекрываем Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей!» Песенка была подвергнута советскими властями критике за издевательство над советским народом.

Достойный вклад вносят в этот миф изрусы. Например, некий Роман Гольд – однофамилец профессора, умный еврейский мальчик из Иерусалима, позиционирующий себя как главного редактора журнала IT Business Week (журнал об израильских инновациях на русском языке) и управляющего партнера израильской инвестиционной платформы JSCapital, – массово запустил в интернет фалпатский шедевр, который называется «N израильских изобретений, которые изменили мир». Величина «N» в разных публикациях колеблется от 50 до 70. Игорь полез в интернет и нашел там «N» немецких, американских, российских и даже армянских изобретений, которые изменили мир. В некоторых этих списках, конечно, есть натяжки и преувеличения, но нигде их нет в таком количестве, как в творении Романа.

Ну, например, израильский опытный истребитель «Лави». Скажите, на милость, что в нем было такого, что как-то повлияло на мир? Да ничего, обыкновенный современный самолет середины 1980-х. Или пресловутый «Мобилай» – система беспилотного вождения автомобилей, примерно такая есть еще у почти десятка конкурентов. Или устройство для зарядки смартфона за тридцать секунд. Такое устройство надо помещать под рубрикой «Изобретение, которым хотят удивить мир». Или экзоскелет, такие устройства разработаны не менее чем в десятке стран. Японский экспериментальный робот экзоскелет HAL (Hybrid Assistive Limb – «гибридная вспомогательная конечность») для людей с ограниченными возможностями разрабатывался и совершенствовался в Университете Цукубы на протяжении двадцати лет и с 2013 внедряется в практику Или беспилотник Heron. Ну в чем заключается изобретение? Хороший самолет, широко продается, и всё… Никаких откровений в нем нет. И т. д. и т. п. Очень нравилось Игорю из данного списка изобретение «картонный велосипед». Оно уже точно изменило мир. Профессор представлял себе сто миллионов китайцев, едущих на велосипедах из рисового картона.

Однажды соседка семьи Гольдов по ишуву пригласила его прочесть лекцию об израильском хайтеке во вновь построенном и открытом в ишуве «Клубе золотого возраста». В объявлении было написано: «Доктор наук, профессор, выходец из технологической теплицы, работал во множестве стран…», и народу пришло довольно много. В подавляющем большинстве это были пожилые изрусы мужского пола. Как известно, микроокружение каждого

индивидуума создает у последнего иллюзию, что так думают все люди и за пределами этого узкого круга. Круг профессора, конечно, хорошо разбирался в приемах советской пропаганды, широко используемых в Израиле. Но в данном случае надо было думать, как избежать этой иллюзии и что говорить пожилым израсам, которым в течение почти тридцати лет израильские русскоязычные газеты и «русское» радио активно промывали мозги.

Реалии и мифы израильского хайтека (лекция)

Профессор начал свою речь следующим образом:

– За последние десять лет, как вы слышите и читаете, хайтек в Израиле достиг огромных успехов. Интернет буквально забит сообщениями о сверхудачных «экзитах», о жутких очередях в Америке и Китае, выстроившихся за покупкой израильских разработок, и т. п.

Коммент-эр: экзит (англ., выход) – продажа своей доли в компании. У компании есть акционеры – ее основатели и инвесторы, которые владеют долями в проекте. Когда они продают свою долю, то совершают выход. Экзит может произойти при продаже доли другому лицу или при продаже доли другой компании.

Но вот что интересно, вы заметили снижение цен на какие-либо товары в магазинах? Может, подешевел бензин? Может, снизились цены на электричество, воду? Может, упал муниципальный налог (арнона)? Может, снизились цены на квартиры? В конце концов, экономика страны в последнее десятилетие росла в среднем на 4 процента ежегодно. Как такое может быть, что ВВП растет, а доходы – нет? Всё очень просто: ВВП не является показателем уровня жизни в нашей стране. Важно, как распределяются доходы среди населения, – в Израиле весь экономический рост оседает в карманах богатых слоев населения, то есть 10 процентов избранных.

Многие из вас довольно активно ездят за границу. Поднимите руки, кто, например, был в Германии за это время. Скажите, сколько стоит мясо, рыба, колбаса, хлеб в немецких магазинах? А сколько стоит одежда? Вот мы с женой часто бываем в Германии, там у жены живет сестра. И мы хорошо знаем, что там всё на практике почти вдвое дешевле. А если говорить о пенсионерах, то к концу сезона скидки, например, на вполне приличную одежду бывают 50–90 процентов.

Таким образом, что дает конкретно вам бурное развитие

израильского хайтека? Денно и нощно обывателю твердят, что Израиль занимает первое место в мире по объему инвестиций в исследования и технологические разработки. Причем почти всегда говорится о процентах к годовому ВВП, которые составляют около 4,3 процента ВНП против американских примерно 2,2 процента. Однако это только пропагандистский прием. Машины и приборы делаются за деньги, а не за проценты. Проценты только показывают, чего это стоит стране. В крайнем случае, сравнивать проценты можно только для стран с примерно равным ВВП. Так вот, хотя Израиль очень старается, правда, в основном на иностранные деньги (96 процентов всех инвестиций в отрасль инноваций составляют иностранные капиталовложения), все равно его инвестиции по абсолютной величине в 40 раз меньше американских, или в 7 раз меньше немецких, или в 17 раз меньше японских, что совершенно естественно. Эти цифры приводятся крайне редко. Поверхностные фалпаты не напрягаются, чтобы понять такую простую вещь, как масштабный фактор. А не поверхностные понимают, но не говорят. Если Папуа – Новая Гвинея вложит 70 процентов своего ВВП в научные разработки, которых хватит только на создание большого бамбукового арбалета, то она станет ведущей страной по инновациям? Конечно, нет! В абсолютном выражении больше всех расходуют на научные разработки США, Китай, Япония, Южная Корея, Германия. Мы находимся в конце первого десятка в компании с Индией, Бразилией, Францией и Великобританией, что совсем неплохо.

Также постоянно говорится о несметном количестве открывающихся стартапов и почти не говорится, что количество открываемых фирм мало сказывается на количестве успешных предприятий. Просто раньше выживала одна компания из десяти, а теперь одна из двадцати. В израильской прессе не очень принято говорить о неудачных проектах, зато каждая покупка успешной фирмы иностранными инвесторами широко рекламируется и будоражит воображение миллиардными суммами.

Что происходит в большинстве случаев на самом деле? Давайте рассмотрим простой пример. Ракетчик Шмулик и врач Ицик изобрели самонаводящуюся электронную клизму. Замечательная идея – полтора миллиарда китайцев, почти столько же индусов, и на половине территории перебои с электричеством. Пошли в американский фонд, получили миллион на разработку, создали фирму, построили прототип, провели испытания и продали свою фирму за три миллиарда долларов некой американской компании. Заплатили налоги,

купили по «Мазератти», по вилле на Багамах и поехали туда на жительство.

Что с этого рабочему Васе на вечной стройке метро в Тель-Авиве? Это явление массовое в Израиле: успешная технология вывозится за границу для внедрения или, наоборот, консервирования во избежание конкуренции с похожей технологией покупателя. Государство получает только налог от продаж фирм, который тут же уплывает на подкуп харедимных избирателей, чьи партии голосуют за г-на Нетаниягу. Соответственно, в Израиле не появляется ни одной крупной производственной компании. Редко бывают исключения вроде «Интел», который построил в Кирьят-Гат производственное предприятие.

Дальше давайте посмотрим на причины такого бурного развития израильского хайтека. Вам внушают, что это еврейские умы? Это блеф. Впереди Израиля по уровню инноваций находится ряд азиатских стран, где нет вообще ни одного еврея.

Американский хайтек питается во многом за счет импортных индусов и тех же азиатов, евреи в хайтеке там почти никакой роли не играют (они все адвокаты и врачи или «фундаментальные» ученые). Развитие хайтека в Израиле обусловливалось несколько другими факторами.

Во-первых, это приезд миллиона граждан из СССР в 1990-х, под которых создавались 24 стартап-инкубатора – технологические теплицы. Наряду с решением социально-экономических проблем эмигрантов, они послужили базой для разворачивания государственной программы Yozma, которая уже делала прямые инвестиции в стартапы. Только не надо думать, что это заслуга нашего драгоценного правительства – деньги на программу были собраны американским инвестором и меценатом Стэнли Чейзом. Главной заслугой правительства было то, что оно не мешало.

Во-вторых, то, что у американских и израильских фирм и толстосумов собралось слишком большое количество денег, которые некуда девать, а вкладывать их в Израиле все-таки удобней, чем, скажем, в Корее. Да и процент евреев в этой когорте богатых достаточно велик.

В-третьих, американская и немецкая денежная накачка военно-промышленного комплекса Израиля, которая позволила развернуть в период 1967—1980-х годов большие исследовательские работы по телекоммуникационным технологиям, авионике, космосу, ракетной технике и т. д. В те годы более 50 процентов всех НИОКР носили военную направленность. Многие эти разработки, а также нынешние

военные НИОКР используются в хайтековской деятельности для гражданских сфер. На сегодняшний день примерно 20 процентов стартапов организовано выходцами из оборонки.

Что касается разовых продаж израильских инновационных компаний, то зачастую их цена является завышенной и обусловлена субъективными причинами. Примером может служить недавняя многомиллиардная сделка по покупке «Интелем» израильской фирмы «Mobileye», специализирующейся на разработке беспилотных систем вождения автомобилей. Почему «Интел», подобно другим крупным производителям электронных компонентов, вообще интересуется автомобилями? Да исключительно для того, чтобы обеспечить в будущем рынок сбыта для своих чипов. Дело в том, что на мировых рынках падает спрос на электронные компоненты и компании обращают свой взор на автомобильную отрасль, видя там неограниченные возможности нового потребителя.

Подыгрывают им и автомобильные фирмы ввиду отсутствия в последние годы прогресса в области создания инновационных решений для автомобильной классики: двигателей, трансмиссий, подвесок и тому подобного. После турбонаддува двигателей и непосредственного впрыска бензина ничего серьезного придумано не было, и чтобы отвлечь покупателя, ему подбрасывают псевдорешения – в основном в виде гаджетов и примочек, таких как круиз-контроль, автопарковщик, автопилот, антиблокировочные устройства и пр.

Делается совершенно ненужное увеличение числа передач, «наддуваются» крохотные моторы, раздуваются мультимедийные системы и проводятся другие неадекватные обманные движения, выдаваемые за неслыханный прогресс. Говорится, что электроника позволяет лучше управлять машиной и снижает риск попасть в аварию. На самом деле электроника далеко не всегда обеспечивает преимущества перед ручным управлением. На практике машины, например, с АБС попадают в аварии точно также часто, как и машины без нее, а машины с ESP заносит так же, как и без оной системы.

К моменту сделки с Mobileye «Интел» катастрофически отстал от своих потенциальных конкурентов, таких как, например, Google, Uber, Tesla, Oryx Vision, Innoviz technologies, DENSO, Delphi Automotive Systems, General Electric и др. Надо было срочно догонять. И тут как раз произошел разрыв между «Мобилай»» и «Теслой», сотрудничавших в деле создания системы автономного вождения. Поводом послужила смерть водителя во Флориде, который управлял автомобилем «Тесла», оборудованным системой «Мобилай». Глава фирмы «Тесла» Маск

обвинил своего бывшего партнера в преувеличенной рекламе и заявил о коренной переделке системы автономного управления.

«Интел» быстро подсуетился, денег у него куры не клюют, вот и выложил 15 миллиардов (по общему мнению, сумму завышенную). Конечно, тандем «Интел» – «Мобилай» не является монополистом, и конкурентов у них пруд пруди. Я лично уже около трех лет езжу с системой «Мобилай» и прока для себя в этой «пищалке» никакого не вижу (правда, я водитель с 60-летним непрерывным стажем вождения – не знаю, хорошо это или плохо). Все мои знакомые без исключения придерживаются такого же мнения. Однако сами понимаете, это не статистика. Система была мне навязана при покупке автомобиля в лучших традициях советской нагрузки. К сожалению, мне удалось обнаружить только одни статистические исследования эффективности этой системы, выполненные лондонским автобусным предприятием Abellio London. Системой Mobileye были оснащены 66 автобусов на трех маршрутах. По предварительным результатам, количество столкновений сократилось на 29 процентов, испытания продолжаются.

Спрашивается, почему из миллиардов, заплаченных за «Мобилай», не выделено и трех рублей на всесторонние испытания их «пищалки», которая в больших количествах эксплуатируется в Израиле уже довольно длительное время?

Вы чувствуете, что живете в государстве высоких технологий? Я был во множестве стран, в Израиле транспорт, строительство, образование, торговля отстают от передовых западных стран, про Корею я уже и не говорю. У меня есть собственная статистика: в Израиле только каждый третий техник в гараже, компьютерной мастерской, клерк в банке, продавец знает, как делать свою работу. Остальные работают более чем посредственно. Наше «островное» положение, оторванность от мира, в сочетании с засильем монополий исключают конкуренцию и обусловливают дороговизну жизни, высокий уровень бедности, жилищный кризис, бюрократизм и низкий профессионализм специалистов в Израиле.

Причем хайтек нельзя рассматривать в отрыве от других отраслей хозяйства, о чем очень не любят говорить парадные профессора и фалпатные журналисты.

Эту мысль наглядно сформулировала глава Центробанка Израиля Карнит Флюг: «Израильский хайтек – локомотив экономики страны, который тянет древние вагоны». Дело в том, что экономика Израиля отличается низким уровнем эффективности труда. Хотя по уровню ВВП на душу населения Израиль догнал, например, Англию, он находится в хвосте стран

OECD (35 стран) по уровню производительности труда (в середине третьего десятка) – и в последние четыре десятилетия разрыв с развитыми странами по этому показателю только растет. Сегодня мы отстаем примерно на сорок лет.

Хуже всего ситуация в строительстве, которое держится на труде палестинцев и неквалифицированных гастарбайтеров. Строительство иерусалимского трамвая (линия несколько километров) продолжалось более двенадцати лет.

А замечательный мост в парке Яркой, который обрушился при прохождении через него спортсменов, приехавших на Маккаби-аду в 1997 году, вследствие чего четверо австралийцев погибло.

А зал торжеств «Версаль» в Иерусалиме, где в 2001 под пол провалились и погибли 25 человек.

А осветительная ферма на торжествах в честь 64-й годовщины независимости Государства Израиль, которая упала и убила одного человека и ранила несколько.

А замечательная дорожная сеть, где число машин на километр дорог в 2,6 раза выше, чем в среднем по OECD (при вдвое меньшем числе автомобилей на душу населения).

А потрясающая сеть электрифицированных железных дорог, включая дорогу аэропорт – Иерусалим, срок строительства которой соизмерим со сроком сооружения пирамиды Хеопса. В то же время несколько электричек могли бы решить все транспортные проблемы Израиля.

Коммент-эр: Израиль – это лента суши, вытянутая вдоль моря. Еще в 1992 году Игорь видел в Технионе олимовский проект по созданию линии морского сообщения на советских судах на подводных крыльях от Хайфы до Ашкелона. Тогда всем рассказывали сказки о подводных террористах, а на самом деле террорист был один – автобусная компания «Эгед», которая боялась конкуренции.

Всё это, конечно, также негативно влияет на производительность труда и мало похоже на признаки индустриально развитой страны.

Фалпаты от хайтека, как правило, забывают при этом говорить, что среди стран ОЕСД в Израиле один из самых низких показатель конкурентности (на уровне Эфиопии, Гаити и Чада), что по рейтингу в антимонопольной борьбе он находится в одиннадцатом десятке в мире, что по соотношению государственного долга и ВВП Израиль в тринадцатом десятке, по уровню преподавания математики и точных наук в вузах – в

восьмом десятке, по пропускной способности интернет-сетей – в седьмом десятке, по развитию сети шоссейных дорог – в шестом десятке, по железным дорогам – в пятом десятке, морским портам – в седьмом десятке и т. д. и т. п.

При этом средний израильтянин производит на 25 процентов меньше, чем европеец, и вдвое меньше американца, а 15 процентов трудоспособного населения в возрасте 25–54 лет в Израиле не работают.

Доля кадров, занятых в сфере высоких технологий, не изменилась в течение последнего десятилетия и остается примерно 8 процентов от общего числа работников, которые производят около трех процентов ВВП. Но их зарплата в два раза больше средней заработной платы по стране. Квалификация этих работников соответствует квалификации их коллег в развитых странах, в то время как средний уровень квалификации работников в Израиле ниже среднего показателя по OECD примерно на треть. На общий уровень состояния промышленности отрасль хайтека влияет мало. В ВВП Израиля промышленность вообще занимает около 30 процентов. Из них 14 процентов занимают химикалии, 8 процентов – огранка алмазов и еще 8 процентов – всё остальное, куда включены результаты деятельности хайтека. Не о чем говорить. Таким образом, в одной стране существуют две экономики и, соответственно, как бы два народа и две страны (на самом деле есть еще и третий народ и третья страна – харедим и израильские арабы). В стране «хайтек» живут 10 процентов населения, а в стране «лоутек», очень похожей на страны третьего мира, – 90 процентов людей, работающих в отраслях с низкой производительностью труда.

Ну, поскольку наша лекция посвящена израильскому хайтеку, давайте поговорим о первой стране и ее достижениях, которые, несомненно, имеются. Я скажу очень коротко, поскольку об этой стране много говорят и пишут. Израиль уже много лет уверенно держится в первой пятерке стран по числу поданных патентов. В Израиле работает около 6 тысяч стартапов, некоторые их достижения огромны: сотовый телефон местного отделения «Моторолы», флэшка компании USB flash, возглавляемая изрусом Семеном Лициным, компоненты операционных систем Windows NT и XP разработаны в израильском отделении компании Microsoft, компьютерная технология Pentium MMX и микропроцессоры Pentium-4 разработаны израильским отделением фирмы Intel и др. В Израиле находятся около 300 центров исследований и разработок таких мировых гигантов, как Intel, Google, Apple, Microsoft, Amazon, Motorola, IBM, Cisco, Texas Instruments, и многих других. Изначально большинство этих

отделений представляли собой научно-исследовательские центры, разработки, а затем превращались в самостоятельные фирмы. Этими фирмами были разработаны системы защиты компьютерных сетей от несанкционированного доступа, технология мгновенных сообщений (ISQ), миниатюрная камера, встроенная в специальную таблетку, что позволяет диагностировать проблемы в брюшной полости, и др.

Форма существования этой первой страны в совокупности с высокооплачиваемой прослойкой бюрократии создает иллюзию западного мира в Израиле. Однако на самом деле это не так. Например, по индексу британской компании Henley & Partners, составленному по внутренним и внешним параметрам качества жизни государства (состояние экономики, образования, здравоохранения, качество и продолжительность жизни, а также степень безопасности), Израиль находится в пятом десятке стран рядом с Парагваем и ОАЭ. Британский аналитический центр Legatum Institute помещает Израиль на 37-е место среди 150 стран в своем рейтинге по уровню процветания (экономика, предпринимательство, управление, образование, здравоохранение, безопасность, личные свободы, социальный капитал и экология).

«Две экономики в одной стране» – ситуация, через которую прошли и многие страны Азии. Я вот недавно был во Вьетнаме, где нас повезли в один технопарк невдалеке от Хошимина (Сайгона). Там мы посетили бумажную фабрику: новейшее японское оборудование, великолепные современные корпуса, асфальт, чистота, униформа с иголочки у рабочих, инженеры с западным высшим образованием, отличная столовая, комфортабельные автобусы для подвозки персонала. На обратном пути мы решили срезать дорогу и проехали пару километров напрямик по довольно хорошему грейдеру. Чуть отъехав от технопарка, мы увидели крестьянина, который пахал землю ручным плугом, запряженным парой волов. Мы дружно достали смартфоны для фотографирования.

По доле населения, проживающего за чертой бедности, Израиль находится в компании с Мексикой, Турцией, Чили и др. По уровню разницы в доходах между богатыми и бедными Израиль также оказался в первой пятерке стран. С 1989 года ВВП на душу населения рос заметно быстрее, чем зарплаты. В 2013 году разрыв достиг максимума и в течение следующих лет так и не сократился. Ну, конечно, у многих возникает вопрос: «Где деньги, Зин?»

Дело тут в совершенно неравномерном распределении доходов между различными частями израильского общества –

деньги уплывают в карманы граждан, живущих в первой стране. Каким образом? Вот вам только один пример. В Израиле подоходный налог составляет лишь треть от доходов государства, в то время как почти 45 процентов приходится на косвенные налоги, что почти в полтора раза больше, чем в среднем по странам OECD.

Вы покупаете автомобиль и платите за него 100 тысяч шекелей, из которых 50 тысяч – это косвенный налог. Для вас такое увеличение цены – катастрофа – полугодичная зарплата. А что это для директора электрической компании «Хиврат Хашмаль»? Полумесячная зарплата. Косвенные налоги выгодны только богатым. Поэтому, согласно статистике численность миллионеров и мультимиллионеров в Израиле растет значительно быстрее, чем в мире.

Выступление Игоря произвело на большинство пенсионеров сильное впечатление. Закаленные в горниле советского вранья, когда любая технология, машина или вид вооружения объявлялись лучшими в мире или вообще не имеющими аналогов, а благосостояние народа на бумаге неуклонно росло, они почему-то думали, что в родном Израиле дело обстоит не так. Совсем нет – ни одна публикация или телепередача не обходится без заключительных слов о том, что созданное в Израиле изделие (прибор, машина, материал и т. п.) не имеет аналогов в мире. Бывших советских граждан такой практикой, конечно, не удивишь.

Кроме мифов в стране предостаточно и откровенных блефов. Чуть ли не самым показательным из них является история с компанией «Веттер Плейс» («Better Place»). В 2009 году один хороший знакомый предложил Игорю пойти послушать выступление Шая Агасси, президента нового израильского стартапа «Беттер Плейс». Основатель компании никогда не занимался ни автомобилями вообще, ни электромобилями в частности, но обладал большим опытом создания стартапов. Из чрезвычайно убедительного, на первый взгляд, выступления стало понятно, что Агасси, подобно В. И. Ленину, обосновавшему возможность победы социализма в одной отдельно взятой стране – России, уверен в победе «электромобилизма» в другой отдельно взятой стране – Израиле. А дальше Агасси, тоже подобно Ленину, запланировал мировую революцию. Фокус разработок сосредотачивался на инфраструктуре и технологии зарядки аккумуляторов, а разработку электромобилей должны были делать «дяди» вроде «Теслы», «Рено» и др. В результате, пообещал Агасси, ездить на электромобиле будет раза в два дешевле, чем на машине на жидком топливе.

Дальнейшая история «Беттер Плейс» настолько типична не только для израильского инновационного рынка, но и для формы существования страны вообще, что она должна быть описана в хрестоматиях и изучаться в университетах. Профессор в течение первого же своего контакта с Агасси увидел в нем талантливого мистификатора и точно спрогнозировал неминуемый крах этой идеи. Поэтому когда приятель, приведший его на слушание, спросил, стоит ли ему переходить на работу в «Беттер Плейс» с высокой зарплатой и прочими материальными прелестями, он ему ответил: «Смотря какие цели ты ставишь. Если цель – получать полтора года высокую зарплату, то стоит. Если цель – иметь хорошую постоянную работу, то нет. Лавочка через полтора-два года с треском лопнет».

Тогда эти слова звучали как страшная крамола. С 2007 года «Better Place» удалось привлечь более 700 миллионов долларов инвестиций – неслыханное дело для стартапа. Среди инвесторов фигурировали крупнейшие израильские и международные фонды. Проект поддерживал израильский миллиардер Идан Офер, а также президент Израиля Шимон Перес. Последний организовывал встречи с владельцами и директорами крупнейших израильских концернов, министрами и политиками. Перес также написал письма пяти крупнейшим мировым автопроизводителям и помог Агасси убедить главу «Рено-Ниссан» в актуальности его идей. Перес пообещал «Рено-Ниссан» создать в Израиле производственные мощности для выпуска ста тысяч электромобилей в год и к концу 2011 года построить сеть «заправочных электростанций». Денег было сколько угодно, к концу проекта сумма инвестиций превысила 900 миллионов долларов. Все сотрудники получали сверхвысокие зарплаты и бонусы. В компании трудился огромный персонал, но среди сотрудников не было никого, кто бы разбирался в серийном производстве автомобилей и сооружении заправочных станций.

Уровень болтовни в израильских СМИ просто зашкаливал.

Попытки навязать сотрудничество крупнейшим автопроизводителям успехом не увенчались. Конкурентоспособной модели машины для серийного производства не было, а цена электромобиля оказалась дороже, чем у конкурирующих аналогов. В январе 2012 года, когда наконец-то был выпущен первый рабочий электромобиль, сумма средств, теряемых ежесуточно от затрат на маркетинг, разработку, продажи, зарплаты и выплаты, превысила 500 тысяч долларов. От Агасси не осталось ничего, кроме проданных около 100 штук электромобилей, в основном сотрудникам компании, и нескольких строений заправочных станций. Иногда Игорь

встречал эти машины на дорогах. Все построенные станции закрылись в 2013 году. Реально крах наступил уже в 2010 году, через два года с момента помпезного официального запуска стартапа.

Низкая общая научно-техническая культура в сфере машиностроения, избыток шальных денег и привычка позитивно реагировать только на хуцпу и «красивую» биографию так называемых экспертов, а не на их знания, к другому результату привести и не могли.

По приезде профессора в Израиль один из коллег в Технионе показал ему вырезку из русскоязычной газеты 1988 года, в которой описывался следующий эпизод. Один религиозный ученый в Израиле мобилизовал около 300 тысяч долларов и разработал вечный двигатель, опытный экземпляр которого был продемонстрирован почтеннейшей публике на каком-то местном форуме. На возражения ужасно эрудированных оппонентов, ссылающихся на то, что Французская академия наук еще в 1775 году решила больше не рассматривать проекты вечных двигателей, поскольку как бы доказано, что создать такой двигатель невозможно, этот ученый резонно ответил: «Кем доказано? Гоями? Так это для них невозможно, а евреи вполне могут это сделать».

Это совершенно непробиваемая аргументация. То, что во Французской академии наук в 1775 году сидели сплошные гои – это, скорее всего, факт. То, что потом попытки создавать «перпетуум мобиле» предпринимались тоже гоями – это тоже факт. И совсем не факт, что у правоверного еврея это не получится.

Однажды директор ашкелонской теплицы, где Игорь со товарищи делал проект по адсорбционному методу хранения газа, обратился к нему с такой просьбой:

– Неподалеку от нас один отставной генерал-танкист, к тому же «русский», но из давно приехавших, делает проект по модернизации дизельных моторов, уже поднял около миллиона долларов. Я с несколькими товарищами думаю, не вложить ли в это дело деньги, и давно прошу его разрешить тебе посетить лабораторию и рассказать тебе об их работе. Но он всё время мне отказывал. И вот я его недавно встретил случайно на улице, и он разрешает тебе зайти к нему. Но я тебя настоятельно прошу: ничего ему не говори, просто посмотри и уходи. Понимаешь почему?

– Ну, конечно, понимаю.

Через пару дней Игорь созвонился с генералом и отправился к нему в гости. У того действительно оказался полноразмерный

стенд с американским танковым двигателем, на котором танкист изучал свое изобретение по усовершенствованию процесса сгорания топлива. Игорь посмотрел результаты, быстро понял, где кроется липа, поблагодарил генерала и откланялся. Вернувшись в теплицу, он сказал директору: «Ничего не вкладывай, и спустя год ты уже об этом проекте ничего не услышишь». Так и произошло. Кто поддерживал этот проект, кто вкладывал деньги в этот непроизвольный блеф (Игорь не сомневался, что генерал во всё это верил)?

Всеобъемлющий израильский блат, нежелание сказать в лицо хаверу правду – вот движущая сила подобных проектов. Кроме чистого блефа в практике широко используется «хвастоблеф» с передергиванием.

Например, проходит публикация, что израильский генералитет является наиболее эффективным среди армий мира. Как определили? Берут численность израильской армии при полной мобилизации 700 тысяч человек (кстати, цифра, которая никогда в жизни не может быть достигнута, даже 400 тысяч у многих вызывают сомнение) и делят на число генералов 100. Получают 7 тысяч на одного генерала. С чем сравнивают? Берут состав действующей американской армии 1 миллион 400 тысяч и делят на 900 генералов. Получают около 1200 военнослужащих на одного генерала. Но это же несопоставимые вещи: в израильской армии фактически есть 170 тысяч военнослужащих, давайте разделим на 100 – будет 1700 человек. Вот эту цифру и надо сравнивать. А что, если разделить мобилизационный потенциал Китая на число китайских генералов? Вот где будет эффективная армия! И эту ахинею тиражируют СМИ без всякого зазрения, рассчитывая, видимо не без основания, что у читателя с логикой и арифметикой дела обстоят плохо.

Поучительный случай был описан в прессе касательно импорта мобильных телефонов. Тогдашний министр связи Кахлон попытался облегчить процедуру импорта мобильников. Однако военные утверждали, что ввозить в Израиль любые телефоны никак нельзя, ибо это «повредит обороне» – и даже поставит в опасность систему «Железный купол». Кахлон позвонил министру обороны Эхуду Бараку. Через десять минут Барак перезвонил Кахлону и велел ему спокойно проводить свою реформу и не обращать внимания на ЦАХАЛ – «они тебя надувают».

Израильский проект «Масрокит» («Свисток») совместно с компанией по мониторингу прессы «Ифат» проверили сотни заявлений израильских политиков, которые подавались как

факты. Оказалось, что более 70 процентов заявлений израильских политиков высшего звена, как из правительства, так и оппозиции, страдают недостатком правдивости. 75 процентов лживых цитат политиков в прессе относятся к правящей коалиции, и только 25 процентов – к оппозиции. Абсолютный рекорд принадлежит Биньямину Нетаниягу. Например, в 2015 году, вручая награду лауреатам премии Эрика и Шейлы Самсон за проекты по разработке альтернативных топлив, он заявил следующее: «Скоро 85 процентов от цены машины составит программное обеспечение и связанные с ним параметры. Автомобиль становится компьютером на колесах. Это значит, что мы становимся конкурентоспособны – и мы активно действуем в этой области. У нас в стране около пятисот стартапов, которые занимаются автономно управляемыми автомобилями и связанными с этим технологиями».

Откровенное вранье и передергивание: сегодня доля по стоимости электрооборудования, электроники и программного обеспечения составляет 20 процентов, и самые смелые прогнозы на самое далекое обозримое будущее не превышают 40 процентов. И это включая все виды электромоторов, к которым Израиль имеет самое слабое отношение.

Теперь вообразите пятьсот стартапов, занятых в сфере беспилотных автомобилей в крошечной стране – разве не анекдот?

Само по себе существование этой премии как премии премьер-министра Израиля – история из серии еврейских анекдотов. Южноафриканский мультимиллионер, стальной барон Эрик Самсон поселился в Израиле, стране меньше других причастной к исследованиям по альтернативным топливам, и в 2012 году учредил премию премьер-министра Израиля для разработок в области топлив, заменяющих нефть. Ясное дело, что в 95 процентах случаев лауреатами этой премии становятся иностранцы. Таким образом, израильский премьер, надувая щеки, вручает деньги южноафриканского миллионера какому-нибудь датскому ученому… и объявляет Израиль светочем альтернативных топлив. Вот это по-израильски!

На самом деле, в Израиле мало что делается по части использования альтернативных видов топлива. Давайте начнем с «зеленой» энергии (ветер и солнце). Тот, кто ездит в Европу, всегда видит большое количество ветрогенераторов в различных местах. Сегодня ветрогенераторы обеспечивают 15 процентов общего энергопотребления Евросоюза. Лидером тут является Германия, где до 40 процентов электричества производится за счет солнца и ветра. Вы видели поля ветряков в Израиле?

В солнечном Израиле, где достигнуты колоссальные успехи в части массового применения солнечной энергии для нагрева воды в жилищах, плохо дело обстоит с получением электроэнергии от солнца. Во-первых, ее мало, а во-вторых, коммерческие солнечные электростанции продают свое электричество «Хиврат Хашмаль» вдвое дешевле, чем платят ей потребители. Ясно, что при нынешней политической системе в Израиле, где погоду делают монополии, никто не допустит конкуренции с электрической компанией (при полном попустительстве правительства), и все попытки поставлять потребителю дешевую электроэнергию заведомо обречены на провал. Вот десять наиболее передовых стран в части использования солнечной энергии, на которые приходится более 90 процентов мирового рынка: Китай, США, Индия, Япония, Германия, Бразилия, Австралия, Чили, Турция, Южная Корея.

Как иллюстрацию к этому тезису можно привести практику покупки электромобилей. В Израиле действовала десятипроцентная налоговая льгота на покупку электромобилей, которая истекала в 2019 году. Но до этого года никакой практической возможности использовать такие машины не было из-за отсутствия зарядных станций. В 2019 году планировались два мероприятия: сооружение зарядных станций и отмена льготы. То есть болтать о чистой энергии, но не давать ее применять во избежание потери доходов от взимания налогов на автомобили и бензин с дизельным топливом – вот главная практическая задача.

Вообще альтернативные топлива – один из излюбленных пунктов израильского вранья. Судите сами. В 2010 году г-н Нетаниягу дает клятвенное обещание найти замену нефти в ближайшие десять лет. Создается межминистерская комиссия во главе с председателем национального совета по экономике при канцелярии премьер-министра, профессором Юджином Канд ел ем. Комиссия приходит к потрясающему выводу, что Израиль просто создан для того, чтобы стать родиной нефтезамещающих транспортных технологий, так как для него растущий импорт нефти сопряжен с угрозой национальной безопасности. Кроме того, в стране нет своей нефтедобычи (а значит, и мощного нефтяного лобби), зато высок уровень инноваций. Комиссия также констатировала, что в стране нефтезамещающими технологиями занимаются 50 исследовательских групп, финансируемых 51 коммерческой компанией. Гениально! Правительство принимает решение разработать программу и до 2020 года снизить использование нефти в отрасли транспорта на 30 процентов, а до 2025 года – на 60 процентов вследствие внедрения альтернативных видов топлива, таких как метанол,

жидкий газ, биотопливо, электричество и т. д. В программе было задействовано десять различных министерств, ее бюджет составлял 1,5 миллиарда шекелей в десять лет. Прошло десять лет – где Кандель, где комиссия, где программа, где нефтезамещение, где анонсируемое мировое лидерство Израиля? Нет ничего! Любой специалист, даже немного разбирающийся в деле, мог легко понять, что всё сказанное изначально было туфтой и липой. Единственной мышью, которую родила гора в рамках широко анонсированного проекта комиссии Канделя «Метанол», можно считать испытания «Фиата-500», работающего на смеси бензина (85 процентов) и метанола (15 процентов), – вещь широко известная много лет и мало применяемая – в таких случаях используется этанол (в США, Бразилии и других странах). Ну, опять полный блеф.

Где-то в середине двухтысячных Игорь встретился с одним профессором Бер-Шевского университета (впоследствии он перешел работать в Технион) – самым авторитетным специалистом в Израиле в автомобильной сфере (не будем называть его фамилию). Разговор зашел о газовых автомобилях. Игорь чувствовал, что разговор идет как-то не так, но не мог понять, в чем дело… И вдруг его собеседник воскликнул с изумлением:

– Так что, вы хотите сказать, что есть автомобили, на которых установлены баллоны с газом, сжатым до 200 бар? И люди соглашаются на них ездить?

Стало ясно, что израильский светила не имел ни малейшего понятия о существовании автомобилей на природном газе. Можно ли такое вообразить в любой другой стране? Ведь газ считается альтернативным топливом номер один в мире!

– Дорогой профессор! И таких автомобилей почти 30 миллионов, и давление в баллонах в США даже больше 250 бар.

Игорь снова вспомнил слова великого Якова Кедми, который в одном из интервью сказал следующее: «Когда я выучил иврит настолько, чтобы по-настоящему понимать собеседника, я был поражен тем, что значительная часть израильтян – люди с очень ограниченными знаниями, кругозором и развитием». Чистая правда!

Сейчас в Израиле снова раскручивается баллада об электромобилях как ближайшей перспективе. Тут запевает досидник энергетики 2014–2019 годов Юваль Штайниц, который утверждает, что израильтяне больше не смогут покупать новые бензиновые или дизельные транспортные средства после 2030 года, а взамен их дружно поедут на электромобилях и грузовиках, работающих на природном газе. Оптимистичный досидник

ожидает, что к 2030 году число электромобилей должно повыситься почти до 1,5 миллиона. Подогревают суп сообщения о том, что в Израиле создали батарею для электромобилей, которая заряжается за пять минут, что начинается поставка электромобиля Qoros, являющегося китайско-израильской продукцией, и т. д. и т. п.

Профессор посетил несколько раз собрания, где обсуждался вопрос, и увидел, что наибольшую активность в проталкивании идеи о скором пришествии электромобилей проявляют владельцы сетей по продаже бензина и дизельного топлива. Тут он понял всё. Приехав в середине 2000-х годов в США, он был весьма удивлен тем, что буквально не было ни одного института, фирмы, транспортного предприятия, где бы его не спросили: «А как у вас с водородом?» Дело было в том, что весной 2003 года президент Буш-младший объявил о государственной программе улучшения состояния воздуха в городах за счет применения водородного топлива. По плану Буша, машины на водороде должны появиться в течение двадцати лет и, кроме чистого выхлопа, должны были сократить потребление Америкой нефти на 11 миллионов баррелей в день. На программу правительство выделяло 1,2 миллиарда долларов на пять лет и еще полмиллиарда должны были предоставить фирмы – участники программы. И пошло-поехало – многочисленные университетские лаборатории и исследовательские центры фирм в поте лица разрабатывали топливные элементы (устройства для электрохимического превращения энергии водородного топлива в электричество) и бортовые метановые реформеры (устройства для паровой конверсии природного газа в водород). Получалось не очень, хотя кроме американских были вовлечены европейские и японские исследователи.

Игорь хорошо знал эту тематику и поражался такому чудовищному блефу Ведь, кроме трудностей по созданию водородных двигателей и реформеров, не решалась главная задача очистки воздуха, поскольку выделение вредных веществ переносилось с автомобиля на стационарные установки по производству водорода из газа, угля, нефти и т. д.

На заключительном банкете после одной из выставок по газовым автомобилям Игорь оказался за столом рядом с одним огромным американцем из фирмы «Дженерал Дэйнамикс» (фирма наряду с ракетно-космической техникой также производила композитные газовые баллоны). Они были знакомы и раньше по различным выставкам и конференциям, но близко никогда не общались. Игорь пожаловался американцу на свое непонимание водородной ситуации в США, на что тот рассмеялся в ответ

громовым смехом:

– Давай-ка выпьем по большой рюмке «Балантайна», и я тебе расскажу, в чем тут дело. Без этого никак нельзя!

Коллеги выпили, правда, не раз, а два, и американец изложил Игорю всё как в советском учебнике по истории капитализма: «Буш – ставленник техасских нефтяных монополий. Его задача – морочить всем голову так, чтобы и мысли не было о каких-либо реальных заменителях нефти, а всё сосредоточилось на водороде, из которого, как заведомо известно, ничего не получится. Как только его переизберут, так водороду конец».

Однако надо заметить, что идея водородных топливных элементов и реформеров через десять лет была реализована в неатомных воздухонезависимых подводных лодках (технология AIP), имеющих более продолжительное пребывание в подводном положении. Такие лодки «Дольфин» уже поставляются Израилю Германией («Танин» и «Ахи» за номерами 4 и 5).

Советские люди во многом идеализировали Запад вообще и Америку в частности, и хотя у Игоря и были подобные подозрения, он эту мысль решительно отгонял – не может быть в Америке такого! В 2009 году, после прихода к власти Обамы, сразу началось стремительное исчезновение водорода, и через год-полтора все о нем забыли. Точно так же поступают израильские торговцы жидким топливом. Толкая электромобили, они топят все другие, более реальные направления, прежде всего использование природного газа как автомобильного топлива. Интересанты и политики буквально за шиворот пытаются втащить автомобилестроение в электрическую эпоху, а между тем никем не отработаны методы тотальной оценки эффекта от перехода к электромобилям в зависимости от их типа, размеров, конструктивных особенностей и способа изготовления. Все электрокары валятся в одну кучу, что в сочетании с повальной технической неграмотностью участников дискуссий делает эти дискуссии довольно бессмысленными. А между тем если сосчитать энергию, затраченную на изготовление тягового аккумулятора, то она окажется равной энергии бензина, требуемой для пробега машины в 50 тысяч километров. При производстве электроэнергии и передаче ее в автомобиль есть потери в 10–15 процентов. В целом до электромобиля доходит около 10 процентов энергии, затраченной на ее получение на электростанции. С учетом потерь во всей цепи от электростанции до колес, КПД электромобиля будет ниже КПД двигателя внутреннего сгорания. Сложная проблема стоит с обеспечением работы систем отопления, кондиционирования, мультимедиа, навигационных систем и пр., что зачастую требует количества

энергии, соизмеримого с мощностью основного двигателя. Для производства электромобилей необходимы кобальт, литий и другое сырье, которого нет у стран – производителей автомобилей, что постоянно будет сказываться на цене машин.

Ведущие страны уже начали излечиваться от электромобильного гриппа. Так, министерство энергетики Соединенных Штатов Америки уже считает, что к 2040 году электромобилей в стране будет продаваться не более одного процента автомобильного рынка. Категорически не будет через десять лет в Израиле никаких полутора миллионов электрокаров – очередной блеф, а в лучшем случае будет как в США – один процент от продаж.

Не успели все пересесть на электромобили, как раскручивается новый мифоблеф – беспилотные автомобили. Вот уж точно по Маяковскому: «Бывало – сезон, / наш бог – Ван-Гог, / другой сезон – Сезанн».

В Израиле этот мифоблеф получил мощнейший импульс продажей «Интелю» компании «Мобилайн» за 15 миллиардов долларов. Закончится он примерно так же, как и «электромобильный». Илон Маск как-то сказал, что автомобиль не сможет никогда ездить автоматически. Максимум, что он сможет, – это сделать девять десятых пути на автомате. Оставшаяся часть обязательно будет принадлежать человеку: это какие-то дворы, плохая погода, непредвиденные обстоятельства на дороге, – там должен вести человек. Ну, вопрос с процентами является спорным, а в принципе Игорь считал, что Маск абсолютно прав. Конечно, такая позиция подрывает теорию о скорейшем внедрении автопилотов в принципе. Если машину за вас ведет автопилот, а вы сидите и ждете, пока он ошибется, так, может, сделать наоборот – управлять самому, а автопилот включать изредка? Лично профессор полагал, что автомобили будут оснащать автопилотами по желанию покупателя (более всего грузовики), а водитель в кабине все-таки останется, поскольку решить все морально-этические, юридические и технические проблемы не удастся никогда. Разговоры о тотальном использовании автороботов профессор считал болтовней, пиаром и спекуляцией. Понятно, что эти разговоры идут во всем мире, но в Израиле, где публика склонна к вышеуказанным трем замечательным действиям, после покупки «Мобилайн» они культивировались в особо большом масштабе.

Правда, начинают потихоньку появляться и в Израиле трезвые голоса. Так, Национальный экономический совет, функционирующий при канцелярии премьер-министра, в июне 2019 года обнародовал некоторые мысли о скором появлении в

стране беспилотных автомобилей. В частности, говорится о существовании «очевидного риска того, что революция в сфере умного транспорта может привести к увеличению дорожных пробок и усугублению проблем, касающихся управления и парковки, в особенности в городских центрах, из-за новых поездок и поездок (самоуправляемых автомобилей) без пассажиров, а также по той причине, что население предпочтет поездки автомобилем общественному транспорту, пешим прогулкам и поездкам на велосипеде».

Что касается реального альтернативного топлива, то сегодня для Израиля им является природный газ, большими запасами которого на шельфе страна располагает. Есть страны, где существенный процент автомобилей использует природный газ (метан) как топливо. Например, в Китае уже сегодня четверть парка – это газовые машины, в Аргентине на газу работает 20 процентов, в Бангладеш – 20 процентов, Пакистане – 65 процентов, Иране – 21 процент, Боливии – 37 процентов. Но самый большой процент в Армении – 77. Около миллиона газовых машин в Италии. Однако в Израиле дело по использованию газового топлива идет ужасающе медленно, а вот вопрос об установлении драконовских налогов, с тем чтобы не допустить наличия дешевого автомобильного топлива в стране, продвигается быстро. В комиссиях Кнессета уже рассматривается величина этого налога, и, по слухам, его собираются сделать таким, чтобы уровнять практически цену жидкого топлива и газа. Ну как тут не объявить Израиль лидером по разработке экологически чистых видов топлива! Более передовой страны, если судить по мифам, и быть не может. В Германии на нефтеперерабатывающих заводах к базовому бензину с 2011 года примешивают 10 процентов биоэтанола. ЕЮ – это новый термин, используемый для топлива этого типа на бензоколонках – совместим с двигателями более 90 процентов бензиновых автомобилей. С 2010 года нефтяные компании смешивают 7 процентов биодизеля с традиционным дизельным топливом.

А в Израиле не делается почти ничего. Вместо этого публику кормят сказками из далекого будущего, выдаваемого за сегодняшний день. Вот один из таких перлов. Пресса сообщает, что профессора Моти Грешкович и Мирон Ландау сделали революционное открытие по получению синтетического газа, сочетающего в себе углекислый газ и водород. Никаких технологических препятствий при введении массового производства не предвидится, что означает, что новый вид «зеленого» топлива может начать повсеместно применяться в течение ближайших 5—10 лет. Или еще: благодаря новым

разработкам израильской компании Alchemy Research машины скоро будут ездить не на бензине, а на… алюминии. Разработанный компанией метод окрестили Alhydro – сокращение от aluminium (алюминий) и hydrogen (водород), то есть процесс получения энергии из реакции между алюминием и водородом. Глава корпорации Гидеон Ямпольский рассказывает о своем детище: «Это будет электромобиль, который сможет проехать 2400 километров на одном топливном баке размером с бак у вас в машине. Хотя топливный бак, заполненный бензином, позволит вам проехать только 700–800 километров». И т. д. и т. п. Нельзя сказать, что все эти разработки лишены физического смысла, но место им на страницах научно-популярных журналов, а не в сообщениях новостных агентств как о скором будущем.

Профессор в Союзе был членом ученого совета по защите кандидатских диссертаций в одном вузе. Там защищалось штук пять диссертаций в год, в которых предлагались методы сокращения расхода топлива в двигателях. Однажды Игорь пошел в архив и выписал из пары десятков диссертаций цифры по сокращению расходов. Оказалось, что к текущему моменту двигатели уже имели отрицательный расход. На ближайшем заседании совета он представил результаты своего исследования, чем сильно насмешил членов совета. По аналогии, если сложить все израильские мифы и блефы по получению нефтезамещающих топлив, то через пять лет добычу нефти в мире можно будет вообще прекращать.

Забавным мифоблефом является история с запуском израильского лунного аппарата. Надо сказать, что ракетно-космическая деятельность имеет, как правило, три главных аспекта: военный, научно-практический и рекламный. С военным всё понятно, и израильский лунник к этому не имеет никакого отношения. В смысле научно-практическом израильские умы придумали замечательную отмазку: запуск осуществляется для того, чтобы возбудить интерес молодежи к науке и технике. Остается третий аспект: пропаганда и пиар. Но в Израиле к этому обязательно надо приплюсовать то, без чего в Израиле не обходится никакое крупное или мелкое государственное дело, – создание джобов.

Коммент-эр: джоб (англ., работа) – это теплое, доходное, хорошо оплачиваемое место в государственной структуре. Такими местами торгуют оптом и в розницу все политические партии, премьер-министр, министры, министерские начальники и пр. Например, существует должность начальника управления речкой Яркон или директора компании по развитию старого Акко (60

служащих), великие стройки сионизма вроде тель-авивского трамвая также несут в себе элемент «джобизма» и т. д.

Трое еврейских мальчиков (всем не было и тридцати лет) в совершенно израильском стиле в 2007 году начали раскручивать третий аспект лунного проекта, благо тут подвернулся конкурс «Lunar XPRIZE», объявленный компанией Google. Коллективу, доставившему на Луну самоходный аппарат, который проедет там 500 метров, было обещано 20 (впоследствии 30) миллионов долларов при условии, что деньги на проект не будут государственными. В начале 2018 года конкурс был отменен, поскольку его условий никто так и не выполнил.

Конечно, это вам не трамвай, и государственных денег они в конечном счете получили только два миллиона из 100 миллионов потраченных, но компанию SpaceIL создали. Мир не без богатых евреев, и остальные деньги им пожертвовали в основном «полуиностранные» евреи (Моррис Кан, Сильван Адамс, Шелдон Адельсон). Шансов на успешное прилунение у этого аппарата было не больше, чем у электромобилей Агасси. Но разве в этом дело? Полтора десятка «вьюношей» больше десяти лет имели хорошую работу и зарплату, и время этой синекуры, в общем, было не ограничено, сейчас подсоберут еще деньжат и сделают второй образец и т. д. Еще сотня волонтеров резвится как фрилансеры. Ну, и тут, конечно, сразу подсуетился оберполитфлюгер Б. Нетаниягу – ведь выборы-то были на носу: «Это показывает, на что мы способны благодаря ученым, инженерам, физикам, математикам, руководителям и инвесторам. Спасибо, Моррис Кан, спасибо всем инициаторам этой захватывающей идеи. Мы решили помочь. Я не претендую на то, что мы внесли львиную долю, но должен сказать, что весь израильский народ поддерживает вас с большой верой и энтузиазмом». Замечательно поддерживать с энтузиазмом на деньги спонсоров, на американской ракете, с американским двигателем на луннике – израильская классика жанра.

Когда не получилось, Нетаниягу тут же заявил: «Ничего страшного, мы справимся, два-три года – и будет у нас новый спутник»… и новые выборы. А почему нет – ведь пообещал он в 1996 году каждому ученику по компьютеру!

А некоторые несознательные граждане еще говорят, что «не по Сеньке шапка» и хорошо бы на эти деньги ливневую канализацию построить.

Коммент-эр: стартап-нация никак не может справиться с затоплением дорог и улиц в центре страны каждую зиму. Из года в

год постоянно перекрываются дороги, заливает центральные магистрали, выключаются светофоры, прерывается подача электричества и т. п.

Финал этой саги был исполнен тоже в классическом израильском стиле. В июне 2019 года в СМИ появилась маленькая скромная заметка: «Компания SpacelL прекращает свою деятельность в области отправки на Луну своего аппарата». Весьма забавным в этой заметке является анонсирование главной заслуги авторов: трата относительно малого количества денег (куда им против почти миллиарда Агасси).

Игорь захотел немедленно предложить ребятам из SpacelL срочно занять пока пустующую нишу – покорение водных глубин, мобилизовать деньги, построить батискаф и стать четвертой страной в мире (после Франции, Китая и России), опустившейся в Бездну Челленджера в Марианской впадине (11500 метров). Научная задача при этом будет состоять в доказательстве того, что на такую глубину может опуститься только кошерная рыба (французы Ж. Пикар и Д. Уолш встретили в Марианской скважине неких плоских рыб).

В Израиле блеф совсем не наказуем и никаких последствий не имеет. Как сообщалось, 17 марта, в день проведения досрочных парламентских выборов в Израиле, Нетаниягу записал телефонное обращение к народу: «Говорит Биньямин Нетаниягу. Левые идут! – вещал Биби. – Надо спасать наш дом, иначе они захватят власть!» А за несколько часов до закрытия избирательных участков уже было другое сообщение: «Арабы толпами идут голосовать, чтобы свалить правое правительство». Всему причиной был страх, что оппозиционный блок «Сионистский лагерь» получит больше мандатов, чем «Ликуд». Ну и что? На следующий день он заявил: «Это заявление было ложным. Я о нем сожалею. Я прояснил арабским лидерам, что я – премьер всех граждан Израиля. За меня проголосовало больше арабов, чем за Аводу».

Или бывший премьер-министр Ольмерт: «Советский режим не смог устоять перед мужественными евреями, борющимися за свое основное право – жить в стране своих предков. Таким образом, борьба за выезд в Израиль стала главным элементом развала советского режима». Можно ли вообразить себе большую демагогию и ложь? М. С. Горбачев после смерти будет в гробу переворачиваться от таких сентенций.

Или как-то на заседании правительства министр Беннет твердо сказал, что 200 тысяч французских евреев хотят репатриироваться в Израиль, но страна и ее институции не

готовы принять такую массу. Прошло довольно много лет – кто видел эти 200 тысяч?

Но рекорд безвкусия и идиотизма в угоду собственному пиару, видимо, принадлежит министру разведки и транспорта Исраэлю Кацу, который, выступая на мероприятии, приуроченном ко Дню Катастрофы европейского еврейства, в 2019 году заявил, «что строительство железных дорог в Израиле является ответом фашистам, которые использовали поезда для доставки евреев в концентрационные лагеря на территории Польши. Прокладка железных дорог в Израиле – это настоящая победа еврейского народа над тем, что пытались сделать нацисты. Каждая рельса в Израиле – это ответ тем, кто вез беззащитных и запуганных евреев в лагеря смерти».

Понятно, почему такого человека прочат в премьер-министры Израиля.

Глава 12
Факты без аргументов

Энциклопедии дают такое толкование слову «факт» – действительно, реально существующее невымышленное событие, явление; то, что произошло на самом деле. Доказательство фактами – наиболее распространенный прием аргументирования. В то же время аргумент толкуется как довод, доказательство, соображение, основание, резон. Но Игорю больше нравилась интерпретация из сленга футбольных хулиганов: аргумент – это всё, чем можно ударить противника в драке. В этой главе мы исследуем только факты, а от аргументов воздержимся. Ведь не напрасно Вольтер говорил: «Секрет быть скучным состоит в том, чтобы рассказывать всё». Поэтому будем следовать записи на первой странице судового журнала каравеллы «Сан-Габриэль» флагмана эскадры Васко да Гама: «Пишем то, что наблюдаем. Чего не наблюдаем, того не пишем».

После лекции о хайтеке, с подачи нескольких знакомых Гольдов, которые были в курсе прошлой жизни и занятий Игоря, все начали дружно просить его выступить по поводу израильской индустрии вооружений – второго любимого конька фалпатов-пропагандистов. Ничего плохого в международной торговле оружием нет, плохо только то, что в Израиле она выдается за универсальное благо для государства и граждан. А факты таковы.

Здравствуй, оружие[40] (лекция)

Все вы практически ежедневно читаете и слышите о выдающихся достижениях в части экспорта оружия, производимого в Израиле, и непревзойденных качествах этого оружия. Пиар разнообразного оружия со стороны страны разработчика – дело не новое. Реальным пионером в этом деле является гитлеровская Германия, рекламирующая «вундерваффе», или «чудо-оружие» (название, придуманное ведомством Геббельса – министерством пропаганды). Оно применялось по отношению к новым разработкам, по своим показателям превосходящим всё существующее тогда оружие. И надо сказать, что это не было совсем блефом: немцы имели научно-технический задел по созданию такого оружия. И если бы война началась позже или затянулась дольше, то вероятность появления на вооружении этого оружия и, соответственно, изменения хода войны была бы весьма высокой. Или возьмем США. Перед каждым потенциальным военным конфликтом американская пропаганда

наращивает пиар потрясающих достижений американской оборонки: тут и беспилотники, управление боем со спутников, крылатые ракеты, экзоскелеты, роботы-пехотинцы, боевые лазеры, индукционные ружья и пушки, управляемые бомбы и пр.

Начинается конфликт, например, в Ираке, и 80 процентов всей этой красоты увидеть невозможно. Не отстает и Россия. Тут в ассортименте вещи серьезные: гиперзвуковые крылатые ракеты, ракеты с атомным двигателем, ракето-торпеды со скоростью более 300 километров в час, ЗРК С-500 и пр. Израиль тут не оригинален и также занимается таким пиаром: например, танк «Кармель» с двумя членами экипажа после 2030 года, лазерная пушка и т. п. Конечно, в Израиле всё много проще. Так, выступая в конце декабря 2018 года в летной школе ВВС ЦАХАЛа, Нетаниягу заявил: «Я могу сказать, что мы разрабатываем системы вооружения и обороны, которых нет ни в одной другой стране мира». И всё… Это бедному Путину надо объяснять, что это за оружие, каковы результаты испытаний, а в Израиле объяснять что-либо не надо, надо верить.

Последнее время активно раскручивается миф об израильском лазерном оружии. Весной 2014 года было объявлено, что лазерную пушку удастся довести до серии и поставить в войска в течение ближайших двух лет. В 2015 году срок развертывания перенесли на начало следующего десятилетия, однако заголовки типа «Израиль лидирует в разработке лазерного оружия» появляются активно. Интересно, среди кого Израиль лидирует?

Важную роль в израильской пропаганде играет реклама активной торговли оружием с зарубежьем. Но надо понимать, что производство оружия является для любой страны печальной необходимостью, а не средством зарабатывания денег и развития экономики, как некоторые думают. Любое военное производство, прежде всего, вызывает повышение инфляции, поскольку работники оборонной промышленности получают хорошую зарплату, но не производят товаров, требуемых для удовлетворения потребностей населения. Наличие оборонной промышленности высасывает качественное сырье и отвлекает квалифицированные кадры от гражданских отраслей. Наличие постоянного гарантированного рынка сбыта, по крайней мере, в своей стране исключает конкуренцию предприятий и снижает производительность труда. Военная продукция поглощает 3—10 процентов ВВП в любой стране. Современные виды оружия требуют огромных вкладов на НИОКР для его разработки и стоят дорого сами по себе. Иллюзия некоторых заработков на оружии создается потому, что расходы на его разработку берет на себя

государство, а доходы получают фирмы-производители. Помимо НИОКР государство часто финансирует строительство оборонных производственных предприятий и их модернизацию, а прибыли получают только компании ВПК.

Израиль вынужден заниматься разработкой значительного количества видов вооружений. Причем, если в других странах большая часть производимого вооружения идет в собственные вооруженные силы, в Израиле ЦАХАЛ потребляет относительно малое количество оружия, и единственным способом повысить серийность производства является экспорт. За счет этого снижаются расходы государства на оборонные нужды. В мире нет другой такой малой страны, где делается столько разнообразного оружия. Мощный военно-промышленный комплекс обескровливает экономику, отбирая у других отраслей рабочих и ресурсы. В настоящее время 70–80 процентов объема производимой израильским ВПК продукции идет на экспорт. Однако чистая прибыль от продажи оружия в среднем около 3–5 процентов (в Израиле 4 процента), и только на эту величину можно сократить деньги, изымаемые из ВВП на оборону. Так что победные реляции насчет растущего экспорта вооружений надо воспринимать соответственно – экономического толка простому народу от этого практически нет. Конкретные компании ВПК зарабатывают, а платит налогоплательщик. Потом, не надо забывать, что Израиль также является одним из крупнейших в мире (10—15-е место) импортеров оружия, в основном из США. Об этом писать не очень принято. Притом рынок оружия сильно зависит от геополитической ситуации. Например, изменение ситуации в Турции привело к снижению поставок туда израильского оружия и т. д. Другое дело, что покупка израильского оружия в условиях сильной конкуренции повышает авторитет страны как сильной технологической державы.

В сфере вооружений как нигде чувствуется плечо старшего брата – США. Израилю исторически, начиная с 1970-х годов, был обеспечен доступ ко многим американским военным технологиям и совместному производству сложных боевых компонентов, что способствовало развитию местного производства и открывало путь для экспорта оружия в различные страны, включая США. Про материальную помощь при этом нечего и говорить.

Теперь о роли израильского ума. С чего хотите начать? С ракет? Давайте начнем.

Израильское ракетостроение, как и израильское атомное оружие, имеет прозрачное французское начало. В принципе, ничего тут зазорного нет – хорошо известно, что советское и американское ракетостроение выросло из «Фау-2». Ключевую роль

тут сыграл Марсель Дассо – еврей и участник французского Сопротивления. Ему принадлежала крупнейшая авиационная и ракетостроительная фирма Франции «Дассо» (Dassault), которая в 1960-х годах производила твердотопливные ракеты MD-620 с дальностью полета до 500 километров. Двадцать пять штук этих ракет были поставлены в Израиль уже в начале 1965 года и поставлены на вооружение под названием «Иерихон-1» (Jericho-1). На базе этих ракет были созданы ракеты «Иерихон-2» и «Иерихон-2Б» с дальностью полета до 1500 километров. Ракеты «Иерихон» стали основой для создания трехступенчатой твердотопливной ракеты «Шавит», предназначаемой для запуска космических спутников. Первая и вторая ступени этой ракеты унифицированы с ракетой «Иерихон-2». Затем была создана самая дальнобойная твердотопливная, двухступенчатая ракета «Иерихон-3» с дальностью полета свыше 5000 километров.

Таким образом, своевременная французская помощь позволила Израилю стать ракетно-космической державой, что ни в какой степени не умаляет заслуги израильских конструкторов и производственников в деле разработки и доведения ракетного оружия. Просто это позитивно влияет на приглушение фалпатовских разговоров о гениальности. Чаще всего это слово в Израиле употребляется по отношению к системе «Железный купол». Давайте посмотрим, заслуженно ли это.

Неприятности от запусков арабами ракет «Кассам» на территорию Израиля вам хорошо известны. В 2006 году, после окончания Второй ливанской войны, тогдашний министр обороны Амир Перец решил поддержать предложение главы управления технологических разработок ЦАХАЛа бригадного генерала Дани Гольда начать разработку ракеты-перехватчика, предназначенной для борьбы с ракетами малой дальности. Против этого решения выступало как политическое руководство, так и армейское командование. Но министр обороны Амир Перец настоял. Задача сбивать низколетящие объекты с малой скоростью (до 300 метров в секунду), двигающиеся по простейшей траектории с легкой возможностью определения этой траектории, хотя и представляет некоторые трудности, была в то время уже решена. Существовали, например, французский ЗРК «Роланд» как на колесном, так и на гусеничном шасси, эксплуатирующийся с 1977 года, или немецкий LeFlaSys/ASRAD, который считается совершеннее «Роланда». Но лучшим ЗРК, предназначенным для таких целей, являлся на то время российский ЗРК «Тор-Ml», принятый на вооружение в 1991 году и его модернизированный вариант «Тор-М2У», выпускаемый с 1998 года. Поскольку «Тор» – это чисто оборонительное оружие, он свободно продавался Россией и был

продан во многие страны.

То ли Гольд не знал о существовании «Тора», то ли знал, но по принятой практике хотел изобрести еврейский велосипед, пользуясь недостаточной эрудированностью израильских начальников, то ли хотел обеспечить себя и знакомых джобом на много лет вперед – сказать трудно. Сказать можно только то, что решение делать самим еврейский малый ЗРК отдалило эффективную защиту израильского населения от ракет ХАМАСа на четыре-пять лет в сравнении с вариантом приобретения существующего оружия. Израильские оборонщики трудились пять лет не покладая рук, и в 2011 году первые батареи «Железного купола» поступили на вооружение ЦАХАЛа. Батарея (комплекс)«Купола» включает мобильную многоцелевую радиолокационную станцию (РЛС) на автомобильной базе, центр управления огнем и три буксируемые автомобилями пусковые установки с 20 ракетами-перехватчиками «Тамир» на каждой. Обладая совершенной локационной системой и ракетой «Тамир», имеющей скорость полета в два-три раза больше «Касама», «Железный купол» достаточно легко справлялся с одиночными «Касамами».

Разработка и доводка «Железного купола» стоила примерно два миллиарда долларов, из которых более половины оплатили американцы. Цена одной батареи составляет примерно 50 миллионов, а цена одной ракеты – около 50 тысяч долларов. В Израиле развернуты десять батарей системы «Железный купол», что добавляет к вышеуказанной сумме еще полмиллиарда. Израиль на сегодня выпустил по «Касамам» 1500 ракет «Тамир», что еще добавляет еще около 100 миллионов. Для сравнения скажу, что один «Тор» из проданных Греции, Ирану, Белоруссии, Китаю и другим странам стоит примерно 25 миллионов долларов. Как известно, с 2011 года концерну «Рафаэль», являющемуся главным разработчиком системы, не удалось продать за границу ни одной батареи, правда, за это время государственный оборонный концерн «Авиационная промышленность» продал около ста разработанных для «Железного купола» радаров. Зачем потратили два миллиарда?

Оглушительные песнопения в израильских СМИ по адресу «Купола», который объявлен изобретением, изменившим мир, не имеющим аналогов в мире и т. п., являются обычным израильским бахвальством, а грубо говоря, банальным враньем. Более того, «Железный купол» имеет ряд недостатков в сравнении со своим российским аналогом «Тором». Интересно еще и то, что в Израиле никогда не были проведены сравнительные испытания «Купола» с зарубежными аналогами – ну да, их же как бы не

существовало. Первый серьезный недостаток «Железного купола» – очень большая «мертвая зона» (почти 4 километра), у «Тор-Ml» с его вертикальным минометным пуском – всего 1,5 километра. Поэтому «Железный купол» бесполезен против минометов, которые сильно выигрывают при стрельбе с близкого расстояния. Система раннего обнаружения засечь минометные снаряды не в состоянии. Проблема обостряется еще и тем, что в стране имеется достаточно много объектов, достижимых минометным огнем с сопредельной территории. Поэтому сейчас активно муссируется применение боевых лазеров как дополнения к «Куполу» для борьбы с минометными снарядами. Другой недостаток «Купола» – это возможность одной батареи одновременно расстреливать только одну цель. «Тор-Ml» имеет возможность одновременно обстреливать две цели, а «Тор-М2У» – четыре воздушные цели. Это делает проблемным защиту от залпового ракетного огня противника. Очевидно, что «Купол» предназначался для перехвата одиночных ракет, то есть исключительно для борьбы с нынешним хамасовским терроризмом. Далее, пусковые установки «Купола» не установлены на самоходное шасси, что заметно снижает мобильность системы и делает ее легкой мишенью для противника, оснащенного дальнобойной артиллерией и реактивными системами залпового огня. «Тор» устанавливается на гусеничное или колесное шасси и является мобильной наземной целью, поражение которой в боевой обстановке весьма проблематично. Теперь о недостатках «Купола» довольно широко пишут в свете новых песнопений в адрес израильской лазерной пушки.

Следующим объектом по уровню фалпатского шума является танк «Меркава». Он, естественно, позиционируется как лучший в мире. Танк хороший, но лучшим в мире он признается в основном в самом Израиле. Специалисты рассматривают его как машину для ближневосточного театра военных действий, с его каменистыми и песчаными грунтами, обеспечивающими работу при высоких давлениях на грунт ходовой системы. Танк нельзя перевозить по железной дороге и преодолевать водные преграды по дну (у «Меркавы» нет оборудования для подводного вождения). Так что воевать в местности с мягкими болотистыми местами, обилием рек, слабыми мостами, в джунглях, на заснеженных полях Восточной Европы израильский танк практически не может. В танке из-за наличия сзади отделения для пехотинцев очень увеличен внутренний забронированный объем. Он в два раза превышает забронированный объем, например, российского Т-9 ˚С. Такой внутренний объем очень

сложно защитить от современных противотанковых средств поражения. Использование переднего привода гусеничного движителя излишне нагружает гусеницу и вынуждает выносить бортовые редукторы в переднюю часть машины. Поэтому взрыв на нижней лобовой детали, на гусенице или на земле под танком приводит к потере хода без пробития лобовой брони. Из-за больших размеров танка и специфики профиля (высокая башня и приземистое шасси) в танк относительно легко попасть. Как факт, ни одной машины за историю продано не было. И потом, вы должны понимать, что когда говорится «американский танк» или «российский танк», то под этим понимаются машины, практически полностью сделанные в этих странах. «Меркава» является израильским танком частично (на 70 процентов): например, двигатель сделан в США по лицензии немецкой фирмы MTU, трансмиссия используется немецкой фирмы Renk и т. д.

Вообще говоря, по мнению Игоря, страной, способной самостоятельно производить достаточную для современного боя военную технику, надо считать страну, производящую или способную производить двигатели внутреннего и внешнего сгорания и, соответственно, запчасти к ним. Двигатели нужны для самолетов, включая беспилотники, вертолетов, танков, всех других видов бронетанковой и саперной техники, военных автомобилей, кораблей, катеров, подводных лодок, мобильных роботов и пр. Стран, производящих двигатели, в мире не так много: США, Россия, Чехия, Румыния, Германия, Англия, Франция, Италия, Швеция, Финляндия, Южная Корея, Китай, Япония, Австралия и несколько других. Все остальные государства, включая Израиль, в какой-то мере зависимы.

В связи с этим нельзя не сказать еще несколько слов о случае с самолетом «Лави». Программа создания оригинального собственного боевого самолета «Лави» началась в феврале 1980 года, рабочее проектирование – в октябре 1982-го, первый опытный самолет впервые поднялся в воздух 31 декабря 1986 года, второй – 30 марта 1987-го. В 1990 году планировалась поставка 300 штук в войска. Сторонники производства самолета собственными силами использовали два генеральных передергивания. Одно из них состояло в том, что новый собственный израильский истребитель сделает Израиль самостоятельным в этой сфере, и мы не будем зависеть ни от какого импортера. Второе передергивание было типично для многих военных проектов. Выгода государства подменялась выгодой IAI (Israel Airspace Industry). В IAI над проектом в поте лица трудились три тысячи инженеров, включая сотню профессиональных иностранцев, были созданы специальные

лаборатории, серия испытательных стендов, была построена аэродинамическая труба, изготовлено и успешно испытано несколько опытных образцов. Параллельно обществу непрерывно внушали, что истребитель «Лави» лучший в мире самолет, что это главный национальный проект Израиля, что создание его – это «дело чести, славы, доблести и геройства» израильского народа и что нежелание американцев финансировать серийное производство обусловлено исключительно страхом перед конкуренцией с американским F-16. Надо сказать, что американцы предоставили на разработку «Лави» денежные субсидии в размере 1,8 миллиарда долларов.

Всё это, мягко говоря, правде не соответствовало. 40 процентов компонентов самолета «Лави», включая двигатель и крылья, делались в США. Как хорошо известно, двигатель является самой важной и сложной в разработке частью самолета, которую никак нельзя компенсировать самыми лучшими средствами авионики. Израиль заключил с 80 американскими фирмами, в том числе с такими, как «Грумман», «Лир Сиглер», «Пратт энд Уитни», более 150 контрактов общей стоимостью 800 миллионов долларов на разработку и производство отдельных узлов, агрегатов и систем самолета. Ну какая уж тут независимость.

Кроме того, «Лави» не был вовсе универсальным шедевром. Вот, например, слова израильского аса – бригадного генерала авиации в отставке Исраэля Бахарава: «„Лави“ называли „лучшим в мире самолетом“, но он таким вовсе не был. Для начала, он совершенно не отвечал ожиданиям. Изначально в него хотели включить новейшие технические системы, но в процессе создания они отпадали одна за другой, так как не были готовы к оперативному применению. Получился самолет, во всем уступавший F-16 – размер, дальность полета, полезная нагрузка. F-16 тем временем был усовершенствован, и „Лави“ никогда не сравнялся бы с ним».

Были, конечно, в стране и трезвые люди, которые понимали, что финансовые и кадровые вложения в серийное производство будут иметь катастрофические последствия для экономики страны в середине 1980-х. В результате, после семи лет и больших затрат (по большей части американских), было решено отказаться от производства «Лави» и брать самолеты F-15hF-16, поставляемые за счет финансовой помощи США. Естественно, что руководство IAI, поддержанное полчищами фалпатов, одурманенными многолетними разговорами энтузиастов об избавлении от зависимости от иностранных поставок, пыталось организовывать даже демонстрации протеста. Был подключен

сильный и многочисленный профсоюз IAI, функционеры которого разъясняли израильскому народу, что закрытие проекта приведет к ужасной безработице и краху всей израильской промышленности. Но правительство осталось непреклонным. Инженерные бригады, занятые проектом «Лави», частично перевели на другие проекты, частично уволили… Документацию разработок самолета законсервировали, прототип «Лави» перевезли в музей ВВС в Хацерим. Часть разработок продали в Китай. Китайцы привлекли российский ЦАГИ и создали истребитель «Ченду-ЛО» (ЛО).

Стоны по поводу невинно убиенного истребителя раздаются по сей день, как правило, в рамках общих рассуждений о вреде американской помощи Израилю вообще. Давайте на пальцах еще раз разберем, где тут конкретно происходит передергивание карт. Предположим, что каждый истребитель F-16 стоит 50 миллионов долларов – Израиль получает их в подарок. Он не тратит ни копейки из своего бюджета. Эти деньги целиком идут на государственные нужды: пенсии, дороги, больницы и пр. Теперь рассмотрим вариант производства собственного истребителя концерном авиационной промышленности, продаваемого государству за ту же цену. Госказна лишается 50 миллионов долларов, IAI получает прибыль в 5 процентов (2,5 миллиона долларов) и раздает ее своим сотрудникам, зарплата директора повышается еще на 5 тысяч шекелей. Да, исходя из годового производства, 25–50 штук IAI имеет дополнительно две тысячи рабочих мест. Но нам-то с вами, миллионам трудящихся, что толку от этого? И это касается любого вида изделия, получаемого в подарок от США. Всё как обычно: отказавшись от американской помощи, поставщики израильского ВПК, в которых работает несколько десятков тысяч работников, выиграют, а миллионы израильских трудящихся проиграют. Так что не слушайте болтунов и демагогов, требующих отказаться от американской помощи.

С 2006 года совместно израильским объединением Rafael и американской корпорацией Raytheon на средства преимущественно американского финансирования разрабатывалась система «Праща Давида» (David’s Sling). Система должна обеспечить защиту территории Израиля от ракет противника с дальностью стрельбы от 40 до 300 километров, став, таким образом, первым после «Железного купола» звеном противоракетной обороны. Система «Праща Давида» использует двухступенчатые противоракеты Stunner, имеющие дальность поражения до 75 километров, высоту поражения до 50 километров и достигающие скорости до 7,5 Маха.

В 1988 году израильская государственная компания «Авиационная промышленность Израиля» получила заказ на создание прототипа системы ПРО «Хец» («Стрела»), способной перехватывать ракеты, запущенные с расстояния до 3000 километров и летящие со скоростью до 4,5 М. Израиль и США согласились при этом делить расходы на разработку пополам, несмотря на то, что компания Lockheed Martin предлагала Израилю приобрести противоракетный комплекс THAAD (Theater High Altitude Area Defense). С американской стороны в проекте участвовал Lockheed Martin. Опытные образцы системы носили название «Хец-1», а серийные – «Хец-2».

«Хец-2» («Стрела-2») – это твердотопливная двухступенчатая противоракета вертикального пуска с отделяющейся самонаводящейся последней ступенью. Она в состоянии обеспечить построение противоракетной обороны на высотах 40–50 и 8—10 километров при дальности до 100–150 километров. Первая батарея была развернута 14 марта 2000 года. Ракета в состоянии перехватывать баллистические ракеты, запущенные с расстояния до 3000 километров и имеющие подлетную скорость до 4,5 М. Поражение цели происходит исключительно за счет прямого попадания, а не взрыва при пролете поблизости.

Далее в 2009 году началась работа IAI и Boeing по совместной разработке противоракетной обороны «Стрела-3» (Arrow-3). Каким будет распределение работ в израильском проекте, не уточняется. «Стрела-3» создавалась на базе «Стрелы-2», а главное ее отличие заключалось в том, что она не несет взрывчатки. Ракета поражает объект «тараном» в отличие от «Хец-2», уничтожающей цель взрывом и осколками.

«Хец-3» считается одной из наиболее передовых противоракетных систем. Она предназначена для перехвата баллистических целей за пределами атмосферы (100 километров) на расстоянии 400—3000 километров, при этом ее боевая часть способна маневрировать в погоне за целью. В начале 2017 года состоялась передача систем ПРО «Хец-3» на вооружение ВВС ЦАХАЛа.

После лекции профессора засыпали вопросами об оружии вообще и об израильском в частности, об израильской атомной бомбе, о стратегическом равновесии на Ближнем Востоке и в мире и т. п.

Что Игоря всегда поражало, так это неиссякаемое фалпатство некоторых изрусов, особенно немолодого возраста, в котором они зачастую превосходили местных граждан. Плевать они хотели на свою нищету, невостребованность, плохие жилищные условия и положение – их интересуют глобальные проблемы и

государственные вопросы. Советская закваска в них была неистребима, и как это объяснить – Игорь не знал. Он только знал одно: спорить и что-либо доказывать бесполезно. У него было только одно объяснение: эти люди хотели как-то оправдать для себя эмиграцию в Израиль и свой переход из среднего класса почти в люмпены. Во-первых, они все как один настаивали на существовании Великого Израиля от Нила до Евфрата. Правда, если местоположение Нила они более-менее представляли, то с Евфратом дело обстояло значительно хуже. Что касается вопроса, куда девать население на этих территориях, то тут всё, похоже, базировалось на идее, что население таинственным способом испарится. Самые продвинутые излагали известную теорию, что Иордания, Сирия, Саудовская Аравия и Ирак – страны несостоятельные и Израилю придется вводить туда войска для обеспечения демократии. К этому добавлялось и то, что население Израиля стремительно растет и надо обеспечить его территорией, а тут еще есть высокая вероятность найти потерянные колена. Всё это базировалось на вере в могущество израильской армии. Во-вторых, они свято верят израильским СМИ и глотают всех запущенных уток о неоспоримом экономическом и научно-техническом превосходстве Израиля над другими странами. В-третьих, они демонстрируют показную нетерпимость к внутренним врагам Израиля – к арабам и гражданам с левыми убеждениями. В-четвертых, они ярые сторонники обязательной службы харедим в армии. В-пятых, они крайне враждебно и пренебрежительно относятся к России и другим государствам СНГ.

Еще многие из них являются поборниками высокого иврита, без знания которого совершенно невозможно обходиться в соседнем магазине-маколете. Они засыпают ведущих различных передач по изучению иврита вопросами типа как будет на иврите: «Болтаться как говно в проруби» или «Морозной пылью серебрился его бобровый воротник…»

Дело, как всегда бывает в таких случаях, доходит до анекдота. Однажды Игорь встретил своего соседа – изруса и отчаянного фалпата Илью, пожилого интеллигентного человека, архитектора, который с тоски начал писать стихи для детей на иврите. Илья с бело-голубым блеском в глазах сообщил ему сногсшибательную новость:

– Вы знаете, я прочел новые подтверждения того, что очень многие слова (вдобавок к ранее указанным) в русском языке взяты из иврита. Например, «параша» произошла от слова «пэрэш» (выделение, помёт). А «шпана» – от слова «шафан» (кролик). А «сорванец» – от слова «сэрэв» (упрямство,

отнекивание). А «мусор» (про милиционера) – от «мосэр» (доносчик). И «орава» – от слова «эрэв» (смесь, сброд, сборище). А «мудак» – это «мудаг» (обеспокоенный).

– Потрясающе, я просто счастлив, особенно меня интересует слово «мудак». Это точно доказано?

– Совершенно точно! Не сомневайтесь!

Игорь старался не упускать случая подшутить над Ильей:

– Это что… Я вот намедни прочел, что установлена причина неприязни Ирана по отношению к Израилю. Как все знают, атаман Стенька Разин утопил свою законную жену, персидскую княжну, на второй день после свадьбы, бросив ее в «надлежащую» волну в Волге. Но в Иране только после свержения шаха узнали, что настоящее имя атамана было Сеня Ройзман и он был еврей по матери хазарке (хазары, как известно, были иудеями).

Причем многие из этих нынешних фалпатов занимали в СССР приличное положение в обществе, имели хорошее, практически бесплатное жилье, машины, ездили на курорты. Здесь они живут с чувством, что весь мир должен что-то Израилю и постоянно это что-то недодает.

Но тут надо различать природных фалпатов от фалпатов по долгу службы: в основном это изрусы – сотрудники разных СМИ (газет, радио, телевидения), а также изрусы – функционеры различных партий, обществ, некоммерческих организаций-амутот и пр. Конечно, в порыве демонстрации верноподданнических чувств они часто теряют чувство меры, но на это почти никто не обращает внимания.

Хотя бывает. Так, Игорю запомнился один журналист радио «Река», который, выступая по поводу своей недавней поездки в Германию, рассказывал о несчастных русскоязычных пенсионерах, умирающих от зависти к своим собратьям в Израиле. Тут один слушатель позвонил ему и спросил, известен хотя бы один факт, когда такой несчастный пенсионер переехал из Германии в Израиль. Такой случай в анналах никогда не был зарегистрирован. Или ведущий многих передач на так называемом израильском «Первом радио» ежедневно уговаривает слушателей, что стеклянного потолка в Израиле нет и что все иммигранты начала 1990-х давно уже обрели полное равенство с местными евреями. Кому не видна откровенная демагогия подобных заявлений?

Фактом является шум по поводу активной защиты танка от ракет и снарядов, представленной фирмой «Рафаэль» еще в 2006 году. Заговорили от этом после ливанской войны, страницы которой стали самыми мрачными в истории израильских бронетанковых частей. Израильские танки попали под огонь

российских ПТРК (противотанковый ракетный комплекс)«Фагот», «Конкурс», «Метис-М», «Корнет-Э», и самым неприятным для израильтян оказался «Вампир». Было подбито более 50 израильских машин. Это послужило толчком по внедрению систем активной защиты «Трофи» (в Израиле ее называют «Ветровкой»). Локатор засекает подлетающие к танку ракеты и передает сигнал на бортовой компьютер. Последний рассчитывает траекторию полета ракеты и дает команду маленьким снарядам вылетать и поражать приближающиеся боеприпасы на подлете. Естественно, система тут же была объявлена единственной и лучшей в мире и, главное, не имеющей аналогов.

Это было опять обычным израильским бахвальством, хотя бы потому, что в России уже в 1983 году подобная система была смонтирована на танке Т-55А, который стал первой в мире машиной с активной защитой. Комплекс выпускался шесть лет, но в 1990 году был снят с вооружения в связи с подписанием «Договора об обычных вооруженных силах в Европе». В конце 1980-х годов были созданы комплексы «Дрозд-2» и Арена», которые в силу экономических трудностей в серийное производство так и не пошли. Сегодня наиболее современным комплексом активной защиты российского производства является «Афганит», который был создан в 2010-х годах и появился на основном боевом танке Т-14 и БМП Т-15, построенных на унифицированной тяжелой гусеничной платформе «Армата». «Афганит» позволяет защитить танк от всех видов летящих боеприпасов в горизонтальной плоскости и сверху. В то же время у Trophy имеется серьезный недостаток – радиолокаторы обнаружения реактивных противотанковых ракет открыто установлены на башне танка и уязвимы для пуль и осколков снарядов.

А вот в чем Израиль действительно всех опередил, так это в разработке нашлемной системы наблюдения «Железное зрение» (Iron Vision) компании «Элбит» (Elbit), которая позволит членам экипажа «наблюдать» за обстановкой вне танка с помощью нескольких внешних видеокамер, не открывая при этом люка. Эта система была испытана в 2017 году.

Сегодня Израиль прочно входит в мировую десятку экспортеров оружия, поставляя в более чем сотню стран различные виды вооружений на сумму 3–7 миллиардов долларов в год. Наша страна не продает крупные системы вроде танков или самолетов, а специализируется на «мелком железе» и высокотехнологичных средствах обороны. Около 30 процентов продаж приходится на различные оперативно-тактические

ракетные комплексы (противотанковые и зенитные), около 20 процентов – на радары и средства радиоэлектронной борьбы, около 20 процентов – это авионика, средства связи и множество мелких позиций (дроны, информационные системы, приборы наблюдения и пр.).

В то же время Израиль входит в десятку крупнейших в мире импортеров оружия, что частично объясняется значительной американской финансовой помощью на военные нужды.

Однако надо заметить, что, при всех несомненных успехах израильских инженеров и рабочих и хорошем качестве производимых вооружений, никаких значительных нововведений в системы вооружений за историю Израиля сделано не было – речь идет о сравнительно небольших подвижках, никак не оправдывающих мифы о еврейско-израильской гениальности. Так было всегда. Например, один из первых мифов – пистолет-пулемет «Узи». Создатель «Узи» – молодой офицер Узиэль Галь, родившийся в Германии в 1923 году, где его звали Готхардом Глассом, – взял за базу чехословацкий пистолет-пулемет Sa vz 23 конструкции талантливого чешского конструктора Холечека. «Узи» быстро стал одним из наиболее массовых видов оружия в мире, он поставлялся в 90 стран, и сумма продаж составила 2,5 миллиарда долларов США.

В 1973 году в Израиле на вооружение была принята штурмовая винтовка конструкции Исраэля Галили (Балашникова). Она представляла собой доработанный финский автомат Valmet RK.62, который, в свою очередь, являлся лицензионной модификацией советского автомата Калашникова АК-47. Valmet продала необходимое оборудование, инструменты, чертежи и предоставила специалистов по пусконаладочным работам. Израильский пистолет Jericho-941 разработан на основе чешского пистолета CZ-75 братьев Коуцки, представленного в 1975 году.

В то же время история знает пример несравненно более высоких военно-технических достижений, сделанных в одной стране за очень короткое время. Речь идет о Германии, добившейся в период с 1920 по 1945 год величайшего технологического прорыва, когда были разработаны изделия, на которых долгие годы базировались ученые и инженеры во всем мире. И что-то никто не кричит о тевтонском гении. Наиболее впечатляют германские достижения в области ракетных технологий. Самыми известными образцами ракетного оружия являются первые в мире крылатая ракета «Фау-1» и баллистическая ракета «Фау-2», которые были доведены до серийного производства и применялись во время войны. 17

февраля 1943-го первый земной аппарат попал в космос (космос начинается с 70–80 километров, а по сегодняшним подходам – со 120 километров). Ракета «Фау-2» на испытаниях поднялась на высоту примерно 190 километров. И советское, и американское ракетостроение буквально выросло из этих ракет. И американские, и советские специалисты разбирали «Фау-2» по винтику, правда, американцам было легче – у них был Вернер фон Браун, главный немецкий ракетчик. Первая советская баллистическая ракета Р-1 (объект «Волга») представляла собой копию «Фау-2», с некоторой доработкой. На вооружение она была принята в ноябре 1950 года и десять лет находилась в эксплуатации. Первая американская ракета «Редстоун» практически полностью копировала конструкцию «Фау-2», но из-за внесенных изменений ее масса возросла до 26 тонн, а дальность полета – до 400 километров.

В январе 1945 года в Германии состоялся первый запуск ракеты по проекту «Америка». Двухступенчатая баллистическая ракета А-9/А-10 оснащалась жидкостно-реактивными двигателями, ее вес достигал 90 тонн, а длина составляла тридцать метров. Через семь секунд после запуска А-9/А-10 взорвалась в воздухе.

В 1939 году в воздух поднялся первый в мире реактивный самолет с турбореактивным мотором «Хейнкель Не-178», развивший скорость 750 километров в час. Многие сравнивают это историческое событие с полетом самолета братьев Райт. Под бомбежками союзной авиации немцы выпустили около двух тысяч реактивных самолетов, скорость которых достигала 900 километров в час. Самым знаменитым из них был поставленный на вооружение в июле 1944 года «Мессершмитт Ме-262», имевший стреловидное крыло и близкий к треугольному в сечении фюзеляж, что делало его похожим на современные самолеты. Были запущены в серийное производство реактивный истребитель «Хейнкель Не-162» и реактивный бомбардировщик «Арадо Аг-234». Еще в 1940 году профессор Александр Липпиш создал уникальный самолет-перехватчик «Мессершмитт Комет Ме-163». Истребитель был выполнен по схеме «бесхвостка» со стреловидным крылом и развивал скорость 955 километров в час.

Немецкие двигатели «Юмо-004В» и BMW-003 серийно производились в СССР, и ими были оснащены первые советские серийные реактивные истребители Як-15 и МиГ-9. У союзников главной «реактивной» страной была Великобритания, где за период войны было выпущено около 200 реактивных «Метеоров».

В 1944 году совершил свой первый полет реактивный бомбардировщик – летающее крыло Horten Ho-229. Он

поднимался на высоту до 15 тысяч метров и летал со скоростью более 600 километров в час. К тому моменту он являлся первым и единственным малозаметным самолетом в мире. В ходе третьего вылета один из двигателей загорелся, и Horten разбился. Разрабатывался проект высотного бомбардировщика «Зильберфогель», который бы позволял осуществлять бомбардировку наземных целей на территории США. Этот самолет был частично-орбитальным бомбардировщиком, то есть выходящим практически в космическое пространство.

Немцы первыми начали разработку самолетов с вертикальным взлетом. Проекты не были доведены до опытных образцов, однако документация была захвачена союзниками и использована при разработке подобных машин после войны. В Германии были построены первые в мире серийные суда на подводных крыльях. Флоту в 1940 году были поставлены первые шесть катеров на подводных крыльях.

Впервые в мире в Германии в период 1943–1945 годов была создана зенитная управляемая ракета класса «земля – воздух» «Вас-серфаль» («Водопад»). Ее вес составлял около 4 тонн, и она поражала цели на высоте до 20 километров со скоростью почти 800 метров в секунду и при этом меняла направление своего движения. Управлялась ракета по радио. В марте 1945 года испытания подтвердили боеспособность «Вассерфаля», однако развернуть полномасштабную систему ПВО с использованием управляемых зенитных ракет немцы просто не успели. По мнению многих немецких специалистов, «Вас-серфаль» была единственным оружием, которое реально могло изменить ход войны. Не надо говорить о роли зенитных ракет «земля – воздух» в современном мире.

Также в Германии создали прообраз современных планирующих бомб – управляемую бомбу «Фриц-Х» (SD-1400). Первые испытания бомбы провели в Италии в 1942 году. Еще в 1934 году была начата разработка боевого лазера, предназначенного для ослепления летчиков противника. Работа над этим устройством была завершена за неделю до конца войны…

Были разработаны сверхтяжелые пушки «Дора» и «Густав». Такая пушка весила около 100 тонн, устанавливалась на специальную железнодорожную платформу и стреляла на расстояние 45 километров. Снаряд такой пушки весил около шести тонн. За Вторую мировую войну эти пушки применялись всего несколько раз, в частности на Восточном фронте против Советского Союза (например, в 1942 году при осаде Севастополя). Было спроектировано и построено оригинальное артиллерийское

орудие. Снаряд по мере продвижения в стволе пушки разгонялся последовательной серией взрывов в боковых камерах. Длина ствола составляла 140 метров, боковых камер было несколько десятков. Испытание прототипа этой пушки калибром 20 миллиметров, состоявшееся в мае 1943 года, прошло успешно. Тогда Гитлер приказал построить батарею из пяти пушек на берегу пролива Ла-Манш, откуда до Лондона было «всего» 165 километров. К лету 1944 года, когда батарея была уже почти готова, ее разбомбила союзная авиация.

Была создана управляемая противокорабельная ракета Henschel Hs-293. Ракета запускалась с самолетов с высоты в полтора километра, управлялась по радио и могла пролететь расстояние до 12 километров. Боевое использование этих ракет началось в августе 1943 года. Первая в мире противотанковая управляемая ракета X-7 Rotkappchen («Красная шапочка») также была создана в Германии в 1944 году. Оператор управлял ракетой по проводам, вручную наводя ее на цель. Впоследствии законодатели послевоенной моды на ПТУРы французы разработали свою первую противотанковую ракету SS-10 (Nord-5203) в 1948 году на базе немецкой документации. Настоящим открытием было создание в 1942 году принципиально нового противотанкового ручного оружия «Фаустпатрон» – без отдачи при выстреле. Немецкая зенитная 88-миллиметровая пушка с начальной скоростью снаряда 1000 метров в секунду стала для того времени непревзойденным достижением артиллерийской техники. Одновременно являлась прекрасным противотанковым средством, единственным на начало войны орудием, способным прямым выстрелом на дистанции в один километр расстреливать советские танки Т-34 и КВ.

Немецкие подводные лодки могли нести на борту такой запас топлива, который позволял им плавать без дозаправки на расстояние до 8,5 тысячи миль, что в то время считалось невероятным. На их борту находились «самонаводящиеся электрические торпеды». Эти торпеды при движении не оставляли на воде характерных пузырьков, что затрудняло обнаружение торпедной атаки.

В германских войсках появились приборы ночного видения.

В Германии появился первый в мире единый пулемет MG-34 и MG-42. До этого во всех странах производились пулеметы ручные, станковые, зенитные, авиационные, танковые и пр. Что касается его достоинств, то достаточно сказать, что им вооружены до сих пор шесть армий мира, в том числе Бундесвер.

Танк PzKpfw III в начале 1930-х годов был первым в мире танком с торсионной подвеской опорных катков. В СССР только в

1941 году появился Т-34, а в США первый танк с подобной подвеской был создан в 1944 году (M24 Chaffee).

Германия была первой страной, создавшей оборудование для подводного вождения танков. Танк PzKpfw III стал массовой машиной, способной двигаться под водой.

Был поставлен на вооружение лучший в мире пистолет-пулемет МР-38 и его модификация МР-40. Им вооружали танкистов, водителей и десантников. С легкой руки советских киношников его стали называть «шмайсером», хотя Хуго Шмайсер к его созданию не был причастен. А вот к чему Шмайсер был причастен, так это к созданию первого в мире настоящего автомата, или, как это называют на Западе, штурмовой винтовки («Штурмгевер» StG 44). Она стала первым массовым образцом оружия совершенно нового класса – автомата, а не пистолет-пулемета, и оказала влияние на создание всех последующих разработок, включая автомат Калашникова и др. Для StG 44 был разработан первый в мире инфракрасный прицел ночного видения.

Он состоял из прицела (весом 2,25 килограмма) и аккумуляторной батареи (13,5 килограмма), которую носили отдельно. В июле 1944 года командованию Вермахта был показан автомат (штурмовая винтовка) МР-43 со стволом кривизной 90 градусов. Прицельные приспособления нового устройства включали перископическо-зеркальную систему линз, которая позволила стрелку вести прицельный огонь из-за угла.

Обратите внимание на нынешние публикации о якобы пионерной американо-израильской разработке – винтовке Corner Shot, стреляющей из-за угла.

Немецкая промышленность производила наземную гусеничную самоходную мину – гусеничную маленькую танкетку без экипажа «Голиаф», управляемую по проводам.

Как стало известно, немцы в конце войны имели в различных стадиях производства и разработки 138 типов управляемых на расстоянии снарядов с системами управления по радио, проводам, направленным электромагнитным волнам, звуку, инфракрасным лучам и т. д.

По насыщенности радиоприемниками Германия занимала первое место в мире. В 1939 году в продажу поступили телевизоры для массового зрителя. Они имели экран 19,5 на 22,5 сантиметра.

Огромные успехи были достигнуты в деле производства синтетического жидкого топлива, синтетического каучука, искусственных тканей, медикаментов и красок. В годы Второй мировой в фашистской Германии данный метод для синтеза

дизельного топлива применялся на восьми заводах, которые давали примерно 600 тысяч тонн дизтоплива в год. Синтетическое авиатопливо, которое производилось по методу Фишера – Тропа, на 84,5 процента покрывало все потребности авиации в военные годы. 100 процентов обогащенной азотной кислоты, которая была необходима для выпуска всех военных взрывчатых веществ, 99 процентов каучука и метанола и 85 процентов моторного топлива синтезировались в Германии из угля.

Вот такими достижениями можно действительно хвастаться. А хвастаемся мы. Например, один бравый израильский генерал, Иоав Мордехай, заявил недавно следующее:

– Израильская гениальность и еврейская изобретательность помогали и помогают находить решения проблем. У нас есть «Железный купол», защищающий от ракет, такой же «Железный купол» у нас имеется под землей…

Кончилось это сооружением элементарной подземной стены длиной 20 километров.

Говоря об Израиле, невозможно не рассмотреть такой факт, как израильская армия ЦАХАЛ, которая давно стала государством в государстве. Один российский писатель серебряного века сказал: «У евреев есть всего один недостаток – они никогда не могут вовремя остановиться».

Культ армии в Израиле не знает границ и никак не заканчивается. Хотя уже пора бы. В Израиле часто и охотно (естественно, без ссылки на первоисточник) цитируют в отношении Израиля слова графа Мирабо, сказанные более двухсот лет назад по поводу Пруссии: «Это не государство, у которого есть армия, а армия, у которой есть государство».

Израиль, наверное, последняя цивилизованная страна в мире, в которой действует лозунг кайзеровского рейха «Солдаты – лучшие люди в государстве».

Устойчивый и правдивый миф о непобедимости ЦАХАЛа возник после Шестидневной войны. Быстрая и убедительная победа создала мощнейший ореол победоносности армии Израиля и была событием, перевернувшим национально-государственное мировоззрение. В результате многие израильские граждане были всерьез убеждены, что Израиль имеет лучшую в мире армию, которую нельзя победить в принципе. Так продолжалось до войны Судного дня 1973 года, которая вызвала глубокое потрясение в народе и подорвала его уверенность в себе в гораздо большей степени, чем это оправдывалось ее объективными результатами, ведь Израиль в конечном счете победил. Однако арабы празднуют эту проигранную ими в чисто

военном плане войну как победу, и для этого есть некоторые основания – морально они как бы победили – профессору пришлось даже посетить в Каире музей и парк Победы над Израилем. А вот затем последовали войны с некими полупобедами, а фактически неуспехами, поскольку цели войн (если они, конечно, были) так и не были достигнуты. Эти войны заканчивались исключительно по желанию противника.

Народная израильская армия, существование которой в действующем формате имело ранее глубокий смысл, вот уже как лет тридцать этот смысл потеряла. ЦАХАЛ превратился в громоздкое, плохо контролируемое ополчение, выполняющее наряду с главной задачей – оборона страны – ряд побочных функций, включая полицейские, воспитательные, культурные, социальные и пр.

Начнем с Ливана в 2000 году. 24 мая Израиль объявил, что он выведет все войска из Южного Ливана, и израильские войска покинули Ливан к концу следующего дня, более чем за шесть недель до установленного предельного срока 7 июля. Этот замечательный вывод, правда, имел все признаки поражения. Израиль бросил на произвол судьбы южноливанских союзников и панически отступил, бросая технику и боеприпасы. Ясное дело, проверка Генерального штаба тут же установила, что «эвакуация подразделений ЦАХАЛа была тщательно спланирована и подготовлена во всех своих деталях». А вот Башар Асад по этому поводу заявил: «Бегство сионистской армии из Ливана было представлено израильтянами как результат принятого ими одностороннего решения, но в действительности оно явилось плодом поражения на поле боя». Многие израильтяне тоже так считают.

Вторая ливанская война не прибавила славы доблестному ЦАХАЛу. За годы, предшествующие этой войне, израильтяне привыкли воевать с толпой арабов, вооруженных максимум автоматами. А тут они встретили профессиональных солдат, вооруженных современным оружием, включая противотанковые средства борьбы. Предвоенные заявления израильских генералов, что «Хезболла» будет ликвидирована за пару дней, кончились тем, что если в начале войны на наши северные территории падало полсотни ракет в день, то перед окончанием войны их уже было более двухсот. Потери Израиля во Второй ливанской войне составили 170 человек убитыми, в том числе более 120 солдат и офицеров, и около 2,5 тысячи ранеными. Число погибших боевиков «Хезболлы», в зависимости от источников, варьируется от 250 до более 700. Были подбиты 50 танков «Меркава», погибло 30 танкистов. Потери в авиации составили: один F-16I и еще

четыре самолета. Кроме того, были сбиты четыре беспилотника. Регулярной израильской армии общей численностью около 30 тысяч человек, из которых 10 тысяч солдат составляли ударные части, противостояло 3–5 тысяч боевиков «Хезболлы». Про подавляющее превосходство израильтян в воздухе мы уже и не говорим. Как весьма справедливо указывали зарубежные источники, ЦАХАЛ в глазах арабов смотрелся громоздкой неповоротливой армией, которая не может противодействовать мобильным силам «Хезболлы». Впервые за всю историю арабо-израильского конфликта израильская армия, не добившись конечного результата, отступила, понеся значительные потери. В результате этой войны стало совершенно ясно, что одними ВВС партизанскую войну не выиграть и что в такой войне большую роль играют простые и надежные виды вооружений.

Поехали дальше. А дальше с разрывом в несколько лет три войны в секторе Газа: «Литой свинец» (2008), «Облачный столб» (2012) и «Нерушимая скала» (2014). Все эти войны нельзя считать победными потому, что противник не получил удар, лишивший его способности воевать дальше. ХАМАС уцелел, а его главари не были уничтожены. Если хотите, тут уж можно считать, что если одна из сильнейших армий в мире, вооруженная до зубов, не может бесповоротно одолеть кучку партизан, плохо обученных и вооруженных в целом, то партизаны победили.

В процессе двух последних войн была обнаружена полная неготовность ЦАХАЛа к тоннельной войне. Как доблестные израильские разведки не подняли шум по поводу потенциальной тоннельной войны, которая готовилась палестинцами в течение почти десяти лет? Как это могло быть и после похищения Гилада Шалита?

Коммент-эр: восемь палестинских боевиков 25 июня 2006 года проникли на территорию Израиля по тоннелю, который заканчивался в трехстах метрах от границы уже в Израиле. Они напали на отдельно стоящий танк «Меркава», убили трех членов экипажа и захватили в плен Гилада Шалита. В конце 2011 года его обменяли на 1027 палестинских заключенных, включая множество профессиональных боевиков. Шалит стал национальным героем, хотя, по сути дела, его надо было судить за преступную халатность, неисполнение уставов и воинского долга.

Госконтролер Израиля пишет: «Военнослужащие, действовавшие в секторе Газа в ходе операции „Нерушимая скала“, не имели достаточной подготовки к отражению угрозы тоннелей, а также не имели необходимых боеприпасов, которые

не были разработаны… штаб сухопутных войск не готовил и не снаряжал соответствующим образом подразделения пехоты, а также силы целевого назначения по борьбе с тоннелями и танковые соединения. Это привело к тому, что военнослужащие противостояли данной угрозе, не пройдя основательной подготовки».

Много лет израильские ВВС не воевали с реальным противником. Они бомбили и бомбят гражданские структуры и партизанские объединения, не имеющие средств противовоздушной обороны.

А взять такие доблестные деяния, как нападение на турецкое судно «Мави Мармара», когда было убито девять пассажиров и более тридцати ранено. Грубо говоря, нападение на иностранное судно в нейтральных водах (65 километров от израильского берега) и чрезмерное применение силы, вылившееся в убийство девяти невооруженных человек, по международному праву является пиратством. В докладе генерал-майора израильской армии в отставке Гиора Эйланда, представленном военному командованию Израиля, прямо сказано, что в ходе подготовки операции «были допущены ошибки, в том числе на сравнительно высоком уровне».

Нескоординированность, келейность и преобладание личных амбиций над интересами дела наблюдались, как следует из отчета Гос-контролера, на всех уровнях. В июле 2018 года один из видных израильских офицеров, полковник Алон Маданес опубликовал документ, содержащий следующие тезисы:

в армии не поощряется критика и высказывание собственного мнения, что парализует даже высокопоставленных офицеров Генштаба;

многие решения принимаются без профессиональной оценки ситуации и на основе единственного мнения, зачастую низших офицеров, не имеющих всех деталей ситуации;

любимое детище начальника Генштаба Айзенкота – многолетняя программа переустройства армии «Гидеон» – страдает множественными просчетами и погоней за слишком многочисленными изменениями, приводящими к тому, что в итоге многие поставленные цели не достигаются;

главные качества ЦАХАЛа – моральные устои и принципы – зачастую нарушаются из-за пренебрежения дисциплиной и просто неуважения к этим самым нормам, приводя зачастую к неоправданному риску для жизни как солдат, так и гражданских;

в армии процветает скрытая коррупция, от поблажек по службе «по знакомству» до разбазаривания средств и бюджетов – от ремонта канцелярий до ненужных, но дорогостоящих проектов.

Профессор всегда удивлялся, как могут израильтяне думать, что в сплошь коррумпированной стране армия остается совершенно белой и пушистой. Разве так бывает? Поскольку большинство израильских генералов планируют стать начальниками Генштаба, а потом министрами и премьер-министрами, они предпринимают все усилия, чтобы избегать военного противостояния с противником или как можно быстрей прекратить его. Иначе ведь может сложиться ситуация, когда они станут объектом критики в случае военных неудач. Профессор редко читал или слышал о доблестных деяниях израильских офицеров в вышеперечисленных войнах. Упор всегда делался на храбрость рядового состава. В этих случаях ему всегда вспоминались слова мамаши Кураж: «Если нашим генералам нужны смелые солдаты, то это значит, что война проиграна».

Коммент-эр: героиня пьесы Б. Брехта «Мамаша Кураж и ее дети», написанной в 1938–1939 годах. В пьесе описываются события Тридцатилетней войны (1618–1648) между двумя группировками сильнейших европейских государств (Австрия и Испания с одной стороны и Голландия, Дания, Россия, Франция и Швеция с другой стороны). Маркитантка Анна Фирлинг, по прозвищу мамаша Кураж, колесит по дорогам войны на своей повозке, продавая солдатам и офицерам различные товары. У нее сложный характер: она жестока и неумолима и в то же время добра. Только одно чувство остается у нее неизменным: приверженность к кибитке с товаром.

Касательно офицеров ЦАХАЛа как-то принято писать, что они всегда идут в бой впереди своих солдат, лично показывая им пример. Отдавая дань их мужеству и самоотверженности, позволительно спросить: а хорошо ли это? У офицеров другая функция в бою – организовывать правильную тактику боя, а не скакать на белом коне с шашкой наголо впереди эскадрона. Может, не напрасно Государственный контролер в своем докладе, который был опубликован в декабре 2006 года, писал: «Мало того, что значительная часть старшего командного состава ЦАХАЛа, начиная со звания подполковника и выше, не проходит обязывающую их положение подготовку, но даже те, кто успешно ее заканчивают, не приобретают достаточных инструментов для выполнения своих функций. Эта ситуация создает реальность, в которой старшие офицеры не имеют общего и ясного профессионального языка, необходимого для командования крупными группировками ЦАХАЛа в повседневных и чрезвычайных ситуациях».

Армия давно, по сути дела, выполняет только полицейские функции. Дорого обходится Израилю это народное ополчение в плане обороноспособности, экономики и внутренней политики. В условиях локальных конфликтов эффективность армии зависит от профессионализма, а численность серьезной роли не играет. Профессиональная армия будет намного эффективнее и устранит множество надуманных внутренних проблем, ведущих к расслоению и без того расслоенного общества. Израиль уже подобно подавляющему большинству цивилизованных стран вполне может перейти к профессиональной армии с совершенной системой резерва. Этому, естественно, противятся многочисленные интересанты, которые пудрят мозги гражданам с повальным призывом всех в армию, включая крайне левых, харедим, арабов, российских чукчей и женщин. Вот-де призовем всех, и будет хорошо – исчезнет преступность, мошенничество, бедность и скудность израильской транспортной системы. Они разжигают вокруг этого политические страсти и отвлекают народ от действительных проблем. Они хотят сохранить армию как отживший институт социального положения: служил в армии – приходи к нам на работу Не служил – извини! Политические партии едут в рай на этой лошадке, навязывая вопрос о службе харедим в армии перед каждыми выборами. Эксплуатируется миф, что без обязательного призыва Израиль не выживет. Заложниками этого мифа являются многие политики и военные, которые принимают те ли иные решения не потому, что этого требует жизнь, а чтобы угодить интересантам.

А всего лишь нужно снять с армии воспитательную, культурную, образовательную и пропагандистскую функции (армейские ульпаны, служба солдаток в качестве помощников учителей, журналы и радиостанции и т. п.), возложив эти задачи на гражданские службы, которые очень плохо этим занимаются. Армия переполнена ответственными за образование, культуру, абсорбцию, возвращение к иудаизму (гиюры), международные связи, секретарями и другими им подобными военными.

Профессиональная армия будет намного эффективнее. Многие видные израильские офицеры выступают с такой идеей, но их тут же забрасывают шапками. Стран, в которых остается призывная армия, в настоящее время немного. В Европе: Швейцария, Австрия, Греция, Норвегия, Дания, Эстония и Литва. ФРГ отменила призыв в 2011 году, Великобритания в 1960 году, Франция в 1996 году, Испания в 2001 году, Италия в 2006 году и Польша в 2008 году. Ссылки на специфику Израиля – сегодня вымысел. Очень укрепит ЦАХАЛ призыв харедим? Можно себе представить, как они будут служить вопреки своей воле и своим

убеждениям. Только пополнят ряды и без того раздутой армии. Армии они абсолютно не нужны, их призыв повлечет только дополнительные расходы и ослабление армии в целом. Хорошим примером является альтернативная служба. Обман и коррупция там просто расцветают. Солдат получает от государства 2400 шекелей в месяц и половину отдает начальству. Государству эта имитация видимости альтернативной службы обходится в 30 миллионов шекелей в год.

Такая же липа и призыв женщин в нынешнюю армию. Это решение было принято аж в 1950 году с целью обеспечить армию дополнительной рабочей силой. Сейчас это нисколько не нужно и является только обузой. Вместо призывных женщин надо набирать женщин-добровольцев, часть из которых будет носить форму, а часть нет. Профессор всегда удивлялся, почему в армии до сих пор не открыли ясли и детские сады. Тогда можно было бы брать в армию замужних женщин и матерей-одиночек, которых так армии не хватает.

Профессиональная армия позволит военнослужащим глубоко осваивать сложные технологичные новинки, освободит рабочие руки для промышленности, в которых она очень нуждается, освободит потенциал талантливой молодежи для учебы и исключит миграцию полчищ юношей и девушек, таскающихся по стране с гигантскими рюкзаками и автоматами за спиной. Хождение по ресторанам и кинотеатрам с автоматами приводит к безалаберному хранению оружия. Вот что говорит по этому поводу вездесущий Яков Кедми: «Огромное количество автоматов просто воруют. Солдаты продают его как уголовным элементам, так и террористам. У нас в этом отношении один из самых отрицательных показателей. Такого халатного отношения к личному оружию я не встречал нигде, и, несмотря на все попытки навести порядок, это продолжается до сих пор».

Ранняя служба на длительное время отнимает потенциал талантливой молодежи во имя выполнения несвойственных армии задач. Еще в начале 1990-х годов начальник Генштаба Эхуд Барак говорил, что «нам необходима маленькая умная армия. Все, кто не стреляют, должны покинуть ее ряды». В 2013 году глава Генштаба Бени Ганц тоже подчеркивал необходимость «маленькой умной армии» в мирное время.

К сожалению, большая часть израильского общества видит в армии единственную структуру, способную справиться с выполнением множества стоящих перед обществом задач, и стремится возложить на армию как можно больше проблем, поскольку правительство их не разрешает.

Великие войны ушли в прошлое и Израилю не угрожают. Для

разгона сотни палестинцев можно создать что-то вроде корпуса жандармерии и освободить от этого армию. Если мы уж взяли у Франции атомное оружие и ракеты, почему бы нам не взять жандармерию? Или ввести казачьи соединения на бронетранспортерах, а кое-где и на конях, организованные на принципах казачьих войск в царской России, – это была очень эффективная структура. Еврейские казаки – чем плохо! Тем более что появились новейшие исследования, показывающие, что предками казаков были хазары – иудеи, а в Тель-Авиве создано казацкое землячество.

Из-за раннего ухода на пенсию (42–45 лет) страна наводнена бывшими генералами и полковниками, которые нуждаются в непыльной денежной начальственной работе. Молодые генералы подаются в политику, становятся свадебными генералами в различных партиях и затем прорываются в министры. Ну а отставные начальники Генерального штаба все как один устремляются в премьер-министры. Между тем в большинстве случаев высокопоставленные офицеры не вписываются в нормальное функционирование политических систем. Армия действует на основе строгой вертикали власти, в то время как в гражданском демократическом обществе любая инициатива сверху обсуждается на всех уровнях. Поэтому в западных странах генералы становятся премьер-министрами или даже министрами крайне редко. Единственная цивилизованная страна-исключение – это Израиль. Тут любят выдвигать генералов в политики, поскольку доверие к гражданским политикам у народа крайне низкое и никакой другой альтернативы у израильского избирателя нет. Но даже на фоне безуспешных гражданских правителей деятельность таких бывших военных, как Даян, Рабин, Барак, Шарон, Ашкенази, Аялон и др., выглядит как совершенно черные периоды в жизни страны. Однако израильтяне раз за разом выдвигают на политическую арену бывших генералов, на что-то надеясь.

Всё это сильно напоминает ответ ереванского радио на вопрос «Как осуществляется онанизм по системе йогов?» – «Йог кладет член на наковальню и бьет по нему молотком. Удовольствие получает, когда случайно не попадает».

Миллионы израильтян надеются, что в этот раз они уж, наверное, не «попадут» и новый генерал не подкачает. Вероятность, как и у йогов, близка к нулю. Конечно, на политическую арену выходят не все. Остальные генералы и полковники довольствуются должностями руководителей государственных и частных компаний и деятельностью в международной торговле оружием. Конечно, далеко не все из них

обладают необходимыми качествами для какой-либо гражданской руководящей деятельности. Однажды профессор, будучи в министерстве инфраструктур, случайно подслушал разговор двух сотрудников. Первый спрашивает: «Слушай, Хаим, почему вы не боретесь за то, чтобы ваш отдел превратился в управление? У вас уже много народа, большая тематика и прочее». Второй отвечает: «Да ты что! Ни в коем случае. Тут же пришлют генерала и всему конец…»

Чуть ли не половина военного бюджета расходуется на выплату пенсий, которые получают не только боевые офицеры, но и персонал, чья работа в основном носит гражданский характер.

Конечно, содержание великой армии было бы крайне затруднительным без иностранных денежных вливаний. Вы только вдумайтесь в те цифры, которые я вам сейчас покажу (всё округлённо и в пересчете на сегодняшние курсы). После образования Израиля США выплатили Израилю 151 миллиард долларов (не считая программы помощи 2019–2029 годов). От Германии Израиль получил после войны 60 миллиардов долларов. Еще полтора миллиарда долларов приходит ежегодно в Израиль от частных жертвователей, за последние 30 лет это составило более 50 миллиардов долларов.

Германские поставки были решающим фактором экономического подъема Израиля на протяжении многих лет.

Многие ломают голову над тем, почему Израиль скрывает очевидную вещь – наличие у него ядерного оружия. А ларчик открывается просто: в США закон запрещает предоставление экономической помощи любому государству, имеющему ядерное оружие. Поэтому Израиль и придерживается принятой формы существования у него атомных боеприпасов.

Сосчитать огромное количество пожертвований Израилю от зарубежных частных лиц, общественных организаций, фондов, государств и межгосударственных образований весьма сложно. Серьезные пожертвования делают Израилю американские евангелисты, Вспоминаются популярные анекдоты об американских евреях, которые, слыша, как их окликают на иврите, достают бумажники.

Вы ведь бываете в больницах и видите таблички с именами жертвователей на многих больничных корпусах. Точно так же выглядят израильские университеты. Израильский Университет имени Бен-Гуриона стал счастливым обладателем самого крупного денежного пожертвования за всю историю Израиля. Например, в 2015 году супруги из Калифорнии Говард и Лоти Маркус завещали Техниону 400 миллионов долларов. Уместно вспомнить, что начиная с 1992 года (после гайдаровских реформ,

предоставивших гражданам возможность выкупать и продавать квартиры) многие репатрианты из бывшего СССР приезжали в Израиль отнюдь не с сотней долларов в кармане, а привозили солидные суммы, вырученные за проданные квартиры и прочее имущество. Сумма таких «привозов», по экспертной оценке, составляла около миллиарда долларов в год. Значительная часть всех вышеуказанных средств была тут же перекачана в карманы израильтян как плата за жилье. Считается, что на этом заработало около четверти израильских семей.

Огромные доходы в течение 1990–2010 годов дала Израилю эксплуатация эмигрантов из СНГ. Например, при оплате репатриантского труда по средним ставкам для каждой из основных профессиональных групп часовой заработок репатриантов в 2001 году должен был быть на 6,6 шекеля в час выше фактического. В пересчете на общую численность работающих репатриантов в год получается сумма, превышающая 4 миллиарда шекелей. Сегодня средняя заработная плата у еврея – уроженца страны равна 7766 шекелям, у изруса – 5317 шекелям.

Теперь давайте сравним это с «планом Маршалла» по послевоенному восстановлению Европы, который охватывал 16 европейских стран, включая Францию, Великобританию, Западную Германию, Италию, Турцию, Австрию, Грецию и др., с общим населением примерно 200 миллионов человек. Общая сумма ассигнований по «плану Маршалла» составила около 13 миллиардов долларов (1948 год), что в нынешних ценах составляет около 150 миллиардов долларов.

В следующие десять лет (2019–2029) США будут выплачивать Израилю по 3,8 миллиарда в год. Американский налогоплательщик оплачивает 20–25 процентов оборонных нужд Израиля. Беспрецедентная ситуация, что четверть из 3,8 миллиарда долларов гарантированной ежегодной помощи разрешается потратить в Израиле для заказов израильским фирмам.

Дополнительно Конгресс выделяет средства на разработку противоракетной обороны. Вся широко разрекламированная трехуровневая система (без первого уровня «Железный купол», о котором уже говорилось) строилась при частичном американском финансировании и техническом участии ведущих американских аэрокосмических корпораций. Процитируем слова министра обороны Либермана (2014–2018), сказанные в конце 2018 года: «Я благодарю нашего великого друга США за то, что на сегодня они вложили в защиту израильского неба 6,5 миллиарда долларов», они пойдут на массовое производство ракет для трехслойной противоракетной обороны Израиля – для „Железного купола“,

„Пращи Давида“ и „Хец-3“, а также на дальнейшее развитие этих систем».

Не надо также забывать, что американцы организовали на территории Израиля несколько баз, где хранится самое современное оружие на сумму до полутора миллиардов долларов, которое Израиль сможет использовать в случае необходимости.

Германия после распада ОВД в 1990 году предоставила Израилю советские системы оружия со складов Национальной народной армии бывшей ГДР, включая истребитель МиГ-29 вместе с РЛС и различными ракетами класса «воздух – воздух», запчасти для танков Т-72, массу стрелкового оружия. Полученная информация помогла Израилю в проектировании танков Merkava, средств защиты самолетов, а также ракет «воздух – воздух».

Из пяти немецких подводных лодок, стоящих на вооружении ВМС Израиля, два первых судна – это просто подарок, стоимость третьей немцы и израильтяне разделили пополам, за четвертую и пятую израильтяне заплатили две трети стоимости, треть опять добавила Германия. Стоимость каждой такой лодки около полумиллиарда долларов. Это самые современные подводные неатомные суда, оснащенные воздухонезависимой силовой установкой на водородных топливных элементах. Такие лодки делаются всего в нескольких странах мира. Затем началась программа строительства надводных судов для Израиля. Общая сумма помощи Израилю в этой программе в итоге составит один миллиард евро. «Я хотел бы поблагодарить канцлера Германии Ангелу Меркель за ее приверженность нашей безопасности и постоянную помощь в ее укреплении», – сказал Нетаниягу.

Израиль в пересчете на душу населения получил извне просто чудовищные деньги, особенно если учесть, что атомное оружие Израиля было сделано полностью на иностранные пожертвования. На такие деньги можно было построить в Израиле общество всеобщего благоденствия почище норвежского, а что мы видим в реальности? Не зря наиболее распространенные определения существа Израиля выглядят примерно так: «Израиль – это огромная, идеально отлаженная машина по изъятию у собственного населения, евреев всего мира, а также сочувствующих стран и сообществ (например, евангелистов) материальных ценностей (кто вносит деньгами, кто подводными лодками, кто трудом за пониженную зарплату и т. п.) с последующим распределением этих ценностей среди „правильных“ евреев».

Правильные евреи в Израиле живут хорошо. Официальный разрыв в доходах 10 процентов самых богатых и 10 процентов самых бедных – 16 раз. Фактический гораздо больше. Предельно

допустимым для национальной безопасности уровнем считается 10 раз. Кроме пропасти между небольшой частью миллионеров и другими гражданами, существует разрыв между двумя большими частями населения. Первая часть (25–30 процентов – сотрудники сферы хайтека, служащие компаний типа «Хеврат Хашмаль», «Мекорот», «Таасия Авирит», израильских портов и др.) живет по высоким европейским стандартам – зарплата выше 20 тысяч в месяц, вилла или большая хорошая квартира, каждый год отдых за границей и т. п. Вторая часть израильского общества живет плохо – зарплата 4–6 тысяч в месяц, съемная или собственная квартира в старых домах, минимальный отпуск 10–12 рабочих дней и пр.

Существенным фактом израильской жизни является тотальная коррупция, органически встроенная в восточно-местечковый образ жизни. Всё в стране способствует коррупции и воровству: мораль, заточенная под наживу, теплое отношение к прохиндеям, особенно из своей касты, кумовство, отрыв правящей прослойки от народа, лживость политиков и СМИ, неистребимое желание не быть фраером. Получение благ через родственные, служебные, этнические, профессиональные и прочие связи, перманентный обмен взаимными услугами – норма израильской жизни. Власть в стране коррумпирована от верха до низа. В коррупционных скандалах были замешаны и осуждены премьеры и президенты, признаны виновными и осуждены министры. Да что уж там далеко ходить – под следствием находится главный раввин Израиля, а ультраортодоксальная партия ШАС – устойчивый чемпион по разного рода судимостям своих членов. На муниципальном уровне царит тотальное воровство. Крайне сложно вообще найти мэра, в отношении которого не ведется следствие. Осуждены десятки мэров, их заместителей и ответственных сотрудников муниципалитета.

Такая же картина в государственных структурах и в государственных компаниях. Скорее всего, по числу осужденных за экономические преступления представителей разных органов власти на душу населения Израиль находится на первом месте в мире. По состоянию на 2018 год Израиль занял 34-ю строчку в глобальном индексе коррупции, публикуемом на ежегодной основе организацией Transparency International. Но эта статистика не учитывает специфические виды воровства, развитые в Израиле, такие как выкачивание денег через компании-амуты, предоставление джобов за услуги, продвижение приятелей-хаверим на денежные должности, создание должностей для товарищей, которые участвуют в коррупционных схемах.

Одним из наиболее коррумпированных секторов в

израильской экономике является строительство и получение для него подходящих земельных участков. В этих схемах руководящие коррупционеры воруют огромные государственные средства не на банальное личное обогащение, а на обеспечение рабочими местами сотен номенклатурных бездельников, которые кормятся вокруг различных государственных кормушек. Одной из популярнейших таких кормушек является открытие великих строительных проектов, которые никогда не кончаются или длятся неограниченно долго.

Отдельное место занимает воровство из собранных зарубежных пожертвований.

При этом в Израиле весьма мала бытовая коррупция, охватывающая сферу рутинных взаимодействий граждан и власти (здравоохранение, различного вида регистрации, военный призыв и т. п.).

Процветает протекция при решении вопросов в обход существующей нормы. Особой израильской формой протекции является кумовство. В Ашдодском порту 36 процентов сотрудников приходятся родней друг другу, в аэропорту Бен-Гурион 25 процентов приходятся родней руководителю профсоюза, в «Хеврат Хашмаль» (электрическая компания) 29,7 процента служащих – родственники, в Хайфском порту 15,4 процента служащих – родственники.

То же самое имеет быть в кампаниях «Мекорот», «Ракевет Исраэль» и др. По данным Transparency International, 51 процент израильтян считают полицию «коррумпированной» или «очень коррумпированной», 53 процента считают таковым Кнессет, и 79 процентов убеждены в коррумпированности политических партий.

Объем теневой экономики Израиля составляет сегодня 22–23 процента от общего ВВП страны, сообщает портал Globes со ссылкой на данные, полученные ЦСУ. По этому показателю Израиль занимает 16-е место среди стран OECD. Для сравнения, объем серого капитала в лидирующих по этому показателю США и Швейцарии составляет лишь 9 процентов, в Канаде и Германии данный показатель составляет 17 процентов.

По данным международной экономической организации развитых стран, в деле борьбы с коррупцией наша страна занимает 171-е место среди 180 государств. В худшем состоянии только страны Африки и некоторые – Азии. Коррупция – одна из причин, по которой Израиль занимает 141-е место из 148 по рейтингу развития конкуренции в потребительском секторе экономики. По итогам опросов 73 процента израильтян считают, что наше государство коррумпированное, 16 процентов заявили,

что пользовались связями для решения своих вопросов, 12 процентов – что давали за последние шесть месяцев взятки.

Качество власти в Израиле является одним из худших среди развитых государств мира. Такая оценка базируется на следующих факторах: 1) нестабильное правительство с низким уровнем ответственности перед населением; 2) высокий уровень коррупции на всех уровнях власти; 3) наличие разветвленной теневой экономики; 4) несостоятельность правоохранительной и судебной систем.

Зато Израиль неизменно находится в тройке лидеров в мире по темпу прироста количества миллионеров. Среди израильтян есть 99 мультимиллионеров с состоянием более 30 миллионов. В Израиле 83 тысячи семей миллионеров (3,6 процента населения). Общий объем богатств израильских миллионеров превышает 45 миллиардов долларов.

Когда-то Вольтер сказал: «Если у евреев будет свое государство, они его продадут». Великий француз ошибался – Израиль не продадут, его разворуют.

Другим весьма неприятным фактом является спекуляция на Холокосте и антисемитизме. Уже давно Абба Эвен запустил в оборот крылатое выражение «Нет бизнеса более выгодного, чем Холокост». Следуя этому завету, израильские политики активно спекулируют на тему Холокоста, естественно пытаясь получить с этого денежные дивиденды. Всё это является фактическим надругательством над памятью жертв Холокоста. Возникла целая индустрия эксплуатация Холокоста, используемая в корыстных целях.

Вице-спикер Кнессета Моше Фейглин прямо призвал к прекращению эксплуатации темы Холокоста во время празднования 70-й годовщины восстания евреев в Варшавском гетто. Он заявил, что Израиль ошибается, используя тему Холокоста как инструмент для оправдания своего существования, и призвал прекратить экскурсии в иерусалимский мемориал Яд Вашем для лидеров зарубежных государств и иностранных дипломатов.

Неистребимо желание израильской правящей верхушки представлять всех евреев мира. Это началось еще с соглашения между правительством Германии и Claims Conference. Израиля тогда еще не существовало, а евреи были представлены не правительствами стран, гражданами которых они являются, а секторальной организацией Claims Conference. В результате около половины «выживших» евреев в мире никогда не получали денег по немецким репарациям (включая всех выживших евреев из СССР и других стран Восточной Европы).

Претензии Израиля представлять всех евреев мира и занимать главенствующее место в жизни евреев всех стран продолжаются и сейчас. Но если Израиль – государство всего еврейского народа, это значит, что все его внутренние и внешние конфликты автоматически распространяются на всех евреев в мире. В таком случае евреи всего мира должны оказаться заложниками государства, гражданами которого они не являются и прав никаких не имеют. Представление, будто все евреи в мире заодно с Израилем, совершенно бредовое. Даже израильским гражданам, находящимся во время выборов за рубежом, запрещено участвовать в выборах. Таким образом, евреев других стран хотят заставить отождествлять себя с евреями Израиля и поддерживать его политику Любая оппозиция при этом расценивается как антисемитизм.

Антисемитизм – другая надежная лошадка израильских правящих кругов. Критику Израиля называют антисемитизмом, само понятие «антисемитизм» превратилось в политический термин.

В 1998 году по инициативе премьер-министра Швеции Йорана Перссона был создан Международный альянс в память о Холокосте, куда сегодня входит 31 государство. К 2004 году альянс разработал «Рабочее определение антисемитизма». Сейчас это определение официально используется рядом стран и одобрено Европарламентом. Так вот, согласно этому документу, наказуемым является «Приписывание евреям коллективной ответственности за политику Израиля». Этот пункт в Израиле, естественно, игнорируют.

Сама по себе критика политики Израиля не является антисемитизмом, но она в него зачастую переходит, что весьма осложняет задачу выявления различий. Например, Госдеп США считает, что критика Израиля переходит в антисемитизм, когда политику Израиля сравнивают с политикой нацистской Германии. Но израильские функционеры трактуют всегда критику сионизма и Израиля как антисемитизм. Очевидно, что для использования антисемитизма в своих целях израильтянам нужно, чтобы он проявлялся, и на поисках этого проявления они и сосредотачиваются чрезмерно.

Глава 13
Нет пророка в своем отечестве

Игорю за годы пребывания в Израиле пришлось общаться довольно тесно со многими инженерами и специалистами из самых разных стран – США, Канады, Франции, Англии, Голландии, Германии, Китая, Кореи, Индонезии, Сербии и многих других, и он никогда не чувствовал ни ущербности своих знаний, ни более низкой квалификации. Все относились к нему с уважением и осознанием его уровня. Только в Израиле он всегда ощущал себя лишним человеком – престарелым бедным эмигрантом, которому нет места в системе. И вот спустя много лет судьба забросила его на работу на «исторической родине», чего ему очень не хотелось. По поводу поисков нефти в Израиле существует некоторое количество анекдотов и превосходные публикации Хаима Соколина, которые профессор с неизменным удовольствием и одобрением читал. Согласно этим публикациям, нефть в Израиле есть, чему также послужил подтверждением новый проект, в котором Игорь принимал участие.

Поскольку, как писал Соколин, научные методы поиска нефти в Израиле не привились «из-за бюрократизма, уродливых амбиций и профессиональных ошибок», естественным был поиск нефти по Торе, что и реализовал израс Тувия Лускин. В 1960-е годы он из Москвы эмигрировал в Канаду, где работал в фирме Shell, а потом перебрался в Австралию в Сидней. Здесь он познакомился с представителями ХАБАДа и стал ортодоксальным евреем. В Торе он нашел информацию о том, где искать нефть в Израиле. Но, прежде чем начать свои поиски, он получил благословения от любавического ребе и ряда авторитетных раввинов страны, после чего переехал в Израиль, где сумел найти деловых партнеров. В 1993 году он основал товарищество «Гивот Олам» и приступил к делу. В период с 1994 по 2010 год компания с помощью биржи и вкладчиков привлекла около 200 миллионов шекелей и пробурила четыре скважины, из которых последняя – «Мегед 5» – дала нефть. В июле 2010 года компания заявила, что добыча на скважине «Мегед 5» является «коммерческой» и дебит скважины был доведен до 800 баррелей в сутки.

В 2011 году компания уже начала продавать нефть. В третьем квартале 2011 года «Гивот Олам» впервые сообщила бирже о получении прибыли в размере 11 миллионов шекелей. Солидные инвесторы не очень-то рвались инвестировать в религиозно-нефтяную фирму, но мелкие инвесторы поверили Лускину и

начали вкладывать деньги в поиски нефти в Израиле. Вышеуказанная скважина находится на «зеленой черте» вблизи религиозного города Эльад, построенного в рекордные сроки очередным ортодоксальным министром строительства, который вбухивал в него львиную долю денег, выделяемую на строительство в стране.

Там, где есть нефть, там присутствует попутный газ, и возле скважины, как водится, денно и нощно горел факел, сжигающий этот газ. Израильская бюрократия усмотрела в этом непорядок, загрязнение среды и растранжиривание народных природных богатств. Кроме того, некоторые группы населения начали жаловаться от имени окрестных зверей на ночное беспокойство. Всё это плюс предварительные расчеты, показывающие возможность получения прибыли от продажи газа, послужило импульсом для разворачивания проекта по использованию сгорающего природного газа. В соответствии с израильскими традициями, нашелся отставной генерал, который мобилизовал деньги на проект, и отставной полковник Хаим Кор для выполнения проекта, который поселился в офисе фирмы профессора, также была зарегистрирована новая компания. В нее перешел на работу Барух, у которого возникли в то время трения со Львом. Игорь был назначен ассоциированным членом команды, ведающим технической частью проекта.

Задача была очень сложная в техническом плане и еще более сложная в организационно-бюрократическом аспекте. Главных проблем было две. Во-первых, попутный газ в скважине имел очень низкое давление (менее одного бара). Чтобы сжать его до 200–250 бар, обеспечивающих рентабельную перевозку, требовались большие дорогие компрессоры. Во-вторых, схема требовала бесперебойного вывоза газа. В противном случае часть газа пришлось бы сжигать, а это было недопустимо с точки зрения защиты окружающей среды. Кроме того, была масса других, более мелких вопросов. Профессор с Барухом проделали большую работу по выработке удачного концептуального решения, удовлетворяющего всем требованиям. Их идея состояла в том, что в случае срочной необходимости газ поступал в большие резервуары низкого давления, откуда после их наполнения газ выкачивался в специальный фильтр-дожигатель, который полностью очищал его от вредных веществ. Наличие демпфирующей емкости позволяло использовать фильтр относительно небольшой производительности, что резко снижало огромную стоимость полномасштабного фильтра. Фильтр заказали в одной австрийской фирме.

По части компрессора удалось договориться с аргентинской

компанией «Аспро», которая имела в Италии отделение по монтажу и обслуживанию оборудования. «Аспро» разработала и изготовила два блока, которые состояли из небольшого компрессора малого давления и большого компрессора, обеспечивающего требуемое давление для трейлеров. По расчетам, требовалось 7 семитрейлеров, каждый емкостью примерно 6 тысяч кубических метров газа. При использовании относительно дешевых стальных баллонов их общее количество составляло около тысячи штук. Было решено использовать баллоны корейской фирмы NK, которые имели исключительно хорошее соотношение объема и веса. После координации с фирмой по телефону Игорь и полковник Хаим отправились в Корею, в город Пусан (Бусан).

Коллеги прилетели в Сеул, сделали автомобильную экскурсию по городу и отправились на скоростном поезде в Пусан. Практически надо было пересечь по диагонали всю страну – от Сеула в северо-западной части страны на Желтом море до Пусана на юго-востоке на берегу Японского моря. Расстояние между городами около 400 километров, и скоростной поезд проходит его за три с половиной часа. Южная Корея поразила воображение Игоря во всех смыслах. По его мнению, наиболее активных фал патов и сиболтов надо возить в Южную Корею для приведения их в чувство.

Корейская война разделила Корею на две части – КНДР и Южную Корею – и полностью подорвала экономику страны. Южная Корея лишилась таких отраслей промышленности, как металлургическая, химическая, цементная. В это время большинство южнокорейцев ели кору деревьев, чтобы не умереть с голоду. Сеул лежал в руинах. В 1961 году ВНП на душу населения составлял около 93 долларов, количество риса измеряли не килограммами, а числом рисинок. После окончания войны США предоставили в 1954–1959 годах Южной Корее около 1,5 миллиарда долларов в виде субсидий и «займов развития», которые ушли в основном на закупку американских продовольственных и потребительских товаров. Теперь давайте сравним это со 151 миллиардом долларов, полученным с 1949 года от США, и 60 миллиардами долларов, полученными от Германии в виде денег и оборудования! Теперь добавим к этому десятки тысяч высококвалифицированных специалистов из восточноевропейских стран, влитых в израильскую экономику.

И что теперь? Экономика Южной Кореи при численности населения около 50 миллионов является 11-й в мире по валовому внутреннему продукту ВВП на душу населения вырос до более чем 35 тысяч долларов. Это при том что в Корее, как в Израиле,

нет полезных ископаемых и трудно развивать сельское хозяйство из-за гористой местности (в Израиле из-за проблем с водой). Страна занимает ведущие места в мире по производству морских судов, телевизоров, автомобилей, стали, видеомагнитофонов, компьютеров и полупроводников, робототехники. Начиная с 1992 года запущено более десятка спутников, построен свой космодром. Образование здесь одно из самых передовых в мире. В школах дети учатся по цифровым учебникам, распространяемым бесплатно. Но есть еще вещи, которые не очень поддаются статистике. В стране процветает культ чистоты – когда Игорь с Хаимом приземлились в аэропорту Сеула, им показалось, что они попали в реанимационное отделение больницы – всё вокруг было стерильно. Зайти в ресторан в обуви нельзя, было забавно видеть, как перед ресторанами стоит длинный ряд обуви посетителей, часто прямо на улице. Дороги, улицы, вокзалы, аэропорты просто блещут чистотой.

В Корее построена великолепная инфраструктура: железнодорожные терминалы, аэропорты, дороги, мосты, виадуки, тоннели – все это большое, добротное, рационально спроектированное. Игорь как-то спросил у одного корейца: «Ну, мосты поперек рек я еще понимаю, но вдоль рек вы зачем их строите?»

В Сеуле роскошное метро. На каждой станции имеются трехмерные карты, на которых показаны все платформы, лестницы, переходы и эскалаторы. Это очень кстати, так как выходов и переходов на станциях очень много. Такси оснащены блоками для расчета банковскими картами, а также и компьютерными синхронными переводчиками с основных языков.

На первую встречу с израильтянами собралось довольно много народа, включая одну примечательную фигуру – почетного президента в возрасте девяноста лет, однако вполне дееспособного. (Действующий директор был в отъезде.) Этот президент оказался приятелем своего сверстника – почетного президента «Самсунга», который почитается в Корее почти как живой Бог. Поэтому, когда об этом узнало руководство ресторана в городе, куда президент с коллегами водил израильтян вечером, им разрешили не снимать обувь.

Хозяева показали гостям все производственные отделения, ознакомили с технологией производства и системой испытания продукции.

Фирма производит большую номенклатуру баллонов, также мобильные заправочные станции. Быстро была согласована цена на тысячу баллонов. Удачей для профессора был и тот факт, что во встречах принял участие мистер Йонг-Джим Ли – директор

компании «Инже-тех» (Yonggyun Lee, EngineTech Co., LTD). Компания занималась разработкой систем по конверсии дизелей для работы на газе, а Ли считался крупнейшим в Корее специалистом по газовым моторам. Фирма располагается в городке Гунпо, рядом с Сеулом, но сам Ли был родом из Пусана и приехал погостить к родителям. Игорь с ним моментально подружился, и Ли пригласил его посетить их фирму в Гунпо. Игорь перенес отлет из Сеула в Израиль на день позже и договорился с Ли о приезде.

Вечером корейцы, включая президента и Ли, отправились в ресторан в центре города недалеко от отеля, где жили Хаим с Игорем. Посреди круглого стола находился большой металлический хромированный купол, под которым внутри стола располагались газовые горелки. Официанты принесли несколько больших блюд, на которых были уложены короткие (4–5 сантиметров) ленточки сырого мяса разных сортов (говядина, свинина и что-то еще – коллеги надеялись, что не собачатина, но стеснялись спросить). Большими пинцетами официанты разложили мясо на поверхности купола, и буквально через несколько минут оно было готово. Конечно, весь стол был уставлен тарелочками с разными салатами, соусами, капустными листами и прочими закусками. Пили корейское теплое саке. Ничего хуже в своей жизни профессор не пил. Он имел значительный опыт, поскольку общался с японцами в Союзе, но корейцы давали сто очков вперед сынам Страны восходящего солнца.

– М-м-д-да, – сказал Игорь Хаиму на ухо. – Теперь понятно, почему американцы их не победили.

По окончании ужина почетный президент удалился, а хозяева повели гостей в караоке в том же здании, где находился ресторан. Возражения не принимались.

По дороге один из корейцев сказал Игорю:

– Вы же русский? Знаете песню про миллион?

Игорь знал блатную песню с припевом «Рваный рубль не берем», а вот с миллионом дело обстояло хуже. После дискуссии оказалось, что речь идет о песне Пугачевой «Миллион алых роз…». Профессор пытался объяснить корейцам, что у него нет слуха, но они, кажется, его не поняли. Караоке по-корейски выглядело необычно. Это были несколько длинных коридоров на верхних этажах здания, по сторонам которых располагались отдельные кабинеты различных площадей. В кабинетах стоял стол или столы, за которыми сидели гости, а на стенке висел большой экран, где высвечивались слова. В стороне от стола находились шкафы с разнообразной звукоаппаратурой.

Официанты принесли европейские спиртные напитки – вино, коньяк, виски, десерт и фрукты. Затем широко распахнулись двери, и в комнату вошли семь девушек по числу находящихся там мужчин.

Девушки выстроились в шеренгу, и старший официант-распорядитель сказал на английском:

– Выбирайте!

Наступила пауза – как выбирать? Пауза затягивалась, и тут профессору пришла в голову плодотворная идея:

– Давайте по порядку номеров, первому за столом – первая в шеренге.

Идея всем понравилась. Мужчины сидели за столом полукругом, и Игорь оказался крайним с одной стороны. Ему досталась изящная тоненькая кореянка, а сидящему рядом Хаиму – довольно высокая и плотная девица. Хаим был и сам высокого роста и нехилого телосложения, так что с подбором пары профессору на старте повезло. Но у его партнерши был один существенный недостаток – она совсем не говорила по-английски, в то время как дама Хаима говорила почти сносно. Пришлось разговор вести на четверых. Далее началось пение с выпивкой и закусками. Игорь, улучив момент, позвал Ли в коридор и спросил, каков статус девушек и что положено с ними делать. Ли быстренько посвятил его: по-корейски эти девушки называются «кисэн». В каком-то смысле это корейские гейши, но аналогия тут не полная. Японская гейша вообще не может подрабатывать проституцией, это прямо запрещено законом. Для корейской «кисэн» ночь с клиентом, который платит за это, вполне допустима.

– Ну а нам-то что делать?

– Вариантов всего два: или в конце вечера мы мирно расходимся, или ты берешь девушку и ведешь ее к себе в отель. Кстати, тут при караоке есть несколько комнат, которые можно использовать за отдельную плату. Если ты девушку не пользуешь, претензий у нее нет – во-первых, она получила небольшую предварительную плату от фирмы – наших хозяев, во-вторых, она пила и ела весь вечер за наш счет, а в-третьих, у нее есть еще шанс найти клиента, если она захочет, караоке-то работает всю ночь.

Часов в одиннадцать корейцы сообщили нам, что надо принимать какое-то решение, чтобы в случае нашего отказа девушки успели посетить еще какие-нибудь компании. Игорь с Хаимом откланялись и ушли, а из пяти корейцев девушек взяли двое, как на следующее утро они рассказали Игорю.

Утром Хаим уехал в аэропорт Ичхон, а профессор покатил на

поезде в Гунпо. Ли уехал туда еще вчерашним вечером. Очень хотелось спать, и, чтобы не проехать город, Игорь поставил с опережением будильник в телефоне. Что опять поразило Игоря – это огромный и роскошный многоярусный вокзал в таком маленьком городке. Собственно, Гунпо даже и городком назвать было нельзя – это было скопление отдельных районов, разделенных перелесками и лугами. На вокзале его ждал водитель Ли, но профессор никак не мог понять по телефону, где находится машина. Вокзал имел несколько ярусов и изобиловал входами и выходами. Наконец, отчаявшись, он попросил одного скучающего англоговорящего корейца объяснить водителю, где он находится внутри вокзала, и попросить водителя прийти за ним. Через десять минут пришел улыбающийся водитель и отвел профессора к машине.

Фирма Ли располагалась в современном двухэтажном красивом здании, где большая часть была занята производственными помещениями и лабораториями и находилось несколько офисных блоков. Фирма занимается и исследовательскими работами, и малой серией производит газовые моторы для фирм «Хюндай», «Киа», «Сонгянг» и «Дэйву». Делают они такие моторы на экспорт для фирм «Мицубиси» (Таиланд) и «Хюндай» (Индия). Ли показал профессору все производства и лаборатории и рассказал ему об исследовательской деятельности фирмы. Обувь таки пришлось снимать на входе в цех сборки моторов и помещение с испытательными стендами.

И тут Игорь рискнул: он попросил Ли подписать «Соглашение о неразглашении» и показал ему одно свое изобретение в области газовых дизелей, над которым он не мог работать в Израиле, поскольку был занят «деньгоприносящими» проектами. Поместить этот проект в теплицу или получить грант по какой-либо программе в Израиле он не мог, поскольку при слове «двигатель» все официальные и не очень официальные лица в Израиле ложатся на спину, машут руками, дрыгают ногами и кричат:

– Нет, нет, чур меня. Здесь вам не Америка и не Германия, какие двигатели!

Изучив проект, Ли сказал:

– Это очень интересно, я готов быть вашим партнером, но, по моим первым прикидкам, нам потребуется миллиона полтора долларов. Я думаю, что половину этой суммы мы сможем получить из Корейско-Израильского инвестиционного фонда, поскольку проект отвечает всем их требованиям, еще четверть я покрою взносом в дело своих лабораторий и оборудования, а

тысяч 400–500 надо искать, свободных денег у меня нет – я рассчитываюсь до сих пор с кредитами. У автогигантов боюсь просить – проглотят с ходу, и никакие патенты не помогут.

На этом и порешили.

Во время обеда Игорь пожаловался Ли, что он не приобрел ни одного сувенира – видимо, из-за малого количества туристов в Корее очень мало сувенирных магазинов и ларьков. Ли с коллегами порылись в своих смартфонах и сказали, что надо выехать пораньше в аэропорт и по дороге сделать круг – заехать в город Сувон в тридцати километрах к югу от Сеула. Там находится старинная крепость Хвасон (в переводе с корейского «Цветущая крепость») XVIII века, и в ней должны быть сувенирные магазины. Игорь тепло попрощался с Ли и его коллегами и отправился на машине с шофером в крепость. По периметру крепость окружена стеной длиной около пяти километров, включающей 40 сторожевых башен. Внутри стены расположился замок и разные дворцовые сооружения. Сейчас внутри этих сооружений находятся сувенирные магазины, художественные галереи, ателье художников и небольшие музеи. Парковаться возле этих сооружений запрещено, и Игорь оббегал их, пока водитель ждал его на улице. Он купил веера всем своим женщинам и несколько картин, включая лаковую картину на дереве. В аэропорт они еле успели. К сожалению, профессору больше не удалось побывать в Корее.

В короткие сроки всё оборудование для проекта «Гивот Олам» было изготовлено, испытано и поставлено в Израиль. В порту лежали два комплекта компрессорного оборудования, в Ашдоде на заводе находились семь готовых трейлеров, сербские коллеги изготовили всю трубопроводную систему и автоматику. Можно было начинать монтаж. На этом профессор посчитал свою задачу выполненной, и его ждал новый проект, уже за океаном – в США.

Дальнейшая история проекта вряд ли имеет точные аналоги еще где-либо в мире и возможна только в Израиле или в ельцинской России. Дело в том, что в министерстве энергетики Израиля действуют две структуры: одна ответственна за газ, а другая за нефть. Поскольку «Гивот Олам» – нефтедобывающая компания, то все формальные процедуры делались через нефтяной блок и соответствовали «нефтяным» правилам. Когда оборудование пришло в Израиль, то канат перетянуло газовое управление, широко известное местным специалистам как вязкое бюрократическое болото. Вот в этом болоте и утонул проект. Пропали большие деньги и труд десятков людей в нескольких компаниях.

К сожалению, подобная участь постигла и саму компанию

«Гивот Олам». Из-за бюрократических и административных препон она не сумела пробурить еще три запланированные нефтяные скважины, министерство энергетики отобрало у нее лицензию на разведку и добычу нефти в районе Эльада, а Лускин был уволен с директорского поста…

Неутомимый коллега Барух раскопал еще один газовый проект в Израиле – разработку разведанного небольшого месторождения газа на юге Израиля в местечке Нирам. Месяц Игорь корпел над премудростью бурения скважин для добычи газа, изучал геологические карты местности, диаграмму пробного бурения и прочие нефтегазовые премудрости. Очень помог ему один израс – инженер из Башкирии, который работал вахтенно во Вьетнаме на бурении нефтяных скважин под эгидой одной российской нефтегазовой компании. В этот момент он как раз оказался на отдыхе в Израиле и сказал, что не прочь прекратить вьетнамские командировки и остаться работать в Израиле. Дальше всё было по Швейку, который говорил: «Каменные клозеты строят – значит, скоро отступление». Игорь полетел в Плоешти – центр румынского нефтегазового машиностроения – и заказал там необходимое дополнительное оборудование для бурения. Для собственно бурения была приглашена одна израильская фирма (всего их было в Израиле две). Когда оборудование прибыло в Израиль, местный региональный совет отозвал свое разрешение на добычу газа в связи со своим просветлением в части запаха сероводорода, имеющегося у местного газа, и на этом проект закончился. Игорь дал себе очередную клятву не работать в Израиле и сдержал ее.

Началась «Американская трагедия»[41] по-израильски. Появление «сланцевого» газа горизонтального бурения в довольно короткие сроки превратило США из импортера газа в экспортера. Цены на сжиженный газ в больших терминалах упали до самого низкого уровня в мире. Однако в это же время цены газа для розничных потребителей, особенно мелких, почти не изменились.

У израильской компании профессора был один инвестор – американский еврей Майк Спис. Он в двадцатилетием возрасте эмигрировал в Израиль, окончил тут университет и стал весьма процветающим бизнесменом. В США у него осталась мама и два брата. Майк принимал довольно деятельное участие в работе фирмы, был членом совета директоров и интересовался газовой тематикой вообще. Он быстро сообразил, что при сложившейся ситуации в США внедрение туда израильского организационно-технологического метода дешевой дистрибуции газа мелким потребителям может иметь хорошие перспективы и приносить

солидную прибыль. Майк начал настойчиво толкать эту идею в сознание «трудящихся Востока» и довел дело до такого состояния, что был запланирован переезд Льва с семьей в Америку на некоторое время, с тем чтобы он занимался там исключительно этим проектом.

Перед переездом Лев с Игорем полетели в США в разведку. Начали они с Нью-Йорка, где изучили ситуацию в самом городе и штате Нью-Джерси. Оттуда они отправились в Техас, потом в Алабаму и Арканзас и закончили «Великий поход» в Новой Англии, штате Вермонт.

Коммент-эр: легендарная операция китайских коммунистов под предводительством Мао Цзэдуна, когда за год Красная армия прошла с боями свыше 10 тысяч километров, пересекла 12 провинций, преодолела 18 горных цепей, форсировала 24 крупные реки. Герой Второй мировой войны маршал Великобритании Монтгомери назвал Великий поход самой великой военной эпопеей нашего столетия, сочетающей в себе «непостижимые действия, героическую целеустремленность и невероятную стойкость духа».

Майк оказался прав: ситуация была исключительно благоприятная – надо было с чего-то начинать. Решили – с Новой Англии, с Вермонта. Причины были следующие: в Новой Англии холодно и жители тратят много энергии на отопление, здесь одни из самых высоких цен на газ, в маленьком городке Берлингтон жил один американец, который собирался инвестировать в газовый проект в Вермонте и помогать в прохождении проекта через бюрократические препоны. Определенную роль сыграл и тот факт, что сын профессора Ян жил в Торонто, в относительной близости от Вермонта, и мог работать в проекте вахтенным методом, а слова Сталина «кадры решают всё» и в Америке никто не отменял. Прилетев в Берлингтон и пожив там четыре дня, профессор влюбился в этот городок, который насчитывал 40 тысяч жителей. Несмотря на это, Берлингтон являлся самым большим городом штата, по архитектуре несколько напоминающим старые районы Монреаля. Большинство зданий в городе малоэтажные и выполнены из красного кирпича. Центральная пешеходная улица очень красива и застроена огромным количеством кафе и магазинов. Город окружен густыми лесами, но главным его украшением является озеро Шамплейн, на большей части своей 170-километровой длины составляющее границу между штатами Вермонт и Нью-Йорк. Ширина озера около 20 километров. Обращал на себя внимание кампус местного университета, застроенный невысокими

кирпичными зданиями в стиле старых английских университетов. Лев и Игорь жили в отеле «Хилтон Берлингтон» в номерах с видом на озеро и не уставали любоваться видом из окон.

Их потенциальный местный партнер Тим О'Конор был необычной для Америки фигурой. Его дедушка и бабушка были ирландскими эмигрантами, а сам он много лет проработал в Цюрихе экспертом Всемирного банка. Жена его Роз происходила из богатой еврейской нью-йоркской семьи. Они вместе учились в одном из нью-йоркских университетов, где среди студентов было много евреев. Роз рассказывала Игорю и Льву, как были поражены ее родители, когда она привела бедного жениха-ирландца.

Тим был чрезвычайно образованным человеком – он отлично знал европейскую историю, литературу и, более того, он разбирался в российском искусстве и литературе, читал Толстого, Чехова и Достоевского, Троцкого, Солженицына и др., знал, кто такой Борис Годунов и Петр Первый… Жили Тим и Роз в большущем доме на поросшей лесом горе в окрестностях города, куда надо было забираться по немощеному серпантину. На расстоянии километров трех вокруг больше никакого жилья не было. Из хозяйства у них были две огромные лохматые собаки неизвестной породы и две студентки, которым они сдавали цокольный этаж с отдельным входом. Была ранняя весна, в доме стоял неимоверный холод, и профессор грел ноги, подсовывая их под одну из собак, лежавшую возле его кресла.

Лев с Игорем посетили местный муниципалитет, где они с помощью Тима получили предварительное согласие на продажу им земельного участка в окрестностях города для строительства газонаполнительной станции. Встретились они и с представителями газовой компании «Вермонт Газ», где заручились согласием разрешить им врезку в газопровод, шедший из Канады, и обеспечить требуемым количеством газа. В который раз профессор восхищался американским стилем работы: всё базировалось на четкой логике, чисто деловых соображениях и желании как можно скорее решить задачу. В процессе посещения «Вермонт Газа» произошел забавный случай. Один из инженеров, участвующих в переговорах, спросил коллег:

– А вы меня не помните?

Игорь со Львом вопросительно переглянулись.

– А я вас узнал, вы вчера сидели во втором ряду на спектакле, а я играл одного из французских революционеров.

Дело было в следующем. Некий второстепенный бродвейский театр привез в Вермонт мюзикл с либретто из событий французской революции. С целью экономии из Нью-Йорка приехали исполнители только главных ролей, а исполнителей

второстепенных ролей и статистов набрали из вермонтских любителей. Для провинциального Вермонта спектакль был событием, и Тим счел необходимым повести Игоря и Льва на воскресный спектакль, где их и заметил со сцены инженер из «Вермонт Газа».

Ян приехал в Берлингтон из Торонто на машине, Игорь познакомил его с Тимом, и они друг другу понравились. Профессор с Яном вернулись в Торонто, и оттуда Игорь вылетел в Израиль. Лев летел через Нью-Йорк.

После этого Лев переехал в Нью-Йорк с женой и тремя малолетними детьми. В Нью-Йорке был снят офис на Манхеттене и квартира для Льва. В скором времени появились два американских партнера – один израильтянин по имени Юваль Мыскин и один американец, престарелый отставной биржевой деятель Джеймс Коэн. Они вошли партнерами во вновь образованную американскую компанию и развили бурную деятельность. Их главная идея состояла в том, чтобы найти и купить действующую региональную компанию по продажам жидких топлив, включая сжиженный нефтяной газ пропан, и влиться в ее структуру. Конечно, параллельно они занимались просто поисками инвестиций, проталкиванием вермонтского проекта и поиском других американских проектов. Игорь наезжал в США периодически по мере образования мест, подходящих для прорыва, а также осуществлял из Израиля участие в переговорах с релевантными лицами, выполнение различных расчетов и разработку алгоритмов применительно к потенциальным проектам. Летал он в основном, по понятным причинам, через Торонто, а потом Ян на машине отвозил его в США. Тем временем был заказан в одной из инженерных компаний в Берлингтоне проект компрессорной станции и куплен земельный участок поблизости от газопровода из Канады в США. После утверждения проекта местным муниципалитетом было начато строительство станции. Был заложен фундамент и проложены траншеи для всех коммуникаций. На этом миллион Тима закончился, а Лев в Нью-Йорке новых денег на проект не нашел.

Однажды, после очередной поездки в Америку, у Игоря заболела правая нога. Диагноз, поставленный в «Тель-а-Шомер»[42] после биопсии, был неожиданный и ошеломляющий: злокачественная опухоль в районе бедра – лимфома Ходжкина.

Врач – пожилая ашкеназийка с польскими корнями сказала Игорю: «Надеюсь, я вас вытащу, немедленно начинаем химиотерапию».

Его отпустили домой, и раз в неделю Игорь должен был приезжать в больницу к восьми утра на сеанс химиотерапии,

которая предполагала сидение под капельницей около восьми часов кряду. Больница была в тридцати километрах от дома Игоря, и ездить туда на машине он не мог, поскольку после сеанса испытывал ужасную слабость. Проблема его доставки в больницу была чрезвычайно острой, тем более что утром надо было выезжать не позже шести часов утра. И опять помог случай. Домашний врач Игоря жила напротив их дома в Гинот-Шомроне, а ее муж-биофизик работал в «Тель-а-Шомере» и ездил к восьми часам на работу на машине. Обратно Игорь добирался иногда с ним, а иногда за ним приезжала дочка. Из дома Игорь выходить никуда не мог из-за слабости и болей в ноге, но иногда он дополз до машины и ездил недалеко по хозяйственным делам. Так прошло четыре месяца. Вытащила его из болезни, конечно, Дана. Она ездила с Игорем на все сеансы, она поддерживала его морально и физически. Огромную помощь оказала дочка – она работал в больнице «Асута» в Тель-Авиве и знала наизусть все больничные «фокусы», без чего пребывание в израильских больницах является весьма затруднительным.

Трудно Игорю было привыкнуть к самому себе без малейшего признака волосяного покрова: на голове, на лице, на руках и ногах. Всё это потом отрастало примерно около года.

Слабость сохранялась у Игоря и после окончания химиотерапии. Однажды он собрался поехать по хозяйству и увидел, что спустило одно колесо. Игорь сотни раз в своей жизни менял колеса, а тут не смог, что повергло его в глубокое уныние. Кроме того, он стал быстро уставать. Каждый месяц у него находили на коже очаги злокачественных образований и оперировали их. Это продолжалось в течение почти года. Однако в течение всего этого времени профессор дома работал. Пришло время получать дивиденды за работу алюминиевого комбината в Боснии. Они составили около полумиллиона евро. Фирма профессора разваливалась полным ходом. В ней практически остались Игорь, Лев и коммерческий директор Леон Бер. По закону и по «понятиям» эти деньги должны были быть разделены между ними тремя и инвесторами, ранее вложившими деньги в их фирму, прежде всего Майком. Игорь должен был получить примерно 70 тысяч евро, на которые он собирался жить после распада фирмы. Лев и Леон, воспользовавшись болезнью Игоря, тайно уговорили боснийского оператора, поставлявшего газ комбинату, перевести все деньги на счет подставной бельгийской фирмы Льва. Профессор узнал об этом случайно и собирался поднять шум и оповестить об этом всех вкладчиков. Но тут он, как говорят, попал в «коробочку». В Америке нарисовался один большой инвестор – миллиардер, который начал дотошную

проверку компании Игоря как в плане финансовом, так и научно-техническом. Он также активно интересовался личностями персон, работающими в компании, и несколько раз разговаривал с профессором по телефону, вникая во все детали. Естественно, что Юваль, Джеймс и особенно Майк, «болевший» Америкой, уговаривали Игоря не поднимать шума, поскольку он мог дойти до ушей этого великого инвестора и повредить намечающейся сделке. Переговоры с инвестором тянулись недели две. За это время Лев с Леоном перевели львиную долю денег с бельгийского счета Льва во множество мелких фирм, которым были якобы должны, и остаток составил 100 тысяч евро. В это время инвестор отпал, Лев уехал из Америки, Леон ушел из фирмы, и деньги безвозвратно исчезли.

С Игорем расплатились подержанным кроссовером «Хюндай Санта Фе», на котором ездил до переезда в Америку Лев, а потом Леон. У профессора как раз кончился трехлетний лизинг его «Тойоты», и он остался «безлошадным». Большой старый джип был не нужен Игорю, и он стремился его продать, но оказалось, что Лев еще не оплатил его полностью в лизинговую компанию и надо было сделать еще семь ежемесячных взносов. Все его израильские приятели смеялись: «Теперь ты настоящий новый израильтянин, пополнивший славную когорту обманутых и обворованных изрусов».

Но Игорю было не до смеха. Он остался у разбитого корыта – компания развалилась, его пенсия не была оформлена, офис отдали – его личный архив и огромное количество материалов и информации, накопленных за пятнадцать лет, исчезли неизвестно куда. Круг замкнулся. При этом Игорь переживал последствия болезни, главное – сильную слабость, и не мог действовать в полную силу.

На помощь пришел Майк. Он оплатил остаток взносов за «Санта Фе», он начал платить Игорю небольшую зарплату, они с Игорем поехали к новым хозяевам их прежнего офиса и вывезли часть материалов в кладовку Майка в его квартире в Рамат-Авиве. Игорь немедленно сделал трейд-ин и купил новый «Мицубиси Лансер Спортбэк», а Майк оплатил разницу в стоимости со старым «Санта Фе».

– Ну что, дорогой сэр, начнем всё с начала, я верю в тебя. Давай для начала поедем на выставку в Индонезию, посмотрим что к чему, – сказал он.

По ряду причин контакты с Индонезией были прекращены на пять лет, и только сейчас возникла возможность посетить Джакарту для участия во всемирной конференции по газовым автомобилям. У Игоря был хороший приятель – испанец Мануэль

Невара, который долго проработал в фирме «Ивеко», а потом стал директором Европейской газомоторной ассоциации (ENGVA – European Natural Gas Vehicles Association). Он отрекомендовал Игоря директору Международной газомоторной ассоциации (IANGV–International Natural Gas Vehicles Association), который пообещал профессору свести его на джакартской выставке с релевантными персонами из стран Азиатского и Тихоокеанского регионов.

В это время произошла довольно необычная история. Много лет назад Игорь с Даной покупали продукты в мясной лавке в одной соседней арабской деревне. Они обратили внимание на нового продавца – светловолосого высокого араба, говорившего на русском без малейшего акцента. Палестинец, учившийся в СССР и говорящий на русском, вообще-то не был в окрестных арабских деревнях чем-то редким, но этот выглядел уж как-то чересчур интеллигентным и говорил на вполне литературном языке. Звали его Амир. Естественно, они разговорились, и выяснилось следующее. Он араб-палестинец, окончил в Харькове институт радиоэлектроники. Женился на русской девушке, выпускнице того же института, родился ребенок, и Амир остался жить в Союзе. Прожили они там более тринадцати лет, а потом решили переехать в Палестинскую автономию. Жена устроилась парикмахером в Шхеме, а он перебрал несколько вариантов работы и в конце концов попал продавцом в мясную лавку Игорь с Даной подружились с молодым палестинцем и однажды решили пригласить его с женой Людой в гости. Игорь обратился за разрешением к начальнику службы безопасности их ишува, и тот сказал, что нет никаких проблем при соблюдении некоторых условий: не посещать ишув в субботу, сообщить Игоря адрес и телефон, сопровождать гостей при въезде и выезде из ишува и обязать их покинуть территорию до трех часов дня. Игорь извинился перед гостями «за три часа», сказав, что они приглашают Амира и Люду на завтрак. Они мило пообщались в один из воскресных дней и к трем часам вывезли гостей за пределы ишува. Потом Амир исчез из мясной лавки, и много лет профессор с ним не виделся. Как-то он спросил о нем у владельца аптеки в той же деревне. Папа аптекаря был генералом в палестинской полиции, которая, по сути, является маленькой армией. Тот сообщил Игорю, что Амир теперь большой начальник – он командир войск связи в палестинской полиции в чине полковника. Больше об Амире Игорь не слышал долгое время.

Коммент-эр: общая численность палестинских силовых ведомств на сегодняшний день – свыше 40 тысяч оплачиваемых

сотрудников, включая 7 батальонов внутренней безопасности, расположенных в семи областных палестинских городах: от Дженина на севере до Хеврона на юге, силы национальной безопасности и другие структуры. Все командиры – новые люди, обученные российскими и американскими специалистами. Полиция вооружена огнестрельным оружием, переданным автономии Израилем.

Однажды при визите в аптеку, хозяин Мурад, который был врачом по образованию и окончил медицинский факультет университета в Будапеште, неожиданно сказал Игорю:

– Привет вам от Амира. Он просит не отказать ему в любезности и встретиться с одним человеком. Предлагаю встретиться у меня дома завтра в два часа – я живу над аптекой.

Человек оказался арабом, также отлично говорившим на русском. Он назвал себя Масудом. По его словам, Масуд окончил Университет имени Патриса Лумумбы и потом еще два года учился в одном заведении.

– КГБ, ГРУ? – спросил Игорь.

– О, я вижу, вы немножко в курсе, темнить не буду – ГРУ, но это было давно, еще до перестройки. Амир рассказывал мне, что вы называли создание «Касамов» полной глупостью со стороны арабов. И говорили, что для местного театра военных действий должны использоваться ракеты совершенно другого типа.

– Да, было дело, говорил и сейчас так думаю.

– У меня к вам предложение: прочесть маленькую лекцию группе наших людей. Мы вам хорошо заплатим.

Игорь увяз в бюрократических джунглях с оформлением своей пенсии, отчаянно нуждался в деньгах и согласился.

– Только, сами понимаете, не здесь, мою машину в деревне знает каждый мальчик, я думаю, что лучшим местом будет Тира, там полно израильтян, на улицах стоит много израильских машин и там это будет незаметно. А если собраться в субботу, когда проходит ярмарка, то вообще вся Тира будет запружена израильтянами.

– Отлично, договорились, когда будете готовы, сообщите Мураду и назначим время.

– Я могу говорить по-английски или по-русски.

– Давайте выступайте на русском, а я буду переводить, кроме того, будет еще пару человек, которые знают русский язык.

Игорь подготовил небольшой доклад с иллюстрациями и во время очередного визита в аптеку сообщил об этом Мураду. На следующий день он передал профессору, что Масуд будет его встречать в центре Тиры возле территории ярмарки в следующую

субботу. Игорь с большим трудом припарковался возле ярмарочной площади, пересел в машину Масуда и поехал с ним в глубину Тиры, застроенной очень солидными особняками в арабском стиле. Масуд провел его в огромный салон, обставленный роскошной египетской и малазийской мебелью, и познакомил со слушателями. Их было человек семь, и двое из них действительно знали русский. На иврите говорили все. Игорь подключил свой лэптоп к проектору и приступил к лекции.

Господа!

Что такое ракеты «Касам», вам рассказывать, видимо, не надо.

Первый «Кассам» поднялся в воздух в октябре 2001 года, в разгар второй интифады. В марте 2002 года боевикам удалось достать до израильского города Сдерот. С тех пор большая часть ракет запускается в сторону Сдерота (расстояние от границ сектора Газа – 4 километра) или Ашкелона (9 километров).

Сразу скажу, что воевать с таким государством, как Израиль, чем-то вроде «Касамов» совершенно дохлый номер, не говоря уже о том, что беспорядочная стрельба по мирным целям и гражданскому населению – это чистый бандитизм и нарушение всех юридических, нравственных и человеческих норм. Для подобных ТВД (театров военных действий), с моей точки зрения, следует использовать летательный аппарат вроде крылатой ракеты, летящей на предельно малых высотах. Как известно, первой реальной крылатой ракетой был немецкий самолет-снаряд «Фау-1» который концептуально копировал морскую торпеду. Он летел с помощью автопилота по заданному курсу и на заранее определенной высоте. «Фау-1» имел фюзеляж длиной 7,8 метра и оснащался пульсирующим воздушно-реактивным двигателем, установленным в задней части фюзеляжа. Двигатель начинал работать при скорости 250 километров в час, и поэтому ракета запускалась специальной катапультой с парогазовым разгонным цилиндром. Время разгона составляло около одной секунды. После запуска ракета летела строго по прямой, после определенного количества километров двигатель выключался, и ракета пикировала на цель. Стабилизация «Фау-1» достигалась за счет использования гироскопа и датчика высоты. Управление рулями производилось с помощью сжатого воздуха.

С тех пор появились многие технологии, при этом доступные массовому потребителю (быстродействующие компьютеры, системы спутниковой навигации, новые двигатели и другое), позволяющие решать поставленные задачи относительно легко и просто. Крылатые ракеты стали массовым оружием, производимым во многих странах мира. Одной из главных

причин их широкого распространения является низкая стоимость в сравнении с самолетами и баллистическими ракетами.

Моя идея состояла в создании нового типа крылатой ракеты, которая, по сути, представляет собой гибрид крылатой ракеты и сухопутного экраноплана. Это реактивный снаряд, способный лететь на высоте от одного до ста метров и резко маневрировать как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости. Летит такая ракета, утрированно говоря, ориентируясь с помощью популярной аппликации навигатора (VAZE, «Гугль Мэп» и других), который сегодня доступен каждому владельцу смартфона или использует коммерческие GPS-навигаторы. Естественно, при этом также нужна компьютерная карта профиля местности, над которой пролетает ракета. Программа сравнивает сохраняемую в памяти цифровую карту высот на маршруте и задает ракете заданную высоту. Естественно, в ракете имеется локатор для подъема аппарата при встрече с препятствиями неожиданной высоты, а также облете препятствий в горизонтальной плоскости. Ракета непрерывно измеряет высоту местности под траекторией своего полета, используя для этого радиолокационный высотомер, и сравнивает результаты этих измерений с картой. Изменение траектории полета в горизонтальной плоскости базируется на программах, разработанных для беспилотных автомобилей.

Давайте рассмотрим функционирование такой ракеты предметно. Предположим, вам надо поразить цель в центре большого города из точки, расположенной в пятидесяти километрах в сельской местности. Вы вносите координаты этой точки в бортовой компьютер, и он выдает вам маршрут планируемого полета аналогично поездке на автомобиле по дорогам и улицам. Затем вам понадобится предварительно сделать карту высот планируемого маршрута: например, внести высоту виадука, который располагается на вашем маршруте. Эта карта также вносится в бортовой компьютер. Далее осуществляется запуск, и ракета летит по заданному маршруту к цели над дорожным полотном. Для функционирования такой схемы потребуется конструкция ракеты, обеспечивающая значительное изменение скорости во время полета вплоть до мгновенного зависания, а также ее резкое маневрирование, которое без изменения скорости невозможно. Второе требование – это возможность полета на очень маленьких высотах от одного метра.

Планируется обеспечить это делением реактивной струи двигателя (например, с помощью газовых рулей – поворотных пластин из огнеупорного материала, установленных на выходе из

сопла) между вертикальным и горизонтальным векторами (как это примерно делается для осуществления вертикального взлета и посадки самолетов), а также путем использования экранного эффекта. При экранном эффекте подъемная сила, необходимая для полета, обеспечивается набегающим потоком воздуха, который нагнетает давление под аппаратом. На этом эффекте основываются экранопланы, способные скользить на небольшой высоте практически над любой относительно ровной поверхностью над морем, рекой, болотистой местностью, снегом, льдом и сушей. В нашем случае экранный эффект суммируется с вертикальным вектором тяги. Возможно, в некоторых случаях ракета будет лететь на «воздушной подушке».

Предвосхищая ваш вопрос о стоимости такой штуки, скажу, что недавно британская газета The Guardian сообщила, что авиамоделист из Новой Зеландии Брюс Симпсон построил крылатую ракету, израсходовав три тысячи фунтов. Симпсон утверждает, что его ракета имеет дальность полета в 100 километров. Скорость полета ракеты – 800 километров в час, она будет способна нести боеголовку весом в 10 килограммов. Двигатель – от реактивного самолета, времен Второй мировой войны. Это, конечно, «прикол». Я думаю, предлагаемая ракета будет стоить как автомобиль (тысяч 50 долларов), а ее разработка обойдется чуть дешевле «Железного купола» – не два миллиарда, а два миллиона долларов.

Вопросов не было, слушатели разошлись в глубокой задумчивости.

Игорь получил свою тысячу долларов за лекцию и стал готовиться к полету с Майком в Индонезию. На этот раз они летели в сопровождении отставного агента израильской разведки МОССАД, который пять лет прожил в Джакарте и имел в Индонезии обширные связи.

Поскольку Майк имел американский паспорт, Игорь – российский, у разведчика был свой документ, компания без проблем вылетела в Джакарту через Амман, до которого было сорок минут лёта из аэропорта Бен-Гурион. Игорь не был в Индонезии пять лет, и было заметно невооруженным глазом, что в столице идет исламская радикализация. Израильтяне обратили внимание, что появилось достаточное количество новых мечетей. А дальше – больше, шофер повез их в отель в объезд центра города. На вопрос «почему?» он ответил, что в центре идет большая демонстрация исламистов, требующих привлечь мэра столицы Ахока к судебной ответственности за якобы оскорбительные заявления по поводу Корана.

Это было очень прискорбно. Индонезия давно развивалась

как светское государство. Тут ислам никогда не носил политического характера, и на выборах мусульманские партии редко набирали в общей сложности более пятой части голосов. В Джакарте было практически невозможно увидеть женщин в платках и тем более в парандже. Но шофер сказал путешественникам, что в провинции, в маленьких городах и деревнях, такое наблюдать возможно.

Выставка и конференция проходили в лобби роскошного пятизвездочного отеля «Шангри Ла» в центре Джакарты. Профессор познакомился с директором Всемирной ассоциации газовых автомобилей – китайцем из Малайзии Робертом Ли и его очаровательным секретарем – китаянкой из Сингапура Натали Чен. Индонезийских «газово-автомобильных деятелей» он знал и раньше – по предыдущим поездкам – и сейчас, конечно, встретился с ними для изучения текущей ситуации в Индонезии. Ли, как и обещал, организовал встречу израильской делегации с четверкой вьетнамцев из Вьетнамской газовой корпорации (PVGASD), и у них состоялся длительный содержательный разговор.

Из других интересных эпизодов новой индонезийской поездки можно было отметить один. Как-то вечером бывший агент повел Игоря в гости к своим джакартским знакомым (Майк почему-то не пошел). Перед «походом» он сказал профессору: «Посмотришь, как живут богатые азиаты, это будет интересно».

Вечером израильтяне поехали к дому индонезийца, которого звали Гантур, в районе Джакарты, полностью застроенном огромными виллами. Вход в виллу был приподнят над уровнем тротуара метров на пять. В дом вела широченная лестница из пород ценного дерева, покрытого резьбой, а по краям входа красовались две резные деревянные скульптуры каких-то невиданных птиц метра полтора в высоту. Через небольшую прихожую посетитель сразу попадал в огромный, около 150 квадратных метров, салон с полом из полированного натурального камня. По периметру салона находились двери в боковые комнаты и были расставлены инкрустированные столики и шкафчики со множеством деревянных и каменных скульптурных композиций, наибольшие из них стояли на полу. Одна стена салона была полностью раздвинута, и через нее был виден сад с бассейном в середине. На периферии сада росли деревья и цветы, а вокруг бассейна был разбит газон с какой-то плотной травой изумрудного цвета. Небольшой стол для ужина был сервирован на границе салона и веранды, выходящей в сад. К посетителям вышла жена Гантура – немолодая, но, как большинство индонезиек, стройная миниатюрная дама с черными

длинными волосами, уложенными в замысловатую прическу. Звали ее Сорайя. Гостям и хозяевам за столом прислуживало ни больше ни меньше как четверо слуг – две девушки и двое молодых людей. Блюдам не было числа, и профессор вел себя неприлично – поминутно спрашивал, что это за блюдо, как называется, из чего делается и как готовится. Хозяева терпеливо объясняли. Гантур был бизнесменом и специализировался на помощи иностранным фирмам, входящим для бизнеса в Индонезию. У него с Сорайей было два взрослых сына, которые жили в США. И Гантур сказал, что они хотят поменять этот дом на жилье поменьше. На вопрос Игоря он ответил, что его дом стоит примерно 5 миллионов долларов, что в пересчете на израильскую практику было в 3–4 раза больше.

Спустя полтора месяца после возвращения Игорь и Майк получили приглашение от PVGASD посетить Вьетнам и первый визит совершить в Хошимин (Сайгон). Летели они самолетами «Аэрофлота» через Москву Игорь с Майком были тертые калачи по части использования авиации, и они оба были в восторге от сервиса «Аэрофлота». Хошимин является крупнейшим городом страны (население 8 миллионов) и экономической столицей страны (около 300 тысяч предприятий). Он расположен на юге Вьетнама – в 1700 километрах к югу от столицы страны Ханоя на реке Сайгон, на восточной границе дельты реки Меконг. С 1887 по 1901 год город был столицей колонии Франции – Французского Индокитая, включающего кроме Вьетнама также части современной Камбоджи и Лаоса. После поражения в битве при Дьенбьенфу французы покинули Индокитай, Вьетнам разделился на две части, а Сайгон стал столицей независимого капиталистического Южного Вьетнама. На севере образовалось социалистическое государство со столицей в Ханое.

Коммент-эр: битва при Дьенбьенфу – сражение между французской армией и силами Объединенного национального фронта Льен-Вьет, произошедшее в марте – мае 1954 года. Эта битва считается решающим сражением Первой Индокитайской войны. В результате поражения при Дьенбьенфу группировка французских войск в Индокитае понесла серьезные потери и отступила. Капитуляция французских войск нанесла тогда большой урон влиянию Франции на международной арене. После битвы, в Женеве был подписан договор о прекращении французского военного присутствия в Индокитае.

Началась гражданская война Северного Вьетнама, поддерживаемого СССР, против Южного Вьетнама, на стороне

которого воевала армия США. Эта война закончилась поражением американцев, падением Сайгона и объединением обеих частей страны. В июле 1976 года Сайгон официально переименовали в Хошимин, в честь коммунистического лидера и президента Вьетнама Хо Ши Мина. У местных городских жителей название Сайгон по-прежнему широко распространено.

Игорь с Майком поселились в отеле в центре города, неподалеку от действующего католического собора Нотр Дам де Сайгон. Собор был построен в 1880 году французами из уникального красного кирпича, привезенного из Франции. Перед зданием установлена статуя Девы Марии. Игорь нашел, что по стилю собор очень напоминает собор Парижской Богоматери, хотя некоторые искусствоведы это отрицают. Вообще центр города сохраняет «французский дух» и архитектуру Здесь также расположена главная торговая зона города с торговыми центрами, дорогими отелями, многие из которых расположены в роскошных колониальных зданиях. Французский дух города также подтверждается наличием в меню некоторых ресторанов различных видов лягушек.

Юг Вьетнама славен своими крокодилами. В некоторых ресторанах подают стейк из крокодила, в ларьках и магазинах продается много изделий из кожи крокодила: сумок, портфелей, бумажников, ремней, обуви. Также продаются целиком шкуры крокодилов разных размеров. Смешанные чувства вызывают сувениры из крохотных крокодильчиков, например брелок из настоящей головы крокодильчика с зубками. Подоплека тут чисто экономическая: в питомниках из яиц вылупляется множество крокодильчиков. Далее выращивают далеко не всех, вот и придумали, как утилизировать маленьких вылупившихся рептилий.

Поражало количество мотоциклов и мотороллеров на улицах. При населении 90 миллионов человек во Вьетнаме парк двухколесных моторных транспортных средств насчитывает 45 миллионов единиц. По количеству мотоциклов на душу населения Вьетнам занимает первое место в мире, а по абсолютной величине парка – четвертое – после Китая, Индии и Индонезии. Профессор видел «мотоциклетную» плотность в Индии, Китае, Таиланде, но то, что он увидел во Вьетнаме, было совершенно грандиозно. Во Вьетнаме практически отсутствуют светофоры с дополнительными стрелками и боковыми секциями, а также отдельные светофоры на пересекающиеся улицы. Когда водитель служебного автомобиля профессора или таксист делал левый поворот, а навстречу мчался сплошной мотоциклетный поток, то Игорь просто закрывал глаза, вспоминая, кого он

обидел в прошлой жизни. Но вот что интересно: при этом практически не было ни одной аварии, встречные мотоциклы тормозили в пяти сантиметрах от машины и пропускали ее, хотя формально имели преимущественное право проезда.

Вечером все улицы были сплошь заставлены двухколесными «железными конями», и вьетнамцы использовали их как скамейки – на них пили чай и кофе, закусывали, играли в карты, читали, разговаривали.

Переговоры с руководством и экспертами вьетнамского газового концерна проходили весь следующий день и закончились успешно. Далее израильские гости оказались под опекой молодого инженера Фам Вам Лама, который должен был ознакомить их, как говорят, на местности в южной части Вьетнама с источниками газа, потребителями и существующей инфраструктурой. Надо сказать, что во Вьетнаме произошла полная смена поколений. Все руководители и чиновники концерна были молодые люди в возрасте между тридцатью и сорока годами, хорошо образованные и говорящие на английском. Наш опекун Лам без ложной скромности сообщил, что его дедушка посол Вьетнама в Китае, что обеспечивает очень высокий социальный статус семьи, поскольку Китай является главным заклятым другом Вьетнама. Китай и китайцев все вьетнамцы не любят и стараются исключать их из проектов, поставок оборудования и партнерства. Когда где-нибудь профессор говорил, что вот тут мы используем китайское оборудование, то вьетнамские партнеры морщились и спрашивали, нельзя ли другое. Но голод не тетка, и дороги страны были заполнены китайскими грузовиками, а на большинстве предприятий используется китайское оборудование. Но вот что отличало Вьетнам от любой страны мира – почти весь ширпотреб не был китайским.

Даже мотоциклы все производятся местными фирмами, правда, совместными предприятиями или предприятиями с иностранным капиталом (Honda, Piaggio, Yamaha, Suzuki, SYM). Вьетнам также поставляет на экспорт около полумиллиона мотоциклов в год. Особенностью рынка мотоциклов во Вьетнаме является то, что абсолютное большинство производимых моделей имеют объем двигателя до 150 кубических сантиметров. Это связано с законодательным регулированием, которое направлено на ограничение использования мотоциклов с большим объемом двигателя. Для вождения мотоциклов объемом свыше 150 кубических сантиметров требуется отдельная категория водительских прав, а также другие разрешительные документы.

Игорь с Майком объездили все окрестности Сайгона, изучая

возможных потребителей, а также посетили порт на предмет изучения возможности перевозок газа в центр страны морским путем. Сайгонский порт находился в образцовом порядке и был готов к предполагаемым перевозкам. Однако выходило дороговато.

Игорь также совершил «путешествие», переправившись с одного берега реки Меконг на другой и обратно. В одну сторону Игорь плыл в трюме парома, с тем чтобы ознакомиться с работой двигателей, которые предполагалось перевести на природный газ. На обратном пути он вышел на палубу, до предела заполненную автомобилями, мотоциклами и пешими гражданами.

Дельта реки Меконга заслуживает отдельного упоминания. Этот огромный район, расположенный южнее Сайгона, включает в себя множество каналов, рукавов, рисовых полей и рыбацких деревень. Дельта определяет жизнь Южного Вьетнама (здесь производят 40 процентов продуктов питания, потребляемых страной, и около 50 процентов вьетнамского риса). Река Меконг, являющаяся одной из самых длинных рек в Азии, разбивается возле Хошимина на девять рукавов, называемых во Вьетнаме девятью драконами. Дельта Меконга образует обширную равнину площадью 40 тысяч квадратных километров. На берегах рукавов стоят соломенные и бамбуковые домики, а на воде раскинулись плавучие рынки, на которых идет торговля рыбой и овощами. Передвигаются жители по реке на лодках. Речная почва чрезвычайно плодородна, что дает возможность местному населению собирать несколько урожаев в год. Занимаются жители активно и рыболовством, и разведением рыбы.

Всего в распоряжении порта было двадцать паромов, каждый из которых совершал двадцать рейсов в день. Старенькие дизели нещадно дымили, что выглядело полным диссонансом с сельской зеленой местностью на берегах.

Нанесли коллеги визит и в центральное управление железных дорог, которое находилось в Хошимине (а не в Ханое). Их принял генеральный директор – молодой человек лет тридцати пяти. После встречи пошли вместе обедать в соседний ресторан. Директор оказался очень интеллигентным, эрудированным человеком, с которым израильтяне свободно обсуждали практически все вопросы, как связанные с предлагаемыми проектами, так и на разные свободные темы – от сравнения социализма и капитализма до вьетнамской живописи и литературы. После встречи директор позвонил на железнодорожную станцию Хошимина и предупредил ее директора о визите израильской делегации. Железная дорога позабавила профессора, колея была европейская – узкая, а

вагонный парк был совершенно раритетный – на вагонах стояли французские шильдики и клейма. Наряду с тепловозами используются и паровозы. Их, видимо, изготовлял собственноручно Стефенсон, но бегали они исправно.

Посетили израильтяне также несколько газовых заправочных станций в окрестностях Сайгона и несколько новых технопарков. Технопарки располагали отличными асфальтированными подъездными дорогами, современными кондиционированными зданиями, прекрасными столовыми для персонала, отлично организованной подвозкой рабочих на работу. Инженерный состав включал в себя высокообразованных молодых людей, большая часть которых говорила по-английски.

Коллеги сочли Вьетнам чрезвычайно перспективной для себя страной, и по возвращении в Израиль Игорь засел за расчеты и составление бизнес-планов по доставке газа с юга страны в центр несколькими способами: по железной дороге, морем и автотранспортом.

Вернулись они во Вьетнам через полтора месяца. Но начали уже с Ханоя. Ханой – столица объединенного Вьетнама, главный политический и культурный центр страны и второй по значению промышленный центр. Название Ханой дословно переводится как «город между рек», поскольку город расположен на берегу Красной реки (Хонгха). В 1961–1962 годах генеральный план Ханоя разрабатывался под руководством советского архитектора Игоря Алферова. В Ханое много храмов и пагод, красивых вилл колониальных времен, узких улочек и широких бульваров, зеркальных озер в обрамлении деревьев. В старой части города проживают ремесленники, кустари, мелкие торговцы. По названиям улиц можно догадаться о занятии ее жителей: Веерная, Ювелирная, Парусная, Серебряная и т. д. Новый центр носит отпечаток советского влияния. Здесь располагается Российский центр науки и культуры, двухэтажный мост Тханглонг на главной дороге, соединяющей Ханой с северными провинциями, построенный при безвозмездной помощи СССР, Дворец вьетнамо-советской дружбы, культуры и труда, построенный советскими архитекторами, Мавзолей президента Хо Ши Мина, парк Ленина (старое название – сквер Чиланг) с бронзовой статуей Владимира Ильича Ленина высотой 5,2 метра, установленной на почти трехметровом гранитном пьедестале. Всё это построено по советским проектам. В сравнении с Хошимином плотность населения города не высокая. Жизнь в Ханое неспешная и спокойная (если только не считать движения на дорогах).

Поражают до глубины души картины, вышитые вручную шелком по шелку, выставленные в витринах магазинов XQ,

Говорят, что шелковые нити никогда не выцветают и не теряют насыщенности цвета. Мастерицы XQ сначала рисуют на шелке карандашом будущую картину, а уже затем вышивают. После изготовления шелковые картины разглаживаются, натягиваются на картон и помещаются под стекло. В основном вышивают гладью (но не такой, к которой привыкли европейцы), и что интересно – почти все картины отличаются эффектом трехмерного изображения.

В Ханое коллеги нанесли визит в министерство промышленности и торговли, управление железных дорог севера, встретились с кое-какими релевантными лицами и вылетели в Дананг – неформальную столицу центра страны.

Дананг – пятый по величине город Вьетнама, крупный порт. В Дананге сочетаются признаки промышленного мегаполиса и черты фешенебельного курорта с роскошными пляжами, пятизвездочными отелями, серфинговыми и дайвинговыми клубами. Коллеги жили в шикарном отеле на берегу моря, который наполовину был заполнен туристами из России. Сюда даже летал прямой рейс из Москвы. Вечером по прилете Игорь с Майком пошли в ресторан отеля поужинать и были поражены огромными ценами, в три раза превосходящими цены в обычных вьетнамских ресторанах. Дальше они уже питались в городских ресторанах и кафе.

Из Дананга коллеги уже совершали «набеги» на окрестные предприятия. Они посетили табачную фабрику, кирпичный завод, завод по производству стекла, сахарную фабрику, также снова порт и местную железнодорожную станцию. Все эти предприятия нуждались в природном газе, и фронт работ был огромный. Надо было всё переварить и сделать вьетнамской стороне уже конкретные предложения. Игорь с Майком вернулись в Тель-Авив через Москву и засели за работу. В один прекрасный день хороший знакомый Майка из Корпорации финансов, нефти и газа (PVFC) позвонил Майку и сказал, что большая группа сотрудников PVGASD обвинена в коррупции, отстранена от работы и находится под следствием. По-видимому, в этой группе были и персоны, с которыми израильтяне имели дело, поскольку на письма и звонки они больше не реагировали.

Так печально закончилось вьетнамское предприятие коллег. Этот факт нельзя даже было классифицировать как восьмое падение с «сабантуйного столба», поскольку упал сам столб, а другого не было. Однако положение профессора сейчас было несколько лучше, чем в процессе прежних крахов, – заканчивалось оформление пенсии (хотя и очень скудной), и он получал маленькую зарплату от Майка. Впрочем, прожить на эти

деньги было почти невозможно и опять надо было действовать, правда уже в очень зрелом возрасте и послеболезненном состоянии. По возвращении из Вьетнама Игорь слег в больницу с воспалением легких, где пролежал почти неделю.

Глава 14
Снова ракетчик

Как-то Игорь с Даной посетили арабскую деревню для пополнения продовольственных запасов. На улице к ним подошел местный аптекарь и сказал, что Масуд просит Игоря встретиться с одним иорданским профессором. Игорь ответил, что он не возражает и просит организовать встречу там же в Тире.

– А вы случайно не знаете, из какого он университета?

– Ну почему же, знаю, из JUST[43].

– О, насколько я помню, это серьезное заведение! А что еще тебе известно об этом профессоре?

– Зовут его Абед Адеинат, он долго работал в Америке, потом вернулся, вот и всё, что я знаю.

Игорь порылся в интернете и обнаружил, что Абед является профессором по специальности «автомобильная и аэрокосмическая инженерия». Где он работал за границей, профессор не обнаружил. Игорь знал, что среди иорданцев много образованных людей (врачей, инженеров, программистов), работающих в странах Персидского залива – в Арабских Эмиратах, Саудовской Аравии и других – и считающихся там хорошими специалистами. Почему бы этому иорданскому профессору не работать в США?

«О, предстоит разговор с коллегой, понятно, о чем пойдет речь – о моей крылатой ракете!» – подумал он.

Через неделю встреча состоялась. Иорданский профессор оказался невысоким седым человеком совершенно европейской внешности. Он тепло поздоровался с Игорем и предложил ему начать разговор со знакомства. Игорь немножко рассказал о себе и спросил у Абеда, где он работал в США. Ответ его более чем удовлетворил. Оказывается, Абед проработал восемь лет в «Пратт энд Уитни», где в основном занимался промышленными газовыми турбинами, правда, пару лет ему пришлось трудиться в отделении ракетных двигателей. Учился он сначала в Иордании, потом в США.

– Поэтому, – пошутил он, – давайте, прежде всего, поговорим о двигателе.

– Абед, вы так выражаетесь, как будто я сдаю вам предпроект. Я ведь просто сделал вашим коллегам некий концептуальный доклад с изложением своих мыслей.

– Но вы профессионал, и я ни за что не поверю, что вы не думали про двигатель.

– Безусловно, я этот вопрос бегло изучал,

– Я думаю, что нам потребуется два двигателя. По предварительным расчетам, главный турбореактивный маршевый двигатель должен будет обеспечить тяговооруженность[44] около 0,35—0,40. При весе нашего аппарата около 150 килограммов тяга должна быть 60—100 килограммов, максимум 100 килограммов. Очень подходит, например, чешский двигатель PBS TJ80 с тягой 90 килограммов и собственным весом 12,5 килограмма. И купить его в Чехословакии можно будет, я думаю, достаточно просто. Он специально сконструирован для малых крылатых ракет. Эта фирма также производит двигатели TJ100 с тягой 130 килограммов. Есть интересный вариант двигателя Boeing T50-B8 «502» с тягой 100–130 килограммов. Есть подходящие моторы тайваньской фирмы «Джетбилт Пропалшн Систем», например Locust Hl50 с тягой 70 килограммов. В общем, я думаю, с маршевым двигателем принципиальных проблем нет. Стартовый двигатель можно, в крайнем случае, сделать самим, и не факт, что он может понадобиться.

Коммент-эр: на крылатой ракете, кроме маршевого турбореактивного двигателя, который служит для создания тяги в полете, устанавливается второй двигатель, называемый стартовым. Стартовый двигатель предназначен для быстрого разгона ракеты до скорости, на которой может продолжаться устойчивый полет. Стартовые двигатели выполняются жидкостными или твердотопливными.

Планируется, что наш аппарат будет иметь возможность вертикального взлета и посадки, а также зависания. Я полагаю сделать его с единой силовой установкой, у которой один и тот же двигатель создает вертикальную и горизонтальную тягу, в противовес самолету с составной силовой установкой, состоящей из отдельных двигателей, предназначенных для вертикального взлета и посадки (подъемные), и двигателей для горизонтального полета (маршевые). Обеспечение вертикального и горизонтального полета производится управлением вектором тяги (УВТ) реактивного двигателя – отклонением реактивной струи двигателя в основном за счет поворота всего сопла. Аппараты, имеющие отклоняемый вектор тяги, являются чрезвычайно маневренными как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости, что весьма необходимо в нашем случае. Интересным примером является российский беспилотный летательный аппарат «Штиль-3», в котором используется три турбореактивных двигателя. Два двигателя используются для

создания основного изменяемого вектора тяги, необходимого как для вертикального взлета и посадки, так и для горизонтального полета. Третий двигатель – вспомогательный, меньшей мощности, служит для стабилизации полета. «Штиль-3» имеет возможность зависания в нескольких заданных точках маршрута. Вторым фактором, который планируется использовать для полетов на очень малой высоте, является использование экранного эффекта.

– О! Игорь, расскажите об этом чуть подробнее, я знаю, это в основном русское поле деятельности, и на Западе об этом пишут очень мало.

– Ну, конечно, расскажу. Вы знаете, что обычный самолет летит, потому что форма и профиль его крыла создают над его плоскостью давление ниже, чем под ней, из-за того, что скорость потока воздуха над крылом больше, чем под крылом. Это означает, что подъемная сила, необходимая для отрыва судна от поверхности, обеспечивается набегающим потоком воздуха, который нагнетает давление под аппаратом. В экраноплане крыло создает подъемную силу не только за счет уменьшения давления над верхней плоскостью, как у «нормальных» самолетов, но и за счет повышенного давления под нижней плоскостью. Это дополнительное давление обеспечивается тем, что воздух, протекая между нижней плоскостью крыла и земной поверхностью, создает область повышенного давления, которая достигает поверхности и отражает обратно. Это и называется экранным эффектом. Создать такой эффект возможно только на очень небольших высотах меньше аэродинамической хорды крыла[45]. Для создания «экрана» могут служить моря, реки, болотистая местность, снега, льды и обыкновенная суша. Скорость экранопланов составляет 400–500 километров в час. Высота отрыва экраноплана от поверхности зависит от ширины крыла и скорости движения. С этим делом у нас плоховато – крылья-то у нас небольшие. Поэтому я думаю над преданием нашему аппарату формы камбалы. Ну а насчет русского следа вы немножко ошибаетесь – первым построил буксируемый экранолет в 1935 году финский инженер Тойво Каарио, но, правда, потом основные исследования были сосредоточены в России.

– А что вы предполагаете делать с управлением?

– Я немного затронул этот аспект в своем предыдущем выступлении, которое вы, видимо, читали. Инерциальная система управления нам вряд ли подойдет, придется использовать очень упрощенный TERCOM[46].

Коммент-эр: ТЕРКОМ – это система определения параметров

движения и координат различных объектов (ракет, самолетов, космических аппаратов, надводных кораблей и подводных лодок) и управления ими при движении в заданном направлении. Простейшая инерциальная система управления включает приборы, измеряющие ускорение, скорость и пройденный путь. По этим данным бортовая ЭВМ командует исполнительным рулевым устройством.

Принцип действия системы TERCOM состоит в том, что по данным разведки составляется цифровая карта полета ракеты к объектам. Информация о выбранном маршруте закладывается в память бортового компьютера. Система непрерывно измеряет высоту местности под траекторией своего полета, сопоставляет эти данные и данные по маршруту с местностью и определяет положение ракеты на цифровой карте. Система обеспечивает ракете полет на малых высотах, приспосабливаясь к рельефу местности. Что касается остальных вопросов, включая конструкцию корпуса, систему питания топливом, механизм взрывания, приводы для изменения положения сопел и прочее, то я особых проблем не вижу, особенно учитывая небольшую дальность полета нашего аппарата.

– Для первой половины дня достаточно, – сказал Абед, – пойдемте пообедаем.

После обеда Абед пригласил профессора пойти посидеть в садике на улице и поговорить там. Игорь догадался, что Абед хотел пообщаться без записи, а то, что в доме запись их беседы, по меньшей мере звуковая, велась, он не сомневался.

– Вот что я вам скажу, Игорь, сейчас у меня нет сомнений, что вы в состоянии в принципе построить такой аппарат, который будет выполнять возложенные на него функции. Если, конечно, все организационные и материально-технические вопросы будут улажены. И я это прямо скажу моим заказчикам. Но они также попросили меня сделать грубую оценку затрат на создание такой ракеты и ее стоимости. То, что такая штука будет стоить не более 20–25 тысяч долларов и даже меньше, у меня сомнений нет. А вот сколько будет стоить ее разработка?

– Ну, давайте грубо считать! Два года работы, три человека в среднем с зарплатой 2–2,5 тысячи долларов в месяц – это примерно 200 тысяч, периодические заказы на проектные работы – еще 100 тысяч, изготовление узлов и деталей – 300 тысяч, программирование и настройки – еще 200 тысяч, оборудование и содержание сборочного маленького цеха тут, в автономии, – 200 тысяч, поездки, встречи – еще 100 тысяч. Это всё около миллиона.

– Ну а вы могли бы возглавить такую работу и какое

попросите вознаграждение, если всё будет удачно?

– Насчет того, могу ли возглавить, пока совершенно точно сказать трудно. Поэтому сначала надо проверить, смогу ли я подобрать в команду необходимых людей здесь и в России – я ведь один такую работу не сделаю. Потом, я еще в принципе не решил вопрос для себя: кроме материальных аспектов, ведь есть еще и вопросы морали, безопасности, ответственности и другие.

– Ну, хорошо, давайте приценимся, вы насчитали миллион, условно возьмем еще миллион вознаграждений и миллион на непредвиденные расходы, в общем будет около трех миллионов. Разумная цена в этой ситуации – я так и скажу пославшим меня людям. А теперь давайте поговорим о морали. Мне первый раз в жизни предоставляется возможность поговорить с русским евреем, образованным, умным и с трезвым взглядом «на природу вещей».

– О, Абед! Вы знаете поэму Кара! Мне тоже очень приятно и интересно разговаривать с таким арабом – никогда не приходилось! Я люблю эту поэму. Так что бы вы хотели обсудить для начала?

– Игорь, мне очень интересно услышать, как вы рассматриваете израильско-арабский конфликт именно сегодня? Без исторических экскурсов!

– Да очень просто рассматриваю. Конфликт сегодня – просто база для спекуляций всех втянутых в него сторон. Конечно, гибнут люди с той и с другой стороны, но когда в истории это останавливало правящие классы на пути достижения ими глобальных политических и экономических целей? Хамасовские лидеры отсиживаются в пещерах, а насчет Израиля… Вы когда-нибудь слышали о терактах или падающих «Касамах» в Рамат-Авиве или Герцлии Питуах? Разговоры о создании «палестинского государства» – для правящих кругов всех сторон выгодное дело, ибо это помогает созданию образа врага, без которого невозможно сплотить население Израиля, с одной стороны, и население арабских стран и сами эти страны между собой, с другой стороны. Палестинцам крайне удобно быть обиженной стороной и не строить свое государство. Однако раз весь мир на этом настаивает и выделяет для этого большие деньги, они создают видимость усилий, сваливая неудачи на Израиль. Деньги успешно разворовываются, и требуются всё новые и новые вливания. Каждое правительство нуждается в том, чтобы иметь врага, дабы оправдывать экономические и политические неудачи и сплачивать свое население и союз с другими странами. Фридрих Ницше писал: «Выбор врага намного важнее, чем выбор друга». Главный внутренний враг Израиля сегодня – ХАМАС, а

роль главного внешнего врага Израиля уверенно играет Иран. Нашими политиками и СМИ раздувается миф о чудовищном агрессоре, любым путем стремящимся заполучить атомное оружие и уничтожить Израиль. Если слушать израильских политиков, то Иран уже давно должен был испытать атомную бомбу подобно Северной Корее, без необходимости импортировать технологии и материалы. Прошло двадцать пять лет – и что? Арабо-израильский конфликт уже давно является идеологической базой еврейского государства, и жить без этого конфликта Израиль уже не может. Сионизма как средства, объединяющего еврейских граждан Израиля, давно нет, и его главным заменителем является иранская атомная бомба. Временами пропаганда принимает анекдотические черты. Про Ахмадинеджада я уже и не говорю… Как-то в Таиланде, будучи на большой всемирной выставке, я поздно вечером разговорился с иранцем из одной фирмы, чей павильон был рядом с нашим. Про Ахмадинеджада он сказал: «Не обращайте внимания, это же шоумен». Прискорбно же то, что и в Израиле берут с него пример. Наш премьер Нетаниягу переигрывает, размахивает в ООН куском ватмана с нарисованной атомной бомбой, и в результате сам становится объектом для карикатур. Потом, не надо забывать о чисто экономической целесообразности для Израиля нынешнего положения. Я думаю, что для вас не секрет, что экономические успехи Израиля во многом обусловлены использованием дешевого труда палестинских рабочих с территорий. Когда мы приехали в Израиль в конце восьмидесятых – начале девяностых, то он был похож на древнее рабовладельческое государство. Ранним утром, обычно еще затемно, толпы палестинцев двигались с территории, где они жили, на стройки и сельскохозяйственные предприятия Израиля, где они трудились за зарплату, составляющую половину от зарплаты израильтян. Подъемных кранов и бетононасосов тогда и в помине не было. Вечером палестинцы возвращались домой. Я уже не говорю о строительстве зданий и дорог за «зеленой чертой» – там работали исключительно палестинцы. Но и это было для них благо, поскольку другой работы у них не было. Это было идеальное рабовладение, воспоминание о котором навсегда осталось в памяти израильских подрядчиков-кабланов и фермеров. Надо заметить, что подобная система не была только израильским изобретением. В ЮАР, например, были образованы несколько бантустанов, где жили чернокожие граждане, приходящие на работу в южноафриканское государство. После интифады ситуация несколько изменилась, и пришлось завозить тысячи таиландцев, китайцев и прочих гастарбайтеров, однако по

общему мнению они не являются полноценной заменой палестинцев. И тихо-тихо число приезжающих на работу в Израиль палестинцев растет и уже приближается к 150 тысячам человек, как было до интифады. Уж очень выгодное дело! Иран и Израиль нужны друг другу. Демонизация Ирана и преувеличение иранской угрозы необходимы израильскому правительству для достижения внутриполитических интересов и исключения малейших попыток совершить какие-либо государственные преобразования. Во внешнеполитическом аспекте Иран Израилю нужен для выбивания денег из США и его еврейских граждан и вовлечения Америки в военную конфронтацию в случае чего. Однако в Израиле иногда раздаются и трезвые голоса. В 2016 году бывший начальник Генерального штаба и министр обороны Израиля Моше Яалон заявил: «В настоящий момент и в обозримом будущем нет угрозы для Израиля. Таким образом, было бы уместно, чтобы руководство страны перестало пугать граждан и создавать атмосферу, будто мы стоим перед вторым Холокостом». Скажу больше, уже сейчас, когда нет реального внешнего врага, выходят на поверхность противоречия между сефардами и ашкеназами, светскими и ортодоксами и другими, становится видна всепроникающая коррупция и разложение власти – в такой ситуации поиск врага становится главной задачей правительства. В свою очередь, антиизраильская риторика позволяет Ирану отвлекать народные массы от экономического кризиса, дороговизны жизни, достигшей невероятных размеров, политических преследований и тому подобного, а также легализировать его претензии на роль лидера арабского мира. Болтать об уничтожении Израиля иранцы могут сколько угодно, но они сами отлично понимают, что дальше разговоров дело не пойдет. Иранцы, включая аятолл, не фанатики, а трусливый народ, и наступают только там, где противник отступает. Я много раз был в Индонезии, это крупнейшая в мире мусульманская страна, но рядовые граждане и большинство политиков имеют самое смутное представление об Израиле и не испытывают к нему никакой враждебности. В то же время у Индонезии нет дипломатических отношений с Израилем. Почему? Дабы изображать солидарность с мусульманским миром – больше нечего предъявить!

– Игорь, вы знаете… не могу не разделить вашу точку зрения в принципе, кое в чем я не согласен, но это нормально! Вы упомянули в нашем разговоре о моральной стороне вопроса вашего сотрудничества с автономией. Я, конечно, догадываюсь, о чем идет речь, но вопрос важный, хотелось бы дополнительно прояснить. Вы, я вижу, не в большом восторге от Израиля.

– А как может быть в восторге человек, который попал в страну в результате мошенничества одного из израильских функционеров? Мне ведь делать в Израиле было нечего, и я никогда не собирался сюда ехать – попал только в результате закрытия Америки. Что касается ответственности создателей оружия, это вопрос не новый, и в данном случае у меня ответ на него практически есть. Давайте разделим этот вопрос на две части. Первая часть – это формальная ответственность перед кем-либо. У меня ее нет: я никогда не работал и не работаю в израильских структурах, связанных с ракетами и управляемыми снарядами, я не имел и не имею никаких сведений об их проектировании и изготовлении, и всё, что у меня есть, – это из моей головы и открытых источников. Что касается второго аспекта, то он чисто моральный. Хорошо известно, что никакой конструктор оружия не может предвидеть все последствия внедрения своего детища, и ответственность несут не те, которые создают оружие, а те, которые применяют. Возьмем пример американского изобретателя первого пулемета Максима. Когда американская армия от его пулемета отказалась, он продавал его всем желающим. Причем мои разработки – это не атомная бомба, а совершенно локальное «домашнее» оружие. Конечно, подобно тому, как немцы обстреливали американцев из «Максимов» во время Первой мировой войны, возможно применение этого оружия против Израиля. Но совершенно монопольное многократное превосходство в вооружениях одной стороны против другой чревато еще более тяжелыми последствиями. Это хорошо понимали и этим руководствовались английские и американские специалисты, передавшие СССР секреты атомной бомбы. Об этом написаны горы литературы – можете почитать. Этим же руководствовался академик Сахаров, считавший, что ситуация, при которой мощное оружие сосредоточено в одних руках, чревата огромной опасностью.

Коммент-эр: во время Второй мировой войны советские разведчики в США и Великобритании завербовали нескольких ученых, которые принимали участие в производстве атомной бомбы. И эти люди, в основном с левыми взглядами, хотели бороться за будущий мир во всем мире, помогая СССР создать атомную бомбу. Они считали, что в этом случае силы США и СССР уравновесятся и никто не решится на развязывание военного конфликта.

Абед заверил Игоря, что он будет в его распоряжении и поможет ему во всех необходимых вопросах. Они распрощались,

но судьба потом еще не раз их сводила.

Тем временем в положении профессора появился просвет – забрезжила старая-новая эпопея на Балканах, в частности в Черногории. Старый партнер и товарищ профессора Роман, проживающий в Белграде, позвонил ему и сообщил, что крупная российская газовая компания входит в Черногорию, Сербию и Боснию-Герцеговину и собирается развернуть там всестороннюю деятельность. Надо было лететь в Подгорицу на встречу с российскими коллегами. У профессора было изобретение, описание которого он через Романа отправил российским коллегам, встретившимся с Романом в Санкт-Петербурге на большом газовом форуме. Российские коллеги с интересом отнеслись к изобретению и предложили собраться в Подгорице. Раньше Игорь объездил всю бывшую Югославию вдоль и поперек, но случилось так, что в Черногории он не бывал.

Незадолго перед отлетом он встретил в арабской деревне аптекаря Мурада, и тот сказал, что его хочет видеть Масуд. Дело было в том, что Игорь не хотел перезваниваться с арабами во избежание прослушки.

– Какие проблемы, я буду еще неделю в Израиле, пусть он через тебя назначит время, и я, так же как в прошлый раз, подъеду в Тиру. А к тебе забегу завтра, и ты передашь мне время.

Беседа с Масудом состоялась через три дня в том же богатом арабском доме. Кроме Масуда на ней присутствовал еще один немолодой араб, говоривший на ломаном английском. Судя по всему, он занимал в тамошней иерархии важный пост, поскольку Масуд обращался к нему с видимым почтением.

Когда араб на минуту покинул комнату, Игорь спросил Масуда:

– Кто это?

– У него деньги!

– Тогда понятно.

Обсуждались оргвопросы. Игорь заявил собеседникам, что создание опытного образца лучше всего осуществлять в израильской арабской деревне Тира, где они сейчас находятся. Расположение деревни на территории Израиля даст возможность участникам проекта – израильтянам свободно посещать место работы и не вызывать внимания арабского населения, как бы это было при работе на территории Палестинской автономии. Кроме того, облегчится провоз компонентов и деталей из аэропорта и порта до места сборки, поскольку исключит еще один пункт проверки на границе между Израилем и автономией. Сильно облегчится также провоз компонентов, закупленных или изготовляемых в Израиле.

Потребуется некое производственное помещение, где будет правдиво имитироваться какая-либо настоящая работа. Как раз в фирме профессора была проблема, куда девать всё оборудование в связи с ликвидацией фирмы. Большое количество изделий лежало на складе, и Игорь мучился, куда бы их пристроить, – выбросить было жалко, а платить за склад было накладно. Среди изделий было много разного вида газовых баллонов, стендов и приборов для их испытаний, элементов установки для имитации газового автомобиля, включая электронные системы управления, упаковок с сорбентом и пр. Всё это могло относительно просто маскировать работы над ракетами, а зачехленные или разрезанные цилиндры вообще сходили за ракеты. Всё это Игорь объяснил собеседникам. Под наземным цехом должен находиться вентилируемый оборудованный подвал-цех с двумя входами: один замаскированный вход из цеха, а второй, основной, из соседнего с цехом домика.

– Перед принятием окончательного решения мне надо будет съездить в Чехословакию по поводу моторов, а затем в Россию.

– Сколько вы попросите за свою работу?

– Маленькую зарплату в тысячу долларов в месяц, поскольку я буду продолжать работать в своей нынешней фирме, и миллион после успешных испытаний.

Пожилой араб всё непрерывно записывал в блокнот и по окончании встречи сказал:

– Хорошо, мы всё обдумаем, и Масуд сообщит вам об окончательном решении.

На этом и расстались. Через три дня профессор с Майком вылетели в Подгорицу. Российские представители рассказали израильтянам о намерении перевести на сжиженный природный газ местный алюминиевый комбинат и для начала доставлять этот газ автопоездами-газовозами из одного из европейских портов, а в будущем построить терминал по приему жидкого газа в единственном черногорском морском порту в городе Бар. Кроме того, они планировали несколько проектов в Сербии и Боснии по переводу на газ парка автобусов и небольших промышленных предприятий. Изобретение Игоря очень подходило для сербских проектов, и стороны подписали договор о сотрудничестве. Российская сторона взяла на себя финансирование изготовления и испытаний опытного образца, а также оформление патентов. Курировать все «югославские» проекты с российской стороны было поручено одному очень квалифицированному и опытному российскому практику (нефтянику и газовику), которого звали Олег Богатин. Игорь и Олег нашли общий язык и успешно сотрудничали далее во всех проектах.

Игорь с Майком вернулись в Израиль, и профессор засел за оформление заявки на изобретение на сербский и боснийский патенты. Было решено запатентовать быстро изобретение в странах, где намечалось изготовлять опытный образец, а уже потом заниматься международным патентом. Игорь нашел в интернете подходящую солидную сербскую патентную фирму, списался с ней и отправил черновик патентной заявки в Белград. Через некоторое время он встретился с Олегом в Белграде, и они посетили патентную фирму для обсуждения патента.

Из Белграда они с Олегом и Романом полетели в Подгорицу, где партнеры хотели ознакомить Игоря с несколькими потенциальными газовыми проектами и услышать его мнение. Игорь с Романом побывали на нескольких черногорских предприятиях и рассмотрели несколько потенциальных проектов, среди которых выделялся проект по переоборудованию морских паромов, плавающих из порта Бар в Италию и другие страны Средиземноморья. Главной движущей силой при этом являются ограничения на выброс вредных продуктов от сгорания топлива в двигателях судов применительно к курортным зонам и островам Средиземного моря и прилегающих к нему морей. Коллеги съездили на машине также в Албанию, где встретились с владельцами небольшого газового месторождения в горной местности в двухстах километрах от Тираны. Игорь уже бывал на этом месторождении пять лет назад, во время их первого этапа «югославской» саги. Главная проблема этого месторождения состояла в том, что тамошний газ содержал высокий процент серы, которую надо было вычищать из газа, а это требовало сложного и дорогого оборудования. В поездке их сопровождал один черногорец албанского происхождения, который играл роль проводника и переводчика. Проводник понадобился из-за того, что в Албании идет обширное дорожное строительство, и разобраться в многочисленных объездах с указателями исключительно на албанском языке было сложно. GPS-навигатор также слабо помогал.

Газовая скважина теперь управлялась новой частно-государственной компанией, и эти люди были незнакомы Игорю, Олегу и Роману. Доклад делал главный инженер компании, невысокий худощавый пожилой албанец по имени Лека Влеру, отлично говоривший на английском.

После совещания албанцы повезли гостей в какой-то популярный рыбный ресторан. При подъезде к ресторану хлынул буквально тропический ливень, и хотя машина заехала на тротуар и остановилась очень близко от ресторана, выйти из нее не было никакой возможности, тем более что в ресторан вела довольно

длинная лестница. Видимо, такие дожди в Тиране не были какой-то редкостью, поскольку процедура вывода гостей из машины была отшлифована до блеска. К машине подбегал служитель с огромным зонтом, под которым можно было поместить автомобиль средней величины, и по очереди доводил гостей до дверей ресторана. Проблему представляла только большая лужа по дороге, в которой легкие мокасины Игоря промокли насквозь.

За столом Игорь оказался крайним и сидящим напротив главного инженера. Тот оказался интересным человеком, а профессор любил встречаться и разговаривать с интересными людьми. Албанец окончил нефтяной институт в Бухаресте, несколько лет жил и работал в Италии, хорошо знал итальянский, а затем много лет проработал в Румынии. Коллеги поговорили о советских временах, о Чаушеску и Энвере Ходже, о нынешних временах, о Румынии и Италии. Леку особенно заинтересовал рассказ Игоря о Кубе и эпизоды, связанные с советским Севером. Позже им пришлось неоднократно встречаться к взаимному удовольствию.

Вернулся профессор домой с заданием изучить ситуацию и технологии сероочистки природного газа. Это представляло для него некоторую проблему, поскольку химию Игорь знал плохо, а на экзаменах в институте по химии постоянно списывал. Выручил, как всегда, интернет. Игорь совершенно не представлял, как бы функционировала его фирма и как бы сложилась вообще его жизнь в Израиле без интернета.

Россия, как ни крути, была одной из ведущих стран мира в сфере добычи и переработки жидких и газообразных углеводородов, и количество публикаций по этому вопросу на русском языке было более чем соизмеримо с количеством публикаций на английском языке. Поскольку профессор знал оба эти языка, это облегчало ему освоение нефтегазовой бездны премудрости. При этом он вспомнил одного своего советского, очень немолодого коллегу по институту в Челябинске – автора интересной методологии получения научного продукта. Этот коллега у них в институте заведовал лабораторией материалов и написал диссертацию по изготовлению некоторых изделий из пластмассы. Он был практик и очень слабо разбирался в научной методологии. Так вот, однажды он принес профессору черновик своей диссертации и попросил его прочитать.

– Но я мало что понимаю в вашем деле, – сопротивлялся Игорь.

– Я знаю, но вы, во-первых, хорошо понимаете, как надо писать диссертации, а во-вторых, известны как умный и логичный человек, способный разобраться в чем угодно.

Он, по всей вероятности, намекал на недавнее задание институту спроектировать средство для погрузки судов, способное заезжать в их трюмы с негабаритными грузами. Когда институт получал подобные задания из министерства, то их выполнение обычно поручали лаборатории профессора.

«Ничего себе репутация», – подумал Игорь и не смог отказать коллеге. По прочтении рукописи он честно сказал коллеге, что это полный бред, на что тот ему заметил: «Я знаю и прошу вас сделать первую, самую грубую правку». Профессор сделал, и коллега через три месяца принес ему вполне приемлемый вариант.

– Как вам это удалось?

– У меня есть методика. У меня есть список умных людей и узких специалистов, а также алгоритм, в какой последовательности кому отдавать материал. Я для начала пишу, что могу, и затем отдаю это первому рецензенту, который строит структурно бумагу и возвращает мне. Затем я переписываю документ и отдаю следующему кандидату. Каждый кандидат имеет некую репутацию-специализацию: один больше силен в математике и исправляет мне всю математику, другой лучше знает сопромат и так далее. Так примерно пятый-шестой «чтец» уже преподносит мне вполне приличное творение. Тогда я возвращаюсь к первому «умнику» и даю ему бумагу на проверку, вот принес вам.

– Гениально!

Профессор сначала начитался материалов в интернете, а потом разослал десятка два писем в российские, канадские, голландские и немецкие фирмы, специализирующиеся в этом вопросе. Часть из них ответили, и в их ответах содержалась полезная информация. В общем, через пару месяцев Игорь был готов к поездке в Албанию.

В этот период аптекарь из арабской деревни снова передал просьбу Амира о встрече. На встрече Амир был один.

– В принципе, мы согласны на ваши условия, только хотели бы сократить ваше вознаграждение до 600 тысяч долларов.

– До 800, из них я собираюсь 100–200 тысяч потратить на бонусы для членов команды.

Амир позвонил куда-то и после короткого разговора сказал:

– Согласны! Что планируете дальше?

– Дальше я думаю сделать три шага и после этого принимать окончательное решение. Первый шаг – мне надо поговорить с несколькими местными коллегами, это несложно – они все близко живут и часть из них условно пенсионеры.

– Игорь, а почему условно?

– А потому, что пенсию не получают! Второй шаг – съездить в Чехию и поговорить насчет двигателя. Вот я в ближайшее время собираюсь в Сербию, Черногорию и Албанию, оттуда позвоню чехам и, если договоримся, слетаю в Чехию. И третий шаг – это контакт с Миассом, ракетным центром Макеева. Я позвоню им из Сербии. Для третьего и частично второго шага мне потребуются деньги. И, кроме того, мне нужно, чтобы Абед прислал мне макет моей визитки как профессора их университета, а здесь мы ее напечатаем. После этих трех шагов, а может быть, только двух первых, примем окончательное решение. Договорились?

Первым кандидатом в команду, ориентированным на систему управления, был сосед Игоря по ишуву – отставной инженер-полковник авиации Олег Брон, который в Союзе работал в области электронных самолетных систем. В Израиле он лет двадцать проработал в какой-то киббуцной фирме наладчиком электронных приборов, производимых этой фирмой. Олег был активный бегун от инфаркта и каждый вечер совершал кольцевой пробег по улицам ишува. По просьбе Игоря он забежал к нему домой, и они поговорили. Олег от инфаркта убежал, а вот от микроинсульта нет – он случился с ним во время управления автомобилем. После выхода на пенсию он очень скучал по работе и с энтузиазмом воспринял предложение профессора. Игорь, конечно, не сказал ему всей правды, а изобразил дело так, что они будут делать маленький беспилотный самолет с вертикальным взлетом и посадкой по заказу Иорданского университета.

Следующий обязательный человек, в котором нуждалась бригада, был конструктор, способный делать детальные чертежи для изготовления деталей. Такого человека Игорь нашел быстро – это был опытный бывший советский конструктор из Одессы Виктор Смолин, который одно время работал в фирме профессора. Он хорошо освоил «Автокад» и много лет в Израиле подвизался на ниве мелких конструкторских работ и заказов. Пенсию в Израиле он не наработал, нуждался в деньгах и, соответственно, в работе. Жил он в Холоне, и машина у него была. Игорь рассказал ему ту же легенду, и они в принципе договорились. Зарплату он пообещал обоим в шесть тысяч шекелей чистыми, и работу на неполную рабочую неделю. Дальше был нужен профессиональный ракетчик, но Игорь рассчитывал на своего соученика из Миасса Сережу Грачева, который уже был пенсионером. Звонить из Израиля профессор ему не хотел.

Через неделю профессор улетел в Белград, оттуда в Подгорицу и уже из Подгорицы позвонил в Велка-Битее –

маленький городок недалеко от Брно. В этом городке находилось отделение компании PBS, специализирующееся в области силовых установок и другого авиационного оборудования. Также это подразделение занималось высокоточной обработкой твердых сплавов, включая титановые. Он дозвонился до главного инженера и договорился с ним о встрече. Главный инженер был чех, и он сразу определил русский акцент в английском профессора. Профессор прилично говорил на английском, но русский акцент был неистребим, и понимающие люди его быстро определяли. Представился Игорь российским инженером, ныне работающим по контракту в Иордании. Все уже привыкли к тому, что российские инженеры есть где угодно, и такое представление чеха нисколько не удивило.

В Черногории Олег с Игорем посетили большой медный рудный карьер, где работало около тридцати карьерных самосвалов, в большинстве своем японской фирмы «Комацу». Руководство карьера хотело бы конвертировать эти машины для работы на сжиженном природном газе при условии, что фирма Олега организует их заправку газом, доставляемым для алюминиевого комбината. Кроме того, Олег сообщил ему, что принято решение о постройке терминала для приемки танкеров со сжиженным газом в черногорском порту Бар. Профессор подумал, что теперь работы ему до конца жизни точно хватит и главное – всё это физически выдержать. А выдержать было трудно. Один из его американских знакомых, переживших злокачественную лимфому и химиотерапию, предупреждал его, что после этого люди быстро устают: «Имей в виду, что, прилетев куда-нибудь далеко, ты не сможешь в тот же день нормально работать, и планируй работу на следующий день». Нарушая это правило, профессор чувствовал к вечеру огромную усталость и всячески отнекивался от дружеских походов в рестораны, которые в поездках часто бывали. Но делать было нечего, переехав в Израиль, он как бы начал жизнь сначала, и это было уже не так легко, как переживать первую жизнь.

Профессор заказал билет из Белграда в Прагу и оттуда вылетел в Брно. Там он арендовал машину и доехал до Велка-Битеса. В договоренное время Игорь предстал перед главным инженером – коренастым светловолосым чехом, который немного говорил по-русски. Они в принципе договорились о поставке трех турбореактивных двигателей в Иорданию, однако Игорь взял некоторое время для уточнения заказываемых моделей и модификаций.

Из Велка-Битеса Игорь позвонил Сереже Грачеву в Миасс, где тот проживал. Его жена Лена умерла несколько лет назад, а двое

сыновей женились и разъехались кто куда. Ленина девичья фамилия была тоже Грачева, и она училась в одном классе с Игорем и Сережей. Она с мамой приехала в 1956 году в Челябинск из Шанхая и была дочкой русской эмигрантки и француза армянского происхождения. Маму Лены одолела тоска по родине, а француз не захотел ехать с ней в СССР и остался в Шанхае. Лена была потрясающе красива – огромные черные глаза, обрамленные пушистыми ресницами, вьющиеся иссиня-черные волосы, персиковая кожа, стройная фигура. Несмотря на это, она имела полный неуспех у мальчиков в школе и потом у молодых людей после окончания школы. Причиной был совершенно невыносимый характер Лены. Ребята в школе ее просто боялись. Сережа женился на ней, будучи уже на последнем курсе института перед распределением.

Мама Лены окончила Шанхайский политехнический институт и знала японский язык, но в Челябинске в то время ее знания никому не были нужны. На работу брать ее никто не хотел. Семья бедствовала и жила за счет продажи вещей, привезенных из Китая, и посылок Лениного папы. Игорь был, наверное, единственным учеником в классе, дружившим с Леной, он иногда бывал у них дома, и мама Лены рассказывала ему об эмиграции и китайской жизни. Лена также бывала дома у Игоря, и его мама изо всех сил старалась накормить девочку разными вкусностями, делать которые она была великая мастерица.

Игорь не общался с Сережей больше тридцати лет и был весьма удивлен, что тот узнал его при телефонном общении.

– Слушай, как ты меня узнал по голосу?

– Да не столько по голосу, сколько по манере разговора!

– Как жив-здоров?

– Ну, про Лену ты, вероятно, знаешь, дети разъехались, четверо внуков, я пенсионерю в Миассе. Пенсия приличная, жить можно.

Игорь в самых общих чертах обрисовал Сергею задачу.

– Ну, ты знаешь, у нас игрушки много больше, и конкретного опыта у меня нет. Но я думаю, что общая эрудиция и фундаментальные знания нас вывезут. Кроме того, тут есть с кем посоветоваться.

Приятели договорились дальше общаться по электронной почте, и по возвращении в Израиль Игорь отправил Сергею большое письмо с объяснением задачи и условий работы. В скором времени он получил от него принципиальное согласие. Договорились встретиться в Москве и обсудить всё детально.

По возвращении Игорь рассказал Амиру о результатах поездки и дал принципиальное согласие на проведение работы.

В арабской деревне Тира, в двадцати километрах от городка Кфар-Саба, был выделен небольшой дом с производственным помещением и большим двором, окруженным забором и вмещающим несколько автомобилей. Под цехом находился еще один, подземный этаж с двумя входами, один из которых соединялся с цехом, а другой с домом.

Подвальное помещение было оснащено системой канализации и кондиционирования. Игорь перевез в цех всё оставшееся имущество и оборудование от прошлого проекта по баллонам для адсорбированного газа, что выглядело достаточно убедительно: стенд для испытания баллонов, вибрационные установки для уплотнения сорбента, компрессор, бустера для накачки газа, приборы, оборудование и даже мотороллер с газовым баллоном. В помещении также хранились баллоны различного размера. Была зарегистрирована фирма по производству на экспорт баллонов для хранения природного газа во главе с одним жителем Тиры. Сотрудникам Игоря и еще одному палестинскому инженеру – выпускнику МАДИ платили зарплату в соответствии с израильскими законами.

Из Иордании привезли двигатели – как уж их провозили через границу, профессор не знал. И началась работа. Игорь слетал в Челябинск и встретился с Сережей и еще одним его помощником-пенсионером, тоже бывшим сотрудником ракетного центра, и согласовал с ними задачи и порядок работ.

Всё было сделано в течение менее чем одного года. Первые испытания решили провести в зоне А Палестинской автономии.

Коммент-эр: во время Соглашений в Осло и более поздних договоренностей было принято соглашение разделить территорию Западного берега на три зоны. Зона А под полным гражданским и военным (полицейским) контролем Палестинской национальной автономии (ПНА), зона В под гражданским контролем ПНА и военным контролем Израиля, зона С под полным военным и гражданским контролем Израиля.

Грузовик с ракетой, заваленной баллонами, беспрепятственно пересек границу Израиля и ПНА и прибыл на территорию в окрестностях города Дженин. Во время пробного запуска планировался полет ракеты с ручным управлением по радио и мягкой посадкой аппарата на землю. Последующие испытания, когда полеты осуществлялись с помощью автоматического управления, проходили в Иордании. Участвовать в испытаниях на территории автономии Игорь не мог, а вот в Иорданию он ездил свободно под видом туристических экскурсий. Здесь неоценимую

помощь оказал профессор Абед, с помощью которого осуществлялась доводка ракеты и обучение ее полетам. В Иордании всё можно было делать беспрепятственно.

К некоторому удивлению Игоря, доводка аппарата осуществлялась очень гладко, и вскоре ракета была готова. Из района несколько южнее Тюлькарма она была запущена и успешно приземлилась на площади Рабина в центре Иерусалима. Запуск носил пропагандистский характер, был произведен в предутренние часы, когда, по расчетам, площадь была пустынной. Заряд взрывчатки был рассчитан только на уничтожение самой ракеты. Надо сказать, что создание ракеты было огромной работой, которую полагалось делать целому научно-исследовательскому коллективу, и успешная быстрая разработка такого сложного продукта рассматривалась Игорем как стечение ряда благоприятных обстоятельств.

После получения денег в Сараево Игорь направился в банк на окраине Белграда, где разделил деньги на три части. Одну, большую часть он отправил в Канаду сыну, одну оставил в белградском банке и одну взял с собой в Израиль – надо было срочно ремонтировать дом, которому было уже тридцать лет, надо было купить новый компьютер, надо было помочь дочке с покупкой машины, надо было менять его машину…

В это время активно разворачивалась работа по изобретению профессора на Балканах – передвижной оригинальной газозаправке, и Игорь с головой окунулся в эту работу. Делался и испытывался в Сербии опытный образец.

Профессор много лет назад выступал с инициативой и предлагал ЦАХАЛу разработку нового вида оружия – самоходной мины в виде шара, которая сама катится по земле – он называл ее «майнролл». Тогда на это изобретение не обратили ни малейшего внимания. Однако с тех пор многое изменилось. Во-первых, прошла интифада, во-вторых, появился сигвей и его модификации вроде моноколеса, в-третьих, кое-кто начал экспериментировать с «шароходами», и в-четвертых, самое главное, профессор уже не был наивным и малоопытным изрусом и понимал, что почем в Израиле.

Конечно, нечего было и думать начинать такое предприятие без адекватного генерала за спиной. В Израиле так не делается. Игорь пошел советоваться со своим компаньоном и другом Майком.

– Игорь, ты сам рассказывал мне анекдот про эфиопа, который читал в Москве в трамвае израильскую газету на иврите и к нему подошла бабушка с вопросом: «Милок, разве тебе мало, что ты негр?» У нас полно работы в Сербии, а ты еще затеваешь

возню с миной!

– Майк, клянусь, я только закину удочку

– Тогда обратись к Хаиму, он хотя только полковник, но, по-моему, служил где-то в департаменте вооружений.

И Игорь пошел к Хаиму Тот подумал минут пять и сказал:

– Я знаю, кого нам надо. Прямо сейчас позвоню.

Он набрал номер, поговорил и скомандовал Игорю:

– Прямо завтра с утра в Тель-Авиве. Одед вообще-то живет на юге, но у него есть постоянный номер в гостинице, у него фирма по экспорту вооружений.

Игорь тут же побежал домой и приготовил «One-page proposal»[47].

Генерал оказался очень внешне похожим на бывшего начальника Генштаба Эхуда Барака – невысокого роста полным мужчиной.

– Ну, открывай свой секрет.

– Секрета тут особого нет. Первые самоходные мины были созданы во время войны в Германии и представляли собой маленькую танкетку, управляемую по проводам на расстоянии. Справедливости ради надо сказать, что первый образец такой танкетки был создан во Франции в 1938 году, однако немцы захватили его и скопировали. «Голиаф» имел примерные размеры 150 на 85 на 56 сантиметров, мог нести до 100 килограммов взрывчатых веществ и предназначался для уничтожения танков, плотных пехотных формирований и разрушения зданий. Сначала «Голиафы» использовали электрический двигатель, потом он был заменен на бензиновый мотор. За войну было произведено 7564 «Голиафа», но немецкое командование не считало это оружие успешным в основном из-за сложностей наведения, низкой скорости и уязвимости от стрелкового оружия. Главным недостатком считалось то, что оператор не мог точно ориентировать мину касательно атакуемого объекта. Но история, как известно, развивается по спирали, и современные средства навигации позволяют полностью избавиться от большинства этих недостатков. Кроме того, изменилась и сфера применения такой мины. Поэтому я разработал новый вид самоходного сухопутного заряда, который представляет собой шар любого диаметра. Шарообразный движитель не является новинкой. Существует германский патент на шаровой танк аж 1905 года. В тридцатых годах немцы, японцы и американцы достаточно активно работали над «шаротанками», оснащенными двумя полушариями для обеспечения поворота машины.

Двигатель, находившийся в кабине, вращал наружные оболочки полушаров, двигая танк по земле. Моя мина снаружи

представляет собой замкнутый шар, приводимый изнутри роликами, расположенными в нескольких плоскостях, что позволяет двигать шар в любом направлении. Реакцию от контакта шара с грунтом при движении воспринимает мощный гироскоп, управляемый в свою очередь от гироскопической системы управления и стабилизации самобалансирующих сигвеев, гироскутеров и моноколес. Совсем недавно появилась публикация и фотография «шаросигвея», созданного в моем родном городе Челябинске, который может двигаться во всех направлениях и вращаться вокруг оси. Я предлагал свою мину ЦАХАЛу лет двадцать назад, но она интереса не вызвала. Ну, сами понимаете, что при современном состоянии электроники управлять этой миной можно как хочешь – и путем самонаведения по теплу, звуку и чему угодно, и путем движения по заданному маршруту, и по смартфону, и по радио, и так далее. Ну а сфера применения ее совершенно очевидна.

– О, черт! Это может быть очень интересная штука. Прежде всего, ее надо засекретить. Вы отдаете себе отчет, насколько это опасная игрушка в руках разных экстремистских группировок, террористов, партизан и прочих и какие перспективы она для них открывает?

– Ну, во-первых, пожалуйста, давайте засекретим. А во-вторых, все равно рано или поздно такую мину сделают и без нас. Вы же знаете, прогресс в сфере вооружений остановить невозможно. А в-третьих, не надо преувеличивать. Максим тоже считал, что после внедрения его изобретения войны вообще потеряют смысл…

Коммент-эр: Хайрем Стивенсон Максим – американо-британский изобретатель, создавший в 1883 году первое в мире автоматическое оружие – станковый пулемет Максима, заслужившее звание самого «кровожадного» оружия в истории. Из других его изобретений самыми известными являются мышеловка и щипцы для завивки волос. Пулемет Максима использовался в ходе Первой мировой и Второй мировой войн, а также во многих малых войнах и вооруженных конфликтах XX века. Нужно отметить, что американская армия, отказалась от пулемета, и фирма Максима продавала его всем желающим. Л. Д. Троцкий, будучи военным министром, приложил все усилия для вооружения Красной армии этими пулеметами во время Октябрьской революции в России.

Израильские военные, как и израильтяне вообще, эрудицией не блещут, и Игорю пришлось объяснять генералу, кто такой

Максим, но вот с пулеметом генерал был отдаленно знаком.

– Ок. Я поговорю с кем надо и потом сообщу Хаиму о результатах.

– Если не секрет, а вы каким генералом были?

– По погонам – я был бригадный генерал-десантник, а вот заниматься во время службы мне приходилось многими вещами, так что вашу мину я могу оценить. Ну и я надеюсь, если что-то получится, я буду в доле.

– Несомненно, мой генерал!

Игорь вернулся домой, сел в кресло под огромное сливовое дерево в своем дворе и попросил у Даны большой бокал «Камю» X.O.[48], который по случаю оказался у них дома, а также бутерброд с красной икрой. Бокал он выпил залпом.

– Игорь, что случилось?

– Да ничего! Просто, как говорил Остап Бендер, заседание продолжается.

notes

Примечания

1

Концерн авиационной промышленности «Таасия Авирит» (*ивр. IAI*).

2

Религиозные ортодоксы.

3

Месторасположение Государственного ракетного центра имени академика В. П. Макеева – одного из крупнейших научно-конструкторских центров России по разработке ракетно-космической техники.

4

Математический термин. Упрощенно, это любой интервал, содержащий данную точку.

5

Лицо, ответственное за погрузку и разгрузку стоящих в порту судов.

6

«Серые волки» – «Бозкуртлар» – боевики турецкой «Партии националистического движения».

7

Маккавеи – род иудейских царей и верховных жрецов, названный так по прозвищу Иуды Маккавея, вождя победоносного восстания против власти сирийцев. Сирия была одним из государств – наследников великой державы Александра Македонского. В ней говорили на греческом языке и чтили греческих богов. Сирийские владыки отличались жестоким упорством в насаждении греческого языка и языческого культа в землях, подчиненных им.

8

Stop talking *(англ.)* – прекратить разговоры.

9

Ленд-лиз – государственная программа, по которой Соединенные Штаты Америки поставляли своим союзникам во Второй мировой войне бесплатно боевые припасы, технику, продовольствие, медицинское оборудование, лекарства и стратегическое сырье.

10

В. Маяковский, «Стихи о советском паспорте».

11

Алексей Алексеевич Игнатьев (1877–1954) – русский генерал, военную службу начал еще в XIX веке. Позже перешел на сторону революции. Служил в торгпредстве во Франции и в Советской армии в Союзе. Автор книги «Пятьдесят лет в строю».

12

Норберт Винер (1894–1964) – великий американский ученый, математик и философ, считающийся «отцом кибернетики» и теории искусственного интеллекта.

13

Толкачи – на сленге советского времени снабженцы предприятий, действующие полуформальными методами, поскольку предприятия не всегда могли официально закупить необходимое сырье и комплектующие и продать произведенный продукт.

14

Предприятие по производству компонентов ядерного оружия (оружейного плутония), изотопов, хранению и регенерации отработавшего ядерного топлива.

15

Trabant («Спутник») – культовый простейший восточногерманский легковой автомобиль, выпускаемый с конца 1950-х. Пластиковый кузов, двухтактный двигатель 26 л. с. объемом 600 кубических сантиметров, и больше ничего лишнего.

16

Исраэль Таль «Талик» (1924–2010) – танкист, генерал-майор Армии обороны Израиля, возглавлял работы по созданию танка «Меркава».

17

По преданию, эти слова произнес вождь гугенотов Генрих Наваррский (1553–1610), когда ему, чтобы войти в Париж и получить французский престол, пришлось перейти из протестантства в католичество.

Бифним – *ивр.,* внутри.

19

С 1994 по 1997 год – премьер-министр Республики Казахстан.

Раб *(англ.)*.

21

Так называлось движение, выступающее за равенство восточных евреев с ашкеназскими евреями.

22

Дом престарелых *(ивр.)*.

23

Йекке – евреи из Германии, живущие в Израиле с 1930-х годов.

Англ.'. Free at last.

25

Нэшира – выезд евреев из СССР не в Израиль, а в другие страны.

Дымшиц, Менделевия, Гальперин, Каминский и др.

27

Бусидо (ял., путь воина) – самурайский кодекс, набор законов, требований и правил поведения настоящего самурая, запрещающий ложь в любых проявлениях, неуемную жажду денег и предписывающий самураю совершать самоубийство, если его честь замарана.

Matching *(англ.)* – совпадение.

29

Революционные вооруженные силы.

«Дешево, очень хорошо, прекрасно» *(англ.)*.

31

«Дом свиданий» *(исп.)*.

Peace – мир; Duke – герцог, князь.

33

Слова, якобы сказанные Григорием Потемкиным Денису Фонвизину после премьеры комедии «Недоросль».

Gemeiner *(нем.)* – рядовой солдат – пехотинец.

«Пожалуйста, сигнальте» *(англ.)*.

«Угол яиц» *(англ.)*.

37

Транспортные средства вроде индийских авторикш, представляющие собой мотоцикл с коляской, крышей и бортами, являющиеся распространенным транспортным средством в филиппинской провинции.

38

7 апреля 1994 года в Руанде был осуществлен самый масштабный геноцид со времен Второй мировой войны. Представители народа хуту устроили кровавую расправу над другим народом, населявшим Руанду, – тутси. В ходе этих событий погибло около миллиона человек, что составило до 20 процентов от всего населения страны.

39

Старые деньги *(англ.)*.

40

По ассоциации с «Прощай, оружие!» – романом Эрнеста Хемингуэя, вышедшим в 1929 году.

41

«Американская трагедия» – роман американского писателя Теодора Драйзера, опубликованный в 1925 году.

42

Крупная клиника в Израиле со смешанным государственным и частным финансированием.

Jordan University of Science & Technology.

44

Отношение тяги двигателя к весу летательного аппарата.

45

Аэродинамическая хорда крыла – среднее расстояние от носка до задней кромки крыла.

Terrain Contour Matching *(англ)*.

47

Предложение на одной странице *(англ.)*.

Extra Old *(англ.)* – экстравыдержанный.